

РОДНОЙ ЛАНДШАФТ

ББК 63.3 (2Р-6КБ)
К 73

Мария и Виктор Котляровы

Котляровы М. и В.

К 73 Неизвестная Кабардино-Балкария: Увлекательные, захватывающие, остросюжетные рассказы о загадках истории и людях республики, которую называют жемчужиной Кавказа. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013. – 552 с.: илл.

ISBN 978-5-93680-677-3

Три книги Марии и Виктора Котляровых – «Необъяснимое. Непознанное. Невероятное» (2008), «Загадочное. Занимательное. Забытое» (2009), «Тайное. Таинственное. Труднообъяснимое» (2010) – составили обобщающий сборник «Таинственная Кабардино-Балкария», увидевший свет в 2011 году. Он – о необычных явлениях, происходивших на земле Кабардино-Балкарии, о реальных событиях прошлых лет, и поныне покрытых завесой неизвестности, каждое из которых тем не менее имеет реальное подтверждение: документальными источниками, архивными материалами, свидетельствами очевидцев.

Авторы были уверены, что на этом тема исчерпана, но, как оказалось, ошибались – новые занимательные, удивительные факты, события, людские судьбы открывались перед ними одни за другими. Так сложилась книга «Неизвестная Кабардино-Балкария». Безымянные герои ее первой части, получившей название «Вглубь ушедших времен», – киммерийцы и богатыри-нарти, скифы и жрецы из племени длинноголовых, люди-великаны и крестоносцы, двойные агенты и члены мистического общества «Аненэрбе» («Аненэрбе»)...

Вторую часть – «Отсвет прошлого имен» – составили очерки о реальных людях, чьи судьбы тесно связаны с историей нашей республики – это мудрец Жабаги Казаноко и фольклорист Евгений Баранов, толстовец Георгий Дадиани и революционерка Инесса Арманд, партийный деятель Бетал Калмыков и таубий Измаил Урусбиев, писатель Константин Чхеидзе и белый генерал Заурбек Даутоков-Серебряков...

Многие истории, вошедшие в книгу, выглядят фантастическими, судьбы непостижимыми, но грань между реальным и выдуманным авторы не переходят ни в одной из более семидесяти историй, предлагаемых вниманию читателей.

Составной частью повествования являются приложения – малоизвестные и забытые публикации, раскрывающие и дополняющие поднятые авторами темы. Книга богато иллюстрирована.

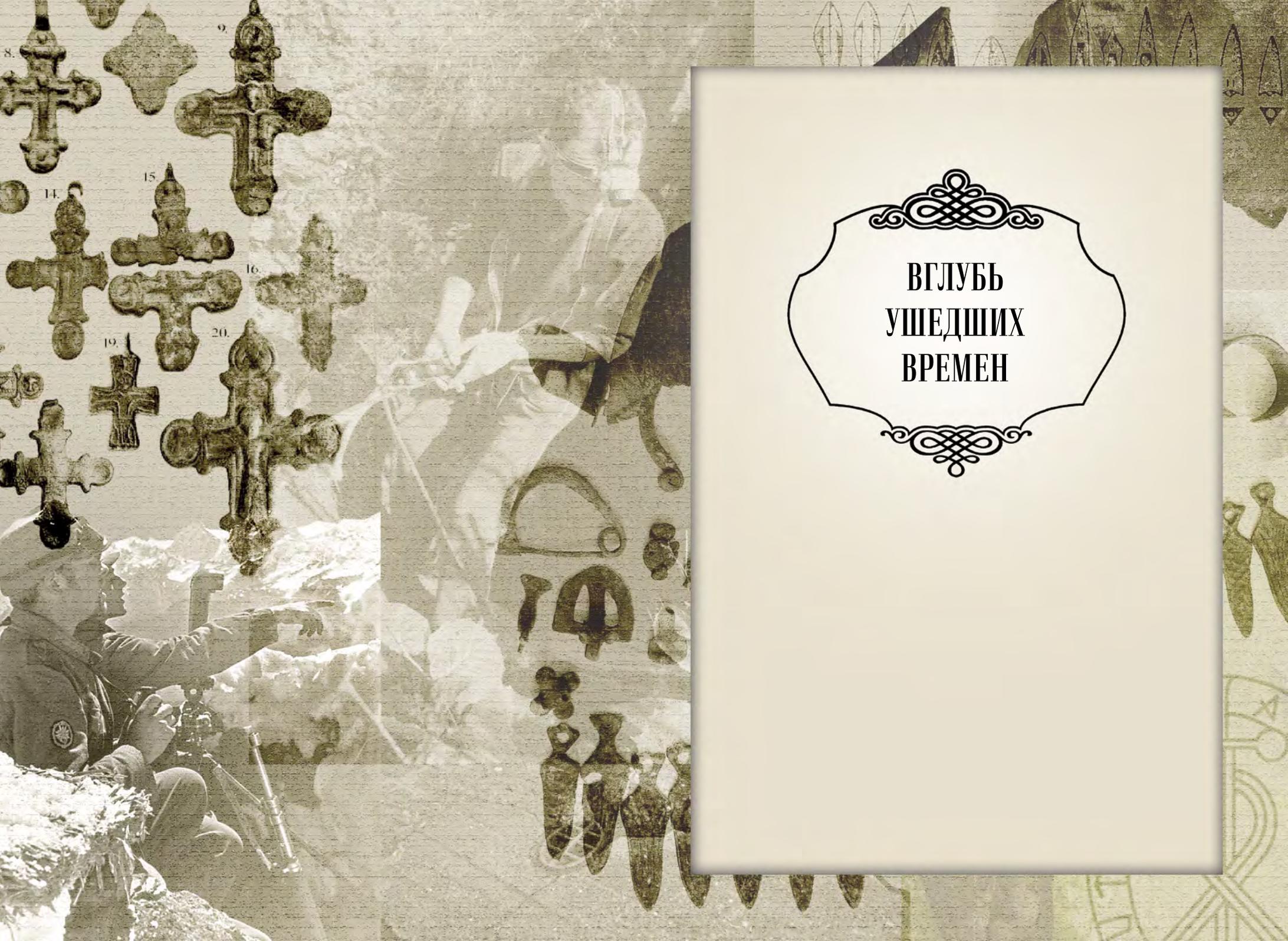
© М. и В. Котляровы, 2013
© Издательство М. и В. Котляровых
(ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013

НЕИЗВЕСТНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

Увлекательные, захватывающие,
остросюжетные рассказы о загадках истории
и людях республики, которую называют
жемчужиной Кавказа

(ООО «Полиграфсервис и Т»)
Нальчик 2013

ВГЛУБЬ
УШЕДШИХ
ВРЕМЕН

В поисках скифского чуда
 Магический символ царя Арианта
 Царь-котел и вершины Казаны
 Тызыльские пауки и легендарный Маджар...
 Тызыльский комплекс пещер-жилищ
 На Кавказе жили великаны...
 Длинноголовые
 Полотенце Сосруко
 Колесо для Сосруко
 Заюковская Хара-Хора в индоевропейском контексте
 Заоблачный город
 Франги – католики Северного Кавказа
 Католический монастырь в Хабазе
 В поисках высокогорного склепа
 Что искали гитлеровцы в горах Кабардино-Балкарии
 Два дня с теледивой и один без нее
 Из «фокке-вульфа» вышел... кабардинец
 Свой среди чужих
 О шахте, киммерийцах и нартах
 Каменная забава нартов
 Кавказский Стоунхендж?
 Комплекс разновременных памятников
 Калез, крестами осененный
 Свет, струящийся через тысячелетия
 Джинны массива Гижгит
 Золотая нить
 Эффект тутовой стружки
 Имя тебе – черкешенка
 Роковой выстрел
 С Кавказа в Сибирь
 Нальчик сквозь века
 Зубные щетки великих князей
 Немецкое кладбище в Нальчике
 Место, где танцуют молнии
 Тогай – метеоритный кратер?
 Кладбище мамонтов за селением Верхний Курп

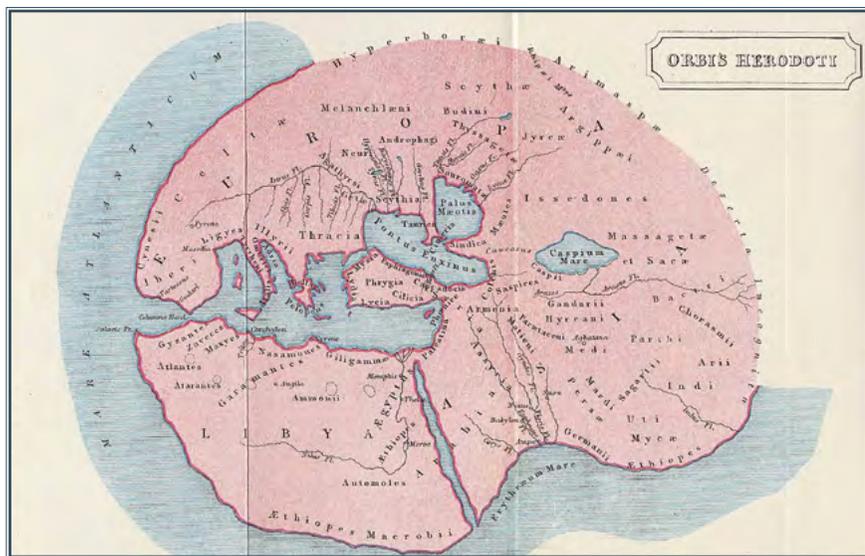
В ПОИСКАХ СКИФСКОГО ЧУДА

Предание о том, что в одном из труднодоступных ущелий Балкарии сохранились гигантские медные котлы, живет уже долгие десятилетия, хотя никаких материальных подтверждений этому до сих пор не имеется. Более того, поисками столь внушительных емкостей (считается, что их изготовили скифы) занималось немало людей. Уже в наше время одним из представителей рода Абаевых была обещана весомая награда (автомашина «Жигули») тому, кто обнаружит котел.

Почему в находке оказались заинтересованы представители именно этой фамилии? В работе исследователя М. Джуртубаева «Путями предков» приводится полевая запись, сделанная в селении Верхняя Балкария, в которой информатор А. Османов передает рассказ своего деда Омара о том, что «в давние времена возле скотного двора Абаевых стоял огромный медный котел. В нем содержались большие овцы, числом более десятка. Котел назывался *тайпокъ къазан*. Его потом распилили для изготовления разной домашней утвари». Ученый предлагает такое толкование этого названия: *тайпа* – племя; *окъ* – стрела; когда слово обозначает собирательное множество, оно ставится в единственном числе. *Къазан* – котел. Таким образом, словосочетание означает «котел (изготовленный) из стрел племени».

Другой балкарский ученый археолог Исмаил Мизиев уверен, что речь идет именно о скифском котле: «Помещая в него больных животных, балкарцы, видимо, полагали, что котел обладает какой-то исцеляющей силой. Котел принадлежал Абаевым, то есть роду, который в течение долгого времени имел большую власть. Представители этого рода занимали должность *олия* – верховного князя, правителя Балкарии. Если мы допустим, что это был другой (не скифский) котел, нет ответа на вопрос: какая была необходимость при дороговизне металла в горах тратить его на изготовление чрезвычайно массивной вещи?».

Оба исследователя в своих выводах опираются в первую очередь на сообщение древнегреческого историка Геродота, который две с половиной тысячи лет назад писал: «...Количество скифов я не мог точно узнать,

Карта мира по Геродоту (450 г. н. э.)

но слышал об их числе различные сообщения: что их и очень много и что их мало. Однако вот что мне наглядно показали. Есть между реками Борисфеном (современный Днепр) и Гипанисом (современный Южный Буг) местность под названием Эксампей (Эксампей). Там находится медный котел. Тем, кто его никогда не видел, я разъясняю: этот котел свободно вмещает шестьсот амфор; толщина котла шесть пальцев. Он сделан из наконечников стрел. Пожелав узнать численность скифов, их царь Ариант приказал, чтобы каждый скиф принес один наконечник стрелы. И он из них сделал памятник – гигантский котел, который установил в Эксампее».

...В начале двухтысячных годов в нашем издательстве вышла книга «Аспекты культурной антропологии народов Кабардино-Балкарской Республики». Ее автор Йоханн Маттис, немец по национальности, приехал в наши края руководить христианской миссией. Увлечись историей, этнографией местных народов, написал ряд весьма аргументированных работ, среди которых «Тильзитский мир и утилизация медных русских монет балкарцами», «Турлук – конструкционный материал адыгов», «Применение горцами ртути и олова», «Грозные божества черкесов и балкарцев и молния как явление», «Напитки черкесов и балкарцев и современные технологии».

Эти исследования молодого немецкого ученого легли в основу успешно защищенной кандидатской диссертации и составили его монографическую работу. Есть в ней и глава, носящая название «Реконструкция скифского котла, известного в Балкарии в XIX веке». Уже из нее видно, сколь глубоки и всесторонни познания Йоханна, подходящего к легенде с рациональных позиций: если котел существовал на самом деле, кто, когда, как, из чего его мог изготовить? Пытаясь ответить на эти непростые вопросы, Маттис привлекает данные не только из истории, но и из физики, химии, металлургии. Говоря о вместимости котла, а следовательно, размерах и массе, он отталкивается от имеющихся косвенных сведений – таких, как «в нем содержались большие овцы, числом более десятка», балкарской поговорки: «Как котел Абаевых, в котором 9 (или 12) овец ели корм», сведений Геродота – «огромный котел емкостью 600 амфор». И делает следующий вывод, который в силу его убедительной аргументации нам хотелось бы привести целиком: «В оценках размеров учитываем, что обычно боковые стенки котла, если рассматривать его меридиональное сечение, переходят в днище по радиусу или иной кривой».

Бронзовый котел из скифского кургана «Раскопана Могила»

Наконечники скифских стрел

Скифский бронзовый котел из экспозиции областного историко-краеведческого музея города Семей, Казахстан

Следовательно, минимальный диаметр котла, если исходить из того, что несколько ягнят могли свободно поместиться в нем, располагаясь головами к его центру, должен быть не менее 2 м. Если же согласиться, что в нем кормилось более десятка овец, то тогда диаметр котла должен быть примерно 2,6 м.

Исходя из условия обеспечения удобства пользования котлом и минимума расхода материала, его высоту необходимо брать примерно в два раза меньше диаметра. Таким образом, минимальные размеры котла должны быть: диаметр – 2 м, высота – около 1 м. По максимальным оценкам, диаметр котла должен быть равен 2,6 м, а высота примерно 1,4 м. Приняв радиусы скруглений в нижней части котлов равными 0,25 м, можно найти объемы двух вариантов котлов – малого и большого. Они равны соответственно 3000 и 8000 л».

Указание о вместимости котла, равной емкости 600 амфор, не помогает уточнить его размеры, так как эти сосуды были разных размеров – вместимостью от 8 л до в несколько раз большей.

Теперь что касается того, из какого материала был изготовлен котел – из меди или бронзы: ведь люди, видевшие емкость, могли сильно окисленный бронзовый котел принять за медный и наоборот.

«Если предположить, – рассуждает Маттис, – что котел был бронзовым, то изготовить его можно было только литьем, так как бронза хрупка и ковке почти не поддается. При указанных размерах толщина стенки изделия должна быть не менее 7–8 мм, иначе его просто нельзя было отлить. Кроме того, для обеспечения необходимой прочности котел должен иметь местные усиления за счет утолщения стенок по верхнему краю котла. В этом случае масса литого котла получается около 1100–1200 кг. Вместе с литниками, прибылью и технологическими потерями для литья котла необходимо было иметь примерно 1300 кг бронзы.

...Если считать, что металлический наконечник стрелы в среднем имел массу 25–30 г, то число скифских воинов, сдавших металл, должно быть 45–55 тысяч...». Если при этом уточнить, что отливать изделия из бронзы массой в несколько сот и более килограммов научились в некоторых странах только в XIV–XV веках, то получается, что скифы не могли изготовить столь огромную емкость. Исследователь предоставляет им еще один

шанс, ведь древние могли использовать «не только собранные бронзовые и медные наконечники стрел, но также большое количество небольших слитков меди, которые в то время умели получать. Весь собранный металл переплавляли в небольших печах с дутьем и отливали в литые заготовки, которые имели форму длинных плоских брусков массой по 15–20 кг.

Полученные отливки по механическим свойствам скорее можно отнести к легированной легкоплавкими металлами меди, чем к бронзе, поскольку добавка к медным слиткам бронзы в количестве до 25–30 процентов не приводит к слишком большому увеличению содержания в сплаве олова или иных легкоплавких металлов. Таким образом, если в сплаве было не более 4–5 процентов олова, то такой материал имел однофазную структуру в виде твердого раствора олова в меди. Такой сплав пластичен и допускает обработку давлением, включая холодную ковку.

Из упомянутых длинных слитков легированной меди ковкой в несколько переходов получали трапециевидные полосы длиной около 2–2,3 м и толщиной 4–5 мм. Поскольку медь при ковке упрочняется (нагартовывается), применяли промежуточный отжиг заготовок. Из медных полос собирали котел, плотно соединяя детали клепкой. Полосы в основании котла крепились к плоскому диску, изготовленному ковкой из невысокой цилиндрической отливки. Заклепки применяли медные. При использовании заклепок из любого другого металла медный котел разрушился бы за несколько лет из-за электрохимической коррозии, которая всегда возникает при контакте разнородных металлов в присутствии влаги. Древние электрохимики, конечно, не знали и использовали медные заклепки просто из практических соображений.

...Сборный медный котел, изготовленный по описанной технологии, должен был иметь массу 400–500 кг. Если медные заготовки использовали меньшей толщины (около 2,5 мм), то масса котла могла быть в два раза меньше, то есть 200–250 кг».

Вот такие весьма убедительные аргументы в подтверждение тому, что гигантский котел был изготовлен скифами, приводит Маттис. И здесь с его выводами можно согласиться. Как и с предположениями о том, что способствовало сохранности котла нахождение его «в результате крупного оползня, инициированного ливнем или землетрясением... в относительно сухих осадочных породах, которыми изобилует Северный Кавказ», а последующий выход на поверхность произошел «в результате эрозии горных склонов или непрерывного процесса изменения русла рек». Другой вопрос, как столь малоподъемная емкость оказалась в Верхней Балкарии? При отсутствии в те времена в Черекском ущелье дорог – имелись места, где на тропинке с трудом могли разминуться две лошади, – доставить котел с рав-

нины в горы было практически невозможно. Следовательно, если котел существовал, то он не был привезен в эти места два или три столетия назад, а находился здесь многие века. Может быть, и изготовлен был здесь же.

А о том, что подобные котлы существовали на самом деле, свидетельствуют документальные источники. В частности, публикация в VII томе (выпуск 6) «Ежегодника по геологии и минералогии России» (ЕГМР), первого отечественного реферативного журнала в означенном направлении, издававшегося с 1897-го по 1917 год под редакцией Н. Криштафовича. Статья так и называется – «Гигантские котлы на Бештау». Ее автор – Петр Иванович Кротов (1852–1914), известный русский геолог и геоморфолог, профессор Казанского университета, автор ряда работ по стратиграфии, палеонтологии, тектонике, общей геологии и физической географии.

Означенной публикации более столетия. И речь в ней не о наших емкостях, хотя, без всякого сомнения, родственных друг другу. Громадная емкость, принадлежащая князьям Абаевым, как мы помним, была распилена для изготовления домашней утвари, но тем не менее легенда о котле, поныне находящемся в верховьях Черекского ущелья, продолжает жить.

Что подпитывает ее? Прежде всего, личное свидетельство одного из старожилов селения Верхняя Балкария – Хаджи-Мурата Геляева, 1930 года рождения. Как он утверждает, такой котел (причем не один, а два) он видел в ущелье Дых-Су, более того – знает, где спрятаны емкости, и даже сумел доставить к себе домой самую маленькую из них. Котлы будто бы находятся в земле – на одном из склонов. Так как берег постоянно подмывается рекой, их невозможно заметить, и если не знать точное место, то найти практически невозможно. Сам он это место помнит, может показать, но добраться в ущелье по причине преклонного возраста и болезней ему уже не под силу, а на словах объяснить, где именно надо искать, не получается.

Верить или нет симу рассказу? Непросто ответить однозначно. Проверить же еще сложнее. Дело в том, что ущелье Дых-Су, пожалуй, самое труднодоступное в Кабардино-Балкарии. Не имеется не то что дорог, а даже тропинок, как таковых. Местные жители, в силу сложности природного ландшафта, здесь не бывают, так как до ущелья от селения достаточно далеко (более двадцати километров), а самое главное, хождение по нему сопряжено с немалым риском для жизни. Оползни, крутые склоны, тут и там изборожденные постоянно находящимися в движении каменными осыпями, смыкающиеся скалы, между коих даже бурлящий водяной поток с трудом находит себе дорогу, узкие карнизы, которые невозможно преодолеть без страховки и альпинистских навыков, ледниковые выносы делают ущелье по большому счету непреодолимым.

Безенгийская стена (справа вверху), ущелье Дых-Су

В наше время, как говорят сами верхнебалкарцы, пройти Дых-Су от начала и до конца смогли всего несколько человек. И это несмотря на то, что награда, объявленная кисловодскими Абаевыми, всколыхнула многих. Один из них Магомед Мусуков. Но котлов он не нашел, как и другие молодые люди, использовавшие в поисках даже металлодетекторы. Естественно, это не укрепило веру в сообщение старика о том, что он знает где находятся котлы. И поэтому вопрос о нахождении скифских котлов в верховьях Черекского ущелья и поныне остается открытым.

Но совершенно неожиданно выяснилось, что на территории Кабардино-Балкарии есть и другие места, где, возможно, спрятана знаменитая скифская реликвия...

На след. развороте:

На снимке от центра вверх уходит ущелье Дых-Су, далее ледник Дых-Котю-Бугайсу и Безенгийская стена, пятитысячники Дыхтау, Коштантау (правая часть снимка)

МАГИЧЕСКИЙ СИМВОЛ ЦАРЯ АРИАНТА

Материал «В поисках скифского чуда», опубликованный в одной из республиканских газет, вызвал неоднозначную реакцию: от восторженной – «Неужели это правда?!» до иронической – «Эка невидаль, котел...».

Все дело в том, что скептики даже не поняли, что речь идет не о бытовом (пусть и огромном) изделии из металла, а о предмете, имеющем мифологическое, историческое и сакрально-мистическое значение. Не случайно, что его даже называли – не больше и не меньше – восьмым чудом света.

Вот какая информация размещена на Строительном портале (www.stroitelstvo-new.ru): «Миру известны семь чудес света. Сколько же их было на самом деле? Многие называют восьмым чудом света крупнейший бронзовый котел скифов.

Подсчеты показывают, что диаметр скифского Царь-котла составлял 2,0–2,5 м, а высота – около 3,0 м. Масса такого котла превышала 10 т. Если даже считать, что котел имел массу, наполовину меньшую, изготовление его формы, как и весь процесс его литья, представлял для скифов не меньшую техническую задачу, чем для древних египтян строительство пирамиды Хеопса. Изготовить колоссальную форму для 10-тонной отливки две тысячи лет назад могли лишь искусные литейщики, накопившие большой опыт литья крупных котлов. Чрезвычайно сложная проблема этого времени состояла также в выплавке такого количества металла и заливке его в уникальную форму; она могла быть решена только при параллельной работе нескольких печей, металл из которых одновременно выливали для литья Царь-котла. Как вода из нескольких рек втекает в озеро, так по многочисленным ручейкам жидкий металл из каждой печи втекал в огромную форму. И это было единственным способом решения необычной задачи, так как все другие пути представляются невероятными. Скифы отливали много разных пищеварных и ритуальных котлов емкостью до 50–100 л. Почти всегда они украшали их характерными орнаментами, литыми фигурками животных. Поэтому скифские котлы – не только предметы домашней утвари, но и литые художественные произведения. Геродот не упоми-

нает о художественной стороне скифского Царь-котла. Но можно предположить, что если царь скифов задумал литье этого котла как памятник себе и для прославления Скифии, художественная сторона его формообразования наверняка не была обойдена. Мы представляем себе эту отливку, как грандиозное по тому времени и уникальное литое сооружение с элементами художественных украшений, как Царь-котел далекой Скифии, как восьмое чудо света, к сожалению, не дошедшее до наших дней».

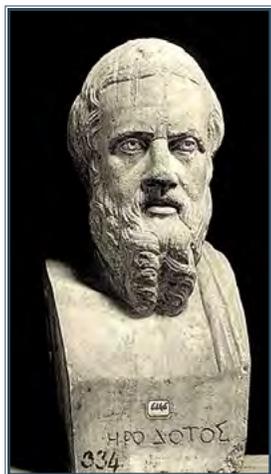
Но и это еще не все. Котел – это не просто емкость для чего-то, это и сакральный символ. На сайте Института проблем освоения Севера (www.ipdn.ru) опубликована статья, которая называется весьма необычно «Где могли «наследить» «арийские медведи»? Но это не занимательное чтение, как можно решить из заголовка, а серьезная научная работа, автором которой является ученый Ф. И. Мец.

Вот что он, в частности, пишет: «Общепризнано, что бронзовые котлы скифской эпохи, помимо утилитарных, имели еще и магическую функцию. Котел – одна из тех категорий вещей, которую мифологическое сознание охотно помещает в центр мира. Благодаря котлу может происходить взаимодействие миров, и в этой процедуре он не только посредник, но и защитник, охранитель от вредоносного влияния Нижнего мира. В кочевых обществах котел мог символизировать еще и власть. Очевидно, при выполнении каких-либо религиозно-магических обрядов в первую очередь использовались котлы, особым образом оформленные».

Получается, таких (употребим слово *мистических*) котлов было множество? И самый главный из них – Царь-котел.

В изданной в 2007 году книге И. В. Чеснокова «Воронежские скифы» (с ней можно ознакомиться на сайте www.ostrogzhsk.ru) читаем: «Скифский период истории охватывает 700-летний временной промежуток с начала 1 тысячелетия до н. э. по III век до н. э. Для мировой истории период мизерный, но тем не менее само имя *скифы* продержалось в письменных источниках более 2 тысяч лет, а нарицательно оно существует и до сих пор. Столь долгая жизнь этого этнонима произошла благодаря обилию исторических сведений о скифах, содержащихся практически во всех античных и византийских исторических хрониках. Дальнейшие средневековые историки продолжали по инерции называть так все народы Русской равнины, и прежде всего русских. Казачьи историки, без всякого сомнения, относят воинственных скифов к своим далеким предкам».

А далее процитируем абзац, который многое ставит на свои места в объяснении сакрального смысла скифского котла. Итак: «Скифскими древностями интересовались не только русские археологи. В гитлеровской Германии нацисты тоже занялись скифской историей. Причем их влекло

Бюст Геродота из коллекции Фарнезе. Археологический музей Неаполя

Скифский гребень с изображением батальной сцены. Конец V – начало IV века до н. э. Золото. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Найден в кургане Солоха

Нашивная бляшка «Конный скиф». Золото. Государственный исторический музей. Москва >

не скифское золото, а система оккультных ценностей древних арийцев. Речь идет о котле царя Арианта, который нацисты включили в систему оккультных святынь, гарантирующих мировое господство Третьего рейха. Вкратце легенда звучит так: «В центре Украины, где историки допускают центр Скифии, в местности названием Экзампей (ныне это Холодный Яр) находился древний скифский город, окруженный валом и ровом по периметру в 60 км. Царь Ариант по случаю победы над персами повелел изготовить гигантский медный котел. Каждый воин-скиф принес по одному наконечнику стрелы, из которых собственно и был отлит котел, вмещавший 600 амфор вина. Раз в году скифы собирались в Экзампее и праздновали свою победу. В эту систему входили чаша Грааля, ковчег Завета, копье Лонгина (Лонгинуса) и многие другие вождельные ценности оккультизма, поисками которых занималась эсэсовская команда «Аненербе» («Наследие предков»). По представлениям германских оккультистов – котел Арианта выступал в роли сферического зеркала, испускающего астральный свет, а излучаемый световой луч давал дар ясновидения и позволял предсказывать будущее...» Не правда ли, весьма интригующий поворот?!

По словам Геродота, Экзампей (Эксампей) располагался между Гипанисом (Южный Буг) и Борисфеном (Днепр), с большой степенью вероятности у истоков впадающей в Буг реки Синюхи. Само это название в трактовке Геродота в переводе со скифского означало «Священные пути». Именно в этих местах вначале гитлеровцы (хотя по большому счету документальных свидетельств этому нет), а в наше время участники популярной телепередачи «Искатели», уже десятилетие выходящей в эфир на Первом канале, вели свой поиск. Чем они закончились для мистиков из «Аненербе» – неизвестно, а телевизионщики родили сорокаминутный фильм «Ритуальная чаша царя скифов», который желающие могут посмотреть (www.youtube.com). Но сразу предупреждаем: «Искатели» ничего не нашли.

Скифский котел продолжает волновать ученых и исследователей. В предыдущем материале мы рассказали о предположениях Йоханна Маттиса относительно достоверности сообщения Геродота и гипотетических размерах котла. Российский археолог Александр Щеглов пошел дальше рассуждений немецкого миссионера – он провел своего рода археологический эксперимент, с итогами которого можно ознакомиться на сайте «Новый Геродот» (<http://gerodot.ru>). Исходил А. Щеглов, в отличие от Й. Маттиса, из вместимости греческих амфор.

Вот что он пишет: «Греческие амфоры – это глиняная посуда в виде больших остродонных бутылок с ручками, предназначенная для хранения и транспортировки жидких и сыпучих продуктов – масла, вина, зерна. Она хорошо изучена, такие сосуды в большом количестве встречаются при раскопках, в том числе и в погребениях в скифских курганах. Это была стандартная тара объемом: 19,5 л, 26,0 л и 32,4 л. Исходя из этих величин, получалось, что котел емкостью в 600 амфор мог вмещать от 11 760 до 19 440 л!

Неизвестно, какую меру длины имел в виду Геродот, когда писал, что толщина котла составляет шесть пальцев (дактилей). Дело в том, что в Греции существовали три системы линейных мер, в каждой из которых была принята своя длина пальца. Разные греческие государства придерживались одной из систем (то же самое было в Европе до принятия единой метрической системы измерений). Длина пальца в каждой из античных систем давно высчитана – от 18,37 до 21,77 мм. Расчеты показали, что толщина стенок котла должна была составлять от 11,2 до 13,2 см».

Далее, опять же опытным путем, А. Щеглов установил, что средний вес скифского наконечника стрелы второй половины VI – первой половины V века до н. э. составлял четыре с половиной грамма, то есть в несколько раз меньший, чем предполагал Й. Маттис (25–30 г).

Греческие амфоры. Экспозиция Абхазского музея

В ходе произведенных вычислений (для того чтобы выяснить предполагаемый размер котла и количество стрел, необходимых для его литья, потребовалось просчитать 72 возможных варианта) возникли ошеломляющие результаты.

Опять предоставим слово А. Щеглову: «Получалось, что если каждый скиф, исполняя приказ царя, принес по одной стреле, то для отливки котла потребовалось бы от 3,5 до 15,5 миллиона наконечников! Котел мог бы вмещать от 12 до 20 тысяч л. Его высота должна была составлять от 4 до 9,5 м (с одно-, двух- или трехэтажным дом), а вес – от 7 до 46 тонн!

При существовавшей у скифов технологии изготовить котел подобных размеров было невозможно – это первое. Второе, на территории, занимаемой «царскими» скифами, не могло проживать такое количество населения. Степи просто не могли бы его прокормить вместе с огромными табунами лошадей. Равнины Северного Причерноморья, которые назывались на Руси «Дикое поле», с древности и до конца XVIII века практически пустовали, за исключением сменявших друг друга сравнительно малочисленных кочевых народов.

Итак, проведенный археолого-исторический эксперимент показал, что пересказанная Геродотом легенда о скифском царе Арианте, владыке «царских» скифов, остается хотя и красивой, но все же легендой. Похоже, что она была старинным преданием уже во времена древнегреческого историка. Но если в ней и есть зерно истины, то деятельность Арианта примечательна. Это могла быть первая попытка провести своеобразную перепись кочевого населения на Юге Восточной Европы, предпринятая более двух с половиной тысяч лет назад».

Вослед этой публикации, в Интернете разгорелась настоящая дискуссия. Вот лишь несколько безымянных откликов из нее, представляющих для нас интерес.

Имярек-оптимист: «Диаметр котла составлял 1,4 м, а глубина 0,7 м, объем необходимого для его изготовления металла всего 0,154 м³. Вероятно, использовалась медь общим весом не более 1400 кг. Если один наконечник весил в среднем 4–5 г, то количество необходимых стрел должно было составлять от 280 до 350 тысяч, что вполне достоверно – ведь Дарий привел в Скифию 600-тысячную армию. Таким образом, информация о котле скорее всего не легенда, а реальный факт».

Имярек-историк: «Воинственные скифы-объединители вошли в историю, благодаря сведениям Геродота, под названием «царские скифы». К середине V века до н. э. «царские скифы», занимавшие лучшие земли в излучине Днепра (в районе Запорожья; там же и находятся самые знаменитые и богатые «царские курганы»), создали мощную конфедерацию племен, известную в истории как «Большая Скифия». Первые шаги по формированию государственного образования Большая Скифия были сделаны вождями (царями) «царских скифов» в конце VI века до н. э., вероятно, после разгрома Дария I в 512 (514) году до н. э., так сказать, на волне победного триумфа.

Вот тогда-то и могли цари скифов начать создавать общеплеменные (государственные) святилища типа Эксампея и проводить первые переписи населения, скорее даже не самого населения, а учет своих вооруженных сил. Здесь-то и понадобился знаменитый котел».

И еще одна цитата, заключающая дискуссию по статье А. Щеглова: «Котел Арианта! Могу сделать предположение, что его никто еще не нашел. Его примерное нахождение – горы Центрального Кавказа».

Итак, подведем итог сказанному: сегодня с большой степенью вероятности можно утверждать, что котел был спрятан не на Днепре, в местности, где располагался легендарный скифский Эксампей, а на Кавказе; конкретизируем – на Северном Кавказе.

Более того, магический символ царя Арианта, величайшая скифская святыня, позволяющая заглянуть в будущее, и поныне находится здесь. И не на территории соседних республик, а в Кабардино-Балкарии. Значит, надо догадаться, где именно. И на помощь здесь может прийти историческая память, дающая определенного рода подсказки, в частности топонимические...

ЦАРЬ-КОТЕЛ И ВЕРШИНЫ КАЗАНЫ

Доказательством тому, что гигантские скифские котлы – это не вымысел, а реальность, подтвержденная не только легендами и преданиями, но и свидетельствами очевидцев, может служить и рассказ Н. Мокаевой (по мужу Глашевой), связавшейся с нами после публикации материалов в газетах. Нажабат, бывшая учительница, 1923 года рождения, но память ее не подводит – женщина рассказала о своих родственниках, оставшихся сиротами (родители умерли от холеры), братьях Кануке и Зилки, проживавших в Мухоле (ныне на этом месте селение Верхняя Балкария), вознагражденных за невзгоды находкой невиданных размеров котла. Правда, что с ним стало впоследствии, ей неизвестно – следы потерялись при депортации.

Располагаем мы также сведениями о такой огромной емкости и в Баксанском районе – более того, информатор, сообщивший нам об этом, убежден, что она и поныне находится здесь, в одной из труднодоступных пещер.

Известно нам и о котле, вывезенном в девяностых годах прошлого века имяреком (фамилия известна) из Белой Речки в Осетию.

Получается, что вкупе с котлами, находящимися в ущелье Дых-Су, подобных артефактов на территории Кабардино-Балкарии имелось множество.

Тем не менее все эти котлы, пусть и огромные по размерам, вряд ли могут претендовать на место главной святыни – котла Арианта (Αρίανταυ) – скифского царя, жившего около 25 веков назад.

Еще раз напомним раздел 81 из «Истории» Геродота: «В этой местности стоит медный сосуд величиной, пожалуй, в шесть раз больше сосуда для смешения вина, который Павсаний, сын Клеомброта, велел посвятить богам и поставить у входа в Понт (Черное море). Кто не видел этого сосуда, тому я его опишу: он свободно вмещает 600 амфор, а толщина этого скифского сосуда шесть пальцев...»

Мы уже писали, что ряд исследователей пытался определить размеры сей мистической посуды. Й. Маттис, германский миссионер, отталкиваясь от местных реалий (количества вмещавшихся в котел овец), считает,

что диаметр его был от 2 до 2,6 м, высота от 1 до 1,4 м, вместимость от 3000 до 8000 л, масса около 1100–1200 кг. Информация со Строительного портала дает не менее грандиозные цифры: диаметр котла 2,0–2,5 м, высота – около 3,0 м, масса – больше 10 тонн. По расчетам археолога А. Щеглова, котел мог вмещать от 11 760 до 19 440 л при высоте от 4 до 9,5 м и весе от 7 до 46 тонн.

Последние цифры, особенно о весе скифского чуда, настолько значительны, а отсюда нереальны, что однозначно говорят: применяемая методика подсчета ошибочна: ведь котел должен был использоваться по своему прямому назначению, а следовательно, и перемещаем. Более того – на весьма значительные расстояния, если допустить, что описанный Геродотом и существующий в местных преданиях суть одно и то же. Ведь, согласно греческому историку, котел первоначально находился там, «где в Гипанис (Южный Буг) впадает «горькая речка», которая портит его воды». А «место это находится в четырех днях плавания вверх по Гипанису». Далековато все-таки от наших краев, тем более если говорить о высокогорье.

Мухольский и баксанский котлы также не могут претендовать на место сокровища Арианта – мелковаты, так сказать, «калибром». Тем более что сведений о мистических свойствах данных емкостей не имеется. А Царь-котел обладал ими, почему им и интересовался Гитлер. Более того, некоторые исследователи убеждены, что именно по этой причине (возможному местонахождению святыни) и свою ставку – подземный бункер «Вервольф» под Винницей – правитель Третьего рейха распорядился построить на берегу Южного Буга. Ему, мистика, мечтавшему овладеть христианскими святынями: Копьем Судьбы, которым римский центурион Гай Кассий (Лонгин) из милосердия пронзил тело распятого на кресте Иисуса, дабы прекратить его мучения, и чашей Грааля, в которую Мария Магдалина собрала святую кровь Спасителя, было известно и о котле царя Арианта – общескифской святыне, ставшей символом объединения разрозненных племен в единый и непобедимый народ; святыне, позволявшей претендовать на титул властителя мира. В ряде исследований прямо говорится, что при выборе места для ставки «Вервольф» фюрер руководствовался советами сотрудников организации Аненербе («Наследие предков») – организации, созданной для оккультно-идеологического обеспечения функционирования государственного аппарата Третьего рейха. Они будто бы и предложили район Винницы – место, где правил царь Ариант, где был спрятан легендарный котел, – сделать не столько военной ставкой, а своего рода объединенным центром по завоеванию мира.

Причем, что интересно, на строительство гигантского подземного бункера «Вервольф», утвержденного в ноябре 1940 года, отводилось больше

Развалины бункера «Вервольф». Винница

времени, чем на саму войну, которую гитлеровские стратеги (согласно плану «Барбаросса») планировали завершить за несколько месяцев. Ставка, построенная в годы Великой Отечественной войны в восьми километрах от Винницы, предназначалась для командования военными действиями на Восточном фронте. Меры, предпринятые по ее секретности, были поистине беспрецеденты: военнопленных, соорудивших «Вервольф», расстреляли, более того, не выжили даже немецкие инженеры – самолет, в котором они летели в Германию, успешно сдав объект, взорвался в воздухе. На земле охрану бункера осуществляли солдаты и офицеры дивизии СС «Адольф Гитлер»; в воздухе – базировавшийся поблизости полк истребителей. Для местных жителей были введены специальные пропуска, малейшее проявление интереса в отношении объекта строго каралось.

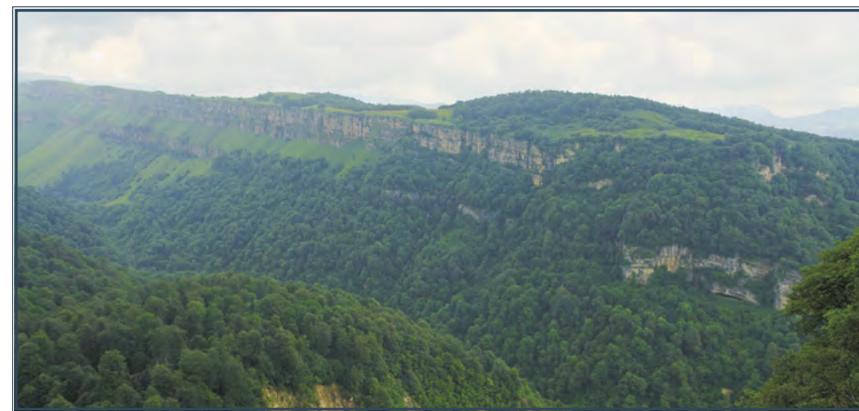
Что из себя представлял семиэтажный бункер фюрера, оснащенный самыми современными на тот момент системами автономного функционирования (энергообеспечением, воздухоочисткой), так и осталось неизвестным. 28 декабря 1943 года Гитлер отдал приказ взорвать «Вервольф», для чего было завезено более 60 тонн взрывчатки. А 7 марта 1944 года бункер взлетел на воздух, вероятно, навсегда скрыв тайну своего возведения именно на этом месте.

От событий семидесятилетней давности вернемся к нашим реалиям: мог ли оказаться Царь-котел на территории Кабардино-Балкарии и, если

мог, что об этом свидетельствует? Мы закончили предыдущий материал фразой, что на помощь в данном случае может прийти народная память, запечатлевшая события в топонимических названиях.

Итак, мы ищем котел – металлический сосуд для приготовления пищи методом варки на открытом огне. Но не будем забывать, что у него есть родной «брат» – тюркский казан, столь же привычный предмет для наших мест. Функциональное предназначение этих емкостей идентично, более того – их названия синонимичны. «И что с того?» – спросите вы. А то, что применительно к Кабардино-Балкарии казан – это еще и географический объект, вернее несколько. В путеводителе Г. Н. Подъяпольского «Достопримечательные места Кабардино-Балкарии» в главе «Нальчик и его окрестности» рассказывается о маршруте к горе Сырт-Тала (Лысая гора), с которой, если смотреть на север, видна столица КБР, а если на юг, то три истока реки Нальчик: Казансу, Элкансу и Харису». И далее, самое интригующее: «На западе – пять следующих одна за другой от востока к западу шиханообразных вершин на лесистом горном кряже. Это так называемые Казаны. Они напоминают опрокинутые верх дном большие котлы, под ними (ближе) протекает один из истоков реки Нальчика – Казансу (самый западный); правее (на юге) тянется лесистый длинный хребет, отделяющий другой исток реки Нальчик – Элкансу».

Уточнив, что *шихан* переводится с тюркского как *одиночный холм*, а как географический термин означает возвышенность с правильными склонами и вершиной, хорошо выделяющейся в рельефе, от себя скажем, что не раз, бывая в этих местах, неосознанно задумывались: Почему все-таки Казаны? Ну никак по своему внешнему виду эти вершины не ассоциировались

Верховья реки Нальчик

с котлами, пусть даже перевернутыми. Да и само их название противоречит ассоциативному ряду наименований находящихся поблизости географических объектов. А уж с какой стати истоку Нальчика носить такое странное имя: Казансу – река-котел?

Следовательно, вершины на горном кряже отнюдь не от своего внешнего облика получили имя, а по причине какого-то события. А если допустить, что от связанного со скифской историей, их главной святыней? Тогда название *Казаны* становится закономерным и объяснимым. Следовательно, и вести поиски надо в этих местах. Но где конкретно? Ведь за многие десятилетия местные жители исходили здесь всё вдоль и поперек и никаких особых открытий не сделали.

Значит, котел надежно спрятан: или зарыт, что маловероятно (в горах это не так-то просто: представьте, каких усилий стоит выкопать яму для такой махины; да и не знали скифы такого инструмента, как лопата), или лежит в естественном укрытии. К примеру, в пещере – если ее завалить (а еще лучше, заложить) камнями. А с теми, кто был причастен к сокрытию сокровища, поступить так же, как гитлеровцы со строителями «Вервольфа». Только в этом случае, в отличие от бункера, следов не останется никаких: камни они и есть камни, лежат повсюду; можно быть уверенным: никто никогда не догадается, что скрыто в чреве горы.

Получается, если мы хотим найти скифскую святыню, надо осмотреть все пять шиханообразных вершин. Сделать это совсем не просто. Во-первых, достаточно далеко от города, а следовательно, надо разбивать лагерь, причем многодневный; во-вторых, Казаны только кажутся небольшими, на самом деле, облазить их требуется немалая физическая выносливость и невероятное терпение; в-третьих, погода в этих местах настолько непостоянна, что диву даешься: в Нальчике солнце светит, здесь дождик моросит; если с утра ясно, то уже к обеду наползает туман; в-четвертых, даже завидные настойчивость и сверхвнимательность не гарантируют успеха – ведь те, кто прятал святыню, постарались сделать все возможное, чтобы не осталось никаких следов ее перемещения и укрытия. Поспособствовали этому и столетия (тысячелетия?), пробежавшие с того времени.

Но самое главное, хотим мы того или нет, но на поиске напрямую отражается то, о чем не принято говорить, проводя его: а правилен ли ход наших рассуждений, там ли ищем, не допустили ли ошибку в построении умозаключений, а отсюда – не напрасны ли все духовные, физические и материальные усилия? Однако, отбросив сомнения, мы решили начать поисковые работы...

Экспедиция 2012 года результатов не дала. Тем не менее поиски будут продолжены.

ТЫЗЫЛЬСКИЕ ПАУКИ И ЛЕГЕНДАРНЫЙ МАДЖАР...

Маджар... Знаменитый золотоордынский город, в XIII–XVI веках центр пересечения торговых путей из Закавказья в Северное Причерноморье и Поволжье, располагался, как известно, на месте нынешнего города Будённовска, что в Ставропольском крае.

В «Дербенд-наме» («История Дербента») Большие и Малые Маджары упоминаются с VIII века как города Хазарского каганата. Существует версия, что город этот имел непосредственное отношение к истории венгров, кочевавших в Причерноморских степях.

Знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута, побывавший здесь в 1333 году, писал в своем труде «Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий»: «Город Маджар большой, один из лучших тюркских городов, на большой реке, с садами и обильными плодами».

В 1395 году, во время нашествия на Северный Кавказ Тамерлана, город сей, как и Джулат, что располагался на территории нынешней Кабардино-Балкарии, оказался разрушен. Немецкий путешественник ботаник Карл-Генрих Кох писал, что часть населения покинула Маджар только после прихода татаро-монгольских орд, рассеявшись среди горских кавказских народов. Любопытен и тот факт, что ряд балкарских и урусбиевских родов, а также дигорских и чеченских относили свое происхождение к населению древнего Маджара.

После распада Золотой Орды город входил в состав Астраханского ханства, а когда в 1556 году ханство прекратило существование, Маджар исчез со скрижалей истории. Венгерский ученый Янош Карой Беш (Жан-Шарль де Бесс), совершивший путешествие по маршрутам предполагаемой миграции своих предков, в 1830 году увидел лишь следующее: «Вот, наконец Олу, или Большие Маджары. Я обвожу глазами все стороны, я ищу следы этого когда-то большого и великолепного города, но бесполезно: всё исчезло».

Эта историческая преамбула видится необходимой, так как в истории Маджара есть одна весьма необычная страница, согласно которой за-

пустение древнего города связано с нашествием... пауков тарантулов. В музее Буденновска имеется даже специальный стенд, посвященный этому событию.

Вот что писал крупнейший ученый XVIII века Петер-Симон Паллас в выпущенной нашим издательством работе «Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793–1794 годах»: «Строения, сохранившиеся в целости, являются только надгробными мечетями мусульманской нации, возможно, татарского происхождения. И если бы мы были вынуждены судить только по традиционному названию Маджар, данному этому месту, то мы сочли бы, что это резиденция венгров или куман. Это предположение можно отнести ко всем руинам кирпичных зданий, расположенных на высоких горах около Большого Джинджика, называемого черкесами Маджар Уна, или Дом Маджар».

И далее, на интересующую тему: «У нас нет оснований верить, что это связано с этим предполагаемым городом, будто его жители были изгнаны отсюда великим множеством огромных тарантулов, от которых, по традиции, происходит название речки Бивалла. По-татарски *би* означает «тарантул», а *валла* – «плохой» или «дурной». Я никогда не считал эту страну родиной названных насекомых; более того, несмотря на все старания, я не смог обнаружить здесь даже обыкновенного тарантула» (Европейские дневники XIII–XVIII веков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. С. 252).

Чуть позже – в 1828 году – в Маджаре побывал французский натуралист Шарль Годе, также обнаруживший записанную им в этих местах легенду об уничтожении города гигантскими пауками.

Гибель населения городов, а то и целых стран, происшедшая по вине насекомых, прежде всего саранчи, истории известна: в 125 году до н. э.

Развалины Маджара в 1793 году. Рисунок из альбома П.-С. Палласа

Мавзолеем в Маджаре. Рисунок из альбома П.-С. Палласа

эти прожорливые кузнечики, полностью уничтожив посевы в Нумидии и Киренаике, собрали голодную жатву в 800 тысяч человеческих жизней. Саранча, напавшая весной 944 года на Багдад, закрыла солнце, стала источником невиданных болезней и тысяч голодных смертей.

Да и в Ветхом Завете говорится, что восьмой из десяти казней египетских стало нашествие саранчи: «Тогда Господь сказал Моисею: прости руку твою на землю Египетскую, и пусть нападет саранча на землю Египетскую и поест всю траву земную (и все плоды древесные), все, что уцелело от града...

Настало утро, и восточный ветер нанес саранчу.

И напала саранча на всю землю Египетскую и легла по всей стране Египетской в великом множестве: прежде не бывало такой саранчи... Она покрыла лицо всей земли, так что земли не было видно, и поела всю траву земную и все плоды древесные, уцелевшие от града, и не осталось никакой зелени ни на деревьях, ни на траве полевой во всей земле Египетской».

Но вот о пауках, уничтоживших целый процветающий город, слышать нам не доводилось; видеть: да – в научно-фантастических фильмах, один из которых, помнится, так и назывался «Нашествие гигантских пауков».

Но подлинная жизнь и кинотриллер, как известно, хоть и повествуют об одном мире, но чаще всего существуют в параллельных.

Поэтому остается не совсем ясным, как пауки, в нашем случае тарантулы, могли погубить огромный город. Ведь в реальности это насекомые, длина тела наиболее крупных из которых не достигает 4 сантиметров; яд их не представляет опасности для человека, хотя и вызывает довольно сильный отек. Уж с такими завоевателями маджарцы наверняка бы справились, тем более что тарантулы, обитающие в этих краях, днем прячутся

по своим норкам, из которых выходят лишь в ночную пору для охоты за насекомыми.

Следовательно, речь в легенде не о них. А о ком же? В общепринятой истории возможного ответа на этот вопрос мы не нашли, а вот в северокавказском фольклоре что-то похожее имеется, и, самое главное, непосредственно связано с нашими местами. В героическом эпосе балкарцев и карачаевцев «Нарты» (М.: Восточная литература, 1994) в разделе «Сосурук/Сосурка» под номером 45 опубликовано сказание «Как нарт Сосурук истребил пауков-людоедов».

Процитируем его: «Во времена нартов были большие пауки – с корзину. Они обитали в краю Тызыл, в местности под названием Кердеуюкю. Там есть возвышенность Шаушюгют. С обеих сторон этой крутой возвышенности были глубокие ущелья.

Вот там, на перекрестке дорог, в ущелье жили пауки с корзину. Они плели паутину с аркан, заманивали проходящих мимо путников и, опутав, высасывали из них кровь. В этих глубоких ущельях вокруг Шаушюгюта до сих пор лежат кости и черепа людей, которых сожрали эти пауки».

Сразу скажем, что названные выше географические объекты во многом соответствуют действительности. Край Тызыл – это Тызыльское ущелье, начинающееся сразу за балкарским селением Кёндеден. Местность Кердеуюкю скорее всего отвечает той, что расположена в Тызыльском ущелье прямо перед водокачкой – кёнделеновцы называют ее *Кукуртлу*, отталкиваясь от значения данного слова (*кукурт* – сероводород). Здесь действительно из земли бьет источник с характерным для сероводорода запахом. А вот где находится возвышенность Шаушюгют, нам не удалось узнать: исследователь Махти Джуртубаев (см. работу «Карачаево-балкарский героический эпос». М.: Поматур, 2004. С. 152) считает, что это один из близлежащих к Кёнделену хребтов, хотя в заключительных абзацах сказания название это обозначает уже ущелье, в котором нарты истребили пауков.

Процитируем дальше фольклорный текст: «Советчица нартов Сатанай прослышала, что там-то и там-то пауки с корзину преграждают дороги людям. Заманивают их в паутину и высасывают из них кровь. Услышав это, она рассказала обо всем Сосуруку. Сосурук вместе с нартским войском отправился туда...».

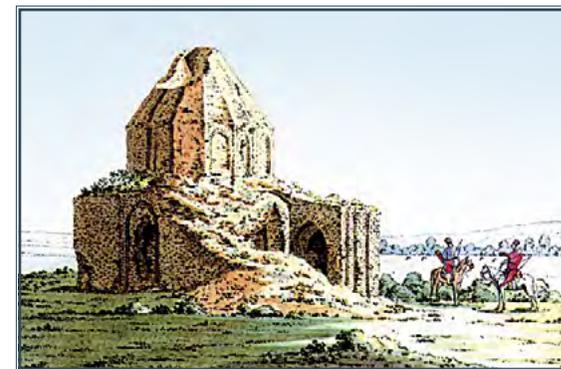
В происшедшем сражении нарты, несмотря на гибель многих из них, одержали победу, истребив всех пауков. Они собрали их паутину, отвезли в нартскую страну, где из нее (паутины) соткали холсты и сшили одежду. Непростую, скажем, одежду: она, во-первых, не промокала, во-вторых, в холод в ней было тепло, а в жару – прохладно, и, в-третьих, что самое главное, ее «не брали ни стрелы, ни мечи».

Да к тому же она «ослепительно блестела», что помогло нартам в битве с эмегенами, то бишь чудовищами. Когда «нартское войско отправилось в поход, в пути оно встретило большую группу эмегенов». Сверкающая на солнце одежда воинов испугала чудовищ, они бросились наутек, оказались в месте, где лежали убитые нартами в Тызыле пауки, сожрали падаль и были таковы, то есть отдали концы: словами «с этого дня никто не видел эмегенов» заканчивается повествование.

Но оно же вызывает целый ряд вопросов, главный из которых такой: откуда сказителю было известно об уникальных свойствах паутины? Ведь лишь исследования последних лет доказали, что нить паутины по своей прочности превосходит сталь такой же толщины; если же выткать нить толщиной 7 миллиметров, то ею можно остановить летящий на полной скорости новейший самолет. Нити эти способны собирать на себе капли воды, в тысячи раз превосходящие их по размерам. Паутина настолько эффективно рассеивает энергию удара, что «если из нее изготовить бронешилет, он был бы практически непробиваем, к тому же непромокаем, необыкновенно легок и комфортен – согревал бы зимой и охлаждал летом».

Это мы цитируем не неизвестного малограмотного сказителя, а современных ученых. И как не поверить после этого в то, что приведенная выше легенда базируется на реальных знаниях (в частности, о свойствах паутины). А коль так, получается, что знания эти отталкиваются от действительных событий, подтверждением чему служит также орографическая атрибутика местности.

Махти Джуртубаев, комментируя сюжет о пауках, заключает: «Трудно сказать, лежат ли в основе сказания какие-то реальные события, например, столкновение с племенем, самоназвание которого напоминало

Развалины Маджара в 1793 году. Рисунок из альбома П.-С. Палласа

предкам балкарцев и карачаевцев слово «губу» – паук, то есть оно появилось в результате ложной этимологии. Об этих пауках старики – балкарцы и карачаевцы – рассказывают как о реальных существах, обитавших в отдаленные времена в горах Кавказа. Спасаясь от них, люди строили себе жилища на плоских вершинах гор – пауки не умели карабкаться по склонам. В долины люди спускаться не рисковали» (с. 152–153).

Следовательно, вероятно, существовали все-таки гигантские пауки, может быть, даже и величиной с корзину, как утверждается в эпосе «Нарты». И это именно они или их ближайшие сородичи вписали черную страницу в летопись легендарного Маджара. Только вот когда, в какой исторический момент? Ведь на территории современного Буденновска обнаружены следы и майкопской археологической культуры (II тысячелетие до н. э.), жили здесь и сарматы (VI–III вв. до н. э.), и аланы (II–III вв. н. э.).

И еще несколько штрихов вослед сказанному.

Ни у одного из народов, носителей нартского эпоса, сказание о пауках-людоедах больше не встречается. Неподалеку от начала ущелья Тызыл в прошлом году авторами этих строк обнаружен так называемый киммерийский некрополь («Газета Юга» об этом писала), сохранивший в народной памяти название «Кладбище нартов». Не те ли это самые нарты, что погибли в бою с пауками, как бы фантастично ни звучало это предположение? Ведь память человеческая так ненадежна, так некрепка – вот смотрите, на карте озеро у города Буденновска обозначено как Буйвола. Есть еще и река, левый приток Кумы, именуемая Мокрая Буйвола. И сегодня никто из местных жителей не сомневается, что названия эти отталкиваются от представителя семейства полорогих – одомашненного азиатского буйвола. А ведь начиналось все, как вы помните, с Биваллы – «дурного тарантула»...

Тызыльское ущелье >

ВЕНГЕРЦЫ И КАВКАЗСКИЕ ПЛЕМЕНА

Многочисленные племена, населяющие Кавказ, к сожалению, до сих пор еще остаются малоисследованными. Странная вещь, до сего времени вообще мало интересуются Кавказом в этом отношении, хотя племенной состав Кавказа представляет обширное поле для работ этнографов, археологов и антропологов. Сколько поучительного, полезного и интересного могло бы дать научное исследование племенного состава Кавказа, в котором до сих пор сохранились остатки древнейших племен и народов, языков, религий, обычаев, цивилизаций и пр.

Возьмем, например, наших аваров: есть много оснований думать, что они – остатки древних гуннов, точно так же, как и венгерцы.

К такому заключению (правда, нуждающемуся еще и в серьезных доказательствах) приходит и граф Евгений Зичи, выпустивший в свет два толстых тома о своих путешествиях, между прочим – и по Кавказу.

Граф Зичи говорит следующее: «Разбирая все то, что мы прочли у древних авторов – у Геродота, Эратосфена и Страбона, которые еще прямо не называют гуннов, у Плиния, Дионисия и у других, которые прямо называют гуннов и описывают их, у греко-романских авторов Византийской империи (Амиен Марселей IV в., Прискус Ретар V века, Прокоп, Агафиас, Менандр и пр.), у армянских авторов IV и V веков, Фаустоса византийского и Моисея Хоренского, у последующих византийских авторов, каковы: Леон Мудрый, Константин Порфирогенет, Нисета, Монахус, Синомус, Седренас, Калхокондилас, Ксифилинос (1066) и другие, и, наконец, у арабских авторов, каковы: Ибн-Доста (913), Гурдези (1051), Абульфедда, Ибн-Саид, Аль-Идриси, Гункара и Аль-Бакри, – мы приходим к тому убеждению, что гунны, начиная с XI века после Рождества Христова все время жили между Кавказом, Доном и Волгою, что гунны и авары составляли две ветви одного и того же народа. Нет более надобности говорить о той исторической связи, которая существует между гуннами и мадьярами, – связи, которая была подтверждена и признана графом Гезой Кююн, Иосифом Тюри, Генрихом Маркралли, Гезой Нагу и Бернардтом Мункачи.

Последующая история гунно-мадьярских народов говорит, что раса эта была разбита на 3 части: одна часть направилась к западу и образовала венгерскую нацию, которая сохранила свой язык в течение десяти веков, вторая – к северо-востоку и смешалась с народами того края, там, где живут ныне башкирцы; третья вернулась на Кавказ, во-первых, потому, что он почти в течение 8 веков служил местопребыванием мадьярской расы, и, во-вторых, потому еще, что Кавказ – это

страна, которая в течение веков служила убежищем стольких других народов, что это дает мне возможность предполагать искать именно здесь остатки древних мадьяров, сохранившихся до наших времен».

По приведении целой серии древних и новых авторов, в подтверждение своего тезиса, граф Зичи утверждает, что сам лично нашел поразительное сходство собственных имен венгерских и некоторых из кавказских племен. Так, имя Адилла, которое, может быть, нигде и ни у кого не встречается, можно встретить в каждом ауле Дагестана; точно так же и имена Бледа или Будак, Альмус (Almos), Леель (Lehel), Зарольта (Sarolta), Гейсса (Geysa) и названия деревень Гуниб и Гунсак кажутся ему однозначными. Он находит также поразительное сходство между следующими собственными именами: Ботлик (название аула на Кавказе) – Ботлик (название венгерской фамилии), Дарго (название народа кавказского) – Дорго (река и фамилия в провинции Земплэн в Австрии), Гори (название города близ Тифлиса) – Гори (название венгерской фамилии со времен эпохи завоеваний, также название деревни в провинции Вас); Бито (?), Шаки (?), Сумбатов, Зичианов Цицианов (?) у грузин, Берсек (у пшавов), Карачай (близ Кубани) соответствуют венгерским Битто, Ссаки, Сомбати, Зичи, Берсек, Карачай и др.

Кроме всего этого, он нашел на расстоянии 150 верст к западу от Каспийского моря, на берегу реки Кумы, развалины известного в древности города по названию Великий Маджар (Маленький Маджар) и маленькую территорию, название которой соответствует Среднему Маджару; потом, на расстоянии 2-часового пути оттуда, находится озеро Маджар-Су (вода венгерская). В 6 верстах к западу от Сухум-Кале есть река, от 60 до 80 верст длиною, которая называется также Маджар.

Дигорские дворяне сами себя называют *маджарами*: большая часть аварских и лезгинских племен с гордостью говорит о своем происхождении от гуннов.

Н. Ч.

Новое обозрение. 1897. № 4685.

ТЫЗЫЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС ПЕЩЕР-ЖИЛИЩ

Тызыльское ущелье, начинающееся сразу за селением Кёнденен, одно из самых красивейших в Кабардино-Балкарии, ныне, в силу разного рода причин, практически не посещается людьми. Весьма благоустроенная еще несколько лет назад дорога то тут то там обрывается, смытая селями, перерубившими ее каменными выносами. Перебираемся через них на машине, словно каракатица, переваливаясь с одного камня на другой; где-то приходится воспользоваться и лопатой, так как не удастся протиснуться по узкому, промытому водой желобу. У водокачки с грунтовой дороги надо поворачивать вправо и ехать по той, что когда-то вела к сенокосным угодьям и кошарам.

Верховья Тызыла были труднодоступны даже в советские времена, когда скот держали в самых отдаленных уголках, а скашивался практически любой участок альпийских лугов. А что говорить о сегодняшнем дне, коль есть здесь места, где уже более десятилетия не ступала нога человека. Обветшали, рассыпались от времени и непогоды кошары, заросли крапивой выше человеческого роста проходящие рядом с ними дороги, а в других местах они (дороги), отступив под напором летней растительности, полностью исчезли, слившись с окружающим ландшафтом.

В сплошном море зеленых трав, скрывающих нашу немаленькую (двухметровой высоты) машину, ехать, скажем сразу, небольшое удовольствие: куда попадешь, с каким препятствием столкнешься – можно только гадать, но пешком по июльскому травостою далеко не уйдешь. Решаем рискнуть и все-таки попытаться добраться до гряды скал, в которых, по рассказам кенделеновца Назира Хапаева, вырублены сотни, если не тысячи могил на протяжении чуть ли не полутора километров.

Преодолевая серпантин за серпантинном, в иные моменты зависая над обрывистыми склонами, мы огибаем один скальной выступ за другим в надежде, что глаза, а в большей степени интуиция не подведут и мы не свернем с пробитой когда-то колеи, по которой вилась дорога.

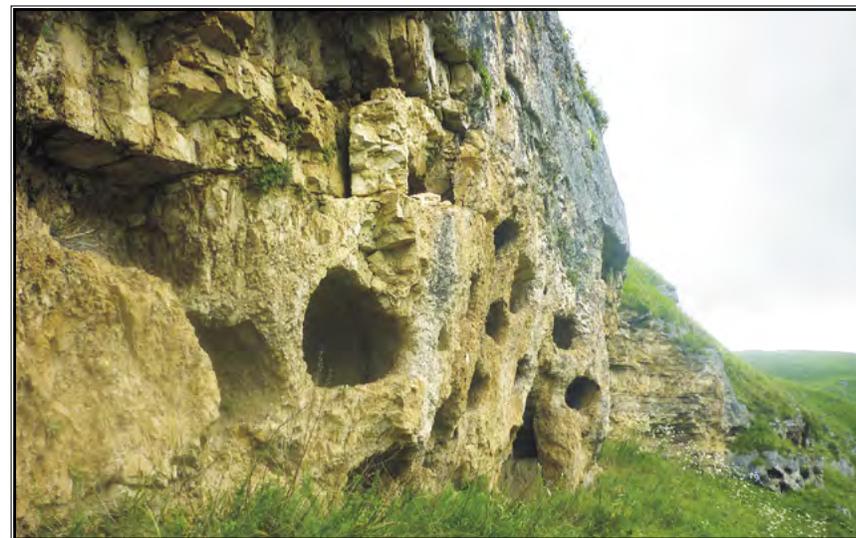
За пару часов проехали всего каких-то десять километров. Поняв, что если будем продолжать движение на машине, то рискуем остаться здесь если не навсегда, то на несколько суток точно: поиски трактора, а самое главное, доставка его в эти забытые человеком места – дело весьма непростое и дорогостоящее.

Сразу встал вопрос, как преодолевать эти чуть ли не километровые языки-каньоны? Обходить их по периметру, конечно, значительно легче, но тогда дорога по крайней мере утраивается, тем более что даже пробитые когда-то коровами тропки исчезли под воздействием природной стихии.

Спускаться вниз, пробивая, в прямом смысле слова, за неимением другого инструмента, дорогу лопатой (тут в самый раз пригодился бы мексиканский мачете, но о нем мы почему-то не позаботились), а потом подниматься вверх – дело не из простых, тем более держа в уме, что каждый спуск равен подъему. Остановились на комбинированном (исходя из ситуации) продвижении; и сопровождаемые яростными атаками мошкары, проваливаясь в низинах по щиколотку в мочаки (заболоченные места), двинулись вперед.

Становилось понятно, почему люди выбрали эти места для поселения: недоступность – главное условие безопасности. Когда беда грозит отовсюду, когда посягательство на жизнь в порядке вещей, только удаленность и скрытность обитания может служить хоть какой-то гарантией спокойствия. А о том, что здесь люди жили издревле, и без всякого преувеличения, тысячелетия, свидетельствуют земледельческие террасы. Их, разбитых практически на каждом мало-мальски пригодном для посевов горном склоне, великое множество. Причем ясно видно, что это не природные образования, а именно террасы, только не обрабатываемые уже многие века. Встречающиеся (правда, исключительно редко) среди природного травостоя ростки проса еще одно убедительное свидетельство культивирования человеком растений в Тызыле.

...Открывшаяся взгляду скала словно изъедена (создается такое впечатление) гигантским жуком-камнеедом (если бы такой существовал) – множество небольших пещер располагаются одна над другой. Они настолько низкие (от полуметра и чуть выше), что вопрос о предназначении для проживания отпадает сам собой. Ясно, это могильники, как и то, что они вырублены руками человека: соседние скалы, идентичные по своей структуре, подобных выемок не имеют. Здесь же их великое множество. Скальные захоронения, судя по всему, когда-то были закрыты кладкой. Сейчас от нее не осталось и следов, как и от присутствия тех, чьи останки были замурованы внутри.

Могильники в Тызыльском ущелье

Назир Хапаев рассказывает, что, по словам стариков, могилы были разграблены или, что вернее, уничтожены столетия назад неизвестными завоевателями: кладка разобрана, кости выброшены, а впоследствии растащены зверьем, которое ныне в прямом смысле слова здесь правит бал: пробитые кабанами и медведями дорожки в траве буквально изрисовали горные склоны. Но вот что интересно: в народной памяти сохранилось поверье, что жившие здесь когда-то люди своих соплеменников хоронили дважды: вначале где-то в другом месте, а уж потом, когда их скелет освобождался от плоти, переносили кости в пещеры. Отчего в каждой из них находили множество скелетов, для которых просто не хватило бы места, если бы людей хоронили в неразобранном, если так позволительно выразиться, виде. Судя по всему, это были родовые захоронения – своего рода семейные склепы.

Но коль могил такое множество, то где-то поблизости должны быть и сами жилища. И они действительно оказались в соседней (именно так) скале: имевшиеся в ней внушительных размеров естественные пещеры огорожены по краю рукотворной каменной кладкой. Причем, что интересно, черного цвета камни эти отличаются от тех, из которых сложена скала. Уже позже, значительно ниже, мы нашли выход подобной горной породы – каменный пласт высотой от 15–20 сантиметров позволял откалывать сравнительно небольшие куски, из которых были выложены достаточно ров-

ные и, самое главное, прочные стены более чем метровой толщины. Они были возведены на двух-трехметровую высоту, а в иных случаях – чуть ли не до самого верха пещеры, спасая, с одной стороны, от холода и оберегая, с другой стороны, от неприятельских стрел.

Поражает, какой невероятный физический труд потребовался для возведения столь массивных стен, да еще на такой высоте. Ведь расстояние от подножия до двух верхних пещер пятьдесят, а то и более метров. Следы ручной каменной кладки и связующего глиняного раствора однозначно свидетельствуют, что в них находили приют люди. Но как они туда добрались? Спуститься сверху, со скального выступа, не представляется возможным – надо преодолеть расстояние в несколько десятков метров, что под силу лишь современному скалолазу-профессионалу, оснащенному новейшим альпинистским снаряжением.

Правда, с левой стороны имеется что-то вроде узенького козырька, не достигающего до самой пещеры. Или этот проход был разрушен временем и непогодой, или, что вернее, состоял из выдвижных мостков четырех-пятиметровой длины, которые втягивались в случае необходимости. Сразу вспоминается средневековая «греческая лестница», что в Чегемском ущелье у селения Эль-Тюбю, ведущая к пещере, в которой, по одним данным, хранились священные христианские книги, а по другим – выплавлялось золото. Подступ к ней был также невероятно сложен и опасен, так как вилась по узенькой (не более полуметра шириной) тропке, нависающей над пропастью. По подобным же выдвижным мосткам можно было попасть и в так называемое *Ласточкино гнездо* – одно из оборонительных сооружений крепости Тотур-Кала, что в Хуламо-Безенгиевском ущелье.

Тызыльская пещера действительно неприступна для нежелательных гостей: сами не доберутся, и стрелой не достанут – ни под каким углом она не попадет в укрытие. А с противоположной стороны ущелья это просто невозможно – не долетит. Другое дело, как долго там могли находиться люди – вопросы пропитания, а самое главное жажды встали бы перед ними уже через несколько дней осады. Правда, мы обратили внимание, что почти все пещеры-жилища, закрытые кладкой, достаточно сырые – мокрая земля свидетельствует, что вода сочится из стен.

Несколько пещер расположено прямо у края скалы – они небольшие, но с высокой кладкой, неким подобием входа и огороженным сбоку от него укромным уголком – вероятнее всего, здесь находилось отхожее место.

Одна из пещер – самая крупная (ее площадь с пару сотен, если не больше, квадратных метров) – привлекает внимание необычным основанием пола: ровный, белого цвета слой высотой сантиметров в двадцать напоминает

Стена, огораживающая пещеру

Пещера в скальном массиве

бетон. Но «бетон» этот легко поддавался альпинистскому топору; оказалось, что он буквально нашпигован отливающимися голубишной, хрупкими, рассыпающимися в руках костями. Стало ясно, это спрессованная древесная зола от костра, горевшего на протяжении долгих лет. Специалисты утверждают, чтобы образовался такой слой нужно не одно столетие.

Осматривая подходы к жилищам-пещерам, мы обратили внимание, что в ряде случаев они укреплены подпорной кладкой, что тоже потребовало огромных усилий, так как камень для нее приносился достаточно издалека. Причем и сегодня кладка эта крепка и надежна. И еще: ни в самих пещерах, ни в могильниках, да и нигде поблизости мы не обнаружили даже намека на металл – детектор не подавал признаков жизни; получается, жившие здесь люди не знали железа? С другой стороны, в этих местах не бывали (или редко бывали) наши современники, оставляющие повсюду зримые следы цивилизации (в виде тех же водочных пробок, из-за которых поисковая работа становится практически невозможной).

Поблизости от пещер явственно просматриваются две земледельческие террасы, судя по всему, дававшие пропитание жившим здесь людям. Значит, они были знакомы с основами земледелия.

Место для обитания они выбрали, конечно, идеальное по безопасности: сверху добраться невозможно, снизу тем более; с боков – узкая тропка, местами обрывающаяся в пропасть (грохот случайно задетого и устремившегося вниз камня мы слышали с минуту, если не больше, – он нигде так и не задержался). Мы сами в прямом смысле слова протискивались по краю скального выступа, держась за камни и траву левой рукой – чаще всего это была крапива, но, право, не до жжения, когда речь идет о жизни. Находящаяся же в правой руке альпинистская палка не находила упора, уходя куда как ниже человеческого роста. Думать о том, что будет, если оступишься или поскользнешься на подминаемых нами же жирных стеблях едкого, прожигающего кожу борщевника, право, не хотелось.

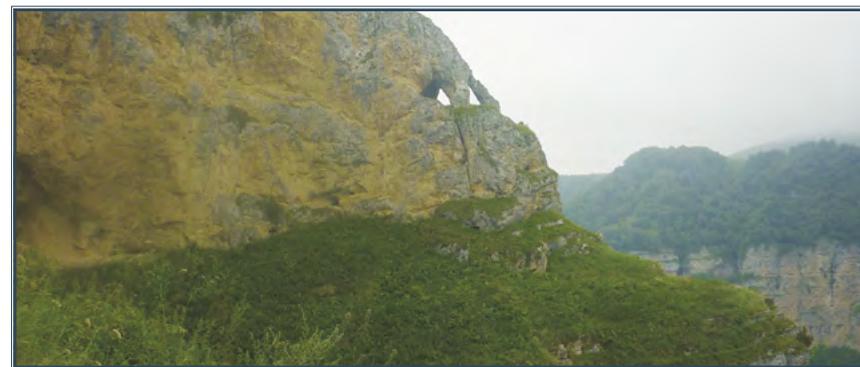
Но предстояло подняться на уровень самой верхней пещеры, так как еще на подходе мы обратили внимание на два проема, имевшихся в нависающей с краю скале. Они действительно поражали взгляд: треугольные «окна» были, конечно, сделаны не руками человека, а выточены ветрами и снегами за тысячелетия. Но создавалось впечатление, что природа специально потрудились, дабы создать человеку идеальную площадку для предупреждения от возможной опасности. С нее Тызыльское ущелье просматривалось влево чуть ли не до самого начала; вправо были видны замыкающие его скалы с заброшенными штольнями рудника поселка Солнечный; внизу ленточкой вилась речка и угадывались фрагменты дороги. Это действительно был идеальный наблюдательный пункт, предоставляющий

Культурный слой в пещере

шанс (прежде всего, выигрыш во времени) оперативно спрятаться в жилищах-пещерах, убрать подходы к ним.

P. S. Хранитель отдела археологических памятников Государственного исторического музея Анна Кадиева, побывавшая на днях в Кабардино-Балкарии, предполагает, что Тызыльское скальное захоронение относится к VII–IX векам н. э.; оно сродни тому, что расположено в Мощевой Балке (Краснодарский край). Ввиду своей внешней заметности такие могильники грабились часто и основательно, отчего так редко находят в них различного рода артефакты, в том числе железные. В республике столь многочисленные захоронения подобного рода неизвестны, отчего они представляют большой археологический интерес.

Гора-кольцо рядом с могильниками

НА КАВКАЗЕ ЖИЛИ ВЕЛИКАНЫ...

В архиве издательства немало свидетельств тому, что когда-то на территории Кабардино-Балкарии жили люди гигантского роста.

Кости, значительно превышающие привычные для нас размеры, попадают в могильниках нередко, но археологи как-то не придают этому особого значения: ведь и сейчас среди человеческих особей немало двухметровых великанов. Правда, это скорее исключение, чем правило, но тем не менее...

Сегодня достоверно известно, что рост Роберта Уодлоу (1918–1940, США) равнялся 2 метрам 72 сантиметрам, причем американец продолжал расти. А вот фельдшерского заключения о том, что русский крестьянин Федор Махнов, живший на рубеже XIX и XX веков, был ростом 285 сантиметров, не сохранилось, хотя оно и производилось, и ссылки на него имеются. Рост нашего современника украинца Леонида Стаднюка 2 метра 57 сантиметров.

Но трехметровых людей не зафиксировала даже Книга рекордов Гиннесса, хотя исторических свидетельств подобного рода великое множество. Вот лишь малая часть из них. Павсаний, греческий ученый, живший во II веке до н. э., сообщал, что в Сирии нашли гроб с человеческим скелетом длиной 5,5 метра. Историк Иосиф Флавий отмечал, что среди заложников, присланных персидским царем в Рим, был иудей Елезар, чей рост превышал 3 метра 30 сантиметров. Геродот писал о спартамцах, обнаруживших скелет человека в три с половиной метра. В исторических хрониках XII века повествуется о великане ростом того же роста, которого привели ко двору шотландского короля Евгения.

В том же веке (1135–1136) арабский путешественник Абу Хамида ал-Гарнати повстречал в столице Волжской Булгарии живого великана, о

Кость, найденная на границе КБР и РСО-А

чем оставил следующую запись: «А я видел в Булгаре высокого человека из потомков адитов, рост которого больше семи локтей, по имени Данки. Он брал лошадь под мышку, как человек берет маленького ягненка. А сила у него была такая, что он ломал рукой голень лошади и разрывал мясо и жилы, как другие рвут зелень. А правитель Булгара изготовил ему кольчугу, которую возили в повозке, а шлем для его головы, как будто котел. Когда случалось сражение, он сражался дубиной от дуба, которую держал в руке, как палку, но если бы он ударил ею слона, то убил бы его. И был он добрым, скромным; когда встречался со мной, то приветствовал меня и здоровался со мной почтительно, хотя моя голова не достигала ему до пояса, да помилует его Аллах».

Теперь вернемся в нашу республику. В книге «Таинственная Кабардино-Балкария» (очерк «Верхнечегемские могильники») мы уже писали, что с расположенным в этих местах «городом мертвых» связано немало преданий, невероятных историй, необычных фактов. И один из них базируется на следующем: во время раскопок, которые осуществлялись с наружной стороны склепов, были найдены скелеты в два метра и более. Кого даже после смерти охраняли те великаны, остается неизвестным.

Другой факт связан с селением Жемтала. Председатель колхоза «Москва» Магомед Атабиев, с которым один из авторов этих строк непосредственно общался в бытность работы в Верховном Совете КБАССР (Атабиев одно время был депутатом этого органа власти), рассказывал, что у него дома хранится бедренная кость великана, исходя из длины которой рост последнего достигал четырех метров. Разговор тот, помнится, свелся к шутке, и выезд на осмотр раритета, к сожалению, не состоялся. Сохранилась ли та кость – нам неизвестно.

Зато достоверно знаем другое. На одном из полей в районе все той же Жемталы долгое время оставался кусок необработанной земли. Он зарос кустарником и со временем последний стал разрастаться вширь, захватывая плодородные земли. Весной 1962 года было принято решение распахать эту землю, для чего из района прислали трактор с мощным плугом. Плуг зацепил, а потом и выворотил крышку огромного могильника, в котором лежали два костяка, но без нижних конечностей. Их длина от таза до черепа составляла около двух метров. Следовательно, получалось, что рост этих людей превышал четыре метра.

Поведавший нам об этом коренной жемталинец Хачим Тхагалегов вспоминает, что о данном случае даже писала одна из местных газет – молодежная или партийная. Заметка эта запала ему в память – он читал ее на газетном стенде, будучи работником только что созданного завода телемеханической аппаратуры, на котором трудился в 1961–1962 годах и

откуда осенью ушел в армию. Речь в ней шла о том, что скелеты передали для изучения в Ленинград, ученым Института антропологии и этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

Хачим, вернувшись из армии в 1965 году, попытался найти ту заметку, но попавшая ему в руки подшивка оказалась неполной, впоследствии же других попыток он не предпринимал. И наше перелистывание подшивок молодежной газеты, к сожалению, не дало результата. Но то, что заметка такая была ветеран не сомневается – о ее содержании он рассказывал армейским сослуживцам, проводя при этом параллели с... нартским эпосом, а более конкретно – с гибелью нарта Сосруко. Как известно, этого героя эпоса нарты довели до смерти весьма необычным способом: колесом Жан-Шерх (в адыгской версии) они перебили Сосруко бедра, то есть поразили в его единственно уязвимое место. И какая здесь связь, спросите вы? Но дело в том, что долгое время у въезда в Жемталу, у моста через реку Черек, лежал огромный камень в центре которого был запечатлен след подковы. О камне этом – его Хачим Тхагалегов хорошо помнит – в селении из поколения в поколение передавалась легенда, что след на нем оставил конь Сосруко, когда тот прыгал со скалы. Представляете, какие необычные параллели можно провести, если вспомнить, что находящийся во вскрытом могильнике костяк не имел нижних конечностей?!

Но вернемся к нашим реалиям.

Коневод Аркадий Яганов знает место недалеко от Урванских озер, где экскаваторщик при проведении работ по благоустройству неожиданно наткнулся на захоронение и в ковше оказалась берцовая кость, соразмерная ширине последнего – более 80 сантиметров. Рабочий, испугавшись, что потревожил прах мертвых, закопал свою находку.

Видели мы и фотографии берцовой кости, найденной у истоков реки Нальчик, с приложенной к ней для сравнения зажигалкой, причем длина кости превышала длину зажигалки в 13 раз. (Правда, при таком подсчете сразу же вспоминаются герои мультипликационного фильма, измерявшие длину удава попугаями; но как при отсутствии необходимых инструментов было поступить по-другому, желая вычислить размер кости?!)

Итак, при известной длине зажигалки (7 сантиметров), получалось, что кость равнялась 91 сантиметру! Но о корректности измерений в данном случае говорить не приходится – снимок сделан на телефонную фотокамеру, причем весьма примитивную, да к тому же в темноте. И хоть человек, принесший его в издательство, ни на чем не настаивал и ничего не просил, но просьбу показать кость – выразимся так – вживую до сих пор не выполнил, а посему достоверность ее существования остается для нас под вопросом.

А вот другой снимок, предоставленный нальчанином Андреем Степановым, оспаривать весьма трудно. Берцовая кость, которую держит в руке поисковик Сергей, достаточно велика – 78 сантиметров. Найдена она при раскопках в местах боев в годы Великой Отечественной войны на границе Кабардино-Балкарии и Осетии, в районе Эльхотово. Причем не в единичном экземпляре. Но так как цель была у ребят другая, кости эти они не тронули, вновь закопали, но где – запомнили. В прошлом году мы побывали с Андреем в тех местах, но до раскопок дело не дошло.

Известно, что по величине длинных трубчатых костей скелета, в частности берцовой, можно вычислить рост человека. Методик таких разработано достаточно много, но поскольку показатели каждой из них построены на материале, относящемся к группам населения с различными средними показателями роста, при экспертизе следует избирать методику, исходя из размеров исследуемых костей.

В нашем случае больше других подходит метод Троттера и Глезера (Trotter, Glezer, 1958), работавших с костями, относящимися к лицам высокого роста. Согласно ему, при длине берцовой кости в 78 см общий рост человека, которому она принадлежала, составлял не менее 271 сантиметра. А если использовать методики других авторов, то мы получим цифры в разбросе от 263 до 355 сантиметров. Если же применим эти подсчеты к человеку, чья берцовая кость составила длину 13 зажигалок, то окажется, что он был выше четырех метров!

...Долгое время нас занимал вопрос, почему рисунки (писаницы) древних художников, найденные в Тызыльском ущелье, расположены на высоте, значительно превышающей привычный человеческий рост, – более двух метров. При том, что сделаны они на отвесной скале, куда не подставить лестницу или какое-то другое приспособление. Но все становится на свои места, если допустить, что художник был раза в полтора выше сегодняшних творцов и писал он как было ему удобно, то есть на уровне груди. В пользу этой версии говорит и тот факт, что в могильниках, расположенных в ущелье, не раз находили огромные берцовые кости. Наш хороший знакомый Ануар Життеев, долгие годы в зимнее время присматривавший за скотом в Тызыле, рассказывал, как его родственник Магомет из могильника, раскопанного бульдозером, вытащил берцовую кость, которая оказалась куда как длиннее его руки от плеча до вытянутой кисти. А был он человек достаточно крупный, выше среднего роста, и получалось, что в этом случае длина найденной кости составляла где-то все те же 80 сантиметров.

Кем же были гиганты, захороненные в земле Кабардино-Балкарии, в какие времена они здесь жили? На этот вопрос могут ответить только серьезные исследования, требующие немалых финансовых затрат.

ДЛИННОГОЛОВЫЕ

В книге «Таинственная Кабардино-Балкария» мы напечатали статью о захоронениях в Северном Приэльбрусье, в которых были найдены вытянутые черепа с огромными лбами. Материал тот – своего рода дискуссия с известным исследователем А. Асовым, писавшим в одной из своих работ, что «в древних цивилизациях обладатели голов такой формы почитались не людьми, а чародеями и существами волшебными, «духами». На Кавказе их называли *альвинами* или *алками*... О них говорили как о сынах богов, сошедших со звезд...

В мире известно всего еще три места, где находили такие необычные черепа. В Археологическом музее города Лимы, столицы Перу, экспонируется несколько черепов... царей-жрецов народа кечуа. Это центр древней высочайшей цивилизации Тиауанако, которую относят к VI–VII векам н. э.

В Древнем Египте подобные формы голов были у знаменитой семьи фараона Эхнатона, правившего в XIV веке до н. э.

...Подобные черепа были найдены недавно и на берегу Иртыша под Омском. Дату Омского захоронения отнесли к V веку н. э. И мы теперь можем сказать, что там, где правили «высоколобые», там и находились центры величайших древних цивилизаций».

В приведенной цитате немало неточностей, но не здесь вести о них речь. Скажем только, что еще Гиппократ, знаменитый греческий врач, основоположник научной медицины, живший, как известно, в 460 – ок. 377 года до н. э., в работе «О воздухе, водах и местностях» писал: «Я умолчу о тех народах, у которых отличия мало заметны, расскажу только о тех, которые представляют важные особенности, происходящие от природы или от обычаев. Прежде всего скажу о длинноголовых. Нет никакого другого народа, который имел бы подобную форму черепа. Первоначально важнейшей причиной удлиненной формы головы был обычай, а теперь и природа содействует обычаю, происшедшему оттого, что они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинные головы. Обычай этот состоит в следующем: лишь только родится ребенок, пока еще кости его мягки, неотвердевшую его головку вправляют руками и принуждают расти в длину посредством бандажей и других подходящих приспособлений, вследствие которых сферическая форма головы портится, а длина ее увеличивается.

Первоначально так делали по обычаю, так что такая форма придавалась голове насильственным способом; но с течением времени это вошло в природу, так что обычай уже не насилует ее».

Михаил Дмитриенко, автор материала «Жрица с вытянутым черепом», пишет, что «в нашей местности эти черепа достаточно редки», но он ошибается. Захоронений длинноголовых в Кабардино-Балкарии немало. Так, в частности, балкарский таубий Науруз Урусбиев об этих самых деформированных черепах (он нашел их четыре) делал доклад на 28-м заседании отделов антропологического и этнографического Императорского общества любителей естествознания, состоявшемся в большой аудитории Политехнического музея.

В этом сообщении (оно опубликовано в 1886 году), в частности, говорится: «Черепки эти найдены в двух различных местностях, именно: два из них около аула Урусбиево, а остальные два – в местечке Отлук-кала. Расстояние между ними не более 30–40 верст. Как аул Урусбиево, так и Отлук-кала находятся в Нагорной полосе (близ Эльбруса) Терской области, там, где живут горцы-татары, которых обыкновенно называют балкарцами».

Далее идет подробное описание захоронений – они, кстати, разные: первые представляют из себя обычные могилы, вторые – подземные гробницы, сооруженные из камней и имеющие одно или два отверстия. Описание самих черепов в докладе Науруза Урусбиева отсутствует.

А вот что свидетельствует археолог Исмаил Мизиев: «В километрах восьми от впадения Хасаута в Малку, там, где ныне стоит ферма, прижатая к скалам, справа от дороги некогда было большое кладбище. Часть его состоит из грунтовых ям, обложенных каменными плитами, а часть – из подземных склепов. И те и другие на одном кладбище и относятся к одному и тому же времени – V–VII векам. В тех и других черепа были искусственно вытянуты – деформированы. У многих племен Приазовья, Поволжья и Северного Кавказа этот обряд деформации черепа еще в младенчестве существовал от первых веков до седьмого века н. э. На Кавказ он, конечно, привнесен, ибо до этого времени подобные черепа здесь неизвестны.

Удлиненные черепа в экспозиции Омского музея просвещения

Женщины племени мангбету с деформированными черепами. 1970.
Фотограф Элиот Элисофон

Любопытно в связи с этим вспомнить, что у города Тырнауза в 1968 году удалось зафиксировать групповое захоронение в подземном склепе V–VI веков н. э., где встречались черепа обычные и деформированные».

А вот еще одно интересное свидетельство. Константин Александрович Чхеидзе, автор книг о Кабарде и Балкарии («Страна Прометей», «Крылья над бездной», «Невеста гор», «Путник с Востока» и др.) оставил воспоминания, которые называются «События. Встречи. Мысли». К сожалению, этот знаковый труд до сих пор не напечатан, но в издательстве имеется его рукопись, а в ней такой вот фрагмент: «Корни истории Кабарды уходят в далекую древность. В кабардинских легендах говорится о какой-то таинственной связи этого народа с Египтом времен фараонов. Вопрос этот темный, однако известно, что при раскопках, проведенных на территории кабардинских подгорных районов, в древних захоронениях были найдены черепа с удлинненной формой, также находили скарабея. Такая форма создается искусственным путем – голову новорожденного младенца пеленают особым образом. Такая форма черепов, насколько знаю, встречается только в двух местах: в Египте и Кабарде».

Уточним, что скарабеи – это жуки, священные в Древнем Египте: вырезанные из камня амулеты и украшения служили предметами культа солнца. Эти фигурки действительно найдены в ряде захоронений на территории республики, в чем каждый может убедиться, заглянув в Национальный музей КБР. В запасниках последнего хранятся и удлинненные черепа.

И встречаются они не в трех местах, как писал А. Асов, и не в двух, как утверждал К. Чхеидзе, а достаточно широко – к примеру, у целого ряда племен Южной и Северной Америки, причем у народа майя деформация практиковалась до недавнего времени.

Деформированные черепа из экспозиции музея Паракаса, Ика

Какую же цель ставили перед собой те, кто воздействовал на форму черепной коробки, применяя при этом самые разнообразные формы и методы, начиная от специальных деревянных приспособлений и кончая тугими повязками? По большому счету, только одну: получить несоразмерно вытянутую голову.

Тогда, спрашивается, для чего? Каким целям служили, какие функции выполняли длинноголовые? Почему древние шли на эти эксперименты, ведь помимо массы неудобств, которые причинял сам процесс формирования вытянутого черепа, сама практика показывала (а современные медицинские исследования подтвердили – об этом говорится и в статье Михаила Дмитриенко), что подобные уникамы долго не живут. Более того, мучимые постоянными головными болями, нередко становятся людьми неадекватными, так сказать, не от мира сего – кликушествовыми провидцами.

А не кроется ли в последнем ответ на поставленный вопрос? Ставя мозг в неудобное положение, формируя, если так выразиться, новую реальность, не создавали ли люди, причастные к деформации, касту тех, кому приоткрывалось будущее?

Большинство современных ученых единодушны: изменение формы черепа влияет на различные области коры головного мозга, способствует изменению навыков человека. Но как конкретно и в чем это изменение проявляется, в частности, сказывается ли на психических способностях, неизвестно.

Но если не нейрофизиологической версией, тогда чем, скажите, объяснить причину столь длительного повсеместно-однообразного стремления к вытягиванию черепов? Культовым обрядом? Тогда какова его

мотивация? Генетическая память, основанная на облике пришельцев – представителей инопланетной цивилизации, некогда посетивших Землю и основавших человеческую расу? Версия имеет право на жизнь, но пока только как фантастическая.

А длинноголовые – они-то ведь земные: лежат в могилах рядом со своими соплеменниками-современниками и ничем, кроме черепов, от них не отличаются.

И еще одна весьма необычная деталь, обратить внимание на которую позволила публикация «Жрица с вытянутым черепом». Автор пишет, что на черепе женщины из скифской гробницы им «обнаружен след от крупной травмы, нанесенной тупым предметом». Фраза эта заставила в прямом смысле вздрогнуть. Мгновенно вспомнились интернетовские публикации о хранящихся в Омском музее просвещения восьми черепах удлиненной формы, найденных в 2001–2004 годах во время раскопок могильного кургана в Прииртышье. Возраст семи женщин от 20 до 30 лет, мужчины – за сорок. Но самое главное: в черепе последнего имеется отверстие, сделанное, как пишут в милицейских отчетах, «тяжелым тупым орудием». Не своей смертью умерли и женщины, о чем свидетельствуют раны на висках, более того, у всех переломаны руки. Тогда, получается, убийство было ритуальным? Кому и для чего были принесены в жертву эти люди или, если ставить вопрос по-другому, чем и перед кем они провинились?

Иртышское захоронение ученые относят к пятому веку н. э. Примерно этим временем (некоторые – ранее) датируются и вытянутые черепа из могильников Кабардино-Балкарии, относимые к аланскому периоду. (Напомним, что историки твердо уверены: аланы и сарматы, как, впрочем, аланы и скифы, один и тот же народ.) Принято считать, что Великое переселение народов происходило в аланский период (200–800 годы н. э.); большая часть аланов ушла в конце IV века на территорию Западной Европы, в пределы Римской империи; некоторые остались в Предкавказье.

А если допустить, что какое-то аланское племя выбрало иное направление, оказавшись в конечном итоге в Прииртышье? Подтверждением этой версии может служить и другое погребение, найденное на Оби, вблизи села Белоглазово, – вождя древнего кочевого племени. Погребальный инвентарь его поражает: пояс с золотыми и серебряными бляхами, такой же меч, обручи-гривны с головками хищников на концах... Но самое главное: череп вождя неестественно вытянут, деформирован искусственно. Пробит ли он, нам неизвестно...

ЖРИЦА С ВЫТЯНУТЫМ ЧЕРЕПОМ

Студент Ставропольской медицинской академии Михаил Дмитриенко увлекается краниометрией. Он первый в республике занялся реконструкцией черепов по методу Герасимова и попытался раскрыть тайну костей, хранящихся в Национальном музее КБР и Институте гуманитарных исследований.

Меня давно интересовала антропология, в частности краниометрия. Первое время самостоятельно изучал все, что связано с этой темой. Во-первых, основательно проштудировал несколько томов методики восстановления лица по черепу Герасимова. Массу литературы по остеометрии и антропологии. Помогла и соответствующая библиотека – прабабушки историка – и Интернет. Затем мне помог кандидат исторических наук из Института гуманитарных исследований Владимир Фоменко.

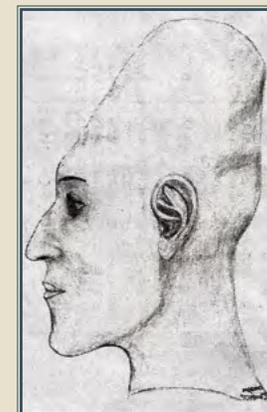
Вытянутый череп из Национального музея я помнил с детства. Обратился к директору Феликсу Накову, который любезно предоставил экспонат для исследования и порекомендовал меня для работы в Институте гуманитарных исследований на общественных началах. Я провел там 4 месяца, изучая огромное количество черепов – деформированных и обычных. Некоторые реставрировал, склеивал, исследовал. На каждый заводился своего рода «паспорт», в который вносились данные о его раскопках, краниометрические данные и схемы черепа. В отдельных случаях выполнялась графическая реконструкция.

Результаты были озвучены на научной конференции летом 2011 года в Институте гуманитарных исследований. Коллеги реагировали по-разному. Некоторые не воспринимали всерьез и сначала относились предвзято. Но когда увидели методы работы и результаты, стали относиться даже с уважением.

Череп из музея был найден в 1925 году московской экспедицией совместно с местными археологами в одном из захоронений на территории КБР. Описание ограничивалось примерно такой формулировкой: «череп вождя аланского периода». Однако даже на первый взгляд было ясно, что это не соответствует действительности. И дальнейшие исследования это подтвердили. Череп легкий, небольшой, женского типа. Причем молодой девушки лет 14–17, у которой даже не выросли задние коренные зубы.

Есть несколько гипотез такой странной формы. Основная, к которой склоняются большинство ученых мужей: деформация носила религиозный характер. Еще в младенчестве девочкам, будущим аланским жрицам, сдавливали череп ремнями,

пластинами. По одной из версий, вытянутая форма черепа вкупе с бритой головой была данью фаллопклонничеству. По другой – столь необычный вид выделял жриц из толпы. Искусственное происхождение такой формы не вызывает сомнений: процесс деформации оставил отпечатки на кости – следы от ремней, пластин. С течением времени ремни или пластины сдавливались еще больше, постоянно образуя обширные гематомы. Под ними происходил воспалительный процесс, который также отразился на кости – она стала рыхлой, пещеристой. Как это влияло на здоровье и умственные способности, достоверно неизвестно. Но практически все найденные деформированные черепа принадлежат людям до 20 лет. Исходя из этого, можно сделать вывод, что люди с такой деформацией долго жить не могли. Изменение формы мозга, сдавление приводило к увеличению частоты инсультов, мозговых кровоизлияний и т. д.

В скульптурах, относящихся к аланскому периоду на территории Северного Кавказа, есть несколько каменных изваяний, которые изображают людей с деформированной головой. Некоторые считают, что это шлем. Однозначно утверждать нельзя – скульптурное изображение достаточно схематично. Подобные изваяния находятся в запасниках музея, института; можно их встретить и в поселении Эль-Тюбю. Другие этносы, кроме аланов, на Северном Кавказе, вероятно, не использовали деформацию.

Одной из целей работы было отнесение к тому или иному этносу черепов. Данный относится к европеоидной расе с монголоидными чертами, кавкасионского типа. Интересно, что это был как раз период, когда происходило кровосмешение с монголоидной расой. Хотя в другие периоды аланы радели за чистоту «расы». В нашей местности эти черепа достаточно редки. Больше распространены в сторону Кубани, Ставрополья, Дагестана. В Кисловодском музее порядка десяти таких экспонатов.

С уверенностью можно сказать, что у девушки был левосторонний гайморит – видимо, жрица гнусавила и мучилась насморком. Подобная деформация черепов встречается у народов майя, ольмекков, у жителей древнего Нижнего Египта. Находят такие черепа и в Сибири – но кому они принадлежали, неизвестно.

Среди исследованных черепов в КБИГИ есть любопытные экспонаты. Полуразрушенный собран из многочисленных трудноопознаваемых кусочков. Это женщина из скифской гробницы. Возраст не поддается определению. Деформирован при помощи пластин. Причем, судя по незначительной кубовидной деформации, она началась примерно в 2–3 года жизни и продолжалась до 10–14 лет. Судя по зубам, этой даме было больше 20 к моменту гибели. На темени обнаружен след от крупной травмы, нанесенной тупым предметом.

Все изученные экземпляры черепов являются в своем роде уникальными образцами краниологического природного разнообразия форм и рельефов.

Однако наиболее поразительным мне представился череп из могильника XIV века (Курнаят, 1968). Это чудо с огромными глазницами я называю «курнаятский гидроцефал». Легкий череп светло-бежевого до песочного цвета, с невероятно большим мозговым отделом черепа, выпирающим вперед лбом, с чрезвычайно большими «неземными» глазными орбитами, с очень тонкой костью и низко опущенным подносовым шипом.

Но более всего меня поразили два взаимоисключающих признака: достаточно развитые коренные зубы в количестве 28 с очень развитыми корнями, но кривые и с истощенной эмалью, стертой до дентина, и незаросший лобный шов. Он с легкостью может быть использован для разбора черепа по отдельным костям, если использовать, скажем, метод набухания сухого наполнителя. Такой незаросший шов носит название *метопического* и встречается крайне редко. Скорее всего, череп принадлежал человеку с явным недоразвитием, лет 15–17, чей пол определить ввиду отсутствия выраженного рельефа не представляется возможным. Такие черепки мало изучены и представляют несомненный интерес в связи с редкостью их обнаружения. Череп несет в себе черты младенческого (швы) и взрослого (подросткового) возрастов (зубы с развитыми корнями).

Скульптурная реконструкция даст возможность в полной мере представить и увидеть действительное лицо, которое в объемном представлении обещает весьма колоритную персону.

Газета Юга. 2012. 1 марта

Приложение

КРАНИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕРИИ ЧЕРЕПОВ КУРКУЖАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

I

В Нальчикском округе Терской области близ поселка Куркужан * в августе 1913 года экспедицией, командированной от Терского областного музея (г. Владикавказ), были произведены археологически раскопки, во время которых найдены семь черепов. Краниологическое исследование последних послужило темой настоящей работы.

Г. А. Вертепов, руководивший раскопками, так описывает обстоятельства своих археологических находок: «По всему пути от слободы Нальчик до поселка Озроково, на протяжении более 100 верст, встречаются явные признаки древних могильников с различными типами погребений, а начиная от селения Атажукина I, вверх по течению реки Баксан, их можно видеть буквально на каждом шагу. К сожалению, большинство раскопано хищниками, следы раскопок и народная молва указывают, что массовое расхищение могильников местными жителями началось уже давно, непосредственно по следам археологов, которые производили здесь раскопки 15–20 лет тому назад. Громадный могильник близ поселка Озрокова расхищен весь целиком: мои спутники насчитали более 150 курганов и столько же грунтовых могил, и все они оказались раскопанными, по-видимому, недавно, так как выброшенная на поверхность земля не успела еще зарости травой.

Осмотр ближайших окрестностей не принес ничего утешительного: на пространстве 15–20 верст от Озроковского могильника во все стороны встречаются следы еще недавних раскопок, причем хищники не пропускали ни одного подозрительного места: раскопаны не только курганы, но и естественные возвышения на склонах гор и даже тригонометрические знаки, очевидно, принятые невежественными кладоискателями за надмогильные памятники.

На расспросы о том, кто занимается раскопками и куда сбываются найденные вещи, жители отвечают неохотно; однако из разных случайно полученных сведений выяснилось, что систематическими раскопками занимаются очень многие жители селения Атажукина и особенно Чегемского общества, среди которых есть лица, изучившие это дело на практике в совершенстве. Удачные находки этих лиц заразительно подействовали на других, и теперь среди местных жителей почти нет человека, в особенности молодого, который при случае не взялся бы за лопату

*Современное название: Куркужин.

и кирку, а для раскопки больших курганов учреждаются даже артели и правильно организованные товарищества на паях. Сбыт найденных предметов обеспечен самый широкий: мелкие вещи охотно приобретают заезжие туристы, а более ценные редкости сбываются скупщикам, имеющим связи как с русскими и иностранными музеями, так и с отдельными любителями древностей.

Производство раскопок встретило большие затруднения в отсутствии рабочих, так как местные жители были заняты спешной уборкой сенокосов. Пришлось посылать в селение Чегем, откуда лишь через два дня прибыли сначала один, а потом еще двое горцев, согласившихся работать по 1 руб. 50 коп. в день на нашем продовольствии. Тем временем мимо нашего лагеря проходили два свана, нанявшиеся к местным жителям косить сено, которых я уговорил поработать на раскопках, пока мы найдем постоянных рабочих. Пользуясь этими случайными рабочими, я начал с Озроковского могильника, где выбрал один курган, носивший признаки неоконченной хищнической раскопки. Моя цель заключалась, главным образом, в исследовании погребения, что отчасти и было достигнуто. Могила оказалась под курганом и представляла выкопанную в грунте четырехугольную яму около 1½ саж. длиной, 2 арш. шириной и 1 саж. глубиной; направление с запада на восток. Стены ямы выложены обтесанным камнем, в боковых стенах устроены по 2 ниши, входное отверстие сделано в западной стене на ½ саж. выше пола и заложено большой каменной плитой. Сверху могила заложена большими поперечными каменными плитами, положенными на боковые стены в уровень с горизонтом земли; щели между этими плитами тщательно заложены камнями с глиняной обмазкой. Над всей могилой насыпан курган в рост человека.

Внутренность могилы оказалась разграбленной; кости покойника лежали в беспорядке, вещей никаких не осталось. По словам местных жителей, все могилы Озроковского могильника устроены одинаково, разница бывает только в размерах склепа. Покойники лежали посредине могилы головой на восток, вещи находились как на дне могилы, вокруг костяка, так и в боковых нишах склепа. Под одним из курганов в 1911 году артель хищников открыла очень богатую могилу, в которой оказалось много украшений и полный набор конской сбруи из чистого золота; но куда девались эти находки, установить не удалось.

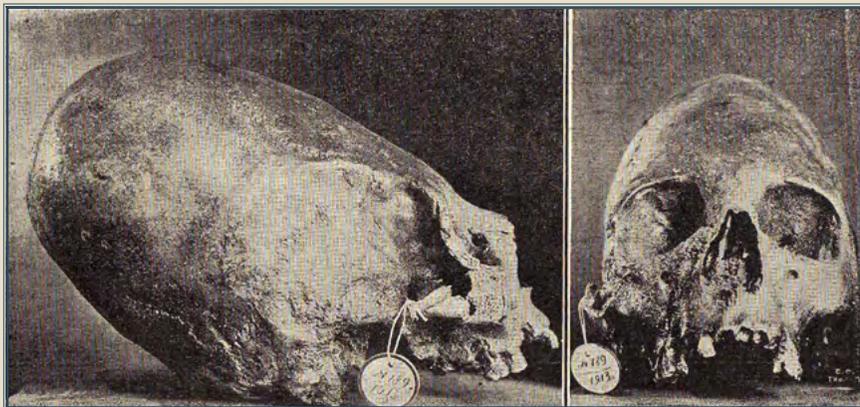
По прибытии рабочих мы начали раскопку могильника, который я отыскал верстах в трех от нашего лагеря, на противоположном (левом) берегу реки Баксан, при впадении в него реки Гижгид. Здесь наружные признаки погребений едва заметны, и это обстоятельство, очевидно, спасало могильник от хищников. Раскопки начались с небольшой могилы, в которой ничего особенного не найдено, а когда вскрыли большую могилу, выкопанную около сажени ниже горизонта, то в ней оказались хорошо сохранившиеся следы хищнического хода, пробитого под землей с юго-западной стороны очень давно, по-видимому, современниками погребенного, и в груде земли, засыпавшей этот ход, были найдены 3 куска золотой обшивки какого-то предмета, очевидно, оброненные грабителями. Могила устроена по типу Озроковских могил, но с более грубой кладкой стен и только с одной боковой нишей в южной стене, а верхние плиты над склепом уложены в три ряда.

Череп из Куркужанского могильника

Неудачи на двух описанных могильниках заставили меня искать новых погребений, и я остановил свой выбор на громадном могильнике верстах в 10 выше нашего лагеря, на правом берегу реки Баксан, близ поселка Куркужан. Более заметные курганы и здесь уже раскопаны, но осталось много еще не тронутых могил, менее заметных по наружным признакам. Раскопав здесь три могилы, мы вполне вознаградили себя за все предыдущие неудачи.

Куркужанские могилы устроены по типу Озроковских, с той только разницей, что вместо надмогильных курганов здесь имеются едва заметные возвышения, обложенные камнем, а сам склеп сверху донизу заполнен плотно слежавшейся землей. В каждой могиле оказалось 6–7 покойников, похороненных в сидячем положении: черепа их лежали непосредственно на тазовых костях, окруженных ребрами, позвонками и костями верхних конечностей, а нижние конечности вытянуты вперед. Выше человеческих костей в земле много бычачьих и бараньих костей, а на дне могилы около входного отверстия – древесный уголь и зола. Вперемежку с костями животных лежали по числу покойников небольшие глиняные кувшины с разнообразным орнаментом, а вперемежку с человеческими костями – различные предметы из железа, бронзы, серебра и золота с самоцветными камнями; среди множества бус встречались сердоликовые и янтарные. Помимо разнообразных пряжек, браслетов, колец, фибул, металлических зеркал, пуговиц, подвесок более или менее изящной работы, здесь найдены: серебряная баночка с крышкой очень тонкой работы, золотое кольцо, золотая пряжка с алмазным посредине и эмалью по краям, три алмазные пуговицы в золотой оправе, камня и металлический прибор из небольшого шила и ланцета. Из железных предметов в одной могиле оказался меч, а в другой – ножницы.

Череп из Куркужанского могильника

Кости покойников истлели настолько, что об извлечении скелетов нечего было и думать. Удалось взять с собой только 7 черепов, которые по извлечении из могил были для сохранности проклеены жидким клеем. Все черепа длинноголовые (долichoцефалы); особенно поразительна форма одного из них, напоминающего срезанный наискось большой огурец: лба нет совсем, а прямо от лицевых костей идут вытянутые назад и кверху лобная и теменная кости без всяких выпуклостей и впадин.

Здесь мы наткнулись на чрезвычайно загадочное явление: два черепа, расположенные ближе к западной стене, оказались плотно набитыми землей. Когда я начал осторожно выковыривать через затылочное отверстие землю заостренной палочкой, то вскоре в разных местах стали показываться кости от кисти человеческой руки. Как эти кости попали внутрь черепа вместе с землей и какое значение имеет эта, по-видимому, ритуальная загадка, судить не берусь».

II

Перейдем к описанию наружного осмотра имеющихся в нашем распоряжении черепов.

Череп № 189. Форма и внешние очертания черепа обращают на себя особое внимание и, действительно, соответствуют тому образному описанию Г. А. Вертепова, которое приведено выше. Череп узок и непомерно удлиннен назад и несколько вверх. Лобная кость сильно уплощена, на ней имеется срединное продольное возвышение, наиболее выраженное в центре лба; надбровные дуги едва развиты. Над наружным затылочным бугром резко выражена ямка, равная 1 см в диаметре. На верхней челюсти имеется 6 крайних зубов (4 на одной стороне и 2 на другой) и 1 резец (второй), резко наклоненный вперед; все зубы хорошо сохранены. Кости черепа целы: костные швы хорошо выражены и соединены.

Череп № 190. По внешней форме близок к предыдущему. Имеется срединный лобный шов, не сходящийся в брегме со стреловидным швом. В ламбде имеется *os interparietale* (*s. os Incae*) с диаметром в 2 и 3 см. Срединное лобное возвышение менее выступает, чем на предыдущем черепе. Лобные бугры не выражены, надбровные дуги слабо развиты. Основание черепа в значительной мере разрушено. Кости в заметной степени порозны и ломки. Швы височных костей и отчасти ламбдовидный разъединены. Зубы целы, отсутствуют 2 резца и 1 клык, резцы сильно наклонены вперед.

Череп № 191. Очертания лба более выпуклые, нежели на предыдущих черепках. Теменные кости в задних частях образуют выступ, доминирующий над всем черепом. На теменных костях позади венечного шва явственно выражена поперечная перетяжка, продолжение которой представляется в виде двух боковых вдавлений в области ветвей ламбдовидного шва. На поверхности черепа много неровностей, возвышений и углублений. Кости истончены сильнее, чем в предыдущих черепках, с более выраженными на них трещинами и отломками. Имеется срединный лобный шов. Надбровные дуги слабо развиты. Носовые кости изогнуты в виде горба. Верхняя челюсть сильно разрушена, зубы отсутствуют. Внутри черепа, набитого землей, было найдено 10 длинных кистевых костей (4 метатарсальные, 4 вторые пальцевые фаланги и 2 ногтевые) и 6 отломков других трубчатых костей; длина целых костей 5,5–6,8 см.

Череп № 192. С внешней стороны представляется более правильным, нежели все предыдущие. Лобная кость в первых двух третях уплощена и переходит под углом в верхнюю треть ее; на ней имеется нерезкая впасть по обе стороны срединной линии. Надбровные дуги резко выражены. Носовые кости в виде сильного горба. Затылочная кость с большими шероховатостями, углублениями и выступами, особенно в верхней ее части. Кости черепа целы и крепки. Швы хорошо выражены и соединены. На верхней челюсти справа сохранились 2 малых коренных зуба.

Череп № 193. Весь контур черепного свода резко деформирован, на его поверхности много впадин и возвышений. Задневерхняя часть черепа, образованная главным образом теменными костями, сильно развита и резко выступает назад и вверх в виде бугра, ясно отграниченного от остальной части черепа кольцеобразной перетяжкой, проходящей через верхнюю часть лобной и через боковые части теменных костей к затылочной области. Лоб сильно уплощен. Надбровные дуги хорошо развиты. Носовые кости менее изогнуты, чем на предыдущих черепках. Затылок плоский, отвесный. Костные швы повсюду сильно разъединены. Кости в сильной степени порозны и разрушены. На верхней челюсти сохранились в целости 6 крайних зубов и 1 клык.

Череп № 194. По своему типу наиболее сходен с черепом № 192. Контур его наиболее правильны сравнительно со всеми предыдущими черепками. Кости целы и крепки. Лоб менее уплощен, чем в упомянутом выше черепе, более правилен, надбровные дуги сильно развиты, над ними во всю ширину лобной кости узкое углубление. Носовые кости сильно изогнуты в виде горба. Теменные кости заметно

вытянуты назад и вверх, на них в передней части по обе стороны стреловидного шва симметричные вдавления. На части затылочной кисти, прилегающей к ламбде, имеется резкий выступ. По стреловидному шву несколько небольших шовных костей; по ламбдовидному шву слева шовная кость с наибольшими, взаимно-перпендикулярными, размерами в 1,5 и 3 см. Полость черепа и все его отверстия при раскопке оказались плотно набитыми землей, по удалении которой внутри черепа оказалось: 7 пястных костей, из них 2 одноименные; 5 ручных фаланговых, из них: одна первая фаланга, 3 вторые фаланги, из которых одна – отломок фаланги. Размер пястных костей по длине 5–7,5 см. На верхней челюсти сохранились 5 зубов: 3 коренных и 2 клыка; зубы стерты и истончены.

Череп № 195. Наиболее сходен с черепами № 193 и № 191. Резко, но менее, чем на № 193, выражен задневерхний выступ. Кольцеобразная перетяжка резко заметна на затылочной и теменных костях в области ламбдовидного шва. Резко выражен на лбу срединный шов. Имеется продольное возвышение (в виде хребта) по лобному и стреловидному швам (как и в № 189, но здесь сильнее выражено), что придает черепу кровлеобразный вид. Затылок отвесный. Из зубов сохранился один малый коренной. Кости довольно крепки. Височные швы почти разъединены.

Общими отличительными чертами черепов на основании изложенного описания их являются: резкая скошенность и уплощенность лобной кости, сильное развитие теменной области в виде преобладающего над всем черепом выступа кзади и вверх, отвесность и уплощенность затылка, сагиттальное возвышение свода, более заметное на одних черепах, и поперечная кольцеобразная перетяжка – на других. Кости черепов в большей или меньшей степени порозны, истончены, местами разрушены и ломки.

При краниометрическом измерении черепов я придерживался изложенной ниже методики.

Продольный размер черепа измерялся по общепринятому способу – от глабелла до инион, однако одним этим размером нельзя было удовлетвориться, так как он не соответствовал на наших черепах наибольшей их длине. Последняя определялась расстоянием от точки глабелла до наиболее удаленной от нее точки на задней стороне черепа, которая находилась то на стреловидном шве, то на затылочной кости вблизи ламбды. Ушная высота измерялась, по возможности, перпендикулярно к «немецкой горизонтали». Наибольший горизонтальный обхват черепа соответствовал наибольшей длине его, а не обхвату через инион. Дуги отдельных костей черепного свода брались по срединной линии, проходящей от назияна к опистион. Степень прогнатизма определялась отношением чисел, выражающих расстояния от базион к альвеолярной точке верхней челюсти и от базион до назиян (помноженным на 100). При вычислении головного указателя принималась во внимание наибольшая длина черепа, равно как и при вычислении высотного указателя, за высоту же принимался размер от базион до брегма (Монакское соглашение 1906 года), а также вертикальный диаметр от базион до вертекса (по Вирхову). Емкость черепов определялась при помощи проса. Наибольшее расстояние между внутренними краями альвеолярных отростков принималась за ши-

рину нёба, за длину принималось расстояние от альвеолярной точки до задней носовой ости. Изменения глазницы производились на правой стороне. Некоторые размеры на нескольких черепах не приведены ввиду разрушения исходных для их измерения частей. Прочие измерения не требуют особых разъяснений.

Приведенные в таблицах (здесь отсутствуют. – *Изд.*) цифры указывают на значительные колебания одних и тех же размеров на разных черепах, что отразилось, конечно, на индексах, не оказавшихся вполне однородными. Наряду с ультрадолихоцефалией (№ 189) имеем дело с простой долихоцефалией и такой ее степенью, которая граничит с мезоцефалией (№ 192 и 194). Все черепа вместе с тем представляют резкую степень гипсицефалии, колеблющуюся, однако, в значительных пределах. Все лица в сильной степени хамэпрозопические. По главному указателю имеем дело с мегаземами, за исключением № 194, принадлежащего микрозему. По носовому указателю: 2 черепа лепторинические (№ 189–190), 3 – мезоринические (№ 191, 195, 194) и 2 платиринические (№ 192–193). Два ортогната (№ 194–195), два мезогната (№ 192–193) и один резкий прогнат (№ 189).

В отношении отдельных размеров следует заметить, что они на мозговом черепе меньше таковых же для современного средневропейского населения, особенно обращает на себя внимание в этом отношении емкость черепа, которая на наших черепах колеблется от 1180 до 1250 см³, тогда как средняя вместимость черепа у европейцев 1400–1500 см³. Обращает на себя внимание также дуговой размер лобных и теменных костей по срединной линии, который то преобладает для лобной дуги, то для теменной. Размеры лицевого черепа или соответствуют таковым же у европейцев, или даже больше их, как, например, скуловой диаметр, глазничные и носовые размеры.

Желая придать общую характеристику черепах по приведенным для них выше индексам, мы можем с некоторой условностью отнести их к разным степеням долихоцефалии (преимущественно простой долихоцефалии), гипсицефалии, хамэпрозопии, мезогнатизма, мегаземии и мезоринии. Однако, ценность этих наших выводов в антропологическом отношении значительно понижается от признания высказанных нами ниже соображений.

III

На основании наружного осмотра и неоднородности краниометрических данных, изложенных нами в предыдущей части, не подлежит сомнению, что имеем дело с искусственно произведенной прижизненной деформацией черепов.

По литературным данным, деформация голов у варварских народов производилась широко и имела повсеместное распространение. Как известно, и в настоящее время существуют народности, прибегающие к подобной деформации. Обычай такой, хотя и в более слабой степени, отмечается также и среди современных кавказских племен. Деформация, как предполагают, производилась в раннем младенческом возрасте путем бинтования головы иногда с применением наложения дощечек, при посредстве которых достигалась та приплюснутость лба и затылка и

та уродливость внешних очертаний, которые так явственны на нашей серии черепов. Бинтование в большинстве случаев, по-видимому, производилось в горизонтальном направлении, что способствовало росту головы преимущественно вверх и несколько назад.

На основании следов деформации наших черепов есть возможность допустить, что последняя в некоторых случаях производилась при помощи прибинтовывания плоских предметов по обе стороны срединной линии лба и на затылке, на что указывают сплюснутость лобной кости с имеющимся на ней сагиттальным возвышением, отвесность затылка и сильное развитие заднетеменных частей. На других черепах явственнее выступает иного рода деформирование головы, здесь наиболее заметна поперечная перетяжка черепа в направлении от брегма через теменные кости к средней части затылочной области. Такая перетяжка могла произойти от наложения на голову стягивавшего металлического пояса или кольца. И наконец, в некоторых случаях, по-видимому, имело место более энергичное и широкое бинтование головы по указанному выше типу, в результате чего получилась та степень долихоцефалии, которая отмечена нами в черепах № 189 и 190.

О таком уродовании головы упоминает Гиппократ в V веке до Рождества Христова и отмечает ее у некоторых племен Черноморского побережья. Черепа, подобные описанным нами, были найдены на Кубани, в Осетии, близ Эльбруса, в Мцхетах, Керчи, Крыму, близ Ростова-на-Дону, а также и во многих местах Западной Европы. Большинство из них относится к III–IV векам от Рождества Христова и к более позднему периоду и, как полагают, принадлежат варварским народам начала Средних веков, в частности, относительно Кавказа их считают принадлежащими аланам, предкам осетин.

Могильники, описанные Г. А. Вертеповым, напоминают собою западно-европейские долмены. По различной сохранности найденных в них черепов можно допустить, что последние принадлежали людям, похороненным в разное время, сами же могильники были, по-видимому, семейными или родовыми усыпальницами. Факт обнаружения в некоторых черепах не принадлежащих им костей, по-видимому, находит себе объяснение в приведенных выше соображениях. Возможно допустить, что вложение упомянутых костей в полость черепа произведено из каких-либо побуждений, быть может, обрядового характера, значительно позже погребения субъектов, которым они принадлежали. Однако обсуждение этой стороны вопроса не входит в рамки настоящей работы.

Доктор М. И. Чехович

Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 4. С. 53–69.

КОГДА СВЕТ ЗВЕЗД ПРОНИКАЕТ В ЧЕРЕП...

О том, что на некоторых черепах, найденных в могильниках, расположенных на территории Кабардино-Балкарии, имеются следы трепанации (от греческого слова «трепан» – *τροπαν*, – обозначающего специальное сверло, применявшееся для перфорирования), известно достаточно давно. Да и сама операция искусственного прободения уходит корнями в неолитический период земной истории, свидетельствуя, что уже тогда первобытный человек был знаком с хирургическими приемами вскрытия черепной полости.

Начиная со второй половины XIX века найдены и описаны многие сотни трепанированных черепов по всему миру с отверстиями, имеющими преимущественно четырехугольную или круглую форму. Дело в том, что в древности прободений производилось куда больше, чем сейчас, ведь осуществлялись они не только с целью излечения больного, но во многих случаях носили ритуальный и религиозный смысл.

Известно, что тибетские монахи считали, что такая операция (в данном случае, открытие «третьего глаза») позволяет обрести дар ясновидения. С этой целью у представителя монашеской братии, избранного стать предсказателем, в середине лба высверливалось отверстие, которое смазывалось лечебными мазями и закрывалось деревянной пробкой.

Способов прижизненных черепных трепанаций древние хирурги разрабатывали множество. Вот что по этому поводу говорил антрополог Поль Брок, один из первых исследователей древних прободений черепа, выступая перед членами Французской академии медицины: «Я имею честь представить академии древний перуанский череп, трепанированный при жизни субъекта способом полностью отличным от использовавшегося в европейской хирургии. Трепанование – древнейшая хирургическая практика. Она упоминалась Гиппократом, который описывал ее как рутинную операцию. Но ее происхождение остается неясным. Почти как сегодня, древние греки трепанировали

Череп, найденный в КБР

Образцы
черепных
трепанаций.
Перу

пилой коронобразной формы. Ничто не указывает на то, что греки или их предки проводили операцию другими методами. Но на черепе из Перу трепанация проведена иссечением прямоугольного фрагмента».

Среди этих способов – выскабливание (самый болезненный и в то же время самый безопасный), выпиливание (вырезание), пробитие (просверливание) мелких дырок по кругу с последующим выламыванием центральной части.

Последний блестяще описан Михаилом Булгаковым в его знаменитом «Собачем сердце». Вспомним, как профессор Преображенский командует: «Трепан!» – и Борменталь подает ему блестящий коловорот. «Кусая губы, Филипп Филиппович начал втыкать коловорот и высверливать в черепе Шарика маленькие дырочки на расстоянии сантиметра одна от другой так, что они шли кругом всего черепа. На каждую он тратил не более пяти секунд. Потом пилой невиданного фасона, всунув ее хвост в первую дырочку, начал пилить, как выпиливают дамский рукодельный ящик. Череп тихо визжал и трясся. Минуты через три крышку черепа с Шарика сняли».

Какие же инструменты использовались для трепанации в прошлом? Поблизости от древнего города Ниневии был найден бронзовый цилиндр, с одной из сторон которого были выпилены зубья. В погребениях у поселения Гунтрамсдорф (Австрия), датированных 200 годом до н. э., нашли трепанированные черепа и пластинку, выпиленную из черепа. Этим же периодом датируется и так называемая могила лекаря, раскопанная в Баварии, в которой был найден «пилообразный» инструмент из железа. В конце XIX века в Сибири было найдено несколько ланцетовидных предметов из бронзы, датированных IV–III веками до н. э.

Пила для трепанации черепа. Европа, 1830–1860

Особых успехов в краниотомии (от латинского *craniū* – трепанация свода черепа с целью вскрытия его полости) достигли римские врачи. Ими для сверления небольших отверстий применялся специальный инструмент, который назывался модиолус, или венечный трепан, представлявший из себя бронзовый цилиндр с зубчатыми краями и направляющим стержнем, который вращался при помощи лука. Этот метод трепанации многие называют *римским*.

Одним словом, краниотомия в древности использовалась повсеместно и часто. В работе современного автора (М. Б. Медникова. *Трепанации в древнем мире и культ головы. М., 2004*) приводятся такие сведения: «Современные ученые, обследовав свыше 9500 черепов, найденных на территории Венгрии в 59 разновременных могильниках, на 97 черепах обнаружили 143 символические трепанации. В 71 % трепанации единичны, но на 28 % черепов можно видеть от двух до пяти символических знаков. Все эти находки датируются X–XI веками. Среди «символически трепанированных» были индивидуумы разного пола и возраста, но не было детей. Две трети в этой суммарной выборке составляли мужчины. Трепанация осуществлялась не сверлением, а вырезанием. Для начала на верхней части свода ножом наносили контуры будущего углубления, потом ямку выскабливали или вырезали. Обнаружены четыре случая прерванной, незавершенной процедуры. Часто на череп человека наносили несколько знаков, иногда спустя годы после первой символической трепанации. По археологическому инвентарю могилы символически трепанированных людей ничем не отличаются от всех прочих. Поэтому сложно предполагать какое-либо прижизненное обособление этой категории населения. Венгерские авторы допускают, что символические трепанации служили пер-

вичным лечением, а если оно не помогало, обращались к хирургическим трепанациям. Они ссылаются на врачебный трактат 1603 года, в котором выскабливание внешней пластинки черепа рекомендовано для лечения эпилепсии».

Ну а теперь самое время вернуться в Кабардино-Балкарию. Количество могил, разграбленных за последнее время в нашей республике «черными археологами», сегодня исчисляется многими сотнями. Но если раньше гробокопатели испытывали суеверный страх перед мертвыми и, вскрыв захоронение и забрав из него все ценное, присыпали останки землей, то сегодня человеческие кости и черепа чаще всего бросают рядом или оставляют в разоренных могилах. По этой причине нам и удалось выявить несколько черепов со следами трепанации.

Кстати, о том, что один из таких черепов уже находили в наших местах, писала в 1889 году газета «Терские ведомости» (№ 86): «Старики говорили, что здесь (Северное Приэльбрусье. – Авт.) проходила дорога, по которой «христианский народ ратью шел в Азию за веру» и оставил на своем пути эти кресты. Был найден и череп со следами трепанации, техническое исполнение которой указывает на римский метод операции».

Все осмотренные нами черепа (в ущельях Хазнидон, Сукан, Урды, Тызыл) имели отверстия, осуществленные вырезанием. О том, что это именно трепанация, говорило отсутствие трещин вокруг дырки в черепной коробке, которые непременно возникают при ударе холодным оружием, а также тот факт, что имелись следы заживления – при удачной операции отверстие в черепе со временем (значит, пациент остался жив!) закрывается восстанавливающейся костной тканью.

Поводом же для написания этого материала стал хабар, дошедший до нас через третьи руки, о том, что один из жителей селения Заюково Баксанского района, копая с участием соседей в своем дворе выгребную яму, наткнулся на погребение, в котором находились человеческие кости, в том числе череп с отверстием, прикрытым тонкой медной пластинкой.

К сожалению, историю эту, поведенную старшим инспектором по охране Верхнекурпского заказника Джабраилом Гуважоковым, мы услышали с большим опозданием. Встретившись же с ее действующими лицами, которых нам помогли разыскать заюковские энтузиасты-краеведы Мухамед Маршенкулов и Анзор Кармоков, узнали, что останки, в том числе и череп, были собраны в мешок и перезахоронены в выкопанной за селом яме. Ее мы тоже попытались найти, но уж слишком некорректными оказались ориентиры, которые нам озвучили.

В означенной находке привлекает внимание, прежде всего, факт, что отверстие было закрыто пластинкой. Известно, что в доколумбовой Аме-

рике, где трепанация была в большой чести, индейцы (прежде всего, племена сапотеков), иногда закрывали отверстия золотой пластинкой.

В других местах и, в частности, на Кавказе, в этих целях использовали также медные пластинки. Свойства меди и ее сплавов противостоять бактериям известны людям с древнейших времен. Чего стоит тот факт, что еще в XIX веке эскимосы вставляли ребенку в незаросший родничок медный судовый гвоздь. Уже в нашем тысячелетии, проведя достаточно длительные и затратные исследования, Федеральное агентство по охране окружающей среды США (US EPA) официально присвоило меди и нескольким сплавам меди статус веществ с бактерицидной поверхностью.

Кстати говоря, весьма интересный эпизод, имеющий отношение к поднятой теме, имеется в адыгском героическом эпосе «Нарты» (М., 1974). В бжедугском тексте «Гибель Шабатнуко», повествующем об одной из битв Сосруко (в означенном случае Саусырыко), читаем:

«...Челахстен оседлал коня и приехал к Саусырыко. Он подъехал к нему и сказал:

– Чего ты хочешь, маленький хитрец?

Он замахнулся мечом, но Саусырыко вскочил, испугал коня Челахстена, и тот сбросил седока.

В руках Саусырыко была секира, и он, ударив ею, рассек голову Челахстена. Челахстен, сжав голову руками, сел на коня и вернулся домой. Он послал за Тлепшем.

– Быстро наложи мне медные заплаты, чтобы моя голова не распалась на части, – сказал он Тлепшу.

Тлепш наложил медные заплаты на рассеченную голову Челахстена.

Но говорят, что Челахстен после этого прожил недолго, и душа покинула его, когда свет звезд проник в его череп».

Вот сколь образно говорит сказитель о кончине одного из нартов, по большому счету, если разобраться, также перенесшему трепанацию, только насильственную. Но в этом случае как врачебные свойства меди, так и искусство кузнеца-хирурга оказались бессильны.

Кстати, у этой истории есть еще один вариант. В сказании «Сосрыкь-уэрэ Шужьейрэ», опубликованном в сборнике «Адыгэ IуэрыIуатэ» (Нальчик: Эльбрус, 1999. С. 26–27), подобный эпизод заканчивается немного по-другому.

Раненый нарт просит кузнеца:

– Голову мою зашей. Когда будешь зашивать, оставь одну дырку (отверстие).

Кузнец оставил одну дырку и зашил Шужею голову.

В отверстие залетела муха, и Шужей от этого умер.

И в заключение хотелось сказать вот о чем. Вопрос, почему в древности трепанации осуществлялись столь часто – в южно-американском Паракасе каждый второй найденный череп имеет следы прободения, – по-прежнему не имеет однозначного ответа. Большинство исследователей склоняется к тому, что в этой процедуре присутствовал ритуальный и религиозный смысл. Но голландский ученый Барк Хьюгос выдвинул другую версию: он считает, что ощущения при трепанации черепа схожи с теми, которые испытывают любители галлюциногенов, то есть впечатление счастья, но без похмельного синдрома, имеющего место при употреблении спиртных напитков и наркотических веществ. Нашлись, как и следовало ожидать, те, кто решил сие проверить личной практикой. В Интернете можно найти историю некоего англичанина Джо Мелона, в голове которого незаживающая дыра. Глядя, как по-детски счастлив ее муженек, супруга Дженни тоже решила присоединиться к нему. Местный умелец-доброхот с помощью обыкновенной дрели под местным наркозом наделал в ее черепе множество отверстий. Когда же женщина минут через десять встала со стула, то, почувствовала, по ее словам, «необыкновенную легкость и прилив энергии».

Неизвестно, правда, сопутствует ли ей это состояние сегодня, так как история эта достаточно давняя. Наткнулись мы в Интернете и на такие сведения, что в Бразилии пользуется спросом следующая процедура: в черепе, напротив «центра удовольствия» мозга, просверливаются два отверстия, в которые вставляется золотое кольцо. И будто бы, поглаживая его, человек испытывает необыкновенные ощущения.

Как говорили римляне, а вслед за ними Отто Бисмарк: «Глупость – это дар Божий, но не следует им злоупотреблять».

ПОЛОТЕНЦЕ СОСРУКО

Принято считать, что в основе эпоса ряда народов Северного Кавказа «Нарты», повествующего о легендарных богатырях, лежит трансформированная история скифо-сарматского этноса. Ученые утверждают, что зародился он где-то в VIII–VII веках до н. э., в XIII–XIV веках разрозненные сказания, объединенные героем или событием, сложились в циклы преданий. Следовательно, герои эпоса жили и действовали как минимум две с половиной, а то и три тысячи лет назад.

Запомним эти цифры, обратимся к одному из самых притягательных героев эпоса – нарту Сосруко, точнее, к эпизоду его смерти. Вот как передан он в записях кабардинского фольклориста Талиба Кашежева, обнародованных публикатором Л. Лопатинским в 1891 году.

Кстати, в послесловии к публикации, он, как о чем-то само собой разумеющемся, пишет: «Еще до появления в Кабарде теперешних людей, жили нарты. Это были люди огромного роста и необыкновенной физической силы, но не отличавшиеся, подобно жившим раньше их великанам, умом и находчивостью.

Среди нартов выделялся Сосруко, о сверхъестественном происхождении которого рассказывают народные сказания. Он был необыкновенно умен и хитер; его тело было неуязвимо для орудия; мать его, Сатаней, помогала ему своим волшебством – все это давало ему большое преимущество над другими нартами, среди которых были многие и сильнее его, и гораздо храбрее. Этими преимуществами он пользовался не только для того, чтобы помогать нартам в их борьбе с остатками великанов-людоедов, но и во вред самим нартам, истребляя этих буйных гигантов целыми десятками и очищая землю для мирного труда человека».

Вот так, не больше и не меньше: жили и были.

Итак, нарты собрались со всей Кабарды, чтобы «принять участие в скачках, джигитовке и в разных состязаниях в силе и ловкости: беге взапуски, бросании камней, сбивании всадника с седла толчком руки, стрельбой из лука в цель». А так как «в этих играх всегда отличался знаменитый нарт Сосруко», то другие нарты «завидовали его ловкости и ненавидели его всей душой».

А вот и само предание: «Однажды весь южный склон Бештау пестрел от несметной толпы нартов. Происходила небывалая игра: одни нарты

Полотенце Сосруко

вкатывали наверх волшебное колесо (Жан-Шерх), заостренное стальными зубцами, а другие, стоявшие на горе, спускали его вниз. Сосруко стоял внизу; пришла его очередь подталкивать колесо: он подталкивал его так, как и другие – руками.

Тогда бывшие на вершине нарты, желая его гибели, стали его подзадоривать: «Ну-ка, Сосруко, подталкивай грудью!». Сосруко делал то, о чем его просили. «Подталкивай коленом!» – И это он исполнял. «Подталкивай лбом!» – Сосруко и это было нипочем: колесо очутилось на вершине Бештау.

И так бы и завершилось это соревнование, если бы не козни коварной колдуньи Барымбух, ненавидевшей Сатаней, мать Сосруко, и хитростью узнавшей об уязвимости нарта: «Когда Сосруко вынимали из родившей его каменной утробы, то бедро, за которое дуде схватил щипцами, покрылось костью и сделалось уязвимо для орудия: пригласите его подталкивать Жан-Шерх бедром».

Что было дальше известно: на следующее утро, подзадориваемый нартами, «увлекшись игрой, Сосруко забыл об угрожавшей ему опасности и подставил скатывавшемуся колесу бедро: бедренная кость от сильного удара раздробилась, и Сосруко упал полумертвым».

Существует несколько вариантов дальнейшего развития событий. По одной, кашежевской, «сделав сверхъестественное усилие, Сосруко вскочил на верного коня Тхожея и поскакал через горы и доли к Черному морю. На берегу моря он велел своему верному коню разрыть копытами землю. В вырытую могилу лег Сосруко, а затем его верный конь насыпал над его телом курган. Отдав последний долг своему господину, Тхожей взвился в воздух и пропал бесследно. Еще и поныне по ту сторону Ошхамахо, на берегу моря, возвышается к небу курган Сосруко».

По другой, с горы Харама, где проходило описанное соревнование и где колесо Жан-Шерх перебило Сосруко обе ноги, верный конь Тхожей помчал нарта к матери, к Сатаней. Но загнанный в речное каменистое русло, ослабел и свалился, а Сосруко, сняв с него шкуру, вошел в нее и еще долго сражался с врагами, пока «нарты из рода Тотреша и одноглазые иныжи» не зарыли «Сосруко живым в землю, придавили его тяжелым камнем, засыпали землей и воздвигли огромный курган». Где конкретно находится этот курган, неизвестно.

Но вот что известно точно, причем сведения эти прослеживаются на протяжении нескольких столетий, что в одной из кабардинских семей, что из рода Кардановых, хранится полотенце (назовем этот кусочек ткани так), некогда принадлежавшее... Сосруко. В далекие-предалекие времена, когда предки Кардановых жили на берегу Черного моря, в одну из ночей они обнаружили в задней части своего сада раненого воина (у него

были перебиты ноги), пытавшегося остановить кровь полотенцем. Им оказался – опять же уточним, согласно семейному преданию, – легендарный богатырь Сосруко. Глава рода перевязал его, но спасти не смог – не соотнесимы были с жизнью нанесенные нарту увечья.

Умирая, Сосруко завещал хозяину дома хранить полотенце, как самую бесценную реликвию, передавая от отца к сыну, из поколения в поколение, выказывая уважение при произнесении имени того, кому оно принадлежало. Сказано было при этом примерно следующее: «Вы скрасили мои последние часы, и я оставляю вам то, что вознаградит за заботу не только вас, но и ваших потомков: предохранит от бед, утешит, согреет в холод, в жару одарит влагой». Ответственным за реликвию назначался старейшина рода, независимо от того, мужчина это или женщина.

Так ли было сказано или по-другому, сказано ли было вообще – сегодня никто не ответит, но из поколения в поколение передает род Кардановых эту драгоценную реликвию. Нынешние хранители говорят, что их дальний предок, живший шесть поколений назад, утверждал, что знал восемь своих предшественников, сохранявших память о завещанной святыне, а сколько было до них – известно одному времени.

Итак, что из себя представляет полотенце, находящееся ныне у дугулбугеевских (бывшее селение Кызбурун III) Кардановых. Это кусок тонкой материи размером 55 на 40 сантиметров, синего цвета (когда-то он был ярко-синим), с необычным орнаментом (очень похожим на тот, что на этрусских вазах) по краям, с выцветшими пятнами бурого цвета (скорее всего кровавыми), на месте которых образовались многочисленные прорехи.

«Ну и что, – скажет пессимистически настроенный читатель, – мало ли кто что у себя хранит», – и будет, без сомнения, прав. Если бы не несколько *но*... Прежде всего, о полотенце стало известно отнюдь не сегодня, когда мифы и легенды творятся всеми, кому не лень, а достаточно давно. Оно упоминается в ряде записей сказителей, о нем известно профессиональным ученым-фольклористам. Более того, быличка эта – «Сосрыкъуэ и напэлэлъэщыр» – напечатана в фольклорном сборнике «Адыгэ луэрылуатэхэр» (Нальчик, 1963. С. 258–259). Причем здесь приводится сразу два варианта, дополняющих один другой. Помимо уже сказанного, в них отмечается, что дотрагиваться до реликвии разрешено лишь главе рода, младшим же не дозволяется даже прикасаться к столу, на котором она лежит. Сообщается, что нынешний хранитель полотенца Адам, сын Мухажа, что Дисцыкы, которой по старшинству предстояло быть ответственной за полотенце, отказалась к нему притронуться, произнесла лишь одно слово: «Боюсь!». После этого она внезапно заболела и выздоровела лишь тогда, когда взяла в руки реликвию.

Доктор филологических наук фольклорист Адам Гутов считает эту легенду отголоском более позднего времени, чем сами сказания о нартах, предполагая, что какой-то воин по имени Сосруко, раненый, спасшийся от преследователей, нашел приют в семье Кардановых; эпизод этот с годами оброс деталями, приметам, мистическими преданиями.

Действительно, таинственного и необъяснимого в случае с полотенцем хватает. Прежде всего скажем, что оно на самом деле обладает необычными свойствами – способно вызывать... дождь! Не улыбайтесь – проверено на практике и подтверждено многочисленными свидетелями на протяжении нескольких десятилетий. Нынешние хранители полотенца – Хадижат, Мухамед, Мухаруф, Муадин, дети Туты Карданова, передавшего им его по наследству, – утверждают, что в засушливые периоды односельчане приходили к родителям с просьбой о помощи. И их мать Шаират всегда откликнулась, выносила платок на улицу, кропила его водой, держа перед собой на вытянутых руках, глядя на солнце, читала молитву и... Самое удивительное, что на следующий день обязательно шел дождь: отказов от небесной канцелярии не было. Ни разу, хотя обряд сей повторялся множество раз. Вероятно, от этих процедур (окропления водой и прямых солнечных лучей) полотенце так выцвело. Кстати, в одном из опубликованных вариантов имеется указание на 1948 год, невероятно засушливый, когда именно полотенце, обряд с которым провели кызбурунцы, спасло урожай сельчан. Мы пролистали подшивку номеров республиканской газеты за третий послевоенный год – действительно, жара тем летом стояла необыкновенная.

Для тех, кто по-прежнему сомневается в волшебных свойствах полотенца Сосруко, еще один штришок: в огороде Кардановых не растет свекла. У соседей растет, у всех живущих на улице растет, а у них – нет. Сажали неоднократно, причем на протяжении многих лет: результат один – свекла пропадает на корню. В чем тут дело никто не знает, но вспомним, что свекольный сок – красный. Цвета крови. Крови Сосруко, следы которой на полотенце.

Понятно, что это никакое не доказательство, скорее деталь, характерная для подобного рода реликвий. Среди них, кстати, и моменты почитания необычного раритета: Кардановы рассказывают, что входившие в их дом снохи по-разному относились к тому, что при произнесении имени Сосруко они должны вставать, выказывая почитание. Одни принимали это как само собой разумеющееся, но были и те, кто противился. Эффект был одинаков – молодые женщины заболели: чахли на глазах, теряли дар речи, а врачи оказывались бессильны, так как не могли понять, что происходит с ними. Выздоровление во всех случаях наступало только тогда,

когда снохи совершали, если так позволительно выразиться, обряд раскаяния; то есть история с болезнью Дисцлык далеко не единична.

Многое смущает в этой истории, если ее рассматривать как происшедшую с одним из главных действующих лиц нартского эпоса, герои которого жили (будем считать вслед за этнографом Л. Лопатинским, что это реальные исторические персонажи) тысячелетия назад: слишком большой временной промежуток, удивительная сохранность полотенца, сам материал, из которого оно изготовлено, форма орнамента. С другой стороны, нынешние Кардановы лишь очередное звено в цепи хранителей: им передали реликвию и они, как и их предки, с достоинством как зеницу ока чтут ее, держа в специально изготовленном сундучке.

Если мы хотим приблизиться к истине, надо прежде всего выяснить, сколько полотенцу лет, когда оно изготовлено, каков состав ткани, каким способом нанесен рисунок, что он в конечном счете означает: графический узор или, возможно, смысловое послание. Ответить на эти вопросы могут только ученые: надо провести спектральный (или какой другой) анализ раритета, который все расставит по своим местам.

Владельцы реликвии не возражают о проведении такого изучения, готовы предоставить для него полотенце. Другой вопрос, что подобного рода анализы – дело дорогостоящее. Найдутся ли спонсоры, готовые оплатить их? Хотелось, чтобы нашлись. Ведь речь по-большому счету идет не о родовой памяти, а о святыне, имеющей отношение к этносу в целом. Ведь если будет доказана тысячелетняя история полотенца Сосруко, реликвия эта может стать в один ряд с такими раритетами, как, допустим, Туринская плащаница. Вы думаете, мы шутим, проводя подобные параллели?..

КОЛЕСО ДЛЯ СОСРУКО

Прежде всего, еще раз напомним, что о полотенце Сосруко ученым известно достаточно давно: в 1934 году его держал в руках *Михаил Евгеньевич Талпа* (1894–1937) – русский исследователь, благодаря энтузиазму и высочайшему профессионализму которого был подготовлен знаменитый труд «Кабардинский фольклор». Видится уместным сказать здесь о том, что республика в неоплатном долгу перед этим человеком, чье имя знакомо сегодня лишь узкому кругу специалистов; объездив практически всю Кабардино-Балкарию, он опросил десятки сказителей, записал сотни текстов устного народного творчества, проделал основной объем по созданию вышеназванного труда: подготовил вступительную статью, откомментировал том, составил словарь собственных имен и бытовых названий.

Награду за свой колоссальный труд и великое подвижничество получил достойную времени: обвинение в антисоветской деятельности, арест 9 мая 1937 года и высшую меру наказания, приведенную в исполнение в нальчикских застенках НКВД. Имя М. Е. Талпы даже не вошло (соответствующие службы не предоставили необходимых материалов) в изданную в 2010 году нашим издательством «Книгу памяти жертв политических репрессий. 1920–1941». Зато там есть его супруга – Талпа Ольга Васильевна, педагог и актриса, арестованная 1 сентября 1937 года как «член семьи изменника Родины: знала об антисоветской деятельности мужа – Талпы Михаила Евгеньевича (осужден к расстрелу Военной коллегией) и не сообщила об этом органам власти», приговоренная к заключению в ИТЛ сроком на 8 лет и реабилитированная в 1956 году. В том же самом году, когда и Михаил Евгеньевич, чью посмертную судьбу исковеркало наше общее беспамятство.

О полотенце писал также И. В. Тресков, автор работы «Фольклорные связи Северного Кавказа» (1963), не потерявшей своей актуальности и сегодня, почти пятьдесят лет со дня первоиздания. Одному из авторов этих строк довелось учиться у Ильи Васильевича, сохранив на долгие годы в памяти врожденную интеллигентность этого настоящего профессора, неподдельную любовь к народному творчеству, искреннюю веру в то, что фольклорные тексты отразили реальные, происходившие с людьми события.

Вот что сообщает И. В. Тресков относительно интересующего нас артефакта: «По другому сказанию («Полотенце Сосруко»), благополучие (беркет) приносит полотенце Сосруко, сделанное из мягкой жести: «нечто, в огне не сгорающее». Когда оно загрязнялось, его бросали в огонь для очистки. Этим полотенцем Сосруко «перевязывал» раненый палец.

Кардановы (из селения Кызбурун III) передавали «волшебное» полотенце (уже матерчатое) из поколения в поколение. Полотенцем ведала очередная старшая невестка, которую называли «хисоу» («хранительница полотенца»). Только она могла к нему прикасаться. В этот момент все женщины вставали. Верили: «пока в доме полотенце будет, из дому не уйдет беркет», – до сегодняшнего же дня Кардановы без запаса не были.

По этому сказанию, даже «свои» становились калеками, если только небрежно относились к полотенцу (в 1916 году будто даже была «парализована» невестка и «исцелена», когда стала опять заботиться о «волшебном» полотенце). В сноске к этой цитате уточняется, что «волшебное» полотенце и поныне хранится у старшей из фамилии Кардановых и по-прежнему, когда кто-либо произносит имя «Сосруко», все мужчины и женщины рода Кардановых встают.

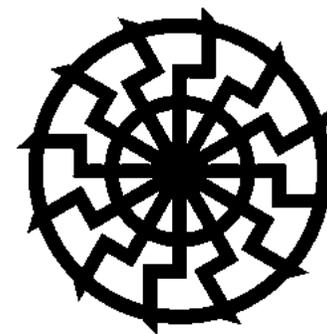
Скажем здесь и о том, что изображение артефакта, помещенное в газете, это не само полотенце, а его печатное воспроизведение, опубликованное в сборнике «Адыгэ IуэрыIуатэхэр» (Нальчик, 1963). Сам же рисунок был сделан значительно раньше выхода книги – в 1947 году, когда участники экспедиции Кабардинского (на тот момент) научно-исследовательского института несколько дней жили в доме Кардановых, а приехавший с ними художник методично переносил на бумагу узор с полотенца. Кстати говоря, оригинал этого рисунка и поныне хранится в фондах института.

...Мы очень долго и внимательно, буквально через лупу, рассматривали этот небольшой кусочек ткани. Его внешний вид поражает. Прежде всего, вышивкой ручной работы, сделанной опытнейшей рукодельницей. Мадина Хацукова, с которой мы ездили осматривать полотенце, уточняет: искуснейшей рукодельницей, равных которой она, знакомая с великим множеством изделий народных мастериц, не припомнит. Идеальная точность рисунка – его геометрическая выверенность не нарушена ни разу, удивительная для ручной вышивки соразмерность стежков отличает узоры, в основе которых дамыгъэ (тамга). Причем, это прослеживается со всех сторон полотенца – тончайшая ткань (вероятнее всего, лен) сохранила узор даже там, где шелковая нить с течением времени распалась. Кстати говоря, работа настоящих адыгских мастериц-вышивальщиц отличалась тем, что скорее рвалась ткань, чем шов. Спрашивается, кто мог быть автором вышивки на полотенце Сосруко? Только один человек – его мать Сатаней.

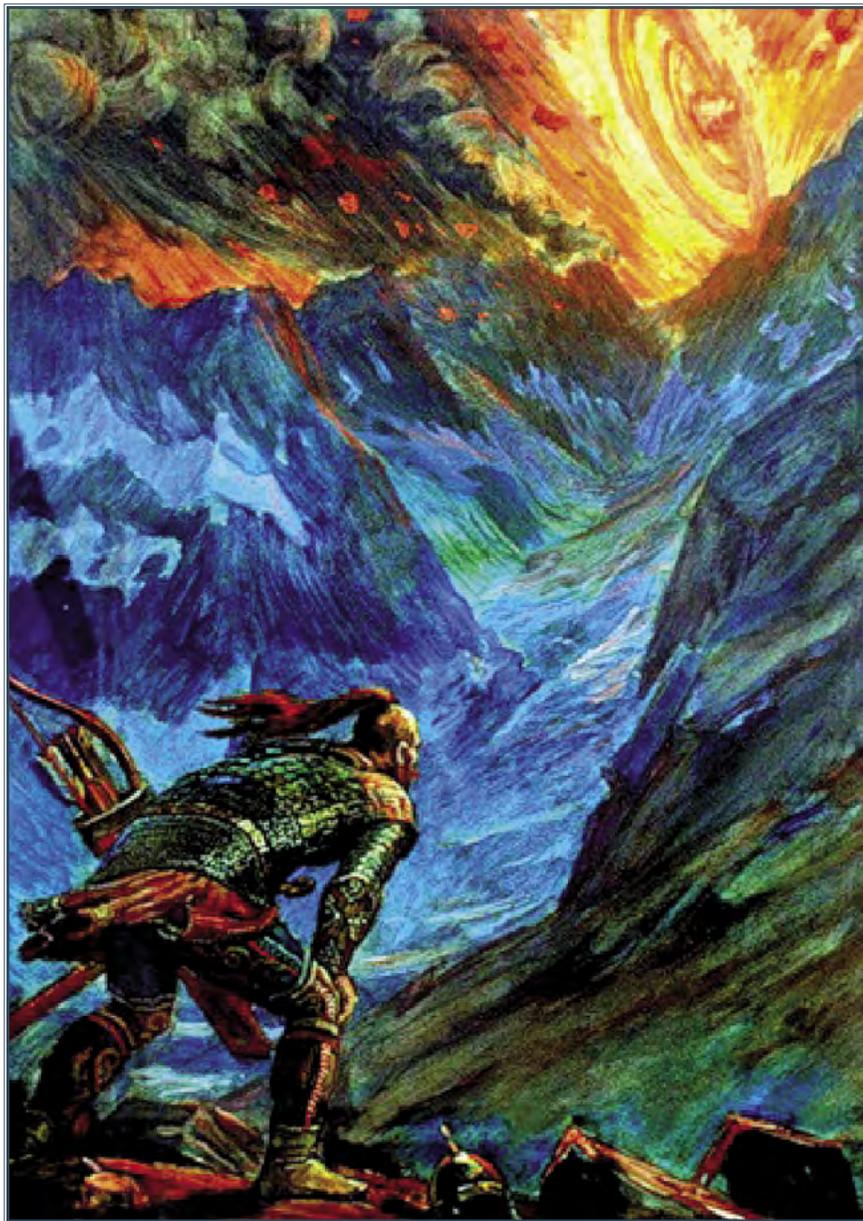
Кстати говоря, реликвий, оставшихся от Сосруко, на самом деле будто бы было целых три: помимо полотенца, еще платок и книга, во всяком случае так повествует семейное предание. И достались они трем братьям Кардановым. Предки двух из них стали впоследствии мухаджирами – покинули родные места, увезя с собой раритеты. В этом контексте полотенце, оставшееся у дугулубгеевских Кардановых, по своим размерам и фактуре ткани больше напоминает платок. И действительно, полотенцем, как мы выяснили, оно стало после приезда фольклористов, которые опустили сведения о других раритетах, объяснив свою позицию тем, что коль есть лишь один артефакт, то о нем и надо говорить.

В контексте разговора о полотенце Сосруко затронем тему его гибели, последовавшей, напомним, от колеса Жан-Шерх. Колесо это, на наш взгляд, представляет немалый интерес. В главе «Как Сосруко появился впервые на Хасе нартов» читаем: «Все берут колесо, / Что зовется Жан-шерх / И чьи спицы остры, / И свое колесо / Нарты катят наверх, / На вершину горы». Зная, что «жан» означает *острое*, а «шерх» – *колесо*, получаем – *острое колесо*. Встречается и перевод «стальное колесо», хотя «сталь» по-кабардински «жыр» (*жыр лэныстэ* – стальные ножницы). Ряд исследователей дополняет это определение: «стальное колесо с заостренным ободом», «острое (наточенное) колесо», «стальное колесо с острыми краями», «колесо с зубцами».

Но для чего могло служить такое колесо? Явно не для передвижения, хотя арбы и были известны нартам. Право, сложно представить повозку с острозаточенными колесами,двигающуюся по горной местности. Следовательно, колесо имело другое назначение. В нашем случае служило инструментом, при помощи которого нарты испытывали свою силу и мужество. То есть Жан-Шерх было достаточно большим (если не сказать огромным, вспоминая рост самих нартов) предметом, к тому же весьма тяжелым, вес которого (от спуска с горы) удваивался, если не сказать больше. Уже при всем при этом не каждому из богатырей хватит мужества встать на пути Жан-Шерха. А ведь колесо еще к тому же было острым: или сам обод заточен, или, что тоже возможно, через него (обод) проходили концы жалящих спиц. Нечто иное – колесо без обода с одними лишь спицами – видится несоответствующим безопасности подобного рода игр. А о том, что они проводились и регулярно, становится ясно из эпоса, где эпизод с гибелью Сосруко становится венцом

Колесо катаров (вариация)

Азанбек Джанаев. Сослан и колесо Балсага. 1976

подобного рода состязаний. Получается, что стальной монстр Жан-Шерх изначально был создан для чего-то иного, чем скатывание с горы. Тем более что его еще трактуют как «колесо судьбы», «колесо фортуны», «волшебное колесо». Неужели гибель Сосруко родила все эти определения? Тем более если вспомнить, что в осетинском варианте эпоса «Нарты» подобное колесо («Балсагово Колесо») обладает к тому же и разумом, оно разговаривает с нартами.

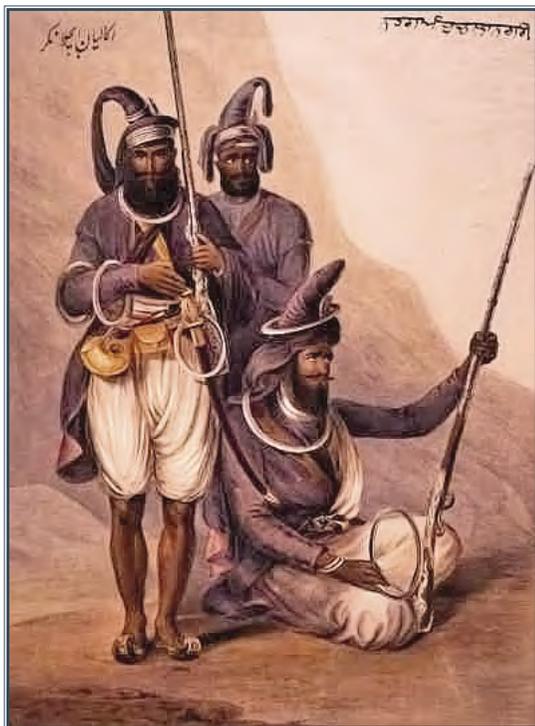
В главе «Смерть Сослана» читаем: «И послал тут Балсаг против Сослана самого страшного из своих слуг – волшебное, жизнью одаренное Колесо. С шумом и грохотом покатилося Колесо. Закричал Балсаг Сослану: «Теперь берегись, нартский отпрыск! Идет на тебя Нечто, жди удара». – «А что подставить мне под удар?» – спросил Сослан. «Подставь лоб свой», – ответил Балсаг.

С грохотом обрушилось Колесо на грудь Сослана. Но тут изловчился Сослан и схватил Колесо своими булатными руками. Подмял он Колесо под себя и выломал две спицы. Взмолилось тут Колесо Балсага: «Не прерывай мою жизнь, Сослан! Отныне не буду я больше Колесом Балсага – Колесом Сослана стану я отныне». – «Ты хочешь обмануть меня, Колесо Балсага?» – сказал Сослан. «Клянусь тебе, что не Колесом Балсага, а Колесом Сослана стану я отныне!»

Поверил Сослан, да и как же не поверить такой клятве? Отпустил он Колесо, и оно, накренившись и едва не падая, охая и кряхтя, покатилося к себе домой...»

Итак, что же мы имеем? Предмет, формой напоминающий колесо (круглый, со спицами), но по предназначению таким не являющийся; громоздкий и весьма тяжелый, к тому же с заточенными краями (ободом? выходящими наружу остриями спиц?). Используемый нартами для своих богатырских забав только потому, что истинное предназначение этого так называемого колеса им неизвестно. Более того, предмет разумный (не случайно, что у него даже есть собственное имя!), или, скажем по-другому, способный выполнять чью-то волю. Вот и попробуй тут провести параллели с реалиями человеческой истории! Вспоминается, правда, что в словаре тибетских терминов упоминается так называемое Колесо Чакравартина, принадлежащее Владыке мира, с восемью острыми спицами, разрубающими помехи на пути. Но насколько оно реально, а не символично? Ведь в означенном случае олицетворяет собой средство продвижения к Просветлению.

Стоит, вероятно, сказать и о чакрах (вернее, чакра́м или чакарани) – плоских металлических кольца, отточенных по внешней кромке и приводившихся в движение вращением вокруг среднего пальца руки.

Сикхи с оружием чакра. 1844

Португальский путешественник Дуарте Барбоса (ум. 1521) так описал это необычное оружие: «В королевстве Дели у них есть стальные колеса, которые они называют чакрами, в два пальца шириной, острые с внешней стороны, как ножи, и без лезвия на внутренней стороне; и размером они с небольшую тарелку. И они носят их с собой по семь или восемь, надев на левую руку; они берут одно, надевают на палец правой руки, заставляют кружиться вокруг пальца много раз и таким образом метают его в своих врагов». Упоминания о чакрах мы находим в эпосах «Рамаяна» и «Махабхарата»; согласно им, в создании первой чакры участвовали боги: Брахма раздул огонь, Шива дал оружию силу своего третьего глаза, а Вишну – силу своего божественного гнева. Шива спрессовал ногой все это в пламенеющий диск и, метнув его в могущественного демона Джаламдхару, отсек ему голову. Впрочем о чакрах можно говорить лишь при одном условии – если они были соразмерны росту самих богатырей.

А вот аналогии с так называемым *колесом катаров* видятся более уместными. У чилийского исследователя и писателя Мигеля Серрано

(1917–2009), хорошо знавшего Джавахарлала Неру, Индиру Ганди, Далай-ламу (последний принял его, единственного из иностранцев, в Гималаях), автора парадоксальных работ «Визиты царицы Савской» (предисловие к ней написал знаменитый К. Г. Юнг), «Золотая цепь», «Последний Аватара», «МАНУ. Тот, Кто грядет», являющейся своего рода апологией эзотерического гитлеризма, читаем: «Правосторонняя (имеющая благодатную природу) и левосторонняя (имеющая демоническую природу) свастики совместно образуют так называемое Колесо катаров, или Мельницу Вотана, в точке которой «находится вход и выход из недемиургической вселенной. Именно оттуда появляются НЛО (Вимана)». Если представить Колесо катаров без обода, то оно становится не менее смертоносным оружием, чем колесо Жан-Шерх.

Суммируя сказанное, сделаем следующий весьма парадоксальный вывод: так как аналогов колесу Жан-Шерх как в обозримой исторической действительности, так и в современной повседневности не имеется, то остается признать его внеземное (или предшествующей человечеству расы) происхождение. Возможно, оно имеет отношение к летательным аппаратам (виманам), о которых рассказывается в древнеиндийском эпосе – в нем встречается описание подобного рода колес непонятного назначения. Возможно, было частью (шестеренкой с острыми зубчатыми краями) какого-то невиданного механизма – железного молоха, впоследствии сгнувшегося в глубинах времени. Но о котором мы знаем потому, что храним память о богатыре Сосруко, даровавшем людям огонь...

P. S. Для того, чтобы выяснить, обладает ли полотенце Сосруко какими-то необычными свойствами, мы решили провести один из самых простых анализов: образцы воды были изучены методом инфракрасной спектроскопии. Для этого в две стеклянные бутылки налили обычную воду, одну из емкостей на несколько часов завернули в полотенце, а после отдали в лабораторию КБГУ.

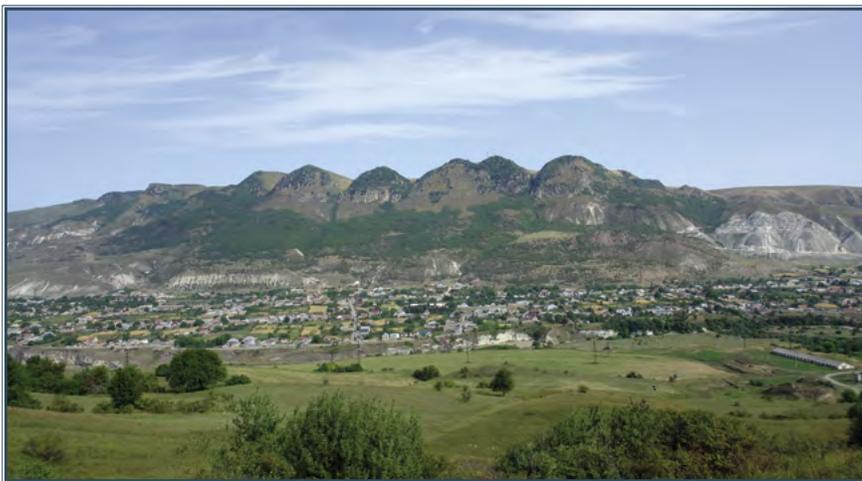
И вот какое заключение мы получили: «Как видно из спектров, интенсивность пиков в образце № 2 значительно выше (4500), по сравнению с интенсивностью пиков в образце № 1 (2250). Кроме того, спектры качественно отличаются друг от друга, что может косвенно свидетельствовать о разной структуре исследуемых образцов. Таким образом, можно сделать заключение, что выдерживание воды в полотенце влияет на ее структуру. Для более конкретных заключений необходимы более детальные исследования с использованием других приборов (рентгеноструктурного анализа, электронного микроскопа и т. д.)».

Выводы делайте сами.

ЗАЮКОВСКАЯ ХАРА-ХОРА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Массив Хара-Хора расположен с правой стороны (если ехать вверх) селения Заюково. Этот ряд островерхих и покатых вершин привлекает внимание каждого туриста, направляющегося по Баксанскому ущелью в Приэльбрусье. Услужливый экскурсовод тут же объяснит, что Хара-Хора в переводе с кабардинского означает *собака* и *свинья* – мол, две из вершин напоминают своими контурами именно их; укажет, какие конкретно. Но, право, надо обладать достаточно богатым воображением, чтобы увидеть в каменных абрисах этих животных. Тем более что одно из них – свинья – не характерно для повседневного обихода местных жителей.

Правда, существует даже кабардинская легенда, которая своим названием – «Почему скала называется «Харе-Куоре» – отвечает на вопрос, и в ней обозначены данные животные. Речь идет о том, что некий Гасан Гнилой (уже имя весьма красноречиво говорит об этом персонаже), управлявший

Селение Заюково и Хара-Хора

селением от имени пши Наурузова, решил силой овладеть прекрасной Фатимат, второй женой Абдула. Но женщина была не только красива, но и сильна – «она подняла Гасана за шиворот, как только что рожденного щенка, и выбросила его за дверь, да еще вылила вдогонку помой».

Здесь и звучит первая ассоциативная реплика, произнесенная Гасаном: «Я расплачусь с тобой, Фатимат. Я заплачу тебе, презренная свинья». А Канамату, сыну Абдула, также давшему отпор негодяю, достается вторая: «Попомнишь, собачье отродье».

Гасан подло оклеветал героев сказания, наговорив на них пши Наурузову – будто бы после смерти Абдула они «наслаждались преступной любовью в комнате, где лежал мертвый». Результат был закономерен: «решено было немедля втащить преступного сына и преступную жену на вершину высокой обрывистой скалы и низвергнуть их с высоты прямо в Баксан-реку на камни, истребив их».

«Убейте эту свинью и этого пса», – сказал Гасан, и люди исполнили его приказ.

Заканчивается сей печальный хабар тем, что наш отрицательный персонаж, желая «еще больше насладиться мстостью, велел высечь из камня на вершине скалы подобие пса и подобие свиньи».

Видно, для усиления своей позиции в трактовке названия массива фразу эту сказитель повторяет еще раз: «И поныне еще увидишь на высокой скале над Баксан-рекой подобия свиньи и собаки, высеченные из камня».

Публикаторы легенды, напечатанной в знаменитом сборнике «Кабардинский фольклор» (М.; Л.: Изд-во «Академия», 1936), помещают ее в раздел «Фольклор XVIII–XIX вв. и до Октябрьской революции» и не утруждают себя обширными комментариями, лишь уточняя, что «недалеко от входа в ущелье Баксана, у с. Заюко есть скала, верхушка которой своими очертаниями смутно напоминает собаку и свинью».

Легенда как легенда, дающая на первый взгляд весьма внятное объяснение названию двух вершин. Но что-то в ней смущает, не позволяет полностью довериться тому, что в основе фольклорного текста лежит реальный (да пусть даже и выдуманный) эпизод человеческих взаимоотношений. Что же именно? Прежде всего, притянутость главных героев к образам животных. Ну и что с того, что назвал Гасан женщину свиньей, а мужчину псом, ведь никаких других параллелей с этими животными легенда не приводит. Более того, скалы из массива над Заюково не походили на них, этот облик им пришлось придать искусственно: «высечь из камня на вершине скалы подобие пса и подобие свиньи». Смущает также рефрен как рассказчика («подобие пса и подобие свиньи», «подобие свиньи и собаки»), так и комментатора («смутно напоминает собаку и свинью»).

Селение Заюково и Хара-Хора

Вот именно, что смутно, причем откуда ни посмотри. Можно, конечно, увидеть условные контуры означенных животных, но только в том случае, если ты высматриваешь именно их, зная название массива. А если нет? Мы проделали весьма простой эксперимент: группе москвичей предложили сказать, абрис каких животных напоминают данные вершины. Ни один не ответил верно. Спросили об этом же самом иностранных туристов. Результат оказался тот же. Более того, ни один из тех, к кому мы обращались с данным вопросом, не предположил, глядя на данные вершины, что они похожи на собаку и свинью.

Нам могут возразить, что за время прошедшее после создания легенды, скалы могли и осыпаться. Так ли это? Не будем говорить, что такое три человеческих века для горных исполинов, а просто предлагаем побывать у подножия означенных вершин, дабы убедиться: их внешний облик мало изменился не то что за столетия – за тысячелетия.

Отсюда закономерен вывод, что массив Хара-Хора назван так вовсе не из-за своей похожести на свинью и пса, а по какой-то другой причине. Скорее всего в нем отголоски более древнего названия, которое услышали кабардинцы, заселив эти земли. В названном нами выше томе «Кабардинского фольклора» немало созвучных хабаров на эту тему («Как Инал стал одноглазым», «Откуда пошло название Кабарды», «Жена Инала одноглазого», «Царь франгов и Кабарда» и т. д.).

Как, каким путем дошло это звуковое сочетание – другой вопрос. Но то, что оно говорящее, сомнений нет. Мы не языковеды, но определенного рода параллели при произношении этого словосочетания напрашиваются сами собой. Особенно если рассматривать его (а только так и нужно, так как перед нами два разных слова) по отдельности. Прежде всего, явно улавливаются индоевропейские корни. Ведь Хара на санскрите обозначает сразу нескольких действующих лиц. Это и одно из имен Шивы, являющегося в индуизме олицетворением разрушительного начала вселенной и трансформации (созидания). Это также одно из имен Шакти, женского проявления Бога в индуизме, и Радхи, женской ипостаси Кришны. (Вспомните кришнаитов, повторяющих, как заклинание, мантру *Харе* (в звательном падеже) *Кришна*.)

А вслушайтесь, как созвучно словосочетание «Хара-Хора» и слово «Харихара»! Последнее, кстати, является одной из форм Бога в индуизме, воплощение Вишну (Хари) и Шива (Хара) в одном лице. Также в знаменитой «Авесте» – собрании священных текстов зороастрийцев, памятнике древнеиранской литературы, упоминается Хара Березайти – мифологическая горная система.

Вообще, слово «хара» существует в языках многих народов мира и обо-

значает самые разные понятия. Так в буквальном переводе с японского *хара* – это живот, энергетический центр тела, резервуар жизненной энергии. В восточных системах боевого искусства «центр хара» находится примерно на два пальца ниже пупка.

Хара упоминается в древнегреческой мифологии – так звали одну из собак Аркада, сына Зевса и нимфы Каллисто, который пытался убить на охоте свою мать, превращенную Артемидой в медведицу. Убийство предотвратил Зевс, превратив Аркада и Каллисто в созвездия Малой и Большой Медведицы. А вот на арабском языке у хара куда более приземленное значение – фекалии.

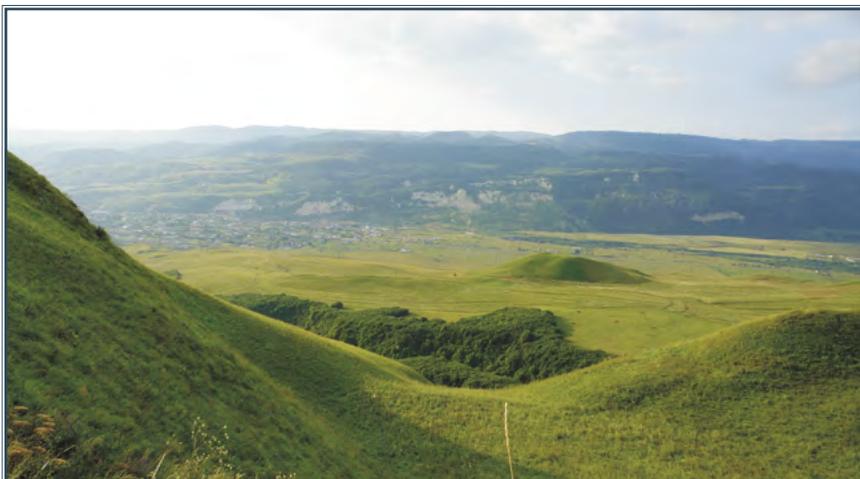
Хара стала названием ряда географических объектов, как то: острова на западе Эстонии, кишлака в афганистанской провинция Кунар, реки, впадающей в озеро Эльтон, что в Волгоградской области, и, что нам особенно интересно, левого притока реки Нальчик.

Заканчивая топонимическую тему, отметим, что у слова «хора» значений куда меньше. Так называется болгарский хороводный народный танец; сельскохозяйственная округа древнегреческого полиса (города-государства, в котором вся территория принадлежала его гражданам); диакритический знак огласовки звука «о» в письменности гурмукхи (это письменность индийского языка панджаби, создателем которой считается второй сикский гуру Ангад, и что опять нас отсылает в Индию). И, наконец, Хора – это монастырь в Константинополе и село в Цунтинском районе Дагестана.

Звучат эти слова и вместе. Вспомним, что столица Монгольской империи в 1220–1260 годах называлась Хархорин (в Средневековье – Хар Хорум). Считается, что название это восходит к тюркскому топониму окрестных гор Каракорум, что в буквальном переводе означает «нагромождение черных камней». Но массив Хара-Хора сложен из светлых туфов.

Кстати, данный горный массив в последнее время на слуху. Существует даже версия, что он искусственного происхождения – столь необычен вид его вершин, лежащих на одной линии одна за другой. Создается впечатление, что некоторым из них придан определенный облик. Да и кабардинская легенда, пусть и в другом контексте, это же утверждает: «высечь из камня», «высеченные из камня». Не есть ли это своеобразный отголосок действий, осуществленных в этих местах?

О том, что такая гипотеза имеет право на жизнь, свидетельствуют и находки последнего времени. Как известно, на одной из заюковских вершин обнаружена таинственная шахта-пещера, уходящая на почти восьмидесятиметровую глубину. О ней рассказало множество российских телеканалов, интернет-порталов, средств массовой информации. Летом этого года

В окрестностях селения Заюково

здесь побывало несколько исследовательских экспедиций, в том числе с иностранными участниками.

Кроме того, в верховьях Заюково, в непосредственной близости от шахты-пещеры, обнаружен некрополь, исследование которого, словами известного ученого С. Л. Дударева, позволит по-новому взглянуть не только на историю Кавказа, но и Европы в целом: «Найденный в нем набор вещей со шлемом ассирийского типа можно считать наиболее ранним из всех ныне известных комплексов с такими шлемами в предскифское время на Северном Кавказе».

Весьма знаменательно, что в народе этот могильник называют «кладбищем нартов». Нарты – герои кавказского эпоса, который, как принято считать, начал создаваться в VIII–VII веках до н. э. Кстати, о стране нартов (аланов) упоминается в знаменитой книге «Шримад бхагаватам» – возьмите любое ее издание, откройте главу одиннадцатую «Возвращение Господа Кришны в Двараку» и убедитесь сами: «Достигнув границ Своей цветущей области, называемой страной нартов...»

А почему бы не допустить, что и в названии Хара-Хора до нас через тысячелетия дошел индоевропейский отзвук?

ЗАОБЛАЧНЫЙ ГОРОД

В народных преданиях, бытовавших в Чегемском ущелье Кабардино-Балкарии, сохранились отголоски сведений, что некогда здесь, в верховьях, на высоте около 4000 м над уровнем моря, располагался древний город. В это трудно поверить, ведь Тырнауз, самый высокогорный город в Российской Федерации, лежит на высоте практически в четыре раза меньшей (1100 м). А село Куруш в Докузпаринском районе Дагестана – самый высокогорный населенный пункт Кавказа и Европы – расположено на высоте около 2600 м.

В то же время в мире имеется ряд городов, расположенных куда выше. Это поселок Намче-Базар (Непал, 3500 м), столица Тибета Лхаса (3650 м) – самый известный высокогорный город в мире, в нем проживает более 250 тысяч человек. Есть еще два высокогорных города в Боливии – Потоси (4090 м) и Эль-Альто (4150 м). И, наконец, в Андах самый высокогорный город мира Ла-Ринконада (Перу, 5100 м), население которого составляет 30 тысяч человек.

Возможное место нахождения древнего города

То есть постоянно находиться на такой высоте люди могут без ущерба для здоровья. Другой вопрос, как им жилось в Чегемских верховьях, если и сегодня сюда нет никаких дорог и большую часть года лежит снег. Откуда они добывали пропитание, за счет чего поддерживали нормальную температуру в жилищах, чем в конце концов занимались... С позиций сегодняшних климатических условий нахождение поселения на этих высотах в данной местности представляется невозможным и нереальным. Ну а если сделать допущение, что в те времена, когда здесь жили люди, климат был более мягким...

Руководствуясь этой мыслью, несколько лет назад мы приступили к поискам. Первым делом обратились к жителю Эль-Тюбю Исхаку Газаеву, ныне покойному. Именно от него мы узнали, что, по преданиям, где-то в высокогорье давным-давно жили люди, но сегодня от их поселения практически не осталось никаких следов. Да и где оно само находилось уже никто не помнит – назывались истоки реки Джилгису и таинственное плато Кумтюбе – места труднодоступные и редко посещаемые. Но две экспедиции, организованные нами в 2010 и 2011 годах, результата не дали. Много чего необычного увидели, но поселение или что-то похожее на него так и не нашли.

И тогда мы решили пойти другим путем – внимательнейшим образом изучить карты этих мест, сделанные из космоса, благо они доступны любому пользователю Интернета. В этом нам вызвался помочь сотрудник Высокогорного института Михаил Докукин. И в начале 2012 года его методичная планомерная работа дала результаты.

Вот несколько фрагментов из нашей электронной переписки.

М. Докукин: «Я исследовал немало каменных глетчеров (то же, что и ледник – ледяная река, спускающаяся с горы, но с большим количеством скальных обломков), но такого никогда не видел. Дело в том, что в рельефе большинства каменных глетчеров выделяются четкие продольные и поперечные валы. Они присутствуют и на теле каменного глетчера в верховьях реки Джунгусу. Но здесь, на валах в осевой их зоне, видны углубления, напоминающие фундаменты – с поперечными перегородками. Это не похоже на результат работы экзогенных процессов (то есть разрушительных процессов на планете, происходящих под действием солнечных лучей, движения воды и воздуха).

В рельефе обычных каменных глетчеров валы представляют собой устойчивые морфологические образования. За тысячи лет существования продольные и поперечные валы почти не деформируются и на их поверхности отсутствуют углубления, свойственные работе термокарстовых процессов. Воронки могут формироваться на теле каменного глетчера, но не

на валах. Судя по всему, необычные формы рельефа на каменном глетчере имеют рукотворное происхождение. Возможно, это и есть то, что вы ищете.

Хочу добавить. Цирк, в котором расположен каменный глетчер, отличается невысоким скальным обрамлением (от перепада высот менее 100 до 200 м). Тем самым, природой созданы такие благоприятные условия для проживания, как значительная продолжительность периода освещенности солнцем и защищенность от сильных ветров, характерных для водораздельных поверхностей, а также недосыгаемость от воздействия снежных лавин, камнепадов и селей».

Впрочем, одно дело снимки со спутника (он называется QuickBird – быстрая птица) и совсем другое взгляд вживую. Но прежде чем организовать экспедицию, хотелось взглянуть на объект хотя бы с борта вертолета. Благодаря министру МЧС Кабардино-Балкарии С. И. Шагину, нам это удалось – летом прошлого, 2012 года нашлось местечко на борту, совершавшем облет лавиноопасных и селеопасных территорий республики. Взгляд с близкого расстояния еще более заинтриговал.

Итак, что же мы имеем. Площадку размером 350 на 110 м, расположенную на высоте около 3000 м. Ее координаты: 43 градуса 18 минут северной широты; 43 градуса 4,5 минуты восточной долготы. Это верховья долины реки Джунгусу – примерно на 6500 м севернее горы Кумтюбе, где мы проводили первоначальные поиски.

На площадке достаточно рельефно выделяются прямоугольники, совершенно нехарактерные для горного рельефа. Расположены они в определенной соразмерности друг с другом и соответствуют фундаментам построек, возведенных людьми. Но доказать, что это именно так, может лишь наземная экспедиция, которую планируется провести летом 2013 года.

ФРАНГИ – КАТОЛИКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Франги, ференки, френки... Многочисленные предания об этом народе, некогда проживавшем на территории нынешней Кабардино-Балкарии, сохранились в фольклоре титульных народов нашей республики, да и других народов региона. Сегодня принято считать, что франгами местные жители называли европейцев, проводников учения римско-католической церкви.

У Т. Биттировой в комментариях к балкарской легенде «Как ференки покинули Кавказ» читаем: «Кавказские горцы франками (френками) называли все народы Западной Европы, в настоящее время одних французов называют именем френки». Т. Кармов в работе «О франгах на Урвани и римско-католическом присутствии» пишет, что «этнографическая традиция содержит следы контактов местного населения с итальянцами (генуэзцами и венецианцами) – «франгами». От себя добавим, что последнее уточнение, являющееся авторским, сужает термин на основе позднейших данных внеисточникового характера. Термин «френки» северокавказские народы еще в XIX веке соотносили в основном с генуэзцами, как последней и наиболее влиятельной торговой и политической силой, с которой приходилось общаться горцам в период между ослаблением византийского влияния и возрастанием турецкого доминирования, особенно с середины XV века.

А вот и конкретные легенды, повествующие об этих взаимоотношениях.

В знаменитом сборнике «Кабардинский фольклор», увидевшем свет в 1936 году в издательстве «Академия», в цикле сказаний о Кабарде Тамбиеве, конкретно в предании «Откуда пошло название Кабарды», говорится: «Кабарда нашел незаселенные места на пустоши в сторону от Дигулибгея к Терку. А на Терке жили тогда франги. Найдя эти места, он вернулся в старое селение, взял своих уорков и пшитлей и поселился на вновь найденном месте». В комментариях составителей прямо говорится, что франги – «название народа и имя царя». И уточняется: «название «франг», «френг» проникло (на Кавказ) в XII–XIII веках (Крестовые походы)». Будет уместным здесь сказать, что термин «франги/френки» пришел в северокавказские языки через посредство поздневизантийского и сохранился в новогре-

ческим в двух значениях: «западноевропейец» и «католик, исповедующий католичество»; не совсем корректен и отсыл составителей к крестовым походам, как могущий создать впечатление, что крестоносцы пришли и поселились на Кавказе.

Предание «Царь франгов и Кабарда» начинается так: «У франгов был царь. Его дворец стоял как раз в середине гребня Алтуд-Герменчик». Запомнив эту географическую привязку к местности, уточним, что гребень (хотя что конкретно под ним имел в виду сказитель в данном случае понять трудно) в географическом понимании, есть цепь вершин, вытянутых в одну линию, и получим примерное место проживания франгов – где-то в районе селения Герменчик. Именно здесь должны находиться их укрепления, упоминание о которых находим в труде Н. А. Нарышкина «Отчет об экспедиции в Балкарию и Кабарду» (1867): «Из Нальчика я отправился через аул Джанхетов в аул Анзоровых на реке Урух, причем я осмотрел местности Шекер-Ниге и Герменчик (речь идет о районе нынешнего Лескена), на которых, как говорят, были укрепления, приписываемые френкам. Кроме следов рвов, обломков кирпича и камней ничего нет». Здесь следует отметить, что название Алтуд-Герменчик поддается этимологизации через тюрко-монгольскую топонимию; вероятнее всего, это название возникло в золотоордынский период, время господства татаро-монголов в предгорьях Северного Кавказа (со второй трети XIII по конец XIV века) и могло означать «горная крепость» или, что менее вероятно, «золотая крепость». В любом случае название Алтуд-Герменчик не могло возникнуть ранее середины XIII века, но это не означает, что крепости, стен, укреплений не существовало до этого. Предки кабардинцев позаимствовали этот топоним как уже устоявшийся у ордынцев. Находки кирпичей, на которые указывает Нарышкин, можно рассматривать как косвенное доказательство тому, что крепость была обитаемой (там мог находиться гарнизон) во время присутствия в этом регионе Золотой Орды.

И вновь обратимся к вышеназванному преданию. Речь не о содержании – как обхитрили царя франгов, потерявшего и обещанную ему жену Кабарды, и принадлежащие ему земли, – а о концовке этого хабара, гласящего: «Франг покинул этот край, а земли, весь край остались в руках Кабарды». С точки зрения сказителя, что важно отметить, ранее неизвестный народ (франги) покинул Кавказ и только после его ухода эти земли перешли во владение Кабарды.

В другом предании (оно опубликовано во втором томе фольклорного сборника «Адыгэ IуэрыIуатэхэр») о взаимоотношениях кабардинцев с франгами рассказывается не столь благостно. Из него следует, что, придя на новые земли, кабардинцы застали здесь франгов, чей большой, хорошо

укрепленный город находился в районе нынешнего селения Урвань. Поблизости от укрепления располагался также действующий монастырь. Первое время отношения между двумя народами складывались достаточно мирно, но затем что-то произошло, отношения испортились, дошло до военных столкновений, в результате которых кабардинцы осадили город франгов. Правда, пал он или нет – неизвестно, легенда обходит этот вопрос стороной, утверждая, что «доблесть кабардинцев победила численность франгов».

А вот версия, которую сообщает балкарская легенда «Как ференки покинули Кавказ», записанная дочерью Мисоста Абаева – Фатимой (1892–1973) и опубликованная в 1911 году в журнале «Мусульманин». Кабард Тамбиев фигурирует здесь как князь Там-Бий, «про доблесть, благородство и великодушные» которого сложили немало песен. А царь франгов (в нашем случае ференков) носит имя Берт-Бий, а точнее Берди-бей. Кстати, Бердибей – тюркоязычное имя, вероятно с половецкими корнями, и буквально означает «господин пришел»; тюркоязычные термины *бий*, *бей*, *бег*, *бек* переводятся как «господин, знатный человек, правитель, вождь»; последнее наблюдение еще больше усложняет понимание того, кем был в этническом отношении на самом деле этот «царь».

В остальном содержание повествования практически схоже: Берт-Бий, заполучив жену Там-Бия, также покидает пределы Кабарды и после долгого путешествия оказывается на берегу моря, где его народ – ференки – начинает «устройство новой жизни». Но, видя, как горюет женщина, царь отпускает ее обратно на родину. Важно отметить географическое направление движения в легенде – Берт-Бий из горной местности уходит в сторону морского побережья.

И вот концовка легенды: «Так ференки покинули навсегда Кавказ, но память о них еще живет среди кавказских горцев, и вот почему старинные башни, стоящие в ущельях, они называют ференкскими». Понятно, что перед нами литературная обработка, возможно, даже исходящая из того же источника, что и первая легенда, но тем она и интересна. Ибо позволяет сделать следующие выводы: во-первых, франгов (ференков) было достаточно много – у них имелось большое поселение в районе нынешнего селения Урвань и в других местах. Во-вторых, выходцы из Западной

Фатима Абаева с дочерью

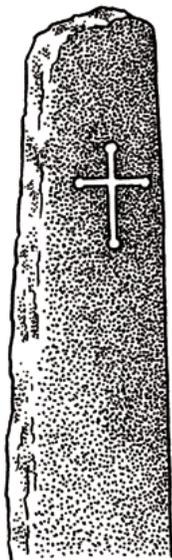

Европы, предположительно гунзы, проживали не только в предгорной части Кабардино-Балкарии, но и в горной, где оставили следы своего пребывания в виде башен и замков. В-третьих, они достаточно организованно (любовная версия свидетельствует об этом) покинули места своего проживания. Насколько фольклорный текст верно отражает исторические события прошлого и их последовательность, вероятно, будет предметом рассмотрения историков еще не одно десятилетие. Но некоторые точки зрения уже известны

Итак, франги, как пишет археолог В. М. Батчаев в работе «Балкария в XV – начале XIX века», были достаточно «многочисленной общностью, имевшей свои поселения, «своего» царя и не отличавшиеся от горцев ни образом жизни, ни родом занятий, ни какими-то иными особенностями. Более того, в контексте некоторых повествований они воспринимаются даже как какая-то часть предков народа». Уточним – ставшей этой частью в процессе ассимиляции – проживания в непосредственной близости друг от друга, активного и, вероятно, долголетнего общения.

Более того, весьма возможно, что название *франги* перешло и на породнившихся с ними местных жителей. Именно последним можно объяснить удивительный казус, когда у кабардинского владельца находят «французские» корни: речь о князе Джанхотове. А все дело в том, что название *ференки* со временем трансформировалось в более удобное для произношения *френки*, в процессе общения с зарубежными путешественниками, ассоциирующими это слово с франками, заменилось последним, а впоследствии, благодаря некорректному переводу, *френки* стали французами.

К слову говоря, версия, что предшественниками наших франгов могли быть на самом деле франки хотя и из области экзотических, но допустимых. В работе XIII века «Книга истории франков» (*Liber historiae francorum*) читаем: «Начало, происхождение и деяния франкских королей и их народов хочу я рассказать. В Азии находится город троянцев, он называется Илиум, и правил там Эней. Народ был храбр и силен, мужчины [были] полны неукротимой воинственности и вели постоянные войны, пока не подчинили себе окрестные народы. Тогда поднялись короли Греции с большим войском против Энея, и сражались с ним в ужасной битве, и много народа троянцев погибло там. Эней бежал оттого и заперся в Илиуме; они же воевали за этот город 10 лет подряд. Когда же они наконец захватили его, тиран Эней бежал и переселил свой народ для борьбы в Италию. Другие князья [троянцев, такие] как, например, Приам и Антенор, погрузили оставшиеся войска, двенадцать тысяч человек, на корабли и провели их

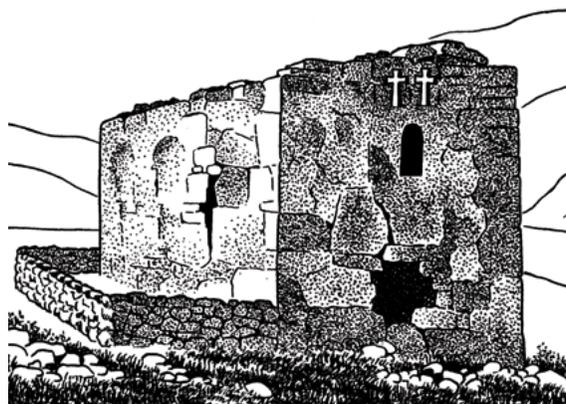

Средневековые каменные надгробия (Безенги, Верхний Холам)

Христианская церковь на реке Гестенты. Реконструкция В. Батчаева по фотографии 1913 года

до берегов Дона. Они прошли через болота Меотиды, в чьей близости они, наконец, прибыли в Паннонию и выстроили город, которому дали, в память о своих предках, название Сикамбрия, там жили они много лет и стали большим народом». Берега Дона, болота Меотиды (Азовское море) – это уже совсем близко от нас. А если допустить, что часть войска Приама и Антенора добралась до наших мест и осела здесь?..

Кстати, древнее название Азовского моря *Меотида* (оно же Меотское болото) непосредственно связано с названием небольших родственных племен – меотов, упоминаемых в античных источниках VI века до н. э. Принято считать, что они занимали территорию, очерченную следующими границами: на западе – Азовское море; на юго-востоке – Черное море; на юге – северный склон Кавказского хребта; на востоке – расселились вплоть до Ставропольского плато. Впоследствии меотами стали называть все племена, живущие близ Азовского моря. И – напомним – большинство кавказоведов относят меотов к кавказским племенам (к адыго-кабардинскому этническому массиву); по этноязыковой принадлежности их причисляют к абхазо-адыгской группе.

Но вернемся к франгам (ференкам, френкам). Как мы уже говорили и как писал Н. А. Нарышкин, все «старинные памятники приписываются горцами френкам». И у него же читаем: «На следующее утро мы достигли последнего коша, находящегося в нескольких шагах от ледников, откуда истекает Баксан и которые составляют часть снеговой вершины горы Эльбрус. Взглянув на карту, я заметил в 12–15 верстах от этого пункта на крутой скале, возле самой дороги, развалины, которые жители называют френкской крепостью и в которой, по преданию, жили венецианцы». Доверяя народной этимологии, Нарышкин не утруждает себя поисками более верного объяснения этнонима «франги/френки», для него важно сообщение, что эта крепость «френкская», и он мог вполне на равных, как синонимы, использовать при переводе слова «френки» и названия «венецианцы» и «генуэзцы».

Таких свидетельств у путешественников, военных, дипломатов находим множество. Сошлемся лишь еще на одно – барон Карл Федорович Сталь, служивший в воинских частях Кавказской линии в 1849–1852 годах, оставил нам удивительную работу «Этнографический очерк черкесского народа». В ней он, в частности, пишет: «У черкесов, так же как и у осетин и чеченцев, существует предание о франках (френг). Каждая древняя развалина, церковь или гробница, которой начало горцы себе объяснить не могут, считается построенной франками. Франк в понятиях народа имеет какое-то баснословное рыцарское значение. По понятиям горцев, франки были христианские первые рыцари в мире и гиганты (нарты). Франки делали лучшее холодное оружие, и до нынешнего времени европейский клинок высоко ценится горцами». Сообщение Сталя как бы суммирует мифологический образ «ференка». И в нем важно следующее: 1) ференки – христианский народ, оставивший крепости и церкви; 2) ференки – умелые ремесленники и воины, оставившие после себя высококачественное оружие. Действительно, на Кавказе пользовались большой популярностью клинки сабель, изготовленные генуэзскими мастерами с клеймом «Genova». Правда, возникает вопрос: не возникла ли контаминация, своеобразное наложение и соединение исторической памяти об аланах – христианах X–XIII веков на Северном Кавказе и генуэзцах – христианах-католиках, торговцах и миссионерах, приходивших на Северный Кавказ позднее, в конце XIII – конце XIV века? Если исключить «аланский» вариант происхождения ференков, то остается только западно-европейский.

Но все перечисленное выше, кстати, ставит под сомнение умозаключение ряда ученых о том, что франгами местные жители называли только монахов, прибывших на Кавказ из Западной Европы. Сколь велика должна была быть эта миссионерская армия, включающая помимо проповедников новой веры военные подразделения и строительные бригады! Нет, это

была значимая человеческая общность, в которой тон задавали доблестные воины (возможно, потомки крестоносцев), умелые мастера – возводившие крепости и города, сажавшие хлеб и разводившие скот.

И если их поселение, при котором действовала к тому же римско-католическая миссия (названная в предании монастырем), действительно находилось в районе селения Урвань, то скорее всего оно должно было располагаться там, где обнаружено так называемое Урванское городище – на левом берегу одноименной речки, относимое к раннему Средневековью (IV–XIII века). Городище это, зарегистрированное в 1946 году археологом П. Г. Акритасом, имеет общую длину более 750 м, а ширину – до 500 м: «в планировке его отчетливо выделяется «детинец», окруженный искусственным рвом, и «цитадель», также защищенная рвом и естественной крутизной склонов; с юга к «цитадели» примыкает обширное полуукрупненное поселение – «посад», а с запада – селище открытого типа». Однако это предположение может быть доказано только после археологических изысканий, если будут найдены материальные следы «френков».

Напомним, что «детинец» – это одно из названий внутренней городской крепости, близкое по значению к слову *кремль*, позволим себе предположить, что помимо поселений франгов в районе селений Урвань и Герменчик поблизости располагалось еще одно – в местности Кишпек. То самое, о котором рассказывали местные жители уже цитированному нами Н. А. Нарышкину. Вот как он описывает эту плоскую возвышенность на берегу небольшой речки: она «на всем пространстве своем усеяна курганами, из которых иные необыкновенной величины. Расположенные правильными группами, некоторые из этих курганов насыпаны камнями, взятыми из русла речки, тут же видны следы прежнего жительствова, как-то: остатки фундаментов и на месте, господствующем над всею местностью, можно заметить следы укрепления, обнесенного рвом».

Предание говорит, что на этом месте был город и крепость какого-то древнего народа, производившего большую торговлю и имевшего большие сокровища. Когда было первое нашествие монголов, то хан их, слыша о силе жителей этого города, послал сперва лазутчиков, для того чтобы подробнее обо всем этом разведать. Посланные, возвратившись, сообщили, что «кши-бек», то есть, по-татарски, *люди крепки, сильны*. Название это осталось и впоследствии обратилось в название *Кишпек*, так слышал я от кабардинцев, не могших сообщить ничего более о последующей судьбе города и его жителей. Окрестные туземцы сохраняли обычай хоронить тут своих умерших; почему между курганами находится много могильных памятников различного рода и величины, но арабских надписей на них старее половины прошлого столетия я не нашел.

По рассказам, здесь неоднократно находили разрытые курганы, старинные вещи большой ценности; впрочем, величина насыпи потребовала бы для разрытия значительных средств и времени».

Кстати говоря, интересные сведения о происхождении этого названия приводит и Шора Ногмов в «Истории адыгейского народа»: «После этого события замолкло для нас имя аварского князя, и влияние хаданского народа прекратилось. Испытав силы кабардинцев, они говорили: «Кишжибек», – что на татарском языке значит: «Твердость не в каменной ограде, а в мужестве людей». Уточнив, что под событием, описываемым Нестором кабардинской истории, подразумевается разгром Кемиргоко и Темируко, сыновьями Идара, аварского князя-уцмия, вернемся к франгам».

Итак, если в означенном нами «треугольнике» (Урвань, Герменчик, Кишпек) действительно находились поселения представителей народов Северной Италии, коими, словами Марко Поло (1250–1324), были «венетианцы, генуэзцы, пизанцы», но прежде всего генуэзцы, основавшие множество поселений и торговых факторий вначале на Черноморском побережье, а потом добравшиеся и до горных районов Северного Кавказа), то археологические раскопки обязательно подтвердят это предположение. И прежде всего наличием в погребальной атрибутике таких символов, как крест...

Можно будет определить и примерные временные рамки их нахождения в этих местах. В булле (так в Средние века назывался папский документ, скрепленный свинцовой печатью) Бонифация IX от 1401 года, на которую ссылается в своей работе «О странствиях царя – пресвитера Иоанна» профессор Филипп Карлович Брун (1804–1880), говорится о поселении «Михаха», которое ученый относит предположительно к нашим местам. Правда, с чем ассоциируется это название, до сих пор остается неясным, но нам важно другое – итальянцы проживали здесь начиная со второй половины XIII века. Более того, «были, как пишет историк Кубанского казачьего войска П. П. Короленко (1834–1913), в близких отношениях на Кавказе с черкесами, жили между ними подолгу, имели возможность изучать их жизнь во всех отношениях, язык и культуру их верований. Это было самое удобное время для введения у черкесов христианской религии. Кафинский префект Генуэзской республики Эмиддео Дортелли д'Асколи чуть ли не первый обратил на это внимание. Он послал к черкесам отца Джуованни Джулиано де Лукка разузнать о положении у них христианства. Местная черкесская знать оказала этому духовному лицу почтение и выразила согласие принять католических миссионеров. Асколи распорядился послать в Черкесию духовных миссионеров для возобновления в этом азиатском народе веры Христовой, которая оставалась в Кавказских горах только в воспоминаниях».

Результаты этой миссии неизвестны; известно только то, что бороться католическим миссионерам против невежества и дикости черкесов в малодоступных местностях Кавказских гор при неимении у этих горцев письменного языка и непонимании последними того языка, на котором говорили их духовные наставники, было не под силу; затруднение было еще и в том, что если какой миссионер и научился бы говорить по-черкесски, то невозможно было на понятном им языке производить богослужение; устные же переводы из книг миссионеров непонятных для черкесов латинских слов не достигали цели; миссионеры могли научить горцев только некоторым христианским обрядностям».

А вот и цитата из труда «Описание Черного моря и Татарии» самого Эмиддио Дортелли д'Асколи, занимавшего в 1622–1633 годах должность префекта Каффы, или Кафы, (бывшее название Феодосии) в Крыму: «Все эти обрядности существуют поныне у наших латинских христиан в Феччиале, именующих себя черкесами-франками. Когда турки отобрали у генуэзцев Каффу, около 180 лет назад, многие из знатных были увезены в Константинополь, где им отвели улицу для жилья, поблизости дворца императора Константина Великого, которая ныне называется Кеффе-магалази; там проживают теперь только две семьи. Другие ушли в Чиркасию из-за своих жен, ибо многие женились на черкешенках, так что в настоящее время получили от чиркасов название *френккардаш*, что на их языке означает «френки наши братья». Иные остались в Каффе, но за отсутствием латинского богослужения и такового же священника они, следуя за своими женами-гречанками, перешли в греческое вероисповедание. Иные же остались при дворе хана, даровавшего им селение, называемое Сивурташ, то есть остроконечный камень, которое до сих пор существует».

Вот мнение ученого Самира Хотко, изложенное им в статье «Генуэзцы в Черкесии» (Эльбрус. 1999. № 1): «Многочисленные генуэзско-черкесские браки привели к образованию уже в XV веке своеобразной этнокультурной общности, представители которой именовали себя черкесами-франками. Двойной этноним отражает сложные этнические процессы, приведшие к образованию этой синкретической общности. В конфессиональном плане черкесы-франки являлись католиками, а в культурном и лингвистическом отношении почти ничем не отличались от черкесов. Эта общность просуществовала как минимум до середины XVII века», а «память о генуэзцах сохранилась в Черкесии вплоть до XIX века».

Но вернемся к франгам. Из всего вышесказанного следует, что еще во второй половине XV века они, ассимилированные с местным населением, все еще оставались на Кавказе. Правда, возникает вопрос, как франги пережили нашествие на Кавказ Тамерлана (1395), не оставлявшего от христианских поселений камня на камне и умерщвлявшего всех их жителей...

А вот что думает по этому поводу историк Сергей Малахов: «Сведения, приведенные Эмиддио Дортелли д'Асколи, касаются середины – последней четверти XV века, когда итальянское население Крыма, Каффы и прочих городов в большей части покинуло полуостров. Часть представителей от смешанных черкесско-франкских, -греческих, -армянских браков вполне могла переселиться в регионы Северного Кавказа, пополнить местные диаспоры, поредевшие после чумы середины XIV века и нашествия Тамерлана. Но вряд ли они были способны воздвигать крепости и города».

Следует согласиться с тем, что присутствие «франгов», европейского католического населения, было, но его численность не следует преувеличивать, абсолютизируя довольно поздние генеалогические легенды и предания. Скорее «аланское наследие» (крепости и укрепленные поселки, церковные постройки, христианские кладбища) в связи с резким сокращением ираноязычного населения на Северном Кавказе после монгольского нашествия с XIV века начинает приписываться адыгами (кабардинцами) «могущественным френкам», которых они «победили», согласно историческим преданиям, или ассимилировали, заняв их земли. Подобное решение в любой легенде, связанной с этногенезом народа, довольно типично, не составляет исключения и этот случай, если иметь в виду активное торговое присутствие генуэзцев в Восточном Причерноморье в течение длительного времени, вплоть до конца XV века».

Христианский крест, хранящийся в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований

КАТОЛИЧЕСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ХАБАЗЕ

Документальных свидетельств о том, что на территории нынешней Кабардино-Балкарии в Средние века действовал католический монастырь, не сохранилось. Но вот фольклорных, косвенных, так сказать, сведений имеется достаточно, более того, судя по ним, такой монастырь (римско-католическая миссия) был даже не один. Если под франгами (ференками) понимать представителей народов Северной Италии – прежде всего генуэзцев, основавших в XIII веке на Центральном Кавказе свои поселения, колонии и фактории, – то известна их деятельность по пропаганде постулатов Римско-католической церкви.

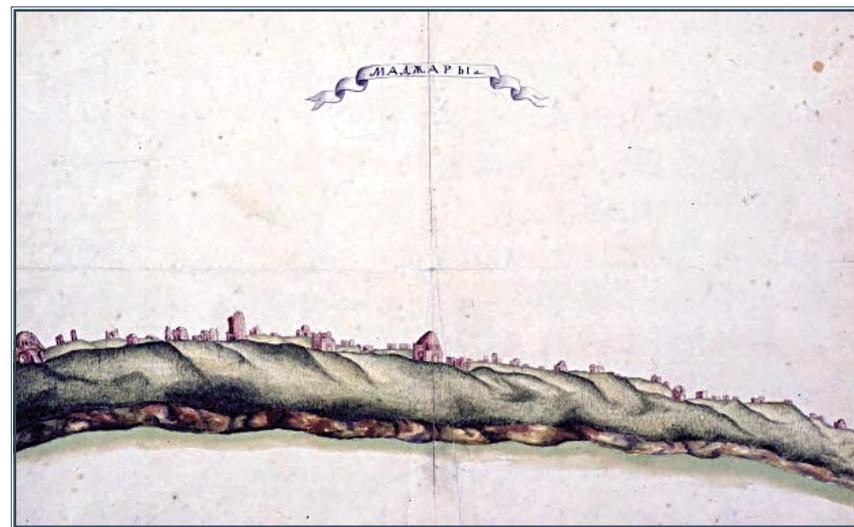
Мы уже писали о предположении ученого Ф. Бруна относительно нахождения подобного поселения в районе нынешнего селения Урвань. Предания говорят также, что католический монастырь располагался в районе селения Хабаз, чему имеются и материальные подтверждения и о чем мы подробнее расскажем ниже. А начнем с общеизвестной информации. Итак, «согласно францисканским источникам, к началу XIV столетия в горах Северного Кавказа действовали два католических монастыря, построенных в восточном стиле. Растущее влияние католицизма побудило маджарского градоправителя Гайеретиана предложить Римскому престолу основать в городе епархию, поскольку подобные епархии уже существовали в Астрахани, городах Армении, Грузии и Крыма. По запросу Гайеретиана Иоанн XXII, который был вторым Авиньонским Папой Римским, адресовал к нему свою буллу от 3 октября 1329 года и отправил в Маджар епископа Самарканда (посвященного из доминиканцев) Фому Манказола (Thomas Mancasole), который и положил начало Маджарской епархии. Манказол выехал из Авиньона в апреле 1330 года со ста флоринами. Добравшись морем до Судака, он, при содействии священника Каффы (Кафы), прибыл в Маджар в июле. Вскоре приехал и францисканский монах Таддеус. Папская булла содержала следующий текст: «Приветствие нашим дорогим чадам, Иеретанию и всем христианским венграм, малькайтам и аланам! Наполнило нас весьма великим и естественным счастьем, что Великий и Досточтимый Создатель, призыв которого является неизменным и обращен ко всему миру, ко всем тем, которых Он хочет взыскать в Своем милосердии, ради Его Единственного Сына, с Его любовью, которая неопи-

суета на словах и навсегда соединила каждую отдельную христианскую семью, охватывает и Вас, кто был тронут истинной верой, научен Писанием и светом Апостольской церкви, среди таковых из восточных областей мира, кому предназначено принять любезность христианства.

Авиньон, 3 октября 1329 года».

Булла римского папы Бонифация IX (1389–1404) также упоминает действующую католическую кафедру в Маджаре. В начале XV века на Северном Кавказе побывал немецкий дворянин Иоганн Шильтбергер, что нашло отражение в его записках. По пути из Дербента в Татарию Шильтбергер посетил «гористую страну Джулат, населенную большим количеством христиан, которые там имеют епископство. Священники их принадлежат к ордену кармелитов, которые не знают по-латыни, но молятся и поют по-татарски, для того чтобы их прихожане были более тверды в своей вере. Притом многие язычники принимают святое крещение, так как они понимают то, что священники читают и поют».

Уточнив, что Маджар – это золотоордынский город в XIII–XVI веках, находившийся на месте нынешнего Буденновска, что в Ставропольском крае, мы попросили прокомментировать эти сведения армавирского историка Сергея Малахова. Ученый был весьма категоричен. Впрочем, лучше представим возможность ознакомиться с его письмом, адресованным авторам этих строк.

Развалины Маджара в 1793 году. Рисунок из альбома П.-С. Палласа

«Разговор о католическом влиянии (не путать с гемузской торговлей) в Средние века преувеличен и достаточно не подкреплён письменными источниками. Никаких сведений о католических монастырях в Центральном Предкавказье и на Центральном Кавказе, тем более в такой глубокой горной части, не было. В. А. Кузнецов в своей книге «Христианство на Северном Кавказе» также несколько преувеличивает влияние католичества. Между тем Аланская епархия существовала в перечне епархий, подчинённых Константинопольскому патриархату (я впервые на это обратил внимание в публикации 1992 года) ещё в 1589 году. Аланский митрополит (!) должен был ставить свою подпись под актом об учреждении патриаршества в России, но, кажется, не прибыл в Константинополь.

Рим старался везде открыть епархии, особенно на Северном Кавказе, где были православные аланы, зихи, земли которых оказались включёнными в состав Золотой Орды, в которой с 1312 года начинает официально распространяться ислам, но кроме декларации намерений и привлечения под свое покровительство некоторой части не очень сведущих в различиях веры между византийским толком и католическим западным исповеданием аланов (часто общее название для северокавказского населения в источниках того времени), поскольку в это время резко ослабло влияние Константинополя, покровительство временное, католические миссионеры мало что успели сделать. Они могли быть в торговых факториях и городах, политических центрах. Для них и Рима было главной задачей влиять на политиков Орды, правителей Центральной Азии. Поэтому назначенный в Самарканд Манказол проездом через Маджары пытается подчинить православных и укоренить католичество в этом городе. Не забудем, что здесь где-то рядом была ставка хана Узбека, где замучили не без помощи московских бояр князя Михаила Тверского в 1318 году, а затем через Маджары и Астрахань отправили его тело на Русь.

Маджары – крупнейший торговый центр, но процветать ему оставалось недолго. Здесь были и православные церкви, и армянские, возможно, были и несториане из Средней Азии. Ну как здесь не попытаться на столь благодатной почве пустить католический «корешок»? Но он не пророс. Рим пытается покровительствовать уже «старообращённым» православным – венграм (поиски Великой Венгрии), аланам и «малькайтам», под которыми следует понимать скорее сирийцев-мелькитов, позиции которых были сильны в Средней Азии.

Заявлять миссионеры в своих донесениях в Рим могли что угодно, особенно о своих успехах в прозелитизме, но реальность была более суровой, работать с паствой они не могли по причине языкового барьера. Но отрапортовать начальнику... Как это знакомо! Попав в списки епархий,

она могла числиться ещё много лет, но после нашествия Тамерлана вряд ли кто остался, да и Маджары заглохли как экономический центр после 1395–1396 годов.

Что касается ордена кармелитов, то тут ещё более шаткая ситуация. Представьте себе путешественника, пленного немца, который чудом вернулся на родину и, чтобы поправить материальное положение, пишет мемуары по принципу «памятное», обогнув практически весь Кавказ. То, что он не видел сам, дополнял слухами и фантазиями, которым вряд ли стоит верить. Если считать, что слово *Джулат* (в значении «торговая стоянка, караван-сарай») – арабизм, а таких названий-топонимов могло быть много на Северном Кавказе, то и локализация Джулата не обязательно в Осетии, но могла быть ближе к Дагестану, где, кстати, тоже довольно долго ещё сохранялось христианство.

Я не доверяю в полной мере народным легендам (Северный Кавказ в этом ряду не исключение): записанные в конце XIX – первой половине XX века, они в большей своей части несут позднюю историческую информацию, и часто беллетристического в них больше, чем исторического. Есть такое понятие: «народная этимология», что и чувствуется в рассказе о франгах и монастырях. Это не означает, что их не было вообще. Но как могут помнить местные жители о монахах, когда в XIX веке они не знали, какому народу принадлежали памятники христианства и что за народ жил до них, то есть не знали об аланах, связывая иногда некоторые памятники с какими-то мифическими людьми».

Вот на такой критической ноте заканчивалось это письмо, с которым захотелось поспорить. И прежде всего, о так называемой «народной этимологии». В контексте нашего разговора термин этот совершенно неупотребим. Ладно бы шла речь о современном туристском фольклоре, насыщенном байками и фантазиями, но ведь о тех же франгах (френках) – и мы уже писали об этом – сохранилось множество фольклорных преданий, датированных XVI–XVII веками, документальных свидетельств путешественников, ученых, дипломатов, военных.

Не будем повторяться, рассказывая о возможном итальянском поселении в районе нынешнего селения Урвань; обратим свой взор подальше – в горы, к селению Хабаз, где, как мы считаем, находилась римско-католическая миссия. Доказательством на нынешний день является только устная традиция, но она достаточно убедительна и опирается на реальные предания, передаваемые из поколения в поколение. И сегодня вам покажут место, где некогда располагался монастырь (ныне здесь возведена мечеть), расскажут, как при строительстве последней обнаружили средневековый водопровод, нашли немалое количество обломков каменных

Крест над селением Хабаз

крестов (частью впоследствии уничтоженных, частью увезенных в неизвестном направлении некими заинтересованными лицами). Жители называют это место «килиса» (Kilise), то есть церковь. Слово это происходит от греческого «эклессия» – церковь.

Коль есть миссионерская обитель, которая существовала продолжительное время, должно быть и христианское кладбище; оно действительно поблизости, за селением, под нависающей с правой стороны дороги скалой. Могилы (их немало) грунтовые, судя по всему, они не вскрывались. Следовательно, не представляет труда определить, кто в них захоронен – католический обряд похорон мало изменился за последние столетия: монахов хоронили в гробах, причем голова умершего должна быть обращена на запад, а ноги на восток. Над могильным холмиком водружали крест – над головой усопшего. Где были установлены последние, сейчас выяснить невозможно – все кресты выкорчеваны (вероятнее всего, еще в период исламизации) и уничтожены. (Впрочем, такой же крест и у православных.)

Судя по всему, пытались уничтожить и главную святыню этих мест – расположенный выше кладбища, за селением, колоссальный каменный крест. Внушительного вида скала выпирает из гребня, ее три стороны (длиной чуть более трех метров) представляют равноконечный крест. Левая сторона сохранилась практически в первоначальном виде, верхняя – частично повреждена: осыпалась; правая сторона представляет заостренный обрубок, части которого лежат на склоне..

Если смотреть с высоты ближайшей вершины, лежащей не над крестом, а как бы сбоку от него, это не так заметно: перспектива смазывает размеры каменного артефакта. Но если взглянуть с высоты птичьего полета – нам повезло пролететь над крестом на вертолете, – то взору открыва-

ется величественное зрелище. Ведь даже сейчас, спустя более как минимум шесть столетий после проведения здесь гигантских по своему объему каменотесных работ, крест сохранил свою первоначальную форму.

Нам кажется, что имеет право на жизнь и другая версия: крест не вытесан из цельной скалы, а возведен (по крайней мере одна из его сторон) из положенных друг на друга плоских камней, между которыми явственно видны следы какого-то скрепляющего материала. И в первом, и во втором случае труд мастеров, соорудивших столь величественный христианский символ, поражает воображение.

Сомнений в том, что перед нами искусственное сооружение, не возникает ни на мгновение. Дело в том, что к кресту от подножия горы ведет четко просматриваемая сверху дорога – она, как винтовая лестница, огибает его и подводит к самому основанию святыни – удлиненному за счет лежащего под ним пригорка. Более того, с левой стороны креста имеются выбитые в каменном основании ступеньки, также позволяющие подняться на него: весьма возможно, что они предназначались для священника. Здесь однозначно проводились богослужения – приобщение местных жителей к таинствам христианства.

Внешняя поверхность креста тщательно обработана – она выровнена, но при этом верхняя часть выше нижней, и создается впечатление, что она как бы зовет к полету, вознесению. Это еще больше подчеркивает многометровый обрыв, открывающийся перед теми, кто рискует подойти к краю креста. Но вот что удивительно: чувство опасности как таковой в этом месте отсутствует напрочь; наоборот, ощущаешь какое-то внутреннее спокойствие, умиротворение, желание задержаться, побыть наедине. Невольно вспоминаешь, какой внутренней силой обладают подобного рода пространства, связанные с религиозным почитанием, их так и называют – намоленное место.

Можно ли данный крест интерпретировать как византийский? Использовали ли его впоследствии католики? Какова хотя бы примерная датировка происходившего здесь? Печально, но на эти вопросы никто еще не попытался дать ответ. Удивительно и то, что об этом памятнике нет ни археологических, ни этнографических публикаций, причем не только в советское время (в период атеизма на подобные материалы было наложено табу), но и в дореволюционное, и в нынешнее.

По большому счету в Кабардино-Балкарии с научной точки зрения более-менее известно лишь о 30 туфовых крестах, найденных в 1977 году у селения Жанхотеко. Археолог И. М. Чеченов, описавший их в работе «Монументальные туфовые кресты у сел. Жанхотеко» (см.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987. Т. 3),

отмечает примечательную особенность: у большинства крестов концы заметно расширяются к краям, отчего, как он пишет, «данную группу находок скорее всего следует включить в круг так называемых «мальтийских». Напомним, мальтийский крест – восьмиконечный крест, использовавшийся рыцарским орденом госпитальеров (иоаннитов – членов католического духовно-рыцарского ордена Святого Иоанна Иерусалимского, основанного в XII веке в Палестине). В XIII веке орден стал вселенским, как сама церковь, разделенным на восемь «языков», представляющих главные государства феодальной Европы. Название «госпитальеры Святого Иоанна» рыцари сохранили, равно как и красную мантию с вышитым белым шелком восьмиконечным крестом – символом целомудрия и восьми рыцарских добродетелей: вера, милосердие, правда, справедли-

Крест, найденный у селения Кенделен

вость, безгрешие, смирение, искренность, терпение. Четыре направления креста говорили о главных христианских добродетелях – благоразумии, справедливости, силе духа и воздержании.

Он же (И. М. Чеченов) предполагает, что «кресты из Жанхотеко следует рассматривать... как символы христианства, несущие в своем декоре определенную культово-смысловую нагрузку», и делает вывод: «оставившее их население в течение более или менее длительного времени вело прочную оседлую жизнь и... подвергалось весьма сильной христианизации». Происходило это, по мнению ученого, в пределах XIV века, а возможно, и начала XV века.

И. М. Чеченов проводит параллели между жанхотекскими крестами и теми, что были обнаружены хранителем Терского областного музея, а впоследствии первым директором Национального музея Кабардино-Балкарии М. И. Ермоленко (1867–1939) у селения Каменномоетское.

Абзац из этой публикации «Памятники древнего христианства на Кавказе» (см.: Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 5) стоит процитировать: «У села (аула) Кармовский Нальчикского округа Терской области, населенного кабардинцами, расположенного в северной части области, в 45 верстах от Пятигорска, на участке землевладельца дворянина Хабижа Абдрахманова, в южной стороне на горе случайно найдено туземцами 5 тесаных белого и розоватого камня крестов. Кресты эти одни имеют форму квадратной удлиненной плиты, на одном конце которой вытесан крест в форме Георгиевского креста, а на самой плите высечена фигура дугообразного цветка, как обыкновенно мы видим такие фигурки на серебряных изделиях с чернью кавказской работы...»

И очень важная констатация: «По словам жителей аула и самого Абдрахманова, у него на участке, недалеко от озера, на ровной поверхности, где нет уже никаких признаков могил, при рытии земли часто встречаются такие кресты и плиты с высеченными на них крестами».

Кстати говоря, опосредованные ссылки на нахождение памятников означенного времени имеются и в другой работе М. И. Ермоленко – «Могилы седой старины Нальчикского округа Терской области», опубликованной в этом же сборнике. Речь в ней идет о той же местности – ауле Кармовский, где у обрыва древнего русла реки Малка, на правом ее берегу, находится каменоломня и где «жители этого села для собственных надобностей ломают камень песчаник». Возникает вопрос, не та ли это самая каменоломня, откуда значительно ранее были взяты камни, из которых и были изготовлены, к примеру, хабазские и прочие христианские памятники?

Но самое интересное, что рядом с каменоломней были обнаружены могилы, представляющие из себя каменные ящики, а в них – «железные

Крест, найденный в селении Жанхотеко

копья в виде копий времен крестоносцев, части железных мечей и ножей»; в другой могиле – «череп костяка человека лежал в глиняном горшке, видимо, специально приспособленном для сего и поваленном на бок, так что отверстие его приходилось на голову, всю покрывая ее в лежащем положении».

И абзац, который нам более всего интересен: «Таким образом было найдено более 10 могил, ... все небольшого размера, так что невольно является вопрос: какого племени здесь покоятся останки? Уж очень невелики эти могилы! Является и другая мысль: не крестоносцы ли дети сложили здесь свои головы?» Кстати говоря, далее в этой статье М. Ермоленко рассказывает о могильниках, найденных у «аульчика Хабас, приписанном в полицейском отношении к Кармову», но скорее всего они более ранние, чем интересующие нас.

И. М. Чеченов убедителен, когда утверждает, что жанхотекские кресты и каменномоетские, вероятнее всего, изготовлены одними и теми же мастерами. Сегодня, когда нам достоверно известно, что в означенном районе, а именно на горе Калез, что прямо за селением Каменномоетское, находилась крупнейшая мастерская по изготовлению малой христианской пластики (см. материал «Епископия Ахохия» в книге «Ключи от мира тайн

мертвых». Нальчик, 2011), нетрудно предположить, что существовала и не менее крупная каменотесная мастерская. Располагаться она могла или здесь же, но скорее всего (по причине отсутствия на «Калежке» необходимого для обработки материала) поблизости – то есть внизу, у речки. Более того, с немалой степенью вероятности можно утверждать, что такая каменотесная мастерская была не одна: ведь селение Заюково, славящееся несметным обилием розового вулканического туфа (а именно из него изготовлено большинство крестов), куда ближе (практически рядом) к Жанхотеко, чем Каменномоетское.

Изготовленные же в Каменномоетском кресты (а, судя по всему, их производство в буквальном смысле было поставлено на поток) доставлялись в ближайшие места (в частности, в Хабаз), где компактно проживали христиане, и предназначались, с большой степенью вероятности, прежде всего (а может, и только) для установки на могилах почивших соплеменников, согласно нашей версии, франгов и тех, кто принял их религию, с немалой степенью вероятности – католическую.

О том, что кресты были установлены на кладбищах, говорят оставшиеся на них следы природного воздействия: ветров, снега, дождя. А относительно жанхотекских это вообще не подлежит сомнению. «Формы и характер обработки поверхности крестов, отмечает И. М. Чеченов, явно указывают на то, что первоначально они стояли вертикально, на определенном расстоянии друг от друга; причем, судя по длине грубо отесанной части их клиновидных оснований, они вкапывались в землю на относительно небольшую глубину. Почти на всей поверхности крестов, за исключением их небрежно обработанной части оснований, прослеживаются следы окатанности и выветренности. Эти особенности также свидетельствуют о том, что в течение какого-то более или менее значительного времени кресты стояли на открытом месте».

К слову будет сказано, количество каменных крестов в районе селения Жанхотеко исчисляется, без всякого преувеличения, многими сотнями: при вспашке почвы, как рассказывал нам местный тракторист, его плуг вытащил на поверхность сразу три штуки. Когда копали силосную яму, обнаружили еще несколько. Хорошо сохранившийся крест с узорами по правую и левую стороны и полумесяцем в верхней части мы сфотографировали в зарослях кукурузы на одном из частных подворий. Нам показывали части крестов, которые стали, как бы печально это ни звучало, частью каменных оград. Жанхотековцы утверждают, что они их нашли уже разломанными. И это вполне объяснимо – пришли завоеватели (без сомнения,

это были войска Тимура): кресты были повалены (тем более что для этого не надо было прилагать больших усилий), а большей частью разбиты на части. И касается это не только Жанхотеко, но и Каменномоостского, и Хабаза, где, правда, несколько крестов сохранилось в их первоначальном виде. И оказались разбиты уже в наше время, причем один из последних сохранившихся – с удлинённым нижним концом, вероятно, западно-христианский – был вывез в Карачай. Известно нам со слов Магомета Джаппуева и о другом сравнительно недавнем случае, когда при прокладке дороги в селение Безенги было обнаружено множество плит с выбитыми на них крестами. Все эти надмогильные камни были заложены в полотно дороги и засыпаны гравием. Бульдозерист, проделавший эту работу, и сейчас может указать примерное место нахождения крестов. Печально, что все эти многочисленные исторические памятники, могущие приоткрыть страницы нашего общего прошлого, сгинули безвозвратно во времени, не введены (и уже никогда не будут введены) в научный обиход.

Итак, позволим сделать некоторые обобщения и выводы, в чем нам поможет статья П. Кузьминова и Ю. Храмцовой «Становление и развитие христианства в Кабардино-Балкарии в эпоху Средневековья и Нового времени», опубликованная в десятом выпуске (часть вторая) «Исторического вестника» Института гуманитарных исследований (Нальчик, 2012).

Период католической христианизации на Северо-Западном и Центральном Кавказе составляет чуть более двух веков – где-то с 1260 года по 1470 год. Известный ученый Самир Хотко, автор статьи «Генуэзцы в Черкесии» (Эльбрус. 1999. № 1) еще более конкретен: 1266–1475 годы, исходя в своей датировке от основания Каффы генуэзцами и ее взятия османской армией.

Генуэзцы (в середине XI века Генуя стала самостоятельным городом-коммуной; Генуэзская республика была независимым государством в Лигурии, на северо-западном побережье Апеннинского полуострова) создают в эти годы в Крыму и на Северном Кавказе свои колонии, фактории, поселения, многие из которых становятся своего рода духовными центрами по распространению католичества. Учреждаются церкви, монастыри, епископские кафедры: в 1333 году – миссионерский учебный монастырь в Каффе, в 1439 году – две епископские и одна архиепископская кафедры, целью которых было приобщить к католичеству адыгов. Скорее всего ряд этот могут продолжить миссия, действовавшая при поселении франгов, располагавшемся в районе нынешнего селения Урвань, и католический монастырь в районе селения Хабаз.

Верны или нет наши предположения, могут ответить только целенаправленные исследования. Но вот дойдет ли когда-нибудь до них время?..

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ХРИСТИАНСТВА КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ СО ВРЕМЕН СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ ДО XIX СТОЛЕТИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Очерк составлен по Высочайшему повелению, на основании подробного критического разбора летописей: византийских, армянских, грузинских, арабских, славянских, итальянских и новейших местных исторических исследований. При этом автор составил: исторический атлас Кавказского края, состоящий из 8 карт, на коих изображено постоянное распространение и упадок христианства с обозначением в продолжение каждого из 18 столетий: этнографических пространств, заселенных христианами и иноверцами, местопребываний католиков, митрополитов, епископов, монастырей, церквей, а также политических переворотов, государственных границ, городов, крепостей и пр. Кроме того, приготавливается еще особое подробное историческое описание кавказского христианства.

При составлении представляемого здесь краткого исторического очерка и атласа *, как первого опыта, встречались чрезвычайно большие затруднения по следующим причинам.

Много кавказских летописцев и новейших историков описывали подробно политическую и церковную историю Грузии и Армении, о кавказских же хищных горах никто не писал всеобщей истории, но упоминают о них кратко, отрывочно, сбивчиво, запутанно, также затруднение исторического анализа необыкновенно увеличивается от разногласия в названиях всех мест и племен, отсутствия хронологии и сведений за целые столетия, от переселения множества племен и политических переворотов; однако ж автор обратил особое внимание на выражение в общем синтетическом образе состояния христианства во всех столетиях, устраняя подробности, для удобства государственных и общественных соображений и распоряжений. В примечаниях означены названия летописцев и новейших историков, на основании коих составлен общий обзор.

* К сожалению, атлас отсутствует. – Изд.

I. РАСПРОСТРАНЕНИЕ КАВКАЗСКОГО ХРИСТИАНСТВА**Общий обзор восемнадцати столетий**

В общем обзоре судеб христианства кавказских горцев в продолжение восемнадцати столетий нужно разделить этот край на две неравные части – юго-восточную и западную: 1) земли лезгин – Древнюю Албанию, или Дагестан, и всю нынешнюю Бакинскую губернию; 2) все остальные земли горцев, абхазцев, сванов, убыхов, черкесов, кабардинцев (занимавших обширные степи вокруг Азовского моря), аланов или осетин (занимавших всю западную половину Ставропольской губернии), и чеченцев, обитавших в Северном Дагестане, на Кумыкской плоскости и в долинах р[еки] Терека и частью р[еки] Кумы с их притоками.

Во всем Кавказском крае христианство основано было шестью св[ятыми] апостолами и их св[ятыми] учениками. С половины I до начала IV стол[етия] христиане скрывались от жестоких гонений властей. С 300 года нужно разделить обзор на вышеозначенные части. В юго-восточной, меньшей, части христианство было в высшем развитии с 300-го до 700 года. Потом арабы, персияне и татары с заметной скоростью уничтожали христиан и заменяли мусульманством. В западной же, большей, части Кавказа христианство распространялось византийцами слабо с 300-го до 550 года. После греческое духовенство сильно развивало св[ятую] веру до вторжения на Кавказ и в Европу из Средней Азии монголов и татар в XIII стол[етии]. С этого времени все горцы отпали от христианства, предались грабежу и свирепому варварству. Потом, до конца XVIII стол[етия] сохраняли дикую смесь христианства, магометанства и язычества. И, наконец, в XIX стол[етии] по внушению Персии и Турции, для общего отпора против решительных наступательных действий русских войск, приняли усердно магометанство.

Проповеди св[ятых] апостолов

Шесть апостолов с их учениками с боговдохновенным самоотвержением проповедовали в этом крае. Святую веру принимали низшие угнетенные сословия народа.

Святой Андрей обратил много народа в христианство в западной половине Кавказа: в Колхиде, Абхазии, Сванетии, Зихии, или Черкесии, в Тавриде и по рекам: Кубани, Дону, Волге, Днепру и Дунаю. Ученик его *св[ятой] Симон* был первым епископом в Абхазии в большом греческом городе Диоскурия, близ Сухум-Кале. Убит и похоронен в городе Никопсия. Святые мощи его перенесены в Пицунду в VI стол[етии]. Другие епископства были основаны св[ятым] Андреем в Томосе (Тамани), Пантикапее (Керчи), Херсонесе Таврическом (Севастополе)¹. *Св[ятой] Фаддей* обратил южную часть Армении и царя Авгара в христианство², проповедовал в Великой и Малой Армении 18 лет, основал епископство в городе Эдессе; благовествовал в Албании, или Дагестане, где убит князем Санатруком³. Ученик его *св[ятой] Елисей* проповедовал в восточной половине Кавказа до устьев реки Волги. Часть народа в Албании, или Агвании (нынешний Дагестан), была обра-

щена св[ятым] Елисеем в христианство, и в столичном городе Чоге (или Дербенте) было основано им епископство⁴. *Св[ятой] Матфей* благовествовал в Колхиде, Гуррии, Абхазии, по берегам Понта Эвксинского (Черное море)⁵. *Св[ятой] Варфоломей* и *св[ятой] Иуда-Яков* проповедовали в Армении, где и распяты на кресте. Епископство было учреждено в городе Вагаршапате (Эчмиадзин)⁶. *Святой Филипп* проповедовал 20 лет в Скифии, при устье рек Кубани, Дона, Днепра, Дуная, где под греками, славянами, хазарами и кабардинцами господствовали босфорские цари⁷. Христианство, основанное св[ятыми] апостолами, было господствующей верой в малых округах и в отдельных семействах, преимущественно в среднем и низшем сословии. Надобно заметить, что со времени разложения рода человеческого после Потопа, в окрестностях горы Арарат евреи сохраняли постоянно до времен апостолов племенное родство с армянами, иверами (грузинами), агванами, абхазцами, где много жило евреев, переселившихся туда из Палестины во время истребительных завоеваний Сестолиса и Навуходоносора, и потом рассеялись на северных покатосях Кавказа⁸. Эти кавказские евреи отправлялись ежегодно в Иерусалим на праздник Пасхи при жизни Христа Спасителя и потом, во время сошествия св[ятого] Духа на апостолов. Часть этих евреев приняла с усердием христианство и по возвращении в Кавказский край была первыми вестниками спасительной веры, учениками и помощниками апостолов⁹.

Гонения христиан

С конца I стол[етия] цари, владельцы и жрецы жестоко истребляли епископов, священников и всех христиан в продолжение 200 лет. Святую веру исповедовали скрытно, но с полной святостью и великим самоотвержением пустынноики, изгнанники, бедные работники в греческих колониях на восточном берегу Черного моря, в Абхазии, Зихии (Черкесии), Армении, Колхиде и Албании (Дагестане).

В продолжение этих 200 лет много святых мучеников и усердных христиан бежали от жестоких гонений владельцев и жрецов из Понта, Каппадокии и других областей Римской империи в греческие колонии на восточный берег Черного моря – в Диоскурию, Тамань, Пантикапею и в соседние кавказские земли – Босфор, Абхазию, Колхиду, Армению, Албанию, где и распространяли св[ятую] веру¹⁰.

Армения и Албания. От 300-го до 332 года святой Григорий обратил в христианство *весь армянский народ* и царя их Трдата, а также всю Албанию, или Агванию (Дагестан), и царя их Уйнайра; в начале IV стол[етия] святой Григорий основал много епископств, монастырей и около 2000 церквей. Первым Католикосом Албанским и Иверским в городе Дербенте, или Чога, был святой Григорий в начале IV века, который проповедовал христианство в Северном Дагестане, Лъпинии (Кумыкская плоскость), в землях массагетов, гуннов, т. е. во всей восточной половине Кавказа¹¹. В Албании было 9 епископов, подчиненных Дербентскому Католикосу, в следующих главных городах и областях: Бахагату, Капагак, Амарас, Батасакан, Шаке, Гардман, Мец-Когманк, Парцканк, Утиши.

Вообще духовенство в Армении и Албании, происходя от владетельных княжеских и высших дворянских фамилий, владело городами, большими поместьями и

богатствами с 300-го до 700 года. В Албании все сословия, князья, владельцы, горожане и сельские работники воодушевлены были величайшим усердием и строгим соблюдением обрядов христианской веры, как в Греции с V столетия распространилась греческая образованность, литература и богатство народное¹². С начала III до конца VII столетия албанцы отличались необыкновенной набожностью и имели около 20 святых угодников. Католики учреждали торжественные процессии, строили богатые монастыри, церкви, множество поклонников отправлялось ежегодно в Иерусалим, где было около 70 армянских и албанских монастырей и церквей, до вторжения арабов, или до 700 года. С конца VII до XIII ст[олетия] разрушительные вторжения персиян, арабов и других народов принуждали многих албанских и армянских князей и дворян принимать исламизм, но в эти бедственные времена простой народ свято сохранял христианство¹².

Грузия. В 318 году святая Нина отыскала ризу Иисуса Христа в Мцхете и распространила христианство во всей Иверии, в царствование Мирцана. В городе Мцхета были епископы с 318-го до 479 года в зависимости Антиохийского патриарха. С 479 года до XVIII ст[олетия] в этом городе были независимые католики. Грузинский царь Вахтанг Гургаслан (Горгосал. – В. З.) в V ст[олетии] покоряет Мингрелию, Имеретию и Абхазию и рассылает христианских проповедников в Кавказские горы и северные их покатоки к Алании, или осетинам и сванам¹³.

Греческие колонии на Кавказе. В начале IV ст[олетия] богатые греческие города на восточном берегу Черного моря: Фазис, Никопсис, Зихополис, Томос, или Тамань, учреждают епископов под властью Константинопольского патриарха¹⁴. Греческое духовенство этих городов слабо распространяет *христианство у соседних кавказских горцев*: абхазцев, зиков, или черкесов, с которыми греки с глубокой древности, со времен аргонавтов, с 1250 года до Р. Х., вели деятельную и выгодную торговлю¹⁵. В половине VI столетия в царствование императора Юстиниана, византийцы покоряют Абхазию и приморские греческие города, потом деятельно и сильно *распространяют христианство во всей западной половине Кавказа* у абхазцев, сванов, зиков, или черкесов, кабардинцев, аланов, или осетин. Назначают у них греческих епископов, священников, строят в горах и на морском берегу много церквей в коих богослужение отправляется на греческом языке, а проповеди и молитвы на туземном языке¹⁶. По сличении летописцев разных веков оказывается, что у всех кавказских западных горских народов и у осетин с половины VI до половины XIII ст[олетия] низший бедный народ исполнял всегда с полным усердием христианские обряды, но князья и дворяне, занимаясь грабежом, смели отступить от христианской народной веры и иногда с пренебрежением уклонялись от ее обрядов¹⁷. Св[ятой] Иоанн Златоуст, изгнанный из Константинополя в Абхазию в 407 году, проповедовал там и умер в г[ороде] Пицунде, или Питицце¹⁸. В стране зиков, или черкесов, были в VI ст[олетии] следующие греческие епископства, подчиненные Константинопольскому патриарху: в Чахополисе, Никопсисе,

при устье р[еки] Кубани в Тамани, Дзербегане и Турканерхе¹⁹. В следующих столетиях были основаны епископства в Сибе и Лукуне, на северных покатоках гор против средней части р[еки] Кубани²⁰. Число и местопребывание епископов дает понятие о числе церквей в окрестных землях. В 547 году прибыли из Сирии в Грузию 13 святых проповедников (13 сирийских святых угодников), из коих трое распространяли христианство у черкесов, осетин и у лезгин²¹.

Византийский летописец Зонар, осматривавший Зикхийскую (Зихскую) и Аланскую епархии в 713 году*, свидетельствует, что зикхи (черкесы) и аланы (осетины) были чрезвычайно набожны. Христианская вера смягчила свирепые их нравы, церковные книги были переведены на абхазский и осетинский языки. В западной части кавказских горцев в греческих городах, в землях абхазцев, зиков, кабардинцев и осетин с половины VI столетия до нашествия Чингисхана с монголами и татарами в 1224 году христианство поддерживалось постоянно византийским духовенством²². Кроме того, кратковременно и в разные эпохи развивали св[ятую] веру грузины в царствование Тамары, с 1184-го до 1212 года, русские в Тмутарканском княжестве с 967-го по 1100 год²³, и потом венециане и генуэзцы в XIV и XV ст[олетиях] присылали католических миссионеров²⁴.

Абхазское царство. Абхазское царство с 550-го по 786 год под властью греческих императоров имело 10 наследственных наместников и разделялось на семь епархий²⁵.

С 786-го по 1072 год Абхазское царство было независимое, богатое, сильное и управлялось наследственными царями, кои владели Мингрелией, Имеретией, Гурией, Сванетией и сев[ерными] покатоками Кавказа между реками Кубанью и Лабой. Оно разделялось на 22 епископства, подчиненных независимому Католику, пребывавшему в Пицунде²⁶. Эта высшая церковная власть сохранялась преемственно с 730 года до XVIII ст[олетия].

Абхазцы были весьма усердными христианами с 550 года до покорения их турками в половине XV ст[олетия], имели много богатых каменных церквей и монастырей, в т[ом] ч[исле] несколько монументальных греческих храмов, украшенных мрамором с мозаикой²⁷.

Абхазия и подвластные ей княжества подвергались следующим переворотам. В 1022 году греческий император Василий покорил Абхазию на короткое время.

В 1089 году Абхазия утратила свою независимость. Грузинский царь Давид III покорил Мингрелию, Имеретию, Гурию, а также Абхазию и Сванетию.

Царь Давид III возобновил христианство и построил много церквей. С 1184-го до 1212 года грузинская царица Тамара прославилась большими завоеваниями, сооружением укрепленных замков, распространением христианства и просвещения, постройкой множества церквей в Грузии, Имеретии, Мингрелии, Гурии, Абхазии, Сванетии и Осетии. С 1259 года до половины XV ст[олетия] Абхазия была под властью имеретинских царей, и христианство поддерживалось в ней²⁸ с полным усердием.

* Здесь и далее по тексту примечания В. А. Захарова (В. З.). – Изд.

* Автор ошибся, очевидно, с датой, так как Иоанн Зонар (Зонара) жил в конце XI – середине XII века. Возможно, 1113 год. – Изд.

В 1451 году турецкий султан Магомет покорил Трапезонт, послал Мурад-бей с войском и 50 кораблями в Абхазию, который покорил ее, разорил все города, церкви и монастыри и начал распространять магометанство. С 1468 года абхазцы окончательно приняли мусульманство, и потом неоднократно с турками, татарами, убыхами и черкесами грабили Имеретию, Мингрелию, Сванетию, разрушали в них города, монастыри и церкви ²⁸.

Албанское царство. Албанское царство в Дагестане и к югу – до р[еки] Куры, населенное армянами, трудолюбивыми и промышленными, а в северо-западной части – лезгинами, с начала IV до конца VII столетия было весьма богатое, довольно образованное и отличалось чрезвычайно усердным христианством. Оно разделялось на 9 удельных княжеств и епархий, столица великого князя и место пребывания католиков были в Дербенте. В Албании было 10 крепостей, 47 городов, 11 монастырей, множество сел и богатых церквей. В продолжение этих благополучных 400 лет, в царствование албанской династии Аршакидов, родственной с царями Аршакидской династии в Персии, Грузии, Армении, Индии и у массагетов, и потом под владичеством персидской династии Сасанидов **и агванской династии Михракан** * в Албании, по долинам рек Самур, Кура, Алазань, Аракс и других меньших, построено было много каналов для поливания полей, развилась промышленность, торговля, богатство и образованность **. Особенным христианским усердием отличался албанский великий князь св[ятой] Ваче в первой половине V столетия – строением монументальных храмов, возвышением власти духовенства и христианской нравственности в народе. С 636-го до 670 года албанский князь Джебашир прославился большими завоеваниями в Кахетии, соседних лезгин и персидской области Азербайджана ***.

В половине VII столетия (в 627 г. – *на полях карандашом*), после разрушительного вторжения хазар и персов, Католикос Виро **восстановил, а частью** построил в Албании 365 церквей ****. Кроме этого, албанский царь Вачачан Благочестивый собрал в г[ороде] Дербенте знаменитый [церковный] Собор в 488 году всего албанского духовенства, князей, дворян, войско и множество народа, кои после 40-дневного поста и молитв, двинулись в торжественной процессии на запад, в расстоянии около 300 верст, в город Амарат **в провинции Арцах**, в монастырь в том городе, [где] с величайшим торжеством и святостью были открыты мощи святого Григориса и принесены обратно в г[ород] Агвен, и помещены в часовне за городскими воротами ²⁹. Албанские католики с начала IV до конца VII столетия распространяли христианство во всей восточной половине Кавказа: у лезгин, чеченцев, гуннов и татар до реки Терека и даже в устьях р[еки] Волги, временно

* Здесь и далее все слова, выделенные жирным шрифтом, вставлены или исправлены карандашом на полях рукописи или в самом тексте. – В. З.

** Для предохранения богатой Албании от вторжения северных варваров была построена в III столетии каменная стена с башнями от г[орода] Дербента на запад по северной границе. – *Ракинт*.

*** Точнее, Азербайджан (Азербиджан) – северная область Персии. – *Изд.*

**** *На полях карандашом*: Киракос Гандзакерци. С. 113–114; История агван... С. 363.

назначали им епископов, священников и строили у них церкви. Но св[ятая] вера не везде была господствующей у этих племен. Бедный народ охотно исполнял обряды, покровительствующие равенству прав, но в числе грабительских князей, владельцев, немногие соблюдали христианские обряды ³⁰. Разрушительное вторжение в Албанию с севера хазар, гуннов и аланов, принудили в 551 году перенести столицу из Дербента на юг, в г[ород] Перозанав, или Партав, **Берда (ныне с. Берда в Елизаветпольском уезде)**. Албанские цари покорили на юге три армянские области между реками Кура и Аракс: **Арцах, Ути и Пайтаракан**. С этого времени христианство во всей восточной половине Кавказских [гор] начало **постепенно** уничтожаться. Потом с половины VI до конца XII столетия Албания была под жестокой властью Персии и беспрепятственно разоряема хазарами, гуннами, арабами. В VIII столетии образовались в Дагестане под владичеством арабов три мусульманских ханства: Дербентское, Аварское и Ширванское, кои вскоре сделались независимыми. В 914 и 943 годах русы по Волге и Каспийскому морю вторглись в Дагестан, Албанию и Северную Персию, грабили и разрушали города Дербент, Баку, Берду, Тавриз и другие ³¹. В продолжение этих веков много албанских христианских князей и дворян принимали мусульманство. Христианство существовало в бедном народе, было угнетаемо и презираемо высшими сословиями ³² и, наконец, в 1387–1391 годах слабая Албания была окончательно покорена, разгромлена и зверски истреблена монголами и татарами под предводительством Тамерлана. Все церкви и монастыри [были] разрушены, библиотеки сожжены, города, села истреблены, каналы засыпаны. Албанцы были большей частью убиты, а остальные окончательно приняли мусульманство или разбежались в отдаленные страны. Той же гибели подверглась Армения ³³.

Переселения в Дагестане с VIII до конца XIV столетия. После перенесения столицы из Дербента в г[ород] Перозанав, или Партав, образовались в VIII столетии прежде три мусульманских ханства: Дербентское, Аварское, Ширванское, а потом другие меньшие, вместе с тем часть албанских христиан, теснимых сначала хазарами, потом лезгинами, принуждены были оставить земли плодороднейшие, превосходно возделанные, а также города и переселиться из этих ханств в южные области Албании. Лезгины начали переселяться с гор и захватывать плодородные албанские долины. Другая часть албанских христиан, оставшись в мусульманских ханствах стала обращаться в исламу, сперва дворяне, а потом, в следующих столетиях, и простой народ. По завоевании Тамерланом Дагестана, татары вытеснили лезгин из приморских плодородных долин, орошенных каналами, в скалистый Нагорный Дагестан, а сами завладели этими богатыми землями. Потом татарские и лезгинские ханства в Дагестане были покорены персидским шахом Аббасом в начале XVII столетия ³³.

Лезгины и чеченцы. *Лезгины*, бывшие малоусердными христианами с начала IV до конца VIII столетия, приняли окончательно исламу по распоряжению хана аварского Абдул-Муслима в 796 году. С этого времени они неизменно остаются магометанами до наших дней. *Чеченцы* очень мало соблюдали христианскую веру с

начала IV столетия до нашествия Чингисхана с монголами и татарами, до 1224 года³⁴. С того времени часть князей, владельцев, народа постоянно принимали исламизм, но в остальном народе сохранялись остатки христианских обрядов до половины XVIII столетия³⁵.

Царство Боспорское. Царство Боспорское имело во владении греческие [колонии по обоим берегам Азовского моря и в Крыму соседних скифов, черкесов, кабардинцев, славян и хазар.

В царстве Боспорском были две епархии. Одна епархия *готфов* в столичном городе Пантикапее (Керчь), другая епархия *скифов* была в Томосе, или Тамани, при устье р[еки] Кубани. Готфы, жившие в восточной части Крыма, приняли христианство в 323 году³⁶. С этого времени они имели епископов. В 376 году епископ Улорилла перевел церковные книги на готфский язык. Готфская епархия существовала до 700 года³⁷.

Кабардинцы. Скифы. Сообразив основательно историю Страбона и летописцев Евсевия, Созомена, Никиты Пафлагона, Прокопия, Сократа и других, мы выводим следующие заключения. Древние греки-нехристиане называли скифами разноплеменных варваров, кочевавших по северным берегам Черного и Азовского морей. Но в Скифской епархии считались собственно кабардинцы, жившие вокруг Азовского моря, в Крыму и при устьях рек Кубани, Дона, Днепра до Дуная. Они с древних веков там кочевали и отличались свирепым варварством и грабежом. Но св[ятой] Андрей и Филипп озарили их светом Божественного учения. В царствование императора Трояна, по свидетельству Тертулиана (в 105 г.), у них было много христиан, нравы их смягчались. С 284-го до 576 года кабардинцы были усердными христианами: по соборным актам, в продолжение этого времени у них в одной Таманской епархии было 12 преемственных епископов, подчиненных Константинопольскому патриарху. Хотя в отдаленных степях кабардинцы занимались преимущественно скотоводством, свирепым грабежом и уклонялись от св[ятой] веры, но по морским берегам и в окрестностях греческих городов, они имели много земледельческих мирных сел с церквями и греческими священниками, в коих богослужение отправлялось на греческом языке, а проповеди и молитвы – на их языке. В 576 году турки (здесь автор имеет в виду тюрков. – В. З.) вторглись из Средней Азии в Босфор, разрушили приморские греческие города, устроенные вокруг Азовского моря*, но вскоре эти области были покорены византийцами, кои возобновили здесь христианство и построили в греческих городах великолепные храмы³⁷.

Русское княжество Тмутараканское. Потом русские в 967 году под руководством Святослава покорили кабардинцев и часть осетин, живших по долине реки Кубани и в степях между Кубанью и Доном, а также и приморских греков, основали

* При этом турки (то есть тюрки. – Изд.), разрушив кабардинские села и церкви, отторгнули их от христианства и увлекли к общему грабежу. – *Ракинт*.

княжество Тмутараканское, столица коего была в г[ороде] Тамани. На этом **полуострове*** было много каменных церквей. Это русское княжество со своим епископом и духовенством существовало до 1100 года, затем эта область была независима и сохраняла христианство до покорения татарами в XIII столетии, которые разграбили, разрушили и уничтожили христианство³⁸.

Осетины. Аланы, или осетины, были сильным народом с III до XIII столетия. Они занимали западную половину нынешней Ставропольской губернии. Столичный их город был Хулхубаг, или Тетяков, в вершине реки Терека. Там был и другой осетинский город Бездежье, в котором жили епископы с половины VI столетия до 1298 года, подчиненные Константинопольскому патриарху³⁹. С этого времени и до 1453 года они возвысились на степень митрополитов, коим подчинялись все осетины, бывшие усердными христианами, и татары, жившие с древних веков в горных ущельях между вершинами рек Терека и Кубани⁴⁰. Вокруг горы Казбек, по обе стороны Главного [Кавказского] хребта, построено много каменных церквей маленького размера, коих развалины существуют до последнего времени. В половине X века осетины отпали на короткое время от христианства, но грузинская царица Тамара с 1184-го до 1212 года покорила осетин и велела построить у них несколько важных церквей и восстановить христианство⁴¹. В XII веке путешественник Рувруквис, подтверждает, что аланы были весьма набожны, богослужения отправлялись на греческом языке, и многие осетины говорили по-гречески.

Татары под предводительством Чингисхана, Тамерлана и других с 1224-го до 1400 года покорили и разграбили осетин, разрушили все церкви и уничтожили христианство⁴². Потом кабардинцы в XV столетии, гонимые крымскими татарами, пришли с берегов Азовского моря, покорили осетин и оттеснили их в ущелья [Главного] Кавказского хребта, между Эльбрусом и Казбеком, где у них сохранились некоторые христианские обряды до последнего времени, а кабардинцы поселились на их местах на плодородной плоскости⁴³. С того времени кабардинцы, угнетаемые татарами, неоднократно просили покровительства московских царей и восстановления у них христианства⁴⁴.

II. ПАДЕНИЕ КАВКАЗСКОГО ХРИСТИАНСТВА

Восточная часть. В восточной половине Кавказских гор христианство существовало в высшем развитии во всей Албании до конца VI века, то есть до перенесения столицы владетельного князя и Католикоса из Дербернта на юг в Берду⁴⁵. У лезгин и чеченцев христианство было слабо развито и смешано с религией Зороастра до 700 года. В продолжение VIII стол[етия] христианство у лезгин скоро уничтожилось, сначала владельцы, а потом и народ приняли окончательно исламизм к концу VIII столетия⁴⁶. В Северной Албании хотя князья и владельцы при-

* п о л у – вставлено над строкой. На самом деле Тамань находилась на острове, образованном дельтой реки Кубани. В начале XIX века река изменила свое русло и стала впадать только в Азовское море. – В. З.

няли мусульманство в продолжение VIII стол[етия], но простой народ, находясь в угнетении, еще сохранял христианские обряды, кои, постепенно забываясь, исчезали окончательно в XIII ст[олетии] и заменялись мусульманством⁴⁷.

Чеченцы, в 700 году сохранив некоторые обряды религии магов, не имевшие хорошо организованного христианского духовенства, по своему грабительскому духу соблюдая обряды христианской веры с очень малым усердием, оставались в таком виде до нашествия Чингисхана с татарами в конце XIII столетия. С этого времени усилившийся дух грабежа и разбоя искоренял христианские обряды в господствующем сословии и заменялся медленно мусульманством.

Некоторые обряды св[ятой] веры в смешении с Кораном и язычеством сохранились у них до начала XVIII ст[олетия]⁴⁸.

В начале XVII столетия персидский шах Аббас покоряет и разоряет Грузию, Кахетию и Дагестан и уничтожает христиан в восточной половине Закавказского края⁴⁹.

С половины XVIII ст[олетия] мусульманство стало распространяться сильнее ввиду наступательных действий русских войск. Кумыки Дагестана, татары и персияне никогда не были христианами, но пришли сюда из Средней Азии, как завоеватели, с мусульманской верою. По распоряжению московских царей русские войска владели крепостями в устьях рек Терека и Сулака постоянно с 1559 года до времени Петра Великого, который покорил все юго-западное береговое пространство Каспийского моря.

Западная часть. В западной половине Кавказа христианство существовало предпочтительнее, чем в восточной половине. В Абхазии и Сванетии оно существовало в высшем развитии до половины XV столетия, и в короткое время, то есть в 1468 году, весь народ принял окончательно мусульманство⁵⁰.

Убыхи, черкесы, кабардинцы и осетины имели не вполне развитое христианство в простом народе, с примесью некоторых поверий греческой мифологии и религии магов, до нашествия Чингисхана, с IV до XIII столетия, стараниями греческого духовенства [оно] возвышалось и утверждалось во всем народе. Но часто грабительские князья и владельцы этих народов уклонялись от св[ятого] обряда и презирали духовенство.

С XIII столетия эти горцы были увлечены татарами к общему грабежу России, Польши, дунайских княжеств и других стран. Вместе с тем они отпали от христианства, начали грабить церкви и изгонять своих священников⁵¹.

Потом они оставались в этом свирепом варварстве почти без всякой веры до покорения турками Константинополя. В продолжение XVI–XVIII столетий мусульманство принималось изредка по наружности некоторыми князьями и владельцами, в простом же народе сохранилась часть христианских обрядов. Убыхи приняли христианство в XVII ст[олетии], даже в начале XIX ст[олетия]. Турецкие пашы и муллы из Анапы, распространяя мусульманство, встретили вооруженное сопротивление христианских шапсугов и абадзехов⁵².

Окончательно мусульманство развилось в сильной степени у всех горцев в XIX столетии, по внушению Турцией и Персией ввиду решительно наступающих

действий наших войск⁵³. В Осетии простой народ сохранял христианские обряды до последнего времени с примесью древнего язычества, а старшины приняли мусульманство, однако ж осетины подчинились нашему духовенству⁵⁴ в царствование императрицы Екатерины II.

1862

*Санкт-Петербург*Генерального штаба полковник *Ракинт***Примечания полковника Ракинта**

¹ По свидетельству византийских писателей: Оригена, Ипполита (III ст.), св. Доротея, Епифания (IV ст.), Евхария (V ст.), Исидора (VI ст.), Никиты Пафлагона, Евсевия, императора Василия (IX и X ст.), а также Четьи-Минеи и грузинского историка Вахтанга V.

² Евангелие.

³ На основании тех же византийских летописцев, а также и армянских: Моисея Хоренского, Моисея Каганкатваца и Киракоса Гандзакеци.

⁴ По тем же армянским летописям.

⁵ По свидетельству византийских летописцев Иеронима и Прокопия, а также грузинских и армянских писателей; *Вахтанг*. История Грузии.

⁶ На основании византийских летописцев Фабриция и Евсевия и армянских – Инжиджьяна, Моисея Хоренского и Киракоса Гандзакеци.

⁷ На основании византийских летописцев: Авдия, Вацентия, Бергоменса, Петра Наталибуса и Прокопия.

⁸ Геродот, Страбон, Библия.

⁹ Деяния святых апостолов.

¹⁰ По описанию римского наместника Арриана, а также византийских, армянских, грузинских летописцев, Четьи-Минеи и Актов Вселенских Соборов.

¹¹ Из летописи и Моисея Каганкатваца. *Примечание:* гуннами назывались татары, кочевавшие при устьях рек Волги, Урала и в Средней Азии.

¹² История агван Моисея Каганкатваца.

¹³ *Вахтанг*. История Грузии; *Brosset*. Chronique Georgienne.

¹⁴ Прокопий (554); Георгий Кипрский (885).

¹⁵ Voyage autoun du Caucase par Dubois de Montpereux. 1839; Георгий Кипрский; Прокопий.

¹⁶ Прокопий, Евсевий, Георгий Кипрский, Зонар, Dubois de Montpereux...

Список греческих городов на Кавказе:

В Абхазии: Диоскурия, или Севастополис (Себастополис. – В. З.); Гераклея, или Акаклия; Питиус, или Пицунда; Никопсис, или Анакопия; Окваши Генос, или Тганас; Маркула, Атанжела, Археополис, Илори, Бедия, Даранда (Дранда) и много сел. Каменная стена с башнями от Келасури до Ингура, длиной 160 верст, построенная за 300 лет до Р. Х.

В Грузии: Фазис, Петра.

В Зихии: Захополис, Ахая, Аспе, Синдике, Торисос, Бата и многочисленные остатки церквей.

На Таманском полуострове: Томос, или Тамань; Фанагория, Кипос, Ахиллеон, Тирамбе, Корокордама, Ермонасса (Гермонасса).

На Керченском полуострове: Пантикапей, или Керчь; Мирмекион, Панфенион, Нимфеон, Ираклея, Феодосия, несколько сел. Каменная стена с башнями, длиной 30 верст (Dubois de Montpereux...).

¹⁷ Прокопий (554); Евсевий и Никита Пафлагон (IX ст.); Зонар. [1113]; Константин Порфирородный (952); Рубруквис (1253).

¹⁸ Прокопий, Зонар.

¹⁹ Прокопий, Зонар, Константин Порфирородный, Рубруквис (1253), Бутков (1825).

²⁰ *Архимандрит Макарий (Булгаков М. П.).* История введения христианства в России до равноапостольного князя Владимира. 1846.

²¹ *Вахтанг V.* История Грузии. 1719.

²² Константин Порфирородный (852); Рубруквис (1253).

²³ *Вахтанг.* [Истории Грузии].

²⁴ Барбаро (1436); Интериано (1551).

²⁵ Прокопий (554); Евсевий, Зонар; Георгий Кипрский (885); Константин Порфирородный (952).

²⁶ Патриарх Досифей (1659); Шарден (1671); Вахтанг (1719); Селезнев (1847).

²⁷ Dubois de Montpereux...; Досифей, Шарден, Вахтанг.

²⁸ Вахтанг, Dubois de Montpereux...

²⁹ История агван Моисея Каганкатваци. Ч. 1. Гл. 14–16.

³⁰ *Моисей Каганкатваци.* Гл. 41 (*дополнение карандашом на полях:* По распоряжению агварского князя Вараз-Трдата епископ Израиль обращает сто верных гуннов в христианство в конце VII ст[олетия] в столичном их городе Варагане).

³¹ Масуди (943); Абульфеда (1300).

³² Моисей Каганкатваци.

³³ История Дагестана Аббаса Кули-ага Бакиханова; Березин, Берже.

³⁴ Христианство было у них варварски смешано с религией магов (Гюльденштедт).

³⁵ Дела Осетинской духовной миссии. 1770 – 1790 гг.

³⁶ Евсевий, Созомен, Никита Пафлагон.

³⁷ Константин Багрянородный. 952.

³⁸ Нестор, Карамзин.

³⁹ Зонар, Рубруквис, Гюльденштедт.

⁴⁰ Барбаро, Интериано.

⁴¹ Гюльденштедт, Клапрот, Dubois de Montpereux...; Шегрен.

⁴² Dubois de Montpereux...; Шегрен.

⁴³ *Потоцкий.* Путешествие по Кавказу. 1796; Бутков. 1822.

⁴² Из дел Главного Московского архива. Карамзин, Селезнев.

⁴⁵ Моисей Каганкатваци.

⁴⁶ Моисей Каган[катваци]; История Дагестана Аббаса Кули-ага Бакиханова.

⁴⁷ История Дагестана.

⁴⁸ Берже; История Дагестана.

⁴⁹ Сношения грузинских царей с Московским двором; *Chronique gior-gienne par Brosset.*

⁵⁰ Dubois de Montpereux... .

⁵¹ *Иоселиани.* История Грузинской церкви. 1843; Dubois de Montpereux...; Барбаро (1436); Интериано (1551).

⁵² Патриарх Досифей (1659–1677); Шарден (1671); Гюльденштедт (1770); Бутков (1825). Дела управления Кавказским корпусом (междоусобная религиозная война продолжалась 20 лет).

⁵³ Из дел Управления Кавказской армии.

⁵⁴ *Шегрен.* Дела Осетинской духовной миссии.

Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2012. – 72 с.

В ПОИСКАХ ВЫСОКОГОРНОГО СКЛЕПА

...Все началось с истории, поведанной Константином Рыбалко. Костя родился и жил в селении Белая Речка, пригороде Нальчика, в те же годы, что и один из нас: хорошо знали друг друга, общались. И не только в детстве, но и впоследствии – в годы учебы в Кабардино-Балкарском университете, после его окончания, когда Рыбалко работал ветеринарным врачом в одном из хозяйств республики.

Знакомство со вторым из авторов состоялось в конце семидесятых годов прошлого века – в республиканской молодежной газете. Костя – заядлый любитель природы, знаток горных ущелий – пришел в редакцию с материалом о достопримечательностях республики. После небольшой правки его опубликовали. За этой заметкой последовал целый ряд других – о встречах с животными, обитателями гор и лесов республики.

Но одна из статей – «Тайна каменной плиты» – была отвергнута по причине своей фантастичности. И была опубликована уже в перестроечные времена газетой «Кабардино-Балкарская правда» (1984. 22 июня).

Суть того материала в следующем. В окрестностях Скалистого хребта Константин наткнулся на гладкий четырехугольный камень – плиту размером приблизительно метр на метр или чуть меньше и толщиной сантиметров десять.

Отодвинув плиту, под ней увидел отверстие: глубина около метра, а справа – ступенька и темнота. Заметил еще ступеньки и ход, который расширялся ко дну. И стены, и ступеньки обтесаны, как плиты. На четвертой ступеньке можно было стоять уже в полный рост. Зажег одну из нескольких оставшихся у него спичек (до этого Костя долго плутал в тумане да к тому же под морозящим дождем), увидел перед собой узкую каменную лестницу, крутые ступеньки, которые вели вниз. Зажег еще одну...

На десятой ступени остановился. Идти дальше не хотелось: чернильная темнота казалась бесконечной.

Зажег одну из последних спичек, повернул назад. Увидел: на стене что-то выбито – то ли буквы, то ли знак какой-то. Спичка погасла, так толком и не рассмотрел, что там было. Рукой нащупал какие-то линии. Больше спич-

ки расходовать не стал. Только и сделал, что бросил небольшой камешек, который долго-долго летел вниз, подпрыгивая по ступенькам.

Задвинул плиту на место. Думал, обязательно еще придет сюда. И, взвалив на спину рюкзак, пошел по гребню, так и не поняв, что это за плита, что за лестница. Кто ее вырубил, для чего и за какое время в монолитной скале?

Много лет прошло с того памятного дня. Но это место все годы не давало Константину покоя. Ходил туда много раз, но так и не нашел его вновь. Оно исчезло, словно привидение, ведь в горах столько склонов и заваленных плоскими камнями гребней...

Вот такой материал. Подтверждение тому, что он был основан на реальных впечатлениях, мы получили от жителя Белой Речки Хусейна Бабаева, исходившего окрестности Нальчика вдоль и поперек, кстати говоря, друга Рыбалко. Константин приглашал Хусейна принять участие в совместных поисках, долго уговаривал, раз даже уговорил, но не сложилось – что-то помешало, а потом Рыбалко уехал из республики в поисках лучшей доли.

Историю о таинственном склепе, расположенном где-то в предгорьях Скалистого хребта, мы слышали не только от Константина Рыбалко. По большому счету наши разыскания, легшие в основу материала «Говорящие мумии» (Газета Юга. 2005), посвящены именно высокогорному склепу – «подземной храмине», как его называют в своих рапортах, датированных 1767 годом, царские чиновники. Храмине, в которой эль-тубинскими (верхнечегемскими) пастухами были найдены (и забраны, несмотря на мистическое предостережение) золотые изделия, повлекшие за собой смерть не только грабителей, но и членов их семей.

...История эта не давала покоя не только нам, но и учителю истории школы селения Эль-Тюбю, краеведу Исхаку Газаеву, человеку, который кропотливо собирал любые сведения о прошлом родных ему мест не только из книг, но и из рассказов старших, из устных преданий и героических песен. Исходил все окрестности, пытаясь выстроить картину жизни ущелья в далеком времени.

Он не уставал от наплыва гостей, которым надо было рассказать обо всем интересном и значительном. Обязательно о «Великом шелковом пути», шедшем через перевалы Думала и Актопрак, о рукотворном чуде Эль-Тюбю – лестнице «Битикле», о христианской обители, находившейся внутри громадной скалы, нависшей над речкой Зылгы...

Именно Исхак загорелся нашей историей и стал начиная с лета 2008 года планомерно заниматься поисками таинственного подземелья. Он определил ущелья, которые надо осмотреть в первую очередь и обошел их одно за другим. Он спрашивал односельчан, охотников и пастухов, пытаясь свести воедино сведения разных людей, с надеждой обрести

хоть какой-нибудь ориентир. Надежда появилась летом 2009 года, во всяком случае, повод говорить об этом позволяет тот факт, что Исхак посоветовал нам приобрести прибор для определения аномалий грунта – пустот и подземных ходов. Мы даже не знали, где искать данный прибор, у кого попросить, на каких условиях воспользоваться. Дело затянулось, тем более что Исхак ничего конкретного не говорил.

Аппарат мы так и не нашли, когда в конце лета 2009 года раздался телефонный звонок и Исхак попросил приехать: ему кажется, что он нашел или само подземелье, или что-то похожее на него. «Жду вас в субботу, сказал учитель, так как в четверг приедут с местного телевидения снимать фильм об ущелье...» На следующий день он вместе с Исмаилом Жеттеевым проводил экскурсию для телевизионщиков. Был добрым. Был ярким рассказчиком. Был... потому что вечером ему стало плохо. «Скорая» отвезла его в Чегемскую районную больницу. А через сутки он покинул наш мир.

...Казалось, на этом история с мифическим подземельем завершилась, так как Исхак, как мы выяснили, своими находками ни с кем не делился, в каком направлении осуществлял поиски – не рассказывал. Известно было только одно: далеко от селения он не отходил, следовательно, если и сохранилась «подземная храмина» (та, которую видел Константин Рыбалко, или какая-то другая), то она располагается где-то поблизости от Эль-Тюбю.

И вот совсем недавно в издательстве появился сравнительно молодой человек с красным обветренным лицом и мозолистыми руками, в которые буквально-таки въелась земля. Оказалось, он читал наш материал о чегемских мумиях, долгое время занимался поисками подземелья. И самое главное – нашел! Только вот что?

Из рассказа незнакомца вырисовывалась такая картина: вместе с товарищами они нашли выдолбленное в скале подземелье, в которое

Исхак Газаев с журналистом газеты «Московский комсомолец»

ведут узкие ступеньки. Спустившись метра на три с половиной–четыре, обнаружили коридор, ведущий куда-то в сторону, но путь в него преграждал завал. Завал этот они смогли, правда, с превеликим трудом, преодолеть, расчистив его, но обнаружили, что впереди еще один. Он большой, метров шесть, сказал наш гость.

И эта точная цифра в обозначении длины завала несколько насторожила: может быть, ребята и его раскопали? Уж очень натруженными были руки у парня. Тогда что там увидели землякопы? Ведь наш собеседник не сообщил ничего конкретного, не рассказал ни о каких находках. Только пообещал, что когда они пройдут все подземелье, он обязательно сообщит нам об этом. А может, и покажет. Но так и не перезвонил.

Блефовал ли наш третий рассказчик? Опять же: для чего, с какой целью и по какой причине? Неясным осталась и цель его прихода. Одни вопросы. И тайна подземелья, вырубленного в высокогорье, по-прежнему оставалась недоступной нам.

Но тут произошла еще одна встреча – с человеком, который немало лет отдал поиску артефактов, коими так богата земля нашей республики. «А вы знаете, что нечто подобное – пещеру, подземелье – искали и члены гитлеровского общества «Аненербе»? Более того: были уверены, что такая пещера на Кавказе есть; и одно из возможных мест ее нахождения – Кабардино-Балкария».

Тема мистического интереса Гитлера к Тибету, Кавказу общеизвестна. Мы сами посвятили ей немало страниц, опубликовав в местной (Газета Юга. 2005) и центральной (Аргументы и факты. 2006) печати материал о так называемом «немецком аэродроме», что в Северном Приэльбрусье. Но такой поворот даже нас озадачил. А фотографии с датами и предваряющей их гитлеровской свастикой не настраивали на шутейный лад. Впрочем, об этом надо вести отдельный разговор...

Скала с пещерами у селения Эль-Тюбю

ЧТО ИСКАЛИ ГИТЛЕРОВЦЫ В ГОРАХ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

...Несколько лет назад авторы этих строк опубликовали статью о так называемом «немецком аэродроме» (Газета Юга. 2005. № 33), на который осенью 1942 года садились фашистские «фокке-вульфы», будто бы, по бытующей легенде, доставившие к подножию Эльбруса, группу людей с голыми черепами, одетых во все белое (тибетских лам?).

Материал тот перепечатали десятки российских газет («Аргументы и факты» даже прислали специального корреспондента), продублировалось множество интернетовских сайтов. Так вот и получилось, что многие молодые люди сегодня даже не сомневаются, что главной целью Гитлера была не закавказская нефть, а «вершина Эльбруса», как утверждала в той статье «АиФ», что ламы (религиозные учителя), предсказавшие захватчику «плохой прогноз исхода войны», действительно были расстреляны и нашли последний приют на «немецком аэродроме».

Что поделаешь – таковы издержки интернет-познаний.

Но тема пребывания гитлеровцев в Кабардино-Балкарии еще ждет своего исследователя. Что они искали в нашей республике? Общепринятая версия, что на Кавказе фашисты вели поиски исторических корней немецкого народа, виделась в данном случае отнюдь не главенствующей.

Но давайте обратимся к историческим реалиям, воспользовавшись сведениями, щедро предлагаемыми все тем же Интернетом.

Итак, в начале тридцатых годов прошлого века в Германии создается мистическая организация «Аненербе» (нем. Ahnenerbe – «Наследие предков»), полное название которой – «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков». Заявленная цель – доказательство теории расового превосходства германцев: «изыскания в области локализации духа, деяний, наследства индогерманской расы».

В 1935 году президентом и уполномоченным организации «Наследие предков» становится Генрих Гиммлер, спустя два года интегрировавший «Аненербе» в структуру СС. В 1941 году общество было включено в личный штаб рейхсфюрера СС, а его деятельность переориентирована исклю-

чительно на военные нужды. Нюрнбергский международный трибунал признал «Наследие предков» преступной организацией, а ее руководитель Зиверс был приговорен к смертной казни.

Среди заявленных целей «Аненербе» обозначен также «поиск артефактов, составляющих основу «иной» науки, в том числе ценностей Пещеры Аарона... Здесь мы вступаем в область столь мистически-запредельную, что даже сама мысль излагать подобные фантазии видится нам крамольной и неадекватной авторской репутации. Но тут как нельзя кстати мы обнаружили (2011. 24 июля) интернетовскую публикацию, подписанную неким Лаймисом Литовскасом, и поняли: в ней то, что мы намеревались сказать, но испытывали определенное смущение.

Приводим статью в сокращенном и сжатом виде, отсылая всех желающих к первоисточнику: <http://nohchipress.info/?p=2980>.

Итак, цитируем: «Согласно апокрифу от Исавы, Аарон принес жертву Богу для облегчения крестных страданий Иисуса, за что получил дар ясновидящего, имел возможность общения с Духом Спасителя и получил от Него посох. Поэтому сотрудники из «Аненербе» считали Аарона апостолом.

Аарон призван был отправиться в Гималаи, дабы оставить там печать Спасителя на входе в ад как напоминание человечеству о существовании в мире сил Зла (ада).

Эсэсовцы считали, что Кавказ связан с древним миром ариев, к которым принадлежал Заратустра (Зороастр), с коим у эсэсовцев была мистическая связь. *Арии* (арийцы) – название народов, принадлежащих к индоевропейской (прежде всего, индоиранской) языковой общности. В расистской литературе арии (преимущественно германцы) объявлялись «высшей» арийской расой.

По пути в Шамбалу, в каменистой пустыне Ирака, Аарон встретил поселение жрецов – волхвов, предсказавших рождение Иисуса по звезде, – далее автор подробно рассказывает, кто такие волхвы (служители дохристианских культов, мудрецы, чародеи), где впервые упоминается, какова их этническая принадлежность, и продолжает: – По исследованиям «Аненербе», встретившие Аарона волхвы – исторические «осколки» прежней могущественной Персидской империи, этнически относящиеся к пуштунским племенам, носители сакральных знаний о пророке Заратустре. Они признали Аарона как пророка, поскольку ждали мессию, а именно пророка Заратустру, в другом обличии (теле), который должен принести им избавление от притеснений со стороны многобожников. Жрецы хранили чашу, которая принадлежала пророку Заратустре.

Поскольку они по вере своей были зороастрийцами, исследователи из «Аненербе» имели еще одну версию, по которой чаша Грааля принадлежала Матери Иисуса. Она преподнесла ее волхвам за предсказание рождения Сына Божьего. По их мнению, Аарон мог не знать этого, поскольку немцы предполагали, что жрецы сознательно ввели его в заблуждение, чтобы связать имя пророка Заратустры с именем Святого Духа.

Аарон, как Моисей, собрал семьи жрецов и повел на воссоединение с их народом, проживавшим в горах Кавказа. Как пишет Исав, Аарон воссоединил ветви единого народа, за что жрецы передали ему чашу Заратустры и поселили в пещере, расположенной в горах, где, по мнению историков из «Аненербе», и жил Заратустра».

Уточнив, что под «горами Кавказа» подразумевалась территория, на которой сейчас располагаются Осетия–Алания, Чечня, Ингушетия и Кабардино–Балкария, продолжим цитирование: «Аарон в сопровождении двух учеников – Исавы и Давида – отправился на восток. Чаша Грааля, подаренная Аарону жрецами, осталась в пещере. Эту пещеру стали называть «Пещерой Аарона».

Путь в Индию для Аарона и его учеников затянулся на несколько лет, так как, неся слово о Едином Боге, они часто останавливались. Достигнув «входа» в ад, где Аарон начертал знак Спасителя, опечатав вход в мир Зла, Давид, Исав и Аарон остановились на территории, населенной пуштунами, потомками волхвов, где и находится, согласно исследованиям сотрудников «Аненербе», вход в «иной» мир.

Согласно апокрифу от Исавы, Аарон умер неподалеку от входа в ад, где он поставил печать Спасителя в назидание смертным. Затем умер Давид. Исав похоронил Давида и продолжал миссионерскую деятельность, неся веру в Единого Бога и Святого Духа, которую он получил от Аарона. Исав описал жизнь Аарона на санскрите.

Эмблема общества «Туле»

Эмблема «Аненербе»

После ухода Аарона с Кавказа на протяжении нескольких поколений в Пещеру Аарона приходили уверовавшие люди. В качестве пожертвований они оставляли ценности. Европейскими рыцарями была предпринята попытка захватить чашу Грааля. Рыцари, пришедшие за ней, были убиты хранителями. Чтобы сберечь чашу, хранители закрыли дороги к пещере и не пускали к ней никого на протяжении нескольких поколений.

Хранители пещеры, согласно исследованиям «Аненербе», после того как знания о местонахождении были у населения утрачены, закололи поочередно друг друга мечом. В гранитный склеп с телами хранителей верховный жрец воткнул по рукоять меч, которым они себя закололи. По преданию, пока меч в скале, никто не найдет вход в Пещеру Аарона, в которой хранится чаша Грааля».

Все процитированное выше свидетельствует лишь об одном: мистическое восприятие прошлого абстрагировалось оккультистами из «Аненербе» на современную им действительность, домысливалось, насыщалось подробностями, обретая (в их сознании, естественно) плоть и кровь, становясь реальной и достижимой целью. В нашем случае, поиском Пещеры Аарона и других артефактов, «позволяющих создать механизмы управления человеческим сообществом, заполучить доступ к некоему мистическому оружию «массового поражения», основанному на иной физической форме пространства, сформулированной в религиозном сознании как ад».

Итак, с немалой степенью вероятности можно считать, что гитлеровцы надеялись найти на Кавказе сакральные знания, которые дадут им в руки абсолютное оружие, основанное не на технологических разработках, а на иной физической основе.

Кстати говоря, поисками следов древних цивилизаций занимались не только немецкие, но и советские спецслужбы: существует версия, что свои тибетские экспедиции по поиску таинственной страны Шамбала Николай Рерих осуществлял на средства, выделенные чекистским ведомством.

Именно в Тибете, как считают эзотерики, находится главный вход в потусторонний мир, позволяющий обрести сверхчеловеческие способности. Но соединиться с Шамбалой на ментальном уровне можно и через другие (вспомогательные) входы, и будто бы один из них располагается поблизости от Эльбруса, священной Горы ариев.

Вот мы и вернулись к плато в Северном Приэльбрусье, негласно называемом в народе «немецким аэродромом». Дотошные попытки авторов выяснить, кто первым окрестил так это летное поле, «сооруженное» самой

«Немецкий аэродром» (плато под языком ледника) у подножия Эльбруса

природой, к результату не привели. Но в Интернете со временем аэродром превратился в... оккультную лабораторию. Не больше и не меньше.

Вот что можно прочитать в отчете одной весьма серьезной экспедиции, члены которой уверены, что они отыскиали следы немцев в Приэльбрусье: «Плоское, ровное и чистое плато протяженностью свыше 1500 и шириной около 800 метров. Именно здесь местные пастухи видели после войны железные мачты-антенны. Скорее всего, это место и было немецким аэродромом. На него и сейчас спокойно можно садиться на спортивном самолете.

А поднявшись на холм, исследователи увидели искусственную насыпь правильной прямоугольной формы размером 15 на 4 метра из щебня. Порода, из которых сделан щебень, поблизости не обнаружено. Это значит, что кто-то не поленился доставить его снизу на высоту почти 4 тысячи метров...

В изголовье насыпи лежат четыре больших камня, составляющие крест. Все это напоминает братскую могилу, причем недавнего происхождения, так как поверхность еще не успела обрасти мхом и лишайником, которых в избытке хватает на больших камнях, лежащих поблизости. Т-в и его спутники считают, что под горой щебня покоятся тибетские ламы, которых умертвили немцы.

Здесь же рядом несколько ровных площадок размером 15 на 20 метров, на которых, скорее всего, когда-то стояли большие армейские палатки. Неподалеку обнаружен алтарь-жертвенник – массивный стол, плита которого выточена и тщательно отполирована.

Итак, вырисовывается следующая картина. Немцы отыскивали на Эльбрусе загадочное мистическое место с высокой энергетикой, намоленное еще с древнейших времен, и устроили оккультную лабораторию. Завезли туда тибетских лам, которые проводили медитативные занятия, пытались постичь, а возможно, и изменить будущее».

Если вы заметили, мы не назвали фамилию руководителя экспедиции, кстати говоря, известного ученого, дабы последующие ремарки не ассоциировались с его именем. Ведь антенны, которые «обеспечивали возможности связи, намного превосходящие нужды заштатного аэродрома для легкомоторных машин, да, пожалуй, и всей Баксанской группировки немецких войск, если брать во внимание сугубо военные нужды», никто не видел. Не видели их и мы, побывавшие в этих местах впервые в первой половине семидесятых годов прошлого века. Более того, многие из туристов и сейчас ассоциируют аэродромные антенны с так называемыми снегомерами, которые устанавливают метеорологи для уточнения высоты снежного покрова. В Джилы-Су таких снегомеров несколько, в том числе и на «немецком аэродроме».

Что касается насыпи из привозного щебня, то здесь обойдемся без комментариев – один вопрос о транспорте, на каком в 1942 году можно было доставить на «аэродром» столь внушительную массу камней (без отсутствия колесных дорог), говорит об абсурдности подобного предположения.

Как и о братской могиле, под которой покоятся ламы – нам бы, приложившим в определенной мере руку к появлению на Эльбрусе этих несчастных, вашу уверенность.

И тем более об армейских палатках, если и простоявших здесь, то не более одного-двух месяцев, но оставивших след о себе на долгие (более 60 лет!) десятилетия.

Рассуждать же о столе-жертвеннике вообще бессмысленно – таких алтарей, сотворенных вулканической магмой, поблизости десятки.

Для чего мы это все говорим? Совсем не для того, чтобы утверждать: немцы не бывали в Северном Приэльбрусье. Это общепризнанный факт. Сегодня с большой степенью вероятности можно говорить и о том, что здесь приземлялись их самолеты (правда, сколько раз – неизвестно), что отряд горных стрелков разбивал здесь стационарный лагерь. Об этом, в частности, свидетельствует то, что пастухи неоднократно находили великолепно сохранившиеся жестяные банки от тушенки и фруктового (в основном, абрикосового) компота; одну из таких вместительных емкостей мы сами держали в руках, удивляясь тому, что даже с годами (дата выпуска – 1938-й!) она не покрылась ржавчиной.

Да и легенда уже наших дней о пожилом немецком туристе, бывавшем, как он сам утверждал, в этих местах в молодые годы и неожиданно отбившемся от основной группы и вернувшемся к месту стоянки только под утро, причем с каким-то объемистым свертком, чего-то стоит. Уж очень она колоритна и реальна – наш знакомый Константин Ширшов, профессиональный альпинист, поднявший на Эльбрус немало иностранцев, рассказывает ее с такими яркими подробностями и колоритными деталями, что ему веришь бесповоротно.

Пишем же мы об этом потому, что сегодня уверены: отнюдь не Северное Приэльбрусье являлось целью гитлеровцев. Возможно, и имеется здесь некое «мистическое место с высокой энергетикой, намоленное с древнейших времен», но какова от него практическая польза? Если и искали немцы, то что-то более конкретное, реальное, зримое – то, что возможно увидеть, потрогать, ощутить.

Но что?

Давайте вспомним о событиях тех лет. Руководствуясь планом захвата Кавказа, немцы предполагали оккупировать Северный Кавказ,

Капитан Грот

далее, одновременно с запада, востока и через перевалы обойти Главный Кавказский хребет и проникнуть в Закавказье с его стратегическими запасами нефти. В августе 1942-го разгорелось сражение за Кавказ, но силы захватчиков оказались ограниченны – Сталинградская битва требовала от них привлечения огромных человеческих и технических ресурсов. Тем неожиданнее было решение немецкого командования в разгар ожесточенных боев на подступах к Осетии (взятие ее столицы Орджоникидзе (Владикавказ) открывало прямой путь в Закавказье) снять с фронта четыре дивизии (почти сорок тысяч человек!) и направить их на Эльбрус, не представляющий никакого стратегического интереса.

Все потому, что, по мнению некоторых гитлеровских генералов, водружение знамен тысячетного рейха на священной Горе ариев должно было стать началом новой эры, когда времена года, лед и пламень начнут повиноваться новым арийцам. Флаги рейха, водруженные над высшей точкой Европы, возвестят о победе фюрера, под руководством которого вермахт сокрушит коммунизм.

В августе 1942 года 49-й горнострелковый корпус генерала Конрада, в который входила дивизия «Эдельвейс», из района Невинномыска и Черкесска двинулся к перевалам Главного Кавказского хребта. 14 августа капитан Грот повел свой отряд к Эльбрусу. 15 августа он достиг перевала Хотютау, а в ночь на 17 августа направился к «Приюту Одиннадцати». Как «Приют» был взят столь быстро и просто – история особая и в детали эти не здесь вдаваться. Главное, что 21 августа солдаты Грота покорили обе вершины Эльбруса, установив на них германские военные флаги.

На следующий день все газеты Германии и стран-сателлитов вышли с шапками об этом событии на первых полосах, а вскоре появились и

фотографии покорителей Эльбруса, подписи под которыми были практически идентичны – «Под ногами капитана Грота поверженная Европа!».

Но, как известно, развевались флаги вермахта на Эльбрусе совсем недолго. Да и сам фюрер, весьма своеобразно отреагировал на это событие: как свидетельствовал на Нюрнбергском процессе генерал-полковник Альфред Йодль, одно упоминание Эльбруса «вызвало у Гитлера неслыханный скандал». Отчасти потому, как писал впоследствии немецкий генерал Курт Типпельскирх, автор фундаментального труда «История Второй мировой войны», что поднятие на Эльбрусе горными стрелками немецкого флага «не имело ни тактического, ни тем более стратегического значения», а в большей степени потому, берем на себя смелость утверждать, что не сам Эльбрус был главной целью Гитлера, отчего и пропагандистская кампания, развернутая по этому поводу, раздражала фюрера – не «значительное достижение» немецких альпинистов было важно для него, а сведения об абсолютном оружии, том самом, о котором говорилось выше.

А с этим все никак не складывалось, хотя гитлеровцы планомерно и тщательно продолжали поиски. Право утверждать это дают следующие моменты.

Напомним, чем закончился наш материал «В поисках высокогорного склепа», опубликованный в предыдущем очерке, рассказом о человеке, который немало лет отдал поиску артефактов, коими так богата земля нашей республики, задавшем сакраментальный вопрос: «А вы знаете, что нечто подобное – пещеру, подземелье – искали и члены гитлеровского общества «Аненербе»? Более того: были уверены, что такая пещера на Кавказе есть; и одно из возможных мест ее нахождения – Кабардино-Балкария».

Надо сразу уточнить: комплексная кавказская экспедиция «Аненербе», для подготовки которой гитлеровцы приложили немало усилий, так и не состоялась: сначала, в силу разного рода причин, откладывалась, а потом оказалось поздно – ценой великого подвига и тяжких жертв советские войска вначале остановили фашистских захватчиков, а потом перешли в наступление, гоня их с Кавказа. И поэтому экспедиция эта даже не упоминается в книге Ганс-Ульриха Кранца «Аненэрбе. «Наследие предков»: Секретный проект Гитлера» (СПб.: Вектор, 2006), рассказывающей о связях нацистского руководства с оккультными силами, о научных исследованиях, проводимых преступным режимом и достигнутых невероятных результатах.

Но представители всемогущей «Аненербе», занимаясь подготовкой экспедиции, побывали все-таки в Кабардино-Балкарии. Мы уверены, что эти самые представители были среди альпийских стрелков, входящих в знаменитую дивизию «Эдельвейс». Причем об их особой миссии вряд ли

знал генерал Конрад, тем более рядовой капитан Грот, пусть и прославившийся впоследствии покорением высочайшей вершины – Эльбруса.

Утверждать это с уверенностью нам дает право тот факт, что одна из немецких групп, располагавшаяся в Баксанском ущелье, очень уж большую заинтересованность проявляла в исследовании ряда мест – побывала во многих отрогах и урочищах, поднималась на господствующие плато, куда не так-то просто добраться. Как-то не очень верится, что пешие (отнюдь не однодневные) экскурсии альпийские стрелки совершали в целях расширения своего кругозора, изучая достопримечательности Тызыла, Урды, Канжола.

Сегодня мы знаем, в каком конкретно селении и даже доме проживала гитлеровская группа, как долго они здесь находились, сколько (примерно) человек в нее входило.

Более того, известно место (ныне это территория частного домовладения), где был захоронен один из членов группы – высокопоставленный офицер вермахта, нашедший смерть (обстоятельства ее, к сожалению, старожилы селения не помнят) и последнее пристанище в земле, тайны которой он так стремился узнать. Официальное перезахоронение, которое мы планируем произвести, позволит определить его личность – фашисты в этом вопросе были сверхскрупулезны: именной жетон, без сомнения, находится в захоронении. А он на многое сможет пролить свет.

О том, в каких конкретно местах Баксанского ущелья побывали гитлеровцы, свидетельствуют ими же оставленные знаки: они незатейливы – свастика и дата. Одна из них – *28 октября 1942 года*.

Впрочем, относительно господствующих над селением высот появления означенных ориентиров можно объяснить не мистическими, а обыденными реалиями – нахождением в этих местах конкретных воинских подразделений захватчиков: в конце лета – осенью 1942 года здесь шли тяжелейшие бои. Подробности их можно узнать из книги О. Опрышко «И вспомнят нас поименно» (Нальчик, 1985).

Военные действия в интересующем нас месте (окрестности Заюково) начались 23 августа. Более двух месяцев воины 37-й армии удерживали рубежи на берегах Баксана, пока в конце октября ценой невероятных усилий гитлеровцы не прорвали нашу оборону.

То есть дата *28 октября* на одной из вершин, что по левую сторону реки Баксан, вполне закономерна как по времени, так и по месту. (Кстати, метку эту первым в 2011 году обнаружил заюковец А. М. Жемухов, обративший внимание на непонятные линии, едва проступающие сквозь толстый слой наростшего на камне мха.)

А следующие, найденные значительно выше, – в ущельях Урды, Тызыл?

На сегодня таких надписей выявлено четыре. Каков смысл их нанесения? Не могут ли они вкупе с другими, еще не найденными в силу разного рода причин – уничтоженными, по словам старожиллов близлежащих селений, как ненавистный символ присутствия на родной земле завоевателей (с большой степенью вероятности таких имеется еще три), – являться реперными? Уточним, что *репер* (от *франц.* *repère* – метка, знак) – это точка отсчета чего-либо, в нашем случае – поиска какого-то объекта.

Именно в этом направлении начал работать несколько лет назад Артур Жемухов, досконально изучивший доступные по Интернету отчеты общества «Аненербе», маршруты пребывания гитлеровцев в Кабардино-Балкарии, обнаруживший и другие, оставленные ими знаки. И пришедший к выводу: разыскания гитлеровских оккультистов, если они велись в Кабардино-Балкарии, не завершились успехом. Не могли им завершиться, ибо в имеющиеся у них исходные данные вкралась какая-то ошибка, отчего реперные точки, сведенные воедино вместе и даже с исключением некоторых из них, так и не стали ориентиром для обнаружения чего-то необычного.

Но многодневные, невероятно тяжелые поиски (Артур исходил вдоль и поперек Баксанское ущелье, облазил все вершины в верховьях Заюково, Жанхотеко) принесли удивительный результат: примерно в полутора километрах от одной из нанесенных на камни свастик он нашел странный, поражающий воображение своей загадочностью и необъяснимостью объект...

***

Напомним читателям, как, рассказывая о пребывании гитлеровцев в Баксанском ущелье, мы писали о гибели одного из членов фашистской группы, о том, что нам известно, в каком селении и на территории чьего частного домовладения находится его могила, предполагали произвести официальное перезахоронение, дабы найти личный знак, вернее, его половинку (немецкий жетон состоял из двух частей с одинаковыми символами, верхнюю половину которого оставляли на трупе для возможной идентификации останков при перезахоронении или проведении экспертизы, а нижнюю половину вместе с донесением о гибели отправляли в Берлин).

Артур Жемухов у реперного камня

Гитлеровцы в Приэльбрусье. 1942

Но этого делать не пришлось, так как, оказывается, имя погибшего и дата смерти были написаны на табличке, установленной на могиле, а ее содержание сохранилось в памяти старожил.

Итак, как выяснилось, в могиле похоронен офицер Карл Зингер (Зангер?), погибший 10 ноября 1942 года. К этой фамилии мы вернемся чуть позже, а пока расскажем, что удалось выяснить о подробностях самого захоронения.

Абдул-Керим Купов, на тот момент тринадцатилетний заюковский мальчишка, вспоминает, что после одного из боев немецкий офицер, живший в их доме, приказал найти транспорт, чтобы доставить тело убитого соплеменника в селение Малка, где находился пункт для сбора трупов начальствующего немецкого состава с целью последующей их отправки в Германию. Было это, судя по всему, числа 11–12 ноября, так как дни тогда стояли относительно теплые и труп немца разлагался буквально на глазах.

Абдул-Керим и его брат провезли тело на тачке от места, где находится ныне сельский Дом культуры, до дома Куповых. Дальше нужна была телега, но ее найти не удалось. Так на территории частного домовладения

Куповых появилась могила с крестом и табличкой «Карл Зингер. Офицерский состав. 10.11.1942». (Текст надписи мы, естественно, приводим со слов очевидцев.)

Но простоял крест недолго – меньше двух месяцев. Когда селение было освобождено, его убрали, а табличку бросили в сарай. Прошло достаточно продолжительное время, о захоронении забыли. И вспомнили совершенно случайно, когда Тама, двоюродный брат Абдул-Керима, решил навести на подворье порядок: уравнивать линию забора, поставив вместо старого, из плетня, новый – туфовый. Задумал и ворота соорудить другие. Когда же стал копать подворотную яму, неожиданно наткнулся на гроб. Доски его прогнили, сквозь них белели кости. Бабушка, бывшая свидетелем захоронения, напомнила, что это тот самый немецкий офицер, погибший в ноябре 1942 года.

Гроб решили не трогать. Бросили на него табличку, все эти годы валяющуюся в сарае, и вновь закопали.

Очевидцы тех военных событий Заудин Жемухов и Абдул-Керим Купов вспоминают, что в их домах останавливались две группы немцев. Обе пришли вечером, а ушли утром. Но офицер, руководивший ими, остался. Дело в том, что ночью исчез черный портфель, принадлежавший одному из членов группы, который украли дети хозяев дома. Что с ним делать, они не знали и спрятали на чердаке, куда немцы в ходе поисков по какой-то причине так и не заглянули. В том портфеле были какие-то бумаги с печатями, но что конкретно – осталось неизвестным. Уже после ухода немцев ребята отдали портфель учителю истории заюковской школы, на котором следы и обрываются. Сегодня трудно сказать, правда или вымысел данная история, но она сохранилась в памяти причастных к ней и поэтому воспроизведена здесь.

А теперь вернемся к имени захороненного в Заюково офицера. Имеет ли он отношение к фашистской организации «Аненербе»? К сожалению, имена членов мистического «Наследия предков» в Интернете (иные источники нам пока недоступны) обнаружить не удалось, но зато мы наткнулись на список членов другой, не менее таинственной, организации – общества «Туле» (Thule-Gesellschaft). Интересующихся отсылаем к сайту <http://resist.gothic.ru/text/thule.html>

Данный список был обнаружен в 1933 году в книге основателя общества, Рудольфа фон Зеботтендорфа, «Bevor Hitler kam» («Прежде чем пришел Гитлер»), опубликованной в Мюнхене. Книга эта, в которой приводятся данные об участии руководителей национал-социалистического руководства Германии в эзотерической организации, была в свое время изъята, а ее руководитель погиб, причем при весьма странных обстоятельствах.

В контексте нашей темы видится уместным коротко рассказать об обществе «Туле». Полное название его – «Группа изучения германской древности» (Studiengruppe für germanisches Altertum). А само название «Туле» происходит от мистической северной страны из древнегреческих легенд – Вергилий упоминает его в «Энеиде». Считается, что Туле – это Скандинавия. Нацистские мистики видели в ней столицу древней Гипербореи, находившейся на Дальнем Севере. Они были уверены, что секреты населявшего Туле древнего народа продолжают жить благодаря бесплотным существам, с которыми они пытались установить контакт во время проведения магических ритуалов.

Но самое главное – легенда о таинственном острове стала краеугольным камнем идеи немецкого националистического движения о превосходстве арийской расы.

Как и «Аненербе», общество «Туле» использовало в своей практике мистические символы (ту же свастику), тщательно разработанные магические ритуалы. Некоторые исследователи утверждают, что адепты общества, обучая Гитлера искусству публичных выступлений, раскрыли ему секреты влияния на массовую аудиторию. Считается также, что «Туле» причастно к созданию секретного оружия и летательных аппаратов типа НЛО.

Костяк общества составляли журналисты, писатели, ученые, преподаватели, армейские офицеры. Среди его членов такие одиозные фигуры Третьего рейха, как Рудольф Гесс, Альфред Розенберг, Дитрих Эккарт и сам Гитлер, чьи имена приведены в списке Рудольфа фон Зеботтендорфа. Данные к фамилиям уточнения Mitglied и Gast означают «Постоянный член» (П. Ч.) и «Посетитель» (П.).

Среди перечисленных выше как постоянный член общества назван Рудольф Гесс. Компанию ему составляет и некий Singer Karl (Зингер Карл). Нам эта фамилия уже знакома. Но встает вопрос – тот ли это Зингер, что нашел последний приют в Заюково?

Положительно или отрицательно ответить на него могут только дальнейшие поиски, которые надо вести в германских архивах.

Кавказ – географическая и мистическая точка, в которой объединяется начало и конец нынешнего человечества, место встречи положительных и отрицательных сил, Ось Мира.

Каким образом эти мистические взгляды объединились с древней германской традицией?

Ведь вполне очевидно, что достижение вершины Эльбруса Гитлер воспринимал как предвестие Последней Битвы Сил Добра и Зла. Себя он при этом, естественно, считал Добром.

Древние германские хроники повествуют, что Зигге, вождь азиатского племени Азер, в первом веке христианской эры привел племя с Каспийского моря на Север Европы. Он прошел от Черного моря в Россию, где оставил в качестве правителя одного из своих сыновей; то же он сделал в Саксонии и Франкии (северная часть современной Баварии). Затем он двинулся в Данию, которая признала в качестве правителя его пятого сына Скольда, и оттуда в Швецию, где Гильф, отдав почести удивительному страннику, посвятил его в свои Мистерии. Тут Зигге и правил. Сам он взял имя Один. Столицей империи он сделал Зиггуну, издал новый кодекс законов и основал жреческий клан «Дроттар» из двенадцати священников, проводивших секретные церемонии и вершивших правосудие. Показательно, что шеф СС Гиммлер воспроизвел секретный орден «Дроттар» в Вевельсбурге.

Если «страна Азер», откуда в Европу пришел Один, располагалась между Каспийским и Черным морями, приходится признать, что она располагалась на Кавказе. В исландской саге «Эдда» эта страна получила название «Асгард», то есть «город асов», и располагалась, как указывает сага, в каких-то «южных горах за Доном», то есть на Кавказе. Азер – немецкая форма произношения, означающая «асовская (страна)», «принадлежащая асам». В германской и скандинавской мифологии, асы – носители Доброго начала, противопоставляемые более древним ванам – носителям Злого начала, власть которых над древними германцами и скандинавами ниспроверг Один, король асов.

Таким образом, Асгард в древности находился на Кавказе, а асы, «нордическая раса» арийцев, были пришельцами в Германии и в Скандинавии. И именно с этими кавказскими асами отождествлялись нацистами на уровне крови их собственные предки...

http://rodnik-info.ru/kavkaz_mist.html

КЛЮЧИ ОТ ТАЙН МИРА МЕРТВЫХ

Преамбула, не имеющая отношения к тексту

...За последние годы мы объездили Кабардино-Балкарию, без преувеличения, вдоль и поперек – где только ни побывали: в ущельях, куда пастухи и охотники, случается, не забираются годами, в пещерах и подземельях, до сих пор неизвестных спелеологам, в местах, где располагаются так называемые геопатогенные зоны – непризнаваемые учеными, но энергия которых столь неблагоприятно воздействует на здоровье, что одному из нас это чуть не стоило жизни.

«Что вы ищете?» – спрашивали нас многие, для кого благополучие и успех ассоциируются с размеренностью, сытостью, спокойствием европейских курортов, финансовым обеспечением, наличием многоэтажных особняков, загородных дач и прочей яркой мишуры, ставшей визитной карточкой российского общества потребления...

«Что вы можете найти в республике, которая столь мала по своей площади – с самолета одним взглядом окинешь ее границы?» – не отставали наши оппоненты.

Мы смущенно улыбались и молчали – может быть, потому, что трудно выразить словами чувство, живущее в каждом из нас – стремление к чуду, познанию неизвестного, необъяснимого, существующего за пределами человеческого восприятия.

Впрочем, может, и потому, что сами, даже для самих себя, не знали ответа.

А он был, он и есть – конечно же, мы искали и ищем Тайну: постичь ее, прикоснуться к ней, а может, и раскрыть. Но Тайна – дама капризная, непредсказуемая, свои секреты скрывает столь надежно, что руки опускаются от невозможности понять, а тем более найти объяснение.

Так было, когда мы столкнулись с кругами на полях – но не от полегшей травы, а, наоборот, – выросшей, объяснение которым нашли не в воздействии непознанных летающих объектов, а в наличии полезных ископаемых, в нашем случае меди (Круги на склоне // Газета Юга. 2008. 10 июля).

И при наблюдении и фиксации плазмоидов, которые многие исследователи считают сгустками разумной плазмы, мы исходили прежде всего из физических законов, а не мистических представлений.

Да и во всех других историях, вошедших в нашу книгу «Таинственная Кабардино-Балкария. Сто невероятных, загадочных, труднообъяснимых фактов, явлений, событий, происшедших в республике, которую называют жемчужиной Кавказа», мы стремились к познанию Тайны, но она – подлинная, великая, непостижимая – все ускользала и ускользала от нас...

Преамбула, имеющая прямое отношение к тексту

...И так продолжалось долгие годы, пока в начале лета 2011 года в издательство не зашел давний поклонник наших разысканий Сергей Шагин, руководитель Министерства по чрезвычайным ситуациям республики. Увидев только что вышедшую из печати «Таинственную Кабардино-Балкарию», он сказал: «А у меня есть для вас интересный материал о необычном природном объекте». На вопрос, какой именно, Сергей Иванович пообещал сбросить на электронную почту фотографии и познакомить с человеком, его обнаружившим.

А через пару часов мы на экране компьютера увидели то, малая часть чего представлена на фотографиях, иллюстрирующих этот материал: вход в подземную шахту, вначале аккуратно выложенную из огромных боковых плит, далее продолжающуюся на глубину в несколько десятков метров и также образуемую массивными каменными блоками.

Фотографии оставляли ошеломляющее впечатление – обработанные стены из туфа и гранита, сложенные из разновеликих, плотно подогнанных друг к другу камней, давали волю развернуться самой безудержной фантазии: по силам ли природе соорудить столь рукотворный объект? А значит?.. Значит, перед нами создание тех, кто обладал неизвестными технологиями, причем тысячелетия назад, ведь шахта находится вдали от современных транспортных артерий (сюда-то и дороги как таковой никогда не было) и до последнего времени о ней никто не слышал.

Первым обратил внимание на «нишу» Артур Жемухов, чью фамилию мы уже назвали в материале «Что искали гитлеровцы в горах Кабардино-Балкарии». Кто такой Артур? Подтянутый, худощавый, физически развитый мальчанин, который внешне выглядит на десяток лет моложе своих пятидесяти с небольшим, человек с высшим образованием, ставший профессионалом в своем деле, вышедший весьма рано на пенсию и посвятивший высвободившееся время разысканиям всего того, что можно объединить понятием *артефакты*. Причем все свои поиски он организует

Спуск в шахту-пещеру

не на пустом месте, а с помощью целого ряда умозаключений, базирующихся на сведениях из таких разных дисциплин и поддисциплин, как история, астрономия, космология, мифология, египтология. Впрочем, время обнародовать эти, к слову говоря, весьма занимательные рассуждения, еще не подошло. Будем говорить о том, что есть.

Шахта, ведущая в никуда

А имеем мы что-то наподобие дыры в горе, протяженностью примерно восемьдесят метров. Отверстие это, на наш взгляд – без сомнения, на взгляд скептиков – с большой степенью вероятности, рукотворное, состоит из нескольких колен (выразимся так) с камерами-переходами из одной шахты в другую. Первая из них, выходящая наружу, представляет из себя две цельные каменные плиты, поставленные параллельно, с боковинами, заложенными аккуратными небольшими камнями. Размеры 134 x 43 сантиметра; далеко не каждый сможет протиснуться.

Далее уступ и другая квадратная шахта уже большей протяженности – 16 метров.

Еще два перехода (3 и 4 метра соответственно) – и десятиметровая шахта, заканчивающаяся уступом, с которого открывается огромный (36 метров в длину!) зал. Одна из его стенок обработана – выложена из каменных блоков: где с заметными между ними швами, а где пригнанными столь плотно, что зазоры практически не видны, создается впечатление, что блоки как бы слились, перетекли один в другой. Отшлифована не только стена, но и свод, внешне напоминающий огромную нависающую параболу. Противоположная стена зала естественная; ширина его невелика – от трех с половиной до четырех с небольшим метров.

Странное впечатление оставляет зависший между стенками зала (упирающийся в них) огромный камень: если он отвалился, то непонятно откуда – свод-то абсолютно ровный, сплошной, без сколов и трещин. Тем более что под самим камнем имеется проход высотой сантиметров восемьдесят, под которым можно пролезть.

И еще – шахта вовсе не заканчивается залом: и в одну и другую его стороны, без сомнения, есть проходы, вход в которые преграждают каменные осыпи. Дело в том, что Артуру, расчищавшему себе дорогу, ничего не оставалось, как сбрасывать вниз отвалившиеся, преграждающие спуск, куски туфа. Да и время сделало свое дело – многие блоки потрескались, осыпались; путь их был только один – на дно.

О том, что шахта имеет продолжение, свидетельствует и приток свежего воздуха – ощущение, что он поступает не сверху, а откуда-то с боков; более того, движение воздуха заметно зримо – язычок пламени зажигалки ни секунды не находится в покое, отклоняясь чуть ли не горизонтально у обоих концов зала.

В глубь земной толщи

Артур, обнаруживший шахту в 2011 году, спускался в нее многократно (раз пятнадцать, не меньше). Спускался, пренебрегая правилами элементарной безопасности: наверху его страховал лишь один человек (двоюродный брат Аркадий); спускался, используя весьма примитивные средства – к примеру, простую хозяйственную веревку, так как на настоящую альпинистскую (весьма дорогостоящую) у него просто-напросто не имелось средств. Веревок, кстати, надо было две (основная и страховочная), по сто метров каждая, а хватало их на три-четыре спуска, не более. А ведь необходимо было много еще чего из специальной техники и оборудования да плюс бензин для постоянно требующей (из-за отсутствия дорог) ремонта и замены запчастей «Нивы». И помощь, которую оказывал Сергей Иванович Шагин, не могла компенсировать всех затрат, тем более проведения настоящих исследовательских работ.

Фотографии, а Жемухов сделал их великое множество, не оставляли сомнений, что перед нами объект, требующий самого пристального внимания. Но в том, что это искусственное сооружение, хотелось убедиться самим: ведь одно дело – смотреть и совсем другое – видеть.

Настоящую экспедицию (с техникой, специалистами) удалось организовать только в середине августа 2011 года.

По большому счету шахта расположена достаточно близко от автомобильной трассы, проходящей по Баксанскому ущелью, – каких-то девяносто

с небольшим метров показал визир видеокamеры, но летательных аппаратов у нас, к сожалению, при себе не имелось и пришлось подниматься по тому, что когда-то называлось горной дорогой (ее, вероятнее всего, последний раз приводили в порядок еще при советской власти), а дальше вообще по травянистым склонам. И поэтому восемь километров (по другому направлению – двенадцать) доступны лишь старой «Ниве», оснащенной цепями, да газику, не знакомому с понятием пассажирского комфорта. Тем не менее в сухую погоду (после дождя об этом лучше даже не думать) на автотранспорте можно подобраться практически к самой шахте.

Сразу скажем, массивная лебедка, на которой предполагалось спустить вниз одного из авторов этих строк, с большими усилиями притащенная ребятами, так и не пригодилась: вход невероятно узок, а самое главное – идет не по прямой, а изгибами, и, следовательно, принудительный спуск или подъем невозможны. Поэтому оставалось только смотреть за спуском членов экспедиции – вначале пошел Артур, как первопроходец, за ним Алексей, профессиональный спасатель. Артур добрался до самого дна, где и остался; Алексей – до козырька, нависающего над залом, где вбил шлямбур, вернулся. После этого пошла вниз фотограф Жанна, другой спасатель Мурат и снова Алексей.

Там, внизу, в пирамидальной горе

Начиная с десяти часов дня для нас, оставшихся наверху – двух водителей и авторов этих строк, – потянулось время ожидания. Вначале оно текло совсем незаметно. Осмотрев окрестности, буквально метрах в десяти от первой шахты, но уже по правую сторону, обнаружили вторую, заваленную. Вернее будет сказать, камни, составляющие одну из противоположных стенок, разрушились от времени, сместились друг к другу. Тем не менее между ними осталась уходящая вниз дыра, причем достаточно глубокая: камешек, пущенный вниз, летел, задевая стенки, несколько секунд. Следовательно, глубина здесь как минимум 25–30 метров.

Что дальше – надо исследовать, для чего необходимо убирать отвалившиеся камни, а это без технических средств невозможно. Но по своим параметрам и внешнему виду эта шахта аналогична пройденной Артуром. Но куда она ведет, если в своде зала (а он располагается как раз под ней) нет никаких отверстий?

В левую сторону от основного входа (на таком же расстоянии, как и вторая шахта) – нагромождение из непонятно откуда взявшихся камней, словно они ранее составляли своего рода навес над чем-то и были обрушены принудительно. Ощущение, что под ними еще один вход. Но про-

верить это невозможно – камни, одна из сторон которых ровная, словно обработанная, неподъемны.

Сама гора, в которой находятся шахты, представляет из себя своего рода пирамиду, составленную из огромных туфовых блоков с кое-где абсолютно ровными, словно отрезанными, краями. Такое впечатление, что ее сложили из каменных кубиков (кубов, точнее сказать), а те же штольни не пробивали в скале, а выкладывали как в конструкторе. Но это, конечно, не так: воображение при встречах с непонятым и не то подскажет.

Именно воображение стало причиной нашего последующего волнения: прошел час, второй, третий, а из штольни не раздавалось ни звука. Дело в том, что никакой мобильной связи не пробить многометровую каменную толщу, а проводной телефон, который имелся, мы не спустили, будучи уверены, что ребята будут находиться один от другого на расстоянии голоса.

Два часа дня, три, четыре, пять... Спокойствие покинуло нас, картины каменных завалов, выделения смертельных газов, навеянные ассоциациями с египетскими пирамидами, вернее, триллерами о них, сменяли одна другую, толкая на неразумные действия.

К нам на помощь уже спешили две группы спасателей, за которыми пришлось спускаться одной из машин, с невероятными усилиями добравшейся до трассы, когда внизу мы услышали глухие голоса поднимающихся членов экспедиции, проводивших внизу кто шесть, а кто и все восемь часов...

Что они увидели и что об этом думают

Но вначале о причине, по которой наши исследователи так задержались. Дело в том, что спуск, а особенно подъем настолько затруднительны, что по силам лишь хорошо подготовленным спортсменам. Это как раз в первую очередь и свидетельствует, что у означенного отверстия был прикладной характер – оно не предназначалось для прохождения как такового, а именно служило осуществлению чисто функциональной цели, являясь воздуховодом (вентиляционной шахтой).

После же того, как шахта была расконсервирована (только в верхнюю, открытую ее часть попадали осадки, отчего стенки заросли мхом, но дальше-то отверстие было закрыто достаточно плотно входящим в пазы-стены каменным блоком, который Артур сбросил вниз), микроклимат в ней изменился. Если при первых спусках температура внизу была постоянной – около 16 градусов, а стены абсолютно сухими, без малейшего присутствия влаги на камнях, о чем свидетельствуют фотографии, то со

временем температура стала падать, а на стенах аккумулировалась влага. В день спуска температура составляла около 6–8 градусов (от дыхания шел парок), а стены оказались буквально покрыты водяной пленкой. По этой причине подъем из зала оказался затяжным, заняв несколько часов. Труднее всех пришлось Алексею, который шел первым, вытягивая за собой остальных.

Тем не менее воодушевление побывавших в штольне превалировало над чувством неимоверной усталости и перенесенных тягот.

Мнение Алексея, видевшего немало за свою спасательскую карьеру, таково: «Объект не имеет аналогов среди подобного рода пещерных комплексов; создается ощущение целенаправленного приложения рук человеческих».

Коллега Алексея, Мурат, также уверен, что отверстие в горе с большой степенью вероятности предназначено для вентиляции, но чего и для чего – ответить затрудняется.

Фотограф Жанна более осторожна в своих оценках – не исключает природной версии, но в то же время не может дать объяснение многим деталям, характерным для объекта и свидетельствующим об искусственности его происхождения.

Мнения Артура приводить, наверное, не стоит. Его больше волнует не кто соорудил шахту в горе над Заюково, а с какой целью и, главное, куда она ведет.

Как это сделано и что это может быть

Туф, напомним, это горная порода, образовавшаяся из вулканического пепла при извержении вулканов. В подготовленной Академией наук СССР монументальной работе «Природные ресурсы Кабардинской АССР» (М.; Л., 1946) читаем: «Пеплы и туфы образуют в Кабардино-Балкарии поверхность всех водоразделов в бассейнах

На дне шахты-пещеры

рек Нальчик, Кенже, Шалушка, Каменка, Чегем и Баксан, распространяясь на территории шириной более 30 километров. Наибольшая мощность туфов отмечается в центрах их извержения – так у Каменки высота обрывов каменных пород достигает 50 метров, а на горе Хара-Хора у селения Заюково уже 150–200 метров».

Исследованиями туфового пласта на Кавказе занимался известный геолог Владимир Павлович Ренгартен (1882–1964), согласно данным которого «конгломераты, относящиеся к апшерону (красные песчано-глинистые осадки с конкрециями сферосидерита), кверху постепенно обогащаются туфовым материалом и затем переходят в сплошные туфы».

«...У селения Заюково подобные конгломераты налегают на прослой туфа.

...В некоторых частях туфового тела имеются совершенно несцементированные пепловые разности, что наблюдается в районе между селениями Заюково и Баксангэс... для которых характерна ясная слоистость туфа.

...Обломки туфов представлены небольшим количеством пемзового материала и в значительно большем – черным слабопористым стеклом, которые весьма сильно спеклись между собой».

Возможно ли, опираясь на сказанное выше, утверждать, что найденное в этих местах отверстие, ведущее на глубину в десятки метров, создано природой? Что туф залег не просто слоями, а аккуратно выложил прямоугольную шахту? Причем столь идеальной конфигурации, что человеку в пору забыть о профессии строителя.

А если предположить другое: люди использовали созданное природой в каких-то своих, известных только им целях, соорудив воздуховоды (будем считать, за неимением на данный момент другого предположения, что функциональная предназначенность шахт такова), достроив их, выведя на поверхность. Ведь пока пройдена лишь половина, если не меньше, туфовой породы, составляющей одну из безымянных вершин интересующего нас массива.

Другой вопрос: как это им удалось, какими возможностями они располагали, если для нас, живущих в XXI веке, подобное не представляется реальным? Выпиливали блоки из туфа? Но при помощи чего? И как, с помощью каких механизмов доставляли вниз? Тем более что не покидает ощущение: блоки не выпилены, а словно отлиты по готовым формам.

На популярном сайте «Лаборатория альтернативной истории» выдвинуто немало версий технологий строительства городов инков – имеются в виду знаменитые Ольянтайтамбо и Мачу-Пикчу. Многие участники дискуссии отрицают механическую обработку как таковую и, отталкиваясь от формы составляющих кладку камней, убеждены, что она выполнена из

бетона, а сами блоки отливались с использованием пластичных форм с последующим укладыванием их в деревянную (щитовую) опалубку.

Немало сторонников и у так называемой «пластилиновой» технологии, при которой камень с помощью неизвестной ныне энергии, действующей на определенной частоте, размягчался (приобретал желеинось), а после установки затвердевал.

Версии эти вызваны тем, что при ручной механической обработке камня, не позволяющей получать идеально ровные поверхности, качественную кладку осуществить невозможно, то есть зазоры как таковые должны были остаться. В нашем случае (на стенах зала) их нет. Но если возраст стены многотысячелетний, то камень, в силу определенной пластичности, присущей любым твердым материалам, мог заполнить стыки, заполнив со временем зазоры.

Следовательно, если шахта над селением Заюково имеет искусственное происхождение, то люди, ее соорудившие, обладали неизвестными нам технологиями обработки камня (о чем сказано выше) и механизмами (а скорее, опять же технологиями, причем, вероятнее всего, гравитационными) доставки и установки каменных блоков.

Фотографии шахты мы показывали многим геологам, в том числе и московским. Большинство из них склоняется к версии ее искусственного происхождения – по причине ортогональности (прямоугольности) блоков, присутствия раствора в швах между ними, отсутствия косых трещин, характерных для туфа. Все были едины – подобного они еще не видели. Не встречала ничего похожего и начальник участка Кабардино-Балкарской геолого-разведочной экспедиции (ОАО «КБГРЭ») Вера Давиденко, но она реалист и верит, что природе по силам все. Поэтому не будем игнорировать и ее заключение, суть которого в следующем: «Туф заюковского участка представляет собой скопление продуктов выброса вулкана – пепла, обрывков лавы, вулканического стекла и, в небольшой степени, обломков пород, слагающих стенки кратера. Материал выброса при накоплении был горячим, и поэтому при застывании образовались трещины отдельности – то есть весь туфовый массив оказался как бы разбитым на блоки. Углубление, обнаруженное в районе селения Заюково, представляет собой одну из таких трещин гравитационного отрыва, для которой характерны ровные поверхности соприкосновения».

Одним словом, «ничего удивительного в том, что поверхности обнаруженного углубления идеально ровные, нет», а посему заюковский феномен вовсе не шахта, а трещина. Что ж, тогда нам остается согласиться и с тем, что, по теории вероятности, тысяча обезьян за тысячу лет может написать роман «Война и мир». Проверить это на практике невозможно. А вот

изучить «заюковскую трещину» (пусть это звучит даже так) обязательно надо, и мы приглашаем принять участие в этих исследованиях всех, кому рассказанное показалось интересным, кто может реально и деятельно помочь.

Заключение, которое видится необходимым

Внимательный читатель, ознакомившийся с материалами («В поисках высокогорного склепа», «Что искали гитлеровцы в горах Кабардино-Балкарии» и данным), конечно же, догадался, что объединяет их отнюдь не место действия.

Да, Чегемское и Баксанское ущелья расположены рядом, соединены перевалами. И поэтому с немалой степенью вероятности можно утверждать, что склеп, найденный и потерянный Константином Рыбалко, и тот, что обнаружил Исхак Газаев, или один и тот же, или звенья чего-то общего. Что мистическое хранилище гитлеровцы ассоциировали прежде всего с Баксанским ущельем и именно там спустился в неведомое нам подземелье так и непредставившийся гость издательства. Что поиски Артура Жемухова, завершившиеся обнаружением чего-то такого, чему мы пока не имеем убедительного объяснения, также велись в Баксанском ущелье.

Тем не менее место действия – вопрос второстепенный. А главный... Их целых два: первый – тот, с чего мы и начали сегодняшней материал: поиск Тайны, желание познать ее и поделиться этим знанием с другими. Ведь наша родная и любимая Кабардино-Балкария по-прежнему остается загадочной *terra incognita* – «неизвестной землей», которую нам, во всяком случае большинству из нас, еще предстоит открыть. А второй – это то, что является названием всякого твердого ископаемого, то есть камень. Камень, в котором был выдолблен высокогорный склеп, на котором оставили таинственные метки гитлеровцы, из которого состоит уходящая в гору шахта. Именно камни являюся свидетелями прошлого людей, именно им по силам воспроизвести этапы человеческой истории, именно они могут раскрыть тайны ушедших цивилизаций. Надо только разговорить их. И тогда (вспомните строчки Дж. К. Роулинг из ее романа о Гарри Поттере: «– Какой подарок желаешь получить ты? – спросила Смерть среднего брата. – Ключ от мира мертвых.

Тогда Смерть подняла камень с земли и дала его среднему брату») мы обречем ключ от тайн мира мертвых.

Нам кажется, мы знаем, где находится один из таких ключей...

В шахте; свод пещеры

НАЙДЕНА ДРЕВНЯЯ ПЕЩЕРА ТАИНСТВЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В местах предстоящего развития Северо-Кавказского кластера – в горах Кабардино-Балкарии – на одной из вершин в окрестностях селения Заюково Баксанского района обнаружена загадочная шахта. Ее протяженность примерно 80 метров, она состоит из нескольких колен с камерами-переходами из одной в другую и выходом в пещеру. Об этом корр. ИТАР-ТАСС рассказали краеведы, авторы более пятидесяти книг по истории, этнологии, орографии Кавказа Мария и Виктор Котляровы. Они заинтересовались гитлеровскими свастиками, выбитыми в ряде мест на камнях там, куда в 1942 году не добрались стрелки дивизии «Эдельвейс».

«Известно, что во время войны в Кабардино-Балкарии побывала сотрудничавшая с СС мистическая организация «Аненербе» («Наследие предков»). По секретному проекту Гитлера она занималась поисками чаши Грааля, якобы оставленной в одной из горных пещер Кавказа», – уточнил Виктор Котляров. Найденный в горах объект, по словам исследователей, не имеет аналогов среди подобного рода пещерных комплексов. «Создается ощущение целенаправленного приложения рук человеческих», – отметил собеседник корр. ИТАР-ТАСС.

По его словам, выходящая на вершину горы шахта – это две цельные каменные плиты, поставленные параллельно, с боковинами, заложенными аккуратными небольшими камнями. Ее размеры 134 на 43 см – далеко не каждый сможет протиснуться, сообщил Виктор Котляров. Далее – уступ и другая квадратная шахта уже большей протяженности, 16 м. Еще два перехода – и 10-метровая шахта, заканчивающаяся огромным в 36 м в длину залом. Одна из его стенок выложена из каменных блоков. «Между ними кое-где заметны швы, а где-то плиты практически без зазоров, кажется, что они перетекли одна в другую», – пояснил эксперт. Он сказал, что отшлифована не только стена, но и свод, внешне напоминающий огромную нависающую параболу. Приток свежего воздуха говорит, что шахта имеет продолжение.

Найденную шахту исследователи считают вентиляционной. Котляров сообщил, что геологи, в том числе и иностранные, склоняются к версии ее искусственного происхождения – по причине прямоугольности блоков, присутствия раствора в швах между ними, отсутствия косых трещин, характерных для туфа. В этом случае, тысячелетия назад при сооружении этого поражающего воображение объекта ис-

пользовались неизвестные нам технологии обработки, доставки и установки каменных блоков, отметил Котляров. Исследователи намерены и далее изучать эту находку и надеются, что строительство в регионе курортов поднимет интерес к находке как ученых, так и туристов.

По проекту Северо-Кавказского туристического кластера в 2011–2020 годах на Юге России строятся пять новых горнолыжных курортов мирового класса, в том числе Эльбрус–Безенги на территории Кабардино-Балкарии.

Марина Чернышева,
корр. ИТАР-ТАСС

20 сентября 2011 г.
Нальчик

Эсэсовцы не искали чашу Грааля в Кабардино-Балкарии

Массово растиражированная в СМИ новость от ИТАР-ТАСС, что якобы в пещере тысячелетней давности в Кабардино-Балкарии, недалеко от селения Заюково Баксанского района, эсэсовцы искали чашу Грааля, оказалась очередной профанацией истории республики.

Обратившись к историку, автору книги «Тайны седого Эльбруса», знатоку истории военного периода Кабардино-Балкарии и оккультного рейха Юрию Сергееву, редакция KBR-TIME предложила ему прокомментировать эту «новость».

Комментарий Юрия Сергеева на публикацию «На Кавказе найдена загадочная пещера, которую искали эсэсовцы»:

Нужно отдать должное Марии и Виктору Котляровым за их огромный вклад в изучение и популяризацию уникальных мест Кабардино-Балкарии. Благодаря их красивым и содержательным книгам очень многие познакомились с интересными уголками нашей замечательной республики.

Однако статья о загадочной пещере в районе селения Заюково содержит ряд неточностей и неверных определений. Сразу скажу, что я отношу это к слабой подготовке корреспондента ИТАР-ТАСС и желанию сделать сенсацию из достаточно, на мой взгляд, заурядного факта.

Во-первых, шахту обнаружил после долгого и систематического мониторинга местности Артур Жемухов, а не Котляровы.

Во-вторых, нельзя говорить «сотрудничавшая с СС мистическая организация «Аненербе». Название этой организации произносится и пишется как «Ананербе». Далее, она не сотрудничала с СС, а была ее составной частью. Ее председателем с 1937 года был сам Генрих Гиммлер (рейхсфюрер СС), профессор Вальтер Вюрст был куратором, а историк Вольфрам Зиверс – генеральным секретарем. «Ананербе» имела три главных управления: техническое, магическое и генетическое.

Второе управление этой организации (магическое) имело три основных подразделения: «Синее», «Коричневое» и «Черное». Первое из них, «Синее», занима-

лось наряду с другими задачами, предвидением и изменением будущего. Эсэсовцами этого подразделения под руководством Отто Рана было предпринято несколько попыток найти чашу Грааля.

Все дело в том, что вожди Третьего рейха свято верили в то, что власть над миром получит тот, кто будет обладать Копьем Судьбы и чашей Грааля. Копье Лонгинуса (Лонгина) попало к Гитлеру сразу после аннексии Австрии. А вот с поисками чаши пришлось помучиться.

Согласно средневековым преданиям, последними легальными хозяевами Грааля были тамплиеры. Исходя из этого, Отто Ран справедливо полагал, что поиски чаши надо проводить в первую очередь во Французских Пиренеях, на горе Святого Грааля – Монсальвате. Однако данное обстоятельство не мешало искать эту реликвию и в других мистических местах, в частности в горах Килиманджаро.

Искали ли немецкие мистики эту чашу на Кавказе? Я думаю, что здесь они скорее отработывали версию архетипа Грааля – легендарного золотого руна и рога изобилия. Но это совсем другая история.

Про поход аргонавтов в Колхиду знают многие. Менее известно, что древние эллины связывали все, что имеет отношение к изобилию и богатству, с Аидом, царством мертвых, в подземных недрах которого до весны находилась богиня плодородия Персефона. Рог изобилия принадлежал Плутосу, можно сказать, одной из манифестаций Плутона, царя подземного мира. Вход в Аид, согласно Гомеру, находился в пещере у слияния рек на Западном Кавказе, недалеко от Азовского моря. Далее на Север располагался мрачный Тартар, недаром с древнейших времен территорию Европейской России называли Тартарией.

Это к слову. Но вернемся к нашей пещере.

Я думаю, что это одно из фортификационных сооружений Красной армии, подготовленных к отражению немецкого наступления к лету 1942 года. Использовались естественно-природные трещины, образующиеся в магматических породах, подрабатывались, подтесывались, а в необходимых местах обкладывались каменной кладкой с раствором.

Насколько мне известно, во всем Баксанском ущелье при строительстве древних сооружений раствор не использовался. Брошенные после выселения балкарцев дома просто мастерски сложены из камня. Это хорошо видно в городищах выше и ниже Нейтринки, в остатке укреплений в ущелье Кыртык, склепах Уллукая, не говоря уже о более ранних городищах в районе Верхнего Баксана. Так что это не может быть культовым или мистическим сооружением древних.

Селение Заюково расположено в Пастбищном хребте, который сложен из более мягких пород, нежели Главный, Боковой или Скалистый. Здесь много карстовых пустот, трещин и пещер. В так называемой *пещере Сосруко* есть естественно-природная вытяжка, чем пользовались люди каменного века, разжигая внутри костер. Очевидно, и в нашем случае имеет место быть подобная ситуация. Возможно, «колена» и «камеры-переходы» – это не загадочные проявления древних технологий, а простое применение к природным образованиям. Возможно, это был «схрон» для каких-то разведывательно-диверсионных (партизанских) групп.

Известно, что со своей задачей наши войска летом–осенью 42-го на этом участке успешно справились. Справились, в первую очередь благодаря тем техническим и инженерным сооружениям, которые заранее были приготовлены к приходу врага. Несмотря ни на какие бомбардировки авиации и артиллерии фашистов, нашими войсками удерживалась высота 910, и противнику не суждено было продвинуться далее Гунделена (Кенделен). Ожесточенное сопротивление оказывали красноармейцы и в районе горы Хаха-Хора.

И только захват стратегически значимых высот на Эльбрусе хорошо подготовленными и экипированными егерями дивизии «Эдельвейс» заставили отступить наши войска из района Заюково. Кстати говоря, о бойцах этой дивизии: они не могли и не должны были быть в районе «нашей» пещеры. Они поднимались вверх по течению Кубани, и их целью был Эльбрус.

После вынужденного отступления наших войск аналитики немецкого генштаба проводили на месте своего провального наступления сбор данных для анализа неудач и, скорее всего, именно тогда выбрали свастики и даты. Подобно тому, как наши бойцы после победы изрисовали все стены Рейхстага. Вряд ли здесь стоит искать более глубокий смысл».

KBR-TIME: Мы уже обращали внимание на «неточности» в публикации ИТАР-ТАСС по вопросу бытования раннего христианства в КБР. Надеемся, что следующие материалы будут более лояльными по отношению к истории Кабардино-Балкарии. В свою очередь, редакция KBR-TIME будет отслеживать все публикации на эту тему и предоставлять комментарии знатоков.

* * *

Уважаемые господа! С запозданием (практически все дни проводим в экспедициях по республике) прочитали ваш отклик «Эсэсовцы не искали чашу Грааля в пещере Кабардино-Балкарии» с преамбулой «якобы в пещере тысячелетней давности в Кабардино-Балкарии, недалеко от селения Заюково Баксанского района, эсэсовцы искали чашу Грааля, оказалась очередной профанацией истории республики».

Что ответить вам? Отослать к первому ответу, что касался епископии Ахохии? А есть ли смысл? Хотим мы этого или нет, но ответственность за итоговый продукт (в данном случае сообщение ИТАР-ТАСС) мы все равно несем, несмотря на то что неточности, на которые указывает Юрий Сергеев (спасибо ему за добрые слова в наш адрес), не дело рук авторов. В этом достаточно легко убедиться, обратившись к публикациям в «Газете Юга» (Сент. 2011. № 35–38). Впрочем, по порядку.

О чем упоминается в статьях «Что искали гитлеровцы в горах Кабардино-Балкарии?» и «Ключи от тайн мира мертвых»? Что шахту (пещеру) нашел Артур Жемухов.

Относительно «Аненербе» также написано четко и ясно: «В 1935 году она была интегрирована в структуру СС»; насчет написания этого слова словари утверждают, что варианты («Аненербе», «Аненэрбе», «Ананербе») равнозначны.

Что остается? Гипотеза о том, что пещера является одним из фортификационных сооружений Красной армии, приготовленных к отражению немецкого наступления к лету 1942 года, что мы имеем «схрон» для разведывательно-диверсионных групп? Она даже нами не рассматривалась, так как изначально некорректна: технических возможностей для сооружения подобного рода объекта (если он, конечно, искусственный) нет и сегодня. К слову говоря, «технических и инженерных сооружений, заранее приготовленных к приходу врага» в означенной местности (речь мы ведем об основных узлах сопротивления, созданных в Заюково и на горе Хара-Хора), не имелось, если не считать таковыми окопы.

Прав автор в том, что егеря дивизии «Эдельвейс» поднимались вверх по течению Кубани, но мы ведь и не пишем обратное. Цитата: «Мы уверены, что эти самые представители (имеется в виду организации «Аненербе») были среди альпийских стрелков...» – И далее приводятся наши доказательства, к коим можно было бы и отнести по большому счету и значок егеря, найденный в этих местах нальчикскими поисковиками, о котором мы даже не упомянули.

Все перечисленное выше пишется не в оправдание тому, что мы такие чистые и пушистые, все знаем и обо всем догадываемся, неточностей не допускаем. Допускаем, и немало, но не специально и не с целью пиара. Но у нас нет своей трибуны, где можно было бы проконтролировать прохождение материала от его написания до публикации. В связи с чем мы и предлагаем администрации сайта KBR-TIME статью той площадкой, на которой мы могли бы размещать тексты, представляющие интерес для широкого круга читателей. А их, скажем по секрету, «есть много у меня», пардон, у нас.

И еще один нюанс. Мы, кстати, не считаем, что данная публикация ИТАР-ТАСС настолько «нелояльна по отношению к истории Кабардино-Балкарии», что из этого стоит делать трагедию. Неточна, да, но зато каков эффект! Многие сотни не только российских, но и мировых сайтов перепечатали ее, вызвав настоящий интерес к нашей республике. Право, для рекламы будущего туристического кластера эти неточности куда меньшее зло, чем сообщения о взрывах и убийствах.

А теперь о самой «пещере», а на самом деле шахте. Что это такое? Честно отвечаем: мы не знаем. Может, читатели смогут нам помочь? Давайте разбираться вместе. Для чего мы специально посылаем вам схему пещеры и ссылку на файлообменник, где разместили множество новых фотографий.

ДВА ДНЯ С ТЕЛЕДИВОЙ И ОДИН БЕЗ НЕЕ

На материал «Ключи от тайн мира мертвых», рассказывающий о найденной в Баксанском районе необычной шахте-пещере, одним из первых откликнулся канал РЕН ТВ, приславший вначале корреспондента и телеоператора, а потом и специалиста-спелеолога.

Итогом этих поездок стали два выпуска передачи «Тайны мира...». Правда, было немного грустно, что сценарист, увлеченный погоней за сенсацией, обамил передачу в такой антураж, что с трудом верилось: действие происходит в Кабардино-Балкарии. Но, понимая специфику подобного рода передач, мы не испытывали обид, считая интерес телевизионщиков исчерпанным. Оказалось, это не так, и москвичи достаточно внимательно отслеживали по Интернету ситуацию, складывающуюся вокруг новых заюковских находок.

Звонок Владислава, ответственного за проект на телеканале, был коротким: во второй половине января в Нальчик выезжает бригада РЕН ТВ в составе ведущей, оператора, режиссера и сценариста. Кроме того, с ними едет инженер-геофизик с аппаратурой – георадаром, сканирующим землю на глубину более шести метров. На наши слова, что в районе поисков выпал снег, прозвучало: поездка утверждена, аппаратура оплачена, перенос вылета невозможен.

Ну что ж, москвичам виднее. Самое главное, они привезут технику, в возможностях которой приоткрыть тайну Заюковского ритуального комплекса.

И мы стали готовиться к встрече с ведущей. Залезли в Интернет и вот что узнали о ней. Родилась она 23 февраля 1982 года в Волгограде. Отец – дипломат, мать – преподаватель математики в школе. После отъезда родителей в Москву, она осталась жить в Волгограде с бабушкой, училась в гимназии; окончив 11-й класс уже в Москве, поступила в 1999 году на экономический факультет Российского университета дружбы народов. Летом 2001 года, будучи в туристической поездке в Лондоне, познакомилась с англичанином, работником студии звукозаписи; вскоре в Москве был зарегистрирован их брак. Еще через год она, окончив университет, вместе с супругом уехала в Великобританию. В 2006 году развелась с мужем, заявившем, с одной стороны, что супруга превратилась из беззаботной де-

вушки в «заносчивую и неприятную» женщину, вхожую во влиятельные сферы, с другой – что она является «чрезвычайно умной» особой, чей IQ составляет значение 162.

Здесь следует напомнить, что IQ – количественная оценка интеллекта человека, выводимая с помощью тестов, оценивающих не уровень знаний, а мыслительные способности. Средний IQ выпускников вузов составляет 115, отличников – 140; у умственно отсталых он где-то около 70.

Далее в биографии нашей героини возвращение в Россию, основание ООО «Поиск недвижимости», которому была оказана поддержка неизвестными «бизнес-ангелами», финансовый крах структуры и переезд в феврале 2010 года в США. Тут и происходит знаменитый шпионский скандал, когда ее неоднократно замечают с ноутбуком, по которому она будто бы связывается с находящимся поблизости работником представительства при ООН.

Впрочем, интересующихся этой историей отсылаем в Интернет; здесь же вкратце напомним, что ФБР арестовало десять предполагаемых участников разведывательной сети; решением суда они были приговорены к высылке в Россию в обмен на четырех наших граждан, осужденных за шпионаж.

После провала «разведчица» планировала вернуться в Великобританию, так как имела британское гражданство. Но 13 июля ее лишили последнего с запретом посещать страну. Так она вернулась в Россию.

Нынешний период ее жизни – фейерверк феерических предложений: в рамках «культурологического проекта», связанного с «освоением космического пространства», она занимается «темой защиты планеты от астероидов, метеоритных дождей и других факторов, влияющих на цивилизацию из космоса». Она введена в общественный совет молодежного движения «Молодая гвардия «Единой России», где ей поручено отвечать за патриотическое воспитание молодежи. Назначена главным редактором периодического издания Venture Business News (Вестник инноваций и венчурного рынка), в котором будет вести постоянную рубрику «Вести с полей»(?!). Стала ведущей программы телеканала РЕН ТВ «Тайны мира...» в рамках документального проекта «Реальность».

После таких подробностей автор этих строк, честное слово, был в некоторой растерянности: сможет ли он, провинциал, достойно поддержать уровень общения со столь блистательной личностью? Смушал и умопомрачительный IQ.

Действительность оказалась несколько иной, чем ее рисуют средства массовой информации. Уже полуночный прием пищи в ресторане отеля «Синдика» немного успокоил: из трех вилок, лежащих перед каждым его

участником, автор этих строк, как и сидящая рядом гостья за все время воспользовались лишь одной, что успокаивало: общение на равных возможно. Следующий день в этом убедил. Договорившись выехать не позднее девяти утра, чтобы побольше успеть на самом комплексе, мы еще в десять не тронулись с места. «Она только поднялась», «Она приводит себя в порядок», «Она завтракает» – ответы режиссера Юлии были лаконичны, но за ними чувствовалась досада на наше непонимание важности идеального облика «медийного лица канала».

Надеясь на то, что это подстегнет телевизионщиков, самостоятельно выдвинулись к объекту, где прождали еще добрых два часа, пока не появилась транспортная кавалькада: «Волга», «газель» с телевизионщиками, еще пара машин...

Прямо скажем, наша героиня в ослепительно-красном спортивном костюме и шапке с развязанными «ушами» смотрелась весьма эффектно на фоне укутанных снегами заюковских холмов. Яркость эту подчеркивало и то, что все ее спутники, как и хозяйева, оказались одеты весьма однообразно: в черное и синее. Правда, как выяснилось впоследствии, яркое не являлось синонимом теплого.

Внизу и состоялись первые съемки... Часто общаясь в последнее время с телевизионщиками, не раз удивлялись тому, что так называемый «стендап» – репортерский прием, когда журналист работает непосредственно в кадре, – большинством из них записывается по множеству раз, хотя состоит чаще всего из одной или пары вступительных фраз. Число же дублей в кадре с теледивой зашкаливало. При этом надо было произнести словосочетание вроде: «Высота этой вершины 971 метр; мы преодолели только половину, а силы уже на исходе». В первый раз ведущая не запомнила слова; во второй, третий, четвертый – запинаясь, в пятый – переврала цифру,

Съемочная группа РЕН ТВ

С теледивой

в шестой – ни с того ни с сего рассмеялась, в седьмой «съела» часть фразы, в восьмой – поскользнулась... А был еще и десятый... И наше возражение, что 971 метр над уровнем моря и не высота даже, а холмик, о покорении которого говорить неудобно, было отвергнуто.

Вполне объяснимо, что после стольких дублей подниматься на плато начали только в третьем часу дня – пешком, по достаточно отвесному склону, к тому же покрытому травой с наледью. Этот почти часовой подъем достался москвичам с таким трудом, что, оказавшись наверху, они полностью обессилили, а ведущая упала на снег, картинно раскинув руки. Здесь же, на вершине Заюковского комплекса, у нас состоялся непродолжительный разговор с теледивой, заставивший вспомнить зарубежных разработчиков индекса IQ: подумалось, как все-таки хорошо, что в основе их оценки лежат не знания, а мыслительные способности. Последние, вероятно, не нужны, чтобы знать, где находится Северный Кавказ, что кабардинцы не говорят на балкарском языке, а лошади не едят мясо... Впрочем, вероятно,

мы излишне придирчивы к столичной жительнице.

Местные доблестные джигиты Мухамед Маршенкулов и Анзор Кармов, оседлавшие «Ниву», проявив чудеса героизма и бесстрашия, наплевав на пропасти и отвесные спуски, поднялись на плато, выбив у телевизионщиков козырь о неприступности исследуемого ими объекта. На вездеходе этом девушки и автор этих строк рискнули, подпрыгивая на ухабах и доставая головами крышу, спуститься вниз, условившись завтра как можно раньше начать исследования.

Нетрудно предположить, что договоренности оказались благими пожеланиями. Прежде всего, потому, что легли ребята за полночь, потрясенные гостеприимством заюковцев, что приводили себя в порядок достаточно долго; более того, выяснилось, что «ведущая натерла ногу», и вся поездка к комплексу оказалась под вопросом.

Через какое-то время телевизионщики наконец-то добрались до Заюково, где более часа снимали, как буксует машина, как водружают на бедную лошадь георадар – четыре огромных чемодана, как теледива взбирается на диковинного для нее зверя и меж двух всадников поднимается в гору.

А потом были нескончаемые дубли, хотя самих записей оказалось сделано от силы пять-шесть. Причем практически все с «медийным лицом», а сам объект, то есть Заюковский комплекс, как-то незаметно отошел на второй план. Отчего сильно переживал геофизик Роман Коннов, начальник производственного отдела московского ЗАО «Геостройизыскания». Мало того, что времени оказалось недостаточно, так еще мешал толстый слой снега. Пока расчищали его ногами, пока настраивали георадар, представляющий из себя аппарат, чем-то напоминающий луноход, только управляемый вручную, спустился туман, налетел колкий ветер, резко похолодало, и режиссер стала торопить всех вниз.

Но здесь мы с Романом проявили своеволие: несмотря на постоянные окрики из теплой машины, на которой вновь заехали на плато уже знакомые нам заюковцы и в которой грелись девушки, раз за разом утюжили плато, пока не начала спускаться темнота. Стало ясно: если мы хотим что-то найти, надо заниматься только поисками. Путем хитромудрых доводов, типа того, что «республика богата достопримечательными местами, которые надо обязательно осмотреть», на следующий день теледива отправилась на Чегемские водопады, а мы в Заюково.

Что нашли? Пустоты на плато, которые, возможно, являются рукотворными; аномалии на небольших глубинах; несколько непонятных объектов, один из которых, как пишет в заключении Роман Коннов, представляет из себя «действительно что-то интересное».

К сожалению, погодные условия не позволили провести полноценные обследования: место, где, по рассказам местных жителей, находился вход в монастырь, радаром не просканировали – слишком отвесен оказался склон, да и густая трава, припорошенная снегом, мешала. Не проводились исследования в некрополе – здесь вотчина специалистов-археологов.

Что касается нашей московской гостьи, то мы с ней так и не попрощались – телевизионщики улетели ранним утром в субботу. Но если день, проведенный без ведущей, поставил вопросы технические, то два с ней – другого характера. И главный из них: с той ли женщиной, которую пресса наделила титулом «русская разведчица», мы общались? А если с ней, то – чур меня! – что же это за служба, на которую она работала? И кто тогда будет защищать «нашу цивилизацию от астероидов и метеоритных дождей»? И верно ли назван документальный проект РЕН ТВ «Тайны мира...» словом «Реальность»? Не вернее было бы – «Нереальность»?

ИЗ «ФОККЕ-ВУЛЬФА» ВЫШЕЛ... КАБАРДИНЕЦ

Материал «Что искали гитлеровцы в горах Кабардино-Балкарии?» вызвал не только широкий читательский интерес, но и получил совершенно неожиданное, поистине удивительное продолжение. Оно может показаться кое-кому фантастическим, если не сказать больше – завиральным, но мы в рассказанное поверили и решили донести до читателя. А чтобы приблизить повествование к реальности, начнем издалека.

...Много лет назад, собирая материал о плато в Северном Приэльбрусье, получившем в народе название «немецкий аэродром», мы услышали историю, которую не восприняли всерьез и не решились обнародовать ввиду преобладающего в ней фольклорного элемента. Старик-пастух, чье имя мы даже не удосужились записать по причине его навязчивой говорливости, вызванной чрезмерным возлиянием горячительного напитка, известного как водка, все пытался вступить в нашу беседу со старожилками чабанского фронта о немецких самолетах «фокке-вульф», приземлявшихся в начале осени 1942 года у подножия Эльбруса. И был, мол, он там в это время, и самолет видел, и даже с пассажиром разговаривал.

«На каком языке?» – последовал чей-то ехидный вопрос, а когда прозвучало: «На нашем», то бишь, уточним, кабардинском, раздался такой смех, что бедный пастух мгновенно протрезвел, полностью перешел на родной язык и стал что-то быстро говорить, отчаянно при этом жестикулируя. Но его дальнейшие слова тонули в непрерывном хохоте собравшихся в тот вечер у костра. Еще бы, старик рассказывал, что немецкий офицер, прилетевший в качестве пассажира, оказался ко всему прочему умелым наездником: на взятой у пастухов лошади проделывал такие чудеса джигитовки, что все вокруг только ахали.

Подумалось: «Вот сила воображения: не так ли родилась легенда о самом «немецком аэродроме?»»

И забылось, ушло из памяти, пока в издательстве не раздался звонок доктора физико-математических наук, профессора кафедры теоретической физики КБГУ Бориса Иналовича Кунижева. Он нашел нас после публикации «Что искали гитлеровцы в горах Кабардино-Балкарии?», дабы сообщить, что его дядя Анатолий Татуевич Кунижев был в том самом «фокке-вульфе», приземлявшемся в 1942 году в Северном Приэльбрусье.

«Это как?» – оставалось только вымолвить нам и пригласить Бориса Иналовича на разговор. Здесь мы и услышали историю о том самом наезднике, беседовавшем с чабанами на кабардинском языке. Оказывается, дядя, когда он еще был жив, рассказывал племяннику о том, что, будучи на службе у немцев, он неоднократно летал над Кабардино-Балкарией на самолете в качестве пассажира, садился и на «немецком аэродроме». Более того, будучи весьма умелым наездником, как-то, увидев у чабанов, пасших стадо неподалеку, отличного по стати коня, не удержался, вскочил на него, принялся показывать чудеса когда-то весьма знакомой ему джигитовки. Но годы взяли свое: все-таки ему было уже сорок четыре – не удержался, упал, повредил ногу...

Впрочем, расскажем все то, что мы узнали.

Анатолий (в некоторых документах двадцатых годов Таля, Толя) Татуевич Кунижев родился в 1898 году в селении Нартан. Был вторым из пяти сыновей (по годам рождения – Мажид, Таля, Инал, Астемир, Аубекир) Тату Кунижева, занимавшегося разведением кабардинской породы лошадей. (Вот откуда берет начало его мастерство наездника, поразившее пастухов на «немецком аэродроме».)

Юность Анатолия пришлось на переломное время – революция, Гражданская война, эмиграция... Имеются не до конца проверенные сведения, что он служил в отряде Даутокова-Серебрякова. Эмигрировал в Турцию.

Впрочем, что его ожидало, если бы он остался в Советской России? С полной уверенностью можно сказать: те же репрессии, которым подверглись его братья. Так, старший Мажид, 1891 г. р., был арестован 28 октября 1937 года, обвинен в том, что высказывал враждебность к существующему государственному строю. Причем, что показательно, обвинения касались событий далеких лет: участия в Кубанском походе (было два похода Добровольческой армии на Кубань) в годы Гражданской войны, в Баксанском контрреволюционном восстании 1928 года и подготовке в 1931 году вооруженного восстания в селении Нартан. Судьба Мажиды оказалась predetermined: 19 ноября тройкой НКВД КБАССР он был приговорен к расстрелу, а уже на следующий день приговор привели в исполнение. Спустя чуть более полувека, 25 июля 1989 года, М. Т. Кунижев был реабилитирован.

Борис Кунижев. Сухуми

Другой брат – Инал, отец нашего гостя, арестовывался дважды: первый раз 10 декабря 1931 года, а 22 мая следующего тройка при ПП ОГПУ СКК и ДАССР (эта аббревиатура расшифровывается так: Полномочное представительство Объединенного государственного политического управления по Северо-Кавказскому краю и Дагестанской АССР) приговорила его к одному году лишения свободы. А второй раз – 28 октября 1937 года (в один день со старшим братом Маждом) – с предъявлением обвинения в проведении контрреволюционной агитации, направленной на развал колхозов и против существующего советского строя. Через месяц, 26 ноября, Инал был приговорен все той же зловещей тройкой, тысячами штампующей обвинительные приговоры, к заключению в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) сроком на восемь лет. Отсидел. Был реабилитирован: по второму обвинению 22 марта 1971 года, по первому – 15 июня 1989 года.

Эти данные из обвинительных заключений братьев Кунижевых. Кстати говоря, в одном из них, маждовском, есть упоминание и об Анатолии: «Имел брата Талю, активного белогвардейца, находящегося в эмиграции в чине офицера».

Так как тема, которой мы коснемся ниже, не совсем патриотичная, а, скажем прямо, достаточно скользкая и до недавнего времени совершенно непечальная, отвлечемся от эмоций и приведем из биографии Анатолия Кунижева только факты – известные, опять же повторимся, со слов родственников, так как архивы службы безопасности нам не доступны.

Итак, в двадцатых годах прошлого века А. Т. Кунижев эмигрировал в Турцию; в 1926 году он уже в Англии (там, по его словам, «учил одного англичанина кабардинскому, а тот его – английскому»), спустя какое-то время переезжает в Грецию, где женится на гречанке; в 1929 году у него рождается сын Георг. Супруга была из богатой семьи, и Анатолий в средствах не нуждался – больше учился, чем работал: получил высшее техническое образование. Весной 1941 года, когда немецкие войска заняли Афины, оккупировав Грецию, заявил родным, что «вступает в немецкую армию, дабы отвоевать у большевиков родину».

Известен и такой факт из его военной биографии. В книге Хабаса Бекулова «Аул князей Мисостовых и узденя Тогланова», рассказывающей об истории селения Урвань, приведен рассказ Хачима Мастафова, побывавшего в немецком плену.

Вот фрагмент из его полевого дневника: «Находясь в деревне Кутелик (Днепропетровская область Украины), я узнал от хозяина, что у них остановилась немецкая часть, следующая на Кавказ, и среди них есть какой-то нацмен. Узнав, что среди нацменов есть кабардинец, я явился к нему. Им оказался Анатолий Владимирович (так в тексте) Кунижев, эмигрант из

России. Он был из соседнего сел. Нартан, что в 5 километрах от моего сел. Урвань. Часть следовала в Моздок. Из Моздока в ноябре 1942 г. я отпросился домой к себе в селение...» (Нальчик. 2008, С. 454).

Кем Анатолий служил у немцев на Кавказе, не совсем понятно: звание имел обер-лейтенанта (то есть старшего лейтенанта), более того, находился при достаточно высокой должности, так как ему было поручено контролировать бомбометание на территории Кабардино-Балкарии. Родственники рассказывают, как он заявлял, что в его силах было в прямом смысле разровнять всю республику (дословные его слова: «Яйца можно было бы катать»), что всего лишь одна бомба упала без его ведома. Что летал он над Кабардино-Балкарией, патрулируя и следя за порядком, множество раз, приземлялся осенью 1942 года на плато под самым Эльбрусом, где, решив покрасоваться перед земляками, джигитовал на необъезженном коне и повредил ногу.

Чего в этих словах больше – правды, выдумки или позерства – сказать сложно, но вот что интересно: когда Анатолий в 1962 году вернулся в Нартан, его брат Инал устроил так называемое тхьэльэу (дословно – праздничный молебный день), где каким-то образом оказался один из стариков, видевший его прилет на «фокке-вульф». Видимо, с того момента и пошла гулять легенда, с которой мы столкнулись в первый свой приезд в Северное Приэльбрусье.

Как складывалась дальше судьба Анатолия Кунижева – нам неизвестно: где он воевал, когда, в каком году и как попал в плен, знают только архивы. Будто бы был осужден, срок отбывал в Сибири, но сам утверждал, что никогда не сидел. И в это можно поверить, если вспомнить, что уже в пятидесятых годах он оказался в Абхазии – жил в Сухуми, работал в энергетике, причем на руководящих должностях; говорил, что вся энергетическая система Абхазии была построена непосредственно при его участии. Сохранилось много фотографий того периода, где шестидесятилетний мужчина в белом костюме позирует на фоне теплоходов и пальм. На одной из них Анатолий вместе со своей третьей супругой (была еще и вторая – украинка) Лидией Карловной, немкой по национальности. Совместных детей у них не было. Интересный факт: разговоры в доме Кунижевых велись на французском языке, а всего Анатолий владел двенадцатью языками. Причем, помимо французского, в совершенстве знал немецкий, английский, греческий. Читал на турецком и даже на китайском – иначе для чего, спрашивается, выписывал газету китайских коммунистов «Жэньминь жибао» и целый ряд других, иностранных, получать которые, уточним, в те времена можно было только с разрешения Комитета государственной безопасности.

Или другой факт. Анатолий, приехав на родину, ни в чем не нуждался, более того, сразу купил младшему брату Астемиру дом, 8 июля 1963 года удочерил его дочку Римму, родившуюся 25 марта того же года, и она впоследствии, после его смерти, получала пособие чуть ли не в два раза больше среднемесячной зарплаты советского служащего. Кстати говоря, сам Анатолий получал двадцатидвухрублевую пенсию – то есть как персональный пенсионер союзного значения. Большие по тем временам деньги, позволявшие ему ни в чем не нуждаться, одеваться с иголки, вести привычный богемный образ жизни. Что вызывало, с одной стороны, недоумение односельчан – нартановец, участник Великой Отечественной войны, удивлялся: непонятно, он, инвалид, получает от государства 27 рублей, а гитлеровский офицер в четыре раза больше.

А с другой стороны, как рассказывает Аниуар Яганов, бывший заместитель министра энергетики и промышленности республики, по селу ползли слухи, что Кунижев хоть и служил у немцев, но оказал родине большую услугу, за что и платят ему такую повышенную пенсию. Он же вспоминает, что Анатолий Кунижев выделялся среди нартановцев не столько своей финансовой обеспеченностью, сколько грамотностью, европейским лоском, особой, присущей иностранцам, холемостью и ухоженностью.

Но самое главное, как мы выяснили, независимостью суждений. Видно было, что власть к нему благосклонна, на родине он чувствовал себя непринужденно и уютно, свидетельством чему были и приезды к дому Кунижевых автомашин престижных марок и номеров, запомнившиеся нартановцам.

Какой же можно сделать вывод из всего сказанного? В биографии Анатолия Кунижева столько неясных, необъяснимых моментов, что возникает множество самых разных вопросов. Если служил Кунижев у немцев, то почему столь неадекватным оказалось возмездие за содеянное: отсидел он весьма недолго (а вероятнее всего, и вообще не сидел), жил впоследствии, не скрываясь и не чураясь достаточно черных (на взгляд советских людей) страниц своей биографии. Следовательно, есть что-то, о чем Анатолий не рассказывал родственникам, скрывал от близких и унес с собой в могилу. Вот только один факт. В девяностых годах прошлого века, когда пришло время гласности и архивы, в том числе и всеильного КГБ, чуть приоткрылись, Борис Кунижев (на тот момент декан физического факультета КБГУ) обратился к министру безопасности КБР (тогда эта должность называлась так) с заявлением. В нем он, в частности, сообщал, что «старший брат моего отца Кунижев Анатолий Татуевич, 1898 года рождения, долгое время проживал в странах Европы. После Великой Отечественной войны был сослан в Сибирь. С 1950 года проживал в Сухуми, где женился и в 1962 году

вместе с супругой Лидией вернулся в Кабардино-Балкарию и работал заместителем директора кооперативного техникума вплоть до своей кончины в 1973 году».

В этом же заявлении племянник сообщает, как перед смертью дядя рассказал ему, что его сын Георг, 1929 г. р., занимает ответственный пост в руководстве НАТО (Организация Североатлантического договора); одно время жил на Кипре, а сейчас в Париже.

А заканчивалось заявление просьбой «оказать содействие в получении максимально объективной информации о дяде и его сыне, способной осветить их судьбу, выдать личные семейные фотографии, адреса проживания его детей и другие личные документы».

Действовать Борис Кунижев решил и официально, и, так сказать, на межличностном уровне, обратившись к своему бывшему сокурснику по учебе, а на тот момент сотруднику КГБ в достаточно высоком звании. Ответ он получил практически сразу. Сказано ему было примерно следующее: «Заявление подавать не следует, заниматься этим делом не надо, так как время узнать правду не пришло и придет не скоро».

Отсюда следует... А следует то, что, вероятнее всего, Анатолий Татуевич Кунижев действительно был в том самолете, что садился на «немецком аэродроме», что правдивую его биографию, в которой, судя по всему, немало удивительных страниц, еще предстоит только узнать. Но естественно, если это нам будет позволено. А пока сообщим, что А. Т. Кунижев похоронен на Нартановском мусульманском кладбище, где нашла покой и его супруга-немка Лидия, пережившая мужа на 13 месяцев.

Борис Кунижев с супругой (слева от него). Сухуми

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Статья об А. Т. Кунижеве ранее была опубликована в одной из газет и вызвала столь многочисленные отклики (на одном из местных интернетовских сайтов развернулась настоящая полемика, кем на самом деле является герой публикации нартановец Анатолий Кунижев, в двадцатых годах прошлого века эмигрировавший за границу, вернувшийся на родную землю осенью 1942 года в форме немецкого офицера, исчезнувший на два десятилетия из поля зрения сельчан и вновь поселившийся в родном Нартане в 1962 году, получая при этом пенсию, равнозначную в материальном отношении награде за многолетний доблестный труд), что мы решили продолжить тему. С этой целью собрали вместе тех людей, кто тесно общался с Кунижевым и чьи рассказы могут пролить свет на его весьма неординарную биографию.

Итак, своими воспоминаниями за общим столом с нами поделились Нуся Кунижева, жена младшего из пяти братьев Кунижевых, Астемира, которой уже исполнилось 85 лет; Римма Кунижева, дочь Астемира, которую супруги Анатолий и Лидия удочерили; Фатима, дочь Астемира (по мужу Шогенова, 1961 года рождения); Борис Кунижев, племянник, сын Инала, с рассказа которого и начался наш первый материал.

В процессе долгой беседы, совместных воспоминаний, когда один из участников дополнял другого, удалось устранить ряд неточностей, прошедших в первой статье. Оказалось, что годы жизни Анатолия Кунижева несколько иные. Если исходить из дат на памятнике, установленном на его могиле, то родился он в 1901 году, а умер 27 апреля 1972 года.

И еще один момент: Анатолий, сгоревший от рака буквально за какой-то месяц, перед смертью рассказывал, что на службе у немцев он имел звание штурмбанфюрер – то есть майор, а не старший лейтенант, как мы писали.

Нуся:

– Как я любила его, как боялась, чтобы не забрали, не увезли с собой навсегда люди, приезжавшие на черных машинах. А он все смеялся: «Нуся, я обязательно вернусь, никуда не денусь – помогу им и вернусь». Помню золотые часы, которые ему подарили за что-то большие люди из Москвы; они сказали, что это награда за то, что Толя обманул Гитлера.

Каким красивым мужчиной он был – приехал во всем светлом: белый костюм, белый галстук, белые туфли, белая шляпа, только рубашка чуть другого оттенка. А вот красный цвет не любил: увидел кого-то из девочек в красном платье, занервничал, велел снять, говорил, что там, где он жил, такие платья носят женщины, которых не уважают.

Римма:

– У меня две мамы – Нуся, которая родила, и Лида, которая воспитывала десять лет, вплоть до своей смерти 29 мая 1973 года. Как себя помню, все разговоры в доме велись на иностранном языке – это для того, чтобы я вошла в языковую среду, легче восприняла чужой язык.

Очень рано, еще до школы, меня стали учить читать и писать. Отец – а меня Анатолий и Лидия удочерили через три с половиной месяца после рождения – диктовал письма, которые я писала своим брату и сестре. Он говорил: «У тебя есть брат и сестра, они далеко, поэтому пиши им, как ты живешь, чем занимаешься». Сегодня я понимаю, что это был своего рода педагогический прием, чтобы я научилась связно мыслить и излагать услышанное на бумаге.

И вот я писала одно письмо за другим, но никак не могла понять, почему нет ответных весточек. Когда спрашивала об этом отца, он отвечал, что, вероятно, письма не доходят, но голос его при этом дрожал, а в глазах блестели слезы. Я не понимала, отчего он плачет, обнимала его, спрашивала, но он только отшучивался. Помню и слезы в его глазах, когда он слушал по радио старинную кабардинскую песню про юношу, который никогда не видел отца.

Я без Анатолия и Лиды буквально не могла минуты прожить: только в их комнате, только с ними, уходила куда – искала, плакала, места не находила. Как-то они должны были ехать в санаторий. И уехали, но прошло совсем немного времени, буквально час-другой, – возвращаются.

«Мы решили остаться, – говорят, – боимся, что за тобой некому будет присматривать». А сами улыбаются – это была только отговорка, ведь Нуся, родившая меня, оставалась дома.

Помню, как Лидия Карловна, усадив меня рядом, включала проигрыватель, ставила на него пластинку с записью оперы Джакомо Пуччини «Мадам Баттерфляй» и, когда звучала ария Чио-Чио-сан («Только ветер буйный поет за кормой, Чио-Чио-сан, я хочу быть с тобой. Только волны бьются о берег крутой, Чио-Чио-сан, я хочу быть с тобой»), прижимала меня к себе и долго плакала. А мне было трудно усидеть на месте, разве могла я тогда понимать, что эта музыка напоминала женщине, которую называла матерью, какие-то моменты ее прошлой жизни...

Ее мучила неутоленная жажда материнства, ведь у нее не было своих детей и меня не она родила. Сегодня я это отчетливо понимаю, вспоминая,

что когда ее звала не мамой, она строго отвечала: «Я не слышу». А когда я тут же поправлялась, называя мамой, отвечала ласково: «Что тебе, детка?».

Фатима:

– В семейных преданиях сохранился тот вечер, который устроил мой отец Астемир по поводу возвращения своего брата. Собралось очень много нартановцев; на почетных местах старики: кому восемьдесят, кому и больше, помнившие еще отца Анатолия, его самого мальчишкой, потом юношей. Известен он был в селении не столько как сын знаменитого коннозаводчика, а как искусный наездник, многое умевший в нелегком мастерстве джигитовки – вел меткую стрельбу с коня в карьер (попадал в куриное яйцо), на ходу поднимал платок с земли, соскакивал по несколько раз подряд на обе стороны, перелезал под брюхом лошади. Говорили, что в Нартане два столь искусных наездника – Магов и Кунижев.

Оказались за тем столом и старики, присматривавшие в 1942 году за скотом, что согнан был со всей Кабардино-Балкарии, в том числе и из Нартана, в Северное Приэльбрусье: власти думали, что немцы сюда не доберутся. А они пришли со стороны Карачая и вели себя как хозяева: оборудовали стоянку, использовали ровное природное плато для аэродрома, на который стали регулярно садиться самолеты из Пятигорска. На одном из них и прилетел тот самый офицер, который говорил с чабанами на их родном языке, а потом, заметив чем-то приглянувшегося ему коня, стал демонстрировать джигитовку. Вот тогда-то и слетела чья-то фраза: «Валлаги, такое только сын Тату Кунижева проделывал!». И уже за столом, спустя двадцать лет, глядя на живого, но сильно постаревшего Анатолия, прозвучал вопрос: «Не вы ли тот кабардинец, который прилетал на пастбища в сорок втором?..». Люди помнят прозвучавшее – тихое и медленное – «да».

Что запомнилось из тех дней начала шестидесятых годов? В памяти сохранилась особая обстановка чего-то совсем непривычного для нас, сельских жителей, – комфорта (появился шезлонг, выносные пляжные стол и стулья, выделявшиеся своей ослепительной белизной на сером фоне двора, огороженного плетнем); газовая плита с баллоном, вызвавшая по-вальный интерес и пугавшая стариков своим непонятно откуда появляющимся пламенем; удивительный запах тортов, которые пекла его супруга Лидия Карловна, разносившийся далеко окрест; дядя в пижаме (нартановцы в большинстве своем в те времена даже и не знали о таком мужском спальном костюме), готовящий в турке пахучий черный кофе и пьющий его из такой малюсенькой чашечки, что она не была видна в его руке... Это была другая жизнь, буквально ворвавшаяся в нартановскую обыденность, практически не знакомую с атрибутами европейской цивилизации. Такой

факт: в начале шестидесятых годов во всем селении имелся только один телевизор, смотреть который собирались десятки людей.

Понятно их отношение к дяде, олицетворявшему этот комфортный, благоустроенный, светлый мир и одновременно представлявшему его в единственном числе: подтянутому, изысканно одетому, постоянно читающему непонятные книги, получающему газеты на иностранных языках, употребляющему в разговоре такие слова, которые они никогда даже не слышали.

Запомнилась, прямо врезалась в память фраза, которую он повторял часто: «Ко всему можно привыкнуть, за исключением того, что унижает человеческое достоинство».

Борис:

– Воспоминания о дяде – одни из самых светлых в моей жизни. Вошел он в мою судьбу белоснежным кителем, который прислал в конце пятидесятых годов по почте из Сухуми. Надо помнить то время, когда младшие донашивали за старшими штопаные-перештопаные вещи, когда день приобретения новой одежды становился одним из самых больших праздников. Мне, мальчишке, впервые в жизни надевшему такую модную вещь, не хотелось ее снимать даже дома, а в школе с того времени за мной даже закрепилась прозвище «Китель».

А как дядя учил меня играть в шахматы, как радовался, что так быстро я овладел простейшими секретами этой игры. Он даже не особо расстроился, когда проиграл мне в первый раз, а потом стал уступать все чаще. Но зато когда проигрывал брату, нервничал так, что мог скинуть фигуры с доски на землю. Вообще-то вышедшим из себя помню его всего раз: заспорил о чем-то с соседом-фронтовиком, с которым, по большому счету, они были по разную сторону баррикад, что-то доказывал ему, а тот все упирался и упирался, и дядя не выдержал, бросил в сердцах: «Такие, как вы, были моими адъютантами!».

Часто рассказывал о Греции, где у него все было, но не было главного.

«Зачем мне это богатство, – говорил, – когда я лишен родины, когда рядом нет тех людей, кто близок и дорог, кому ты приятен не потому, что у тебя есть деньги, а потому, что вас связывают узы родства, дружбы, товарищества...»

* * *

Этот материал намечался значительно большим по объему – мы планировали поднять историю болезни Анатолия Кунижева и его пенсионное дело (несмотря на прошедшие четыре десятилетия, кое-какие документы все-таки сохранились, но для их выявления нужен кропотливый и многодневный поиск).

Мы обратились к знакомым в Абхазии, чтобы они нашли тех, кто работал в пятидесятых годах прошлого века вместе с Анатолием в энергетической системе этой республики; дали им сухумский адрес (дом 10 на улице Цулукидзе – тогда она носила это имя), где проживали его самые близкие друзья – Евгений Абрамович с супругой Галиной. Но наметив столь обширную программу предстоящих действий, распределив степень участия каждого в них, мы оба одновременно пришли к выводу: все это будет или дополнением к сказанному или в пределах сказанного, так как нисколько не приблизит нас к ответу на главный вопрос: кем он, Анатолий Кунижев, был на самом деле? По большому счету, ответ может быть таким: двойной агент, или разведчик. Узнать, где правда, можно только с помощью компетентных органов – в их праве замолчать эту историю, похоронив ее на газетных страницах; в их возможностях продолжить ее, сказав то, что позволит герою нашей статьи стать персонажем куда как большего масштаба – истории Кабардино-Балкарии.

Прошло уже семьдесят лет с тех событий 1942 года, о которых мы рассказали. Апеллировать к государственной тайне в означенном случае по крайней мере недальновидно. Ведь есть вещи, которые надо знать не только ради знания как такового, но и использовать в повседневной практике. В нашем случае, при положительном ответе, естественно, для гордости. Вот почему мы просим эту статью считать официальным запросом в Управление федеральной службы безопасности РФ по КБР, дабы пролить свет на личность Анатолия Татуевича Кунижева. Кстати, его судьбой заинтересовался один из центральных российских телевизионных каналов, уже осуществивший в республике запись будущей передачи...

P. S. И еще вот о чем хотелось сказать. Побывали мы и на кладбище, где похоронены супруги Кунижевы – они лежат рядом. Глядя на мусульманскую стелу, установленную на могиле женщины, родившейся неизвестно где и обретшей последний приют на нартановском погосте, невольно думалось: кем она была, какие ветры носили ее по свету, остались ли у нее родственники? За прошедшие почти четыре десятилетия никто не задался этими вопросами. Задастся ли?..

«ЭТО УЖЕ НЕ ЕВРЕИ...»

Отклик на статью от имени родственника Анатолия Кунижева, попросившего не называть его имени.

В 1924 году в Стамбуле была расформирована русская армия. Анатолий Кунижев вместе с Тауканом Керефовым уехали в Нью-Йорк, но после любовных походов последнего вынуждены были вернуться в Европу. Поселились в Париже. Через 2–3 года Кунижев переехал в Грецию, где женился на 16-летней дочери богатого текстильного фабриканта. Мужем старшей сестры его жены был министр финансов Греции. Первоначально родители не были в восторге от выбора дочери.

Особенно негодовала будущая теща, которая через знакомых передавала: «Лучше я дочь увижу в гробу, чем она будет женой русского эмигранта». Позже Анатолий Кунижев с юмором говорил, что теща уважала его ничуть не меньше своей дочери. Они всегда обедали в ресторане вместе с родителями супруги.

«За все годы, – вспоминал он, – я никогда ни в доме, ни где-нибудь не видел какие-либо продукты из свинины. Они понимали, что мне это будет неприятно».

У них был уговор с супругой: если первым ребенком будет девочка, то имя даст отец, если мальчик – мать. Родился мальчик, его назвали Георгом. Потом родилась девочка, ей дали кабардинское имя. Я, к сожалению, не помню, какое. Воспитателем сына был бывший посланник русского царя в Югославии, ребенок воспитывался дома. Когда отец обращался к нему: «Жорж, кто ты?», сын отвечал: «Я кабардинец». – «А где Кабарда?» – «На Кавказе».

Анатолий Кунижев в Греции работал в английской фирме по прокладке линий электропередач. Возглавлял фирму англичанин, а у него была русская жена. Она опекала эмигрантов из России, работавших в фирме.

После оккупации Греции вермахтом нескольких эмигрантов привлекли к службе в Германии, среди них был и Анатолий Кунижев. Тут надо сказать, что в годы Великой Отечественной войны в армию из Нартана было призвано несколько десятков человек из рода Кунижевых, 13 из них погибли. Среди них его родной племянник Мусабек, сын старшего брата – Мажида.

Кунижев с иронией вспоминал: когда их привлекали к службе в Германии, взяли подписку о том, что они не будут иметь близкие связи с немками. Он задавал вопрос: «Кто это может проверить?».

Он говорил о своем несогласии с планами Гитлера о полном уничтожении еврейского народа. Когда он оказался в оккупированном Нальчике, на территории республики проживало чуть меньше тысячи евреев. Они были в столице и нескольких кабардинских селах, где занимались торговлей. Когда немцы начали

выявлять евреев, Кунижев был среди тех, кто убеждал их: «Эти люди веками живут бок о бок с нами, они восприняли наш язык, наши нравы, обычаи, у нас много смешанных браков. Это уже не евреи, и вам их расстреливать не надо».

Немцы аккуратно, педантично стали обследовать еврейские семьи. Они письменно фиксировали, как ребенка пеленают, укладывают спать в люльку, какие это люльки, какие поют колыбельные, как готовят еду, каковы свадебные обряды. Обширный документ на этот счет был направлен в Берлин с вопросом: «Как быть?». Там изучили вопрос и под новый, 1943 год дали ответ: что черные евреи, что белые – все подлежат уничтожению. Но провести свою акцию немцы уже не успели: в начале января Нальчик, а затем и вся республика были освобождены.

В 60-х годах юрист Кадыр Шаов (русские звали его Костя) рассказывал: когда служивших немцам лиц привезли в Нальчик и судили, представители еврейской общины обращались в Верховный суд республики с просьбой учесть, что они спасли им жизнь. Кунижев вспоминал о нескольких случаях, когда, используя свое положение в службе безопасности, забирал из концлагерей земляков из республики – независимо от национальности. Уже в 50–60-х некоторые из них с благодарностью рассказывали об этом его родственникам.

После войны он оказался в английской зоне оккупации, и британцы выдали его советским властям. Он отбывал наказание до политической амнистии 1954 года. О своей жизни в лагере рассказывал мало, но сообщил, что вечерами после работы электрифицировал все бараки и служебные помещения.

Со смехом вспоминал, как начальник ему говорил: «Кунижев, у тебя на свободе, наверно, был седьмой разряд?». – «Нет, первый», – отвечал он, не зная, что это разряд чернорабочего.

Освободившись, он не поехал к родственникам, чтобы не обременять их, а отправился в Абхазию с человеком, с которым сдружился в лагере. В Сухуми увидел название учреждения – «Грузсельэлектро». Никаких документов, кроме справки об освобождении, у него не было. Они его проэкзаменовали и взяли мастером участка. Его будущая жена Лидия Карловна работала в этой же организации в бухгалтерии. Он вспоминал, как, ухаживая за ней, достал коробку конфет. Оказалось, что конфеты очень давно лежали в магазине, и, когда она открыла коробку, там вместе с шоколадом оказались еще и насекомые.

Осваиваясь в советской действительности, он многое воспринимал положительно, но с обидой вспоминал, как ночью был выселен из гостиницы «Интурист» в Абхазии, так как приехали иностранцы: «Я им показывал свой советский паспорт, но они не вникали. Как можно выселять своего гражданина, чтобы поселить иностранца?».

Они воспитывали свою девочку в идеальных условиях и очень заботились о ней. Был такой случай: у дочери стали лезть волосы. Он так беспокоился, ходил везде, консультировался. Ему посоветовали попросить какой-то редкий продукт на кондитерской фабрике, сходил и получил, что необходимо было.

Анатолий получал пенсию, но ему сказали, что если подтвердит факт работы в английской фирме в Греции, то пенсия увеличится. К его удивлению, ответ пришел очень быстро. Получая пенсию, продолжал работать заместителем директора по хозяйственной части учебно-курсового комбината в Нальчике.

О ШАХТЕ, КИММЕРИЙЦАХ И НАРТАХ

Материал «Ключи от тайн мира мертвых» вызвал, без преувеличения, настоящий шквал читательского интереса, и не только жителей Кабардино-Балкарии. Распространенный ИТАР-ТАСС, он был перепечатан несколькими мировыми агентствами, заинтересовал ряд центральных телевизионных каналов, приславших своих специальных корреспондентов.

И случилось так, что, возвращаясь с одной из групп телевизионщиков, только что отснявших сюжет о фашистских свастиках, начертанных в верховьях Заюково, на одном из крутых поворотов мы чуть не столкнулись со старыми «жигулями», вынырнувшими на главную дорогу откуда-то сбоку. Машине пришлось остановиться, так как колея позволяла проехать только кому-то одному.

Лицо водителя чем-то показалось знакомым, взглянув более внимательно, вспомнили: черный археолог, долгие годы занимающийся этим промыслом, чтобы прокормить семью. Несколько раз встречались с ним во время поездок по республике.

Остановились, разговорились; понятно было, что наш знакомый оказался в этих местах вовсе не ради здешних красот. И действительно, выяснилось, что кто-то из заезжих (пятигорских) копателей показал ему место, где на небольшом участке имеются захоронения самых разных народов: киммерийцев, скифов, аланов... Показал потому, что кладбище это, уходящее вглубь времен более чем на двадцать пять столетий, практически все уже разграблено заезжими варварами. И вот он, так сказать, докапывает.

А так как вначале разговора мы объяснили собеседнику, почему оказались в этих местах, поведали, что снимали на камеру свастик, выбитые на камнях, он полез в багажник машины, достал оттуда разбитую каменную чашечку и сказал: «Быть может, вам это будет интересно».

Повертев чашечку в руках, мы не поняли, какое она имеет отношение к теме нашего разговора. Но перевернув ее вверх дном, вздрогнули – словно мороз по коже пробежал. Свастика! Только что виденная нами в

верховьях: графический знак, ставший в двадцатом веке символом нацизма и гитлеровской Германии – черных сил и злых деяний. И эта, извлеченная на белый свет спустя более двух с половиной тысячелетий, бывшая у большинства народов мира символом движения жизни, благополучия.

Концы креста на нашей свастике загнуты влево. По одной из версий, это символизирует женское начало – полет солнечной птицы осенью и зимой на север (с загибом вправо – «мужской» – весной и летом на юг).

Понятно, что найденный копателем артефакт никакого отношения не имеет к реперным знакам, оставленным в районе Заюково фашистскими захватчиками, побывавшими здесь в 1942 году, но сама по себе эта находка вызвала повышенный интерес. Черному копателю пришлось отступить перед нашим натиском, и он показал все, что нашел в этот день.

Сказать, что мы были ошеломлены, ничего не сказать. Киммерийская культура погребения – одного из самых загадочных народов в истории человечества – открылась перед нами во всем своем великолепии.

Ученые до сих пор не пришли к единому мнению, откуда взялись и куда, растворившись во времени, исчезли киммерийцы. Древние письменные источники свидетельствуют, что они жили в начале железного века в Северном Причерноморье и Таврике (так называли Крым). Племена эти известны как кочевники, скотоводы, воины. Их завоевательные походы наводили ужас на другие племена – не знала удержу могучая конница, беспощадны были воины, искусно владевшие мечами и луками.

Тем не менее этот весьма воинственный народ сравнительно быстро сошел с исторической арены. Знаменитый Геродот, живший, напомним, в пятом веке до нашей эры, писал, что киммерийцев вытеснили скифы, и уже в VII веке до н. э. этот народ ушел из Крыма. Будто бы в Малую Азию и Ассирию (об этом упоминается в ассирийских текстах VIII–VII веков до н. э.). Принято считать, что ушли не все киммерийцы; некоторые остались, смирившись с властью скифов. Есть и такое мнение, что другая часть народа двинулась на юго-запад, в область Нижнего Дуная, о чем свидетельствуют обнаруженные в разных областях Европы многочисленные предметы конской сбруи, сходные с теми, что найдены в Северном Причерноморье.

История киммерийцев покрыта мраком. Раскрыть его могли бы захоронения. Но их выявлено очень мало. В могилах найдены лепные сосуды с лощеной поверхностью и простым геометрическим орнаментом или рельефным валиком, изделия из железа и бронзы, кремня и кости.

То, что увидели мы, находилось в одном из захоронений. Кто в нем обрел вечный покой? Вероятнее всего, знатный воин, о чем свидетельствует остроконечный шлем.

Менгир в Северном Приэльбрусье

Вот что сказал по этому поводу, ознакомившись с нашими фотографиями, известный археолог Валерий Батчаев: «Бронзовый остроконечный шлем ассирийского типа, встречающийся иногда в западно-кобанских захоронениях, большинство археологов (А. Б. Белинский, В. Р. Эрлих, С. Л. Дударев, С. В. Махортых и др.) датируют концом VIII началом VII века до н. э. Такие шлемы встречались преимущественно у киммерийцев, изредка у ранних скифов и кобанцев. По мнению В. И. Козенковой, автора работы «Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке» (Москва, 1996), у кобанцев они могли появиться даже несколько раньше, чем у степняков, независимо от последних.

Кстати говоря, стела из Северного Приэльбрусья (джилы-суевский менгир, о котором неоднократно писала «Газета Юга») также изображает фигуру воина в остроконечном шлеме с наушниками. Как писал В. С. Ольховский, автор работы «Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа» (М., 2005), «морфологически она (стела) больше соответствует киммерийцам, чем раннескифским изваяниям».

Относительно обнаруженного киммерийского захоронения в Кабардино-Балкарии, Валерий Батчаев сказал, что его научное исследование и описание могло бы стать сенсацией в археологии, памятник этот, без сомнения, имеет мировое значение. Только вот что от него осталось...

И еще один нюанс, имеющий, весьма возможно, самое непосредственное отношение к сказанному. Дело в том, когда обладатель увиденных нами артефактов расспрашивал местных жителей о месте, где он ведет раскопки, то ему ответили, что в народе оно называется «Кладбище нартов». Не больше и не меньше. Получается, нарты – герои кавказских древних

эпических сказаний – ассоциируются в памяти жителей Баксанского ущелья, в частности у заюковцев, с киммерийцами? К этому можно отнестись с улыбкой, но мы неоднократно были свидетелями тому, что народной памяти можно доверять (во всяком случае, выразимся так, ее носителям доинформационной эпохи). Конкретных примеров этому предостаточно: жительница Чегемского ущелья рассказывала нам, как о вчерашнем событии, про нашествие Тамерлана, а уроженец того же Заюково – о битве кабардинцев с крымцами. Причем рассказывали то, что услышали от родителей, а те в свою очередь от своих родителей – и так по цепочке поколений, через столетия.

О том, какими были шлемы нартов, мы не знаем – ни кабардинский, ни балкаро-карачаевский эпосы не дают их описания. О них лишь, по словам известных на Северном Кавказе ученых, знатоков фольклора Адама Гугова и Махти Джуртубаева, говорится, в первом случае, что они сверкали на солнце, а во втором – что были остроконечными. Визуальный образ шлема нартов многие представляют по иллюстрациям Л. К. Фейнберга к кабардинскому эпосу «Нарты» издания 1957 года, но знаменитый иллюстратор создал его, опираясь на скифские источники.

Почему же тогда захоронение, находящееся в Баксанском ущелье, носит название «Кладбище нартов»? Ответ на этот вопрос еще предстоит найти. Но сначала надо уточнить, где конкретно оно располагается. И, исходя из этого, принять все возможные меры, дабы спасти то, что еще можно сохранить.

* * *

...А вскоре нам удалось найти могильник.

При виде открывшегося зрелища защемило сердце. Представьте пригорок площадью примерно четыреста квадратных метров, изрытый вдоль и поперек: выброшенная из выкопанных ям земля громоздится разноровневыми холмиками, словно работали не люди, а кроты. Сами ямы книзу становятся все уже и уже, заканчиваясь подкопом, чаще всего боковым, позволяющим без лишних затрат забрать из могил самое ценное.

Иллюстрация Л. К. Фейнберга к эпосу «Нарты»

Земля перемешана с человеческими костями – они повсюду: в могилах, на холмиках. Особенно много берцовых костей (заметны из-за своей величины?), челюстей, причем в последних сохранились практически все зубы: они, белоснежные, отсвечивающие на октябрьском солнце, словно застыли в оскале боли и недоумения. И повсюду – десятки, сотни предметов, извлеченных из могил: медные, покрывшиеся зеленой патиной, пуговицы, булавки, браслеты; остатки шлемов; железные, изъеденные ржавчиной наконечники пик, множество сосудов – чашек, кувшинов, мисок – от совсем маленьких до вместимостью с ведро и больше, поврежденных при вскрытии могил.

Глядя на все эти раритеты, представляющие огромную ценность для науки, понимаешь, что оставлены они здесь не только по причине спешки копателей, но и в связи с падением покупательского спроса, так как на черный археологический рынок одномоментно выброшено огромное количество редчайших артефактов. И начинаешь осознать, как много безвозвратно ушло от нас. Ведь памятниками киммерийского периода являются только погребения, а их основное предназначение – обеспечение загробной жизни. Поэтому в мужские захоронения клали кинжалы, наконечники стрел и копий, уздечки, керамические изделия; в женские – пуговицы, иголки, браслеты, бусы. По Заюковскому некрополю видно, сколь на самом деле многообразным и многопредметным был этот погребальный инвентарь: десятки разнообразных предметов, начиная от шлемов и кончая бусами, нанизанными на сохранившиеся (спустя более чем два с половиной тысячелетия!) нитками. И это только малая часть, о чем нам известно.

А ведь, кроме всего прочего, кладбище это многоуровневое: захоронения продолжались здесь в течение многих столетий – в нижнем ряду погребены киммерийцы, следом – скифы, далее – аланы. Уникальнейший некрополь, позволяющий восстановить страницы подлинной истории Кавказа и поныне покрытые мраком. Приподнять его полог мог бы Заюковский могильник. И несмотря на то, что значительная его часть разграблена (мы насчитали более ста десяти варварски раскопанных могил), невскрытых еще очень и очень много – как на первом пригорке, так и на втором, идущем параллельно и совершенно нетронутым. Сегодня в известность о жесточайшем насилии над нашей историей, которое происходит в верховьях над селением Заюково, поставлены властные структуры республики; надеемся, уже в ближайшее время будут приняты соответствующие меры по ограждению от дальнейшего разграбления культурного памятника мирового, без всякого преувеличения, значения.

Но разве не обидно то, что на протяжении нескольких месяцев черные копатели вели варварские раскопки, безжалостно обращаясь с прахом да-

Следы черных копателей

леких предков, но никто не удосужился не то что остановить их, но хотя бы, пусть даже анонимно, сообщить, причем кому угодно – правоохранителям, Министерству культуры, работникам сельской администрации, – что прилюдно, нагло, вызывающе совершается преступление. В отношении всех нас.

Алчность должна быть остановлена, должна быть наказуема. Людьми. И для людей же. А Бог – он все видит и всем воздаст. Не случайно ведь, как рассказал нам старый косарь, арендующий земли, на которых расположен могильник, что на следующий день после раскопок обязательно идет дождь: словно природа оплакивает потревоженный прах...

* * *

...На могилах разграбленного черными копателями «Кладбища нартов» (как его называют местные жители), что над селением Заюково Баксанского района Кабардино-Балкарии, рядом с человеческими лежат во множестве и кости животных. Особенно много черепов, напоминающих лошадиные, но с клыками, правда, совсем не похожими на те, что у вепря. Мы попытались выяснить, кому принадлежат черепа, но местные зоологи не дали однозначного ответа. С помощью преподавателя КБГСХА Валерия Канчукова обратились к специалистам Северо-Осетинского университета. И вот какой ответ нам прислали: «По нашему предположению, это кости аланской собаки. Массивная, широкая в черепной части, имеет плавный переход от головы к морде, лошадиного типа, с сильно развитыми скулами, расстояние от затылочного бугра до кончика носа составляет 34–36 см. Затылочный бугор хорошо развит. Где-то близко должны находиться лошадиные и человеческие кости».

Аланская, или сарматская, собака – животное легендарное. Сарматы (аланы, роксаланы, языги) – кочевые скотоводческие племена, в VI–IV веках до н. э. воевавшие с государствами Закавказья и Римом. Из римских источников и известно об аланских или сарматских собаках, представителях догообразных. Родом они из Азии, где за несколько тысячелетий до нашей эры скотоводческие племена приручили тибетских волков – животных огромного роста, такой же, соответствующей росту, головы, со складками кожи и с длинной шерстью; последняя, в отличие от волков, у собак была короткой и густой.

Древние называли этих животных псами войны: перед боем собакам надевали ошейники с острыми ножами и пускали впереди войска для нанесения первого удара по шеренгам противника. Во дворце ассирийского царя Ашшурбанапала (668–626 годы до н. э.) были найдены глиняные клинописные таблички, изображающие сцены охоты на львов с участием,

вероятнее всего, именно сарматских собак. У Марко Поло, знаменитого путешественника XIII века, есть эпизод о том, как эта собака, ростом с осла, вступила в бой с огромным горным быком.

Как видно из разграбленных могил Заюковского некрополя, аланские собаки сопровождали своих хозяев и в последний путь, но вот оградить их от современных варваров им оказалось уж не под силу...

P. S. Дискуссия, развернувшаяся на форуме «Кавказский узел», опубликовавшем фотографию челюсти, о том, что она принадлежит жвачному животному, а не собаке («у хищников есть еще клыки и резцы, а тут одни коренные»), вынудила нас вновь обратиться к ученым. Профессор Вазиев с кафедры зоологии Северо-Осетинского государственного университета считает, что это кости медведя.

Действительно, сходство у черепов есть, но велики и различия – найденный в могильнике значительно уже и длиннее. Но вот вопрос: зачем в могилы воинов зарывали медвежьи головы? Еще объяснимо, когда речь идет о конях и псах, верных спутниках человека, а что должен символизировать медведь?

Значит, все-таки аланская собака, в чем уверен другой сотрудник СОГУ Олег Гогаев?..

Челюсть неизвестного животного

КАМЕННАЯ ЗАБАВА НАРТОВ

«Кладбище нартов»... Не правда ли, говорящее название? Но обратившись к местным жителям, в частности к одному из старейших на сегодняшний день уроженцев Заюково Асламурзе Исуфовичу Гедгафову, кстати говоря, нашему постоянному автору, мы столкнулись с тем, что об этом захоронении мало кто знает – слышать слышали, но где конкретно находится, указать затруднялись. Вместе с Артуром Жемуховым, который, ища таинственный объект, отмеченный оставленными гитлеровцами реперными точками, обошел эти места вдоль и поперек, начали планомерные поиски. Переезжали со склона на склон, не пропускали ни одной маломальски накатанной дороги, помня, что черные копатели не большие любители ходить пешком – им надо поближе и все сразу.

Накатали изрядное количество километров, расспросили всех встречавшихся по пути косарей, а результата не достигли. И только выстроив следующее логическое умозаключение: кладбище не может быть далеко от домов проживавших здесь тысячелетия назад людей, оно должно располагаться на сравнительно ровном участке, быть, с одной стороны, достаточно обозримым, а с другой – с него должен открываться вид на лежащие внизу земли, то есть, на Баксанское ущелье, мы приблизились к цели.

И даже не разрытая беспорядочно земля стала главным ориентиром, а само место – относительно ровная площадка на вершине одной из нависающих с левой стороны Заюково скал сразу привлекла внимание своей необычностью. Справа, слева и спереди, то есть с юга, востока и запада, скала уходила отвесно вниз, и место это было практически неприступно, а с севера, со стороны гор, обозримо на значительном пространстве.

Но самым важным было то, что в центре этого места располагался своего рода цирк – геологи так называют котловину в горах в виде амфитеатра, образованную ледником или являющуюся результатом оползней. Но ни ледники, ни оползни здесь были ни при чем – не природа создала этот цирк, а руки людей, использовавших естественный рельеф местности для каких-то им только ведомых целей. С одной стороны, нижней, амфитеатр ограждает искусственный, судя по всему, ров сразу за которым возвышается насыпной, достаточно крутой, земляной вал – длинный и ровный, с вершины которого обозревается все пространство цирка. Его площадка

не ровная, а несколько вогнутая – словно земля с середины выбрана и разнесена по бокам.

Сверху над цирком нависает кладбище: создается впечатление, что нашедшие в нем последний приют как бы являются – определение *зрители* видится не совсем уместным, поэтому употребим другое слово – *участниками* происходившего на арене амфитеатра. А о том, что здесь на самом деле что-то происходило, свидетельствуют огромные каменные... шары. Именно так: шары разной величины: одни с человеческий рост, другие чуть меньше. Создается впечатление, что их – огромные, внушительные, массивные – словно кто-то разбросал (раскатал?) по арене цирка: играл-играл, а потом отвлекся на минуту и бросил. Шары же так и остались лежать: одни рядышком, словно отскочив после удара друг от друга; другие, как бы запасные, совсем в стороне.

Каменные шары для Кабардино-Балкарии явление привычное. Туристы, избравшие своей целью Аушигерские теплые источники, а потом направляющиеся к Голубым озерам, обязательно обращают внимание на необычный экспонат – практически идеально круглый каменный шар, установленный на постаменте у обочины дороги. Останавливаются, обходят его вокруг, задаваясь вопросом, зачем его соорудили, а тем более установили. Шар этот, как и множество других, был найден при строительстве Черекского каскада ГЭС. Его собратья установлены у ряда учреждений и организаций Нальчика (у Хасаньинской больницы, на улице Щорса), на приусадебных участках частных лиц. Их можно увидеть по руслу реки

Каменный шар на плато

Нальчик – в Долинске, за пионерским лагерем, за селением Шалушка. Кстати говоря, члены Международного научно-исследовательского объединения «Космопоиск» (само название говорит о целях этой организации) в 2008 году искали в Кабардино-Балкарии древнюю легендарную пещеру с вертикальным входом (не ту ли, что найдена у селения Заюково?), но довольствовались другой находкой: идеально круглыми каменными шарами диаметром до 2 метров, которые, как они считают, изготовлены искусственно. Но это не так.

Путешественник В. Я. Тепцов, побывавший в наших краях в 1891 году и отразивший свои впечатления в работе «По истокам Кубани и Терека», обратил внимание на необычные камни, встречающие на перевале Актотрак, соединяющем Баксанское и Чегемское ущелья.

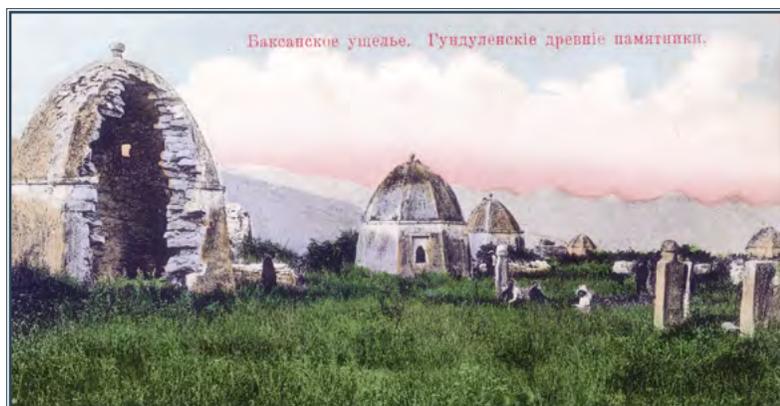
Вот какое предположение сделал он о способе их образования: «Камни эти суть оригинальные произведения воды, для которой скалы Лха когда-то служили берегами. У известковых берегов Лха вода осаждала в большом количестве глину, которая уплотнялась от собственной тяжести. Скалы Лха могли посылать многочисленные ключи в эту массу глины; струи известковой воды, пройдя массу, встречались с водой бывшего моря или, скорее, пресноводного озера: два противоположных течения воды, встречаясь друг с другом, производят воронкообразные коловороты.

Камни Актотрака не суть ли произведения нижней известковой воронки этих струйных коловоротов? Известковая вода, вертя глиняную массу наподобие того, как ком глины вертится на кружале гончара, цементировала, скрепляла ее частички и уплотняла вертящуюся массу в камень».

Кстати говоря, по возвращении из путешествия Тепцов показал актотрапские диковинки ученым, в частности, управляющему Горной частью Кавказского края, который высказал следующее предположение: «Образцы представляют собой мергельные (известково-глинистые) конкреции или стяжения... Образование этих конкреций среди глин обуславливается подземной углекислой водой, циркулирующей по капиллярным трещинам в самой породе (в данном случае глины более или менее известковистой); постоянно растворяя заключающиеся в последней известковые части, она отлагает их вновь, вместе с суспендированными в ней глинистыми частицами вокруг какого-нибудь встречающегося ей на пути твердого тела, например кварцевой песчинки или т. п., притом более или менее правильными концентрическими рядами и обыкновенно в несколько слоев».

Современные ученые также считают, что «шары правильной формы образуются в результате геологических процессов – конкреции, распростра-

Несохранившиеся склепы, располагавшиеся за селением Заюково, ниже комплекса разновременных памятников

ненные образования с радиально-лучистым строением: кристаллизация вещества идет от центра к периферии. Их можно встретить где угодно – и на дне моря, и высоко в горах. Наружная часть может напоминать узоры в виде иероглифов – это не письмена, а структура конкреции, фосфоритовой в частности. Есть шары, которые образовались в результате подводных извержений вулканов; у них скорлуповатая структура».

Кстати, самые известные в мире шары обнаружены в конце 40-х годов XX века в Пальмаре – сельской местности на юго-востоке Коста-Рики (Центральная Америка): большие из них достигают в диаметре трех метров и весят пять и более тонн, а маленькие не превышают размерами футбольный мяч.

Что касается описываемого нами места, то шары образуются рядышком: на отвесно уходящих вниз склонах виден сам процесс их (выразимся так) рождения и дальнейшего роста. Другой вопрос: как они оказались на скальной макушке? Особый интерес при этом вызывает и название расположенного на пригорке захоронения – «Кладбище нартов». Сразу на ум приходит богатырская забава героев эпоса: игра круглыми камнями. В кабардинском языке есть такое слово – «мнивэхъурей», означает оно именно камень круглой формы, то бишь шар. Понятно, что проводить параллели подобного рода весьма рискованное занятие, но кто его знает: а вдруг на самом деле нарты играли именно этими камнями?! Правда, встает вопрос: кем они были, эти самые богатыри? Людям, покоящимся в земляном некрополе над цирком, не по силам передвигать столь внушительные каменные махины даже в форме шаров...

КАВКАЗСКИЙ СТОУНХЕНДЖ

...Сегодня мы отчетливо понимаем, что могильник, найденный в окрестностях селения Заюково Баксанского района, не только некрополь.

Ощущение, что захоронения здесь отнюдь не самое главное, пришло с первых минут – могилы были лишь частью чего-то большего.

Возник вопрос: чего? Сакрального комплекса?

Понятие сакрального пространства основано на идее действия неких высших сил, некогда осветивших это пространство, а впоследствии преобразивших его, тем самым выделив из окружающей среды и придав ему особый смысл. Как возвращение к отчему дому, родным корням, малой родине подпитывает людей новыми жизненными силами, так и сакральные места дают столь же сильную энергетическую подпитку, позволяя одновременно сверить верность избранной дороги. Одним словом, сакральное место – это место приобщения к священному.

Как место религиозного поклонения наше плато действительно идеально с позиций окружающей местности: в хорошую погоду отсюда виден

Каменные шары

Каменная ограда

Эльбрус, солнце по ходу своего движения как бы пронзает открытую со всех сторон площадку, нависающую над ущельем. Причем в этом движении в той или иной мере задействованы практически все каменные объекты, расположенные на плато.

Более того, в нижнем углу амфитеатра вертикально установлены в ряд большие валуны. Выше их камень, в два-три раза больший, чем-то напоминающий визир, то есть видоискатель. Причем водружен он так, что между ним и самим основанием оставлено отверстие, позволяющее зреть перспективу.

Сама каменная ограда возведена только с одной стороны. Сразу за ней – небольшой ров непонятого предназначения (кстати, вырытый вручную), а следом – вал: почти отвесный и тоже, по всему видно, насыпной – образован из земли, частично откинутой из рва. Почему частично? Дело в том, что объем ее куда значительнее, чем мог дать сам ров. Получается, землю сюда принесли? Но зачем? Кстати, по консистенции это сплошной чернозем, такой же, как и на могильнике.

Непонятен смысл возведения каменной ограды – она функционально бессмысленна, если ее рассматривать именно как ограду: следом (через несколько метров) пологий ров и вслед за ним – отвесный (даже взобраться трудно, столь вертикально он уходит вверх) земляной вал, внешне больше напоминающий трибуну для наблюдений, чем оградительное сооружение. Его предназначение вообще неясно с практической точки зрения.

Основание амфитеатра скальное с небольшим слоем земли поверху; оно выпуклое, чем-то напоминает линзу.

В самом амфитеатре 7–8 камней круглой формы, разбросанных на первый взгляд произвольно, но, осматривая их с верхней точки плато, ловишь себя на мысли, что в расположении каменных шаров прослеживается определенное логическое построение, причем с участием рук человеческих. Ощущение, что камни отображают цельную картину, а именно – небесное созвездие.

Одним словом, функциональная принадлежность объекта несомненна. Другой причины перетаскивать с места на место весьма внушительные каменные глыбы, устанавливать их в ряд не видится. Нельзя сказать, что валуны неподъемны, но тем не менее достаточно велики и установить их на попа требовалось усилие множества человеческих рук и мышц. А уж камень-визир, как мы его назвали, требовал многократного умножения этих усилий.

Значит, астрономический комплекс? И словно в подтверждение сказанного, пришло электронное письмо от нальчанина Мурата Орквасова – потомственного архитектора, продолжившего дело своего отца Мухамеда Орквасова, исследовавшего поселенческие особенности и архитектуру народов, населявших регион Северного Кавказа. Мурат перевел эту тему в иную плоскость, больше связанную с археологией, ибо считает, чтобы понять архитектуру народа, сначала нужно понять идеологию, на которой, как на каркасе, держится вся его древняя культура. Свои предположения он изложил в книге «Материалы по архитектуре жилищ черкесов», главная мысль которой состоит в том, что адыги поклонялись Солнцу и строили городища кольцеобразной формы с храмом Солнца в центре.

Так вот М. Орквасов уверен, что найденный нами объект – «древняя пригоризонтная солнечная обсерватория, которая преследовала чисто практические цели: круглые камни – визиры, обозначающие текущее положение видимых невооруженным глазом планет Солнечной системы. Заюковская солнечная обсерватория – лишь малая неизученная часть огромной нетронутой культуры хеттской цивилизации, наследником которой являются сегодня народы, населяющие наш регион». Он же считает, что главное при изучении обсерватории, которую он называет *Кавказский Стоунхендж*, не допустить, чтобы визиры сдвигались или каким-либо образом перемещались, далее необходимо найти центр, где обычно устанавливался чашечный камень, и с помощью установленного туда теодолита замерить положение планет в определенные астрономические даты; размер же камней-визиров может подсказать, какую планету каждый из них символизирует.

Что такое пригоризонтная обсерватория? Ряд исследователей вообще не рассматривают подобное понятие. Другие считают таковой английский

Стоунхендж; в нашей стране – знаменитый Аркаим, что неподалеку от города Челябинска. Чтобы пригоризонтная обсерватория могла служить инструментом астрономических наблюдений, нужны три элемента: рабочее место наблюдателя, ближний визир и дальний визир. Последним может быть любая деталь ландшафта, фиксирующая точку события: вершину горы, скалу, крупный камень. Ближний визир устанавливается недалеко от наблюдателя. При этом важно, чтобы рабочий (верхний) край визира с точки зрения наблюдателя совмещался с линией горизонта, на которой находится дальний визир.

Что позволяла дневная обсерватория? Ежедневное наблюдение солнечных восходов и заходов давало возможность вычислить дни осеннего и весеннего равноденствия или дни зимнего и летнего солнцестояния; определять продолжительность года, фиксировать астрономически значимые события. Все три элемента, отмеченные выше, у объекта, найденного нами в верховьях Заюково, наличествуют.

Мы уверены и в большем: у него скорее всего было несколько предназначений: в верхней части этого своеобразного природного цирка располагался некрополь, в нижней – пригоризонтная обсерватория, в срединной, самом амфитеатре, совершались скорее всего какие-то религиозные (или зрелищные?) отправления.

Предположение о последних зиждется на ощущениях, выходящих за пределы объективной реальности. На плато, обдуваемом с трех сторон ветрами, тем не менее свой микроклимат: ветер затихает и как бы обходит пространство амфитеатра стороной, и то, что его дно ниже на полтора-два метра, чем края, вовсе не является причиной последнего. Кроме того, здесь чувствуется какое-то особое настроение: умиротворенности, покоя, несуетности; замедляешь шаги, начинаешь размышлять о чем-то необыденном, словно присутствуешь в намоленном месте. Храме?

...По обеим сторонам от площадки, расположенной на вершине каменного языка, пропасть в десятки метров: есть места столь отвесные, что к краю лучше не подходить. Тем не менее страх высоты не ощущается, словно его что-то нейтрализует. Нет и ощущения присутствия мертвых, хотя они закопаны буквально в нескольких шагах. Словно сквозь время, сквозь долгие-долгие века – уже сегодня нам известно, что речь идет как минимум о 25–27 столетиях* – струится с неба на посещающих эти места благословение.

* Версия о назначении описанных природных и рукотворных объектов, изложенная М. и В. Котляровыми, интересна, но нуждается во всесторонней проверке в ходе непосредственного исследования учеными, археологами и астрономами, новых памятников, открытых у селения Заюково. Предстоит выяснить и их связь с могильником, о котором речь пойдет в нижеследующей статье. – С. Л. Дударев,

Пригоризонтная обсерватория

P. S. Найденный над Заюково некрополь не вызвал интереса у местных ученых: никто из них не позвонил авторам. А вот каким посланием откликнулся доктор исторических наук профессор Сергей Леонидович Дударев (Армавир): «Кобанские могильники у Заюково известны со времен К. Э. Гриневича. Но сейчас настал их «звездный час», только, как видно, трагический.

На вашей страничке «В контакте» увидел потрясающий комплекс с бронзовым шлемом. О таких шлемах (ассирийского типа – подобные присутствуют на ассирийских дворцовых рельефах, хотя некоторые считают, что эти шлемы имеют кавказское происхождение) я написал статью, явившуюся итогом моей стажировки в Германии. Наконечники копий указывают на то, что это образцы эпохи раннежелезного века. Мы могли бы, при Вашем желании, опубликовать эти, несомненно, сенсационные находки. Дело в том, что в Махачкале состоятся очередные Крупновские чтения, это повод для выступления по животрепещущей теме, причем на самом авторитетном форуме кавказоведов. Ведь то, что сейчас происходит с Заюковским некрополем, несомненно, чудовищно».

профессор.

БЛЕСК И ГОРЕЧЬ ДРЕВНЕЙ БРОНЗЫ (о новых находках у селения Заюково)

В 2011 году у селения Заюково (Кабардино-Балкария) так называемыми черными копателями был обнаружен и разграблен могильник с погребениями кобанской эпохи. Первые сведения о памятнике были получены нами в начале октября 2011 года от кандидата биологических наук К. Ю. Лотиева, побывавшего в городе Нальчике по служебным делам и узнавшего об открытии от нальчикского книгоиздателя и краеведа В. Н. Котлярова. Как сообщил нам впоследствии В. Н. Котляров, с которым мы связались по электронной почте, ему удалось собрать часть археологического материала (среди которого как будто были и находки сармато-аланского периода), брошенного грабителями прямо на месте их «раскопок», расположенном у федеральной трассы, ведущей в Приэльбрусье, напротив пионерского лагеря и пруда.

«Место, где находится могильник, – пишет в электронном письме от 05.11.11 В. Н. Котляров, – располагается сразу за селением Заюково – с правой стороны, если едем вверх по ущелью, его координаты 43–36 / 43–13, высота 971». К началу ноября 2011 года, по оценкам В. Н. Котлярова, на могильнике разграблено не менее 120 могил. Разнообразные виды местности, где расположен могильник и сделанные здесь по следам «копателей» находки В. Н. Котляров разместил на своей странице в российском секторе Интернет <http://vkontakte.ru/id148492568>, где мы и ознакомились с ними.

Для того чтобы отразить драматический колорит ситуации, хорошо схваченной В. Н. Котляровым, приводим полностью цитату из более раннего его письма, от 19.10.11: «Как мне представляется, земля для могильников доставлена из другого места: сплошной чернозем без камней. С помощью металлодетектора черные копатели определяют место, где находится погребальный инвентарь, копают узкую горизонтальную шахту рядом, обходя тонкий слой каменного ящика, потом подкапываются под захоронение и забирают все ценное. Керамика – тертая глина (заметим, что это типичные образцы кобанской керамики эпохи раннего железа: корчаги, кувшины, горшки, фрагменты миски) *, наконечники копий были выброшены за ненадобностью – высылаем фото тех, что мы подобрали **. Из каждой могилы до-

* См. рис. на с. 193 настоящего издания. – *Изд.*

** См. рис. на с. 188. – *Изд.*

ставали до полуведер (в некоторых куда больше) бронзовых артефактов, мелочь и попорченные не брали. Тот копатель, кого мы заставили показать найденное, вез сразу 3 шлема с разной степенью сохранности, еще один, как он говорил, который он выкопал перед этим, был практически в идеальной форме: полностью цел, сохранились даже наушники, которые почему-то сгнивают в первую очередь. Только «наш» копатель раскопал около 10 шлемов, продав их на рынке Пятигорска по цене от 10 до 20 тысяч рублей. Будто бы их кто-то там реставрирует и реализует значительно дороже. Так как грунт до удивительного мягок, могилу раскапывают за полтора-два часа, забирают все нужное и исчезают до следующего раннего утра. Хоть мы и трубим тревогу, охраны у памятника до сих пор нет никакой. А рядом, как сказал все тот же копатель, еще один огромный могильник, пока нетронутый».

В настоящее время ряд предметов, наиболее хорошо сохранившихся, как сообщил В. Н. Котляров, передан местным археологам. Могильники эпохи поздней бронзы – раннего железа, равно как и другие памятники археологии, впервые археологически зафиксированы возле селения Заюково еще с 1880-х годов (В. И. Долбежев). В 1920–1940-х годах их полевые исследования вели многие специалисты (М. И. Ермоленко, Б. Е. Деген-Ковалевский, А. А. Иессен, О. В. Милорадович, К. Э. Гриневич). Материалы данных раскопок получили освещение в трудах А. А. Иессена, К. И. Гриневича, Е. И. Крупнова, И. М. Чеченова, В. И. Козенковой и других ученых [1]. «Открытый» грабителями новый могильник у селения Заюково, судя по всему, является 3-м по счету, имея в виду открытые прежде погребальные памятники. По найденному здесь раннему материалу он тяготеет к могильнику 2, по поводу которого В. И. Козенкова отмечает, что «весь вещевой комплекс свидетельствует о непрерывном использовании могильника с конца II тысячелетия до н. э. и до V–IV веков до н. э. Подавляющее большинство предметов относится к XII–VIII векам до н. э.» [2]. Наибольший интерес из материалов, представленных на странице В. Н. Котлярова, бесспорно, представляет комплекс (говорим так со ссылкой на публикатора находок во Всемирной сети, обнаружившего их компактно) археологических предметов, включавших целый ряд ярких бронзовых артефактов, в подавляющем своем большинстве раннекобанских, жемчужиной среди которых является бронзовый шлем ассирийского типа *. Он, бесспорно, стоит в одном ряду со шлемами из погр. 186, разрушенного погребения воина 1987 г. на могильнике Клинь-яр III, а также могильнике Нарзанный-2, погр. 1 (раскопки Я. Б. Березина; артефакт находится на реставрации в ГУП «Наследие» Ставропольского края) [3], на что указывает характер тульи, конфигурация нащечников, способ крепления бронзового листа, расположения отверстий для крепления подшлемника. Оставляя пока в стороне вопрос о датировке предмета, по поводу которой в научной литературе идет дискуссия (В. И. Козенкова, С. В. Полин, С. Л. Дударев, С. В. Махортых, В. Р. Эрлих, А. И. Иванчик) [4], обратимся к другим бронзовым предметам из комплекса *.

К ним относятся шейная гривна из довольно толстого дрота, с закрученными в петельку концами, фибула с расширенным книзу приемником, пластинчатый

* См. рис. на с. 188. – *Изд.*

браслет с рифленой внешней плоскостью, две зооморфные привески в виде головок животных (медведей?), привеска в виде птички, привеска, внешне напоминающая антропоморфную статуэтку, привеска с округло-крестовидными концами, полуовальная пряжка с головой барана, дважды изогнутый великолепный кобанский топор с овальным проухом и орнаментированной продольными каннелюрами обушной частью, 7 крупных кинжаловидных привесок с рельефным продольным или поперечным сетчатым орнаментом (их, по-видимому, было больше). В набор вещей входили и железные наконечники копий, подобные тем, что изображены на рисунке. Перечисленные выше типы предметов находят четкие параллели в древностях так называемого западного (пятигорского) варианта кобанской культуры (культурно-исторической общности) и не носят как будто никакого влияния раннескифской культуры. Поскольку полная публикация этих находок еще предстоит, ограничимся лишь некоторыми замечаниями, касающимися, прежде всего, их хронологии, реже – функционального назначения. Шейные гривны, подобные описанной выше заюковской, датируются В. И. Козенковой в основном IX–VIII веками до н. э. [5]. Однако на могильнике «Индустрия»-1 под Кисловодском такой экземпляр был обнаружен Г. Е. Афанасьевым в 1971 году в погр. 7/14 [6] в комплексе с бронзовой литой имитацией когтя – образца раннего звериного стиля. Позднее комплекс был отнесен нами с В. Б. Виноградовым ко второй половине VII века до н. э. [7]. Кинжаловидные привески, аналогичные найденным в Заюково *, относятся В. И. Козенковой ко 2-му варианту XX типа привесок западного варианта и датируются ею не позднее VIII века до н. э. [8]. Однако Бедыкские клад и могильник в Кабардино-Балкарии, где встречены подобные предметы, датируются В. М. Батчаевым VI–V веками до н. э. [9]. Исследователь, по аналогии с Сержень-Юртовским могильником, предположил, что эти привески могли использоваться как украшения пояса. И вновь приходится констатировать, что В. И. Козенкова не учла тот факт, что В. М. Батчаев еще в 1980 году предположил бифункциональную принадлежность таких подвесок, трактованных им в качестве «первобытных денег», что одновременно не исключало их назначение как талисманов, вотивов и т. п. [10].

Привеска, подобная антропоморфной фигурке из Заюково – не единственная в Западной Кобани. Подобная ей найдена во все том же индустриальном погребении 7/14 раскопок Г. Е. Афанасьева [11]. С последней В. И. Козенкова сближает предмет из окрестностей города Черкесска и называет оба изделия фигурками «идолов» [12]. По ее мнению, они характерны для древностей VIII–VII веков до н. э. Если артефакт из Черкесска действительно имеет антропоморфные черты, то сходство с человеческой фигурой для находок из Заюково и «Индустрии» менее очевидно. Если посмотреть на эти предметы сбоку, то обнаруживается сходство их с головой некоего зверя с широко открытой пастью. К тому же, отверстия для подвешивания сделаны в них прямо в «голове» фигурки (если считать, что это изображения людей), что нехарактерно для антропоморфной кобанской пластики [13]. В связи со сказанным выше, дата фигурок, подобных заюковской и индустриальной, распространяется нами на VII век до н. э. С этой датой приходится связывать и представленную * находку

* См. рис. на с. 188. – *Изд.*

фигурки птички из Заюково. В. И. Козенкова указывает, что большинство подобных привесок (XVII тип ее классификации) найдено с материалами X–VIII веков до н. э., и приводит аналогии из Кобана, Тли, В. Рутхи. Но данные привески доживают и до VII века, на что указывает уже приводившийся комплекс из погр. 7/14 «Индустрии», а также материалы погр. 394 Тлийского могильника, датируемые Б. В. Теховым VII веком до н. э. [14]. Пластинчатые браслеты с рифлением на лицевой стороне (III тип, по В. И. Козенковой) [15] в кобанском ареале бытуют в X–VIII веках до н. э., появляясь в редких случаях еще раньше (Майртупский могильник № 2, 1-я хронологическая группа погребений конца II – рубежа II–I тыс. до н. э.) [16]. Показательно, что в могилах Сержень-Юрта, четко датируемых VII веком до н. э., они, ранее столь популярные в более ранних захоронениях этого незаурядного памятника, уже отсутствуют [17]. Крестовидная привеска из Заюково имеет хорошие аналогии в могильнике Терезе (гробницы 1–2) [18]. По мнению его исследователя, гробница 2 содержит захоронения конца XII – рубежа X–IX веков до н. э. В гробнице 1 совершены захоронения конца XI – первой половины VIII века до н. э. [19].

Тем не менее В. Э. Эрлих и Н. Н. Терехова, также допуская долговременный характер 1-й и 2-й гробниц могильника Терезе, указали: «На наш взгляд, корректной датой этого комплекса является IX (возможно, X век до н. э.) – первая половина VIII века до н. э.» [20]. В другой работе В. И. Козенкова полагает, что крестовидные привески из древностей «западного варианта» не встречаются позднее конца VIII века до н. э. [21]. Отметим, что весьма близкие привески бытуют в Тли в конце IX века до н. э. (погр. 334) [22].

Теперь остановимся на характеристике одного из наиболее репрезентативных изделий из рассматриваемого Заюковского комплекса со шлемом – бронзового дважды изогнутого топора. Судя по фотографии, он не имеет орнамента. Обширная и блестящая коллекция Тлийского могильника, по мнению Б. В. Техова, указывает на то, что эти топоры (I тип, по Техову) «появляются в материальной культуре Центрального Кавказа в XI веке до н. э. и продолжают встречаться до конца VIII века до н. э.» [23]. Впрочем, у этого автора мы можем встретить и более позднюю дату данных топоров, а именно VII век до н. э., в чем мы с ним совершенно согласны, особенно если иметь в виду комплекс погр. 347/2, где такой топор встречен вместе с вещами, являющимися хорошими маркерами VII – начала VI века до н. э., особенно бронзовым граненым поясом [24]. Но нам могут возразить, что Тлийский могильник – это горы, и подобные изделия могли здесь бытовать позже, чем на плоскости. И это верно. Если мы обратимся к материалам могильника Клинь-яр III, то в погр. 362 имеется такой же, но орнаментированный бронзовый топор, который датирован по комплексу в печати первой половиной VIII века до н. э. [25], а в неопубликованной рукописи кандидатской диссертации А. Б. Белинского концом IX – началом VIII века до н. э. [26]. На востоке кобанского ареала топоры с дважды изогнутым корпусом встречены в захоронениях могильника Сержень-Юрт этапов СЮ-I и СЮ-II (погр. 6, 37). Самым поздним из них является погр. 37 начала VIII века до н. э. [27].

Одним из наиболее архаичных предметов в рассматриваемом наборе является полуовальная рамчатая пряжка с головкой барана, которая не имеет точных

аналогий. Она, будучи сходной по отдельным деталям с некоторыми кобанскими пряжками I и X типов [28], может быть ориентировочно отнесена к первым векам I тыс. до н. э., что не противоречит заключению о том, что отдельные модификации полуовальных кобанских пряжек бытовали до IX–VIII веков до н. э. [29]. Наконец, обратим внимание на то, что в погребении со шлемом и в других могилах были найдены железные наконечники копий или их фрагменты. Морфология таких наконечников (перо удлинено-листовидной и лавролистной формы указывает на достаточно широкую дату в пределах VIII–IV веков до н. э. [30]. Фибуле из рассмотренного набора вещей нам пока не удалось найти точных аналогий. Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что некоторая часть вещевого инвентаря, сопровождающего бронзовый шлем ассирийского типа, имеет «плавающий» характер, доживая до VII века до н. э. (шейная гривна, привеска в виде птички, привеска «антропоморф») и даже VI–V веков до н. э. (кинжаловидные привески, головки животных). В то же время ряд рассмотренных выше предметов в основном тяготеет к VIII веку до н. э., и даже несколько более раннему времени. Что же касается самого шлема, то предпринятый нами ранее специальный анализ позволил прийти к выводу, что дата таких деталей древней паноплии на Северном Кавказе может быть установлена в пределах середины VIII – начала VII века до н. э. [31]. Разумеется, только новые раскопки в Заюково могут подтвердить полную достоверность сочетания предметов, описанных выше, в одном комплексе. Но на сегодняшний день, с известной долей условности, можно считать рассмотренный набор вещей со шлемом ассирийского типа, наиболее ранним из всех ныне известных комплексов с такими шлемами в предскифское время на Северном Кавказе. Добавим, что вместе с описанными выше вещами был найден сосуд (форма его нам неизвестна), на дне которого была нанесена свастика, а также челюсть особи крупного рогатого скота возрастом 3,5–4 года (определение кандидатом биологических наук А. К. Швыревой) [32]. Свастический орнамент присутствует, например, на кобанской бронзе и керамике. Он проник сюда, как полагают специалисты, из восточных стран [33]. Весьма примечательно, что, по В. Б. Виноградову, «на Северном Кавказе утверждение свастики в качестве одного из важнейших культовых знаков падает именно на скифское время». Ученый замечает: «Сопоставив этот факт с тем, что ни один из комплексов Пятигорья, дающих нам использование мотива свастики в орнаментации исконных мисок, не уходит древнее второй половины VIII – первой половины VII века до н. э. и что именно с этими памятниками связаны редчайшие, но зато выразительные предметы, свидетельствующие о наиболее ранних контактах со степняками – **возможными участниками азиатских походов киммерийцев и скифов** (выделено нами. – *Авт.*), станет допустимым связывать широкое внедрение «свастиковых» сюжетов в культуру аборигенов с южной модой, близкое (хотя, вероятно, и не непосредственное) знакомство с которой произошло в канун и на заре скифского времени» [34]. Разведение крупного рогатого скота (наряду со свиноводством) составляло основу скотоводства у ряда групп древних «кобанцев» в предгорной зоне. Близкая картина наблюдается в памятниках ранней и развитой бронзы как Северо-Восточного, так и Северо-Западного Кавказа [35]. Таким обра-

зом, комплекс со шлемом, по нашему убеждению, скорее всего, относится именно к эпохе походов ранних кочевников в страны Передней Азии. Вкупе с тем фактом, что на новом могильнике у селения Заюково было, возможно, найдено около десятка подобных шлемов, а также с учетом ранее сделанных находок более 30 «киммерийских» стел в гробнице у Нижнего Куркужина (Б. Х. Атабиев), послуживших строительным материалом в сарматское время, можно говорить о том, что на территории Кабардино-Балкарии в VIII–VII веках до н. э. (вплоть до второй половины VII века до н. э. включительно) находилась крупная группировка степняков, участвовавших в походах на юг через Главный Кавказский хребет и имевших весьма тесные контакты с автохтонами – «кобанцами» [36].

...И вот здесь, по законам археологического жанра, следовало бы поставить точку. Но мы не вправе это сделать. Потому что блестящий памятник, с помощью материалов которого археологи могли бы вписать новые и яркие страницы в историю Центрального Предкавказья и всего Северного Кавказа, а возможно, и всей Юго-Восточной Европы, в значительной степени безжалостно и беспощадно уничтожен. Причина этому – неумная, разнузданная человеческая жадность. Но было бы пустым занятием абстрактно бичевать этот один из вечных пороков человечества. Ведь какие-нибудь 20–30 лет назад такое еще трудно, да и невозможно было себе представить. Археологи советского времени, занимавшиеся кобанской культурой, знали, разумеется, о том, что знаменитый Кобанский могильник в Северной Осетии, ставший эпонимным (то есть давший имя) для всей этой уникальной культуры, был в последней трети XIX века разграблен хищным дельцом алдаром Х. Кануковым, «раскопавшим» более 500 погребений (по другим данным, до 600) [37] и выручившим от продажи вещей более 20 тыс. рублей (большие деньги по тем временам; содержание дома в Калуге, где жил в ссылке бывший имам Шамиль со своей семьей, обходилось казне в год именно в такую сумму) [38]. Не «отставали» от Канукова и другой алдар Бегизар Дзелихов, а также феодал Измаил Урузбиев и др. Но то было при «проклятом царизме», как говорили в советскую эпоху. Так какое же проклятье тяготеет сейчас над древностями Кабардино-Балкарии? А то же самое, что и в эпоху кануковских грабежей. Имя ему – «дикий капитализм». Тогда, в пореформенный период, в России также утверждались новые, рыночные отношения, которые втягивали в себя горцев, которые, тянувшись к новой для себя русской культуре, соблазнам, шедшим из российской цивилизационной сферы, стремились удовлетворять стремительно возникавшие новые потребности, в том числе и путем расхищения памятников своей истории. Но они в своем подавляющем большинстве не владели научными представлениями о ней! Такие знания были в лучшем случае уделом просветителей, одиночек-интеллектуалов. Но сейчас – другое дело. За годы советской власти не только выросли кадры национальной интеллигенции. Образование, просвещение, интерес к истории широко шагнули в массы. Были написаны «Истории» тех или иных национальных республик. Но формирование представлений о своем прошлом у народов региона – вещь непростая, диалектическая. Историю, написанную в советское время, сочли политически ангажированной, недобросовестной. Среди народов Северного Кавказа в

конце XX – начале XXI века в связи с процессами национального возрождения распространились альтернативные версии происхождения автохтонного населения. Местами активно расцвело и мифотворчество [39], которое муссирует престижные версии генезиса тех или иных групп кавказцев [40]. Параллельно с подобными устремлениями познать свое прошлое, которые сами национальные специалисты считают неконструктивными [41], народилось и «движение» грабителей, которые уже многие годы «лопают» землю Центрального Предкавказья, камня на камне не оставляя от памятников предков. Конечно, банды черных копателей не состоят из одних только потомков тех древних и средневековых культур. Они, как и прочая преступность, интернациональны. Но ведь и горцы среди них есть! А иначе как бы грабители-чужаки могли бы быстро и ловко уходить от ответственности в незнакомом краю! К тому же расхитителей прошлого «крышуют» и представители местных силовых структур. «Подвиги» грабителей рекламируются на сотнях сайтов в Интернете. Обо всем этом говорилось еще 10 лет назад на XXII Крупновских чтениях в 2002 году [42]. Но с тех пор практически ничего не изменилось. Более того, ситуация еще более усложнилась, ибо на «деятельность» преступников, торгующих историей, накладывается терроризм, который на территории Кабардино-Балкарии, Чечни и Дагестана еще далеко не сдал своих позиций. Напротив, имеет место рост оппозиционных настроений, связанных с громадной безработицей, социальной несправедливостью, произволом коррумпированных чиновников и засильем этноклановых структур. Разумеется, то, что творится на Северном Кавказе с памятниками истории (и в социально-политической сфере вообще), не есть нечто исключительное. Это только кусочек той картины, той сегодняшней России, которую автор этих строк с глубоким сожалением называет «страной на вынос». Мораль в обществе, как сказал патриарх российских писателей знаменитый Даниил Гранин, зависит от политики власти. Сейчас она ориентирована на барыш. Куда ни ткнишь, говорит Гранин, всюду царит рубль. При таком режиме невозможно оставаться честным человеком: его выталкивают из жизни, особенно наверху. Совесть нынче невыгодна человеку. Она не приносит доходов [43]. И идут люди с помутненной деньгами совестью на разбой против памяти предков.

Вот почему радующие глаз специалиста великолепные находки из Заюково одновременно вдохновляют... и вызывают чувство горечи. Как спасти древности кавказской земли от разорения? Как и все остальное. Нужны, наконец, действия по-настоящему ответственных властных структур, которые должны положить всему этому конец, а мы всемерно помочь им – кто словом, кто делом, а кто и тем и другим вместе. «На Кавказе всегда понимали и понимают, когда Власть употребляет власть, в том числе по отношению к своим бесчинствующим уполномоченным» (В. В. Дегоев) [44].

Примечания

1. *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. М.; Л., 1941. № 3. С. 19; *Гриневиц К. Э.* Новые данные по археологии Кабарды // МИА. 1951. № 23. С. 135; *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 183; *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Западный вариант // САИ. М.: Наука, 1989. Вып. 2–5. С. 22–23.
2. *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Западный вариант // САИ М.: Наука, 1989. Вып. 2–5. С. 23.
3. *Белинский А. Б.* К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Северном Кавказе // СА. 1990. № 4. С. 190–195; *Дударев С. Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: ЧИГУ, 1991; *Он же.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999; Сборник научных трудов С. Л. Дударева. М.: Илекса, 2011. С. 134–145.
4. Сборник научных трудов С. Л. Дударева. М.: Илекса, 2011. С. 134–145.
5. *Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племен: Западный вариант // САИ. М., 1998. Вып. 2–5. С. 50.
6. *Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И.* О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // СА. 1981. № 2. С. 166. Рис. 5, 9.
7. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л.* К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н. э. из Предкавказья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1983. С. 50. Рис. 1, 35, 37; С. 52.
8. *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Западный вариант. С. 46.
9. *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985. Т. 2. Гл. I: Новые материалы к археологической карте Кабардино-Балкарии. С. 11–12. Там же, в Бедьском могильнике, были найдены и 14 бронзовых подвесок в виде головок животных, весьма напоминающих новые звериные головки из Заюково (см. ту же работу В. М. Батчаева, табл. 3,1).
10. *Батчаев В. М.* Кобанские кинжаловидные подвески // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: (Тезисы докладов). М., 1980. С. 16–17.
11. *Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И.* О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска. С. 166. Рис. 5, 8.
12. *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Западный вариант. С. 44, 168; табл. XII, 30–31.
13. Сборник научных трудов С. Л. Дударева. М.: Илекса, 2011. С. 260, примеч. 79.
14. *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Западный вариант. С. 43; *Техов Б. В.* Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-пресс, 2002. С. 36, 349; табл. 68, 3.
15. *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Западный вариант. С. 46–47.
16. Сборник научных трудов С. Л. Дударева. М.: Илекса, 2011. С. 40. Рис. 5, 1.
17. *Козенкова В. И.* У истоков горского менталитета: могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению

историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2002. Вып. 3. С. 226–230; табл. 71–75.

18. *Козенкова В. И.* Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев»: Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н. э. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 191; табл. 22, 2.

19. *Козенкова В. И.* Биритуализм в погребальном обряде... С. 147.

20. *Терехова Н. Н., Эрлих В. Р.* К проблеме перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе: Две культурно-исторические традиции // Материальная культура Востока. М., 2002. Вып. 3. С. 138, 17.

21. *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Западный вариант. С. 47.

22. *Техов Б. В.* Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-пресс, 2002. С. 9, 274; табл. 1, 21.

23. *Техов Б. В.* Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси, 1988. С. 6.

24. *Техов Б. В.* Бронзовые топоры Тлийского могильника. С. 14; *Он же.* Тайны древних погребений. С. 185–187, 288–289. Рис. 15–15а; *Дударев С. Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 85–91.

25. *Белинский А. Б., Дударев С. Л.* О некоторых редких предметах вооружения «предскифского» времени из могильника Клин-яр III (г. Кисловодск) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки: Материалы и исследования по археологии России. М., 2001. Вып. 3. С. 42, 43; рис. 5.

26. Благодарны А. Б. Белинскому за возможность сослаться на неопубликованные данные.

27. *Козенкова В. И.* У истоков горского менталитета: могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт. С. 130, 178–179; табл. 24, 7.

28. *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Западный вариант. С. 59–60, 175; табл. XIX, 7–8.

29. Там же. С. 59.

30. *Дударев С. Л.* Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терек (IX–VII вв. до н. э.): Дис. ... канд. ист. наук. Грозный, 1983 // Научный архив ИА НАН Украины. Ф. 12, № 612, с. 119–121.

31. Сборник научных трудов С. Л. Дударева. М.: Илекса, 2011. С. 140–142.

32. *Техов Б. В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 203; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 199.

33. Благодарны за определение костного материала канд. биол. наук. А. К. Швыревой и за содействие в этом канд. биол. наук. К. Ю. Лотиеву.

34. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. С. 199.

35. *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Восточный вариант // САИ. М., 1977. Вып. 2–5. С. 15.

36. *Дударев С. Л.* К вопросу о датировке второй нижнекуркужинской стелы // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по архе-

логии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 12–15 апреля 2001 г.). Ставрополь, 2001. С. 27–29.

37. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 31; *Доманский Я. В.* Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984. С. 9.

38. *Доманский Я. В.* Указ. соч.; *Дегоев В. В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. С. 284.

39. *Тхагапсоев Х. Г.* Мифогенез в новейшей истории российских этносов // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе: Южнороссийское обозрение. 2004. № 24.

40. *Чеченов И. М.* Обращение участников XIX межрегиональной научной конференции по археологии Северного Кавказа (Крупновские чтения) к историкам-кавказоведам, ко всем представителям науки и образования // Российская археология. 1997. № 2. С. 285–287.

41. *Багаев М. Х., Гапаев А. С.* Об ингушах, шумерах и других сновидениях (о кн.: *Абадиев И. У.* Эздел: Формула земной и вечной жизни. Назрань, 2002. – 96 с.) // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа: Сб. ст. М., 2004. С. 171–192.

42. *Козенкова В. И., Савенко С. Н.* XXII Крупновские чтения (Ессентуки-Кисловодск, 2002). Хроника: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа // Крупновские чтения 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 724.

43. Совесть не приносит дохода: Писатель Даниил Гранин – о власти и пустых пьедесталах // АИФ. 2011. № 42. С. 3.

44. <http://bs-kavkaz.org/2011/11/kavkazskij-vopros-i-budushee-rossii>.

С. Л. Дударев,

доктор исторических наук, профессор

Археология Средней Кубани. Армавир: Графа, 2011. С. 9–20.

КОМПЛЕКС РАЗНОВРЕМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

Летом прошлого года авторы этих строк узнали, что на пятигорский археологический рынок стал поступать в невиданном количестве погребальный инвентарь, определяемый черными археологами как киммерийский. Практически ежесубботно (рынок работает раз в неделю) на продажу предлагалось огромное количество бронзовых артефактов, в том числе шейные гривны, фибулы, браслеты, кинжаловидные привески, пряжки, орнаментированные топоры, шлемы ассирийского типа и многое другое.

Когда выяснилось, что поставляются все эти археологические древности из Кабардино-Балкарии, мы задались целью остановить варварство. Но для этого надо было, прежде всего, найти сам могильник. Волею providения это удалось. Так на интернет-сайтах и в ряде центральных газет появилась информация о том, что в КБР идет разграбление киммерийского некрополя.

Мы ожидали, что после этого незамедлительно будет сделано все возможное для охраны уникального могильника, но последовало обвинение авторов в научном непрофессионализме: захоронение, мол, не киммерийское, а кобанское (так называемая кобанская культура охватывает периоды бронзового (XIII/XII – IV века до н. э.) и железного веков (VII–III века до н. э.).

Видя, что несанкционированные раскопки продолжаются, мы обратились с письмом к министру МЧС по КБР С. И. Шагину, тот в свою очередь – непосредственно к главе республики А. Б. Канокову. Но прошло еще три месяца, было опубликовано множество материалов (только «Кавказский узел» пять раз обращался к теме), пока наконец в конце декабря на правительственном сайте не появилось сообщение о том, что «власти Кабардино-Балкарии обеспечат охрану курганного могильника в окрестностях сельского поселения Заюково Баксанского муниципального района республики», создав для этого рабочую группу в составе представителей Министерств культуры России и КБР, республиканских УФСБ и МВД, администрации района.

Это не может не радовать. Но сегодня надо вести речь уже не только о некрополе. Он действительно, как пишет известный ученый, доктор исторических наук С. Л. Дударев в статье «Блеск и горечь древней бронзы (о новых находках у селения Заюково)», напечатанной в вышедшем в декабре 2011 года научном сборнике «Археология Средней Кубани» (см. предыдущий очерк – приложение), «блестящий памятник, с помощью материалов которого археологи могут вписать новые и яркие страницы в историю Центрального Предкавказья и всего Северного Кавказа, а возможно, и всей Юго-Восточной Европы». Но существует не сам по себе, а является частью уникального многоцелевого ритуального комплекса.

Проведенные нами исследования (естественно, весьма поверхностные), опросы старожилов селений Заюково и Кенделен (именно они сообщили, что могильник в народе называют «Кладбищем нартов») сегодня позволяют уверенно утверждать, что в означенном месте находилось, во-первых, место религиозных отправлений, во-вторых, пригоризонтная обсерватория (мы об этом подробно писали в № 12 за 2011 год приложения к газете «Совершенно секретно»), а в-третьих, ...мужской монастырь, действовавший с начала второго тысячелетия нашей эры вплоть до нашествия Тимура (конец XIV века).

И об этом говорят не только передаваемые из поколения в поколение предания, которые не рождаются на пустом месте, но и многочисленные кельи, вырытые под скальным выступом с правой стороны. Их, доступных для осмотра, несколько; полузасыпанных (в ямы, заканчивающиеся узкими щелями-проходами, мы спускали кинокамеру, зафиксировав помещение площадью шесть и более квадратных метров) значительно больше. Кенделеновец Назир Хапаев, будучи в шестидесяти годах мальчишкой, по-

Кельи средневекового монастыря

бывал во многих из этих келей, более того, он помнит, что внутри некоторых из них имелись вертикальные узкие шахты, в которые дети побоялись спускаться. Вероятнее всего, эти колодцы вели к воде.

Действительно, песчаник, из которого сложена высота 971 – так она обозначена на карте, – очень легок для обработки, позволяет проделывать весьма продолжительные штольни-шахты. О том, что внутри скального выступа имеются многочисленные пустоты, свидетельствуют и показания георадара. Ощущение, что там находится множество подземных помещений (только ли келей?), в том числе и резервуар для хранения воды. Но их характер и объем можно выяснить с помощью мощной современной сканирующей техники. Хотя и старинные методы (имеем в виду лозоискание) здесь срабатывают по полной: металлические рамки не знают удержу.

В народе живет память, что монахи, узнав о приближении Тимура, покинули монастырь, но перед этим снесли в одно из помещений святые книги (вероятнее всего, греческие Евангелия) и надежно замуровали в него вход. После сражения с воинами безжалостного Хромца (молва утверждает, что битва проходила внизу – на том месте, где сейчас лежит трасса, ведущая в Приэльбрусье), в которой местные племена, поддерживающие Тохтамыш, были разбиты, несмотря на их отчаянное сопротивление, монахи уже не вернулись в свою обитель. Да и кому было возвращаться? Воины Тимура в плен не брали, оставляя после себя выжженную и обезлюдившую землю.

Итак, суммируя сказанное о «комплексе разновременных памятников» (словами С. Л. Дударева), что расположен между селениями Заюково и Кенделен, можно сделать следующий вывод. Люди пользовались данным комплексом на протяжении нескольких тысячелетий. Раскопанные ранее Заюковские могильники (первый и второй) и новый свидетельствуют, по заключению археолога В. И. Козенкова, о непрерывном использовании некрополя начиная с конца II тысячелетия до н. э. и до V–IV веков до н. э.

В это же время и позднее здесь осуществлялись действия ритуального характера. Свидетельствует об этом насыпной вал, представляющий из себя трибуну для наблюдений.

Также каменные шары, разбросанные по арене амфитеатра (сегодня их осталось восемь, но по выемкам на арене цирка можно говорить о двенадцати, так как в семидесяти годах прошлого века к этому приложили руку местные трактористы, сбросившие камни с обрыва).

Какую-то роль играла и каменная ограда, идущая параллельно валу. Ее камни можно рассматривать как предназначенные для пригоризонтной обсерватории, но, вероятно, они служили не только для астрономических наблюдений.

Далее, уже в первом тысячелетии нашей эры, здесь нашли обитель византийские монахи. Начиная с пятнадцатого века, ритуальный комплекс как таковой прекратил свое существование.

Плато над селением Заюково

И если с последней датой как будто ясно, то относительно того, когда здесь появились первые люди, вопросы остаются. Дело в том, что стены естественных пещер и нависающие с правой стороны скального выступа стены буквально исписаны рисунками – человечками на конях с копьями в руках, животными, солярными знаками, многочисленными свастиками. Трагедия в том, что поверх них и рядом оставили следы своего пребывания наши современники, ничтоже сумняшеся запечатлевшие свои имена и время посещения. Большинство рисунков безвозвратно потеряно, но сохранившиеся убеждают: надо вести речь уже о неолите. Тем более что похожие писаницы древних художников зафиксированы археологами в располагающемся поблизости Тызыльском ущелье, и никто не подвергает сомнению их датировку (напомним, новокаменный век – неолит – начался около 9500 лет до н. э.).

Следовательно, наш памятник действительно не имеет аналогов, нуждается не просто в защите, а в глубоком, целенаправленном изучении. Нет сомнений, Заюковский ритуальный комплекс еще скажет свое слово в мировой истории.

Будет нелишне напомнить, что некрополь расположен в непосредственной близости от шахты-пещеры, которой во время войны интересовались гитлеровские офицеры из мистического общества «Аненербе». Более того, изображения свастик здесь встречается повсюду: как на земле, так и на погребальном инвентаре. Выводы отсюда предоставляем делать ученым.

«ЗАЮКОВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ НЕ ИМЕЕТ ОТНОШЕНИЯ К КИММЕРИЙЦАМ», – убежден историк Юрий Сергеев

Редакция KBR-TIME получила отклик – комментарий историка, писателя, автора эксклюзивного материала «Тайны седого Эльбруса» Юрия Сергеева, который посвящен открытию археологического комплекса в районе селения Заюково КБР. Он утверждает, что исторические находки не имеют отношения к киммерийцам.

Хочу высказать несколько критических замечаний по поводу последних заюковских находок и искусственно разжигаемого вокруг них ажиотажа. Извините, если что, видит Бог, никого не хотел обидеть, но, как говаривал старина Аристотель: «Платон мне друг, но истина дороже». Я имею в виду «киммерийский некрополь», «пригоризонтную обсерваторию» и «катакомбный монастырь».

Начнем с некрополя. Глубоко убежден, что это захоронение нартов никакого отношения к киммерийцам не имеет. В первую очередь, историческая наука утверждает, что они обитали на Кубани и в Крыму. Если даже принять весьма спорную версию, что они сначала пришли на Северный Кавказ, а потом только были оттеснены скифами на Кубань, то и здесь нужно помнить, что далее они были вытеснены этими же скифами по Черноморскому побережью в Малую Азию.

При этом они действительно разгромили ассирийскую армию и убили царя Саргона II, и, конечно, могли тогда захватить их шлемы и другое оружие, но, завоевав Фригию и там оставшись, они никогда больше не возвращались обратно на Кавказ. Поэтому они не могли в захоронения у села Заюково положить шлем ассирийского образца или какие-нибудь другие бронзовые предметы.

Нужно помнить, что киммерийцы были кочевниками, первыми кочевниками с которыми столкнулись западные земледельческие цивилизации, и весь период их активной деятельности на Кавказе и Малой Азии можно приблизительно уложить в тридцать лет. За такой микронный, пусть и необычайно яркий, исторический период не может сложиться погребальный комплекс такого типа.

Да у кочевников никогда таких комплексов и не было. Кочевники появляются на рубеже второго и первого тысячелетия до нашей эры в результате изобретения кибитки и некоторых других приспособлений для верховой езды. По сути это была одна из первых промышленных революций, приведших к специализации и разделению труда между земледельцами и скотоводами.

Появилась возможность хозяйственного освоения огромных степных массивов. Передвигаясь от пастбища к пастбищу, так как речь тогда могла идти только об экстенсивном способе животноводства, кочевники хоронили своих умерших родственников тут же на месте, а не везли их в какие-то некрополи.

Простым людям насыпали холмы или холмики, которые относительно быстро разрушались, а вождям и царям отсыпали курганы, которые хорошо видны и сегодня. По моему глубококому убеждению, они символизировали собой священную вершину всех жителей Арьян Вазэйджа (Арийского Простора) горы Хара Березайти, которую мы сегодня по привычке называем Эльбрусом.

Именно там, по их верованиям, позже сохранившимся у зороастрийцев, находился мост перехода (Чинват) душ умерших предков в Парадиз (рай и обитель арийских богов и царской Хварны). Заюковский некрополь совершенно к этому не может иметь никакого отношения.

И вот еще почему версия о пребывании киммерийцев на Северном Кавказе не выдерживает никакой критики. В то время практически вся территория Кабарды, а в нее входил и весь регион КМВ, была покрыта лесами. Этот хребет, где находится Заюково, так и получил свое название – Предгорный, или Лесистый.

Вспомните рассказы Л. Толстого, как русские войска планомерно вырубали леса на Северном Кавказе. Так я хочу сказать, что привычные к степным просторам скотоводы только в случае острой необходимости заходили в лесные массивы. Там, по логике вещей, не могли находиться их ритуальные центры.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод: Заюковскому некрополю присвоили название «киммерийский» неверно, а что еще хуже, это ошибка была допущена сознательно, из корыстных побуждений. Понятно, что озорники, разоряющие могилы наших предков, хотели бы как можно больше получить за свой «залежалый товар».

А киммерийских артефактов на самом деле сохранилось очень мало. Но зачем же серьезным исследователям повторять эту глупость? Не за тем ли, что это сразу придает вес и всем их другим рассуждениям. Но если человека ловят на лжи в малом, то ему уже не верят и в большом.

Скажу честно, мне, как историку, очень многое в ЭТОЙ истории не нравится. Все противоречит друг другу. В исторической науке принято считать, что строительство обсерваторий – прерогатива сельскохозяйственных цивилизаций с языческими культами Солнца и других планет. Тогда причем здесь киммерийцы-кочевники?

Как сочетается языческая традиция солнечных праздников, определяемых обсерваторными комплексами и верованиями христианских монахов, обосновавшихся в катакомбах? Десятый век – это принятие христианства аланами, насколько помню. Тогда где церкви, подобные храмам Верхнего Архыза? Есть ли хотя бы остатки фундаментов? Они должны были остаться.

Впервые слышу о «пригоризонтных» обсерваториях. Хотя если об этом говорят специалисты, наверное, надо верить на слово. Но сочетается ли слово «наука» и слово «верить»? Где ссылки, где доказательства? Есть ли аналоги или это уникальный случай? Проводились ли эксперименты в дни солнцестояний и равноденствий?

Больше всего смущает вопрос: зачем древним людям понадобилось строить обсерваторию в ущелье, где обзору и наблюдению мешают горные массивы со

всех сторон, когда несколько десятков километров ниже находится равнина и строительство подобного сооружения кажется более логичным? Или там Солнце действительно появляется в знаковые дни в уникальных проемах? Пока вопросов больше, чем ответов.

Я заканчивал исторический факультет в Туле еще в советские времена. Я бывал на различного рода археологических раскопках. Я знаю, какой сильной была археологическая и историческая школа в Союзе. Все это исследовалось и описывалось нашими крупнейшими академиками.

Когда я работал в должности «начспорта» на Центральной военной туристической базе (ЦВТБ) «Терскол», то в кабинете туристической подготовки были карты-схемы Баксанского ущелья с изображенными на них всеми этими (да и еще многими другими) достопримечательностями. Не получается ли так, что старые специалисты либо уехали, либо умерли, а мы теперь снова «открываем Америку» и выглядим посмешищем в глазах действительно знающих людей. А такие люди, уверяю вас, еще есть, хотя бы в наших столицах.

А если нами движет благородная цель привлечения интереса к нашему туристическому региону (пардон, «рекреационному кластеру»), так давайте будем валить все в одну кучу плюс летающие тарелки и снежного человека в придачу.

Поясню: в восьмидесятые годы в Заюково к известному краеведу Жиляеву на японских джипах приезжали французские исследователи для изучения феномена снежного человека, появлявшегося несколько раз на глазах местных жителей из обложенного камнем прохода заюковских подземелий; в девятые известные уфолог Виктор Петрович Кострыкин, царствие ему небесное, рассказывал мне, как неоднократно наблюдал по ночам НЛО, летающие вдоль Баксанского ущелья и совершающие посадки на Эльбрусе и в районе Баксангэса, в двух шагах от Заюково.

Но так нельзя. Или ради красного словца не пожалеем мать-отца. У кабардинцев есть хорошая традиция: чтобы ты ни делал, всегда нужно помнить о своем «лице». Так давайте помнить и о своем лице, и о лице нашей республики. Уверяю, она у нас и так самодостаточна, и нет никакой необходимости прибегать к сомнительным средствам.

Если, конечно, здесь нет каких-то других целей и интересов. Еще раз извиняюсь за категоричность своих суждений.

P. S. О «таманцах» было написано в туристической карте-схеме, изданной еще при СССР. У меня эта карта есть. Могу показать.

По правилам немецкого произношения и перевода на русский правильно произносить и писать *Ананербе*. А то, что творят сегодня с русским языком, даже на самом высоком уровне, нам всем хорошо известно.

* * *

Ознакомившись с публикацией историка Юрия Сергеева «Заюковский некрополь не имеет отношения к киммерийцам», не вступая в спор с уважаемым нами автором, тем не менее хотели бы уточнить некоторые моменты. Хочется напом-

нить, что версия о том, что некрополь *киммерийский*, впервые прозвучала именно со слов черных копателей, о чем, кстати, и упоминает Ю. Сергеев. Для нас же в тот момент была куда важнее не принадлежность могильника, а необходимость привлечь внимание к теме варварского разграбления уникального захоронения. В том, что это именно так, что найдено нечто потрясающе интересное для археологов, даже у нас, неспециалистов, не было сомнений: уж слишком уникальные артефакты валялись прямо на земле.

Важно было остановить беспредел по отношению к истории, а уж потом делать выводы. Напомним лишь, что только после множества наших выступлений в Интернете и прессе правительством КБР была создана «рабочая группа, которая до конца февраля предложит план мероприятий по обеспечению сохранности предполагаемого объекта культурного наследия».

И то, как видите, в этой формулировке присутствует определение «предполагаемый» – думается, по той причине, что никто из местных археологов так и не удосужился побывать на месте, где располагается могильник. Более того, они уверены, что это захоронение давно известно науке, так как раскопки в районе Заюково велись неоднократно. Но у нас на это есть весьма аргументированный ответ, причем признанного ученого, автора множества работ по археологии. Интересующихся отсылаем к сборнику «Археология Средней Кубани», выпущенному в конце прошлого, 2011 года издательством «Графа» Армавирской государственной педагогической академии. Напомним, что именно в Армавире находится ныне знаменитая кавказоведческая школа академика Виноградова.

Так как Баксанскому некрополю посвящена чуть ли не треть сборника, попытаемся резюмировать основные положения статьи профессора Сергея Леонидовича Дударева «Блеск и горечь древней бронзы (о новых находках у селения Заюково)». Итак, «могильники эпохи поздней бронзы – раннего железа, равно как и другие памятники археологии, впервые археологически зафиксированы возле селения Заюково еще с 1880-х годов. В 1920–1940-х годах их полевые исследования вели многие специалисты (М. И. Ермоленко, Б. Е. Деген-Ковальский, А. А. Иессен, О. В. Милорадович, К. Э. Гриневич).

Новый могильник у селения Заюково, судя по всему, является 3-м по счету, имея в виду открытые прежде погребальные комплексы. По найденному здесь ранее материалу он тяготеет к могильнику 2, по поводу которого В. И. Козенкова отмечает, что «весь вещевой комплекс свидетельствует о непрерывном использовании могильника с конца II тысячелетия до н. э. и до V–IV веков до н. э.».

Далее ученый подробно анализирует найденные археологические предметы, «включающие целый ряд ярких бронзовых артефактов, в подавляющем своем большинстве раннекобанских, жемчужиной среди которых является бронзовый шлем ассирийского типа». А подводя итоги сказанному, заключает, что «некоторая часть вещевого инвентаря, сопровождающего бронзовый шлем ассирийского типа, имеет «плавающий» характер, доживая до VII века до н. э. и даже VI–V веков до н. э. Что касается самого шлема, то предпринятый нами ранее специальный анализ позволил прийти к выводу, что дата таких деталей древней паноплии на Се-

верном Кавказе может быть установлена в пределах середины VIII – начала VII века до н. э.».

А вот относительно найденных в Заюково же сосудов с изображением свастики, не удержимся и процитируем (позаимствовав из статьи Дударева) вывод академика В. Б. Виноградова о том, что на «Северном Кавказе утверждение свастики в качестве одного из важнейших культовых знаков падает именно на скифское время; ... сопоставив этот факт с тем, что ни один из комплексов Пятигорья, дающих нам использование мотива свастики в орнаментализации исконных мисок не уходит древнее второй половины VIII – первой половины VII века до н. э., и что именно с этими памятниками связаны редчайшие, но зато выразительные предметы, свидетельствующие о наиболее ранних контактах со степняками – **возможными участниками азиатских походов киммерийцев и скифов**».

Это относительно того, что, напомним слова Юрия Сергеева, «версия о пребывании киммерийцев на Северном Кавказе не выдерживает никакой критики», что «Заюковскому некрополю присвоили название «киммерийский» неверно... из корыстных побуждений». Относительно последнего постулата мы оказались в некотором замешательстве: кто эти «серьезные исследователи», пытающиеся придать «вес и всем их другим рассуждениям»? Ведь исследователей как таковых еще нет, а авторы сообщения вообще ими не являются, они лишь публикаторы.

Закончим эту тему выводом из статьи С. Л. Дударева: «Таким образом, комплекс со шлемом, по нашему убеждению, скорее всего относится к эпохе походов ранних кочевников в страны Передней Азии. Вкупе с тем фактом, что на новом могильнике у селения Заюково было, возможно, найдено около десяти подобных шлемов, а также с учетом ранее сделанных находок более 30 «киммерийских» стел в гробнице у Нижнего Куркужина (Б. Х. Атабиев), послуживших строительным материалом в сарматское время, можно говорить о том, что на территории Кабардино-Балкарии в VIII–VII веках до н. э. (вплоть до второй половины VII века до н. э. включительно) находилась крупная группировка степняков, участвующих в походах на юг через Главный Кавказский хребет и имевших весьма тесные контакты с автохтонами – «кобанцами».

Кстати говоря, и выдающийся отечественный историк-кавказовед Виталий Борисович Виноградов, и не менее известный археолог-кавказовед Сергей Леонидович Дударев относятся к тем самым «старым специалистам», «действительно знающим людям», которые, прежде чем «открыть Америку», сто раз отмерят, взвесят и лишь потом «отрежут» – сообщат о своих выводах.

Теперь по другим составляющим комплекса. Относительно того, что ритуальный центр не мог находиться в лесном массиве, вопрос, на наш взгляд, не совсем корректен, так как на рассматриваемом плато с его каменистой почвой леса не могло быть в принципе. Надо лишь раз увидеть его, нависающее над ущельем и абсолютно не мешающее продвижению войск, чтобы понять: незачем продвигаться по высотам, когда есть просторная и широкая долина, в которой, кстати, состоялась одна из битв войск Тимура с выступившими на стороне Тохтамыша местными племенами. Жители Кенделена до сих пор рассказывают о ней, словно сражение

это происходило вчера, а не в конце XIV века. И именно они сохранили в исторической памяти сказание о христианском монастыре, кельи которого до сих пор не разрушены.

Что касается пригоризонтной обсерватории, то это одна из версий предназначения расположенных на Заюковском плато круглых камней и тех, что выложены в определенном порядке. В Интернете (см. отчеты экспедиции «Эльбрус – 5500 лет в глубь времен») мы нашли сведения о том, что одна из таких обсерваторий располагалась в Северном Приэльбрусье, более того, публикаторы утверждают, что у них имеются соответствующие научные подтверждения. Получается, что строительство обсерваторий не только «прерогатива сельскохозяйственных цивилизаций с языческими культурами Солнца»?

Доказать, что наше предположение о пригоризонтной обсерватории ошибочно, могут только исследования, к которым мы и призываем.

И последнее. Как же «сочетается языческая традиция солнечных праздников, определяемых обсерваторными комплексами и верованиями христианских монахов, обосновавшихся в катакомбах?» А никак, так как перед нами комплекс памятников, объединенных местом, но не временем. Было бы правильным, чтобы в дальнейшем он так и назывался: «Заюковский комплекс разновременных памятников». При таком подходе «в этой истории» ничего не «противоречит друг другу», в том числе и киммерийцы-кочевники. И кстати, ни на одной из схем Баксанского ущелья (в нашем архиве есть даже карта 1934 года), в числе достопримечательностей означенный комплекс не обозначен. По той простой причине, что как таковой он не был известен вплоть до прошлого года.

Поверьте, уважаемый оппонент, мы вовсе не хотим выглядеть «посмешищем в глазах действительно знающих людей»; и не собираемся «валить все в одну кучу плюс летающие тарелки и снежного человека в придачу». Хотя и насчет последнего не все так однозначно (куда вы денете сотни свидетельств местных жителей о встречах с алмасты из архива Жанны Кофман, обнаруженных в нашей книге «Тайная Кабардино-Балкария»? Да и «бредовой» истории Виктора Кострыкина, в которой не все так примитивно, в ней нашлось место – он, к слову, встречался со своими инопланетянами не в Баксанском, а в Чегемском ущелье).

Вот почему, несмотря на то, что действительно нами «движет благородная цель привлечения интереса к нашему туристическому региону», мы всегда стараемся «помнить и о своем лице, и о лице нашей республики», ибо полностью разделяем ваши слова о Кабардино-Балкарии: «...она у нас самодостаточна, и нет никакой необходимости прибегать к сомнительным средствам».

И в заключение. Мы тоже не вчера родились, еще в середине семидесятых закончили советский вуз (один из нас – по специальности историк), а посему ценим аристотельскую истину и по мере возможности следуем ей.

КАЛЕЖ, КРЕСТАМИ ОСЕНЕННЫЙ

«Калез» означает «старая крепость» (от заимствованного из тюркского «къалэ» – крепость и «жъы» – старый). На Северном Кавказе это название привычно и достаточно распространено. Известен населенный пункт (в частности, в Краснодарском крае), так называющийся.

Вспомним мощную крепость на горе Калез около селения Хумара, что в 11 км севернее города Карачаевска, с которой некоторые исследователи отождествляют крепость Схемарий – ту самую, где умер преподобный Максим Исповедник (580–662), христианский монах, богослов и философ.

В Кабардино-Балкарии одно из мест на реке Малка (севернее старого разрушенного моста на подъеме от древнего русла), поблизости от одноименного селения, старожилы и поныне называют Калезем.

Нас же интересует гора Калез, что находится по правую сторону реки Малка, в пятистах метрах от въезда в селение Каменномостское; а если уж быть точными, то Восточное городище Калез (къалэжъ ищхъэрэ). И вот почему. Местный житель Арсен Бишенов, излазил «Калезку» вдоль и поперек с металлодетектором и нашел здесь многие сотни (в этой цифре нет никакого преувеличения!) христианских крестов. Причем находились они не в глубине, а практически на поверхности. Порой создавалось впечатление, что, с одной стороны, кресты просто-напросто побросали на землю, втоптав в мягкую почву конскими копытами, а с другой – люди и сами срывали их с себя в преддверии какой-то грядущей опасности, грозящей христианам неминуемой смертью. О последнем говорит тот факт, что множество крестов – самых разных: из железа, бронзы, серебра; от малюсеньких до огромных: нагрудных и нательных – лежали вместе, чуть прикрытые почвой или непосредственно под камнями.

Что же это было? Думается, только одно событие в нашей недавней истории (по залеганию крестов и их сохранности можно вести речь о пяти-шести столетиях) может лежать в основе происшедшего, а именно нашествие Тамерлана, оставившего на исходе четырнадцатого века кровавую память о своем пребывании на территории нынешней Кабардино-Балкарии.

Общеизвестно, что воины Тимура отличались особой жестокостью. И в основе этой жестокости лежало, словами исследователя В. В. Бартольда, «утонченное, болезненно извращенное зверство» Железного Хромца. Фактов сему в истории предостаточно.

Вот что писал епископ Султании в своих воспоминаниях о Тимурленге, рукопись которых хранится в Национальной библиотеке Парижа: «Не отыщется в мире человека более безжалостного, чем этот, и если на его глазах обезглавят сотню тысяч взрослых мужчин, женщин и малолетних детей, это не произведет на него ни малейшего впечатления – сердце его не дрогнет. Ему не раз и не в одном городе доводилось вырезать полностью все население, вплоть до последнего грудного младенца, и не случалось такого, чтобы он проявил жалости даже к столетнему старику, не говоря уж о мужчинах или женщинах.

...Взяв Дамаск, он вошел в город. Возле мечети Умара один из выдающихся мусульманских ученых Низамуддин Шами обратился с мольбой к Тимурленгу, заклиная его отказаться от намерения истребить население Дамаска. В ответ Тимурленг воскликнул: «Если бы ты не был ученым, я бы приказал содрать с тебя живого кожу!» В Дамаске он казнил столько жителей, что в живых не осталось никого, кроме тех, кто владел искусными ремеслами, ученых и литераторов.

...Во время похода на Рум, Тимур-беку довелось осаждать некий город, расположенный между Арменией и Ангорой, и когда он взял тот город, велел побросать всех его жителей в колодцы, все те колодцы были забиты до отказа людьми, которых бросали в них живыми.

Я не думаю, чтобы в мире нашелся человек более жестокий, чем Тимурленг, возможно, и в будущем не найдется такого, который превзошел бы его в этом отношении».

Нам видится, что точно так же воины Тимура поступили и с жителями крепости Калез, вырезав их всех до единого и вывесив на вершине горы черный флаг. Это означало, что город или крепость стерты со страниц Книги Бытия. И это на самом деле произошло – сегодня даже ученые не имеют представления, что находилось на этом месте.

Нам же кажется, что многочисленные находки крестов (сегодня их количество приближается к трем тысячам!) могут служить доказательством тому, что в районе селения Каменномоетское располагалась одна из структур Аланской епархии – так называемые епископства, а именно епископия Ахохия, сведения о которой содержатся в одном из актов Константинопольской патриархии, датированном 1364 годом.

Известный ученый Владимир Александрович Кузнецов в своей работе «Христианство на Северном Кавказе до XV века» пишет: «В этом акте,

связанном с именем Аланского митрополита Симеона, перечислены его владения: церковь Богородицы Утешительницы в Трапезунде с клиром и принадлежащими угодьями, церковь Богородицы Афинской в Сотиируполе и земли «около Алании, Кавказии и Ахохии».

И далее ученый, вслед за исследователями начала прошлого века В. Томашеком и И. Маркрафтом, локализует Ахохию на Центральном Кавказе, высказывая предположение, что «термин «Ахохия» происходит от осетинского «хох», как осетины называют горные вершины от Казбека до Кассары. В XVIII веке в грузинской литературе существовало понятие «хохский» Кавказ, прилагавшееся к горам Северной Осетии, что засвидетельствовал Вахушти. Это дало мне основание сделать вывод, что понятие XIV века «Ахохия» соответствует горной зоне Северной Осетии»*.

Другой исследователь – С. Н. Малахов, отмечая, что «до сих пор слабо изучены динамика этнотерриториальных границ епархии, характер и взаимоотношения Аланской митрополии с сопредельными диоцезами **, ее организационно-административная структура, уровень религиозного сознания прихожан»***, также придерживается версии локализации Ахохии на Северном Кавказе, определяя ей епископальный центр в районе Нальчика. Он, цитируя фольклорные сведения Шоры Ногмы о христианском епископе, рассуждавшем «о Законе Божиим с вершины Лесистого кургана, также склоняется к тому, что «епископия... в этническом отношении была адыгской (кабардинской), подчинялась Аланскому митрополиту и, скорее всего, после похода Тимура на Северный Кавказ в 1395 году прекратила свое существование»****.

В. А. Кузнецов также допускает, «что епископия Ахохия занимала равнину предгорной Большой Кабарды и на ее территории располагались могильники Каменномоетский и Жанхотеко. Где находился ее центр и главный храм – мы не знаем, но то, что она в XIV веке существовала и была подчинена Аланскому митрополиту, вполне достоверно. Не исключено, что епископия Ахохия, но под иным названием, была создана и функционировала уже в домонгольское время, ибо наиболее ранние следы христианства здесь зафиксированы в VIII–IX веках в катакомбах «Песчанки».

* Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Пятигорск: Снег, 2007. С. 119.

** Церковно-административная территориальная единица в Римско-католической, Англиканской, Шведской и некоторых других церквях, во главе которой стоит архиерей (епископ или архиепископ).

*** Малахов С. Н. К истории Аланской митрополии Константинопольского патриархата: (Местонахождение византийской Ахохии) // Мир православия. Волгоград: Волгоградский университет, 1998. Вып. 2. С. 20.

**** Малахов С. Н. Указ. соч. С. 22–23.

Конечно, это самое осторожное допущение. Остаются неопределенными и границы епископии Ахохия»*.

Берем на себя смелость утверждать, что центр епископии Ахохия находился именно в районе нынешнего селения Каменномостское – слишком уж много материальных доказательств служат подтверждением этому. Другой вопрос, что доказательства эти не введены в научный оборот, разошлись по личным собраниям частных коллекционеров. Остались лишь фотоснимки. Но отраженное на них впечатляет.

В целом же в замечательно изданной и глубокой работе В. А. Кузнецова непростительно мало внимания уделено христианским памятникам на территории нынешней Кабардино-Балкарии. Вот что, в частности, ученый сообщает: «Древнее христианство на территории Кабарды было, об этом прямо свидетельствуют его материальные следы. Так, в старой печати промелькнули данные о древнем полусохранившемся храме с кладбищем «в пустынных горах близ русла реки Баксан», но эти сведения остались непроверенными. По информации В. Тепцова, близ Озороково, на левом берегу, есть развалины церкви и могилы вокруг нее. На остатках восточной стены сохранился выбитый на камне крест – «фактическое указание на то, что долина Баксана в древности была обитаема христианами». Этот материал также остался неопубликованным и тем более недатированным. Поэтому, на мой взгляд, решающее значение имеют достоверные находки монументальных каменных крестов, не уступающие по информативной ценности остаткам храмов (четыре плиты с крестами и греческими надписями из Баксана (Гунделен), из селений Кызбурун и Чегем). Высеченные на камнях кресты и «кое-где надписи, кажется, греческие», засвидетельствованы в районе Голубых озер. Но наиболее значительные объекты выявлены в предгорьях Кабарды. У аула Кармовского, в 45 км от Пятигорска, на участке Хабижа Абдрахманова, было случайно найдено пять каменных крестов, вытесанных из белого и розоватого камня. «Кресты эти одни имели форму квадратной удлиненной плиты, на одном конце которой вытесан крест по форме Георгиевского креста, а на самой плите высечена фигура дугобразного цветка, как обыкновенно мы видим такие фигурки на серебряных изделиях с чернью кавказской работы; на других круги и шарообразные выемки; третьи просто по краям окаймлены лентой вышиной от 1,5 до 3 аршин». По словам Абдрахманова, на участке у озера при рытье земли часто встречаются такие кресты и плиты с высеченными на них крестами. Однажды Абдрахманов нашел там медную икону с ликом Богородицы с Младенцем. В 1962 году в этом же месте найден бронзовый энколпион из

* Малахов С. Н. Указ. соч. С. 120–121.

двух половинок. На лицевой стороне креста – фигура Богородицы, на обратной – Распятие. Энколпион может быть датирован XIII–XIV веками, и не исключено, что он происходит из христианского могильника с каменными крестами. В таком случае мы получаем хотя бы приблизительную дату христианского кладбища и крестов с участка Х. Абдрахманова.

Второй важный для нас археологический объект – обломки 30 крупных туфовых крестов, случайно открытые в 1977 году у селения Жанхотеко на берегу реки Баксан. Кресты покрыты весьма своеобразным орнаментом, включающим в себя изображения крестов, полумесяцев, круглых углублений, спиралей, треугольников и т. д. Наиболее характерным и ярким элементом следует считать «древо жизни». Жанхотекские кресты датируются XIV – началом XV века, то есть золотоордынским периодом. Судя по этим фактам, христианские кладбища близ Кармовского, Каменномостского и Жанхотеко одновременны и могут быть датированы XIV веком – временем создания и упоминания в церковных актах епископии Ахохия»*.

Этот список сегодня можно дополнить множеством других свидетельств и фактов. Кстати говоря, поблизости от Калежа – чуть выше, над карстовыми озерами, – есть еще одно место, кабардинское название которого звучит как «папасова земля», то есть место, где жил священник. На вершине отвесного кургана, подъем на который достаточно затруднителен, видны развалины жилища. Остатки фундамента позволяют сделать вывод, что оно состояло из нескольких комнат и предназначалось для проживания епископа. Тут же вспоминается знаменитый Лесистый курган, в котором, по преданию, обитал византийский епископ.

Как и описание «папасового жилья» в Верхнем Чегеме, сделанное В. Миллером и М. Ковалевским в их работе «В горских обществах Кабарды»: «К одному естественному гроту саженей в 5 вышины с правой стороны была прилеплена какая-то постройка в виде каменного домика, которого заднюю стену образовала одна сторона грота. Это место до сих пор зовется *папасовым* жильем (то есть поповым). Недалеко от него другой, меньший грот, по-видимому, был утилизирован как часовня. В нем виден каменный уступ, на котором когда-нибудь стояла икона; к уступу ведут с правой стороны несколько высеченных в камне ступеней. Еще ниже близ реки виднеются могильные камни с изображениями крестов. Стороны гротов, входившие внутрь часовни и *папасова* жилья, до сих пор носят следы штукатурки. Ходит предание, что в одной из пещер

* Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. С. 119–120.

Гора Калезж

когда-то была найдена груда старинных книг, писанных на пергаменте. Но подобное же предание нам случалось слышать и в других местах»*.

Означенное позволяет сделать вывод, что на территории Кабардино-Балкарии находилось несколько епископий Аланской епархии, просуществовавших вплоть до XV века: Ахохия – поблизости от нынешнего селения Каменноостское; Кавказия – в районе селения Верхний Чегем и та, что находилась в четырех верстах от крепости Нальчик на Лесистом кургане, где «шехнику (то есть епископу) был скован дом из жести с дверьми из литого серебра...»**.

...Название у этого материала вначале было другим: не *осенный крестами*, а *усеянный*. По сути последнее вернее, а по смыслу – нет.

Черный флаг, поднятый над Калезжем, сгинул во времени, а кресты столетия вернулись к людям.

* Балкария: страницы прошлого. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. Вып. 4. С. 31–32.

** Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 77.

Армавирский ученый Сергей Малахов: «НАХОДКА ПОИСТИНЕ СЕНСАЦИОННАЯ»

Мое мнение по комплексу, открытому Котляровыми. Несколько общих замечаний. Если их (крестов) было несколько сот, надо ли полагать, что самые лучшие и достойные не были сфотографированы и исчезли для науки? То есть нам приходится судить по случайной выборке, цель отбирающего была проста – показать многообразие, в каком процентном соотношении оно отражено – неизвестно. Крестов в наличии примерно 30, найдено было около 3000. В худшем случае наша выборка – одна сотая комплекса, в лучшем – одна десятая. Делать уверенные выводы сложно.

Основной материал до анализа – медно-бронзовый сплав; оловянистая бронза представлена только в обломке зеркала, есть маленький крестик-тельник из серебряного сплава. Мелкие нашивные бляшки для поясов и декорирования одежды имеют следы позолоты. Большая часть – кресты-тельники, равноконечные, с тремя лепестками (трифолиями) на концах, с петлей для шнура (гайтана), в центре средокрестия часто присутствует выпуклый круг. Встречаются тельники и в виде равноконечного «мальтийского» креста с еще одним – прочерченным внутри. Наружная поверхность креста-мощевика имеет бортик, а углубленная крестообразная плоскость предназначалась, вероятно, для растительного орнамента или под эмалевую заливку. Ряд крестов, видимо, в подражание энколпионам, имеет изображения Богородицы с Младенцем или Распятие, концы таких крестов, как правило, украшены медальонами с евангелистами, но их изображения довольно схематичны и нечетки, что говорит об использовании старых форм для литья или изготовлении таких форм с оригиналов кустарным способом.

Изображение распятого Христа восходит к византийской иконографии IX–X веков: тело и руки прямые, голова слегка склонена вправо. Такое изображение Христа часто встречается на восточно-христианской культовой пластике X–XII веков. Не встречались ранее крестообразные подвески в виде равноконечного креста, закрепленного в круге, которые очень близки аланским солярным амулетам VII–IX веков. Можно даже говорить о преемственности и использовании языческих моделей для христианских символов личного благочестия. Изготавливались подвески сплошные или прорезные с зооморфным изображением в круге.

Ряд крестов с изображением Богородицы с Младенцем имеет более удлиненную нижнюю лопасть, а на концах крестов в восьмеркообразных овалах дается изображение евангелистов, или святых. Такие кресты до недавнего времени встре-

чались довольно редко и по археологическому контексту, во многом условному, могли относиться к XII–XIV векам. Находки крестов с так называемым грубым изображением Распятия фиксировались в аланских катакомбах (станция Змейская) и на Ильичевском городище, вблизи Хумаринского городища и датируются X–XII веками.

Следует учитывать, что нательные кресты могут иметь длительный период бытования (быть изготовленным в X веке, а оказаться в погребении, к примеру, XI века).

Точная хронология византийских, а тем более кавказских крестов не разработана. Если бы археологический комплекс близ селения Каменноостское не был разграблен, а исследован по всем правилам науки, то мы могли бы иметь эталонный памятник, на основе которого, можно было бы более точно выстроить хронологическую шкалу истории массового распространения христианства на Северном Кавказе, уточнить историю металлообработки, культурных и торговых связей с Закавказьем, Византией и Русью, расширить представления об особенностях смены языческой религиозной парадигмы монотеистической христианской.

Вероятно, большая часть из находок мелкой культовой пластики была произведена на Северном Кавказе, не исключено, что и в окрестностях Каменноостского. Следы бронзолитейного дела фиксируются на аланских городищах в окрестностях Нальчика. Некоторые фрагменты крестов имеют явные следы литейного дефекта и были забракованы мастером.

Находки такого большого количества крестов в одном месте, крестов разнообразных по типу и иконографии изображений на них, в основной массе хорошо сохранившихся, вперемешку с бляшками для украшения ремней и одежды, подвесками, обломком зеркала (о других артефактах мы просто не знаем), залежание предметов на небольшой глубине – все это может свидетельствовать об одном: здесь, вероятно, был культовый комплекс, «святое место», возможно, вначале это было языческое святилище, на котором появилась церковь, в которую христианизированное местное население приносило свои вотивные подношения – кресты и прочие предметы. По каким-то причинам – война, эпидемия, бегство из родных мест – население отсюда ушло, и долгое время эта территория была безлюдной. Без разграбления, полностью забытое, «святое место» приходит в упадок, разрушается, и кресты оказываются в земле, но археологи их так и не нашли... Если бы это была мастерская, то, полагаю, было бы найдено больше брака, тигли и формы, да и типового разнообразия крестов было бы меньше.

Итак, время бытования комплекса – X–XII века, средневековая аланская культура. Открыты следы еще одного ареала устойчивого бытования христианства на Северном Кавказе.

***

Исследователи из Нальчика Мария и Виктор Котляровы – авторы более пятидесяти книг по истории и этнологии народов Северного Кавказа – обнаружили в горах Кабардино-Балкарии место, где располагалась епископия Ахохия – одна из

структур Аланской митрополии, существовавшей до нашествия Тамерлана на исходе XIV века.

«В одном из актов Константинопольской патриархии, датированном 1364 годом, среди владений аланского митрополита Симеона, перечислены и земли «около Алании, Кавказии и Ахохии», – рассказал корреспонденту ИТАР-ТАСС Виктор Котляров. – До последнего времени ученые локализовали Ахохию в горной зоне Северной Осетии, а также на равнине Большой Кабарды и в районе Нальчика, где следы христианства зафиксированы уже в VIII–IX веках».

Между тем Мария и Виктор Котляровы уверены: легендарная Ахохия располагалась на территории нынешней Кабардино-Балкарии, в горах, неподалеку от селения Каменноостское Зольского района.

«За последние три года на площади в несколько квадратных километров обнаружено более двух тысяч христианских крестов. Самые разные: из железа, бронзы, серебра; в том числе уникальнейшие: ампулы, кресты-подвески в круге, кресты с двойным изображением святых на концах, подвески с пунсонным изображением креста и т. д», – уточнил Котляров.

Он отметил, что все кресты найдены практически на поверхности земли. «Создавалось впечатление, что люди срывали их с себя и бросали на землю в ожидании какой-то беды», – пояснил Котляров. Он считает, что только одно событие в недавней истории может лежать в основе происшедшего – нашествие Тамерлана.

К сожалению, находки разошлись по личным собраниям частных коллекционеров. Остались лишь фотоснимки. По словам Котлярова, ученый-историк из Армавира Сергей Малахов подтвердил эту версию. Малахов убежден, что в КБР «открыт ареал устойчивого бытования христианства на Северном Кавказе. Если бы археологический комплекс не был разграблен, а исследован по всем правилам науки, то мы имели бы эталонный памятник, на основе которого более точно выстроили хронологию истории массового распространения христианства на Северном Кавказе».

Исследователи считают, что в ходе начинающегося в регионе масштабного строительства горнолыжных курортов, древняя земля Кавказа раскроет немало тайн. В скором времени в горах КБР приступят к реализации инвестпроекта «Безенги–Эльбрус», ставшего частью туристического кластера «Курорты Северного Кавказа», включающего строительство пяти горнолыжных курортов в Адыгее и Краснодарском крае, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии и Дагестане, а также термальные и пляжный кластеры. Согласно плану, общий объем вложений в этот проект за 10 лет может составить порядка 1 трлн рублей. Предполагается поэтапное создание в регионе около 300 тыс. рабочих мест.

В ОАО «Курорты Северного Кавказа» (КСК), комментируя ИТАР-ТАСС находку Котляровых, особо подчеркнули, что перед началом застройки на территориях курортов в обязательном порядке будут проведены археологические обследования местности.

«Ни один памятник истории не пострадает, а, напротив, станет достоянием общественности и, возможно, объектом пристального внимания туристов», – заявили в КСК.

26 августа 2011 г.

Нальчик.

Марина Чернышева,
корр. ИТАР-ТАСС

* * *

«ПЕРЕД НАШЕСТВИЕМ ТАМЕРЛАНА ЛЮДИ СРЫВАЛИ С СЕБЯ КРЕСТЫ...»

«На месте будущих курортов Северного Кавказа в КБР найден ареал устойчивого бытования средневекового христианства», – сообщает названием своей статьи корр. ИТАР-ТАСС Марина Чернышева. Посмотрим, на чем основано столь безапелляционное утверждение.

В статье говорится, что исследователи из Нальчика Мария и Виктор Котляровы обнаружили в горах Кабардино-Балкарии место, где располагалась епископия Ахохия – одна из структур Аланской митрополии, существовавшей до нашествия Тамерлана на исходе XIV века.

По их данным, Ахохия упоминается «в одном из актов Константинопольской патриархии, датированном 1364 годом», и «до последнего времени ученые локализовали Ахохию в горной зоне Северной Осетии, а также на равнине Большой Кабарды и в районе Нальчика, где следы христианства зафиксированы уже в VIII–IX веках».

Однако, Мария и Виктор Котляровы считают, что «Ахохия располагалась на территории нынешней Кабардино-Балкарии, в горах, неподалеку от селения Каменномостское Зольского района».

Их уверенность основана на археологических находках. По словам Виктора Котлярова, за последние три года на площади в несколько квадратных километров обнаружено более двух тысяч самых разных христианских крестов – из железа, бронзы, серебра; а также ампулы, кресты-подвески в круге, кресты с двойным изображением святых на концах, подвески с пунсонным изображением креста и т. д.

Он отметил, что все кресты найдены практически на поверхности земли (NB! То есть если бы хоронили христиан, то кресты были бы в земле. – *Примеч. KBR-TIME*).

«Создавалось впечатление, что люди срывали их с себя и бросали на землю в ожидании какой-то беды», – пояснил Котляров. Он считает, что только одно событие в недавней истории может лежать в основе происшедшего – нашествие Тамерлана.

Однако находки (кресты) разошлись по личным собраниям частных коллекционеров. Свои выводы ученые сделали, в основном, по фотоснимкам в своем архиве.

По словам Котлярова, ученый-историк из Армавира Сергей Малахов подтвердил эту версию. Малахов убежден, что в КБР «открыт ареал устойчивого бытования христианства на Северном Кавказе. Если бы археологический комплекс не

был разграблен, а исследован по всем правилам науки, то мы имели бы эталонный памятник, на основе которого более точно выстроили хронологию истории массового распространения христианства на Северном Кавказе».

В статье также говорится: «Исследователи считают, что в ходе начинающегося в регионе масштабного строительства горнолыжных курортов, древняя земля Кавказа раскроет немало тайн. В скором времени в горах КБР приступят к реализации инвестпроекта «Безенги–Эльбрус», ставшего частью туристического кластера «Курорты Северного Кавказа».

Вызывает некоторое недоумение заголовки новости, утверждающий, что «на месте будущих курортов Северного Кавказа в КБР найден ареал устойчивого бытования средневекового христианства». С каких пор район селения Каменномостское Зольского района стал относиться к территории Безенги–Эльбрус?

Так что же все-таки нашли Котляровы? «Ареал устойчивого бытования христианства» неподалеку от селения Каменномостское Зольского района или в районе будущего курорта Безенги–Эльбрус? И на каком основании делается вывод, что это именно была Ахохия? Какая связь между разбросанными в массовом порядке на земле крестами и «бытованием»? Какие еще есть свидетельства? Может, имеются остатки древних христианских храмов или других культовых сооружений и памятников? Однако, ни о чем таком в статье не упоминается. Тем более что кроме фотоснимков крестов, хранящихся в частных коллекциях, других артефактов на руках у исследователей, по-видимому, нет.

Каким-то странным образом разбросанные по земле кресты у Сергея Малахова превратились в «археологический комплекс», который «если бы не был разграблен, то мы имели бы эталонный памятник». Как-то несерьезно для ученого звучит «если бы да кабы»...

Возможно, в сообщении приведена не вся информация, которой владеют Котляровы, так как на основании одного неоднозначного факта (разбросанные кресты), делать столь далеко идущие выводы по крайней мере ненаучно.

KBR-TIME предлагает развернуть на портале дискуссию и выслушать мнения других исследователей по данному вопросу, так как нам известно, что в республике немало специалистов, досконально изучивших все этапы исторического развития Кабардино-Балкарии.

* * *

Уважаемая редакция KBR-TIME, во-первых, спасибо за добрые слова в наш адрес (поверьте, они звучат нечасто), а во-вторых, откликаемся на ваше предложение обсудить материал, размещенный ИТАР-ТАСС.

Претензии ваши, исходящие из текста означенной публикации, абсолютно обоснованны и справедливы, но нам, ознакомившимся с ней в Интернете, было куда обиднее – согласитесь, авторы сенсации выглядят в тексте самоуверенными провинциальными прожектерами. Но дело в том, что предположение о возможном нахождении Ахохии у селения Каменномостское высказано нами было достаточно

давно, о чем свидетельствует публикация в книге «Таинственная Кабардино-Балкария» (подписана в печать 28.03.2011), напечатанная примерно в то же время статья в «Газете Юга» и... информация «Христианская епископия Ахохия на Северном Кавказе была создана в домонгольское время», размещенная в Интернете (www.sk-news.ru) 21 апреля 2011 года.

Тогда же, как мы узнали, переданная в Москву; информация эта осталась невостребованной. До тех пор пока в августе не пришла новая – о создании туристического кластера «Курорты Северного Кавказа». Показавшаяся москвичам скучной и обыденной, излишне насыщенная цифрами, она нуждалась в эмоциональной подпитке. Здесь и вспомнили о несчастной Ахохии, приспособили (другое слово тут и не подберешь) к будущим курортам Северного Кавказа. Причем прицепили кое-как, на живую нитку, – так будущие горные курорты поменяли свое расположение, переместившись на равнину. Появилась и жизнеутверждающая ремарка о том, что «перед началом застройки на территориях курортов в обязательном порядке будут проведены археологические обследования местности. «Ни один памятник истории не пострадает, а, напротив, станет достоянием общественности и, возможно, объектом пристального внимания туристов». В чем мы не просто сомневаемся, а уверены, что все произойдет с точностью до наоборот. Потому что все наши попытки привлечь внимание к Ахохии не нашли ни у кого отклика – ни у власти, ни у ученых, ни у религиозных деятелей.

Суммируя сказанное, скажем, что к публикации ИТАР-ТАСС мы имеем самое отдаленное отношение – информация составлена на основе наших сведений, но нам перед обнародованием не показывалась и нами не утверждалась; отсюда ряд неточностей, вызвавших ваше недоумение. Но то, что найден ареал устойчивого бытования христианства на Кавказе, вовсе не безапелляционное утверждение, а реальный факт. Подтверждает его и серьезный ученый Сергей Малахов, один из ведущих специалистов по христианской символике, в заключении которого нет места определениям «если бы да кабы», а есть грамотный комментарий.

Впрочем, чтобы снять все вопросы, мы высылаем вам первичный авторский материал, отклик на него и, для сведения, отрывок из работы ведущего специалиста по изучению христианства на Северном Кавказе. Для уточнения скажем, что епископия в понимании того времени – это не нечто монументальное в виде «христианских храмов или других культовых сооружений и памятников», а обычная обитель епископа, в нашем случае – «папасово жилье» (слово «поп» возводят к позднегреческому «папас», что значит «священник»). Что мы наблюдаем в Верхнем Чегеме, в окрестностях Нальчика (описание Шоры Ногмова) и, в чем мы уверены, в окрестностях селения Каменноостское.

Всячески приветствуя проявленное вами внимание к означенной теме, мы надеемся, что возможная дискуссия если даже не внесет ясность в вопрос местонахождения епископии Ахохия, то однозначно способствует пробуждению интереса к прошлому земли, на которой ныне расположена любимая нами Кабардино-Балкария.

Мария и Виктор Котляровы

Приложение

НОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ХРИСТИАНСКОЙ МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Предметы личного благочестия в виде нательных крестов и энколпионов-мощевиков хотя и нельзя отнести к категории часто встречающихся артефактов в контексте аланских древностей, тем не менее они обладают достаточно высокой источниковой ценностью, позволяющей привлекать их для характеристики процессов христианизации средневекового населения Северного Кавказа. Нательные кресты в основном пока относятся к категории случайных находок, выявляемых преимущественно вне погребений, главным образом в культурном слое селищ и городищ, время существования которых обычно датируется в широком диапазоне, что затрудняет более узкую хронологию самих предметов мелкой культовой пластики.

Иконографический и стилистический анализ изображений на крестах, привлечение синхронных и более узко датированных аналогичных предметов материальной культуры из сопредельных областей и регионов Восточной Европы могут содействовать уточнению времени появления традиции носить христианские символы среди аланского населения Северного Кавказа, а также более уверенно коррелировать появление этого обычая с процессом крещения и массовым распространением христианства во внутренних областях Алании.

Исходя из географического положения и сохранившихся памятников церковной архитектуры, можно априори предполагать, что ранее всего влияние византийского христианства испытала западная часть Алании, располагавшаяся в предгорьях и долинах горных рек Северо-Западного Кавказа. Однако в этой ситуации возникает методологический вопрос: являются ли индивидуальные находки крестов (вне христианских погребений) убедительным доказательством приобщения определенных социальных групп населения к новому вероисповеданию, или эти и подобные им христианские предметы (пиксиды, ампулы, образки, катулочки, лампадицы) были предметами случайного экспорта из Византии, Ближнего Востока и употреблялись в качестве языческих амулетов в контексте традиционного погребального обряда. Особенно такая дилемма возникает при характеристике находок, относящихся к периоду V–IX веков, то есть до времени официального принятия христианства правящим княжеским двором Алании.

Работы современных исследователей показывают, что за весь XX век было выявлено, описано и введено в научный оборот не более 50 энколпионов, крестов-тельников и иных предметов с христианской символикой в пределах границ исто-

рической Алании – в расчет не принимаются железные кресты, использовавшиеся в качестве votивных подношений и амулетных символов простым сельским населением на протяжении всего Средневековья, поскольку этот материал фактически в полном объеме не публиковался и не становился предметом особого рассмотрения (См.: Кузнецов В. А., 1968, с. 81, рис. 1; Виноградов В. Б., Куза А. В., Магомедова Т. С., 1984, с. 76–84; Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., Голованова С. А., 1990, с. 8, рис. 1; Кузнецов В. А., 2007, с. 42, 48, 56, 115; Кузнецов В. А., Рудницкий Р. Р., 1998, с. 324, рис. 12, 3, 4; Малахов С. Н., 2011, с. 54, рис. 1).

С мая по октябрь 2011 года в средствах массовой информации прошли заметки и репортажи о расхищении предметов старины, самовольно извлекаемых любителями древностей с корыстной целью, с территории средневекового городища у горы Калез, на правом берегу реки Малки, примерно в пятистах метрах от въезда в селение Каменноостское (Зольский район Кабардино-Балкарской Республики). Местный житель Арсен Бишенов сообщил издателю и журналисту В. Котлярову, что почти в течение трех лет из верхнего культурного слоя поселения было извлечено от 2000 до 3000 христианских крестов и других мелких предметов (Котляровы В. и М., 2011, с. 12). Насколько нам известно, после сообщений в СМИ археологи эту территорию так и не обследовали. В настоящее время она используется под пастбище и для заготовки сена. Очевидно, что разрушаемая грабительскими раскопками возвышенность была средневековым поселением протогородского типа с довольно плотным населением, одновременно являясь центром распространения христианства в ближайшей округе. Предметы мелкой христианской металлопластики поступали на антикварный рынок Пятигорска и вывозились за пределы Северного Кавказа. Даже если количество найденных артефактов было гораздо меньше названного числа, тем не менее оно превосходит всё ныне известное количество опубликованных энколпионов и крестов, представляя важный источник по истории распространения христианства на Северном Кавказе и, вследствие уже этого факта, не может игнорироваться в дальнейшем анализе проблем, связанных со временем, путями проникновения христианства в Аланию, церковными, торговыми и культурными связями христианских аланских общин с внешним миром.

Благодаря поддержке журналиста Виктора Николаевича Котлярова (г. Нальчик) – пользуясь случаем, выражаем ему глубокую признательность, – удалось получить ряд дополнительных фотографий к уже имевшимся у нас в наличии снимкам некоторых предметов культовой металлопластики. Их изучение позволяет сделать некоторые предварительные выводы о значении утраченного памятника средневекового христианства на Северном Кавказе.

В нашем распоряжении оказалось более 50 изображений: энколпионы, нательные кресты, ампула, железные пластинчатые кресты (рис. 1–17). Безусловно, это не лучшие экземпляры, но и они могут дать представление о тех типовых предметах христианского культа, которые имели хождение в аланской среде.

Находки у поселка Каменноостского имеют свою предысторию. В 1828 году аул Кармова, обитавший у подножия Машука и Бештау, переселился на Малку, а

Рис. 1. Нательные кресты и энколпионы из Каменноостского

оттуда в 1853 году – к Каменноостскому укреплению (Бейтуганов Н., 1989, с. 41–43). Современное Каменноостское в Зольском районе, в среднем течении Малки, было известно находками христианских древностей еще в XIX веке. Вероятно, из этого района в Тифлисский музей в конце XIX века поступила створка энколпиона высотой 70 мм с изображением Христа в длинном одеянии и поясными изображениями святых евангелистов (Кузнецов В. А., 1968, с. 82). В 1913 году краевед М. Ермоленко сообщил о находках у села (аула) Кармовского Нальчикского округа 5 каменных крестов из тесаного белого и розового песчаника (?) на участке дворянина Хабижа Абдрахманова. Кресты эти представляли собой удлиненные блоки

подквадратной формы в сечении. На вершине одного из них был начертан в невысоком рельефе равноконечный крест (так называемый *Георгиевский*), а на стеле, как бы продолжающей нижнюю лопасть, был орнамент, символизирующий «древо жизни»; на других крестах были шарообразные выемки, некоторые были окаймлены лентой; кресты были от полутора до трех аршин высотой, то есть от 1,1 до 2,1 м. Находки были сделаны во владениях дворянина Абдрахманова, на участке, находившемся «на южной стороне, на горе», а также на другом участке, «недалеко от озера»; здесь, у озера, встречались такие же «кресты и плиты с высеченными на них крестами», что указывало, по мнению Ермоленко, на христианское кладбище (*Ермоленко М.*, 1913, с. 3). Известный этнограф Северного Кавказа Л. И. Лавров считал, что на каменном кресте из селения Каменномостское представлен один из ранних адыгских орнаментальных стилей (XIV–XV вв.), близкий кабардинским вышивкам, а украшение креста свидетельствует о времени, «когда население Кабарды исповедовало религию, представляющую собой смесь языческих верований, христианства и ислама» (*Лавров Л. И.*, 2009, с. 349). Однако орнаментика крестов, как равно и их датировка, спорны. По крайней мере в декоре каменных надмогильных крестов «смешения» вер не наблюдается, а имеются четкие семантические аналогии, восходящие к христианскому искусству и символике.

Здесь же была найдена медная иконка с ликом Богородицы и Младенцем. Были находки, по словам М. Ермоленко, в этих местах и других «древних вещей» (*Ермоленко М.*, 1913, с. 3). Из Каменномостского в 1962 году в Кабардино-Балкарский музей краеведения поступил литой двухстворчатый энколпион. На лицевой стороне (?) – изображение Богородицы в ниспадающем мафории, на оборотной стороне – Распятие. Руки Христа согнуты в локтях, концы креста округлые с медальонами, несущими погрудные изображения святых, или евангелистов. Изображения грубые и плоские, некоторые детали (складки одежды) прочерчены. В местах прикрепления медальонов к концам креста – «слезки». Глаза и рот у изображенных выполнены углублениями, створки плохо прилегают друг к другу. Этому энколпиону В. А. Кузнецов видит прямые аналогии среди древнерусских образцов и предполагает, что он мог происходить из могильника на бывшем участке Абдрахманова (*Кузнецов В. А.*, 1968, с. 81–82, рис. 1, б–7). И. М. Чеченов с территорией бывшего участка Абдрахманова связывал Каменномостский грунтовый могильник, никогда не исследовавшийся специально, и ориентировочно датировал его золотоордынским временем (XIII–XIV вв.) (*Чеченов И. М.*, 1969, с. 74).

Позднее были опубликованы рисунок (*Мизиев И. М.*, 1991, с. 36, рис. 45), а затем фото еще одной находки: небольшого равноконечного литого бронзового креста без изображений, с вислицеобразной нижней лопастью и рельефными квадратами на лицевой стороне, с приклепанной дужкой для подвешивания, происходящего из Каменномостского и датированного XI–XIII веками (Архыз – древний центр..., 2009, с. 9). В течение XX века в районе Каменномостского в ходе сбора случайных находок, археологических разведок и незначительных раскопок было выявлено 4 городища с материалами доаланских и аланской археологических культур (*Чеченов И. М.*, 1969, с. 33, 50).

Приведем краткое описание некоторых новых находок христианской металлопластики, насколько это позволяют сделать фотоснимки.

I. Энколпион «сирийского» типа

Двухстворчатый энколпион из медного сплава с гравированным изображением и прямыми немного расширяющимися концами (рис. 2, а, б; 3). Высота – 78 мм; ширина – 50 мм. Створка с прочерченным изображением Богоматери с воздетыми руками (тип Оранты) деформирована и имеет недавнюю трещину у нижнего основания левой лопасти, что привело к частичной утрате изображения в средокрестии, сохранились остатки петель вверху и внизу. Лицевая створка с изображением Распятия наполовину обломана в нижней части и утрачена. Христос изображен в колобии, голова удлинненная, поросшая бородой, в округлом крестчатом нимбе. Черты лица переданы схематично: короткой горизонтальной и вертикальной линиями в виде буквы Т. Над головой – изображение возглавия (без надписи) и части верхнего конца Крестного древа, под перекладной, ниже правой руки, надпись: IC, а под левой – XC. Голова Богоматери

Рис. 2. Энколпион сирийского типа

Рис. 3. Внутренняя сторона створок энколпиона сирийского типа

в нимбе, локти прижаты к телу, ступни расставлены, нижние края одежды округло расширены. Над головой надпись: *MP* ????, на боковых концах дано изображение кипарисов ромбовидной формы. Лотки створок мелкие. Изображения выполнены тонкими врезными линиями, небрежно и схематично. При моделировании складок одежд Богоматери и Христа используются вертикальные линии.

Согласно Н. П. Кондакову, иконографический тип святого с воздетыми руками возникает с конца VI века в сирийских провинциях, а энколпионы с гравированным изображением он относил к VI–X векам (Кондаков Н. П., 1875, с. 72). Находки резных крестов-реликвариев Н. П. Кондаков связывал с границами византийского мира (Египет, Сирия, Греция, Южная Италия, Крым, Северная Африка и побережья Средиземного и Черного морей), отмечая, что приблизительно с XI века «резьба сменяется литейной отливкой рельефных изображений» (Кондаков Н. П., 1998, т. 1, с. 256–260). Сопоставление находок «сирийских» энколпионов и стратиграфических данных, получаемых путем археологических раскопок в регионах «византийского мира» и сопредельных территорий, позволило современным исследователям более уверенно датировать подобные энколпионы X–XI веками (Залеская В. Н., 1988, с. 98–99). Производство и распространение крестов подобного типа расширяется после включения Сирии и Палестины на некоторое время в состав Византийской империи и связывается исследователями с этнической средой православных сирийцев-мелькитов и вывозом производимых ими предметов как на территорию империи, так и на ее окраины. По классификации А. А. Песковой, кресты-реликварии с резным изображением распятого Христа и Богоматери Оранты относятся ко второму типу ближневосточных энколпионов и, вероятно, предназначались для хранения и ношения частиц Честного Креста; датируются они суммарно XI–XII веками (Корзухина Г. Ф., Пескова А. А., 2003, с. 51, 59, табл. 13, 1.2/30).

Провинциальные подражания «сирийским» крестам продлили их бытование вплоть до XIII века. Так, створка бронзового «сирийского» креста-складня с прочерченным изображением Христа в колобии, найденная на территории средневекового поселения у поселка Светлый Путь Темрюкского района (Краснодарский край), отнесена, с учетом херсонесских подобных находок, к XI–XIII векам (Новичихин А. М., 2010, с. 82–83, рис. 1). Почти аналогичный по иконографии нашему реликварию бронзовый литой крест с гравированным изображением Богоматери и распятого Христа, а также одна створка с изображением святого Иоанна, из Портового квартала 2 в Херсонесе, на основании археологического контекста, датируются XIII веком (Византийский Херсон..., 1991, с. 164, илл. 172; ср.: с. 166, илл. 174). Литейная форма XIV века, найденная в Судаке, свидетельствует о спросе на кресты подобной формы и декоративного оформления у населения византийской провинции (Баранов И. А., 2004, с. 542–524, рис. 14), что подтверждает находка створки креста-мощевика в погребении поселения Бокаташ II (Крым), существовавшем в XII – начале XIII века (Крамаровский М. Г., Гукин В. Д., 2006, с. 58–59, илл. 5–7). В целом, исследователи признают, что так называемые «сирийские» энколпионы из Крыма и древнерусских территорий по археологическому контексту могут иметь широкий временной диапазон – от XII до первой половины XIII века (Корзухина Г. Ф.,

Пескова А. А., 2003, с. 50). Образцы, происходившие непосредственно из Сиро-Палестинского региона, датируются В. Н. Залесской X веком (Христианство на Востоке..., 1998, с. 35–41, илл. 30–46). На основании монетных находок, синхронных времени бытования «сирийских» крестов и выявленных в ходе археологических раскопок, кресты-реликварии в Болгарии подобного типа и иконографии датируются концом X – первой половиной XI века (Дончева-Петкова Л., 2006, с. 128–130). В границах исторической Алянии к настоящему времени выявлено около 7 энколпионов сирийского образца, в основном это случайные находки из Пятигорья (Кузнецов В. А., Рудницкий Р. Р., 1998, с. 308, 324, рис. 12, 3; Кузнецов В. А., 2002, рис. 5, 6–8). Несомненно происхождение рассматриваемого энколпиона из восточных византийских провинций, а датировка его вряд ли выходит за пределы второй половины X – конца XI столетия.

Рис. 4. Ампула

Вероятно, к импортным образцам также следует причислить энколпион (рис. 12, 1; 14; 15), имеющий несколько удлиненную форму (74 x 51 мм). Параллельно внешнему контуру мощевика на обеих створках дано углубленно-выемчатое изображение меньшего по размеру креста с раздвоением на концах лопастей в форме ласточкиного хвоста. По краю углубления-креста пущен двойной кант, а концы «вписанного» креста завершаются листовидным украшением с двумя точечными углублениями и одной выпуклой точкой. Крестчатая выемка в подобного типа крестах, возможно, могла заполняться пастой или иной инкрустацией. Однако в нашем экземпляре в крестообразных лотках, «вписанных» в контур креста на обеих створках, прослеживается прочерченное изображение Распятия, во многом аналогичное образу Христа на уже вышеописанном сирийском энколпионе (рис. 2а). Тело и руки Христа прямые, крупная голова в нимбе слегка склонена вправо, набедренная перевязь имеет форму треугольника, детали рук и ног четко не прослеживаются. Возглавие в виде прямоугольника, стороны которого завершаются обращенными к средокрестию треугольниками «ветвями». От нижней лопасти «возглавного креста» вниз отходит ножка. Необычно, что изображение Распятия присутствует на обеих створках этого реликвария. Ориентировочно этот крест-мощевик можно отнести к X–XI векам.

II. Энколпионы и односторонние кресты «древнерусского типа» с литыми рельефными изображениями

1. *Бронзовый литой крест-складень* (примерно 60 x 43 мм), вероятно, состоящий из двух неразомкнутых (?) половинок. На лицевой створке изображено Распятие. Изображение на оборотной стороне неизвестно (не исключено, что крест может являться подражанием энколпиону, односторонней отливкой, поскольку верхняя

Рис. 5. Энкалпион древнерусского типа (а) и крест-тельник с грубым изображением Распятия (б)

петля довольно мала, а нижняя практически отсутствует). Лопасты креста округлые, со «слезками». Над головой Христа схематичное изображение креста. Фигура Христа прямая, ступни расставлены, большая голова склонена вправо, руки полусогнуты в локтях, большие кисти наведены резцом. Характерные для этого иконографического типа святые в медальонах на боковых лопастях креста отсутствуют, на их месте расположены ладони Христа. Изображение сглажено, неотчетливо из-за многочисленных отливок и окаймляется по краю креста бортиком (рис. 5, а).

Близкие аналогии этой створке креста-складня представлены многочисленными находками с территории Древней Руси (Киевщина, Жокинское городище Рязанской обл., Суздаль, Ярополч-Залесский, Белоозеро, Друч, Великий Новгород) (Ханенко Б. И. и В. Н., 1899, т. I, табл. V, 65, 66; VI, 74; VII, 87; Монгайт А. Л., 1961, с. 226, 228, рис. 100, 10; Седова М. В., 1972, рис. 23, 22; Голубева Л. А., 1973, рис. 50, 5; Алексеев Л. В., 1974, с. 209, рис. 1, 2; Седова М. В., 1981, с. 53, рис. 17, 5), золотоордынского города Новый Сарай (Полубояринова М. Д., 1972, с. 169, рис. 3, 3), Херсонеса (Корзухина Г. Ф., 1958, с. 133, табл. III, 4; Корзухина Г. Ф., Пескова А. А., 2003, табл. 70, III, 2, 3/35) и Северного Кавказа (Кузнецов В. А., 1968, с. 82, рис. 1, 2, 4; Рудницкий Р. Р., 2001, с. 116; Иванов Д. А., Носкова Л. М., 2005, с. 182–183; Хушт М. А., 2008, с. 144–146). Этот тип энколпионов датируется серединой XII – первой половиной XIII века (Корзухина Г. Ф., Пескова А. А., 2003, с. 121, 35, табл. 70, III, 2,

Рис. 6. Односторонние подражания энколпионам с изображением Богоматери

Рис. 7. Кресты (1, 3, 5), створка энколпиона (2) и подвеска с изображением креста (4)

3/35). Кресты-складни с аналогичной иконографией Распятия (голова Христа сильно наклонена вправо, тело прямое, а увеличенные кисти рук находятся в местах медальонов, в которых обычно изображаются святые) с территории Древней Руси относят к XI–XIII векам (Чудновец А. А., 2008, с. 97, 100–101, илл. 5а, 14а, 15а, 20). На Северный Кавказ они попадали в основном из Среднего Поднепровья (Киев), где изготавливались, или из Крыма (Херсонес) (Кузнецов В. А., 1961, с. 134; Иванов Д. А., Носкова Л. М., 2005, с. 183; Прокопенко Ю. А., 2011, с. 100–102), и время их бытования в Алянии, вероятно, приходилось на XI – первую четверть XIII века.

2. Лицевая створка энколпиона с Распятием и погрудным изображением святых в медальонах на ветвях равноконечного креста со «слезками» (80 x 62 мм). Отчетливо прослеживаются Крестное древо, нимб над головой Христа, нижний край туники, ноги прямые, сомкнуты, но ступни резко развернуты в стороны, руки прямые. Распятие размещено в плоскости креста, повторяя его контур, окаймленный невысоким бортиком. Рельеф низкий, изображения святых схематичны и почти не прослеживаются. Под нижней лопастью остатки шарнирной петли (рис. 1, 20; ср.: рис. 7, 2). Схожая по иконографии створка небольшого энколпиона, но без верхней части, была обнаружена на городище Андюих Т. М. Минаевой при раскопках одноапсидной церкви X–XII веков, напротив аула Хабез (Карачаево-Черкесия) (см.: Кузнецов В. А., 1968, с. 81–82, рис. 1, 5). В 1886 году из селения Лезгор (территория современной Северной Осетии–Алянии) в Императорскую Археологическую комиссию поступил бронзовый энколпион «киевской работы»: на лицевой стороне было Распятие, а на оборотной – Богоматерь Одигитрия; концы складня завершали изображения святых в 4 медальонах. Ю. А. Прокопенко, опубликовавший

Рис. 8. Кресты с геометрическим декором (1) и грубым изображением Распятия и святых в медальонах (2)

забытую находку, относит этот энколпион к XII – началу XIII века (Прокопенко Ю. А., 2011, с. 102, рис. 1, 3–3а). Сходны иконографические особенности изображения Христа на публикуемом кресте с Калежского городища и из осетинского селения Лезгор: астеническое удлиненное тело и тонкие прямые руки.

3. Изображения на крестах-мощевиках служили моделью для отливки односторонних плоских медных и бронзовых крестов-тельников различных размеров и иконографических вариаций. Отличия во внешней форме крестов даже одного типа может косвенно указывать на длительный период производства предметов мелкой культовой пластики как различными ремесленниками городища, так и на поступление крестов из сопредельных территорий. Вероятно, формы для подобных отливок изготавливались из глины. Рельеф получался сглаженный, низкий, без мелких подробностей, присущих прототипу.

Речь идет о равноконечных крестах с закруглениями на концах в виде медальонов. В местах примыкания медальона к лопасти имеются выступы-«слезки» (различной величины) внешне они декорируют край лопасти, придавая ей слегка расширенный характер. Нижняя лопасть несколько длиннее верхней. Контуры медальонов варьируются: от правильно-округлых до овальных, или слегка уплощенных, в месте примыкания к краю лопасти креста. Изображение святого в медальоне погрудное или передано схематично анфас только лицо (рис. 1, 4, 8, 9, 11, 13–15, 18; 7, 1, 3; 12, 3). При изображении Распятия встречается три варианта: 1) силуэт Христа, облаченного в колобий, прямой, без детализации, голова не склонена, черты лица не просматриваются, руки прямые с несколько

Рис. 9. Различные типы нательных крестов

Рис. 10. Кресты нательные, имеющие завершения концов в виде трилистника

увеличенными ладонями (рис. 1, 9); 2) Христос препоясанный, голова склонена вправо, руки или ноги слегка согнуты в коленях (рис. 1, 4, 11); 3) голова Христа круглая, без нимба и обозначения волос и бороды, на лице четко выделены брови, глаза, прямой выступающий нос (в таком виде дано изображение и ликов святых в медальонах); руки прямые в виде выпуклых линий, переходящих в контуры тела, а затем обозначение ног; ступни повернуты вправо, левая ступня приподнята и находится выше правой, что создает впечатление «идущего» Христа (рис. 1, 18; 8, 2).

Изображение Богоматери Одигитрии контурное, без проработки деталей, с обозначенным условно Младенцем на левой руке; на односторонних отливках крестов подобного типа преимущественно представлена сцена Распятия, образ же Богоматери встречается реже (рис. 1, 14; 6, б; 12, 2, 4), хотя он также, вероятно, копируется с крестов-реликвариев. Один из экземпляров имеет высокий четкий рельеф (возможно, одна из первых отливок), но глаза и уста Богоматери переданы углублениями, фигура Младенца Христа передана схематично (рис. 12, 2). В верхнем медальоне одного из крестов помещено изображение солнца и луны (рис. 1, 11).

Особенностью некоторых «аланских» находок является размещение на концах крестов двух медальонов с ликами святых. Так, бронзовый крест с изображением Распятия и 8 святыми в медальонах был найден у горы Развалка, близ Железноводска (Кузнецов В. А., 2002, рис. 5, 5), в погребении Келийского могильника конца

Рис. 11. Фрагмент креста с окончаниями ветвей в виде двух медальонов

XIII–XIV веков (Ингушетия, Назрановский р-н) (*Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., Голованова С. А., 1990, с. 7, рис. 1, а, б*). На Калезском городище выявлен крест с изображением Распятия и восьмью медальонами (рис. 11), но утраченной верхней лопастью (48 x 35 мм), а также с изображением Богоматери Одигитрии (58 x 40 мм – рис. 6, а).

На некоторых крестах этого типа святые в медальонах обозначены условно: схематичное изображение лица, контур погрудного изображения (рис. 1, 8, 9, 14, 15), выпуклая точка или декор, приближающийся по форме к розетке (рис. 1, 13). Углы средокрестия варьируются от прямых до дугообразных. Обратная сторона креста, как правило, плоская, с проседанием металла в местах, где находится выпуклый рельеф лицевой стороны. Образ «триумфирующего» Христа при изображении Распятия указывает на иконографические образцы IX–X веков, которые были, вероятно, архетипами для найденных на Калезском городище экземпляров. Внешняя форма энколпионов и односторонних литых крестов рассматриваемого типа, происходящих с территории Алании, а также некоторые древнерусские аналогии, позволяют отнести эти и подобные им экземпляры в основном к XI–XII векам, в крайнем случае, их активное производство и бытование может быть продлено до первой трети XIII века.

Ушко для подвешивания у таких односторонних крестов плоское, но встречается и более широкое, профилированное (рис. 1, 4, 8, 11). Во всех экземплярах присутствует бортик, окантовывающий плоскость креста и медальонов. Завершение концов креста двумя кругами встречается на бронзовых болгарских крестах X–XI веков, украшенных декоративной плетенкой (*Вьлева Ю., 1981, с. 75, рис. 7*), что не противоречит предлагаемой датировке.

Ушко для подвешивания у таких односторонних крестов плоское, но встречается и более широкое, профилированное (рис. 1, 4, 8, 11). Во всех экземплярах присутствует бортик, окантовывающий плоскость креста и медальонов. Завершение концов креста двумя кругами встречается на бронзовых болгарских крестах X–XI веков, украшенных декоративной плетенкой (*Вьлева Ю., 1981, с. 75, рис. 7*), что не противоречит предлагаемой датировке.

III. Кресты-тельники с «грубым изображением Распятия»

Выявлено всего 11 «калезских» крестов подобного типа, распадающихся на 3 иконографических варианта (рис. 1, 6, 7, 10, 12, 17, 19, 21–23; 56; 9). В ставрографической литературе кресты-тельники с так называемым *грубым изображением Распятия* до недавнего времени связывались с изделиями скандинавских или в целом североευропейских мастеров. Односторонние литые четырехконечные крестики небольших размеров с петлей имели изображение распятого Христа в хитоне. Над головой часто помещался маленький крестик. На лице Христа подчеркивались усы и борода. Кисти рук, как правило, были увеличены. На груди могла находиться перевязь, изображались складки одежды. На территории Скандинавии, Финляндии, Руси аналогичные кресты датируются в пределах XI века. И. Толстой и Н. Кондаков с подобной схемой изображения Распятия крестик из Херсонеса отнесли к

X–XII векам, называя его тип «корсунским» (*Толстой И., Кондаков Н., 1897, с. 31–32, рис. 22*). Причем, большая часть найденных крестов была обнаружена в курганах с труположениями XI века (*Репников Н. И., 1904, с. 12–20, табл. III, 17; Дубов И. В., 1982, с. 179, 240, рис. 42, 11*). М. В. Седова отнесла такие изделия к скандинавским (*Седова М. В., 1981, с. 49–50, рис. 13, 2, 3, 4*). В. В. Седов высказался в пользу их великоморавского происхождения и считал, что крестики с так называемым грубым изображением распятия Христа появились на восточно-славянской территории до официального принятия христианства Древнерусским государством в связи с инфильтрацией в Поднепровье среднедунайских славян (*Седов В. В., 2002, с. 547*).

По данным дендрохронологии, в Новгороде аналогичные кресты выявлены в слоях, датируемых периодами с 972-го по 989 год, а также с 1030-го по 1040-е годы (*Седова М. В., 1981, с. 49–50; Петрухин В. Я., Пушкина Т. А., 2009, с. 163*). Большое количество вариантов иконографии сцены Распятия на подобного типа крестах позволяет только осторожно утверждать, что они могли появиться в Византии и Средней Европе (Балканы, Подунавье) во второй половине IX века, а получить распространение в Восточной и Северной Европе в X–XI веках. Вопрос о меднолитых крестах-тельниках с так называемым грубым изображением Распятия исследователи вполне обоснованно считают дискуссионным (*Корзухина Г. Ф., Пескова А. А., 2003, с. 43*), особенно вопрос об общем иконографическом источнике многочисленных разновидностей подобного типа изображения. Вполне вероятно, византийское

Рис. 12. Энколпион (1), односторонние кресты с изображением Богоматери (2, 4), Распятия (3); ампула (6), кресты-тельники различных типов (5, 7–10)

происхождение протомodelей «скандинавских» крестиков (*Fulgesang S. H.*, 1997, р. 39). Рассмотрим основные разновидности аланских крестов-тельников с грубым изображением Распятия, которые имеют некоторые существенные отличия от иконографии «скандинавских» крестиков.

1. *Кресты примерно равноконечные*, без учета размеров петли (35 x 35; 28 x 30; 40 x 34 мм), с прямоугольными лопастями (рис. 1, 1, 6, 12; 56). Один из крестиков имеет более длинную и широкую нижнюю лопасть (рис. 1, 1). Голова Христа большая, с выделением только глаз и «шапкой» волос, обозначенных точечками, туловище укороченное или почти отсутствует, без признаков одежды. Ноги прямые, ступни повернуты влево, руки прямые с подтреугольными плоскими ладонями. По краю креста бортик, а над головой Христа символическое изображение луны и солнца в виде схематического знака ∞. Один из вариантов в иконографии – Христос в широком одеянии, конец хитона переброшен через левое плечо, под ногами подножие (рис. 1, 1). На обороте этого креста, в средокрестии, углубленными четырьмя точками дано маленькое изображение крестика. Аналогичные кресты-тельники были выявлены в аланских катакомбах XI–XII веков у станицы Змейской (Северная Осетия) В. А. Кузнецовым, в верховьях реки Уруп (Ильичёвское городище), на территории поселка Шахта № 6 (Карачаево-Черкесия) (*Малахов С. Н.*, 2011, с. 44). Такие крестики могли поступать на Северный Кавказ из восточных провинций Византии, Черноморского побережья, Юго-Восточного Понта или по ранее заезженным образцам изготавливаться на месте.

2. *Равноконечный литой квадрифолий*, концы в виде полукружий-лепестков слегка сужаются к средокрестию, верхняя лопасть несколько сдвинута вправо относительно нижней лопасти. По краю крестика – бортик. Изображение Христа предельно упрощенное и занимает всю плоскость креста, ладони распятого большие с выделением пальцев, ступни расставлены в стороны, фигура и лицо Спасителя не детализированы (рис. 1, 7). Ближайшая аналогия – крест из Отрадненского историко-археологического музея, происходящий из подъемного материала с верховий реки Уруп (*Малахов С. Н.*, 2011, с. 42–44, рис. 1, 1), изображение на отрадненском кресте было дополнительно подправлено резцом. Прототипом последнего может являться византийский бронзовый крест из Смирны (Малая Азия), относимый к VII веку (*Wulff O.*, 1909, taf. 45, 935), а также близкие по форме и стилистике литые кресты из Абхазии (*Хрушкова Л. Г.*, 2002, табл. LXXX, 1) Предполагается, что ранние кресты-тельники с изображением Спасителя начинают изготавливаться в VI–VII веках в Византийской империи (*Молодин В. И.*, 2005, с. 89), а затем получают распространение на ее окраинах. В пределах Алании они появляются не ранее X века; в частности, на Ильичёвском городище (междуречье Урупа и Кувы) такие крестики могли иметь хождение в повседневном быту между второй половиной X–XII веков и непосредственно относиться к периоду, связанному с началом и дальнейшей христианизацией населения Алании.

3. *Почти равноконечные кресты* с рельефным выпуклым и плоские с углубленным линейно-контурным изображением распятого Христа, со слегка расширяющимися концами и плоской припаянной петлей над верхней лопастью. Размеры (без

учета петли) обычно колеблются – 25 x 24, 27 x 20 и 30 x 25 мм; в четырех экземплярах петля для подвешивания сдвинута вправо от центра, что указывает на изготовление в одной форме. Сцена Распятия дана упрощенно: тело и руки Христа прямые, голова округлая, с обозначением глаз, носа и бороды; ступни ног разведены в стороны, руки прямые, кисти рук не детализированы или изображены в виде острого угла, над головой крест. Препоясание в виде «юбочки» над короткими ногами. По краю плоскости креста идет углубленная линия (рис. 1, 10, 17, 19, 21–23). Близкие по иконографии кресты-тельники, как уже отмечалось, изготавливались, по мнению некоторых исследователей, в Центральной Европе (*Седов В. В.*, 2002, с. 547). Однако образцами для них в Моравии и Паннонии были явно византийские модели. Форма крестов и особенности изображения Распятия указывают на их провинциально-византийское происхождение X–XI веков. Возможно их воспроизведение и в Алании.

IV. Кресты с изображением неизвестных святых

1. *Крест-квадрифолий из медного сплава* с квадратом в средокрестии, всю плоскость креста занимает изображение святого с поднятыми руками, локти округленные, ладони большие, ступни ног смотрят вправо, одеяние с широкими рукавами в предплечьях. Возможно, правой рукой он что-то держит, в левой и правой ветвях квадрифолия неясные изображения, над верхней округленной лопастью небольшая петля, оборотная сторона плоская. По краю плоскости креста невысокий бортик. Кресты в двух экземплярах: 35 x 34 мм и 25 x 25 мм (оба без учета величины петли – рис. 1, 2, 5). Изображение святого дано без деталей, контур фигуры оплывший и сглаженный, что свидетельствует о длительном тиражировании этого типа крестов или изготовлении формы для литья с уже «затертых» моделей.

2. *Фрагментированный* (часть нижней лопасти не сохранилась) *из медного сплава крест* с широкими короткими ветвями, со «слезками» на концах и петлей в верхней части (36 x 30 мм). Крест оконтурен бортиком, на плоскости всего креста изображение святого на коне, едущего вправо. Святой правой рукой перед собой держит на длинном древке крест, а левой – поводья. Изображение всадника рельефное, но обобщенное (рис. 1, 3). Аналогичное изображение, но более схематичное, было дано на бронзовом литом энколпионе, который хранился в Кисловодском народном музее в 1965 году. В настоящее время данных о его местонахождении нет. Формы этих крестов – равноконечные со «слезками» на прямоугольных ветвях (калежский вариант) или дополненные крупными медальонами (кисловодский вариант), а также сюжет – изображение конного воина-святого (возможно, святого Дмитрия Солунского или святого Георгия) позволяют датировать эти кресты в Алании не ранее XI столетия.

V. Круглые крестовключенные подвески

Круглые литые бронзовые прорезные подвески с включенным крестом (рис. 13). Диаметр круга примерно от 25 до 33 мм. Подвеска в центре имеет равноконечный, со слегка расширяющимися концами, крест. Концы лопастей украшены «слёзками» и декоративными треугольниками, сходящимися к центру и повторяющими контур лопасти. В центре креста кружок или шишечка. Концы креста крепятся к внешнему кругу тонкими перемычками, или упираются в него (тогда конец креста приобретает форму трилистника). Углы средокрестия закруглены. Край медальона представлен в виде одинарного или двойного валика, иногда по краю пущен шнуровидный орнамент, создаваемый путем косой насечки. Иногда крест имеет форму четырехлеобразных лепестков. Оглавие имеет вид уплощенной бусины или плоского ушка.

Подвески подобного типа до сих пор не были известны среди северокавказских христианских древностей. Возможно, их распространение среди аланского населения следует связывать с начальными этапами христианизации, поскольку они очень близки по форме к колесовидным аланским амулетам и, скорее всего, заменяли собой ранее широко встречавшиеся языческие солярные амулеты VIII–IX веков (см.: *Албегова З. Х.*, 2001. С. 83–96).

Некоторые амулеты, вероятно, относящиеся к рубежу IX–X веков (*Ковалевская В. Б.*, 1995, с. 133, рис. 1, 23, 24), имеют почти аналогичные изображения креста, которые представлены на публикуемых подвесках, но следует обратить внимание на различие в оформлении петли для крепления: в христианской подвеске представлена в виде уплощенной бусины, отверстие в ней параллельно плоскости крестовключенной подвески; в языческом варианте петля в виде скобы и отверстие в нем перпендикулярно плоскости привески. В этом отличии следует видеть несоответствие ремесленных приемов, обусловленных различными культурными традициями.

Рассматриваемые подвески из меди и бронзы, с некоторыми вариациями при изображении креста, широко известны среди древностей, встречаемых в курганах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси XII–XIII веков (*Николаева Т. В., Недошивина Н. Г.*, 1997, с. 166–178, табл. 103, 43, 44). М. В. Седова подобную подвеску XII века называет монетовидной и относит к нагрудным украшениям, не акцентируя внимание на символике (*Седова М. В.*, 1981, с. 40, 42, рис. 14, 1). С. А. Плетнева крестовключенную подвеску из Саркела-Белой Вежи причисляет к категории саркельских «ритуальных» предметов (*Плетнева С. А.*, 2006, рис. 83, 2). Иногда в них видят славянские амулеты-привески, суммарно датируя XI–XIII веками (*Голу-*

Рис. 13. Круглые крестовключенные подвески

бева Л. А., 1997, с. 338, табл. 53, 27). Новые находки подобных привесок сделаны в Московской, Курской, Рязанской (*Чудновец А. А.*, 2008, с. 9–10), Ярославской областях (*Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н.*, 2005, с. 140, рис. 4, 14), в Галиче Волынском (Украина). В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина считают крестовключенные круглые подвески христианскими амулетами и относят их появление в Южной Руси уже к концу X века (*Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.*, 2009, с. 163), справедливо связывая начало их распространения на Руси с христианизацией. Аналогии круглым литым подвескам с прорезными крестами, хотя и не всегда полные, известны в Византии (*Corinth*, 1952, pl. 111, 2090–2092) и средневековой Эфиопии (*Бакстон Д.*, 2002, с. 194, рис. 42). Формы креста на подвесках подтверждают изготовление ранних образцов подобного типа предметов в ремесленных мастерских провинциальных византийских центров, поскольку отражают иконографические особенности в изображении креста, характерные для X–XI веков.

Встречаются подвески подтреугольной формы, выполненные из медного листа с отверстием на вершине «треугольника». Углы подвески закруглены, по краю выбит пунсонный бордюр из точек, в центре – крест в виде горизонтальной и вертикальной линий (рис. 7, 4).

VI. Орнаментированные кресты-тельники

Простые по технологии изготовления литые (медные или бронзовые) кресты, но несущие на своей плоскости геометрические украшения в форме квадратов, кругов, точек и шишечек, повторения в уменьшенном виде контура креста («крест в кресте»), в подавляющем большинстве с лицевой стороны, представлены следующими вариантами.

1. *Почти подквадратный по форме («Георгиевский») четырехконечный крест* с равными концами. Лопастей равномерно расширяются от центра к ровно обрешанному краю. Иногда встречаются кресты со слегка вогнутыми краями. Оглавие в виде уплощенной петли. Размеры от 21 x 22 до 27 x 28 мм, не считая петли. Углы средокрестия между лопастями варьируются от острых до закругленных. Внутри креста помещен меньший крест в форме вертикальной оси и перекладины, концы которых раздваиваются (рис. 9). Другой вариант оформления представлен в виде кружка в центре средокрестия и направленных к нему острыми концами треугольников, размещенных в четырех лопастях. По краю крестов представлен слабовыраженный бортик (рис. 12, 5).

2. *Кресты равноконечные* (20 x 23, 25 x 29, 28 x 33 мм), с шишечкой в ромбическом средокрестии и короткими раздвоенными лопастями. На конце раздваивающейся лопасти обычно медальон в форме шишечки, что в целом по форме напоминает трилистник. Иногда лопасти бывают удлиненными, но завершение лопасти «трилистником» сохраняется (рис. 10).

3. *Крест равноконечный* с прямыми ветвями, слегка расширяющимися на концах. Концы слабо вогнуты. Лопастей креста украшены квадратами, по краю – бортик (рис. 8, 1).

4. *Крест равноконечный* (часть нижней лопасти обломана) с резко раздваивающимися концами, украшенными «слёзками». В центре средокрестия – шишечка, из которой выходят «лучи», повторяющие вертикальную ось и перекладину креста (рис. 10).

5. *Серебряный равноконечный крестик* с тонкими лопастями, декорированными тремя точками на концах и точкой в средокрестии (рис. 12, 10).

6. *Крестик-тельник* с плоской петлей, завершающей верхнюю лопасть. Левый, правый и нижний концы украшены шишечками, лопасти узкие и округлые в сечении. Крестик имеет дефекты литья, что указывает на его местное производство. Размеры таких примитивных крестиков примерно 20 x 35 мм (вместе с петлей для подвешивания), и они были, вероятно, предметом массового производства (рис. 16).

VII. Амбула

Впервые среди северокавказских христианских древностей выявлена ампула для святой воды или масла. Византийские ампулы известны с V–VII веков и часто несли изображения святых. Аланская ампула изготовлена из медного листа, имеет округлое тулово и воронкообразное горлышко с двумя полукруглыми ручками, диаметр тулова – 35 мм, высота с горлышком – 47 мм. На лицевой стороне просматривается крест. Изображение на оборотной стороне неизвестно. Обычно ампула подвешивалась на тесьме. Простой декор и медный лист, из которого изготовлена ампула (вероятно, составлена из двух половинок), кажется, свидетельствуют в пользу местного подражания византийским импортам (рис. 4; 12, 6). Находки более сложно декорированных свинцовых ампул с образами святых в Болгарии, Херсонесе, Новгороде исследователи связывают с паломничеством церковнослужителей в Византию и Святую землю в X–XII веках (подробнее см.: *Залеская В. Н.*, 1980, с. 263–269; *Седова М. В.*, 1981, с. 173, 174, рис. 74, 3; *Мусин А. Е.*, 2009, с. 231–272).

VIII. Железные кресты «византийско-кавказского» типа

Железные кресты этого типа, получившие хождение в среде христианского населения Северного Кавказа, Причерноморья и Византии, имели, вероятно, широкое предназначение, но аланским населением чаще использовались как votive подношения, символы собственности и объекты религиозного поклонения. Типология их еще не разработана, но формы крестов отличаются большим разнообразием. Оба рассматриваемых креста имеют удлиненную узкую нижнюю лопасть, завершающуюся заостренным концом – втоком, предназначенным для закрепления в деревянном шесте, рукояти или подставке. У одного из крестов (высота – 210 мм, ширина – 110 мм) верхняя и боковые лопасти на концах имеют лапчатое расширение подтреугольной формы, довольно часто встречающееся в подобных памятниках. У второго креста верхняя лопасть также уширена, но боковые фактически отсутствуют – их заменяет несколько удлиненный прямоугольник в средокрестии, поэтому размеры креста нетипичны: высота – 220 мм, а ширина – 30 мм. Как правило, кресты подобного типа изготавливались из одной полосы железа, в этом случае горизонтальные лопасти креста получались укороченными; но если использовались две металлические заготовки, то они скреплялись в средокрестии заклепкой.

Рис. 14. Энколпион с декоративно-растительным украшением обеих створок

Рис. 15. Внутренняя сторона створок энколпиона (рис. 14) с дефектами литья

Железные клепаные или кованые пластинчатые кресты неоднократно обнаруживались при раскопках христианских памятников X – начала XIII века и в позднесредневековых святилищах на Северном Кавказе (см.: *Ложкин М. Н., Малахов С. Н.*, 1996, с. 202–208). Венгерский монах-доминиканец Юлиан, побывавший в Алании накануне монгольского завоевания, свидетельствует, что крест у аланов пользовался особым почитанием и его часто использовали при различных житейских обстоятельствах в качестве оберега: «Крест в таком здесь уважении, что бедные, как ту-

Рис. 16. Кресты с верхней лопастью-петлей. На экземпляре слева – следы литейного производства

Рис. 17. Железные кресты

земцы, так равно и пришельцы, которые не в состоянии иметь с собою много людей, если поместят какой-нибудь крест на конце шеста с хоругвей, и подняв его, несут, во всякое время могут идти безопасно» (Аннинский С. А., 1940, с. 79). Любопытно, что еще в середине XIX века у горцев Северного Кавказа кресту оказывалось особое почтение: крест, составленный из палок или ветвей дерева, водружали над поклажей, оставленной на дороге, чтобы предохранить от расхищения; крест ставился также «над оставленными в поле копнами хлеба или сена, и служил лучшей оградой, надежнейшим стражем от чьего-либо посягательства на достояние ближнего» (Кавказ... 1850, отд. «Смесь»). Вероятно, подобные «византийско-кавказскому» типу металлические кресты устанавливались на кровле небольших горских церквей, насколько можно судить об этом по фотографиям Нузальской часовни, еще в конце XIX века (Кузнецов В. А., 1990, с. 172, рис. 20). Железные кресты с округло-расширенными концами встречались при раскопках византийского Коринфа в слоях, датируемых XI–XII веками (Corinth, 1952, pl. 90, 1505, 1507). Археологически выявленные железные кресты при раскопках христианских памятников, а также найденные в культурных слоях аланских поселений могут уверенно отнесены к X – началу XIII века.

Подводя предварительные итоги анализа мелкой христианской культовой пластики из Каменноостского и его окрестностей, следует отметить, что подвоящая часть находок не выходит за хронологи-

ческие границы X–XII веков. Отдельные типы крестов могли бытовать и в первой половине XIII века. Высказывавшиеся предположения о суммарной датировке энколпионов и крестов концом XIV века (Котляровы В. и М., 2011, с. 12) не находят подтверждения с учетом иконографии изображений на изучаемых предметах и техники их производства. В районе Каменноостского, вероятно, находились ремесленные мастерские, специализировавшиеся на изготовлении и распространении христианской металлопластики, что могло иметь место только в домонгольский период. Многие крестики, особенно простых и небольших форм, круглые крестовключенные подвески, кресты с грубым изображением Распятия имеют дубликаты, что говорит в пользу производства массовой продукции, которая была скорее местной, чем привозного происхождения. Кресты с односторонним изображением изготавливались в открытых литейных формах. Рельефность изображения сочеталась с углублением его отдельных частей или дополнительной проработкой резцом уже полученной отливки. Кресты, изготавливавшиеся в открытой форме, имеют характерную ноздреватость и неровность оборотной стороны. Разнообразие иконографических типов и «затертость» литейных матриц, проявлявшаяся в нечетких, а подчас условных изображениях, свидетельствуют не только о различных центрах импорта изначальных образцов, но и о длительном процессе воспроизводства ранее полученных моделей.

Косвенно на широкое распространение христианства в Западной Алании указывает изготовление и использование жестких литейных форм, особенно для производства различных вариантов мелких нательных крестов, некоторые из них сохранили следы литейного производства и брака. Жесткие литейные формы, изготавливавшиеся из камня, позволяли наладить серийное производство, что говорит в пользу массового спроса на предметы христианского культа, характерного преимущественно для второй половины X – конца XII века. Можно надеяться, что появление и накопление новых данных по аланским нательным крестам позволит поставить вопрос о конкретных центрах производства аланской культовой металлопластики и ее ассортимента, а также о связях этой разновидности ремесла с традиционным медно-литейным производством сельских и раннегородских центров средневекового Северного Кавказа.

Изображение на большей части нательных крестов сцены Распятия с «триумфирующим» Христом убеждает, что основные византийские протомодели, использовавшиеся для литья крестов, относились к IX – началу X века. Кресты-реликварии, распространенные преимущественно среди православного клира и правящей элиты, встречаются в гораздо меньшем количестве по сравнению с крестами-тельниками примитивных форм, но именно массовость незначительных по размеру и невыразительных по декору мелких крестиков служит достаточным подтверждением процесса воцерковления значительной части аланского общества, проживавшего в среднем течении реки Малки. Единичные находки крестов с изображением конного воина-святого дают основание предполагать, что кресты с подобной иконографией могли получить распространение среди представителей военно-служилого сословия. Кресты подобного типа и круглые прорезные

крестовключенные подвески имели образные аналоги среди аланских языческих амулетов с изображением солярных символов и всадников, заключенных в круг. Нельзя исключать вероятности, что ажурные крестовключенные подвески, изготовливавшиеся в Алании по византийским образцам, в дальнейшем становятся предметом вывоза и получают хождение после принятия христианства в Древней Руси.

Находки разнотипных медных и бронзовых крестов – от сирийских крестов-реликвариюв и византийских провинциальных импортов до образцов, характерных преимущественно для древнерусских регионов Восточной Европы, свидетельствуют о широких этнокультурных, религиозных и торговых контактах средневекового северокавказского населения с малоазийскими и ближневосточными провинциями Византийской империи, Крымом и Русью в период христианизации Алании.

Литература

Албегова З. Х. Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // РА. 2001. № 2.

Алексеев Л. В. Мелкое художественное литье из некоторых западно-русских земель (кресты и иконки Белоруссии) // СА. 1974. № 3.

Аннинский С. А., Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М., 1940. Т. 3.

Архыз – древний центр христианства: Альбом / Сост. А. Н. Пинкин, С. Н. Савенко. Тверь, 2009.

Бакстон Д. Абиссинцы: Потомки царя Соломона / Пер. с англ. Н. А. Зотиной. М., 2002.

Баранов И. А. Комплекс третьей четверти XIV века в Судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев, 2004.

Бейтуганов Н. Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1989.

Византийский Херсон: Каталог выставки / Отв. редактор И. С. Чичуров. М., 1991.

Виноградов В. Б., Куза А. В., Магомадова Т. С. Русские кресты XII – XV вв. из селения Майртурп (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.

Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., Голованова С. А. О древнерусских предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ: (Проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990.

Вълева Ю. Средневековни кръстове-енколпиони от Националната художествена галерия // Археология. 1981. Кн. 1–2.

Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.

Голубева Л. А. Амулеты // Древняя Русь: Быт и культура. М., 1997.

Дончева-Петкова Л. О дате двух типов средневековых крестов-енколпионов //

Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Международная научная конференция: Тезисы докладов. СПб., 2006.

Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья: (Историко-археологические очерки). Л., 1982.

Ермоленко М. Памятники древнего христианства на Кавказе // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Ставрополь, 1913.

Залеская В. Н. Группа свинцовых ампул-евлогий из Фессалоники // СА. 1980. № 3.

Залеская В. Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X–XII веках // Восточное Средиземноморье и Кавказ в IV–XVI вв. Л., 1988.

Иванов Д. А., Носкова Л. М. Древнерусский энколпион из Среднего Закубанья // Материальная культура Востока. Вып. 4. М., 2005.

Кавказ. 1850. 13 мая. Отдел «Смесь».

Ковалевская В. Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.

Кондаков Н. П. История византийского искусства и иконографии. СПб., 1876.

Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. М., 1998. Т. 1.

Корзухина Г. Ф. О памятниках «Корсунского дела» на Руси // ВВ. М., 1958. Т. 14.

Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы: Нательные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб., 2003.

Котляровы В. и М. Кавказ: сотни лет спустя // Университетская жизнь. Нальчик, 2011. 23 апр.

Крамаровский М. Г., Гукин В. Д. Крест-реликварий XII–XIII века из могильника в пригороде золотоордынского города Солхат (Крым) // Византийская идея: Византия в эпоху Комнинов и Палеологов: Сб. научн. тр. СПб., 2006.

Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник по раскопкам 1957 г. // Археологические раскопки в районе Змейской в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.

Кузнецов В. А. Энколпионы Северного Кавказа // Славяне и Русь. М., 1968.

Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990.

Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ, 2002.

Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Пятигорск, 2007.

Кузнецов В. А., Рудницкий Р. Р. Поселение «Козьи Скалы» у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. Вып. 1: Археология.

Лавров Л. И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009.

Ложкин М. Н., Малахов С. Н. Железные кресты византийско-кавказского типа из Отрадненского музея // ИАА. Армавир; М., 1996. Вып. 2.

Малахов С. Н. Материалы к церковной археологии Алании (2) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2011. Вып. 3.

Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв.: Важнейшие этногенетические аспекты. Нальчик, 1991.

Молодин В. И. Европейские кресты-тельники // Ставрографический сборник: Сб. ст. М., 2005. Кн. 3: Крест как личная святыня.

Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.

Мусин А. Е. Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии / Ред.-сост. Л. Беляев // *Archeologia Abrahamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама.* М., 2009.

Николаева Т. В., Недошивина Н. Г. Предметы христианского культа // *Древняя Русь: Быт и культура.* М., 1997.

Новичихин А. М. Крест-энколпион с Таманского полуострова // *АЖ. Армавир,* 2010. № 3–4.

Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Новые данные о процессе христианизации Древнерусского государства / Ред.-сост. Л. Беляев // *Archeologia Abrahamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама.* М., 2009.

Плетнёва С. А. Древнерусский город в кочевой степи. Воронеж, 2006.

Полубояринова М. Д. Русские вещи на территории Золотой Орды // *СА.* 1972. № 3.

Прокопенко Ю. А. К вопросу о характере торговли и транспортных магистралей, связывавших Центральное Предкавказье и древнерусские княжества в X – нач. XIII в. // *ИАА.* 2011. Вып. 10.

Репников Н. И. Отчет о раскопках в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 г. // *ИАК.* 1904. № 6.

Рудницкий Р. Р. Два древнерусских креста-складня с Развальского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов межрег. научн. конф. Ставрополь, 2001.

Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н. Средневековое поселение Усть-Шексна // *РА.* 2005. № 4.

Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Седова М. В. Ювелирные изделия из Ярополч-Залесского // *КСИА.* 1972. № 129.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.

Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства: (Курганные древности и клады домонгольского периода). СПб., 1897. Вып. 5.

Ханенко Б. И. и В. Н. Древности русские: Кресты и образки. Киев, 1899. Т. 1.

Христиане на Востоке: Искусство мелькиотов и инославных христиан: Каталог выставки. СПб., 1998.

Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М., 2002.

Хушт М. А. Нательные христианские кресты из Адыгеи // *Культурная жизнь Юга России.* 2008. № 4 (29).

Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии: (Материалы к археологической карте). Нальчик, 1969.

Чудновец А. А. Каталог средневековой мелкой пластики. М., 2008.

Davidson J. R. The minor objects // *Corinth.* Vol. XII. Princeton; N. J., 1952.

Fulgesang S. H. A Critical Survey of Theories on Byzantine Influence in Scandinavia //

Rom und Byzanz in Norden Mission und Glaubenswechsels im Ostseeraum warend des 8–14 Jahrhunderts. 1997. Bd. I.

Wulff O. Altchristliche und mittelalterliche, byzantinische und italienische Bildwerke. Berlin, 1909. Teil 1: Altchristliche Bildwerke.

Список сокращений

- АЖ – Археологический журнал. Армавир
- ВВ – Византийский временник. Москва
- ИАА – Историко-археологический альманах. Армавир, Москва
- ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии
- МИА – Материалы и исследования по археологии
- РА – Российская археология
- СА – Советская археология

Сергей Малахов, Роман Рудницкий

СВЕТ, СТРУЯЩИЙСЯ ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

История эта произошла в одном из ответвлений Баксанского ущелья, что относительно недалеко от селения Былым.

От старика, всю жизнь пасшего скот в верховьях, стало известно, что он знает место, где находится скала, вход в которую заложен рукотворной кладкой. Причем она настолько идентична скальным разводам, что практически невозможно догадаться, где камни сложены рукой человеческой, а где постаралась природа. Старик бывал в этих местах многократно и у него даже мысли не возникло, что там, внутри, что-то может находиться. Совершенно случайно он стал свидетелем, как собака вспугнула зайца, погналась за ним, а тот рванулся к скале и исчез, хотя спрятаться ему было некуда.

Заинтересовавшись, старик в поисках норы, в которой мог спрятаться заяц, подошел поближе, пригляделся внимательно и только тогда увидел в скале проход, заложенный плотно пригнанными друг к другу камнями. Между двумя нижними, соединенными известковой кладкой, разошелся шов, образовав узкую щель. Старик опустился на колени, протянул руку в щель, предполагая, что она неглубокая и он сможет достать зайца. Но рука вошла в трещину до плеча, не встретив никаких препятствий.

Тогда пастух срубил росшую поблизости небольшую березку, обстругал ее. Получилась палка длиной около трех метров и она вся вместе с рукой вошла в отверстие. Старик очистил скалу от мха, травяных наростов, занесенной ветром в щели земли и понял, что перед ним рукотворная стена. Много раз он впоследствии приходил сюда, приносил различный инструмент, один раз даже длинный острозаточенный штык. Но проникнуть внутрь так и не смог. Камни держались друг за друга как влитые. Их так подобрали или обтесали, что они, зажатые между собой, связанные к тому же раствором, казалось, стали со временем единым монолитом.

Вскоре старик бросил свои попытки проникнуть в пещеру. Тем более что когда он рассказал об этом кому-то из соседей, реакция была однозначной: скорее всего найден вход в могильник, а покой мертвых лучше не нарушать.

Так прошли годы, старик отпал свое, радикулит скрутил его ноги, и он постоянно находился дома. И очень удивился, когда к нему пришли трое

молодых людей и попросили показать дорогу к той скале. Старик не стал интересоваться, откуда гости прослышали о пещере, но чем он мог помочь им в своем сегодняшнем положении? Только тем, что рассказал, как найти место.

Рассказал-то подробно, с привязкой к ориентирам, и ребята как будто все поняли, но пришли к нему через пару дней несолоно хлебавши – усталые, злые, ненашедшие. Снова объяснил старик, даже подобие карты нарисовал, но тем не менее молодых людей вновь постигла неудача. И только на третий раз они нашли вход.

Осмотрелись, огляделись, потюкали в узкие щели между камнями зубилом и поняли: без серьезных современных технических средств не справятся. Вот если бы использовать перфоратор, тогда другое дело. Но от какого источника энергии он будет работать в горах?

Только на следующее лето они смогли подготовиться нужным образом и найти все необходимое для пробивки отверстия в скале. За два захода подняли наверх японский перфоратор марки «Макита», небольшой генератор, работающий на бензине, пару ломов. И сразу, хоть дело шло к вечеру, приступили к работе. Часа через полтора нижний камень по всему периметру которого через каждые 10–15 сантиметров было просверлено что-то вроде горизонтальных шурфов, поддался. С помощью ломов, используемых как рычаги, его удалось сдвинуть с места, потом выдвинуть

Массив Гижгит

вперед и наконец отвалить. Со вторым камнем оказалось куда проще – его выворотили практически мгновенно.

Открывшееся отверстие позволяло спокойно пролезть человеку, что и сделал один из троих: освещая дорогу надетым на лоб мощным фонариком, он, как ящерица, скользнул внутрь скалы. Пробыл он там сравнительно недолго – по лучу фонарика оставшиеся снаружи товарищи поняли, что он ползет обратно. Оказалось, они проникли не в само захоронение, а в своего рода предбанник – длиной около 4–5 метров и к тому же совершенно пустой. Путь вперед закрывала еще одна стенка, также сложенная из плотно пригнанных друг к другу камней, но при этом следы швов не были тщательно заделаны, как снаружи, а явственно просматривались.

Уже стемнело, но желание молодых людей узнать, что там внутри, было столь велико, что они решили попытаться преодолеть сразу и вторую стену. Один из них вновь пролез в отверстие, другой подал ему перфоратор, а потом и сам последовал за товарищем; третий остался у скалы.

Осмотрев при свете фонариков новое препятствие, они выбрали место на стыке камней и включили аппарат. Оба почему-то были уверены, что стена эта значительно тоньше и они легко ее преодолеют. Но не тут-то было. Пробойник шел вперед с трудом, постоянно застревал, отчего его приходилось раз за разом вытаскивать из узкого, не желающего расширяться, отверстия. Когда наконец сверло прошло через стенку, ребята окончательно выбились из сил и решили продолжить работу завтра.

Первым скользнул в щель тот, на голове которого был фонарик. Вот луч от его фонаря скрылся за камнем, в пещере установилась темнота, но, как оказалось, неполная. Откуда-то пробивался слабый отсвет. Оглянувшись, оставшийся в пещере молодой человек понял, что это сочащееся пятнышко света льется из отверстия, которое они только что пробили во второй стене. Не раздумывая, он припал глазом к дыре, сожмурился, но ничего, кроме голубоватого мерцающего пятна, не увидел. Ясно было одно: там, внутри, что-то светится. Но что может светиться в чреве скалы, где никто не был столетия, а по большому счету тысячелетия?

Молодой человек позвал товарищей, они вернулись, но ни один не смог уверенно предположить причину свечения во второй пещере феномена. Тем более, что толком ничего не было видно.

Друзья посоветовались и приняли решение заночевать в «предбаннике» – все не под небом, да и в закрытом помещении куда теплее. Нарвали снаружи травы, соорудили что-то вроде постелей, подложили под голову рюкзаки, но еще долго не могли заснуть: неизвестная природа свечения в соседнем помещении будоражила и волновала. Но страха ни у одного из троих не было.

Страх пришел потом, когда все они одновременно проснулись и, не сговариваясь, не произнося ни слова, отталкивая друг друга, полезли наружу.

Остановились также дружно лишь в метрах 20–25 от пещеры:

– Ты что?

– А ты что?

Тут-то и выяснилось, что всем троицам приснился один и тот же сон: некто – большой и страшный, настолько реальный, что они ощутили его присутствие и даже, как им показалось, тяжелое дыхание, – явственно произнес следующее: «Зделайте дыру и забудьте об этом месте. Не тревожьте покой мертвых, иначе смерть придет и за вами».

От звуков таинственного голоса парни проснулись и рванули наружу. Эта одновременность действия, последовавшего за тем, что произошло во сне, настолько потрясла доморощенных гробокопателей, что они даже не обсуждали, как поступить дальше. Медленно, оглядываясь по сторонам, вернулись к пещере и лихорадочно, при свете звезд, стали заделывать вход, для чего вернули на место голыми руками (откуда только силы взяли!) два огромных камня. А вот в «предбанник», где осталась часть вещей, залезть так и не решились.

Вот такая мистическая история, в которую кто-то поверит, кто-то нет, но которая если не была, то уж точно могла быть. Ведь почти аналогичная, более того, подтвержденная историческими документами, произошла почти четверть тысячелетия назад поблизости, в Чегемском ущелье. И в означенном случае вошедшие в пещеру были предупреждены, но ослушались.

Что из этого вышло, известно из рапорта за номером 26, отправленного 3 апреля 1767 года кизлярским комендантом генерал-майором Н. А. Потоповым в Святейший синод (рапорт хранится в «Осетинских делах» Архива внешней политики России). В нем, в частности, говорится, что «находящийся в Моздоке господин полковник Копытовской, присланный ко мне с рапортом от 28 февраля от посланного им в Большую Кабарду для сбора разведанных ротмистра Шейдякова, доносил, что от живущего в Кабарде армянина Хачатура и от прочих кабардинцев ему стало известно следующее. Один из жителей Чегемского ущелья (чегемцев) в трех верстах от места выпаса баранов нашел яму, а в ней двери. Войдя в них, он увидел сидящего престарелого мужа и девицу. Перед стариком лежала книга, которую он читал, а перед девицей – золотой таз, а в нем – золотое колечко и сверх того множество золотых и серебряных вещей. Об этом он рассказал своим шестерым товарищам, и они к тем людям ходили и все золото и серебро, которое там было, забрали. А когда стали брать золотое кольцо, то девица будто сказала им, чтобы они оно не делали, ибо придет им через

это гибель. Однако пастухи не послушались, забрали сокровища и отнесли в свою деревню. После чего по всей деревне в три ночи слышен был голос, вещавший, чтобы те, кто оное сокровище взял, принесли его обратно, иначе всем жителям будет беда. Чегемцы сокровища в ту ямину отнесли, но оных людей уже не увидели.

А на четвертую ночь все пастухи и члены их семей умерли, после чего и другие жители деревни умирать начали. Почему мной в Большую Кабарду был послан с Особой комиссией ротмистр Киреев с предписанием разведать, отчего у чегемских жителей необычная смерть приключилась...»

Но в нашем случае, в отличие от чегемской истории, помимо живого голоса присутствовал еще и свет, лившийся через проделанную дырку. Реальный свет, исходивший от чего-то.

Возможно ли это? Есть ли какое-нибудь, за исключением мистического, объяснение данному феномену? Обратимся к знаменитому труду «Разоблаченная Изиды». Его автор – Е. П. Блаватская (1831–1891), всемирно известная оккультистка и путешественница, считавшая себя вестником «великого духовного начала», посвятившая жизнь поискам истины, призванной раскрыть сверхчувственные силы человека и постигнуть таинственные явления в природе. В трудах Елены Петровны содержится такой массив информации всех времен и народов, что нереально поверить в возможность ее узнавания и постижения без помощи потусторонних сил.

Так вот, в «Разоблаченной Изиде» мы и находим одно из возможных объяснений былымского феномена – речь идет о вечногорящих лампах. «Открытие этих ламп, – пишет Е. П. Блаватская, – приписывается древним египтянам, сыновьям Страны Химии.

По крайней мере, они те люди, которые пользовались этими лампами гораздо больше любой другой нации из-за своих религиозных учений. У них считалось, что астральная душа мумии пребывает около нее в течение целых трех тысяч лет круга необходимости. Она прикреплена к мумии магнетической нитью, которую она может порвать только собственными усилиями, и египтяне надеялись, что вечногорящая лампа, символ нетленного и бессмертного духа, заставит более материальную душу расстаться со своим земным обиталищем, и она навсегда соединится со своим божественным Я.

Поэтому в гробницах богатых людей подвешивались такие лампы. Часто находят такие лампы в подземных пещерах захоронения мертвых, и Лицет написал большой фолиант, доказывая, что в его время каждый раз, когда открывали гробницу, в середине ее находили горящую лампу, но она сразу же гасла вследствие осквернения».

Далее Е. П. Блаватская дает ссылки на целый ряд других источников: «Тит Ливий, Бурратин и Михаил Шатта в своих письмах к Кирхеру подтверждают, что они находили много ламп в подземных пещерах древнего

Мемфиса. Павсаний говорит о золотой лампе в храме Минервы в Афинах, которая, по его словам, была сделана Каллимахом и горела целый год.

Плутарх подтверждает, что он видел лампу в храме Юпитера Аммона и что жрецы уверяли его, что она горит уже многие годы, несмотря на то, что стоит под открытым небом, и что ни ветер, ни вода не могут ее погасить. Святой Августин, католический авторитет, также описывает лампу в храме Венеры, которая такого же рода, как и другие — непогасимы ни сильнейшим ветром, ни водой. В Эдессе была найдена лампа, говорит Кедрин, «которая будучи спрятанной в верхней части каких-то ворот, прогорела 500 лет». Но из всех таких ламп наиболее чудесной является упоминаемая Олибием Максимом из Падуи.

Ее нашли близ Аттисты, и Скардониус дает блестящее ее описание: «В большой глиняной урне помещалась меньшая урна, и в последней находилась горящая лампа, продолжающая гореть уже 1500 лет с помощью чрезвычайно чистой жидкости, содержащейся в двух бутылках: одна бутылка из золота, другая из серебра. Их хранит Франциск Матуранти и дорожит ими чрезвычайно».

Она же рассказывает и о том, что «во время папства Павла III... при открытии древней гробницы на Аппиевой дороге в Риме было обнаружено тело молодой девушки, плавающее в прозрачной жидкости, которая так хорошо сохранила девушку, что лицо ее было прекрасно и живо, как сама жизнь. У ног ее горела лампа, которая погасла после открытия гробницы. По вырезанным надписям было установлено, что девушка была похоронена 1500 лет тому назад и что она – Туллиола или Туллия, дочь Цицерона».

Правда, по мнению ряда ученых, эпизод этот из области фантастических. Как и наличие подобного рода ламп, которые отличались вечногорением, отсутствием копоти и кислорода. Е. П. Блаватская же вслед за Томасом Брауном считала, что свет они источали благодаря чистейшему несгораемому маслу, «которое не выделяет никаких испарений, способных дать копоть и удушить огонь; ибо, если бы воздух питал пламя, то последнее могло бы просуществовать какие-то минуты, после чего весь воздух был бы израсходован». И здесь невольно вспоминаются строки из Библии: «И ты должен приказывать детям Израиля, чтоб принесли они чистое масло, сбитое из оливок для света, чтобы заставить лампу гореть всегда» [Исход, гл. 27: 20].

Есть еще одно предположение, что могло гореть в лампах. Его мы оставим без комментариев, лишь процитируем предположения, размещенные в Интернете: «В вечногорящих лампах вообще не было ни масла, ни нефти, ни фитиля – в них были заключены жизненные силы или души покойных, сияющие, словно маленькие Солнца, и, естественно, не дающие ни гари, ни копоти, поскольку они – частички самого Бога...»

Мы решили разобраться, что в случае с пещерой правда, а что выдумка...

ДЖИННЫ МАССИВА ГИЖГИТ

Летом прошлого года мы решили поискать пещеру с каменной кладкой, которая, по рассказам старика-чабана, находится под одним из уступов горного массива Гижгит, носящего название Камишликолбаши. С этой целью ранним утром выехали в селение Былым, где нас уже ждали краеведы-любители Назир Хапаев и Юсуф Ульбашев. Переехав через реку Баксан, по дороге, ввинчивающейся все время вверх, мы проехали мимо хвостохранилища Тырныаузского комбината, чей удивительный изумрудный цвет мог посоперничать своей чистотой и яркостью с водой Голубого озера.

Далее свернули от основной трассы вправо и попытались подобраться как можно выше к самому горному массиву. На склоне, где крутизна превышала угол возможного подъема нашего «Патриота», пришлось остановиться, хотя горная дорога, о чем свидетельствовала сохранившаяся колея, продолжала уходить вверх.

Прихватив с собой достаточно увесистые рюкзаки со всевозможным оборудованием, с альпенштоками и топориками в руках мы двинулись в путь. До нависавшего перед нами массива, казалось, рукой подать, и авторы этих строк были уверены, что это на самом деле так: пара километров – и мы наверху. Действительность же оказалось другой. «Два километра» в итоге составили расстояние раза в 3–3,5 большее – впоследствии, с помощью так называемой лазерной указки, мы убедились, что так оно и есть. Но главное, что все они пришлось на подъем – относительно ровного места на пути маршрута практически не нашлось. А опытные альпинисты говорят, что дорога в гору в два раза длиннее той, что пройдена по равнине.

К этому надо добавить полное отсутствие троп – в этих местах давно уже никто не ходит, траву – где по пояс, а где и выше, по которой скользишь почище чем по снегу, крапиву, через которую надо пробиваться, так как желание обойти эти непроходимые заросли выливается в десятки лишних метров, каждый из которых на подъеме дается с невероятным трудом. Тем более что всем нам, участникам этого похода, было не тридцать или сорок, а к шестидесяти и более. А еще нещадно палящее солнце, не знающая устали мошкара, каменные осыпи, по которым делаешь два шага,

а продвигаешься на один, пропасти, в которые можно улететь, сделав одно лишь неверное движение. И рюкзаки, вес которых с подъемом если не утроился, то удвоился наверняка: огромных усилий стоило перебороть острое желание оставить их где-то по пути, а то и избавиться вообще.

Одним словом, где-то спустя часа четыре, если не больше, мы добрались к самому массиву. Встал вопрос: куда идти дальше? Скала-ориентир, представляющая из себя одиноко возвышающийся каменный истукан, та самая, о которой говорил старик, осталась позади. (Забегая чуть вперед, скажем, что на обратном пути мы осмотрели все выступы, расположенные напротив этого ориентира, но ничего похожего на вход в пещеру не нашли.) Решили направиться вперед, на вершину массива. Угол подъема не позволял дальше двигаться в вертикальном положении, приходилось идти, наклонившись вперед, цепляться за скалы руками, помогать себе альпенштоком.

Камни то и дело уходили из-под ног, норовя задеть поднимающихся следом. Пот застилал глаза, но самое главное – ничего похожего на пещеру никто из нас не видел.

Взобравшись на вершину массива откуда начиналась дорога в ущелье Урды, мы поняли, что здесь никаких захоронений в принципе не может быть: мест, где могли бы жить люди, для чего обязательно наличие воды, окрест не было видно. Со страхом думалось о том, что предстоит обратный путь, равный уже пройденному, но куда сложнее, так как ноги, налившись усталостью, практически не сгибались в коленях, а голова в прямом смысле гудела от перенапряжения.

Это только кажется, что дорога с горы значительно легче, чем подъем в гору: действительно, тело само как бы стремится вниз, но попробуй только ускорь это движение! Неминуемо или угодишь в скрытую травой земляную щель и, не дай бог, подвернешь ногу или покатишься по траве вниз, ударяясь об острые каменные выступы. Приходится идти то боком, что значительно замедляет движение, то задом наперед, что изматывает невероятно, то жестко упираясь носками ботинок в землю, что практически сразу приводит к ссадинам на пальцах ног и дополнительным мучениям.

Ко всему прочему, погода резко испортилась: небо заволокли тучи, солнце исчезло, с верховой стал сползать туман, похолодало и наконец пошел дождь. Полегшая трава превратилась в настоящий каток, а там, где ее не было, роль катка исполняла земляная жижа.

Тем не менее во время спуска мы обратили внимание на пещеру, низ которой однозначно был заделан каменной кладкой. Но ничего не свидетельствовало, что это интересующий нас объект: старик говорил о едва заметном проеме в скале, к которому можно было легко подойти, здесь же

пещера находилась на достаточно большой высоте – к ней надо было пробираться по узкой тропке. Это мы и попробовали сделать, несмотря на то что сам организм сопротивлялся движению не вниз, а в сторону. Вскоре выяснилось, что карниз, по которому вилась тропка, обвалился и преодолеть три метра над зияющей пропастью нет никакой возможности. Пришлось оставить эту затею и продолжить спуск.

Действительно, внизу мы оказались куда как быстрее – часа через два. Но что это были за часы, но какими были километры! Пелена тумана заволочла все вокруг, дождь прижал траву к земле, скрыв даже малейшие следы тропинки. Пришлось кое-где в прямом смысле скатываться вниз, преодолевая последние шаги, так сказать, «на автомате» – без понимания куда идешь, зачем идешь, почему идешь, но с осознанием – надо идти.

Уж темнело, когда мы добрались до машины, и не хотелось даже думать, как будем выбираться с верховий по размокшей дороге, как сможем преодолеть глубокие колеи в склизкой глине и что будем делать, если застрянем. И застряли, и буксовали, и толкали, и паниковали, но отечественный «Патриот» вылез из непролазной грязи и довез нас, обессилевших, не в силах даже поднять ноги на ступеньки, до дому.

А на следующее утро позвонил Назир Хапаев и сказал, что он был у старика и тот удивился, что мы не смогли найти вход в пещеру.

«Это же так просто – сразу напротив пальца-скалы, под одним из выступов», – поцокал языком он и пообещал, что в следующий раз пойдет вместе с нами и покажет это место. Но ни тем летом, ни осенью мы не смогли выбраться в верховья Былыма.

Удалось это сделать лишь в марте 2013 года, когда позвонил все тот же Назир и сказал, что в этот раз все срослось: южная, интересующая нас сторона давно очистилась от снега, земля на ней сухая. А кроме того, погода стоит солнечная, но главное – старик сам покажет нам дорогу.

Шарафутдин Геккиев, а именно так звали нашего проводника, небольшого роста, худощавый, действительно три года назад разменял девятый десяток, но по его энтузиазму, приготовлениям (пришел с пастушьей палкой – ярлыгой, мешком, перевязанным за концы веревкой – получилось некое подобие самодельного рюкзака, в котором что-то лежало на самом дне; как потом выяснилось – зубило с молотком) верилось: на этот раз мы достигнем цели.

И вот знакомый маршрут. Действительно, по полегшей траве идти куда как легче, чем пробиваться через летний травостой, но километры остаются километрами, и их хоть спустя год не стало меньше. Массив Гижит темной и мрачной громадой нависал впереди, и так же, как и в прошлый раз, не верилось, что он покорится нам. Но, перефразируя поговорку, гла-

за бояться, а ноги идут. Значительно быстрее чем летом мы подошли к знакомому уже ориентиру.

Смущало только одно – наш проводник двигался все медленнее, отдыхал все дольше и уже не верилось, что он доберется до цели. Все-таки 83 – возраст не юношеский, неизвестно, где мы будем в эти годы и будем ли вообще.

В ожидании Шарафутдина, продолжавшего подъем под присмотром Юсуфа, мы сделали попытку осмотреть подножие нависающих скал. Это оказалось не так-то просто – по крутым склонам, рискуя то и дело скатиться вниз, передвигаться весьма затруднительно. В какой-то момент показалось, мы наконец-то нашли вход: промежуток внизу одного из выступов действительно чем-то напоминал кладку, но подойдя поближе, убедились, это не так. Более того, при ближайшем рассмотрении мы даже не смогли увидеть то, что несколько минут назад посчитали кладкой. Вероятнее всего, изменился угол зрения и возможный вход слился со скалой. Но ведь об этом самом упоминал и старик: кладку он увидел далеко не с первого раза, лишь тогда, когда, как сам говорил, ее ему показал Аллах. Что под этим он понимал, осталось невыясненным. Но в данном случае нам оставалось ждать только самого проводника.

И вот наконец, с трудом переставляя ноги, опираясь при каждом шаге на палку, поддерживаемый на особо опасных участках Юсуфом, наш проводник добрался до подножия скалы.

Мы, не сговариваясь, в один голос крикнули ему: «Где пещера?!».

Старик посмотрел вверх, поднял руку, попытался ею что-то показать и снова опустил. А затем произошло то, что никто из нас не мог и предполагать. Руки Шарафутдина затряслись, он обмяк и начал что-то быстро-быстро говорить по-балкарски. При этом почудилось, что он – и так маленький – стал еще меньше (вероятнее всего, по причине, что приник к земле).

В какой-то момент показалось, что нашему проводнику стало плохо, что силы покинули его и вот-вот случится непоправимое. Но Шарафутдин продолжал говорить что-то непонятное и лишь одно слово явственно звучало в этой старческой бессвязной на первый взгляд скороговорке: «Джинн». Раз за разом он произносил: «Джинн, джинн...».

«Что он говорит? Где вход в пещеру?» – вновь и вновь повторяли мы, но Юсуф только недоуменно разводил руками и виновато улыбался.

Наконец, он собрался с силами и произнес нечто необъяснимое: «Старик говорит, джинны не хотят, чтобы мы вошли. Они закрыли для наших глаз вход. Джинны рядом, и они против того, чтобы он показал нам это место».

«Какие джинны?! – горячились мы. – Он что три часа шел сюда, выбиваясь из сил, чтобы рассказать нам сказку о джиннах? Какие тут могут быть джинны?!»

Но все нервные возгласы и возмущенные призывы не находили никакого отклика. Старик не реагировал на реплики, не отвечал на вопросы, он просто лежал, прижавшись к земле, безучастный и безмолвный.

Во всем этом присутствовало ощущение чего-то ирреального, несоответствующего нашим материалистическим знаниям и восприятию. В этой ситуации оставалось только вспомнить, что мы знаем о джиннах. Это духи, обитающие в мире, параллельном нашему; сущности, не воспринимаемые человеческими чувствами, появившиеся раньше людей и несравнимые с ними по своим возможностям, могущие быть как добрыми, так и злыми. О них много говорится в Коране, а одна из сур так и называется «Джинны».

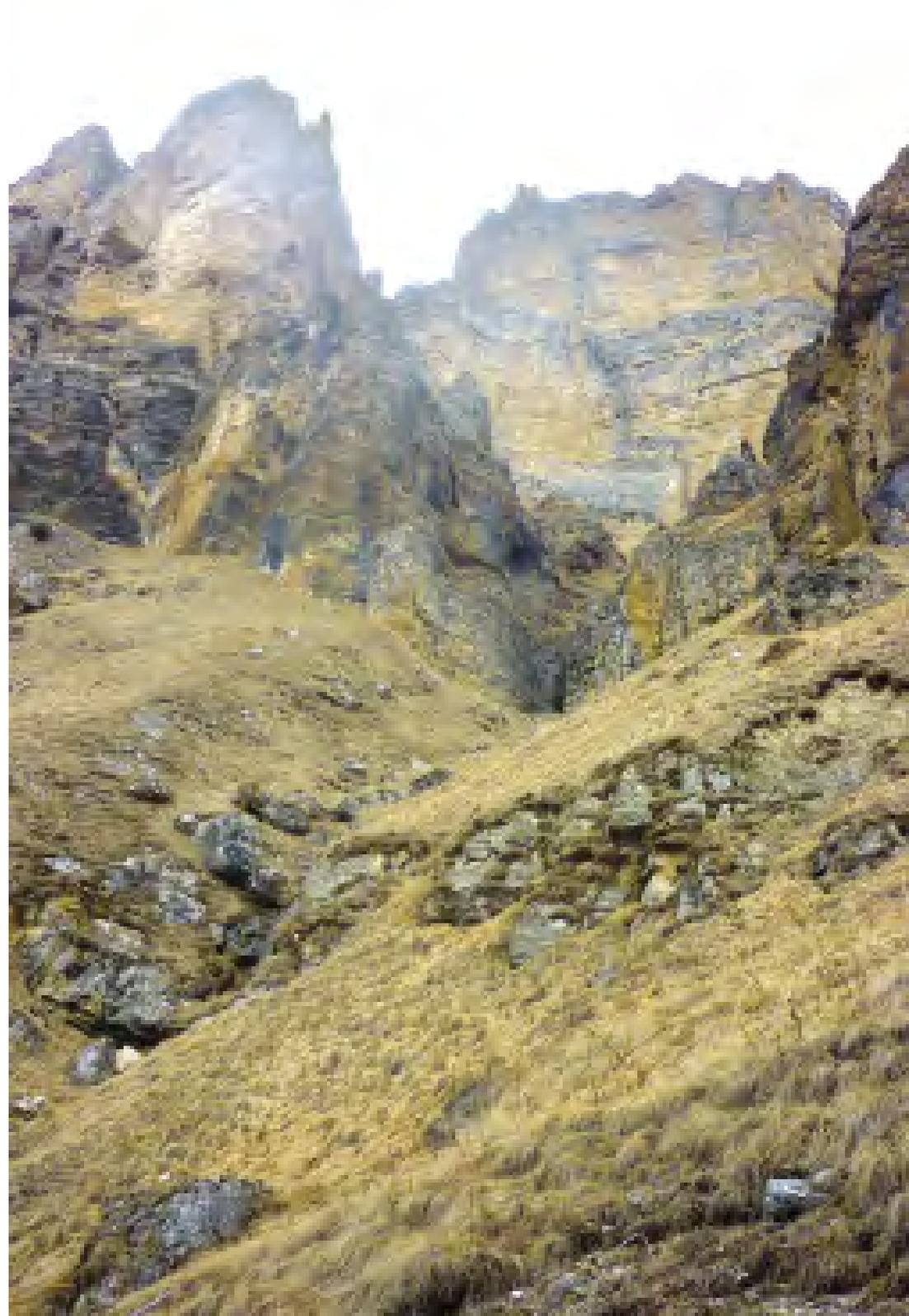
Но причем тут мы, находящиеся здесь и сейчас – в верховьях одного из ответвлений Баксанского ущелья, у скал, образующих массив Гижгит, где на земле время как будто остановилось, но в небе дымчатым реактивным следом от пролетающего самолета, оно же свидетельствовало, что на дворе XXI век, а именно март 2013 года...

Шарафутдин, видящий, как мы расстроены, не поднимал глаз. Чувствовалось, он переживает случившееся, ощущает свою вину, но как исправить ее, не знает, да и не может. Было искренне жаль старика, отдавшего последние силы, чтобы подняться в верховья, но не увидевшего то, что хотел. Впрочем, как и мы.

Еще с час мы походили под скалами, переговариваясь между собой и пришли к выводу, что скорее всего старика (тот все это время продолжал недвижимо лежать на склоне) подвела память и, чтобы хоть как-то оправдаться перед нами, он придумал историю с джиннами. Но от этого легче не становилось. Предстоял затяжной и очень непростой путь вниз, отягченный печальными мыслями, что мы опять ничего не нашли.

Хватит ли у нас сил вернуться сюда в третий раз? И нужно ли возвращаться, если придавать значение мистической составляющей нашего похода? К общему мнению мы так и не пришли.

А вот рассказ о джиннах нашел в Былыме весьма занятное продолжение...

ЗОЛОТАЯ НИТЬ

История, о которой будет поведано ниже, из той области, где выдумка не поддается объективному объяснению, но облачена она в столь реальную оболочку из конкретных лиц и мест, что кто-то позавидует фантазии ее сочинителей, а кто-то просто поверит, несмотря на всю алогичность излагаемого. Это примерно идентично впечатлению от чтения трудов психолога Боба Фриссела «В этой книге нет ни слова правды, но именно так все и происходит» и «В этой книге есть немного правды», в которых высказываются парадоксальные мысли, в частности, о том, что человек есть результат генетических экспериментов внеземных цивилизаций. Понимаешь, что в рассказанном автором НЕТ НИ СЛОВА ПРАВДЫ, но в то же время ловишь себя на мысли, что ИМЕННО ТАК ВСЕ И МОГЛО ПРОИСХОДИТЬ.

Эта история известна в Былыме многим, но Хамзат Ахматов, председатель совета старейшин селения, сказал, что лучше других ее знает учитель местной школы Заур Ахматов. Тот, в свою очередь, услышал от ее матери Зайнаф Афашоковой, которая в 50-х годах прошлого века вышла замуж за Мажида Ахматова, племянника Ильяса Ахматова, главного действующего лица повествования. Произошло описываемое, судя по всему, где-то в конце XIX века, но передается из поколения в поколение со всеми деталями и подробностями, о которых стало известно от ее непосредственного участника.

Недоезжая Былыма есть местечко под названием Шашбауат, в котором проживало раньше 7–8 семей Ахматовых, занимавшихся разведением скота. Скота, прежде всего баранты, было много, и Ильяс, на тот момент молодой парень, с утра до вечера проводил время на пастбищах. Был он молод, ладно сложен, крепок телом, семью завел, но рождавшиеся дети один за другим умирали. Причины этому никто не знал.

...Как-то раз Ильяс сказал брату Магомету, что в горах познакомился с красивой девушкой, заворожившей его своим обликом, завладевшей его сердцем, которую он тоже считает своей женой. Откуда взяться девушке в горах, чьего она рода, как приходит к нему и куда уходит после, ответить не смог, но сказал, что с ней так хорошо, словно он каждый раз попадает в рай. Сказал и то, что с девушкой проводит все часы, а отару в это время охраняют невидимые стражи. И когда он возвращается на пастбище, овцы

находятся точно на том же месте, где он их оставил, и все целы, никогда ни одна не потерялась.

«Не дочь ли она джинна?» – спросил Магомет. И хоть брат ему ничего не ответил, но в скором времени по селу пошли слухи, что Ильяс взял в жены дочь джинна. Услышав это, родители решили, что дети их сына умирают по означенной причине – наведение порчи. А коль так, необходимо порчу эту снять, произвести обряд очищения.

В Верхнем Баксане жил в то время известный эфенди Аппаев. Его и пригласили былымцы. Эфенди потребовал от Ильяса назвать имя той, что является дочкой джинна и смущает его покой. Ильяс категорически отказался. Тогда Аппаев приказал привязать молодого человека к большому шесту, служившему подпоркой для крыши, и стал проводить обряд изгнания джиннов. Проводил он его весьма своеобразно – читал молитву и одновременно резко обводил вокруг тела Ильяса остро отточенной саблей.

Молодой человек вначале не реагировал, а потом стал кричать, чтобы эфенди перестал махать саблей, иначе поранит его любимую, которая в эти мгновения, невидимая, находится рядом с ним.

Судя по всему, эфенди задел острой саблей духа, так как Ильяс с болью в голосе крикнул: «Как тебе больно!» – и при этом произнес женское имя (имя это, к сожалению, с годами забылось в процессе пересказа от рассказчика к рассказчику). Тогда эфенди Аппаев и написал дуа, которое должно было охранить Ильяса от влияния духов.

Но история эта имела продолжение. После процедуры изгнания бесов, невдалеке от висячего моста, что служил границей ахматовских земель, между селениями Былым и Бедык разгорелась битва (Ильяс говорил, что он слышал при этом даже грохот, столь серьезным было это столкновение) между, как повествуют сегодняшние интерпретаторы, «белыми джиннами» (то есть добрыми, лояльными к людям) и «черными» (противниками контактов с человеком). И будто причиной конфликта и стали взаимоотношения Ильяса с одной из представительниц невидимого мира.

Как завершилась эта «битва», а скорее всего размолвка между двумя группами таинственных сил, нам неизвестно, но скорее всего «белые» уступили, так как Ильясу его странной возлюбленной было предложено улететь (!) вместе с ней на родину.

О дальнейшем известно от самого Ильяса, который поделился происходившим с братом Магометом. Когда возлюбленная балкарского пастуха предложила ему улететь с ней, он, не раздумывая, согласился, и тогда женщина сказала, что поведет его к своим родителям, от которых и зависит окончательное решение их судьбы: примут они его – быть им вместе, нет – разлука неизбежна, так как она единственная дочь.

Как они оказались в чреве той горы, что служила пристанищем «белых джиннов», Ильяс так и не понял, но в какое-то мгновение он действительно увидел себя внутри помещения, где все сияло и блестело, непонятные предметы были словно из золота-серебра; но скорее всего молодому человеку так показалось из-за струящегося со всех сторон ослепительно яркого света.

Проецируя увиденное неграмотным пастухом на наше сегодняшнее знание и тем более восприятие, волей-неволей ловишь себя на мысли, что он оказался внутри не обычного дома, а космического корабля. Еще больше убеждает в этом последующее описание, когда в зале Ильяс увидел восседающих на чем-то величественном мужчину и женщину, являющихся родителями ее возлюбленной.

Эти люди молча долго-долго смотрели на него, и Ильясу казалось – они видят все, что с ним раньше происходило: дом, где он родился, родителей, которые его воспитали, первую и последующие встречи с их дочерью. А потом отец возлюбленной Ильяса показал рукой на круглые предметы (пастух назвал их *казаны*, но весьма возможно, что это было что-то вроде глобусных карт) и сказал дочери следующее: «Ты же знаешь, куда нам лететь; человек не выдержит такого длительного путешествия». И как ни умоляла девушка родителей взять с собой милого ей человека, но они остались непреклонны. Не позволили и дочери остаться с пастухом.

В тот ли день состоялось прощание или другой, неведомо, но известно, что отец девушки сделал Ильясу весьма необычный презент. Он передал ему тонкую, сделанную скорее всего из золота, полуметровую нить, завернутую в белую вату. И при этом сказал такие слова: «Никогда не теряй это, а если потеряешь, не будет в твоём доме ни счастья, ни детей».

После этого девушка и ее родители исчезли.

«Они улетели», – говорил Ильяс, но как, не пояснял. Произошли изменения и в его жизни. Все рождавшиеся в последующем дети, а их у Ильяса с Шарифой было шестеро, выжили, выросли, продолжили род. Сам Ильяс так и остался на чужбине – умер в годы переселения. А его супруга вернулась, похоронена она на Былымском кладбище.

Что касается золотой нити, завернутой в вату, то она и сегодня, спустя многие десятилетия, находится в семье Ахматовых. Хранят ее как зеницу ока: никому не показывают (и для нас не сделали исключения), так как считают, что после этого она потеряет свои волшебные свойства. Волшебство же видят в том, что в семье этой на протяжении прошедших лет царят лад и благо, беды обходят ее стороной, а испытания заканчиваются благополучно. Велико, воскликнет кто-нибудь, волшебство! Ну как на это посмотреть. Может, это и есть главное, к чему стремятся люди.

А вот место, где происходила «битва» джиннов, нам показали, как и ту гору, в которой состоялась встреча Ильяса с родителями возлюбленной, но, естественно, никаких следов той «битвы» между «джиннами», тем более «входа» внутрь, мы не увидели. Впрочем, какой «вход», если то, что служило «домом» так называемых джиннов улетело?! Ведь не сами же они по себе добирались в края, которые считали своей родиной?

Не правда ли, занимательная история? И будь она рассказана в наши дни, никто бы ни на мгновение не сомневался, что к ее созданию приложил руку любитель фантастики. Но неграмотный пастух из позапрошлого века, чей кругозор был замкнут тесниной Баксанского ущелья, ничего не знавший не то что о Вселенной, но даже и о нашем мире, и описание им необычного дома (межпланетного корабля?), расстояний (измеряемых световыми годами?), которых не по силам преодолеть человеку, невидимых стражей (силового поля?), охранявших его отару...

Воистину, остается только повторить вслед за Бобом Фрисселом: во всем рассказанном НЕТ НИ СЛОВА ПРАВДЫ, но разве не ИМЕННО ТАК ВСЕ И ПРОИСХОДИТ, когда современные авторы описывают любовь неземной женщины и человека?!

И поэтому очень жаль, что золотая нить, которая могла бы опровергнуть или, наоборот, засвидетельствовать подлинность этой истории, остается недоступной для исследований.

Массив Гижгит

ЭФФЕКТ ТУОВОЙ СТРУЖКИ

История, которая будет рассказана ниже, случилась в селении Коголкино (ныне Урух) Лескенского района достаточно давно, но вот что удивительно – жители этого населенного пункта рассказывают ее с такими подробностями и деталями, словно действие происходило только вчера: так врезалась в память необычность происходившего.

Уроженец Коголкино Исхак Бамбетов, проживший что-то около 60 лет (примерные годы его жизни 1840–1900), пользовался авторитетом у односельчан – за природную мудрость, взвешенность принимаемых решений, умение помирить ссорившихся да так, что все оставались довольны.

Это уважение удвоилось после возвращения Исхака из хаджа (продлившегося, кстати, около трех лет) – набожность Бамбетова, его святая вера и убежденность были известны далеко за пределами Коголкино. И когда он скончался, сотни людей собрались, чтобы проводить его в мир иной. Тем более что весьма странным и непонятным для сельчан оказалось пожелание Исхака о том, кто с ним рядом должен лежать и каким должен быть его надгробный памятник. Велел он предать его земле в центре нового кладбища (место под него отвели совсем недалеко от дома хаджи), но с условием, чтобы с правой стороны от него был захоронен джигит, известный своей удалью (им оказался юноша из рода Жируговых). А с левой стороны – молодая женщина, умершая при первых родах. Такая тоже вскоре скончалась, но кто она была – в памяти коголкинцев не сохранилось.

Что касается памятника, то Бамбетов строго-настрого приказал, чтобы он был не каменный, а деревянный, и обязательно из туового дерева (оно, как известно, обладает не только прекрасной зернистой текстурой, долговечно и устойчиво к деформации, но и легко обрабатывается).

Последнюю волю Исхака-хаджи исполнили, и долго еще гуляли по селу хабары об этом необычном завещании-пожелании. Но время властно над всем, тем более человеческой памятью, и, возможно, в перипетиях грядущих испытаний (Первая мировая война, Октябрьский переворот) забылось бы имя Исхака-хаджи, если бы не следующий эпизод.

...Как-то ранним утром к дому Бамбетовых подъехали два всадника. Дело случилось весенней порой, солнце светило вовсю, но гости были в бурках и башлыках, покрытых пылью: видно, приехали издалека. Всадни-

ки – мужчина лет пятидесяти и молодой человек (как выяснилось, отец и сын) – спешили, постучали в ворота. В разгар рабочего дня в доме оказалась только Часэ (имя это переводится как *белоснежная ткань*), одна из дочерей Исхака-хаджи.

К ней и обратился старший из приехавших с вопросом, здесь ли жил Исхак-хаджи. А когда получил утвердительный ответ, рассказал следующее. Приехали они из Акбаша, а проделали столь длительный путь вот почему. Дело в том, что сын его (он показал на молодого человека, лицо которого было искривлено гримасой) с детских лет болеет – мучают столь сильные головные боли, что не может ничего делать: только ходит с места на место и мычит от страданий.

Обращались к знахарям, ездили к докторам в слободу Нальчик и даже в Пятигорск – никто не помог. Но позавчера сыну приснился сон о том, что он должен поехать в Коголкино, где жил Исхак-хаджи, прийти на его могилу, сострогать с надгробного памятника стружку, обвести ею, дымящейся, три раза вокруг себя – и тогда он поправится. Вот и тронулись акбашцы в путь и теперь просят дочь показать, где могила ее отца.

Понятно, что Часэ не могла одна принять такое решение. Она пригласила путников в дом, позвала братьев, которым рассказала, что привело к ним гостей. Братья пошли советоваться с сельским муллой, и тот разрешил провести не совсем обычную процедуру.

Но перед этим акбашцы купили у сельчан корову, сделали поминки и в память об Исхаке-хаджи раздали мясо жертвенного животного.

И вот на погосте собрались люди: мулла, дети Исхака, акбашцы и множество коголкинцев. Мулла сострогал с памятника тонкую стружку, поджег ее и трижды обвел вокруг молодого человека.

И случилось чудо: юноша, только что пританцовывающий от боли, внезапно замер на месте, обвел всех присутствующих взглядом и, найдя в толпе отца, бросился к нему со словами: «Отец, отец, голова перестала болеть».

Так ли это было или не так, сейчас трудно сказать, мгновенным ли было исцеление или произошло через время, не суть важно. Главное, оно случилось, о чем многие из коголкинцев сохранили память.

Но а дальше началась посмертная слава Исхака-хаджи. Хабар о чудесном исцелении разлетелся по Коголкино, соседним селениям, всей Кабарде. Через какое-то время от надгробного памятника осталась только узкая палка – все стремились заполучить заветную стружку, дабы избавиться от болезней. И исцелялись, самое главное. Пришлось даже установить у могилы Исхака-хаджи специального охранника из мечети (кстати, в селе в начале прошлого века их было целых три – на 199 дворов и 1670 душ

Римма и Радий Жируговы

обоего пола), после чего стругать памятник стали только с разрешения муллы.

Когда от деревянной мусульманской стелы не осталось практически ничего, установили новую, также сделанную из тутового дерева. Но и она обладала целебными свойствами, и в скором времени превратилась в небольшую колышек. Вырубили и третью, которая «худела» день ото дня.

Правда, до четвертого памятника дело не дошло – уже было время большевиков, а они подобные нетрадиционные методы избавления от хворей отнюдь не приветствовали. Кое-кто из особо настырных страждущих был арестован, исчез и сам колышек.

Ходили слухи, что один из коголкинцев выкопал его, передал родственнику, жившему в соседнем селении, а тот с пользой для себя распорядился целебной палкой – наделал стружек и стал ими приторговывать. А когда последние закончились, не долго думая, отрубил от тутовника, росшего во дворе, большую ветку и начал прямо тут же, под деревом (говорят, неожиданно пошел дождь), обстругивать ее. Да не тут-то было – загремел гром, небо пронзила молния, ударившая именно в дерево, под которым находился новоиспеченный целитель.

Последнее, право, больше смахивает на фантастику, но вот доказательством тому, что история с памятником Исхака-хаджи не выдумка, служат как рассказы урухцев, сохранившиеся в памяти внуков участников тех со-

битий (в частности, Риммы и Радия Жируговых, услышавших эту историю от бабушки Часэ), так и печатные источники, имеющиеся в архиве.

Так что же это было, встает вопрос: реальное чудо или эффект веры? Скажем прямо, большинство из нас, живущих в XXI веке, твердо убеждены, что вера в божественный промысел может вернуть здоровье неизлечимо больному человеку. Более того, сами врачи (немалое их число, если быть точными) не отрицают факт такого чудесного исцеления. Медицине известно множество подобных случаев, причем в ситуациях, когда шансов как таковых на выздоровление не было. А разве эффект плацебо, когда больному вместо лекарства дают инертное вещество, так называемую пустышку (в начальной стадии), и он поправляется, не свидетельствует об этом же? Причем касается это даже онкологии, и процент выздоровевших достаточно велик. Получается, что вера в излечение становится спусковым крючком, включающим внутренние физиологические процессы, воздействующие на неизлечимый недуг. А коль так, то весьма возможно, что в скором времени будут найдены средства, позволяющие запускать механизмы самолечения и самим справляться с болезнями.

С этой точки зрения происшедшее с молодым акбашцем, о котором мы рассказали, вполне объяснимо. Вероятно, он услышал от кого-то о хаджи Исхаке Бамбетове, во сне сведения эти трансформировались в ситуацию с подожженной стружкой, подкрепились желанием отца, отягощенного тяжелой болезнью сына, поехать вместе с ним в далекое Коголкино. И уже на месте, увидев реальность существования человека, о котором он вроде бы не знал, но который, оказывается, жил на самом деле, совершенный на кладбище ритуал запустил механизм чудесного выздоровления.

Что касается всех остальных излечившихся, то здесь дело куда проще – перед их глазами был конкретный факт, усиленный людской молвой и базировавшийся на принципе: раз он выздоровел, то и я могу избавиться от болезни. Вероятнее всего, именно так дымящаяся стружка приобрела целительные качества.

С этих позиций в рассказанной истории все становится на свои места. За исключением того, как об этом мог знать Исхак-хаджи, умерший задолго до описываемых событий и завещавший установить на его могиле памятник из легкостругаемого дерева. И совсем непонятно, что означало его пожелание иметь в соседях по склепу доблестного джигита и молодую роженицу. Причем первого обязательно по правую сторону, а вторую – по левую...

ИМЯ ТЕБЕ – ЧЕРКЕШЕНКА

Попала в руки подшивка «Иллюстрированной газеты», выходившей в Петербурге в 1873–1878 годах. Это роскошное издание формата А3, в котором поражает прежде всего качество иллюстраций: по большому счету они могут на равных соперничать даже с современной цифровой печатью.

В № 47 от 26 ноября 1878 года на первой странице (в оригинале страница 373, так как все номера объединены единой нумерацией, позволявшей по итогам года сделать общую подшивку в картонном переплете) помещен графический портрет, под которым подпись: «Черкешенка». Долгие годы занимаясь поиском иллюстраций по истории Кавказа и народов, его населяющих, мы собрали огромную фототеку по означенной теме, но этого изображения в ней не оказалось.

Посмотрите, насколько четко выписаны утонченные черты лица девушки, абрис ее лица, особенно глаза, губы, на которых вот-вот оживет мимолетная улыбка Джоконды, о черкесских корнях создателя которой заговорили в последнее время.

Рельефность косы и руки, головного убора и одежды настолько зримы, выпуклы, впечатляющи, что невольно ловишь себя на мысли: «Вдохни – и оживет портрет» (перефразируя Пастернака); изображенная на нем девушка оживет, поднимется со стула, представ перед нами во всей красе своей яркой, но такой короткой юности. Об этом, кстати, и пишет безымянный автор заметки, предпосланной публикуемому портрету.

Вот что в ней говорится: «Черкешенки только до тех пор и пользуются более или менее приятным существованием, пока они не замужем. Путешественники нередко бывают удивлены, встречая в бедных, грязных, жалких саклях девушек в красивых и относительно роскошных нарядах, с нежными, белыми руками. Происходит это от того, что молодые черкешенки занимаются лишь шитьем да вышивкой, грязных же работ не выполняют вовсе.

Подобное праздное существование, однако, длится недолго. С замужеством начинаются всевозможные невзгоды: исчезает красота, грубеют руки. Женщины на Кавказе не только пахут землю, но и ткут сукно и полотно, шьют платья и сапоги. Они носят воду, рубят дрова, мелют муку, ухаживают за скотом, готовят кушанья.

Зимой женщины страшно страдают от холода, так как вся одежда их состоит из длинного открытого спереди казакина и глухого бешмета, подхваченного серебряным кушаком. На ногах они носят сафьяновые полусапожки, поверх которых надеваются всякие верхние башмаки в виде галош. Головное украшение их чрезвычайно оригинально: оно состоит из высокой остроконечной шапки, с которой спускается вуаль, доходящая почти до пола.

Женщины и девушки заплетают волосы в длинные косы и ходят без покрывал. Богатые рядятся в шелка и атлас; бедные напрягают все старания, чтобы приобрести хоть одно нарядное платье. Мужья обыкновенно на свой костюм никакого внимания не обращают; но ради покупки богатого оружия и нарядов для жены и дочерей они готовы на всякие жертвы».

Черкесская девушка. Рисунок Шопена

РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ

В дореволюционной России в 1858–1917 годах ежемесячно выходил военный журнал, который так и назывался – «Военный сборник». Его содержание укладывалось в 4 раздела: официальный, содержащий извлечения из приказов и других различных документов; военно-научный, рассматривающий вопросы тактики, военной администрации, фортификации, артиллерии; познавательный («Смесь»), в котором публиковались сообщения об открытиях и опытах, библиографические известия, занимательные факты, и литературный отдел. Последний, вобравший в себя в основном военные воспоминания и мемуарные материалы, интересен и сегодня, особенно в контексте изучения хода Кавказской войны, которой отдано на страницах сборника немало страниц.

Среди них и «Записки старого казака» некоего Аполлона Шпаковского, опубликованные в № 7 за 1870 и № 4 за 1871 год. Вот что нам известно о самом авторе из его предисловия к запискам: «Около двадцати лет, по воле судьбы, мне пришлось прослужить в рядах Кавказского линейного казачьего войска, в сословие которого я был зачислен по особому Высочайшему повелению навсегда с потомством. Я начал боевое свое поприще в конной № 14 казачьей батарее урядником.

Много привелось мне в этот период времени видеть, испытать и перенести на Кавказе в боевой, тогда тяжелой и тревожной, службе, переходя со своим взводом из одного отряда в другой, то в Большой и в Малой Кабарде, то в обеих Чечнях, на Лезгинской линии, или в Северном и в Южном Дагестане, наконец, на Правом фланге, за Кубанью, на передовой Лабинской линии. Во 2-й войсковой бригаде, в которой я водворился на жительство, мне пришлось нести должности то станичного атамана, то командира сотен, конно-ракетных команд и пластунов; был я и воинским начальником, и заседателем полкового правления; всего же долее находился в должности адъютанта управлений начальника Лабинской линии и командира 2-й бригады Кавказского линейного казачьего войска».

В воспоминаниях старого казака немало интересных деталей, описаний горцев, хода военных действий. Но особый интерес для нас представляет шестая глава, которая называется «Свадьба в Кабарде». Случай, описанный в ней, и сегодня волнует и печалит, вызывая, с одной стороны,

болевой сердечный отклик на случившееся, с другой – гордость и восхищение душевным мужеством, благородством и рыцарством главного героя.

Итак, уточнив, что примечания в скобках, принадлежат автору, приведем главу полностью.

«В 1846 году, незадолго перед вторжением Шамиля в Кабарду, я стоял со взводом конной казачьей № 14 батареи на Змейском посту, в нескольких сотнях саженей от старого минарета, знакомого всем тем, кто проезжал по Военно-Грузинской дороге. Все кругом было в волнении, в ожидании скорого прихода Шамиля; слухи об огромном сборище и о решительных его намерениях давно уже ходили между горцами. Кабарда имела тогда слишком слабые резервы, и нам велено было начальником центра, князем Голицыным, быть осторожными и готовыми во всякое время оставить пост и присоединиться к своим, смотря куда будет удобнее и безопаснее. Осторожность эта не прервала, однако, наших частых сношений с кабардинцами, и взаимные визиты не прекращались. Поэтому я и сотник С-в не отказались от приглашения князя К...ва на свадьбу его сына. Зная хорошо соседей, мы распорядились на всякий случай и, поручив каждый свою часть надежным помощникам, отправились за Терек в аул князя, предварительно высыпав весь порох из хазырей и натрусок, так как горцы непременно стали бы просить пороха: дать его значило бы дать на свою голову; отказать же хозяевам, не заслужив их вражды, не было никакой возможности.

Приехав в аул только с вестовыми, мы были встречены в кунакской самим князем и введены с почестью в среду гостей. Явились муллы, кади, эфенди, музыканты, жених и его товарищи-поезжане, и все перешли в главную саклю князя. После молитв духовенства и благословения молодых начался обеденный стол; молодые, окруженные каждый своими друзьями, заняли почетные места. Свадьба молодого князя была во многих обрядностях далека от прежних обычаев, и всем это тогда резко бросалось в глаза; но старый князь К. всегда был эксцентрик, а его богатство и слава были могущественны по влиянию на народ, и потому никто не смел осудить, а тем более заметить о нарушении старых обычаев. Гости уселись – кто на тюшеки, то есть подушки, покрытые коврами, кто просто припал на корточки, где кому пришлось удобнее, соблюдая, впрочем, уважение к старости, роду и заслуге. Все принялись терзать руками и ножами непряхотливую и далеко негастрономическую стряпню горской кухни, запивая аракой и бузой. По окончании обеда, гости порядком развеселились, перешли в кунакскую, где уже ожидали музыканты. Началась пляска: молодая, стройная и прекрасная, как гурия, танцевала лезгинку; молодой, скрестив на груди

руки, стоял напротив нее и жадными глазами следил за сладострастными, дикими и грациозными движениями своей возлюбленной.

В самом разгаре танца старик-кабардинец, стоя за мной, сказал, поверкая слова: «Тебя любят оба князя; наш адат велит: если хочешь почтить молодых, выстрели из пистолета под ноги молодой; но храни тебя Аллах, если ее ранишь». Стреляя порядочно из пистолета и, желая похвастать как знанием приличий, так и стрельбой, и притом, как небольшой охотник до араки и бузы, находясь совершенно в нормальном состоянии, я выстрелил и пуля впилась в пол сакли у самых пальцев ног красавицы. Она едва вскрикнула от неожиданности приветия и снова понеслась как серна, стройно и величаво.

Оглушительное «Джигит, Палон!» («Молодец, Аполлон!»). Горцы вообще редко называют по фамилии, а более по имени, и меня из Аполлона перекрестили Палонем) были наградой моей ловкости и любезности; дружески кивнул головой и молодой князь; светлая улыбка красавицы мелькнула на роскошных розовых ее губках... Я торжествовал, вполне довольный собой. В это время порядочно подкутивший С-в, выхватив из-за пояса пистолет, вздумал тоже побравировать, но не суждено было тому исполниться, и другая ждала награда уже не его одного, а нас обоих. Пистолет осекся; он

Кабардинская сакля. Художник Т. Горшельт

взял его левой рукой за ствол, взвел курок и только что стал насыпать на полку порох из обязательно предложенной натруски, как раздался выстрел. Пистолет выпал из руки оторопевшего С-ва... Молодой князь, стоявший прямо против дула, с тихим стоном упал без жизни, не отняв даже рук от груди – пуля попала ему в самое сердце. Отчаянный вопль красавицы, бросившейся на труп мужа, был заглушен ревом сотни пьяных горцев; ненавидевших в душе русских: сверкнули кинжалы и шашки, и плохо бы пришлось обоим нам на этой кровавой тризне, превратившей разгул свадьбы в похороны. Я отступил в угол, выхватил кинжал и шашку, и решился недаром продать жизнь. С-в уже был сбит с ног.

Но в это время старый князь К. явился нашим спасителем. Бледный, как смерть, дрожащей рукой он поднял пистолет и видя, что курок на первом взводе, а полка откинута, вмиг сообразил, что у С-ва не было злого умысла убить его сына, а что это дело судьбы, предопределившей его участь. Дрожащим от волнения и слез, но все еще могучим и сильным голосом старик, гордо и величаво окинув взором собрание, сказал: «Аставар» (остановитесь). Все, как будто под влиянием волшебного жезла, вдруг стихли и обратили глаза на князя. Подойдя к С-ву, он спросил: «Давно ли заряжен был пистолет?», и на ответ: «Более месяца», – грустно покачал старик головой.

«Через этого человека», – сказал он, обращаясь к своим, – Великий Бог совершил непреложный закон своего предопределения; старый слезавшийся заряд тлел в стволе, и в нем была смерть моего единственного сына. Не виню неверного в умысле; он был друг мне и сыну; мы давно ели из одной посуды и не раз доказали взаимную приязнь; но теперь между нами кровь, и я один имею право канлы (кровавая месть за убитого; впрочем, Коран допускает выкуп крови, и взамен жизни можно откупиться презренным металлом).

Немного погодя, старик, уже менее твердым и звучным голосом продолжал: «Радость и горе посылаются Богом и святым Его пророком. Друзья, я собрал вас разделить радость, но горем я не делюсь и прошу теперь, дайте отцу, матери и молодой вдовице посетовать и не мстите невинным: они рука Провидения, а не злодеи; о них я сам распоряжусь». Понимая покабардински, я передаю речь почти буквально; она глубоко запала мне в память.

Гости с угрозой и упреком взглянули на нас, но молча разбрелись по знакомым аула. Радость и веселье княжеской семьи, так трагически кончившиеся от неосторожности подкутившего С-ва, тяжело отозвались во всех сердцах. Как только вышли гости, князь нам велел следовать за собою, и мы, грустные и встревоженные, пришли в небольшую новую его саклю. Молча он нас оставил там и запер на замок; но не прошло и часу, как

явился его уздень (уздень – дворянин, вассал князя. Уздени разделяются на степени первую, как наши столбовые дворяне, и на вторую – личные) и ввел наших вестовых и человек десяток горцев, вооруженных с ног до головы. Горцы расположились у дверей, не выпуская винтовок из рук. Это начало поколебало было в нас веру в рыцарство князя; но оставленное оружие у вестовых и у нас давало надежду продать дорого свою жизнь или по крайней мере свободу.

Можно представить себе, как провели мы время до утра и какие картины рисовало наше услужливое воображение. Утро разрешило задачу: караул был приставлен единственно для ограждения нас от мести и оскорблений аульных жителей и гостей-кабардинцев. Всегда искреннее и глубокое чувство уважения останется у меня к памяти старого князя К., который не поддался влиянию чувств мести и ненависти, так свойственных мусульманскому изуверству и дикой натуре горца. Князь нас сам проводил до переправы на Тереке и, прощаясь, сказал: «Да хранит вас ваш Бог! Я вас не обвиняю в смерти моего сына, и потому отпускаю не как врагов, а как орудие, посланное Богом наказать меня. Советую, перейдите на службу подальше отсюда: будете подальше от мести каждого кабардинца. Пистолет твой, С-в, я не могу возвратить; наш адат велит оружие крови иметь у себя, но вот тебе взамен мой, а тебе, Палон, мой кинжал; прощайте». Сказав это, благородный старик взмахнул нагайкой и, как стрела, полетел к аулу.

С невыразимой грустью вернулся я на пост и, как ребенок, плакал, и молился; но я не стыжусь тех чистых, святых чувств, и многое в немногие мгновения пережила душа, тогда еще неотравленная неверием.

Через два дня Шамиль уже был в Кабарде; крепость Нальчик едва устояла; часть кабардинских аулов присоединились к Шамилю; но слабые силы наши окрепли, закалясь в опасностях боя настолько, что скопища имама были несколько раз разбиты на Тереке и, наконец, прогнаны с позором генералом Фрейтагом, полковником Ильинским и Левковичем, в отряде которого я дрался близ минарета с утра до вечера. Будет время, и я расскажу об этом геройском и славном деле полковника Левковича, с его 4-м Тенгинским батальоном, где один дрался против более чем десятка горцев.

Кабардинец

Благородного старика князя К. не привела судьба мне более видеть: он в числе немногих не изменил и в преданности России, как был неизменен в дружбе».

Уэркь хабзэ – так называется рыцарский кодекс, выработанный черкесским дворянством на протяжении веков. Обычно-правовые, моральные и поведенческие нормы предписывали дворянству обязанность быть эталоном в жизни народа – то, что прощалось простолюдину, не прощалось дворянину. За нарушения им норм черкесского этикета, по обычаю, могли лишиться дворянского звания. Многосложные, в высшей степени щепетильные отношения, условные приличия – торжественности и принужденности, по характеристике дореволюционного просветителя А.-Г. Кешева, опутывали общество адыгов, политическая организованность которого была по преимуществу аристократической, а так называемый черкесский дворянский обычай ни в чем не уступал известным десяти тысячам китайских церемоний. Черкесы создали свой этикет, который считается значительным культурным достоянием. И поведение кабардинского князя, главного действующего лица главы «Свадьба в Кабарде» из воспоминаний старого казака Аполлона Шпаковского, ярчайшее подтверждение этому.

С КАВКАЗА В СИБИРЬ

Листая подшивку газеты «Всемирная иллюстрация» за 1878 год, в № 475, что от 11 февраля, обратили внимание на полосную гравюру с длинным названием: «С.-Петербург. Выселение мятежных горцев с Кавказа во внутренние губернии. Прибытие партии горцев на станцию Николаевской железной дороги».

Кем были эти горцы, чьи жесткие, так и непокорившиеся лица столь тщательно и емко выписал художник С. Шамота по работе которого и была сделана гравюра К. Крыжановского?

Ссылку коренных жителей Кавказа (тех, кого в судебных документах называли «вредными и преступными жителями из туземцев») царские власти начали как таковую в начале шестидесятых годов XIX века. В 1868 году высылка из края была введена уже распоряжением главнокомандующего Кавказской армией. Наказанию этому подвергались чаще других именно горцы – их высылали в отдаленные российские губернии (такими считались Тульская, Рязанская, Калужская, Новгородская, Псковская) и Сибирь.

Причем высылка, которую, надо отметить, в то время практиковали все европейские страны, в России наказанием как таковым не считалась, а лишь полицейской мерой, призванной предупредить повторное преступление. По распоряжению главноначальствующего гражданской частью на Кавказе ссылались на срок до 5 лет «местные инородцы и туземцы, известные своей политической неблагонадежностью или же с преступными наклонностями». Также, в соответствии с особыми правилами, действовавшими в Терской области, по распоряжению местной власти подвергались административной высылке в Восточную Сибирь лица из горского наследия, заподозренные в краже лошадей, скота или другого имущества.

Кавказская война окончилась в 1864 году, но абречество продолжалось еще долгие годы. И именно абреки (нелишне будет уточнить – при повторных поимках) в 60–70-х годах XIX века составляли большинство отправляемых в Сибирь. Были среди высланных и бунтовщики, отказывавшиеся признавать всероссийского императора и призывавшие к отъезду в Турцию. В 1873 году наместник на Кавказе наиболее активных из бунтовщиков приказал высылать во внутренние губернии страны, при этом запретив в административном порядке выезд горцев в Османскую империю.

Кто же изображен на гравюре? Давайте рассмотрим в нее внимательно. Итак, на горцах черкески (видны газыри), бурки (некоторые в тулупах), меховые шапки из овчины. Понятно – разгар петербургской зимы, скорее всего, дело происходило в январе, когда и был сделан с натуры рисунок, а по нему гравюра, опубликованная газетой «Всемирная иллюстрация», оперативно откликнувшейся на все происходившие в стране и мире события.

Количество горцев достаточно велико: если вести счет по лицам, то только на переднем плане 11 человек, если по шапкам, то 14. Более того, на саях мы видим еще две небольшие фигурки с кумганами в руках – ясно, что это дети; за ними – четыре женщины, у одной на руках грудной ребенок.

То есть, высылке подверглось одновременно немало людей, внешний вид которых говорит о том, что их связывает нечто общее. Вспомним исторические реалии тех лет и станет ясно – перед нами участники восстания 1877 года, происходившего в Ичкерии, горной части Чечни.

Двадцать четвертого апреля 1877 года Александр II издал манифест об объявлении войны Турции, а на следующий день жители хутора Симсир Веденского округа во главе с провозглашенным ими имамом Алибеком-хаджи Алдановым решили «разорвать всякие сношения с существующей властью» и «объявить себя независимыми». Уже через десять дней восставших поддержали все 47 аулов Ичкерии с населением в 18 тысяч человек. Более того, 26 мая запылали и Дагестан.

Подавить восстание удалось лишь 28 октября; сам имам добровольно, чтобы не подвергать опасности семью и близких, сдался в плен 9 декабря. Вскоре состоялся суд, приговоривший 13 человек к повешению (в том числе и Алибека-хаджи), а пятерых – к 20 годам каторги.

Почему же отправляемых на каторгу горцев мы видим на улицах города на Неве? Начиная с 1857 года, ссыльных в Сибирь начали возить от Петербурга до Твери по железной дороге, а от Твери до Тюмени на пароходах. Через год стали возить всех ссыльных по железной дороге до Москвы, а оттуда через Рязань, Рязжск, Пензу, Самару, Уфу, Челябинск и далее по Сибирской и Забайкальской железным дорогам. В среднем за год в России перевозилось 55 конвойными командами около 240 тысяч человек.

Понятно, что свободолюбивым и теплолюбивым горцам сибирская ссылка была не в радость, поэтому бежали они при первой же возможности. Вот такие данные о находящихся в «безвестной отлучке» имелись на 1 января 1898 года: «В Енисейской губернии – 11 556 (22,65 %); в Иркутской – 29 403 (40,95 %); в Забайкальской области – 3374 (23,44 %); в Якутской – 1277 (24,66 %); в Амурской – 484 (71,27 %); в Приморской – 1817 (85,82 %) человек».

Но досрочное освобождение можно было получить и на законных основаниях. В 1866 году наместник Кавказа, «желая день рождения великого князя Александра Михайловича ознаменовать особой милостью», приказал Терскому областному прокурору освободить из тюремного заключения всех осужденных, у которых остался один год до окончания срока наказания.

А царь Николай II в связи с бракосочетанием даровал в 1894 году свободу «туземцам Кавказа, высланным по распоряжению главного Кавказского начальства за совершение общеуголовных преступлений, водворенным в Сибирь и Европейскую Россию, при условии одобрительного поведения в ссылке: для высланных бессрочно – по истечении 12 лет, а для высланных на срок, превышающий 5 лет со времени ссылки, – право избрания места жительства, за исключением столиц, столичных губерний и Кавказского края, разрешение на жительство в котором будет зависеть от главного кавказского начальства».

Рассматриваемый нами метод наказания практиковался и в последующем. Вот какую информацию опубликовала под заголовком «Массовая высылка горцев в Сибирь» газета «Московские вести» в номере от 14 (01) мая 1911 года: «Владикавказ. 30.IV. Сегодня отправлена в Сибирь вторая партия жителей Ассинского ущелья, в административном порядке признанных виновными в укрывательстве Зелимхана и за это ссылаемых. Среди ссылаемых много женщин и детей».

Но особую инициативу в данном вопросе проявили, как известно, победившие в 1917 году большевики, доведя число высылаемых от десятков и сотен до тысяч и миллионов. Но это уже совсем другая история.

НАЛЬЧИК СКВОЗЬ ВЕКА

В 1910 году, в Одессе, в издательстве путеводителей «Русский Бедекер», вышло 15-е издание «Иллюстрированного практического путеводителя по Кавказу». Его составитель Григорий Месяц поместил в приложении к данному справочнику множество карт, планов, расписание рейсов пароходов и тарифов на поездки.

Для своего времени это было информационно насыщенное и многофункциональное издание (не случайно, что до революции оно переиздавалось почти 20 раз), содержащее «практические сведения, тщательно собранные для каждой отдельной местности, историческую справку и положительную оценку местности в смысле красоты природы и привлекательности ее для туриста».

В отличие от первых выпусков, в этом нашлось место и Нальчику. Удивительно, но ряд замечаний и определений дают возможность понять сегодняшние явления – через время, формации, смену общественного строя! Впрочем, обратимся к тексту путеводителя.

Вот каким виделся курорт в начале прошлого века: «В Центре управления туземных племен кабардинцев (адыге), в слободе Нальчик, расположенной в 47 верстах от станции Котляревская Владикавказской железной дороги, случайно развился и окреп столь оригинальный «курорт», что о нем стоит сказать несколько слов. Слобода Нальчик расположена в прекрасной местности: с трех сторон возвышаются предгорья снеговой линии Кавказского хребта, покрытые лесами, ярко-зеленый перелив которых приятно ласкает глаз. Тут же протекает небольшая горная речка того же названия, всегда, как слеза, чистая и светлая, с разноцветными камешками, усеявшими ее дно. Дивная природа, мягкий и теплый климат и полное отсутствие того, что в крупных центрах называется условностями жизни, – вот те элементы, из которых складывается сумма «лечебных средств» Нальчика как курорта. Говорят, правда, что прохладные воды речки Нальчик обладают целебными свойствами, но научных выводов по этому поводу пока не имеется, и потому приходится или верить этому на слово, или совсем не верить. Зато сам способ «лечения» этой водой и прост, и оригинален. Мужчины и женщины, мало стесняясь друг друга, прячутся на некотором расстоянии за кустами и без церемонии располагаются в реке,

близ больших камней, через которые чистая и прозрачная вода, ниспадающая небольшим водопадом, точно душ, производит приятное массирующее окачивание тела. В этом вся соль лечения. Лечатся еще прекрасным, чистым, здоровым воздухом, пьют молоко, кефир и кумыс и в отличном настроении созерцают окружающую природу. Тем не менее о Нальчике, как о климатической станции, сложилось немало легенд о прямо-таки чудесном исцелении. Чахоточные, малокровные, нервные и просто немощные в одно лето становятся здоровыми, бодрыми и крепкими».

Сведений о целебных свойствах реки Нальчик как не было, так и нет, а вот о минеральных источниках, которые к тому времени активно посещали *курсовые* (в нынешнем понимании – курортники), автор путеводителя, судя по всему, не знал, хотя слобожане пользовались ими начиная с 1894 года, а местные жители – куда как раньше.

Впрочем, «курорту» (не случайно автор берет это определение в кавычки) еще предстояло стать как таковым, ведь «жизнь в Нальчике складывается очень просто: о жизненных удобствах и комфорте не может быть и речи, так как до сих пор еще ни единый камень не положен в основание того, что называется настоящим курортом. Женщины ходят в простых домашних костюмах, без шляп, или, в крайнем случае, скрываясь от солнца под полями очень легкой и пушистой «балкарской» шляпы из шленской

Атажукинский парк

шерсти. Этому простому, но изящному головному убору соответствуют и прочие принадлежности женского туалета».

А вот значения средних температур, характерных для Нальчика того времени, приводимые в путеводителе, еще более подчеркивают глобальные климатические изменения, происходящие на нашей планете. Судите сами: «Занимая Кабардинскую полукотловину, окруженную с юго-запада грядами высоких гор, идущих от Эльбруса и Казбека, и открытую с северо-востока, Нальчик отличается сухим, умеренным климатом. Лучшее время года: июнь–октябрь. Яркие солнечные дни летом (средняя температура 20 °R в тени и осенью 12 °R) редко сменяются дождями. (Цифры температур пусть вас особо не расхолаживают – они по шкале Реомюра, относящейся к шкале Цельсия как 5/4, то есть $20 \times 5 : 4 = 25$ и 15 градусов соответственно.) Горный, безусловно, чистый воздух обуславливается постоянно дующим здесь северным ветерком, отсутствием стоячих вод и скученности построек и в особенности обилием растительности в виде роскошных садов. Вся слобода представляет собою как бы одну роскошную дачу, а северный ветерок, едва заметный днем и усиливающийся ночью, прекрасно вентилирует воздух, не давая ему застаиваться».

А теперь о стоимости жилья для курортников: «Квартиры недороги, но проявляют уже тенденцию к вздорожанию, так как наплыв приезжих заметно увеличивается. Одна комната с совсем скромной обстановкой, едва ли удовлетворяющая основным требованиям гигиены, ценится в 20–25 руб. в месяц; квартиры в 4–5 комнат, еще недавно отдававшиеся за 100–150 руб. на весь сезон, ценятся теперь втрое дороже.

Клубная гостиница за 1 руб.–1 руб. 20 коп. в сутки предоставляет своим постояльцам опрятно выбеленную комнату с довольно приличной обстановкой и добавочными ценами за все прочее, что может понадобиться приезжему».

Что означают эти цены? Проведем такие аналогии: стоимость комнаты или номера составляла от 60 коп. до одного рубля за сутки, шашлык же можно было купить всего за 20 коп., то есть на эти деньги можно было приобрести от 3 до 5 шашлыков. Значит, дневное проживание обходилось курортникам в 300–500 руб., а в 4–5-комнатной квартире (были, оказывается, в Нальчике и такие), если брать по максимуму, в 2500 руб. (150 руб. x 3 мес. = 450 руб.: 90 дней = 5 руб.: 20 коп. = 25 шашлыков x 100 руб. = 2500 руб.). Если же учесть и «все прочее», то эта цифра вполне соответствует нынешним ценам в частных отелях города.

Что касается питания, то «продукты первой необходимости во время сезона довольно дороги и далеко не всегда удовлетворяют спрос на них, так что в иные дни почти ничего, кроме мяса, нельзя достать».

Воронцовская улица. 1915–1916

А дальше следует весьма колоритное замечание: «К сожалению, нужно заметить, что коренные жители Нальчика, вкусив уже выгоды обирания приезжих, быстро идут вперед в этом направлении до фальсификации жизненных продуктов включительно, не считаясь с тем, что при таких условиях Нальчик как курорт может очень скоро потерять всю свою популярность, центр тяжести которой заключается, так сказать, в «нетронутости» этого прекрасного уголка природы».

А мы-то были уверены, что фальсифицировать продукты начали преимущественно в постсоветский период. Ан нет. Жаль только, что автор путеводителя не сообщил более определенно, в чем заключалась эта самая фальсификация: что за что выдавали и что конкретно подделывали. Можно было бы нынешним продавцам и опыт перенять.

И еще несколько пассажей из путеводителя столетней давности. «Медицинская помощь может считаться обеспеченной лишь в сезонное время, когда обыкновенно в Нальчике проживает врач, так как в остальное время не всегда таковой имеется. Имеется аптека. В Нальчике лечатся грудные больные, неврастеники, ревматики и все бегущие от суеты и сурлоки людных мест.

В Нальчик часто приезжают с Минеральных Вод, особенно после серных ванн, когда является необходимость провести 3–4 недели в здоровой местности.

В Нальчике имеются два небольших сквера, в которых по утрам и до захода солнца играет оркестр музыки. Вечера публика проводит в клубе, где нередко устраиваются любительские спектакли, а еще чаще импровизированные концерты, когда кто-нибудь играет и поет, а прочие слушают. Вздумается кому-либо заиграть на пианино танцы – и бал начинается; знакомства в этом случае не требуются.

Верстах в полутора расположен Атажукин сад, занимающий очень красивое местоположение, но довольно запущенный; с двух сторон его небольшой обрыв, где с шумом протекает бурливая речка, скрывающаяся в лесной чаще. Выше, на противоположной стороне, громадные горы, вершины которых освобождаются от снега на очень короткое время даже летом. В саду имеется ресторан, с весьма недорогими ценами: самовар – 20–30 коп., шашлык – 20 коп., нарзан – бутылка 15 коп. и т. д.».

Сегодня в парке, вновь носящем имя князя Атажукина, ресторанов несколько: самоваров нынче в них не заказывают, стоимость нарзана стала больше в 100 раз, шашлыка – примерно в 1000 и более раз. Круглые цифры: и немудрено – ведь и лет пробежало с тех пор 100.

ЗУБНЫЕ ШЕТКИ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ

В 2012 году одна из местных газет опубликовала материал «Великие князья скрывались в Кабарде», рассказывающий о кратковременном нахождении в августе 1919 года в наших местах членов царской семьи – великой княгини Марии Павловны и ее сыновей Бориса и Андрея – и построенный на дневниковых записях очевидца событий австрийца Ван Шаека, близкого к царскому двору.

История эта стала известна нам значительно раньше – с того момента, как в издательство попала рукопись воспоминаний выдающегося писателя русского зарубежья К. А. Чхеидзе «События. Встречи. Мысли», неопубликованная, по причине отсутствия финансирования, и поныне.

Но действующие лица в изложении Чхеидзе выглядят не так импозантно, более того, рассказанный им, адъютантом Заурбека Даутокова-Серебрякова, эпизод весьма и весьма принижает образ членов царской семьи.

Впрочем, предоставим слово автору воспоминаний.

«В октябре–ноябре 17-го года, – пишет Чхеидзе, – в Нальчике и других городах Северного Кавказа, особенно курортных, появилось много высокопоставленных беженцев с Севера России, главным образом из Петрограда и Москвы. Тут впервые представился случай познакомиться с представителями правящего слоя империи, ее мозгом, познакомиться с теми, кто «вершил ее судьбы». Были тут сенаторы, члены Государственного совета, губернаторы, высшие чиновники из министерства.

...Большинство сиятельных беженцев (среди них были и великие князья, «Владимировичи») осели в отелях. У них еще были деньги (или драгоценности), и они держались особняком и «не смешивались» с теми, кто им предоставил убежище. Позже, когда началась Гражданская война, когда работники Чека устраивали на них облавы, словом, когда нависла реальная опасность, эти бедные люди проявили растерянность, неспособность к жизни, неумение сопротивляться. Конечно, некоторые из них служили в «белых отрядах», преимущественно в штабах. Однако большинство, «общая масса», была охвачена психозом уйти – уйти подальше «от этого кошмара». Класс, утративший волю к борьбе; класс, потерявший чувство своей избранности вести народ, им руководить, – это уже не правящий класс, это тень былого величия, уходящая в ничто».

Князь Тембот Бекович-Черкасский

Заурбек Даутоков-Серебряков (стоят)

Далее опустим события, о которых идет речь в публикации «Великие князья скрывались в Кабарде», и расскажем об их продолжении.

Двадцать седьмого августа под Царицыном был убит Заурбек Даутоков. Тело его Константин Чхеидзе вместе с четырьмя всадниками вывез в Кабарду. Через несколько дней после похорон Заурбека Константина Чхеидзе вызвал правитель Кабарды князь Тембот Бекович-Черкасский, который предложил Чхеидзе должность личного адъютанта.

Вновь обратимся к воспоминаниям: «Одна из труднейших проблем жизни Кабарды того времени состояла в удовлетворении требований лиц, пострадавших в период властвования большевиков. Дело шло главным образом об имущественном ущербе. Представители имущего класса требовали, чтобы им возвращены были захваченные земли, скот, различные ценные предметы, включая, например, ковры, столовое серебро и т. п. В некоторых случаях виновники хищений сами возвращали взятое добро и старались умиловить потерпевшего. Когда отобранные вещи не находились, их владельцы требовали денежного возмещения, составляли списки вещей, с указанием стоимости. Заплатить должно было население аула, в форме разверстки «на дым». («На дым» – старинная формула, связанная с налоговым обложением.) На этой почве возникали самые вопиющие недоразумения, и вся эта акция по возмещению ущерба принесла и без того непопулярной «белой власти» огромный вред. Для разбора таких дел была создана специальная комиссия, князь Тембот наблюдал за ее работой. Он сознавал гибельность поставленной перед ним задачи, стремился улаживать, понимая, что «ладить», в сущности, невозможно. Некоторым подспорьем оказались «ничейные миллионы», найденные балкарским пастухом».

Здесь надо сделать небольшое отступление и рассказать историю про эти самые миллионы, случившуюся в бытность, когда З. Даутоков-Серебряков еще был жив.

...В один из вечеров «какой-то пастух потребовал личного свидания с Заурбеком. Он утверждал, что знает «важную тайну» и открыть ее может только Аллаху и Заурбеку». Выяснилось, пастух случайно увидел, как группа отступающих красноармейцев что-то спрятала в пещере. Это оказался огромный чемодан, а в нем «деньги – миллионы денег: красивые, еще не утратившие лоск царские кредитные билеты, безвкусно отпечатанные «керенки», деньги советского производства».

Перед отъездом на фронт Заурбек передал деньги Темботу, который хранил их в казначействе, как специальный фонд. В крайних случаях Тембот изымал из казначейства необходимые суммы, чтобы удовлетворить требования потерпевших».

А вот и сам интересующий нас эпизод: «В числе потерпевших оказались также великие князья, Владимировичи, и о них надо рассказать особо».

Среди высокопоставленных беженцев с Севера, нашедших убежище в наших краях, особым вниманием пользовались представители правившей династии. Как и другие знатные особы, они занимали лучшие номера в самых дорогих отелях на курортах, главным образом в Кисловодске. Жили на широкую ногу, в деньгах не стеснялись. При первых вспышках Гражданской войны большинство аристократии перебралось на юг, многие уехали за границу. Почему-то двое Владимировичей задержались, и так как в городах стало для них жить опасно, попросили знакомых кабардинцев спрятать их в аулах. Здесь они некоторое время скрывались от «красных» в ожидании прихода «белых».

Великий князь Борис Владимирович

Великий князь Андрей Владимирович

Случилось так, что в аул, где они жили, вечером вошли «красные». В ту ночь Владимировичи, побросав часть своих вещей, под вооруженной охраной приютивших их друзей-кабардинцев и их родственников, спешно направились в другой аул, ближе к горам. Их бегство было замечено, начался переполох. Красные попытались преследовать, произошла короткая схватка, кое-кто из защитников великих князей был ранен. Главное, однако, было достигнуто: Владимировичи (в них видели прежде всего *гостей*, то есть священных особ) были спасены.

По-видимому, эти же красные и захватили оставленные «великокняжеские» вещи и, надо думать, при этом пострадали хозяева дома, где вещи находились. Так или этак, Владимировичи, узнав о существовании Комиссии по возмещению ущерба, представили ей свою претензию. Список «похищенных предметов» был довольно пространный, но фигурировали в нем преимущественно мелочи: английский плед, туфли для игры в теннис, еще какое-то барахло и даже *зубные щетки*. Все с указанием стоимости.

Князь Тембот покачивал головой, читая этот список (там были и ценные вещи, например, золотой браслет), а иногда из его горла вырывался звук, похожий на стон. Он ведь тоже был из древней аристократической семьи, но в отличие от некоторых других членов знати у него были стыд и совесть. Претензия Владимировичей была удовлетворена на средства фонда, истоки которого восходили в сущности к безымянному балкарскому пастуху. Так что, как видно, и у денег своя судьба».

Вот такой штрих к пребыванию великих князей в Кабарде...

НЕМЕЦКОЕ КЛАДБИЩЕ В НАЛЬЧИКЕ

Фотоальбом фашистского офицера со снимками, сделанными в Кабардино-Балкарии в ноябре 1942 года, предоставляет возможность увидеть республику (прежде всего, людей, события, населенные пункты) не через идеологический (в прямом и переносном смысле этого слова) прицел, а посредством взгляда оккупанта, объектив фотоаппарата которого – беспристрастный свидетель увиденного и зафиксированного.

Уже первый из опубликованных снимков вызвал множество вопросов и не только о том, что нарисовано на дверях машин: морда волка с высунутым языком, а над ней – в нижнем прямоугольнике – молния (рунический знак «Сиг», символизирующий воина и победителя, благословляющий на победу и поражающий врагов). Известно, что «общеэсэсовская» руна «Сиг» («Совуло») была эмблемой управлений СС и фронтовых дивизий Ваффен СС.

Стоянка транспорта немецкой дивизии «Волчья пасть» на ул. Театральной (ныне Головки) в Нальчике. 1942

В военных мемуарах «Моя война», автором которых является Г. Н. Чухрай, действие которых происходит в наших краях и касается именно 1942 года, есть такой эпизод: «Немцы были обескуражены. Мы знали это от пленных, у которых заметно поубавилось чувство превосходства. Они по-прежнему были уверены в нашем неминуемом крахе, но уже признавали, что такого упорного сопротивления они еще не встречали.

Однажды они бросили листовки: «Солдаты! Вы деретесь, как львы. Вам удавалось сдерживать натиск наших войск, потому что против вас действовали наполовину ненемецкие дивизии. Сейчас на ваш фронт пришла немецкая дивизия «Волчья пасть». Вы будете уничтожены. Сопротивление бессмысленно».

...Я до сих пор помню текст этой листовки. И горжусь тем, что немцы вынуждены были признать – мы деремся, *как львы*».

Без сомнения, эта та самая дивизия «Волчья пасть», чей многочисленный транспорт (только на снимке 51 машина!) запечатлен на фотографии немецкого офицера.

Где конкретно располагалась стоянка этих машин? Ветеран войны И. И. Полищук, хорошо знавший предвоенный Нальчик, не сомневается: машины стояли на улице Театральной (ныне Головка) – напротив дома, что на углу проспекта Ленина (в нем расположен книжный магазин). Сейчас на этом месте сквер, а до войны была небольшая площадь (строительство Дома Советов (ныне Дом Правительства) только начиналось.

А вот вопрос, где находилось немецкое кладбище (его еще называли румынским – фашистская Румыния была союзником Германии), запечатленное на другой фотографии из альбома, даже Ивана Ильича озадачило. Известно, что около двух десятков захоронений было на площади 400-летия: прямо напротив памятника Марии. Считается, что они были перенесены. Но это не совсем так. Часть могил, со слов старожилки Бориса Загиева, была уничтожена: разровнена под будущую дорогу и площадь; по этим костям мы ходим и сегодня.

Но кладбище на снимке, куда как больше: 42 креста, выкрашенных белой краской, примерно на трети из них надеты каски. На дальнем плане два больших дома: справа выступ четырехэтажного, вдалеке, слева, – трехэтажное. Вот эти многоэтажки и смущали старожилков. Борис Загиев остановился на том, что место это находится рядом с элеватором. Иван Полищук уверен, что оно значительно правее.

Тогда мы решили пойти другим путем и составить список всех многоэтажных домов предвоенного Нальчика. Их оказалось не так уж много. Начали с Кабардинской, пытаясь привязать кладбище к площади Марии. Но здания Наркомзема и Промкооперации (так называемый *ООН* и то, что на-

Улица Степная. Нальчик. Ноябрь 1942

против кинотеатра «Победа») отпали сразу, не подходя по конфигурации. Вверх, к Кешокова, где располагалось еще два трехэтажных дома (на углу улицы Малокабардинской и со стороны Чехова) идти было незачем – не позволяла ориентировка кладбища.

Перешли на параллельную Кабардинской – Бульварную (Шогенцукова). Перед войной на ней уже стояли турбаза «Долинск», сегодня облюбованная правоохранителями, школа № 9 (нынешняя вторая) и учебный центр, где повышали свою квалификацию председатели колхозов. Но центр, как поправился Иван Ильич, был двухэтажным.

Далее, вплоть до железнодорожных путей, одноэтажные дома.

Не забыли и про здание нынешней поликлиники № 1, в котором в 1940 году располагался Красный Крест, а после войны – НКВД.

На следующей улице, Степной, то бишь Ленина, в предвоенные годы, как уже говорилось выше, началось строительство здания Дома Советов. Практически рядом, на углу Степной и Театральной (ныне Головка), стоял внушительный трехэтажный (над входом был надстроен еще один этаж со шпилем, как на турбазе Долинск) Дом работников партийного актива, а рядом здание Облснаба. Оба не были восстановлены после войны.

Ниже, по нечетной стороне стояло (и стоит) четырехэтажное здание потребсоюза, еще ниже – трехэтажное здание ГПУ–НКВД–КГБ–ФСБ, ближе к вокзалу – здание школы № 4.

Тем не менее общая картина, позволяющая привязать немецкое кладбище к определенному месту, все равно не вырисовывалась: мало того, что фотограф выбрал на редкость необычный ракурс, сумев не захватить в поле снимка ни один из известных ориентиров, так ведь и имеющиеся нельзя было рассматривать как объективные: большинство зданий Нальчика, в том числе и сохранившиеся, в послевоенные годы были реконструированы: одни надстроены, к другим сделаны пристройки.

Назвав еще три трехэтажных жилых дома, возведенных в районе Первомайской, мы поняли, что и такой подход не подвинул нас к цели. И только припомнив, что немцы хоронили своих покойников, ориентируясь на запад (усопший «смотрел» в эту сторону света и на свой крест; немецкие могилы развернуты на 180 градусов относительно православных захоронений), мы, наконец, догадались, что за здание запечатлено с правой стороны фотографии. Это бывшая школа № 6 (у железнодорожного переезда), вернее ее левый выступ, сегодня уже не отвечающий довоенному облику (по количеству окон).

А с левой стороны скорее всего здание четвертой школы (ныне перестроенной). Или (Иван Ильич здесь немного сомневается) одного из трех жилых домов, возведенных в районе Первомайской. Широкоугольный фотоаппарат немецкого офицера захватил в кадр оба этих объекта, хотя они и расположены достаточно далеко друг от друга. Но так как других многоэтажек поблизости не было, эти здания объединились в одной перспективе.

Ну а теперь самое главное: где же было немецкое кладбище? А рядом с тем, что еще в шестидесятых называлось *старым городским* и располагалось между улицами Захарова – Пятигорская, Октябрьская (Нахушева) – Бульварная (Шогенцукова), но значительно не доходя до последней. Внимательно посмотрите на снимок: вот само кладбище, перед ним улица Бульварная, на заднем плане (где два одноэтажных домика) Осетинская. Расстояние до нее несколько скрадывается, так как здесь ранее был пустырь. Как и расстояние до трехэтажного здания.

Следовательно, снимок был сделан примерно с того места, куда могла выходить улица Маяковского, если бы она продолжалась до Бульварной. Только эта точка позволяла под подобным ракурсом показать как само кладбище, так и многоэтажные здания.

Что сейчас на этом месте? Бывшая площадь Коммунаров, от которой не осталось следа (место это сегодня отражено лишь в названии городской артерии, которая так парадоксально и называется: «улица Площадь Коммунаров»). Имеются здесь и постройки, возведенные на... получается, что на костях, так как кладбище не переносилось.

Вообще, это очень большая тема: снос старого городского кладбища и возведение на его месте и поблизости многоэтажных домов. Один из авторов этих строк в самом начале шестидесятых годов прошлого века, будучи первоклассником, не раз бывал на кладбище вместе с бабушкой – приходили проводить ее родную сестру Любу. Как-то так получилось, что ее могила не была перенесена на новое кладбище, впрочем, как и могилы многих сотен людей: землю с их костями вывезли за город. Власти считали слишком затратным делом вскрывать индивидуальные могилы простых нальчан и сгребли их прах ковшом экскаватора. Велась эти работы за высоким забором, которым была огорожена территория кладбища, с водителей машин брали расписки, что они довезут землю до отведенного участка, а не свалят где-нибудь по дороге.

Официально (в том смысле, что могилы вскрывались) был перенесен прах солдат, павших при освобождении Нальчика, да нескольких милиционеров, эксгумация захоронений которых была осуществлена в отсутствие посторонних глаз: вечером соорудили высокий деревянный забор, ночью вскрыли могилы и увезли кости, ранним утром забор демонтировали. Так сказать, здесь «ничего не стояло и не лежало».

Беспамятство – страшная вещь, беспаятство, облеченное властью, – аморально, если не сказать больше – преступно. Заботились о людях, их душевном спокойствии и пожертвовали главным, что отличает человека от животного: исторической памятью, которую вывезли вместе с землей и костями. Сколько знаковых имен нальчан ушло в небытие в эти летние дни, сколько могил – тех, кто жил и творил для города, для страны, – растворилось навсегда в земляной каше, перевороченной ковшами экскаватора... Только мы можем перечислить добрый десяток людей, чьи имена остались на страницах истории Кабардино-Балкарии и чей прах был безжалостно потревожен. Но стоит ли называть здесь их в таком контексте?

Мертвые не могут себя защитить, но они могут мстить. А чем иначе объяснить тот факт, что количество раковых больных, проживающих (вернее будет сказать – проживавших) в местах, где ранее осуществлялись захоронения, в несколько раз больше? Относительно Нальчика такую статистику официально никто не вел, но опросы лиц, входящих в круг наших знакомых, убедили: этих цифр лучше, право, не знать.

Так где же находилось немецкое кладбище?

Опубликованный в газете материал «Немецкое кладбище в центре Нальчика» вызвал множество откликов у читателей газеты, суть которых в том, что авторы скорее всего ошибаются, определяя участок рядом с быв-

Так называемые «соляные домики»

шим городским некрополем (между улицами Захарова – Пятигорская, Октябрьская (Нахушева) – Бульварная (Шогенцукова) местом захоронения оккупантов. А на самом деле, кладбище это находилось на пересечении улиц Степной (Ленина) и Театральной (Головка).

Первым нам об этом сообщил известный кабардинский поэт и прозаик, переводчик Корана на родной ему язык Кашиф Эльгаров, не поленившийся прийти в издательство и рассказать, как в те военные годы, добираясь пешком из Шалушки до Нальчика, они, дети (Кашиф родился в 1935 году), проходили мимо фашистского погоста. Помнит он и кресты, и немецкие каски, водруженные на них. Поэтому уверен: изображенное на фотоснимке кладбище именно то, что он видел.

Это же подтверждает и нальчанин Виктор Батулин, проживавший в те далекие годы на улице Степной, дом 3. Несмотря на то что в 1942 году ему не исполнилось еще и шести лет, память у него отменная. Виктор Васильевич рассказывает, как, прочитав статью, не спал практически всю ночь, зрительно восстанавливая события того времени. И вспомнил многое, вплоть до мельчайших подробностей.

Прежде всего, говорит он, одноэтажные дома, расположенные на заднем плане снимка, находились вовсе не на улице Осетинской, а на Степной, на том самом месте, где сейчас угловой жилой дом, что напротив Дома правительства. Более того, он помнит фамилии тех, кто в них проживал. Это Пеньковы (хозяйку звали Вера), Кересилидзе (хозяйку, Тамару, знал весь Нальчик – она была директором кинотеатра «Победа»). В третьем, капитальном кирпичном доме, также жили грузины, но фамилию их В. Батулин не знает.

Что касается кладбища, то оно находилось напротив трехэтажного Дома работников партийного актива (разрушенного гитлеровцами), на том месте, где сейчас начинается сквер. Сколько было там могил, Виктор Васильевич не знает (слишком был мал), но припоминает: имелся еще один крест, возвышающийся над другими – трехметровый, черный, выполненный в готическом стиле. Его навершие обвивало что-то вроде ленточки.

Уже в январе 1943 года от тех крестов не осталось и следов. Они исчезли буквально за один вечер, после того как в город вошли наши войска: проживающие поблизости жители растащили их на дрова – январь стоял холодный, топить приходилось много, а в лес за хворостом идти боязно.

Относительно домов – трехэтажного слева и четырехэтажного справа – также все разъяснилось: первый из них – жилой, и сейчас стоит в верхней части улицы М. Горького (между Головка и Лермонтова), второй – левый край бывшего здания Каббалкпотребсоюза, выходящий на всё ту же улицу Лермонтова. Ракурс действительно фотографом был выбран

необычный, кроме того, последнее здание подверглось реконструкции, изменив прежний облик, что и смутило наших консультантов, в частности Ивана Ильича Полищука.

Что ж, просим прощения за допущенную ошибку, которую удалось исправить благодаря помощи читателей газеты.

Переносились захоронения или нет – точно неизвестно, но такого факта старожилы не помнят.

О снайпере, «заложившем» немецкое кладбище...

На публикацию о немецком кладбище откликнулась коренная нальчанка Г. В. Никитина. Когда-то мы были соседями по дому, потом и по месту трудовой деятельности: работали в разных организациях, но в одном здании – Доме Советов. Галина Васильевна заведовала общим отделом Кабардино-Балкарского обкома КПСС. Впоследствии потеряли друг друга из виду – оказалось, сейчас Г. В. Никитина проживает в Ростове-на-Дону, но в курсе событий, происходящих в республике, регулярно читает республиканскую прессу.

Ну а теперь о содержании самого письма. Галина Васильевна 1936 года рождения, следовательно, осенью 1942 года ей уже было около семи лет – возраст, память в котором достаточно цепка на детали и события.

Но самое главное, девочка Галя жила в непосредственной близости от интересующего нас объекта – на углу улиц Головки и Горького, в так называемом доме шоферов. Название дома говорит само за себя – квартиры в нем получило немало представителей данной профессии, прежде всего, обслуживающих партийную и советскую верхушку Кабардино-Балкарии (кстати, соседнее с ним, по улице Горького, жилое здание в быту получило название «дом специалистов»).

Обкомовский гараж находился напротив дома, поэтому отцу Гали Василию Семеновичу Зимовейскому до работы было в прямом смысле пара шагов. Возил он, кстати, самого Бетала Калмыкова вплоть до ареста последнего в ноябре 1938 года органами НКВД.

Скажем еще, хоть это не имеет прямого отношения к нашей теме, что репрессии обошли В. С. Зимовейского стороной – с этой же работы и из этого же дома он ушел на фронт, сюда же его, тяжело контуженого, привез санитар из сталинградского госпиталя.

Галина Васильевна хорошо запомнила грузинскую семью, чей дом запечатлен на снимке: дело в том, что эти люди держали корову, ее, как младшую, родители посылали за молоком. Помнит и семью Кереселидзе, директора «Победы», связывая эти воспоминания с митингом, который

проводился у кинотеатра по случаю освобождения Нальчика от фашистов и на который мама взяла и ее.

Но до этого события было еще более двух месяцев. Как известно, 25 октября 1942 года немцы атаковали Нальчик с севера. Два полка пехоты с приданными им 80 танками пошли на прорыв обороны, которую держали воины 2-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Ф. В. Захарова. Почти 60 танков и около 800 вражеских захватчиков остались на поле боя, но и наши войска понесли тяжелейшие потери, по причине которых вынуждены были отойти.

Двадцать восьмого октября Нальчик пал, около двух сотен немецких танков двинулись к Владикавказу и к концу следующего дня находились всего в 60 километрах от него...

Но и Нальчик не стал для завоевателей спокойным местом, подтверждением чему и служит появление немецкого кладбища в столь непривычном для него месте – в центре города, в непосредственной близости от здания Дома работников партийного актива (совнаркома, как в просторечии его именовали), взорванного при отступлении нашими войсками.

И связано это было с тем, что именно здесь нашли свой бесславный конец несколько фашистов, попавших под прицельный огонь нашего снайпера, засевшего в развалинах рабочего здания партактива. Жертвами стрелка стали румыны, вошедшие в город со стороны Затишья.

Галина Васильевна вспоминает, что здесь же, на пустыре, не заморачиваясь, оккупанты и выкопали 29 октября первые могилы для своих однополчан.

Несохранившееся здание Дома работников партийного актива на углу нынешних проспекта Ленина и улицы Головки

Что касается снайпера, то, со слов соседей семьи Зимовейских, его меткая стрельба раздавалась еще в течение нескольких дней, и количество могил на новом погосте росло постоянно.

Так продолжалось до тех пор, пока оккупанты полностью не обследовали развалины и не обнаружили снайпера, выследив его, судя по всему, по выстрелам.

Кто был этот воин, как его звали – так и осталось неизвестным; умалчивают об этом героическом эпизоде и документы военной поры. Имя солдата, совершившего великий подвиг, не вспоминаемо нальчанами.

Само кладбище Галина Васильевна запомнила хорошо – с ровесниками бегали сюда чуть ли не каждый день, видела дырки от пуль в касках, знает, со слов матери, что кто-то из ребят попытался забрать одну из касок, но был пойман и жестоко наказан: ему отрезали ухо. Отсюда Никитина делает вывод, что кладбище охранялось.

Твердо она уверена и в том, что захоронения не переносились, так как практически на ее глазах разбивался на месте погоста сквер и закладывался жилой дом, что расположен на углу проспекта Ленина и улицы Головки.

А вот останки наших солдат из могил, которых было немало на территории городского парка, были впоследствии перезахоронены в том месте, где сейчас горит Вечный огонь.

Нальчик в ноябре 1942 года

Удивительное дело, но фотографии из альбома немецкого офицера, сделанные в ноябре 1942 года, при определении отображенных на них мест съемок даже старожилов столицы республики ставят в тупик. Прошло каких-то семьдесят лет, но неузнаваемо изменился Нальчик, и среди многочисленных новостроек практически затерялись довоенные здания. А так как их до временной оккупации было не так уж много, то в кадр попали прежде всего одноэтажные постройки. Такие, какие вы видите на снимке, запечатлевшем немецкого солдата, стоящего посредине улицы Степной (нынешнего проспекта Ленина).

С правой стороны, вдалеке, виднеется здание бывшего Каббалкпотребсоюза; еще дальше – возведенный до третьего этажа корпус будущего Дома Советов (Дома Правительства); за ним, если посмотреть через лупу, можно разглядеть здание жилого дома работников партактива (то, что и ныне на углу улиц Ленина и Балкарской).

Сам Дом работников партийного актива находился в те годы поблизости – на углу Театральной (Головки): он, еще не разрушенный, также запечатлен на снимке (с правой стороны).

Фото из альбома фашистского офицера

Но самое интересное, одноэтажные, преимущественно саманные домики, расположенные по левой стороне улицы Степной, сохранились и до сегодняшнего дня: они, ныне скрытые анфиладой пятиэтажных домов, возведенных на проспекте Ленина, доживают свой (в прямом смысле слова) век. Из этого ряда домов, как вспоминает старожил Нальчика Виктор Васильевич Батурин, был снесен лишь один – тот, что находился на улице Лермонтова.

Так как Степная довоенного времени представляла из себя весьма широкое полотно, многоэтажки были возведены прямо перед ними, прикрыв своими фасадами старый провинциальный Нальчик.

Ну а чтобы еще больше привязать фотографию к месту, скажем, что поперечная улица, отраженная на снимке узким черным просветом да электрическими столбами, это бывшая Церковная (на тот момент Советская, нынешняя Кешокова).

Столбы, а вернее линии электропередач, помогли атрибутировать и вторую фотографию. Правда, вначале мы попытались привязаться к контуру гор, опоясывающих Нальчик и запечатленных на заднем плане. Взяли современный снимок, наложили на старый, нашли точку совмещения и... поняли, что не все так просто: без конкретной привязки забор мог располагаться на достаточно большом пространстве.

Опять же пришел на помощь В. В. Батурин. Он рассказал, что подобно-го рода заборы, достаточно внушительные по тем временам, огораживали территорию кондитерской фабрики и мясокомбината, а линии электропередач могли идти от подстанции, располагавшейся в районе Затишья. Но с тех мест горный пейзаж смотрится по-другому.

И тогда Виктор Васильевич вспомнил о глухом заборе, что окружал городскую больницу со стороны нынешних улиц Балкарской и Головки. Будучи малолеткой, в ноябре-декабре 1942 года, он ежедневно ходил сюда с едой для раненого красноармейца, которого вначале его родные прятали в подвале своего дома, а потом, под давлением испуганных соседей, были вынуждены отвезти в больницу, где, кстати, его лечили достаточно долго. Во всяком случае – В. В. Батурин помнит это прекрасно – ходил он сюда вплоть до освобождения Нальчика от фашистов. Следовательно, вторая фотография сделана скорее всего с территории нынешней городской больницы.

Уже семьдесят лет прошло с того времени, как щелкнул своим фотоаппаратом немецкий офицер. Нет давным-давно того фотографа, почти ничего не осталось от старого города, но стоят и будут стоять величественные горы, как и тогда, так и теперь подковой опоясывающие наш неповторимый Нальчик...

МЕСТО, ГДЕ ТАНЦУЮТ МОЛНИИ

В окрестностях Нальчика есть необычное место, о котором мало кто слышал, а уж побывали совсем немногие, хотя располагается оно практически рядом с городом. Дабы стало понятно, о чем мы ведем речь, скажем, что поблизости от него находится так называемый Комсомольский кош – название, говорящее многое людям, знакомым с туристскими тропами Кабардино-Балкарии.

...На внушительной поляне то тут, то там разбросаны огромные каменные валуны, внешним видом чем-то напоминающие строительные вагончики. Самые большие из этих параллелепипедов – метров 15–17 в длину, 3–4 в ширину и столько же в высоту. Другие поменьше, есть и совсем крошечные. Камни как камни, если бы не одно *но*: все они разделены на две, а

Разломанные валуны

то и три части. Места разломов в большинстве случаев идеально ровные: словно кто-то, неведомый и всемогущий, аккуратно поработал гигантской пилой.

Естественно, возникает вопрос, отчего такое произошло: природное ли это явление или нет? Обследовав практически все разделенные неведомой силой каменные истуканы (а их здесь десятки), к единому мнению мы так и не пришли. Если говорить об искусственном происхождении «распилов» (расколов?), то неясно, какую цель преследовали совершившие эту весьма непростую процедуру, а главное, какими инструментами они располагали.

Если нет, то остается поражаться: как удалось природе произвести столь симметричное разделение, строго вертикальное на протяжении четырех-пяти метров?!

Есть и фольклорная версия происхождения расколов безмолвных великанов. Она заключается в том, что перед нами своего рода ристалище, где соревновались... нарты, демонстрируя мощь своих могучих ударов клинками, разрубая камни пополам – аж до самой земли. Какой силы был их замах, сколь крепки и длинны клинки и, самое главное, какого роста были нарты (согласно принятой учеными версии, одно из человеческих племен) – нам остается только предполагать.

Мы бы, вероятно, еще долго ходили бы по поляне, взбирались на валуны-великаны, если бы погода не начала портиться прямо на глазах: непонятно откуда взявшиеся тучи закрыли небосвод, нависли над нами и разразились мгновенным дождем. А потом, словно спохватившись о своей забывчивости, громыхнул гром, вслед за ним сверкнула молния. Да настолько близко, что отблеск ее, казалось, отразился на наших лицах.

А ударила она... в один из камней, что располагался на противоположном конце поляны. Во всяком случае, нам так показалось, но утверждать твердо не будем, ибо в этот момент мы наперегонки мчались к машине, видя в ней единственное надежное укрытие от небесного огня. Ведь известно, что автомобиль, хоть и является металлической конструкцией, но, полностью закрытый, во время грозы представляет из себя клетку, отражающую электромагнитное поле.

Итак, получается, перед нами поляна, которую облюбовали для своих «экспериментов» привычные всем молнии? Известно, что наиболее часто они бьют в объекты, возвышающиеся над окружающей местностью – здесь же такими являются камни, притягивающие данное атмосферное явление.

Учеными подсчитано, что ежедневно около 8 миллионов молний ударяются в землю – шесть раз в год на квадратный километр поверхности; ежесекундно в разных точках планеты сверкают молнии более 2000 гроз.

Разломанные валуны

Каждая шестисоттысячная избирает своей мишенью человека. Представьте, какие мучения испытывает несчастный, ведь температура молнии в пять раз выше, чем на поверхности Солнца! Тем не менее большинство пострадавших выживают, так как электрический разряд происходит ментально – миллионные доли секунды.

В «выборе» молнией объекта также немало необъяснимого. Во-первых, год от года число пострадавших растет – сегодня огненной экзекуции ежегодно подвергается около 500 россиян (точной статистики нет); причем подавляющее большинство из них (более 400!) – мужчины. Некоторые ученые, задумавшиеся над такой избирательностью, предположили, что причина заключается в мужском половом гормоне – тестостероне, но дальше столь ортодоксального вывода дело пока не пошло. Хотя определенная логика здесь имеется: все-таки гром в нашем понимании мужчина, а молния – женщина (шутим, понятно).

Есть также мнения, что у мужчин более высокое электростатическое напряжение, что у женщин развита так называемая энергетика страха, создающая своеобразную защитную оболочку. Но все эти предположения, как и самое первое, так сказать, от лукавого – доказательств-то никаких нет.

Ну и самое необъяснимое – последствия от удара молнией. У многих выживших открываются экстрасенсорные способности: тут и предсказательные (вплоть до выигрыша в лотерею), и математические (умение совершать в уме всевозможные манипуляции с шестизначными числами), и физиологические (обострение слуха или «нюха», возможность переносить невероятно низкие температуры).

...Если поляну в пригороде Нальчика молнии выбрали для своих танцев, то желающих понаблюдать за ними призываем к осторожности. Коль решили направиться в эти места, поинтересуйтесь предварительно погодой: не обещают ли синоптики в этот день осадки...

Зрелище на поляне, конечно, происходит потрясающее. Но уверены ли вы, что огненная красавица будет к вам так же снисходительна, как к некоему американцу, который (это подтверждено документально) семь раз притягивал к себе молнию? Она (вернее, они, так как дело происходило в течение почти четырех десятилетий) сожгли ему брови и волосы, повредили ноги, грудь, обожгли тело, но... не убили. Но самое интересное, что после смерти этого громоотвода в облике человека, в ночь после похорон, молния ударила в его могилу, расколов надгробие. Видно, попрощалась.

ТОГАЙ – МЕТЕОРИТНЫЙ КРАТЕР?

Одно из республиканских изданий (Газета Юга. 2012. 9 авг.) опубликовало заметку «Чирик-кель – творение метеорита», название которой говорит само за себя. Специалисты, прочитав ее, без сомнения, улыбнулись: карстовое происхождение Голубого озера и так называемого *провала*, расположенного выше его, невозможно оспорить.

Озеро изучало несколько экспедиций: в 1926–1927 годах им детально занимался И. Г. Кузнецов, удостоенный за свои исследования серебряной медали Русского географического общества. Кстати говоря, Иван Георгиевич родился в Нальчике, в 1919 году окончил в Петрограде Горный институт, стал доктором наук, профессором. Его очерк о Голубом озере был издан отдельной брошюрой Кабардино-Балкарским отделением Российского общества туристов и Кабардино-Балкарским областным экскурсионным бюро.

Вот что в нем сообщается: «По площади Чирик-кель принадлежит к числу самых маленьких озер. Его площадь – 26 130 квадратных метров. Тем поразительнее оказывается громадная глубина озера, достигающая 258 метров. В озеро с поверхности не впадает ни одного хотя бы маленького ручья, но из него вытекает речка, в сутки выносящая 5–6 миллионов ведер воды. В условиях известняков на уровне дна озера или еще глубже, очевидно, циркулируют подземные воды, образующие мощные потоки, может быть, целые подземные реки.

Водовместилище озера представляет собой глубокий колодезь с отвесными стенками, сложенными слоистыми известняками. Вода в колодезь поступает снизу, с большой глубины, и находится под большим напором, ибо она мощным потоком вытекает сама из озера.

В данных геологических условиях единственным источником подземных вод являются атмосферные осадки, выпадающие в виде снега и дождя в окрестностях озера. Принимая во внимание, что часть атмосферных осадков по выпадении стекает в Черек и другие речки, что часть осадков испаряется и что не все поглощенные известняками воды потом выходят в озеро, мы с полным основанием можем принять площадь области питания не менее 50 квадратных километров».

Известный исследователь Кавказа писатель-географ Сергей Анисимов (1876–1948) в работе «Кабардино-Балкария» (1937) писал: «Голубое озе-

ро – Шерек-Яна (Шэрэд-жанэ. – *Авт.*), или, по-кабардински, «Мать Черка»... имеет правильную форму овала, длиной в 300 м и шириной около 200 м. Глубина его доходит до 290 м, и только кое-где у краев имеются небольшие неглубокие подводные площадки. ...Голубое озеро провального происхождения. Оно образовалось в меловых известняках вследствие размывания их подземными водами».

В 1980 году изучением озера занялись ученые Института географии Академии наук Грузинской ССР. Экспедиция, которую возглавлял доктор географических наук Г. Гигинейшвили, определила, что длина водяного зеркала 233 метра, ширина – 146, глубина 254 метра.

Относительно провала Кель-кечхен (в переводе с балкарского – «Пропавшее озеро»), в отчете говорится, что его площадь 60 тысяч квадратных метров, максимальная глубина – 177 метров. Высказывается предположение, что 25–30 тысяч лет тому назад «колодцы озер Чирик-кель и Кель-кечхен составляли единую гидродинамическую систему. Причем водоем современного озера Чирик-кель был заполнен водой подземной полости. В самом конце плейстоцена (12–13 тысяч лет назад) полость вскрылась, озеро Чирик-кель вышло на поверхность, и в него стекла вода из Кель-кечхен. Кроме того, река Черек, питавшая Кель-кечхен, поменяла русло, и озеро высохло».

Относительно же того, что Чирик-кель представляет из себя метеоритный кратер (в отчетах вышеназванных научных экспедиций эта версия даже не фигурирует), скажем следующее. Считается, что каждый год на землю падает множество небесных посланников, но только малую часть из них (5–7 штук) находят люди. Вот такая статистика: в общей сложности землянам известно (найденно, собрано, изучено) лишь чуть более 1600 метеоритов, причем примерно десятая часть – в нашей стране.

На месте падения огромных метеоритов (речь идет о сотнях и тысячах тонн) образуется воронка – метеоритный кратер, а сам небесный путешественник разлетается на множество осколков. Широко известен так называемый Аризонский кратер, глубина которого 170 м, а поперечник – 1200 м.

Скорость, с которой метеориты врезаются в Землю, колеблется от 20 до 70 км/с. Энергия, выделяющаяся при падении метеорита массой свыше одной тысячи тонн, сродни энергии ядерного взрыва.

А дальше процитируем ученых: «При встрече метеорита с твердой поверхностью его движение резко замедляется, а вот породы мишени (места, куда он упал), наоборот, начинают ускоренное движение под воздействием ударной волны. Она расходится во все стороны от точки соприкосновения: охватывает полусферическую область под поверхностью планеты, а также движется в обратную сторону по самому метеориту (ударнику). Достигнув его тыльной поверхности, волна отражается и бежит

обратно. Растяжения и сжатия при таком двойном пробеге обычно полностью разрушают метеорит. Ударная волна создает колоссальное давление – свыше 5 миллионов атмосфер. Под ее воздействием горные породы мишени и ударника сильно сжимаются, что приводит к взрывному росту температуры и давления, в результате чего в окрестностях соударения горные породы нагреваются и частично плавятся, а в самом центре, где температура достигает 15 000 °С, – даже испаряются. ...При мгновенном испарении части вещества происходит образование плазмы, что приводит к взрыву, при котором породы мишени разлетаются во все стороны, а дно вдавливается. На дне кратера возникает круглая впадина с довольно крутыми бортами, но существует она какие-то доли секунды – затем борта немедленно начинают обрушиваться и оползать. Сверху на эту массу грунта выпадает и каменный град из вещества, выброшенного вертикально вверх и теперь возвращающегося на место, но уже в раздробленном виде. Так на дне кратера образуется *брекчия* – слой обломков горных пород, сцементированных тем же материалом, но измельченным до песчинок и пылинок. ...Через несколько минут ударный расплав, скрытый под слоем брекчии, остывает и начинает быстро затвердевать. На этом формирование кратера заканчивается».

Ничего подобного ни в самом Голубом озере, ни вокруг него не наблюдается, следовательно, наш «голубой сапфир» не космического, а земного происхождения. А если б было бы наоборот, не знали б мы ни Голубого озера, ни других красот Кабардино-Балкарии.

И в заключение еще одна цитата. У врача Антона Дроздовского, автора работы «Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области», читаем: «Озеро это замечательно тем, что оно появилось в одну ночь на месте провалившейся земли почти на глазах пастухов, находившихся со своими баранами не в далеком расстоянии от этого места». То есть, даже народные предания свидетельствуют о земном происхождении Чирик-келя – природного водоема – «чистого», а не «гнилого» озера, как считает любитель этимологии Мухамат Эфендиев, уточняя, что у этого слова в балкарском языке сразу девять значений и названные среди них.

Тем не менее в республике, на наш взгляд, имеются объекты, которые могут свидетельствовать о падении метеоритов. Речь идет о впадине (выразимся так), в которой образовалось озеро Тогай. Слово это с балкарского можно перевести как *звено*, замкнутый предмет бытового назначения. Оно действительно чем-то напоминает вытянутое кольцо: очерченное скальными выступами с одного полукружия, крутым валом с другого, озеро имеет между ними пологий спуск, словно проделанный гигантской землеройной машиной. Или неким космическим телом, которое вошло в землю под углом.

На первый взгляд космическая версия образования озера Тогай не вызывает сомнений, но смущает то, что в этих местах (речь идет о дороге на Канжол, что начинается сразу за селением Кенделен, примерно в 17–18 километрах от бывшего штаба отгонных пастбищ Хаймаши) таких провалов немало. Что скорее свидетельствует о карстовых разломах в породах, формирующих данную территорию, чем о массовом падении метеоритов. К тому же нелишне будет вспомнить, что и Каменноостские карстовые озера, родные (по происхождению) сестры Голубого, располагаются относительно недалеко.

Тем не менее провал, в глубине которого образовалось озеро Тогай, не похож на другие карстовые разломы. На фотографиях четко видно, что он отличается от обычных углублений (именно таково значение слова провал) в земле тем самым спуском, постепенно подводящим к озеру. Оно, кстати, совершенно неглубокое, что вполне объяснимо при подобном угле падения метеорита. Есть и еще один нюанс – металлодетектор свидетельствует о наличии железа. Сразу вспоминается, что при исследовании уже упоминаемого Аризонского кратера его было найдено более 20 тонн. Может, и Тогай порадует нас такими находками?..

Тогай

КЛАДБИЩЕ МАМОНТОВ ЗА СЕЛЕНИЕМ ВЕРХНИЙ КУРП

О том, что в районе селения Верхний Курп Терского района неоднократно находили останки древних животных, было известно достаточно давно. И кусок бивня мамонта, найденный еще в двадцатых годах прошлого века и ныне выставленный в экспозиции Национального музея КБР, также из этих мест. Рассказывали, что местные жители хранили на подворьях огромные кости, клыки, ребра, зубы, позвонки, причем последние – голь на выдумку хитра! – использовали в качестве табуреток. Но о том, что все это палеонтологическое богатство представляет немалый научный интерес, никто даже не догадывался, а ученых не уведомили.

Совершенно случайно мы узнали, что глиняный обрыв на одном из склонов у слияния рек Курп и Сухой Курп, что практически сразу за селением Верхний Курп, обнажил останки бивня. Наш приезд на место раскопок подтвердил: земля приоткрыла часть скелета представителя рода древнехоботных.

Южный мамонт, он же южный слон, – вымерший вид млекопитающих семейства слоновых: животное высотой до четырех метров с бивнями завиточной формы примерно такой же длины. Жил этот гигант от 2,6 до 0,7 миллиона лет назад. Он первым покинул африканскую родину мамонтов и оказался в Евразии, которую два миллиона лет назад отличал умеренный климат. На сегодня обнаружено 7 относительно полных скелетов южного слона: три из них хранятся в России, два – в Италии, по одному во Франции и Сербии; в ряде музеев мира представлены бивни.

В 2007 году останки ископаемого южного слона были обнаружены в глиняном карьере одного из хозяйств Новоалександровского района Ставропольского края.

И вот еще одна находка. Верхнекурпский бивень оказался как бы «замурованным» в глине, которая законсервировала его, прекратив доступ воздуха. Оползень же приоткрыл часть бивня, произошла расконсервация, и кость стала разрушаться.

С помощью старшего инспектора Верхнекурпского заказника Джабраила Гуважокова, большого любителя истории, мы осмотрели бивень,

открывшаяся длина которого составляла 120 см, а все видимое глазу ложе – полтора метра; диаметр превышал 15 см.

К сожалению, по причине активного притока воздуха, бивень практически на глазах стал покрываться сетью мелких трещин и в конечном итоге рассыпался на великое множество кусочков. Правда, перед этим мы сумели сфотографировать его. А остатки сложили в ящик и привезли в Нальчик, чтобы провести анализ структуры кости, дабы определить хотя бы примерный возраст. Далее планируем передать эти теперь уже разрозненные кусочки в музей.

Над оголившимся бивнем приоткрылся и другой. Самое интересное в том, что он совершенно иной формы: если нижний относительно прямой, то верхний – изогнутый, его длина 170 см. Приехавшая вместе с нами на место находки заведующая отделом природы Национального музея КБР Ирина Белоцерковская считает, что здесь нашли последний приют сразу два представителя древнехоботных, и скорее всего это именно южные слоны.

Но и это еще не все. Местный житель Арсен Шериев рассказал, что в детстве он на этом же самом месте, только чуть ниже, уже находил небольшой бивень. Заинтересовавшись, стал раскапывать землю. И обнаружил практически целый скелет мамонтенка, который долгое время хранился на их подворье (Шериевы жили буквально в сотне-другой метров от находки), как и другие необычные кости, в том числе огромные зубы. Все эти палеонтологические раритеты оказались со временем утеряны.

Этот эпизод, как и то, что два бивня, расположенные практически рядом, на расстоянии каких-то 80 сантиметров друг от друга, принадлежат разным особям, дает возможность предположить, причем с большой степенью вероятности, что в этих местах находится целое кладбище доисторических животных. Это, кстати, укладывается в одну из версий о том, что мамонты погибли одновременно по причине невыясненного природного катаклизма.

На вопрос, какую историческую тайну скрывает Верхнекурпский могильник, могут ответить только целенаправленные палеонтологические раскопки. Будут ли они произведены, неизвестно. Ведь если почти за 90 лет (напомним, первый бивень был найден здесь в 1925 году) их так и не удосужились осуществить, то нет особой надежды, что начнут в наше непростое время – у того же Национального музея нет для этого средств, как и специалистов. Одна надежда на Москву, а она заинтересовалась – шесть центральных телевизионных каналов прислали в Верхний Курп своих корреспондентов, три ведущих российских информационных агентства сообщили о находке, сотни интернет-сайтов (в том числе множество зарубежных) перепечатали эту новость.

Бивень мамонта

ОТСВЕТ
ПРОШЛОГО
ИМЕН

Забытая могила Кабарда
 Последний приют Жабаги Казаного
 Нестор кабардинской истории
 Фольклорист с характером авантюриста
 Сподвижник Ушинского
 Князь Дадиани – толстовец из Лескена
 Измаил, последний из плеяды
 Екатерина Урусбиева, казачка
 Высшая мера Константина Чхеидзе
 Кабарда – прекраснейшая в мире земля
 Балкария: величие суровой страны
 И редкая одаренность...
 Ваню, не знавший страха
 Маштай, мой саженный друг...
 Последняя дорога «русской француженки»
 Расчистка
 Преисполненный великой миссии
 «Единственно активный из кабардинцев...»
 «Не может бесконечно продолжаться...»
 Беспощадно и решительно
 «Чертова уйма денег идет в Кабарду...»
 Бабель и «особо популярная фигура»
 «Великий Сталин, спасите меня!»
 «Я спросил у ясеня...»
 «Я не стопроцентный идиот»
 Лица Белого воинства

ЗАБЫТАЯ МОГИЛА КАБАРДА...

Михаил Николаевич Владыкин (1828–1887), ныне совершенно забытый драматург (в его творческом багаже более 20 пьес с весьма говорящими названиями: «Кто виноват», «Дважды два пять». «Омут», «Счастливый брак») в 1872 году совершил поездку по Кавказу. В ходе ее он побывал и в наших местах, отразив увиденное в многостраничном труде «Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу» (М., 1874. В 2 ч.; 2-е изд. 1885).

Пишет он и о том, как побывал на могиле Кабарда Тамбиева: «Переpravившись через Баксан и проехав в аул Атажукина, мы скоро стали взбираться, как велел Измаил, на гору Махогапс. Взобрались на вершину и увидели кучу камней, обнесенную полуразвалившимся плетнем.

– Здесь! – сказал Бек-мурза.

– Это могила, – пояснил Джамбот, – Кабарда Тамбиева, родоначальника кабардинцев».

Все четко и однозначно – конкретная привязка к местности, реальное описание захоронения. Если только не вспомнить, что Кабард Тамбиев – личность мифологическая: он герой преданий, но не исторических документов. В сборнике «Кабардинский фольклор», выпущенном в 1936 году издательством «Академия», есть предание, которое так и называется «Откуда пошло название Кабарды». В нем, в частности, говорится, что правителем (пши) Кабарды был тлакотлеш Кабард Тамбиев, который, по мнению одних, был из армян, по мнению других – из мудави. (Кто такие мудави, узнаём у выдающегося советского этнографа Леонида Лаврова, одним из первых указавшего на абхазо-абазинское происхождение кабардинской аристократии: «Тамбиевы происходят из Мудави», то есть из абазинского общества медовеевцев, находящихся в горах Черноморского побережья, недалеко от Адлера).

Далее в легенде уточняется: «Правильнее считать, что из мудави. Когда Тамбиевы переселились из Новочеркаска (нынешнего Новороссийска. – *Авт.*) на Лабу, они жили по соседству с армянами, откуда и пошел разговор, будто бы их род – армянский. Итак, верно то, что Тамбиевы свой род ведут из мудави».

Из Лабы они «передвинулись к Большому Лохрану. Не обжившись достаточно на новом месте, перешли к Баксан-реке в Верхний Кызбурун».

Уточним, что Лохран (Лэхъран) – кабардинское название пастбищ в районе Малки; в брошюре «Топонимия, флора и фауна Зольского района КБР» обозначены Большой, Малый и Лишний Лохран. Остальные два названия говорят сами за себя.

А вот и свидетельство историка. В. Христианович (подробнее о нем в следующем материале – «Последний приют Жабаги Казаноко») в статье «Из истории Кабарды и Балкарии», опубликованной в 1922 году в издании «Кабардинская автономная область», пишет: «...После некоторых неприятностей со своим князем, Тамбиев, сложив более ценное имущество на арбы и взяв с собой 5 верных джигитов, двинулся вверх по течению Кубани. После продолжительных путешествий он попал в нынешнюю Кабарду и достиг кургана Курей на левом берегу Малки, против нынешней станицы Прохладной. Взобравшись на курган, он стал осматривать местность, поразившую его плодородием и раздольем (покрытую лесом из дуба, ореха и чинара и кишевшую оленями, козами, фазанами и разной дичью). В нескольких верстах от кургана он заметил белые юрты, принадлежавшие, как оказалось впоследствии, калмыцкому (ногайскому) хану, который после некоторых переговоров разрешил Тамбиеву поселиться на месте, занятом ныне аулом Шариатское (Лафишево) на Малке. После некоторых семейных неприятностей, считая выбранное место несчастным, Тамбиев перенес свой аул за Баксан на правый его берег, на место, где он стоит и поныне».

Итак, Тамбиев со спутниками остается на жительство на Баксан-реке и, благодаря своему красноречию («умел красно говорить»), твердости характера, задаткам лидера, властности и жесткости, становится пши – правителем селения, которое стало называть «себя его именем – Кабарда».

Тут-то Тамбиев и проявил свои вождистские наклонности: «разбил все население по знатности-правам и каждому указал свое место и свое дело. Каждый знал свое право и свою обязанность».

Чтобы укрепить свою собственную власть, Кабард Тамбиев приказал кодзям (то есть своим приближенным. – *Авт.*) сразу дать всем, кого они считают достойными, уоркское приданое – какую-либо вещь, от коня до плети. Так он хотел остановить рост уорк-шаотлыхусов (всадников при кодзях. – *Авт.*), какие зависели от других, старших уорков.

Число уорков стало увеличиваться, а значит, увеличилось и число бездельников.

Труд-работа для остальных стала непосильной. Число неработающих, но поглощающих пищу, было так велико, что народу стало невыразимо тяжело, непосильно стало.

И решил народ поднять бунт, чтобы уничтожить все эти новые порядки и вернуться к старому, как было раньше, с властью и с работой.

Чтобы предотвратить бунт-мятеж, Кабард Тамбиев решил созвать весь народ и объясниться с ним.

Созвал он народ и заявил ему вот что:

– Я правлю не самолично: есть такой человек, который дает мне указания; а находится этот человек в некоем месте. Вот я поеду к нему за распоряжением и привезу его самого. И будет уже ваше дело, как с ним поступить.

Так Кабард потушил первое возмущение. Собравшиеся разошлись.

Кабард Тамбиев двинулся по направлению к Псыж, откуда он прибыл сюда. Инал Одноглазый жил где-то очень далеко. Кабард привез его. Возвратился с ним.

Кабард Тамбиев подсказал Иналу Одноглазому способ, каким возможно отвратить народ от намерений вернуться к старому. Признался Кабард Иналу Одноглазому в том, что он не может держать народ в своих руках, и говорит:

– Вот временно тебя, Инал Одноглазый, я сделаю пши, а сам стану твоим кодзем. Ты завтра же созови народ и заяви перед ним, что я поступал неправильно, и вот этой дубиной за такие дела поколоти меня перед народом, да только легонько».

Так Инал и поступил – бил Кабарда вначале полегоньку, потом понастоящему и в результате стал пши, а Тамбиев – одним из кодзей. После чего «Кабард нашел незаселенные места на пустоши в сторону от Дигулибгея к Терку. А на Терке тогда жили франги (то есть европейцы). Найдя эти места, он вернулся в старое селение, взял своих уорков и пшитлей и поселился на новонайденном месте».

В фольклорных записях Талиба Кажешева, обнародованных Л. Лопатинским (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1891. Вып. 12), также есть предание на интересующую нас тему.

Называется оно «Переселение Кабарда Тамбиева» и сообщает следующее: «По преданию, кабардинцы населяли прежде Северо-Западный Кавказ, занимая всю береговую полосу Черного моря, и назывались косогами (касогами). У них были князья Болотоков и Куйцуков, которые творили над народом суд и расправу и предводительствовали на войне. Ближе всего к князю стояли тлякотлеши, имевшие право, по обычаю косога, садиться за стол со своим князем. Занятие тлякотлешей заключалось преимущественно в том, что каждый из них должен был, по очереди, отправляться на четыре года путешествовать, не имея права возвращаться без добычи, так как это считалось величайшим позором. Один из них, по имени Кабард Тамбиев, отправился путешествовать на вышеозначенный срок, взяв с собою пять подобных себе джигитов».

За время столь долгого отсутствия глаз на жену Кабарда (красавицу звали Жан) положил пылкий князь Болотоков, начавший предпринимать всевозможные усилия, чтобы сблизиться с нею. Но тут подоспел Тамбиев, сразу понявший, чем грозит его семье княжеская любовь («раньше или позже дело может окончиться кровавой расправой»), и решивший «выселиться в другую землю». Он «направился вверх по реке Пшизь (Кубань) в места, занятые другими племенами. После продолжительного странствования он достиг кургана Курей, по левую сторону реки Малки, напротив того места, где станица Прохладная». Но оказалось, что это земли тургутов (калмыков) – «в те времена калмыки были рассеяны по всей нынешней Кабарде». После длительных переговоров калмыцкий хан отдал Тамбиеву «во владение именно то место, где ныне находится аул Лафишева. Здесь он построил себе сакли, обзавелся хозяйством и жил в полном довольстве несколько лет».

Но тут опять выходит на сцену несравненная Жан, приглянувшаяся на этот раз калмыцкому хану, как оказалось, не меньшему ценителю женской красоты, чем князь Болотоков. При виде тамбиевской жены «загорелось любовью ханское сердце», предложил он Кабарду вначале поменяться женами, а дальше – это кочующий сюжет – взять взамен все что угодно. Но Жан была не только красавица, но и умница: узнав о стоящей перед мужем дилемме, она сказала: «Согласись продать меня, а когда он тебя спросит, за какую цену, ты ему скажи: взамен за всю землю, которую ныне занимает его орда; притом он должен сейчас же удалиться в свои степи».

Сказано – сделано: таким образом, Тамбиев стал «владельцем огромного пространства земли, но, считая старое свое место несчастливым, он перенес свой аул за реку Баксан, на правую ее сторону, на то самое место, где он стоит и поныне».

А как же сложилась судьба несравненной Жан? В записях Талиба Кашежева ее имя больше не встречается, а в сборнике «Кабардинский фольклор» она возвращается (уточним: по одной из версий) к мужу. Только в этой записи вместо калмыцкого хана претендентом на ее обладание становится царь франгов (фольклорный текст так и называется «Царь франгов и Кабарда»), тех самых, о которых мы уже говорили выше. Далее события развиваются практически аналогично: вождь франгов покидает принадлежащие ему земли, по дороге попадает в засаду, организованную людьми Тамбиева, и получает привет – жена Кабарда была такова. К слову говоря, есть еще одна версия, согласно которой женщина (в этом предании она носит имя Алтуд) попросила по дороге нового супруга остановиться на опушке леса, а войдя в него, закололась ножницами. Здесь ее и похоронили, насыпав на могиле курган, который так и называли – Алтуд.

Публикатор Л. Лопатинский в послесловии к данному тексту писал: «Предание о переселении кабардинцев в нынешнюю Кабарду упоминается у Клапрота (*Klaproth. Reise in den Kaukasus. 1812. Bd 1. S. 563.*) с любопытной подробностью об уступке князем своей жены владельцу земли; но вместо тургутов являются френги». Следовательно, кабардинские предания отразили реальные события и конкретную историческую личность, чьи черты и действия, приукрашенные народным воображением, придали ей мифологический оттенок.

Но приукрасить можно только то, что было, значит, захоронение все-таки было. Тем более что одно из первых описаний могилы датируется не днем сегодняшним, когда мифы творятся из богатого, но чаще всего большого воображения, отягощенного различными комплексами, а из документального свидетельства – свидетельства, основанного на описании окружающего пейзажа.

Вот что увидел М. Н. Владыкин, автор книги «Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу» в 1872 году: «Я оглянулся кругом и был поражен внезапно открывшейся панорамой. Лучшего места для могилы своего родоначальника не могла выбрать народная фантазия. Перед нами, внизу, как на ладони была вся прежняя Кабарда, из которой, как острова из моря, выростали Пятигорские горы: Бештау, Машук и др.; вправо было Чегемское ущелье, за которым тянулась бесконечная линия Черных лесных гор; впереди них необозримая равнина сливалась с горизонтом, по ней бежали кабардинские речки и Терек, терявшийся у Моздока (около 150 верст от Пятигорска); влево, полное грозовой тучей, чернело Баксанское ущелье, а над ним возвышался Эльбрус, от которого тянулась бесконечная снеговая цепь, замыкавшая южную сторону панорамы. Кругом была мертвая тишина. Я сел на камень и любовался картиной».

Чем интересны предания о Кабарде Тамбиеве? Прежде всего, наличием топонимических названий, привязкой к конкретной местности, орографическое соответствие которой подтверждает и свидетельство русского путешественника. Остается только воспользоваться этими подсказками и побывать на месте захоронения человека, чье имя (опять же уточним: по одной из версий, но, как утверждает Интернет, наиболее устоявшейся и почти официальной) легло в основу названия территории, где ныне проживают кабардинцы.

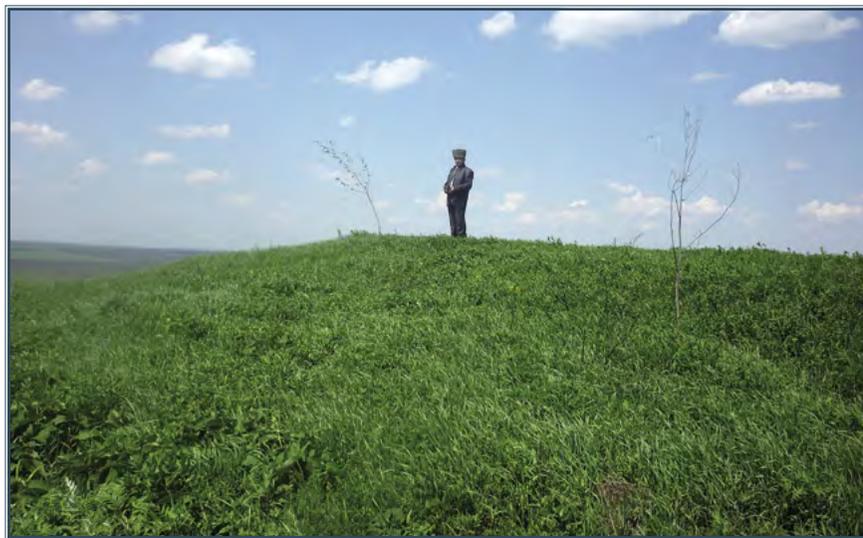
Нашим спутником в этом путешествии стал фольклорист Хусен Гедгафов – личность колоритнейшая: великий знаток кабардинской истории, ее воссоздатель – снимает видеофильмы о событиях, отраженных в топонимике; собиратель народной мудрости – только что в нашем издательстве вышла его книга «Крылатые слова» с параллельными текстами на кабардинском и русском языках. Хусен в Баксанском ущелье, да по большому

счету и в Кабарде, знает названия чуть ли не каждой горы, холма, речушки, с чьими именами они связаны, где, кто и когда был захоронен.

И вот мы поднимаемся на гору, что лежит по левую сторону (если ехать из Нальчика) от селения Дугулубгей (бывшего Третьего Кызбуруна), – ту самую Махогапс. Хусен уверенно показывает на небольшую земляную возвышенность, представляющую из себя четкий круг, кое-где обложенный камнями. Именно здесь, утверждает он, находится могила Кабарда Тамбиева. Внешних свидетельств тому, что это захоронение, нет никаких. Понятно, полуразвалившийся плетень давно сгнил, но не осталось и замеченной М. Н. Владыкиным кучи камней, если не предположить, что именно они сегодня кое-где обрамляют выделяющийся на вершине круг.

Но окружающий пейзаж не оставлял сомнений: это именно нужное нам место. Кабарда во всей своей красе и притягательности расстилалась перед нами: очертания равнины, теряющейся вдаль, скрывала дымка городского пейзажа; за лежащим по правую сторону от наблюдателя Чегемским ущельем все также тянулась бесконечная линия Черных гор, а по левую сторону, прямо над Баксанским ущельем, вздымались алмазные вершины Эльбруса...

Где-то глубоко под нами лежал прах человека, непосредственно причастного к этой красоте – пусть даже только одним своим именем. Прах забытый, брошенный, беспомысленный.

Хусен Гедгафов на горе Махогапс у могилы Кабарда Тамбиева

Возможно, кто-то из ученых, знатоков кабардинского прошлого, обвинит нас в незнании исторических реалий. Да мы и не претендуем на истину. Но что лучше: оспаривать сохраненное народной памятью или попытаться осветить его – чувствами и поступками? Нас, сегодняшних, живущих на этой земле. Облагородить сей погост: установить надгробный камень или памятный знак, соорудить площадку для обозрения, водить сюда на экскурсии, что позволят школьникам реально прикоснуться к истории своей малой родины. И так ли уж важно: тот ли это Кабард Тамбиев, чья судьба отражена в легендах и преданиях, или кто-то другой, заслуживший своими деяниями столь знаковое место для последнего приюта?!

Не столько памятью Кабарда, как именем Кабарды мы обращаемся в конкретном случае к баксанцам: давайте, заботясь о настоящем, будем дорожить и прошлым. Ведь если оно, прошлое, не нужно кабардинцам, то вряд ли будет интересно кому-то другому...

Мы попросили ознакомиться с этим материалом известного фольклориста доктора филологических наук Адама Гутова. И вот что он сказал: «Мне неизвестно, где похоронен Кабард Тамбиев, но сказанное авторами убеждает – именно на его могиле они побывали. Полностью поддерживая идею установки здесь надгробного знака, с грустью думаю о том, что у наших соседей подобное святое место давным-давно было бы окружено заботой и вниманием...»

Место захоронения Кабарда Тамбиева. Внизу селения Дугулубгей

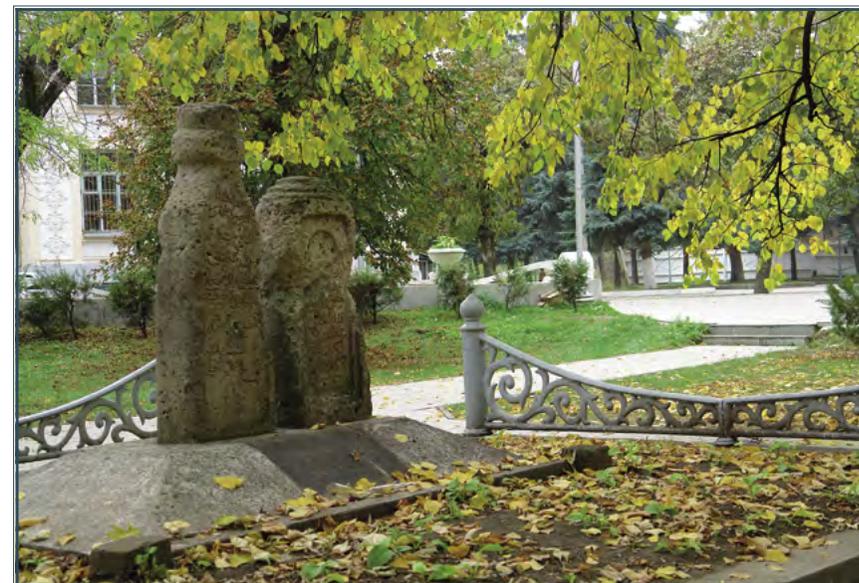
ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ ЖАБАГИ КАЗАНОКО

Жабаги Казанок в истории отведено место гражданского реформатора, дипломата, но в первую очередь – народного мудреца, моралиста.

«Образ его,– пишут известные кабардинские ученые, составители монументального труда «Сказания о Жабаги Казанок» Заур Налоев и Адам Гутов,– вошел в устное творчество многих народов Северного Кавказа как эталон мудрости, справедливости и рыцарской доблести и до сих пор продолжает оказывать благотворное влияние на мышление и поведение людей. Еще при жизни он так полюбился простому народу, что после его смерти разноязыкие племена региона стали причислять его к своим этническим героям. Характерно в этом смысле балкарское предание, согласно которому Чегемское и Баксанское ущелья оспаривали честь считаться родиной мудреца. В Кабарде же слово, приписываемое ему, всегда пользовалось авторитетом истины: чтобы прекратить самый жаркий спор, было достаточно привести соответствующее казанокское изречение».

Точная дата рождения Жабаги неизвестна – одни ученые считают, что это произошло в 1684-м, другие – в 1686-м, поэтому за основу принята промежуточная – 1685 год. И хоть целых три населенных пункта – Заюково, Аушигер и Кенже – считают его своим земляком (сегодня доказано, что в разные годы своей жизни мудрец действительно проживал в этих местах), но родился он все-таки в одном: в поселении, на месте которого находится нынешнее Заюково: на правом берегу Баксана, под Желтой горой, что лежит напротив устья реки Гунделен. Под той самой горой, разрушение которой он предсказал, будучи мальчишкой, посоветовав землякам перенести свои жилища. Можно считать, что с момента, когда обрушение горы на самом деле произошло, и началось уважительно-почтительное отношение людей к Жабаги.

Впрочем, цель нашей публикации не биография Казанок. Скажем только, что на реке Баксан он жил до 1720 года. В том же году, будучи вассалом князя Асланбека Кайтукина, основавшего в урочище Кашкатау так называемый Черекский городок, последовал за ним, поселившись у северо-восточного подножия Аушигера, на левом берегу Черека, – в преданиях это место называется *Къэзаныкъуей* (Шора Ногмов в «Истории адыгейского народа» писал: «Асланбек всегда руководствовался советами узденя Жебоко Казанок, человека благоразумного»).

Надгробные плиты Жабаги Казанок и его супруги в Нальчике, в сквере Свободы

Когда А. Кайтукин перенес свою ставку с Черека на Шалушку, Жабаги вновь последовал за ним. Совершив хадж (предположительно в 1749 году), вернулся на берега Баксана.

В эти годы вместилось многое, но главное можно охарактеризовать цитатой из «Адыгской (черкесской) энциклопедии»: «Обладея большим умом и дипломатическими способностями, неоднократно участвовал в переговорах между Кабардой и Россией, принимал участие в выработке Сулакского соглашения между Петром I и Асланбеком Кайтукиным в 1722 году в Прикаспии. Позже (1731) он посетил Петербург в составе кабардинского посольства, которое заключило договор с Россией о совместной борьбе с Крымским ханством». Известна и особая роль Жабаги в Канжальской битве.

Памятью о деяниях мудреца для большинства жителей Кабардино-Балкарии являются надгробные стелы (Жабаги и его супруге), установленные в Нальчике, в сквере Свободы. Вот что писал в конце 50-х годов прошлого века советский писатель Сергей Бондарин: «Несколько узких, позеленевших от древности камней стоит торчком, как мусульманские или скифские могильники, среди яркого поля счастливых флоксов, умных роз и просто цветиков всех нарядов. Один из камней, высокий и узкий, как будто пере-

хвачен в талии кавказским ремешком, другой – приземистый увалень. Два камня, как отец с сыном, как старший брат с меньшим, стоят среди выгона цветов. Арабские надписи вырезаны в камне. Узоры эти усилены карминовой краской, не поддавшейся времени...

Я не старался узнать, что именно написано на камнях. Хотелось думать, что сказанное на них – лучшее, что может сказать человек.

Наверно, так оно и есть.

Тут могила первого ученого-просветителя кабардинского народа Жабаги Казаноква, что значит «сын кузнеца», – современника Петра Великого, императриц Анны и Елизаветы...

...«И в саду, и в поле, и в могиле трудись для будущего», – любил говорить мудрец Казанокв.

Может быть, эти слова и высечены на его могиле. Не знаю.

Но Сергей Бондарин не совсем корректен – в сквере Свободы нет захоронения Жабаги Казаноква. Как нет там и приведенных выше слов, которые к тому же не совсем точно отражают мысль мудреца. Кстати говоря, одно время здесь, на памятной доске, можно было прочесть изречение: «Человек и в малом и в большом должен творить для грядущего», перевод которого (точнее было бы сказать – авторство) принадлежит кабардинскому драматургу Аскерби Шортанову, посвятившему Ж. Казанокву ряд трудов. Изречение это было верным по сути, но исторически некорректным.

Смысл же приведенной эпитафии раскрыт во второй части монументального труда Леонида Лаврова «Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках». И гласит она следующее: «Обладатель этого – умерший, получивший прощение, аль-Хаджа Джабаги б. Казанук. Да помилует Всевышний Аллах их обоих! (?) [Прочтите] общую за его душу Фатиху! Дата: 1163 год. Работа Шихали». Как писал недавно покинувший наш мир выдающийся кабардинский ученый Заур Налоев, «по григорианскому календарю это где-то между 11 декабря 1749-го и 20 ноября 1750 года».

Как же памятные стелы оказались в Нальчике? Это особая история, в которой имеется немало неясных моментов.

Вот что пишет в работе «Жабаги Казанокв и его время» кабардинский исследователь Валерий Сокуров, ныне проживающий в Москве: «Толчком или даже своеобразным началом развития исторической мысли о Ж. Казанокве послужил перенос его надмогильного памятника из аула, где он был похоронен, в окружной центр, тогда еще слободу, Нальчик. Здесь он был установлен в сквере напротив здания суда и окружного управления. К сожалению, время, причины и обстоятельства этого переноса до сих пор недостаточно ясны. ...Евгений Баранов, нальчикский корреспондент газе-

ты «Терские ведомости», страстный собиратель фольклора кабардинцев и балкарцев, в номере этой газеты за 1 января 1895 года писал: «В память Высочайшего соизволения, по которому в 1888 году леса и нагорные пастбища в Кабарде предоставлены в вечное пользование кабардинцев, единоголосно решили перенести каменные памятники, поставленные в горах Жабаги и его второй жене, в слободу Нальчик, на бульвар, чтобы два эти камня всегда напоминали кабардинцам мудрые советы Жабаги, которыми они должны руководствоваться в жизни».

Несколько смущает предположительность действия в словосочетании «решили перенести» – состоялось ли оно в те годы? Ведь ни в архивах, ни в газетах материалов, свидетельствующих об этом знаменитом событии, так и не было найдено. А вот Асламурза Исупович Гедгафов – один из старейших уроженцев Заюково (ему в декабре 2012 года исполнилось 90 лет!), постоянный автор нашего издательства (начиная с двухтысячного года он выпустил около полутора десятков книг), твердо убежден, что надмогильные памятники Жабаги и его супруге перенесли вначале в окрестности селения Заюково – примерно в 600–700 метрах ниже моста через реку Гунделен был насыпан небольшой холмик, на котором их и установили. В двадцатых годах прошлого века ветеран видел их неоднократно – память у Гедгафова великолепная: «И сейчас могу показать», – он говорил. И действительно, приехав вместе с нами в Заюково, не раздумывая, указал на место (правда, от холмика не осталось никаких следов), где они, по его мнению, стояли. Возможно, памятники вначале и были на самом деле установлены у въезда в Заюково, далее их перенесли в Нальчик и уже потом, в 1957 году, в год празднования 400-летия присоединения к России, разместили в сквере Свободы.

Но это памятники, бездушные каменные стелы. А где же покоится сам прах Казаноква?

У того же Валерия Сокурова читаем: «Место захоронения Жабаги, а следовательно, откуда могли быть доставлены памятники, точно не известно. В. Христианович (1922) писал, что «похоронен Казанокв был в несуществующем ныне ауле Казанукой в ущелье Кенже под Нальчиком», С. Анисимов (1925) назвал другое место – «хутор Атажукин», Л. Лавров (1978) повторил то же самое. Кабардинский фольклор к приведенным прибавляет еще одно возможное место захоронения Жабаги и его жены – северные окраины нынешнего селения Аушигер».

Итак, интересующая нас могила: 1) где-то под Нальчиком, 2) у хутора Атажукина, 3) у селения Аушигер. Давайте попробуем разобраться и в этом.

Откуда известно о возможном месте захоронения Жабаги? Со слов информаторов, в ком, не сомневаемся, скорее всего говорила личная заин-

тересованность – факт сей подчеркивает причастность к имени и деяниям великого кабардинского мудреца. А это престижно и лестно.

Начнем с фольклорной версии – северные окраины нынешнего селения Аушигер. Она-то как раз легко объяснима: вспомним, про уже упоминаемый Черекский городок и местечко Къэзаныкъуей (Казаноко). Кстати говоря, селение Казанокъуей (только без указания его местонахождения) местом захоронения Жабаги называет и известный кабардинский ученый Туган Кумыков. В комментариях к книге Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа», он, в частности, пишет: «Жабаги Казаноко скончался в 1750 году. Его похоронили в сел. Казанокъуей. Надмогильный памятник Жабаги был перевезен в город Нальчик, и сейчас стоит в сквере Свободы».

Теперь обратимся к документальным свидетельствам. В. П. Христианович – личность известная: в начале двадцатых годов был областным агрономом, написал такие работы, как «Из истории Кабарды и Балкарии» (Кабардинская автономная область. Нальчик, 1922), «Сельскохозяйственные районы Кабарды» (Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды. Воронеж, 1928). Но есть у него и другие книги – «Горная Ингушия», например, вышедшая в 1928 году в Ростове-на-Дону. А это говорит о том, что большинство излагаемых В. П. Христиановичем исторических сведений почерпнуто от информаторов, в частности относительно Жабаги – у С. А. Шеретлокова из селения Аушигер. Здесь, кстати, прослеживается и отголосок фольклорной версии о могиле Казаноко.

С. С. Анисимов в книге «К ледяным полям Эльбруса» (М., 1925) местом захоронения Жабаги называет хутор Атажукин. Сергей Сергеевич (1876–1948) – известный писатель-географ, исследователь Кавказа, посвятивший Кабардино-Балкарии целый ряд замечательных работ: «От Казбека к Эльбрусу», «Эльбрус», «Вокруг Эльбруса», «Поход на Эльбрус» (последние две наше издательство переиздало в 2007 году). Знакомство с ними позволяет говорить о его невероятной дотошности, тщательной проверке излагаемых фактов, написания топонимов.

Этим же отличался и Леонид Лавров (1909–1982) – выдающийся кавказовед, большая часть работ которого посвящена этногенезу и этнической истории народов Кавказа. Коли он повторил анисимовскую версию, то, без сомнения, на что-то опирался. На что же конкретно? Обратим внимание на определение, предшествующее названию места. Атажукино (нынешнее Заюково) – селение, основанное в 1706 году Бекмурзой и Мыхамытом Атажукиными. А разве до этого времени здесь никто не жил? Вот что пишут Х. Абитов и Н. Жилаев в своей книге «Заюково раньше и теперь» (Нальчик, 1978): «...предки заюковцев жили в таких небольших деревнях, как Дюме-

ново, Хамгуроково, Казаноково (Къэзаныкъуей) – на правом берегу Баксана...».

Но ведь, напомним, и родился Жабаги на правом берегу Баксана против устья реки Гунделен, под Желтой горой, которая и сегодня никуда не делась. Логично предположить, что именно это место (или лежащее где-то поблизости) он мог избрать на старости лет. Но если Атажукино стало как таковым спустя 80 лет после кончины Жабаги, что означает хутор, носящий это же название? Вначале напомним, что хутор, по Ожегову, малый населенный пункт, состоящий из одного, иногда нескольких домохозяйств; отдельная крестьянская усадьба с обособленным хозяйством. Чаще всего оно называлось по имени хозяина – в нашем случае Казаноково. И тогда, коль описание захоронения Жабаги дается исследователями спустя многие десятилетия, должно (так как перестало существовать) привязываться к ближайшему населенному пункту. А таким является селение Атажукино. Но если наш герой жил не в нем самом, а в стороне, то появляется определение хутор, в смысле «отдельная крестьянская усадьба». Следовательно, хутор Атажукино и деревня Казаноково суть одно и то же, а значит, и поиски надо сосредоточить в районе Заюково.

То, что мы на правильном пути, подтверждает и информатор, чей текст опубликован в книге «Сказания о Жабаги Казаноко» (Нальчик, 2001) под заголовком «Местность, где жил Жабаги»: «Казаноко жил в Кабарде. Оно находилось за Баксаном между селениями Заюково и Жанхотеко – село под названием Казанокой. Оно не дошло до нашего времени. Вот в этом селении жил Казаноко Жабаги. Ниже селения Казанокой село Шогеноко находилось. Но и оно до нашего времени не дошло, выселилось. Казаноко, когда умер, там похоронили, но, до того как мы родились, [его надгробный камень] в Нальчик повезли и там установили; я еще маленьким в Нальчик когда ездил, тот камень видел, бывало. Если его повезли при моей жизни, быть не могло, чтобы я этого не помнил».

Все настолько просто и однозначно, что непонятно, почему ученые сомневаются, где находится могила Жабаги; что пишет по этому поводу Валерий Сокуров, мы уже сказали выше; Заур Налоев в предисловии к книге «Сказания о Жабаги Казаноко» вообще обходит этот вопрос стороной; Адам Гуттов склоняется к заюковской версии. А коль так, почему бы все-таки не попытаться отыскать это место?!

Вместе с известным фольклористом Хусеном Гедгафовым (ему пошел уже девятый десяток!), большим знатоком кабардинской истории, чьи многочисленные труды и разыскания еще ждут своей встречи с читателем, поиски мы начали с опроса заюковцев. Выяснилось, что подавляющее большинство из них, к сожалению, ничего не знает на интересующую нас тему:

про своего знаменитого земляка слышали, да и только. Но спустя какое-то время нам повезло – на улице Казанокова (она идет параллельно реке Баксан) проживает Руслан Сижажев, поведавший нам следующую историю. Над селением, с правой стороны Баксана, есть поляна, на которой заюковцы заготавливают сено. Мальчишкой Руслан (сейчас ему немногим за 60) бывал там с отцом; однажды тот показал ему на остатки развалившегося фундамента и примыкающих к нему двух могильных холмиков и, сделав дуа, сказал примерно следующее: «Здесь покоится прах выдающегося мудреца Жабаги Казаноко и его супруги, а на их могилах нет даже памятников – их перевезли в Нальчик, а взамен ничего не поставили». Руслан запомнил эти слова и впоследствии, уже в постсоветское время, обращался в сельскую администрацию с предложением установить на могилах памятные знаки, но поддержки не нашел. Место это он знает хорошо и готов хоть сейчас провести нас к нему.

Как-то не верилось, что могилу знаменитого мудреца искать по большому счету не надо, что люди до сих пор помнят, где она находится. И поэтому перед посещением Казанокского аула (хутора Атажукино) мы обратились к Асламурзе Исуповичу Гедгафову, и он подтвердил, что захоронение Жабаги именно там, где указывает Руслан Сижажев. Перед войной (Великой Отечественной, разумеется) Гедгафову рассказывали об этом заюковские аксакалы Тати Шогенов, Цацу Купов и Бахит Шомахов – носители знаний о прошлом и народной мудрости (это именно на их хабарах Али Шогенцуков построил историческую часть своей величественной поэмы «Кызбурун»).

Впоследствии он сам, будучи на сенокосных угодьях (это место и сегодня называется именем мудреца: *Казанокъуей кумб* – поляна Казаноко), видел остатки фундамента домика, в котором жил мудрец, а также холмики над двумя могилами, где Жабаги и его супруга обрели последний приют. Помнит, как люди сетовали, что знаковый этот погост никак не обозначен потомками.

Итак, с большой степенью достоверности можно утверждать, что могила Жабаги найдена. Оставалось только увидеть ее воочию, что мы и сделали, снарядив небольшую экспедицию. Сегодня добраться до аула Казанокково не так-то просто: едва заметная в траве дорога давно не приводилась в порядок, вода размыла колею и приходится проявлять чудеса водительского мастерства, чтобы не скатиться в глубокие ямы. Вот и конец пути: земля провалилась настолько, что никакому транспорту не по силам преодолеть это препятствие. Спешиваемся и вместе с егерем Арсеном Соблировым, прихватившим с собой винтовку (медвежьи следы видны в колее

повсюду), направляемся по едва заметной тропинке к поляне. Июльский гнус, соскучившийся по человеческому присутствию, атакует безжалостно: в иные моменты перед глазами видна одна лишь сплошная жужжащая масса насекомых. Трава вымахала выше человеческого роста и разглядеть что-то в ней просто не представляется возможным. Не срабатывает даже имеющийся у нас ориентир, что «Джабаги ...похоронен в ауле Казаноккой недалеко от его любимого родника» (Х. Абитов, Н. Жиляев). Ничего не найдя, покидаем Казанокковскую поляну, с которой, кстати, открывается великолепный вид на окраины Заюково, массив Хара-Хора и... обнаруженные нами в прошлом году киммерийский некрополь и шахту-пещеру.

Через пару дней мы вновь побывали в этих местах – наш новый спутник Руслан Сижажев смог достаточно быстро сориентироваться на местности и вывести точно к развалинам казанокковского домика: в траве их практически невозможно найти. Еще труднее – надмогильные холмики, расположенные по правую сторону от жилища. Тем не менее они все-таки заметны.

Долго-долго мы стояли у этого знакового места, и печаль бередила душу, волновала сердце: чувство неосознанной вины перед легендарным Жабаги, лежащим в земле перед нами, не позволяла ощутить радость от того, что наши поиски завершились удачей...

Что же дальше? Как нам видится, прах Казаноко следует перенести из заброшенного и не посещаемого людьми уголка, где он сейчас находится. Ведь это останки выдающегося общественного и политического деятеля, гуманиста, мыслителя, реформатора и дипломата, чьими мыслями и поступками гордится весь Кавказ. Столь знаковая личность, каким был Жабаги, живший со временем в ладу, творивший и в малом и большом для будущего, достоин постоянного уважения и памяти потомков – и нас с вами, и тех, кто придет после.

Как это сделать, где найти место для перезахоронения (в Заюково ли, Нальчике, другом месте) или вообще оставить все как есть, должна решить общественность. Если же приведенных нами доказательств тому, что в найденной могиле в верховьях Заюково находится именно прах Жабаги Казаноко, кому-то покажется недостаточным, то можно подумать о проведении молекулярно-генетической экспертизы. Известно, что представители фамилии Казанокковых к 1825 году переселились за Кубань: ныне их потомки проживают в черкесских аулах Кош-Хабль и Заюково (Карачаево-Черкесия) и в адыгейских аулах Ходзь и Блечепсин; говорят, что они есть и в Кабардино-Балкарии...

НЕСТОР КАБАРДИНСКОЙ ИСТОРИИ

...Есть величайшая несправедливость в том, что могила выдающегося сына кабардинского народа Шоры Ногмы на мусульманском (татарском) кладбище Санкт-Петербурга, что за деревней Волково, утеряна. И особенно обидно то, что еще сравнительно недавно, каких-то шестьдесят лет назад, могилу Шоры можно было найти. Случись это, захоронение стало бы местом поклонения благодарных потомков человеку, которого исследователи по праву назвали Нестором адыгской истории, историку, филологу, поэту, общественному деятелю, мечтавшему о приходе того времени,

Шора Ногмов

«когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство – светильник жизни – любовь к знаниям. Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги и письмо... Я не доживу, не увижу, быть может, этой сладкой минуты, когда родина моя оставит все то, что отделяет ее от людей просвещенных, когда обратится она к добру и познанию! О! Тогда как много душа моя почувствует сладостных ощущений!.. Я сделал

сколько мог и старался сделать сколь возможно лучше».

Ногмовская история, охватывающая период с древнейших времен до начала XIX века, – это квинтэссенция богатейших фольклорных сведений (преданий, сказаний, песен) и многочисленных печатных источников (античных, арабских, турецких, русских), позволившая автору «составить... краткую, но довольно ясную картину минувшей жизни адыгейского народа».

В ней «прослеживается процесс этнического формирования адыгского народа, повествуется о его жизни и борьбе за независимость, политическом положении, общественном и семейном быте, материальной и духовной культуре, исторических контактах с другими народами, в том числе с русским»*.

* Писатели Кабардино-Балкарии: Библиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 47.

Понятно, что создатель столь неординарного труда не мог не быть личностью легендарной. А как иначе можно сказать о человеке, который встречался с Александром Пушкиным. Во всяком случае, придерживающиеся такой точки зрения исследователи, считавшие общение двух гениев – русского и кабардинского народов – возможным, опирались на авторитетные свидетельства, в том числе и академика Берже, автора биографического очерка о Шоре Ногме, писавшего: «Рассказывают еще некоторые кабардинцы, лично знавшие его, что он познакомился с Пушкиным во время бытности его в Пятигорске, что Ногмов содействовал поэту в собирании местных народных преданий и что поэт, в свою очередь, исправлял Ногмову перевод песен с адыгейского языка на русский...».

Версия эта, допускавшая возможность подобной встречи, не имела точной датировки (предполагалось, что она могла произойти в 1820-м или 1829 году – во время пребывания Пушкина на Кавказе и Шоры Ногмы в Санкт-Петербурге). Но сторонников этого общения, прежде всего в советское время, было предостаточно. Среди самых активных – фольклорист И. В. Тресков, у которого один из авторов этих строк учился в начале семидесятых годов прошлого века и даже собирался писать дипломную работу. Когда же Илья Васильевич, искренне влюбленный в свой предмет, с горячим воодушевлением описывал встречу Пушкина и Ногмова, демонстрируя в подтверждение репродукции с величественного (в смысле

Встреча А. С. Пушкина с Ш. Б. Ногмовым. Художник И. В. Балицкий

многометрового) полотна местного живописца, выразить сомнение, что она была на самом деле, было верхом кощунства.

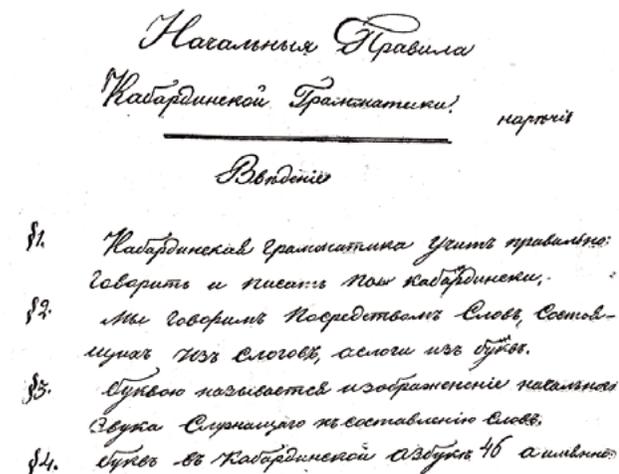
Но скорее всего, к нашему величайшему сожалению, это так. Как и встреча Шоры Ногмы с другим выдающимся русским поэтом Михаилом Лермонтовым. Допущение исследователя С. А. Андреева-Кривича о том, что «Лермонтову, бесспорно, был известен Шора, так как нельзя предположить, что известный всем приехавшим на воды в 1835 году Шора остался неизвестен Лермонтову»*, в большей степени можно отнести к построению, характерному для логики, чем для литературоведения. Хотя у него есть немало сторонников, прежде всего Сафарби Бейтуганов, допускавший такую встречу весной 1841 года в Пятигорске или накануне роковой дуэли и уверенный, что «страстному поэту Ногмову не встретиться с Лермонтовым в маленьком курортном городке Пятигорске было куда труднее, чем встретиться»**.

Исходя из этого, в не меньшей степени, чем у Андреева-Кривича, логического заключения, обратимся к фактам, породившим (предполагаемую) возможность встречи с кем-то из больших русских поэтов. А именно к публикации стихотворца Степана Нечаева, встречавшегося с Шорой Ногма во время своего пребывания на Минеральных Водах и рассказавшего об этом в 1826 году на страницах «Московского телеграфа».

Нечаевские «Отрывки из путевых заметок о Юго-Восточной России» перепечатаны в одном из томов серии «КЛИО», откуда мы их и процитируем: «С введением магометанства черкесы пишут на своем языке арабскими буквами. Недостаток их для выражения всех звуков языка черкесского, обильного носовыми и гортанными складами, заставляет желать, чтоб для кабардинских племен изобретена была особая азбука. Один из их узденей, занимающийся разным торгом на Горячих Водах, известный всем приезжим Шора, намеревался представить правительству опыт таковой азбуки для напечатания. Одаренный счастливыми способностями, сей молодой человек успел выучиться – сколько можно в здешнем краю – пяти языкам кроме природного: арабскому, который по справедливости считается на Востоке не только священным, но и ученым; татарскому, или турецкому, который от древнего монгольского владычества, не менее от позднейшего распространения суннитского вероисповедания, в таком же всеобщем употреблении между кавказскими племенами, в каком теперь французский язык в Европе; абазинскому, в котором, вопреки некоторым ученым, не находит кабардинский филолог никакого сходства с черкес-

* Андреев-Кривич С. А. М. Ю. Лермонтов в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1979. С. 121–22.

** Бейтуганов С. Н. Кабарда в фамилиях. Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 240–241.

Первая страница рукописи Шоры Ногмова «Начальные правила кабардинской грамматики» (1843)

ским; персидскому и русскому. Одни из них стали ему известны в школе кумыкской, заведенной в деревне Эндери, которую русские называют неправильно Андреевскою; другие – от здешних миссионеров и сообщества. По издании азбуки он хотел заняться правилами грамматическими и переводами с арабского разных нравственных книг для чтения. Будучи предан Русской державе и доказав свою верность участием в наших экспедициях и прочим, он сочиняет иногда небольшие поэмы во славу нашего оружия, которые не может распространить между соотечественниками иначе как через изустное предание и медленное изучение на память...»*.

Ученые не раз обращались к личности Шоры Ногмы. Только за последнее время о нем появилось немало публикаций, в том числе очерк Р. У. Туганова в его работе «Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в.» (2002), две книги С. Н. Жемухова – «Жизнь Шоры Ногмы» (2002), «Философия истории Шоры Ногмы» (2007). Наше издательство подготовило к печати новое издание «Истории адыгейского народа». Отличие этой книги от всех предыдущих в том, что под ее обложкой впервые собраны самые главные труды по истории кабардинцев.

* Нечаев С. Д. Отрывки из путевых заметок о Юго-Восточной России // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 103, 104.

ВЕСТИ ЧЕРКЕСА О КНЯЗЬЯХ РУССКИХ СВЯТОСЛАВЕ И МСТИСЛАВЕ

Недавно в одном русском журнале перепечатано из газеты «Кавказ» свидетельство о походе великого князя Святослава на Кавказ, открытое в преданиях кавказских и признанное драгоценным подтверждением нашему Нестору¹.

Пожелав ознакомиться ближе с достоинством сего замечательного известия, обратился я к его источнику и в газете «Кавказ» 1849 года в № 36, 37, 39 и 45 внимательно прочитал статью «О быте, нравах и обычаях атыхейского, или черкесского, племени, составленную из песен, сказок, пословиц, преданий и письменных свидетельств сего народа образованным черкесом, покойным Шах-Бекмурзиным, который хорошо владел русским языком»².

Нетрудно было убедиться, что все приписанное у Бекмурзина историческим вестям его соотчичей, заключается в таких его рассказах, которые он, по своему воображению, признал удобными для применения к повествованию Карамзина в «Истории государства Российского»: а) о народе антах, б) о великом князе Святославе и в) о князе Мстиславе Тмутараканском. В какой степени эти применения правдоподобны, сейчас увидим.

1. Из Иорнанда, Прокопия и других древних писателей известно, что анты, соплеменные вендам и собственно славянам, в IV–VI веках до Р. Х. занимали страну, прилежащую к Черному морю от Днестра до Дуная; но Бекмурзину показалось, что анты были те же черкесы-адыги, или, по его произношению, атыхи, и обитали по Тереку от Моздока до Волги и Дона и от Кавказских гор, по правому берегу Кубани, до морей Черного и Азовского. Оттого, по его мнению, истинное имя кавказского кисловодного источника было не нарзан, а *нарт-ант-псина* и башня Жулат³ должна быть называема Жоритла-Ант, в смысле часовни для добротных подаяний.

Утвердясь на такой основе в тождестве имени и племени антов и атыхов, Бекмурзин усвоил атыхам разные встреченные им у Карамзина исторические происшествия, относящиеся и до антов, и до славян. Где у Карамзина сказано (Т. 1. С. 21), что император Юстиниан с гордостью величал себя Антическим в смысле победителя антов, Бекмурзин написал, что Юстиниан содержал союз с атыхейским народом, и называл себя атыхейским рыцарем. Где у Карамзина читаем (Т. 1. С. 24, 25), что Баян, хан аварский, смирил антов, требовал от славян, чрез послов своих, подданства и что вожди славян Лавритас и другие ответствовали: «Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагам», Бекмурзин поставил на место славян антов, как своих атыхов, и написал, что хан Байканаварский в VI веке, опустошив

земли Аллиг (Эллады), приблизился к атыхам и потребовал от них покорности; что князь Лавристан и прочие атыхейские вожди дали послам его гордый ответ и что за это Байкан нахлынул на атыхов, истребил жителей от берегов Черного моря до кабардинской реки Баксан, и заставил атыхов себе повиноваться; имея же их в своем ополчении, покорил прикаспийские народы до Дербента. Наконец, где у Карамзина сказано (Т. 1. С. 25, 27), что славяне, быв принуждены давать хану аварскому войско, первые гибли в битвах для пользы своего тирана, Бекмурзин написал в честь храбрости своего народа, что аварский хан ставил атыхейцев всегда впереди.

2. О действиях у Кавказа великого князя Святослава Бекмурзин сообщил нам следующее известие: атыхейские князья, во времена верховного правителя своего Хуруфатласа делали набеги на Хазарию и на Тмутаракань. Князь Безруко и Алегиго отправились к Азовскому морю для покорения хазарской крепости Саркел или Аскал, то есть, по мнению Бекмурзина, будто бы Азова. Алегиго взят был в плен хазарами и содержался в Саркеле три года. В это время какой-то татарский хан вступил в западную часть Кавказа и объявил войну чапсохам, которых Бекмурзин принял за Нестеровых касогов⁴. Атыхи встретили его на реке Пшине⁵, и тут произошло много кровавых битв; но когда к атыхам явился на помощь опсский, или абазинский, народ⁶, тогда татарский хан решился заключить с атыхами мир на условии, чтобы опсы, чапсохи и прочие атыхи помогли ему в предприятии на Саркел. С таким содействием татарский хан взял Саркел, овладел Тмутараканью и всеми землями хазар по берегу Азовского моря; он благодарил атыхов и отпустил их в отчизну. Эти происшествия Бекмурзин относит к сказанию Карамзина под 964–966 годами, что великий князь Святослав победил ясов и касогов и взял Белую Вежу, или Саркел, и что атыхи, вовсе не зная славян, приняли их за татар. Бекмурзин, однако, просмотрел в «Истории...» Карамзина, что Святослав покорил Белую Вежу прежде, по одолении хазар, а ясов (подонских) и касогов победил после и что ополчение Святослава называлось не славянами, а Русью.

3. Другим преданием атыхейцев, по уверению Бекмурзина, совершенно подтверждается рассказ Карамзина о поединке Мстислава Удалого с Ридядею (Редедю, князем касожским; в 1022 году). Когда верховным властителем атыхов был Идар, внук Инала, правнук Хуруфатласа, содействовавшего Святославу, он неоднократно ходил с храброю дружиною для добычи на Тмутаракань и на Хазарскую землю, а потом снова отправился для того же к Азовскому морю в соединении с Ельжеруко, князем бжедухским, и с могучим великаном Ридядом, знаменитым борцом. Князь тмутараканский встретил их. Ридяда предложил ему единоборство на уговоре, что победитель возьмет все, принадлежащее побежденному. Князь тмутараканский одолел Ридяду и заколол его ножом. Атыхи, соединясь с абазинцами, или опсами, пошли потом в 6000 человек мстить тмутараканцам. Во многих сражениях тмутараканцы покорились, и князь Идар с богатою добычею возвратился восвояси.

Этим подвигом Идара Бекмурзин заменил слова Карамзина, что Мстислав вступил в страну убитого им Редеди, а на касогов наложил дань и что касоги, вместе с

хазарами тмутараканскими в 1023 году сопровождали Мстислава в Чернигов, а в 1024 году участвовали в битве его у Листвена с Ярославом.

Вот исторические рассказы Бекмурзина. Станется, что в описанных им происшествиях атыхейских при Хуруфатласе и Идаре есть что-нибудь похожее на быль; но быль эта отнюдь не может связываться с действиями у Кавказа Святослава и Мстислава, как сам Бекмурзин приводит читателя к сему заключению, нисколько того не подозревая. Из турецких книг Джаифара и Джаианама о происхождении кабардинских, бесленейских и кемиргойских князей он представил в сочинении своем такое извлечение, которое вполне согласно с родословной росписью князей Черкасских⁷, имеющейся в Герольдии Правительствующего сената и в библиотеке Московского архива МИД. В этой же родословной сказано, между прочим, что Хуруфатлас, иначе Хруфалая, был отцом Инала, родоначальника всех теперешних владельцев-черкесов кабардинских и бесленейских; что от Инармаса, одного из пяти Иналовых сыновей, родился Идар и что этот Идар был отцом кабардинского князя Темгрюка Идаровича, на дочери которого, Марии⁸, царь Иоанн Васильевич женился в 1561 году⁹.

Итак, если Темгрюк, скончавшийся около 1570 года¹⁰, имел в Идаре отца, в Инале прадеда, а в Хуруфатласе пращур, то могли ли быть современниками Хуруфатлас Святославу в 964–966 годах и Идар Мстиславу в 1022 году, когда по обыкновенному пределу жизни человеческой должно полагать существование на свете Хуруфатласа около 1400-го, а правнука его, Идара, около 1500 года¹¹. Равным образом и вышеупомянутого Лавристана, превращенного в атыха из Лавритаса-славянина, не следовало бы ставить в VI веке по Р. Х. как происходившего, по словам Бекмурзина, от того славного атыхейского рыцаря Химиша¹², который был дедом по матери Идару и, следовательно, современник Иналу, жившему около 1430 года.

Согласимся поверить Бекмурзину только в том, что имя Тмутаракани сохранилось в пословицах атыхейских под названием Тамтаракай. Нам случалось не один раз слышать от владельцев кабардинских, что у черкесов точно есть древняя поговорка, означающая в русском переводе: «Прошло как Тмутаракань». И неудивительно, что это имя из памяти их не исчезло. Когда наши тмутараканские князья в обитателях сего княжества имели под властью своею хазар, а в соседней Закубанской стране касогов, нынешних абазинцев, алты-кизиков, или казаков, и другие кавказские племена¹³, тогда нельзя было и черкесам тамошним не иметь к владыкам тмутараканским никаких отношений. Из летописей наших известно, что имя *черкес*, явившееся в Киевском княжестве в 1152 году, принадлежало исключительно берендеям, или берендичам, состоявшим до монгольского нашествия в военной конной службе великих князей киевских в числе прочих черных клобуков. Берендеи же упоминаются у нас с 1098 года. Одни из них показались в 1103 году на правой стороне Днепра у Заруба, против устья реки Трубежа; другие находились в 1114 году у Дона и в 1146 году перешли к тому же Зарубу. Можно полагать, что берендеи-черкесы выселены были нашими чернигово-тмутараканскими князьями с Кубани начальню к Дону и оттуда, при разных обстоятельствах, удалились на правый берег Днепра, где родовое имя их и теперь носит город Черкассы, упоминаемый в летописях с 1321 года¹⁴.

Примечания

¹ Москвитянин. 1850. Янв. Кн. 2.

² В той же газете 1849 года в № 48 он назван Шора-Бекмурзин.

³ Эта древняя каменная башня называется Джулат и стоит на левом берегу Терека, на пути от Екатеринограда к Владикавказу.

⁴ Бекмурзин называет чапсохами и чапсутами черкесов-шапсугов, но их именует шапсугами и покойный флигель-адъютант Хан-Гирей, который сам в детстве своем воспитывался у шапсугского старшины (Кавказ 1847. № 42. С. 166, 167).

⁵ Вероятно, закубанская река Пшиша, вливающаяся в Кубань выше Екатеринодара.

⁶ *Опсы, опсаши* – домашнее имя кубанских абазинцев. Византийцы в VI веке упоминают о владельце их Опсите (Мемор. попул. Т. 4. С. 182. *Лат. яз.*).

⁷ В летописях наших черкесы называемы были всегда одинаково *черкасами*.

⁸ Бекмурзин дал ей родовое имя Мариан; но родная сестра ее Малхоруб, жена Тинехмата, верховного князя Орды Ногайской, называла ее в 1563 году Гошевня, Гошеня (продолж. ДРВ. Т. 10. С. 229, 242, 263 и Т. 11. С. 53, 56, 98, 152).

⁹ Имя сего Темгрюка писано было у нас: Темрюк–Темергуко, Темерюк, Кемургуко. В покровительство царя Иоанна Васильевича предались черкесские князья: в 1552 году закубанские, рода Жан, господствовавшего и в поколении шегега, на землях коего турки начали основывать Анапу в 1783 году по потере Крыма, а в 1557 году кабардинские и бесленейские, помянутый Темгрюк, Тазрют и другие (Никоновская летопись. Ч. 7. С. 197, 239, 246, 276, 288, 289). Из потомков Темгрюка и его родных братьев восемь князей Черкасских по восприятии веры православной были нашими боярами между 1592-м и 1714 годом.

В газете «Кавказ» (1846. № 16; и 1847. № 42) сказано, что князю Темгрюку Идаровичу зять его пожаловал в вотчину таманский город Темрюк. Сообщивший эту весть не знал, что царь Иоанн Васильевич не владел этой страной, принадлежавшей тогда ханам крымским.

¹⁰ В этом году он упоминается в последний раз (*Карамзин Н. М. История государства Российского*. Т. 9. С. 179 и примеч. 350).

¹¹ Наш великий князь Ярослав скончался в 1054 году, а пращур его Рюрик – за 175 лет прежде, в 879 году.

¹² Бекмурзин прибавил к тому, что Лавристан был женат на дочери князя Коготлука, дав ей в калым добытых его мечом сто человек медийцев и даков (!).

¹³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. С. 63, 71.

¹⁴ Оборона летописи Несторовой от навета скептиков. С.15, 16, 329.

П. Г. Бутков

Северная пчела. СПб., 1850. № 99. С. 595.

ФОЛЬКЛОРИСТ С ХАРАКТЕРОМ АВАНТЮРИСТА

... Каждый вечер мы приходим на эту остановку, что напротив детского сквера по улице Кабардинской, и стоим (когда несколько минут, когда куда больше) в ожидании шестой маршрутки. Есть время, чтобы взглянуть на стены (именно так – крыша у этого помещения отсутствует) дома, в котором еще лет двадцать назад располагались продуктовый и (буквально через тонкую стенку) хозяйственный магазины. А еще раньше это была единая торговая точка; а если заглянуть еще глубже, в век девятнадцатый (таких зданий в Нальчике практически не осталось), здесь находился дом, в котором 28 декабря 1869 года родился большой русский писатель *Евгений Захарович Баранов* (ум. в 1934 г.). Мало кто из нальчан знает о нем – нет ни улицы, ни памятной доски (да и куда ее нынче прибавить?), не изучается его творчество, не переиздаются книги, а ведь заслуги этого человека перед Кабардино-Балкарией огромны.

Одним из первых он начал собирать и публиковать легенды и сказки кабардинцев и балкарцев, сохранив для титульных народов республики их фольклорное богатство. В Интернете имеется достаточно обширный список книг, выпущенных Барановым в разные годы, и среди них те, чьи названия прямо говорят о литературных предпочтениях автора: «Кабардинские легенды» (Пятигорск, 1911), «Легенды Кавказа» (Ростов-на-Дону, 1913), «Сказки кавказских горцев» (М., 1913), «Тембот. Кабардинская сказка» (М., 1913), «Певец гор и другие легенды Северного Кавказа» (М., 1914), «Сказки терских казаков» (М., 1914).

А ведь были еще сотни (если не тысячи) всевозможных публикаций (собственноручно составленный Барановым список изданий, в которых он помещал свои работы, включает 44 названия). И среди них не только региональные – «Терские областные ведомости», «Терек», «Северный Кавказ», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Кавказ», «Пятигорский листок», «Юг», «Донская речь», «Весь Кавказ», «Южное обозрение», – но и центральные: «Русские ведомости», «Утро России», «Вокруг света», «Мир приключений», «Курьер», «Русское слово», «Биржевые известия», «Неделя»...

По большому счету российский читатель узнавал о том, что происходит не только в Кабардино-Балкарии, но и в других областях Кавказа из

сообщений, заметок, фельетонов Евгения Баранова. Он писал об обычаях и традициях, образе жизни горских народов, рассказывал о достопримечательных местах Кавказа, увлекая читателя не только экзотическими подробностями (куда уж без них), но и стилем изложения, хорошо поставленным слогом. Его публикации в прямом смысле слова зажигали, возбуждали любопытство, звали в путешествие.

Именно таким путешествием, настоящим романом приключений была и жизнь самого Баранова. Обозначить ее некоторые вехи нам позволяют автобиографические записки фольклориста.

Рождению Евгения в Нальчике предшествовали многолетние скитания по Южной России его родителей, выкупившихся в середине 50-х годов XIX века на волю крепостных. После Крыма, Таганрога они оказались в слободе Нальчик, где отец открыл железно-бакалейную лавку, а через десять лет – торговля шла хорошо – купил дом. Тот самый, в котором и родился будущий писатель и от которого нынче остались только стены.

Способности отца, научившегося самостоятельно чтению и письму, умевшему достаточно неплохо рисовать, передались сыну: грамотой он овладел уже в пятилетнем возрасте. Поспособствовали и «учителя»: старшие брат и сестра, а также сосед *Захария Фрахтман*, часовых дел мастер. Вот еще один человек, нальчанин, чье имя кануло в небытие, непосредственно повлиявший на становление Евгения Баранова.

О Фрахтмане он говорит мельком, обещая впоследствии рассказать по-подробнее, но исполнил ли свое обещание – нам неизвестно. Поэтому остается довольствоваться малым: штрихами очерченным портретом: внешне – высокий, немного горбящийся старик; внутренне – мягкий, добрый характером человек. И эпизодом, достаточно ярко свидетельствующим, откуда, так сказать, растут ноги авантюрного склада характера Евгения.

Вот что он пишет: «Он (Захария) был большим мечтателем. Своим ремеслом не занимался (им занимались трое взрослых его сыновей), а «выдумывал» разные «составы», «порошки», что-то по ночам «искал на небе», направляя в него старинную подзорную трубу, собирал на берегу реки какие-то камни, дробил их, прожигал и промывал. Я часто присутствовал при его опытах. Раз весной, уединившись в старую кухню, мы принялись кипятить в колбе какой-то «состав». Вдруг произошел страшный взрыв; одну из стен кухни вынесло во двор, мы же остались каким-то чудом живы и невредимы».

Понятно, что дом такого чудака казался Евгению чуть ли не медом намазанным – он там дневал и ночевал. Ко всему прочему, у Фрахтмана, человека достаточно образованного, судя по всему – он выписывал газеты, а самое главное, книжные приложения к ним (чаще всего они включали

переводные романы и романы путешествий), – имелась неплохая для слободы библиотека.

Такая зажигательная смесь – прожектерские увлечения соседа-алхимика и романтика путешествий и приключений, пронизывающая книги Фенимора Купера, Густава Эмара, Майн Рида, Вальтера Скотта, – должна была дать свои результаты и конечно же дала, причем весьма скоро.

Семи лет Баранова определили в Нальчикскую горскую школу, где одни учителя (малограмотный, невежественный, грубый «мастер подзатыльников» Стригуненко) поспособствовали его частым прогулам занятий, а другие (талантливые педагоги Ипполит Александрович Керу и Александр Федорович Фролков, автор биографии Ушинского, о котором мы еще расскажем более подробно) пробудили интерес к народному слову.

Но учился Евгений, как он сам признает, все-таки плохо и вовсе не по причине недостатка мозговых извилин, а из-за характера: беспокойного, мятущегося, склонного к необдуманным поступкам, романтическим приключениям. Чему способствовала и удивительная природа и орография. Кабардино-Балкария и сегодня знает места, где не ступала нога человека, а что говорить о тех временах, когда многие вершины, ущелья и реки даже не имели названий. Дети в России, начитавшись Майн Рида, устремляли свой взор на «Дикий Запад», путешествие на который заканчивалось для них на первой железнодорожной станции. А у Баранова, как он сам пишет, «Америка» была под боком – на север пошла степь, на юго-запад лесистые горы, доходящие до подножия снегового хребта. «За путешествие «в Америку» дома меня часто пороли, потому что я нередко пропадал на сутки-двое, ночуя где-нибудь на пчельнике или вместе с охотниками у костра. С 12 лет я стал ходить на охоту с ружьем и вначале стрелял исключительно диких голубей, которых в окрестностях Нальчика было много. Потом стал страстным охотником и оставался таковым до 25 лет».

В эти годы проявляется и другой барановский талант – к живописи: он берет уроки у местного иконописца (его имя нам неизвестно) и в 1886 году, через несколько месяцев после окончания учебы, уезжает в Москву, где поступает в Строгановское училище технического рисования.

Школьный опыт, когда уроки посещались через день, заменяясь экскурсиями на природу, и здесь дает себя знать. Вместо училища он практически ежедневно бывает в Румянцевской библиотеке, буквально проглатывая книгу за книгой. В это время и происходит знакомство Баранова с теми, кто недоволен существующими в России порядками, кто через какие-то три десятилетия свергнет огромную страну в смуту Октябрьского переворота.

Вот как он сам пишет об этом «хождении в революцию»: «В январе 1887 года был арестован по распоряжению Московского охранного от-

деления. При обыске, кроме рукописи и двух нелегальных брошюр, ничего не нашли. В одиночке просидел 6 месяцев. В Москву приехал старший брат; у него была «сильная рука» в Министерстве внутренних дел; с помощью этой «руки» брат добился того, что меня выслали на родину, в Нальчик, под гласный надзор полиции. ...В 1888 году в связи с московским делом я по распоряжению Департамента полиции был арестован, просидел в Нальчикской тюрьме три месяца и был выпущен. Выезд из Нальчика без разрешения Департамента полиции был запрещен на три года».

А вот что сообщает о барановском свободомыслии третий том библиографического сборника «Деятели революционного движения в России», вышедшего в 1927–1934 годах: «Баранов, Евгений Захарович. Пятигорск. мещанин, сын мещанина слободы Нальчик (Терская область), торговца железом. Родился около 1870 г. Ученик Строгановского рисовально-го училища в Москве. Задержан 5 февраля 1887 г. при обыске у Л. Меньшикова, с которым временно совместно жил. При обыске самого Баранова у них найдено 8 рукописей революционного содержания, переписанных им по просьбе Л. Меньшикова. Привлечен к дознанию при Московском жандармском управлении (дело Л. Меньшикова и др.). Содержался под стражей с 5 февраля по 28 мая 1887 г., после чего состоял под особым надзором полиции в слободе Нальчик. По Высочайшему повелению от 11 сентября 1888 г. содержался в тюрьме в течение двух месяцев, а затем подчинен негласному надзору на два года. Жил в слободе Нальчик при отце, и в Ставрополе, во Владикавказе. Не имел определенных занятий; изредка сотрудничал в «Терских ведомостях» и «Приазовском крае». По распоряжению Департамента полиции от 9 сентября 1895 г. (циркуляр от 23 ноября 1895 г.) негласный надзор прекращен». Кто ближе здесь к правде – сам «революционер» или те, кто видел его таковым, – сказать трудно. Вероятнее всего, любовь к высокому стилю (в данном случае очковитирательству) имеет место у историков революционного движения.

Впрочем, барановское сопротивление режиму послужило только на пользу Кабардино-Балкарии: имея массу свободного времени, он начал записывать вначале слободские песни, а потом, уже работая писарем в горном ауле, горско-татарские (имеются в виду балкарские) сказки и легенды. За короткое время им был собран и сохранен огромный массив фольклорного богатства титульных народов Кабардино-Балкарии, позволивший по-новому взглянуть на их историю, обычаи, традиции, образ жизни, восприятие мира.

Обнародование их на страницах газет «Терские ведомости» и «Северный Кавказ», но прежде всего многочисленных обличительных корреспонденций о нравах, царящих в слободе, создало, с одной стороны,

Евгению Баранову имя провинциального летописца, с другой – вызвало гнев местной администрации. Но угрозы «переломать ребра» только подстегивали его, стимулируя заложенное в самом барановском характере авантюристское начало. Особенно остро оно проявилось в так называемом «разбойном похищении девушки-кабардинки». Дело, как выясняется, было привычное по тем временам да и последующим. Школьный товарищ Евгения (имя его нам неизвестно) полюбил девушку, та ответила взаимностью, но дальше дело застопорилось, так как отец невесты потребовал несоизмеренно большой калым. Одним словом, решил влюбленный украсть невесту, стал искать поделщиков, среди которых оказался и Евгений.

Судя по всему, невеста проживала в Вольном ауле, куда поздней ночью и нагрянули жених и его пятеро товарищей, вооруженных револьверами и ружьями. Предупрежденная заранее невеста ждала в условленном месте. Жених посадил ее на своего коня, прикрыл буркой, и похитители тронулись в путь. Но не учли одного – невеста (она в таких случаях должна звать

Вероятнее всего, на этой открытке запечатлен Е. Баранов

на помощь) подняла крик слишком рано. Погоня собралась вмиг отменная: отец, братья, соседи, ринувшись вослед, подняли такую стрельбу, что диву оставалось даваться, как в такой суматохе никто не оказался даже ранен.

Утром, когда отец приехал за дочерью, та идти с ним отказалась, заявив, что «она уже не девица». О похищении невесты узнало слободское начальство; но когда семьи жениха и невесты помирились, сыграв свадьбу, все шишки достались Баранову. Припомнили ему революционные настроения, разбойничество и связи с толстовцами (об их лескенской колонии рассказ впереди). Обструкция была жестокая, но она, впрочем, никак не отразилась на склонности Евгения к приключениям и... похождениям. Парень он был высокий, видный, симпатичный (фотографии его, правда, до нас не дошли, но местный архивист Е. С. Тютюнина уверена, что на снимке, где мы видим неизвестного с мумиями из древних могильников Верхней Балкарии, запечатлен именно Баранов), и о его многочисленных романах в слободе да и по всему Северному Кавказу в прямом смысле слова ходили легенды. А один из них – с нальчикской купчихой – был

отражен даже в «Терских ведомостях». Постарался местный аптекарь, описавший (сам Евгений уточняет: правдиво) похождения бравого провинциального ловеласа, крутившего романы направо и налево – «с казачками, не девками, а бабами», «с русскими, немками (под Нальчиком есть немецкая колония)».

Роман же Баранова с родной слободой теперь проходит урывками. Недолгое время (с полгода) он секретарь-корректор во Владикавказе в газете «Терские ведомости». Снова возвращается в Нальчик, где продолжает бродить по горам, подготовив целый ряд корреспонденций о Балкарии. Целых два года трудится в Ставрополе Кавказском в должности секретаря газеты «Северный Кавказ». Снова родная слобода, публикации в десятках российских газет и журналов. Затяжная болезнь – именно тогда жесточайший тиф надломил железное здоровье писателя. Усугубило его и бродяжничество по Терской области: и арестовывали, и колотили, и ножом пыряли. Так «босычил» он (выражение самого Евгения) вплоть до начала двадцатого столетия. Как сам пишет Баранов, «за это время пришлось быть писарем в аульных правлениях, дворником постоялого двора, помощником повара в харчевне, торговцем на базаре (продавал лубочные картинки и книги), ходатаем по судебным делам; приходилось ходить на пилку дров, наниматься на сельскохозяйственные работы, как, например, уборка картофеля, подсолнухов, кукурузы, винограда». «За эти пять лет исходил весь Северный Кавказ, бывал в Дагестане, в Закавказье, из Карской области пробирался в Турецкую Армению, был на границе Персии... Встречи и знакомства многочисленные: бывшие монахи, попы-расстриги, странники-шатуны, рабочие, купцы, проститутки, воры, грабители, жулики, бывшие каторжники, князья, графы, учителя, нищие».

А самое главное, «за это время сделано много записей кабардинских, татарских, осетинских, чеченских, ингушских, казачьих и великорусских сказок, легенд, поверий, песен, часть которых была напечатана в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» и других кавказских изданиях, часть остается до сих пор в рукописях, но самая значительная и, по-моему, ценная часть их безвозвратно утеряна. Кроме этих записей, поместил много корреспонденций и статей о переселенческом движении на Северном Кавказе, о земельном положении местных горцев, о быте пришлых сельскохозяйственных рабочих» – великое множество корреспонденций, подавляющее большинство которых неизвестно современному читателю. А ведь в них быт, нравы, люди огромной страны, запечатленные зорким взглядом, отзывчивым сердцем, умелой рукой. Будут ли они когда-нибудь востребованы, дойдет ли до них интернетовский искатель? Хотелось бы верить.

Дальнейшие штрихи «босаяцкой» биографии: Ростов (1901), Сочи, куда попал по причине болезни и где пробыл два года, объездив все побережье. Последний приезд в Нальчик в 1903 году, на похороны отца. Далее Владикавказ, откуда активно «корреспондировал в ростовские, кавказские, столичные газеты», Баку, Пятигорск, где оказался накануне революции 1905 года и был секретарем «Пятигорского листка» и редактором «Пятигорья», закрытого по распоряжению военного генерал-губернатора Терской области. Четыре года проведены в Кисловодске. И наконец, с 1911 года Москва: работа в газетах, которые менял одну за другой. Травма 1914 года, когда при падении (не от разъяренного ли мужа убежал любвеобильный Евгений?) сломал ногу и с тех пор ходил только с костылем. Революция, которая сделала его нищим: «С 1919-го по 1923 год торговал на улице и рынке старыми книгами, которые брал на комиссию от разных лиц. В 1923 году вследствие болезни принужден был прекратить торговлю, потом на возобновление ее требовались денежные средства, которых у меня не было, и торговать пришлось прекратить навсегда. Чтобы не умереть от голода, принимаю предложение знакомого народного певца петь с ним по трактирам, столовым; но по независящим от нас причинам пришлось оставить и это занятие».

И это судьба неординарного журналиста, великого собирателя фольклора, в активе которого более десяти книжек «для народного чтения историко-этнографического содержания (о курдах, армянах, казаках и др.); десятки записей народных легенд о Я. В. Брюсе, сподвижнике Петра Великого, деятелях ушедшей Москвы, революции 1917 года».

Последнее время нищий и практически всеми забытый русский литературовед и историк, как характеризует Евгения Баранова «Биографический словарь русских писателей», жил по адресу: Арбат, д. 4, кв. 30. Отсюда его и увезли на Ваганьковское кладбище в 1934 году. Только когда именно это произошло – неизвестно. Вот почему день и месяц смерти знаменитого уроженца слободы Нальчик в некоторых словарях не обозначен...

Последнее время нищий и практически всеми забытый русский литературовед и историк, как характеризует Евгения Баранова «Биографический словарь русских писателей», жил по адресу: Арбат, д. 4, кв. 30. Отсюда его и увезли на Ваганьковское кладбище в 1934 году. Только когда именно это произошло – неизвестно. Вот почему день и месяц смерти знаменитого уроженца слободы Нальчик в некоторых словарях не обозначен...

Нальчанки Мария и Татьяна Новиковы

СПОДВИЖНИК УШИНСКОГО

Евгений Баранов, известнейший русский писатель и собиратель фольклора, в «Биографии моей жизни» пишет: «Семи лет я начал ходить в Нальчикскую горскую школу. В начальном отделении, куда я попал, учителем был невежественный и грубый человек Стригуненко. Учить он не умел, зато был большой мастер давать щелчки сразу тремя пальцами. У него я ничему не научился, притом же и убежал часто из класса. После Стригуненко моими учителями были Ипполит Александрович Керу, человек с университетским образованием, талантливый учитель и благородный человек, потом Александр Федорович Фролков, в свое время известный педагог, автор лучшей биографии Ушинского».

Александр Федорович Фролков

Поправив фольклориста (все-таки не таким невежественным человеком, как он пишет, был учитель Стригуненко, а скорее дотошным и требовательным – известно, что он выступал за создание аульских школ и женское образование), расскажем об *Александре Федоровиче Фролкове*, который в конце семидесятых – начале восьмидесятых годов XIX века работал смотрителем Нальчикской горской школы.

Имя его было известно в педагогических кругах благодаря тому, что, будучи личным секретарем Константина Дмитриевича Ушинского (1824–1870) в период жизни того за границей (1862–1867), писал под диктовку последние его труды. Впоследствии он издал краткий биографический очерк «К. Д. Ушинский» (СПб., 1881), став тем самым первым биографом основоположника научной педагогики в России.

Работа эта, написанная живо, искренне, с любовью к герою и его деяниям (Ушинского Фролков называет «отцом разумной русской школы, воспитателем русских педагогов, другом русской женщины, учителем русского дитяти»), была с благодарностью встречена всеми, кто понимал значимость сделанного и величие личности великого русского педагога. Лев Николаевич Модзалевский (1837–1896), тот самый, что ознакомил русское

общество с идеями Яна Коменского, очерк Фролкова назвал «в высшей степени добросовестным и интересным трудом нашего молодого кавказского педагога», ценность которого в горячем сочувствии к личности К. Д. Ушинского, понимании его высоких принципов и благородных стремлений, умении передавать внешние факты жизни, «очерчивать нравственную физиономию дорогого для него человека».

И сегодня, спустя более 130 лет со дня написания труда Фролкова, он ничуть не устарел – читается с живым интересом, неослабным вниманием. Во всяком случае пишущие эти строки открыли для себя незаурядного автора, глубокого исследователя, оригинального педагога и мастера слова. Загляните в Интернет: <http://intellect-invest.org.ua> – честное слово, не потеряете понапрасну час-другой, приобщившись к образу мыслей и воззрений одного из тех, кто стоял у истоков просвещения Кабардино-Балкарии.

Что же нам известно о личности Александра Федоровича Фролкова? Родился он в 1848 году в городе Орша в мещанской семье. Окончил в 1867 году первую гимназию в Санкт-Петербурге, далее там же – педагогические курсы. В 1871 году начал трудовую деятельность в Министерстве народного просвещения России. Практически сразу его направляют в Екатеринодар – преподавателем образцовой школы при Кубанской учительской семинарии.

О первых шагах Александра Федоровича на ниве просвещения можно узнать из его же корреспонденций «Первый съезд станичных учителей Кубанской области», напечатанных в выходившем в Санкт-Петербурге журнале «Народная школа» (№ 9, 10, 11 за 1873 г.). Эти отчеты, нашедшие отражение в «Библиографии Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи с древнейших времен по 1917 год» (составитель Р. У. Туганов), свидетельствуют о том, какой умный, глубокий, толковый, перспективный, требовательный к себе учитель появился в Екатеринодаре.

Заметило это и начальство, направившее Фролкова во Владикавказ для проведения съезда народных учителей Терской области. В 1875 году Александр Федорович становится учителем уже самой Кубанской семинарии – здесь он преподает естествознание, географию, черчение, чистописание. В 1877 году привлекается к руководству педагогическими курсами народных учителей, работавшими во Владикавказе. Потом его знания и умения понадобились Кабарде, куда 25 августа 1879 года Александра Федоровича перевели на должность смотрителя Нальчикской горской школы. И здесь он проявил себя любящим свою работу, заинтересованным в просвещении народа человеком.

О том, чем для него стало это учебное заведение, какие новации использовал учитель в своей повседневной деятельности, какою отдачу по-

лучал от детей, мы можем узнать из публикаций самого Фролкова в газете «Терек» от 24 и 27 июля 1883 года. Здесь и введение в программу школы преподавания естественной истории, физики, французского языка, агрономии, создание опытного хозяйства, проведение систематических метеорологических наблюдений и исследований.

Так, для ведения опытного хозяйства съезд доверенных кабардинских селений и Пяти балкарских обществ в конце 1880 года приговорил (в данном случае – решил) выделить участок общественной земли в пять десятин в Атажукинском саду. Собранный урожай, а это капуста, картошка, огурцы (их засаливали в бочках), а также мед, получаемый с пасеки, направлялись на нужды учащихся школы, которые, с одной стороны, обучались агрономии, а с другой – получали солидную продовольственную прибавку.

Заодно приобщались к метеорологии. Сохранилось письмо А. Ф. Фролкова, адресованное начальнику Нальчикского округа, в котором, в частности, говорится: «Устройство в Нальчике метеорологической станции принесло бы двойную пользу: во-первых, ученики технико-агрономического отделения Горской школы могли бы ознакомиться с инструментами и производством наблюдений; во-вторых, правильные наблюдения, производящиеся неуклонно в течение нескольких лет, принесут несомненную пользу самому краю, ибо возможно будет более правильно заключать о физических условиях данной местности; основательное знание этих условий имеет, как известно, огромное влияние на улучшение сельского хозяйства, а следовательно, и на благосостояние наибольшей массы населения». Таким образом, именно А. Ф. Фролоков стоял у истоков службы за наблюдением погоды в Кабардино-Балкарии – метеорологическая станция при Нальчикской горской школе открылась в 1883 году, уже после отъезда Александра Федоровича из слободы.

Возвращаясь к статьям Фролкова в газете «Терек», скажем, что они были написаны столь живо, с такой искренней гордостью за осуществленное на ниве просвещения кабардинского и балкарского народов, что кое-кому показались самовосхвалением, употребляя нынешнюю терминологию, – пиаром. Именно так воспринял их известный публицист и исследователь народной жизни Яков Абрамов (1858–1906), тот самый инициатор проповеди «малых дел», отодвигавшей общественно-политические вопросы на дальний план и заклеянной Лениным как «абрамовщина». Уже 29 июля в той же газете «Терек» он опубликовал довольно едкий материал, заголовков которого говорил сам за себя: «Всяк кулик свое болото хвалит». Но был, скажем честно, не прав – слова Евгения Баранова, десятков других воспитанников Нальчикской горской школы тех лет свидетельствуют, каким учителем-новатором был А. Ф. Фролков.

Отмечало заслуги Александра Федоровича и начальство: если в 1880 году он был удостоен благодарности попечителя Кавказского учебного округа, то в следующем – произведен в чин титулярного советника, через год – коллежского асессора, еще через год – надворного советника (Фролков дослужился до чина статского советника). Кроме того, удостоен орденов Станислава 2-й и 3-й степени, Анны 3-й степени.

Первого сентября 1883 года Александр Федорович уже во Владикавказе – по предложению попечителя Кавказского учебного округа он становится смотрителем Владикавказского ремесленного училища им. графа М. Т. Лорис-Меликова. Здесь его учительский талант раскрылся еще глубже и ярче. Причем новаторство, подвижничество по большому счету проявилось не только на педагогической ниве, но и на общественном поприще. Избранный членом ряда благотворительных организаций, Фролков своими бескорыстными делами и реальной помощью нуждающимся в ней становится столь популярной личностью, что благодарные горожане избирают его гласным городской думы, а вскоре, в апреле 1897 года, городским головой Владикавказа. Уточнив, что первое подразумевает депутатство в распорядительном органе самоуправления, а второе – главу городского общественного управления, скажем, что на рубеже столетий городское хозяйство Владикавказа возглавлял настоящий подвижник, бесребренник, подлинный интеллигент, поставивший своей целью сделать все для процветания любимого города.

Есть ли такие из нынешних горожан, кто сможет назвать руководителей слободы Нальчик дореволюционных лет? Сомневаемся, хотя один из них (Кривчик) даже запечатлен (пусть и в наилучшем свете) в гениальном произведении Константина Чхеидзе «Страна Прометей». А владикавказцы отца города, ушедшего из жизни более ста лет назад, помнят и чтят. Ведь именно в первый год его работы (1897) началась телефонизация; при нем в 1904 году был пущен трамвай.

Бурными темпами развивалось народное образование: благодаря неустанным усилиям Александра Федоровича были открыты Владикавказская женская прогимназия, Пушкинское училище (Фролков стал председателем его попечительского совета, одновременно состоя членом попечительского совета Ольгинской женской гимназии и ряда других учебных заведений), кадетский корпус, училище им. Н. В. Гоголя и железнодорожное, военно-ремесленная школа Терского казачьего войска.

Особое внимание уделялось здравоохранению: начали функционировать инфекционная больница, городская лечебница. Вопросы благоустройства города Фролков держал под личным контролем, самолично участвуя в рейдах по проверке санитарного состояния гостиниц, лавок,

частных домовладений. Более того, нерадивые подвергались двойному порицанию – их не только штрафовали, но и публично осуждали, публикуя фамилии нерадивых и неряшливых на страницах местных газет. Причем исключений не делалось ни для кого – случалось, среди оштрафованных фигурировали члены городской управы.

Естественно, в поле зрения городского головы находилось и множество других вопросов: экономика – с этой целью при его непосредственном участии были учреждены Общество взаимного кредитования и Общество взаимного страхования; культура – именно при нем в 1906 году во Владикавказе состоялось перезахоронение праха великого осетинского поэта Косты Хетагурова.

Все это требовало постоянного напряжения сил, которых с годами становилось все меньше и меньше, болезни все чаще ломали привычный график его двенадцатичасовой ежедневной работы. Почувствовав, что он уже не может с должной отдачей исполнять обязанности городского головы, Александр Федорович, когда в 1908 году пришло время очередных перевыборов, отказался выдвигать свою кандидатуру. Отведенные ему судьбой неполных два года он по-прежнему оставался в курсе всего, что волновало владикавказцев, в его небольшом домике не замолкали голоса посетителей.

А. Ф. Фролков скончался 26 июля 1910 года. 28 июля, при стечении многих сотен благодарных горожан, он был похоронен в ограде Покровского женского монастыря. Знающему человеку последнее говорит о многом. Дело в том, что на территории монастыря обычного кладбища не имелось (там хоронили только монахинь) и подобное исключение из правил еще раз подчеркивало тот факт, кем был Александр Федорович Фролков для владикавказцев.

Воздадим доброе слово ему и мы.

КНЯЗЬ ДАДИАНИ – ТОЛСТОВЕЦ ИЗ ЛЕСКЕНА

В конце XIX – начале XX века слово это – *толстовец* – в слободе Нальчик да и за ее пределами было известно практически каждому: разное говорили о них, чаще всего простой люд крутил пальцем у виска, не в силах понять, как это можно бросить налаженный быт, размеренную жизнь, дабы трудиться на земле, заниматься черной работой.

Толстовство как религиозно-этическое общественное течение возникло в России в 1880-х годах под влиянием религиозно-философского учения Л. Н. Толстого. Главными принципами его, изложенными великим русским писателем в произведениях «Исповедь», «В чём моя вера?», «Крейцера соната», стали непротivление злу насилieм, всепрощение, всеобщая любовь, нравственное самоусовершенствование личности, опрощение. Колонии толстовцев возникли в Тверской, Симбирской, Харьковской губерниях, в Закавказье и на Северном Кавказе, в частности в Кабардино-Балкарии. Одна из них располагалась в селении Лескена. В воспоминаниях писателя и фольклориста Е. З. Баранова читаем: «В 1894 году возвращаюсь в Нальчик, начинаю работать в колонии толстовцев».

Впоследствии «попытка интеллигентных людей «сесть на землю», то есть непосредственно заняться земледельческим трудом и начать жить крестьянской жизнью», Евгений Захарович отразил в книге «Толстовцы», вышедшей в московском издательстве «Дело» в серии «Историческая библиотека» в 1912 году. Долгие поиски этого раритетного издания увенчались успехом.

И вот что пишет Е. З. Баранов: «Первоначально толстовцы пробовали было устроить свою колонию в Кубанской области, под городом Майкопом, но колония эта просуществовала сравнительно недолго, и большая часть колонистов в поисках лучших условий жизни направилась в слободу Нальчик Терской области (административный центр Большой Кабарды).

Своей внешностью и образом жизни толстовцы с первого же раза заинтересовали местных жителей. Было известно, что среди толстовцев находились люди с высшим образованием, а по профессии – врач, инженер, художник, учителя, между тем по внешнему виду они казались беднее даже и незажиточных слобожан; одевались они в поношенные крестьянские армяки, поддевки, зипуны, а у некоторых к тому же одежда была изо-

рвана, вместо хорошей обуви носили опорки, лапти и только зимой – мужицкие сапоги; питались очень умеренно, и главным образом растительной пищей.

Пока не было у них земли для своей колонии, они проживали на квартирах, занимались на поденные работы – рубили дрова, копали канавы, работали на кирпичных и черепичных заводах (месили глину, выгружали из печей кирпичи и черепицу), плату же за труд получали более чем скромную. Некоторые из них занимались столярным ремеслом, сбывая свои изделия на слободских базарах, но несомненно, что источником их существования служили не эти скудные заработки, а денежные сбережения, сделанные раньше.

...Для слобожан толстовцы были людьми совершенно чужими, и какой бы то ни было связи между теми и другими не наблюдалось. Резко сказывалась разница в укладе жизни тех и других, но главной причиной розни являлась «толстовская вера», причем слобожане склонны были видеть в толстовцах людей, которые, в сущности, никакой веры не признавали. Впрочем, надо сказать, что и сами толстовцы не искали сближения не только со слобожанами-земледельцами, но и с тамошними интеллигентами, видя в последних людей, сознательно не желавших жить правильной жизнью, сознательно принимавших ложь за правду.

Распространением «новой веры» среди слобожан толстовцы специально не занимались, но каждому, интересовавшемуся ею, давали необходимые разъяснения. Слобожан, которые более или менее сознательно прониклись бы этой верой, не было, хотя, с другой стороны, два-три семейства открыто заявили, что они «переходят в толстовцы». Конечно, нечего и говорить о том, что этот «переход» был чисто внешний».

Здесь фольклорист рассказывает весьма занимательный эпизод относительно понимания постулата «непротivление злу». У слобожанина, признавшего «веру» толстовцев «правильной», воры решили украсть лошадь: ночью сделали пролом в ограде, но по каким-то причинам дело до конца не довели. Как же поступил наш герой? Он не стал заделывать дыру, объясняя свое решение так: «Если они (воры) приходили за лошадью, то, значит, она им нужна». Еще более показательной была его реакция на последовавшую вскоре, теперь уже удачную, кражу: «Случилось то, что должно было случиться: если бы я и заделал пролом, и стал бы караулить с ружьем лошадь, то все же рано или поздно она была бы уведена».

Показательно, что, кроме означенного чудака, последователей толстовцев среди слобожан больше не нашлось.

Вот что Евгений Баранов рассказывает дальше: «До основания своей колонии толстовцам пришлось прожить в слободе около четырех лет и

по-прежнему заниматься подневными работами. Относительно их семейной жизни нельзя сказать, чтобы она протекала в полном согласии, ибо от времени до времени возникали у них довольно крупные недоразумения», немалую роль в которых «играла изолированность толстовцев от окружающего мира, однообразная жизнь в глухой слободе, а для людей, вынужденных на безделье (ибо случайная подневная работа не была тем настоящим делом, к которому стремились толстовцы), к тому же и очень скучная. Особенно же чувствовалось ее однообразие женщинами, женами толстовцев, на которых лежала почти вся домашняя работа. Если мужа их, вращаясь среди слободского населения, хоть немного и разнообразили монотонность этой серенькой жизни, то жены их были лишены этой возможности, так как почти все время проводили дома.

Необходимо сказать, что среди толстовцев были не сплошь люди, всецело уверовавшие в свою идею, наезжало к ним много молодых и пожилых людей, которые только увлекались толстовством. Собственно говоря, общего с толстовцами они почти ничего не имели, а ради скуки или новых ощущений хотели испытать «все тяготы мужицкого труда».

И это «испытание» начиналось с внешнего «опрошения»: пиджаки, жакеты, пальто заменялись грязными армяками, зипунами; шляпы – картузами, платками, а затем уже начиналась «работа». Правда, очень немногие из этих толстовцев пробовали ходить на подневщину, но за домашнюю работу все брались весьма охотно. Но что это была за «работа»!

Например, надо было запрячь в водовозку лошадь, и вот человек пять начинали «трудиться»: один тащил вожжи, другой дугу, третий хомут, а двое старались «вопхнуть» лошадь в оглобли. В криках, понуканиях не было недостатка, и часто кончался этот «труд» тем, что лошадь так и оставалась незапряженной, ибо никто из «работников» не знал, как надо запрягать ее, да и побаивался, как бы она не вздумала брыкнуть.

...Само собою разумеется, что хождение в мужицких сапогах, армяках и «работа» вроде описанной могли занять этих увлекавшихся людей на самое короткое время, и обыкновенно случалось, что побаловавшись недели две – месяц, они опять надевали свои пиджаки, жакеты и, к великому удовольствию гостеприимных хозяев, исчезали из слободы. И нечего, конечно, говорить о том, что ни один и ни одна из них потом не увлекались не только толстовством, но и работой, имеющей хотя бы небольшое отношение к мужицкому труду».

И все-таки были среди толстовцев настоящие последователи учения великого старца. И в первую очередь надо назвать грузинского князя Георгия Александровича Дадияни, с именем которого связано «основание первой толстовской колонии в Кабарде, ее жизнь и конец ее существо-

вания». Рассказ о нем в книге «Толстовцы» полностью построен на воспоминаниях «человека, близко знавшего его и жившего вместе с ним в колонии». Евгений Баранов не сообщает его имени, дату и название публикации, но мы выяснили, что речь идет о Владимире Васильевиче Рахманове (1865–1918) – враче, авторе статей по популярной медицине и вопросам воспитания, участнике нескольких земледельческих общин. В 1886–1889 годах он неоднократно встречался с Толстым, написал воспоминания «Л. Н. Толстой и „толстовство“ в конце восьмидесятых и начале девяностых годов» и опубликовал адресованные ему письма: «Семь писем Льва Николаевича Толстого».

Георгий Александрович Дадияни

Труд его, называвшийся «Князь Георгий Александрович Дадияни: По личным воспоминаниям», был опубликован в широко известном в начале прошлого века литературно-публицистическом сборнике «К Правде» (М., 1904), а в следующем году переиздан отдельной брошюрой в книжной серии «Для интеллигентных читателей» (Вып. 129). Найти ее сегодня практически невозможно, но нам это удалось (см. приложение после статьи на с. 382–390).

Вот она в руках, тонюсенькая книжечка в 19 страниц с предваряющим текст портретом бородатого мужика в зипуне и шапке. Это и есть князь Георгий Дадияни – удивительная личность, чья судьба оказалась покрыта пылью забвения.

А был он человеком в свое время весьма известным. В четвертом томе многотомника «Дворянские роды Российской империи» – он называется «Князь царства Грузинского» (М., 1998) – в главе «Князь Дадияни (из дома Чиковани), они же Дадиян, светлейшие князь мингрельские и Дадиян-мингрельские» имеется такая запись: «7/1. Георгий Александрович (22.08.1855–20.10.1900), подполковник*, женат на Надежде Журавской (1863–1939)».

Вот как запись эту дополняет Владимир Рахманов: «Дед Г. А. был владельцем князем Мингрелии. Раннее детство Г. А. провел, согласно существовавшему тогда обычаю его страны, в семье своей кормилицы... Дома ему пришлось пожить недолго; вскоре его отдали в кадетский корпус... Он пережил и мирное, и военное время, участвовал в двух кампаниях... занимал видный пост в Тифлисе, имел чин подполковника*, большие связи,

* По другим источникам, Г. А. Дадияни был полковником и сам так представлялся. – Изд.

Князь Дмитрий Александрович Хилков

знатную и богатую родню – одним словом, блестящая карьера, которой всякий позавидовал бы, делалась сама собою. Так прожил он почти до сорока лет. Ничто не мешало легкой, приятной жизни, которую вел Дадиани. Быть может, он был бы теперь уже генералом или где-нибудь губернатором, если бы не встретил на Кавказе одного ссыльного, своего старого товарища и сослуживца».

Владимир Рахманов не называет имени этого человека, говорит лишь, что он был военным, принадлежал к высшей знати, имел огромные связи при дворе. Карьера его была на редкость успешной, но тут «на войне ему случилось как-то особенно удачно убить одного из неприятелей... все его за это очень хвалили и превозносили. А он сам между тем был в глубоком раздумье: «Он убил человека – и все его хвалят, как будто бы он сделал что-то хорошее». И тогда в душу его закралось сомнение в истинности общепринятых убеждений и верований. Он был из тех людей, убеждения которых никогда не расходятся с их жизнью. Начавшийся в нем душевный процесс заставил его бросить службу и старую жизнь. Сначала он поселился в родной деревне, где, продав почти даром всю свою землю крестьянам, стал сам жить крестьянской трудовой жизнью. Но он не умел и не хотел ни от кого скрывать своих мыслей и в результате очутился в Закавказье, где и встретился с Г. А.».

Сегодня нам известно имя человека, о котором идет речь. Это князь Дмитрий Александрович Хилков, сослуживец Дадиани по Кавказу, к которому «тянулись люди, наиболее последовательно проводившие в жизнь толстовское учение».

Вот что он нем говорится в биографической энциклопедии: «Д. А. Хилков (1857–1914) – русский политический деятель, толстовец, революционер. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. По окончании ее служил в Закавказье, где познакомился с духоборами. В 1884 году вышел в отставку и поселился в имении Павловки в Сумском уезде Харьковской губернии. В 1885 году землю в триста восемьдесят десятин продал по низкой цене крестьянам, а сам, оставив себе надел в семь десятин, стал жить личным земледельческим трудом. В 1887 году Хилков вступил в переписку со Львом Толстым и стал сторонником толстовства».

И эта встреча, как пишет Владимир Рахманов, словно открыла Дадиани глаза: он принял решение изменить свою жизнь и уйти в отставку. Именно так владелец «многих тысяч десятин земли в Мингрелии», которыми он в

силу разного рода причин не мог распоряжаться» (постарались родные братья), с большой семьей и всего двумя тысячами рублей на руках оказался осенью 1895 года в Нальчике.

Познакомившись с семьей живших в слободе С-вых, Дадиани стал искать подходящий участок земли. За сокращением С-в скрывается Владимир Иванович Скороходов (1861–1924).

Вот что о нем говорится в 87-м томе Полного собрания сочинений Толстого: «Разделяя взгляды Толстого на значение земледельческого труда, В. И. Скороходов в конце восьмидесятых и в начале девяностых годов участвовал в организации земледельческих общин. В 1880–1891 гг. В. И. Скороходов работал в Тверской губернии, в общине Душно, организованной М. А. Новоселовым, затем принимал участие в организации столовых для голодающих, помогая Толстому. Убедившись в неустойчивости интеллигентских земледельческих общин, обычно скоро распадававшихся, но продолжая придавать особое значение земледельческому труду, Скороходов поселился на хуторе и в течение многих лет работал на земле со своей семьей. В конце своей жизни Скороходов вновь сделал попытку организовать небольшую земледельческую общину близ Майкопа Кубанской области, которая, однако, также в конце концов ликвидировалась».

Наконец такой участок, удовлетворяющий всем поставленным требованиям – плодородный, с водой и близлежащим лесом, – был найден в Лескене. Расположенный в долине, по которой протекала горная река, с землей, дарующей богатые урожаи, он имел и недостатки: во-первых, обилие камней на полях, очистка которых отнимала много времени и требовала дополнительного физического труда; а во-вторых, отдаленность: «ближайшее осетинское селение было в четырех верстах, а ближайшее русское – в 30. Базар находился за 60 верст, а железнодорожная станция и почта – почти в 50 верстах».

Все имевшиеся у Дадиани деньги (напомним, две тысячи рублей) ушли на покупку земли и устройство хозяйства: вначале жили в сараях, осенью отстроили дома для Дадиани и Скороходовых.

Какими были их будни? Абсолютно такими же, как и у других сельских жителей: работа в поле и дома – «накормить и напоить скот, убрать навоз, навозить и наколоть дров, наносить воды».

А так как денег на то, чтобы принять кого-то в помощь по хозяйству не осталось, Георгию Александровичу (напомним, князю по происхождению и воспитанию) приходилось работать с раннего утра до поздней ночи. И жить при этом чуть ли не впроголодь: питались в основном кукурузным хлебом, мяса практически не видели, молока (особенно зимой) не пили месяцами. Не знали отдыха, праздников, но не жаловались, о прежней

жизни не жалели. Наоборот – своей были довольны. И пример в этом подавал Георгий Александрович: бодрый, неунывающий, он «находил свою жизнь прекрасной», своих «прежних сослуживцев и знакомых считал добровольными жертвами их собственного безумия и искренне жалел».

Каким же был его характер? Владимир Рахманов заостряет внимание на следующих чертах: доброта, скромность, твердость, правдивость. И раскрывает их весьма показательными примерами.

Вот, что касается добрых дел: «Сам работая через силу, сам не доедая, он все-таки никогда не отказывался помочь соседу. Рядом с ним жил человек, у которого не было лошадей, который и работать хорошо не умел. Г. А. не раз бросал свою работу и помогал в работе соседу, не раз он пахал ему поле; если у соседа не было молока, то он делился с ним последним». И вывод, который о многом говорит: «Нельзя отрицать, что эта доброта стоила ему гораздо больше, чем доброта богачей, жертвующих от своих избытков на бедных. Г. А. буквально отдавал свою жизнь».

Но самое удивительное, что доброта его затрагивала и братьев наших меньших – животных. Жалея их, как бы совестясь, что заставляет работать, Дадиани загружал лошадей только самой необходимой работой, не утруждал быстрой ездой, отчего, бывало, добирался до нужного ему места, вместо двух часов, все пять, так как ехал чаще всего шагом. А эпизод с ослом так вообще поражает воображение. Увидев крестьянина, немилосердно избивающего осла, выбившегося из сил и по этой причине отказывающегося везти хозяина, он вначале уговаривает его милосерднее относиться к животному. А когда видит, что просьбы не действуют, выкупает осла и ведет его на поводу за собой. Дело было летом, в жару; недолго думая, князь снимает мундир и... не раздумывая, надевает его на осла. Остается догадываться, о чем думали встречные, видя князя в рубашке и осла в мундире.

А вот свидетельство твердости его характера. Когда выяснилось, что средств на покупку самого необходимого не осталось, Дадиани берется за доставку брусьев на спичечную фабрику. А это восьмиверстная поездка в лес, погрузка стволов весом в четыреста и более килограммов на сани, возвращение домой, перекладка бревен на телеги и тут же дорога длиной в 30 верст. Причем при этом надо было переходить вброд реку, для чего припрягать к лошадям дополнительную пару и поочередно переправлять подводы. И так день за днем, практически без отдыха. Мало кто выдержит такие испытания, но князь Дадиани оказался не только силен физически, но прежде всего духом, выказав «необыкновенную силу воли».

Владимир Рахманов, проживший рядом с Георгием Александровичем около двух лет, оставил нам яркое свидетельство жизни человека, твердо

следующего своим убеждениям, жизни ради идеи, служения поставленной цели. Цель эта ныне может показаться кому-то малой и неочевидной, затраченные усилия бесполезными и никчемными. И вот размышления автора очерка по этому поводу: «Г. А., променяв прежнюю легкую, внешне блестящую, но пустую жизнь на жизнь тяжелого труда и многих лишений, конечно, сделал громадный шаг вперед по пути нравственного совершенствования. ...Для меня несомненно, что рано или поздно Г. А. выступил бы на арену более широкой общественной жизни, и я даже не могу себе представить, до какой нравственной высоты он поднялся бы и как много внес бы он добра и света в жизнь, принимая во внимание его нравственную мощь и его страстное стремление к истине и правде. Но суждено было иначе».

Вот и подходит к концу наш рассказ о толстовце Георгии Александровиче Дадиани, который свой княжеский титул считал чем-то вроде оскорбления. Владимир Рахманов (о чем и сам жалеет) не запомнил точной даты его смерти, случившейся в октябре 1900 года *. Она была скорой и неожиданной. Дадиани вместе со Скороходовым поехал на базар; уже после него, на постоялом дворе, почувствовал резкую боль в животе. Боль была столь мучительной, что Георгий Александрович умолял о конце. Приход фельдшера только ухудшил его страдания, доктор по каким-то причинам отказался ехать, и спустя более суток невыносимых страданий лескенский толстовец умер. За своей семьей он велел не посылать, не желая увеличить их горе.

Судебно-медицинское вскрытие обнаружило непроходимость кишечника. Если бы медицинская помощь была оказана вовремя, Дадиани остался бы жив...

...Как-то, ухаживая за фруктовым садом, на который он возлагал большие надежды, Георгий Александрович попросил Владимира Рахманова о том, чтобы, когда умрет, его зарыли под яблоней в саду. Сказано это было в шутку, как о чем-то нескором и чуть ли невозможном, но прошло лишь чуть больше года – и князь Дадиани обрел покой под яблоней в молодом саду.

«После смерти князя, – как пишет Евгений Баранов, – колония просуществовала очень недолго, колонисты один за другим начали покидать ее, и наконец, земля и постройки были проданы осетинам. Всего же она просуществовала около пяти лет, и сами толстовцы находили этот срок продолжительным при тех несогласиях колонистов, которые возникли

* Это произошло 20 октября 1900 года. – Изд. (См.: Гордеева И. А. Коммунитарное движение в России...)

между ними почти с первых дней ее основания. Собственно говоря, она держалась князем, который умел улаживать споры, когда последние принимали острый характер. Сами толстовцы потом говорили, что было как-то неловко».

...Летом 2012 года, спустя более столетия с того печального дня, мы побывали в Лескене, пытаюсь найти то место, где когда-то стояли домики толстовцев – людей, пошедших в народ, но не пришедших к нему. Никто из нынешних лескенцев не слышал о толстовской колонии и не знал имен ее обитателей. О могиле князя Дадиани тоже никому не было известно. Отжила, видно, свой век и та яблоня, под которой он был похоронен, – человек, шедший к земле и ставший землей. И нам лишь осталось вслед за Владимиром Рахмановым повторить слова, заключающие его воспоминания: «Мир праху твоему, большое сердце!».

* * *

И в заключение, строки из книги «События. Встречи. Мысли» – неопубликованных воспоминаний Константина Чхеидзе, относящиеся к теме толстовства. Правда, в них имеется ряд неточностей (в частности, относительно времени функционирования колонии), отчего версия о том, что Толстой мог выбрать конечной целью своего знаменитого ухода из Ясной Поляны Кавказ, более того – Лескен, выглядит неубедительной. Но вот колония толстовцев, обосновавшихся в окрестностях Нальчика, осенью 1910 года еще существовала.

Итак, предоставим слово К. Чхеидзе: «Неподалеку от осетинского селения Лескен (оно лежит на границе Осетии с Кабардой) в годы перед Мировой войной некоторое время существовала «трудовая община» толстовцев. Она почти целиком состояла из интеллигентных людей, и при этом далеко не бедных. Толстовцы приобрели большой участок плодородной земли, построили временные деревянные домики – строили их приглашенные рабочие. Закупили необходимое оборудование, скот, домашнюю птицу и пр. Выписали много журналов, например, «Справочник сельского хозяйства», «Памятка садовода». Журналы выписывались и на иностранных языках, так как хозяйство решено было вести на самом высоком техническом уровне. Много споров разгорелось относительно того, какие именно культуры следует выращивать. Но никаких споров не вызвали два главных принципа: что они будут «есть хлеб свой в поте лица своего» и что излишняя прибыль будет употреблена на благотворительные цели, прежде всего на издание и распространение сочинений их учителя жизни, Льва Толстого. Первые год-два они действительно работали, и если результаты оказались плачевными, то – как они себя успокаивали – толь-

ко вследствие малого опыта. «А вот дальше дело пойдет на лад». Однако дело «на лад» не пошло. Участники общины по разным причинам не выходили в поле на работу, ограничиваясь тем, что ухаживали за садиками, смотрели за скотом. Продукты питания пришлось покупать у соседей. Начались недоразумения, кое-кто вышел из общины, упрекая оставшихся в нерадении. Когда ушедших стало больше, чем оставшихся, община распалась. Обо всех этих делах не раз говорилось в доме Александры Ивановны Никольской, которая всегда неодобрительно отзывалась о толстовцах и говорила, что «они жуют траву». А. Ив добавляла, что сначала толстовцы хотели купить землю у нее, но она отказала, потому что не могла бы наблюдать «все это баловство» на своей земле. Толстого-писателя она ценила очень высоко.

Возможно, что когда Л. Н. Толстой ушел из Ясной Поляны и говорил доктору Маковицкому, что собирается уехать на Кавказ, он имел в виду именно общину, обосновавшуюся около Лескена.

Тогда она еще существовала. Однако, это только предположение».

Нальчик, ул. Воронцовская (Кабардинская). 1920-е

КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДАДИАНИ

В конце восьмидесятых годов я был студентом.

Окончив гимназию, мы не верили ни во что. Предполагалось, что в университете мы выработаем свои убеждения, свои верования и во имя этих верований будут работать и жить.

Мне посчастливилось: я имел возможность встречаться с некоторыми выдающимися по своему уму людьми. Многие из них принимали самое деятельное участие в реформах шестидесятых годов. Их беседы были полны интереса, ума; они будили мысль, наталкивали на всевозможные вопросы, но одного я тут не находил – это веры во что-нибудь, во имя чего стоило бы жить. Казалось, что люди живут разумной жизнью только по инерции. Но мы не начинали еще жить, а потому жить по инерции мы не могли, а для чего жить – мы не знали. Слишком мало давали нам и писатели, и публицисты того времени *. Все это было или переливание из пустого в порожнее, или самое безнадежное уныние. Может быть, на самом деле было и не так, может быть, у всех этих людей, переживших шестидесятые и семидесятые годы, и была вера во что-нибудь и были убеждения, но только мы не видели ни этой веры, ни этих убеждений. Нам надо было найти что-то свое, без чего жизнь казалась невозможной. Но найти мы не могли и с отчаянием в душе видели, что нет никого, кто помог бы нам. Нам не на кого было надеяться. Таково было мое настроение и многих из моих товарищей в то время, когда наше внимание было привлечено новым течением мыслей Л. Н. Толстого. Он тоже не мог жить без веры и, сознавшись себе, что не знает во имя чего живет, он со всею свойственною ему страстностью стал искать истины и веры.

Ни положительная наука, ни метафизика не могли удовлетворить его, и потому он обратился к тем, кто никогда не знал никакой науки, – к народу.

«Надо понять душу народа, надо суметь переселиться в эту душу, чтобы понять, во имя чего этот народ живет и страдает – так писал Толстой, – а чтобы понять народ, надо отказаться от своей барской жизни, надо признать ничтожным, ничего не значащим свой ум со всеми его знаниями и, самое главное, надо жить жизнью народа и вместе с ним нести его тяготы. Это был тяжелый, тернистый путь; но на этом пути мы надеялись найти истину и веру, во имя которых стоило бы и хотелось бы жить. И мы вступили на этот путь.

* Обращаем внимание читателя на то, что автор говорит здесь лишь о настроении кружка, к которому он принадлежал, и редакция не видит нужным, так сказать, ни обобщать этого настроения, ни выдавать мнение автора за господствующее в обществе 80-х годов. – *Ред.* (М., 1905).

Много хорошего я пережил и много встречал я на этом пути хороших, сильных людей. Большинство из них живы и сейчас. Многие там и остались, и так сроднились с тяжелой жизнью народа, что другой жизни не могут себе и представить. Про этих людей нельзя было бы сказать, что у них нет веры. Только очень сильная вера могла дать им силу идти по их тернистой дороге.

Думая об этих людях, я с чувством особенного уважения вспоминаю всегда о Георгии Александровиче Дадиани.

Дед Г. А. был владетельным князем Мингрелии. Раннее детство Г. А. провел, согласно существовавшим тогда обычаям его страны, в семье своей кормилицы. Я не раз слышал от Г. А., что его молочные братья и сестры гораздо ему дороже и ближе, чем его родные братья. Дома ему пришлось пожить недолго; вскоре его отдали в кадетский корпус. Из этого корпуса он вынес, по-видимому, мало хорошего.

«Что я знаю, – часто говаривал он, – ничего, решительно ничего; вот разве, что в лошадях толк понимаю». Я никогда не слышал, чтобы Г. А. помянул добром этот корпус.

Вот каков был багаж, с которым кадеты выходили в жизнь. И эта жизнь была такова, что Г. А. не мог оглянуться на нее без ужаса. Он пережил и мирное, и военное время, участвовал в двух кампаниях.

«Вздор говорить, – так нередко рассказывал он, – будто бы во время сражения не страшно. Нет, страшно, очень страшно».

Вообще же о своей прошлой жизни Г. А. рассказывать не любил.

«Нечего рассказывать, – обыкновенно говорил он, – разврат и пьянство, и больше ничего». Он занимал видный пост в Тифлисе, имел чин подполковника, большие связи, знатную и богатую родню – одним словом, блестящая карьера, которой всякий позавидовал бы, делалась сама собою. Так прожил он почти до сорока лет. Ничто не мешало легкой, приятной жизни, которую вел Дадиани. Быть может, он был бы теперь уже генералом или где-нибудь губернатором, если бы не встретил на Кавказе одного ссыльного, своего старого товарища и сослуживца *.

История этого человека очень любопытна и поучительна. Принадлежа к высшему, знатному кругу общества, он был военным и, имея огромные связи при дворе, быстро делал карьеру. Но вот на войне ему случилось как-то особенно удачно убить одного из неприятелей. Я не помню подробностей, как именно это случилось, но знаю, что все его за это очень хвалили и превозносили. А он сам между тем был в глубоком раздумье: «Он убил человека – и все его хвалят, как будто бы он сделал что-то хорошее». И тогда в душу его закралось сомнение в истинности общепринятых убеждений и верований. Он был из тех людей, убеждения которых никогда не расходятся с их жизнью. Начавшийся в нем душевный процесс заставил его бросить службу и старую жизнь. Сначала он поселился в родной деревне, где, продав почти даром всю свою землю крестьянам, стал сам жить крестьянской трудовой жизнью. Но он не умел и не хотел ни от кого скрывать своих мыслей и в результате очутился в Закавказье, где и встретился с Г. А., и вот эта-то встреча открыла Г. А. глаза. Вся его жизнь, вся его карьера вдруг представились ему чем-то нелепым, ужасным, ненужным: «Бежать, бежать от этой жизни если не для себя, то

* Речь идет о князе Дмитриии Александровиче Хилкове. – *Изд.*

хоть для детей, вырвать их из этого омута». Ушел он не сразу. Некоторое время он еще продолжал служить. Но прежняя светская жизнь с выездами и приемами уже прекратилась. Г. А. сделался вдруг как бы ходатаем перед высшим начальством за угнетенных, слабых и обиженных.

Он обладал в большой степени способностью держаться просто и ласково как с людьми, стоявшими много ниже его по общественному положению, так и с людьми, стоявшими выше его в этом отношении. Среди людей, за которых он ходатайствовал, например среди сектантов, Г. А. приобрел много друзей, которые всегда относились к нему с самой глубокой благодарностью, выражавшейся наивно и просто. Так, например, уже несколько лет спустя эти сектанты прислали ему для посева какую-то особенную пшеницу, и это несмотря на то, что сами находились в очень бедственном положении.

Быть может, роль ходатая примирила бы его со своим положением, но мысль о детях не давала ему покоя. Во что бы то ни стало решил он изменить свою жизнь. В своей жене, воспитанной и выросшей в том же высшем кругу общества, он нашел полную поддержку.

Высшее начальство сначала просто не хотело верить, что Г. А. выходит в отставку. «Как, бросить службу? Отказаться от столь блестящей карьеры? И ради чего же? – ради каких-то «туманных рассуждений», ради какой-то «философии» – это казалось начальству просто безумием и временным умопомрачением, которое, наверно, скоро пройдет. Но Г. А. решения своего не изменял; ни просьбы, ни уговоры – ничто не помогало; наконец на него махнули рукой и дали отставку.

«Подайте хоть просьбу о пенсии», – говорили ему. Но он и этого не сделал.

«Если я заслужил пенсию, – отвечал он, – то мне сами ее должны дать, а просить я не буду».

А между тем его материальное положение было очень тяжелое. Совместно с братьями Дадияни был обладателем многих тысяч десятин земли в Мингрелии, но раздела совершить почему-то было нельзя, продать этой земли тоже было нельзя, а доходов братья с земли ему никаких не высылали, быть может, потому, что Г. А. не умел на этом настаивать. И так, когда он вышел в отставку, у него была семья на руках и всего две тысячи рублей, принадлежавших жене.

На эти деньги Дадияни решили купить небольшой клочок земли и устроить хозяйство. Сначала он поселился вместе со своим старым другом, тем самым, встреча с которым так повлияла на всю его дальнейшую жизнь. Но вскоре этот последний был переведен с Кавказа в Прибалтийский край. За короткое время, проведенное в совместной жизни с товарищем, Г. А. успел научиться работать и смотрел в будущее смело и уверенно.

Осенью 1895 года Г. А. приехал в Нальчик*. Тут, в Нальчике, я с ним и познакомился. Г. А. производил впечатление очень простого, скромного, спокойного и вместе с тем очень твердого человека; таковым он был и на самом деле, как убедился я впоследствии, сойдясь с ним ближе. Но, кроме того, это был необыкновенно правдивый и очень добрый человек. Впрочем, об этом после.

* Местечко на Северном Кавказе.

В Нальчике в то время жила семья С-вых*. С-в еще юношей работал у Энгельгардта и с тех пор никогда не переставал жить жизнью простого крестьянина. С-вы хотели купить землю где-нибудь на Северном Кавказе и в Нальчике жили только временно, пока не найдут чего-либо подходящего.

Было решено, что Дадияни купят землю вместе с С-выми, но во избежание лишних трудностей каждая семья будет жить в отдельном доме, своим отдельным хозяйством.

К этой компании присоединился я и еще кое-кто из знакомых. Я в это время шел уже *другими путями* и в покупке земли участвовал «так себе», на всякий случай.

Найти подходящую землю было очень трудно. Хотели, чтобы была хорошая, плодородная земля, чтобы был лес для дров, чтобы была хороша вода и чтобы местность была нелихорадочная. После долгих поисков, наконец, нашли участок земли, удовлетворяющий всем этим требованиям. Он был расположен в долине, в горах, покрытых чудными лесами. По нему протекала быстрая горная река, около берегов которой выходило множество ключей с прекрасной водой. В ясные дни открывался чудный вид на снеговые вершины. Местность была абсолютно нелихорадочная. Земля была хорошая – песчаный чернозем. Единственно, что могло огорчать компанию – это некоторая суровость климата, из-за которой не мог, например, вызреть виноград. Но красота местности, отсутствие лихорадок, обилие леса и воды так всех восхищали, что на это неудобство мало обращали внимания. Были еще и другие неудобства, но первое время и их совершенно игнорировали. Место было очень глухое: ближайшее осетинское селение было в четырех верстах, а ближайшее русское – в 30. Базар находился за 60 верст, а железнодорожная станция и почта почти в 50 верстах. К этим неудобствам надо прибавить очень дождливое лето и массу камней на полях; и то и другое, осложняя и затрудняя полевые работы, отнимало массу лишнего времени и труда, так что условия работы казались очень тяжелыми.

Участок купили зимой, а весной на нем уже поселились семьи Дадияни и С-вых. Все лето, пока не было отстроено домов, жили в наскоро построенных сараях. Только к осени перебрались во вновь отстроенные дома.

Небольшие деньги Дадияни ушли на покупку земли и устройство хозяйства. Началась трудная жизнь. Надо было быть и около дома: накормить и напоить скот, убрать навоз, навозить и наколоть дров, нанести воды; надо было и работать в поле. Работника принять было не на что. И вот Г. А. работает целый день, с раннего утра и до поздней ночи. И при такой работе он не может даже позволить себе хорошо питаться. За недостатком средств, хлеб ели не чистый пшеничный, а наполовину пшеничный, наполовину из кукурузной (маисной) муки, которая на Кавказе очень дешева; такой хлеб сначала кажется очень вкусным, но скоро приедается, к тому же он гораздо труднее переваривается, чем пшеничный; а между тем при отсутствии мяса и при недостатке молока (зимой случалось, что молока не было по целым месяцам), хлеб являлся главной основой питания, так что при самой напряженной работе Г. А. еще и недоедал, и недосыпал. Он не признавал к тому же

* Семья Владимира Ивановича Скороходова. – *Изд.*

никаких праздников, отдыхая только в случае болезни. И, несмотря на все это, я никогда не слышал, чтобы Г. А. жаловался на свою жизнь или пожалел о прежней, оставленной им жизни. По большей части, он был бодр, весел, добродушен и наслаждался своей жизнью прекрасной.

Никогда Г. А. не гордился своей жизнью подвижника, ему никогда и в голову не приходила мысль, что его можно считать подвижником. «Какая же заслуга в том, чтобы выбрать себе жизнь наиболее простую, здоровую, естественную и счастливую – и жить этой жизнью» – так не раз говаривал он.

Напротив, своих прежних сослуживцев и знакомых он считал добровольными жертвами их собственного безумия и искренне о том жалел.

Одевался Дадияни очень просто, почти по-нищенски: на голову летом, вместо башлыка, он наворачивал простое полотенце, находя это очень удобным, и не обращал никакого внимания на насмешки прохожих. Конечно, никому из них и в голову не приходило при виде этого более чем скромно одетого человека, что это родовитый князь и бывший полковник. На этой почве происходили иногда довольно любопытные эпизоды. Едем, например, мы с Г. А. на возу, навстречу едет налегке кабардинец. «Ну, сворачивай, что ли!» – кричит Г. А. «А ты, князь, что ли, что я буду сворачивать», – грубо отвечает кабардинец и нехотя, лениво уступает дорогу. «Конечно, князь», – кидает ему, смеясь Г. А. Кабардинец тоже хохочет. Или вступает на базаре Г. Д. в спор с торговцем, который хочет его надуть. В это время подходит кто-то из толпы и, обращаясь к Г. А., говорит: «Да что ты с ним споришь? Разве ты не знаешь, кто он? Ведь он отставной капрал!» – «Что мне капрал, – отвечает Г. А., – я сам полковник». – В толпе хохот.

Г. А., конечно, знал, что никто не поверит этим заявлениям и потому только и называл себя то князем, то полковником. Впрочем, иногда приходилось верить ему поневоле, и тогда получался неожиданный эффект.

Однажды на станции железной дороги около кассы Г. А. заметил, что жандармский унтер-офицер толкнул пассажира.

«Послушай, – обращается к нему Г. А., – ты поставлен здесь для порядка, а между тем сам же толкаешься». Конечно, жандарм вознегодовал: «Да ты кто такой? Да как ты смеешь мне выговаривать? Я тебя арестую; давай твой паспорт». Г. А. улыбается и спокойно отвечает: «Лучше не проси паспорт: стыдно тебе будет». Жандарм приходит в бешенство и кричит: «Давай паспорт, сейчас давай!» Г. А., не спеша, достает паспорт и подает его жандарму. Жандарм читает, бледнеет, вытягивается во фронт, делает под козырек и, заикаясь, лепечет извинения.

«Вот видишь, я говорил, что стыдно тебе будет», – замечает Г. А.

Вообще же Г. А. считал чем-то вроде оскорбления, когда его называли князем.

Однажды мы приехали с ним на почтовую станцию и, сидя на постоялом дворе, пили чай и благодушно беседовали. В нашей беседе принимал участие и хозяйский рабочий, который держал себя вполне просто и свободно. В это время подошел хозяин постоялого двора. Мне очень хотелось теперь же, вечером, получить почту, но я боялся, что начальник почтового отделения не захочет отдать почту до утра, и потому обратился к хозяину со словами: «Не можете ли вы сходить в почто-

вую контору и спросить начальника, нельзя ли прийти сейчас получить почту? – и, боясь получить отказ, тут же прибавил: – Скажите, что приехал полковник Дадияни». Услышав эти слова, работник вскочил и почтительно стал в отдалении. Г. А. очень огорчился и закачал укоризненно головой: «Ну, зачем вы это сказали? Видите, как это портит отношения между людьми...» – И он указал на стоявшего поодаль работника.

На словах Г. А. никогда не был особенно добр, но на деле чрезвычайно добр. Сам работая через силу, сам недоедая, он все-таки никогда не отказывался помочь соседу. Рядом с ним жил человек, у которого не было лошадей, который и работать хорошо не умел. Г. А. не раз бросал свою работу и помогал в работе соседу, не раз он пахал ему поле; если у соседа не было молока, то он делился с ним последним. Однажды, когда у соседа не было ни денег, ни хлеба, он повез с ним на своих лошадях продавать на базар картофель, бросив все свои дела.

Нельзя отрицать, что эта доброта стоила ему гораздо больше, чем доброта богачей, жертвующих от своих избытков на бедных. Г. А. буквально отдавал свою жизнь.

Доброта его простиралась и на животных. За своими лошадьми он ухаживал с замечательной заботливостью. Ему даже было как бы совестно перед ними, что он заставляет их работать, и он требовал от них только самую необходимую работу. Никогда не позволял он себе без надобности быстро ехать. Я уже упоминал, что от нас до почты было около 50 верст. С-в нередко проезжал это расстояние в 5 часов. Г. А. ездил всегда почти шагом, даже и тогда, когда был налегке. Надо было запастись громадным терпением, отправляясь с ним в дорогу; на сотованья нетерпеливого попутчика Г. А. только добродушно посмеивался.

Недавно одна его знакомая рассказывала мне следующий случай, очень хорошо характеризующий отношение Г. А. к животным:

Бросив службу, он пешком отправился из Тифлиса к своему приятелю, тоже ссыльному, о котором я упоминал. По дороге ему встречается крестьянин верхом на осле. Осел, вероятно, устал, выбился из сил и потому дальше идти не хотел, а крестьянин бил его немилосердно.

«Как тебе не стыдно? Как тебе не жаль бедного осла?» – обращается Г. А. к крестьянину. «А чего я буду его жалеть? – отвечает тот, – разве он мой брат?» – «Конечно, брат», – говорит Г. А., желая этим дать понять, что и осла надо жалеть, как брата. «Может быть, ты его брат, а не я брат осла...» – говорит уже несколько обиженный крестьянин. Видя, что никакие уговоры не помогают, Г. А. покупает у крестьянина осла, берет его за повод и ведет за собой. Идти было жарко, и вот он снимает мундир и надевает его на осла. Встречавшиеся люди, видя, что осел идет в мундире, а Г. А. в одной рубашке, изумлялись, а некоторые даже выражали сомнение, в своем ли он уме.

В то время, когда приобретали участок и устраивались на нем, я жил далеко в Центре России. Однако расстроенное здоровье детей и мое собственное побудили меня, бросив все, поселиться тоже на этом участке. Я выстроил небольшой домик недалеко от Дадияни и стал понемногу работать; старался, между прочим,

развести фруктовый сад. Фруктовый сад разводил и Г. А. и оказывал ему особенное внимание и заботу; на сад он возлагал большие надежды.

«Когда я умру, – как-то сказал он полушутя, – заройте меня под яблоней в саду». Никто из нас и не думал, что это будет скоро, слишком скоро.

Но перехожу к воспоминаниям. Итак, я поселился недалеко от Даддани и прожил тут около двух лет. Я уже упоминал, что моя жизнь в то время шла другими путями. На участке я жил в силу сложившихся обстоятельств, а не по убеждению. С-вым это было неприятно. Они хотели бы, чтобы на участке жили только люди, твердо убежденные в том, что земельный труд есть единственно нравственный и честный труд. На этой почве возникало много споров. Г. А. как человеку, только что вступившему на этот новый путь жизни, по-видимому, свойственно было бы быть наиболее нетерпимым, а между тем он, как раз наоборот, оказывался наиболее терпимым.

Он очень просто, бывало, говорил: «Посудите сами, что бы другое мог я делать: я уже почти старик, ничего не знаю и не умею. Я допускаю, что, будь я врач, я мог бы жить своим врачебным делом. Может быть, можно найти и другие столь же нужные для людей занятия, например труд учителя; но для меня нет другого выбора, кроме труда земледельца».

С глубокой благодарностью вспоминаю я эту широкую терпимость Г. А. Если бы и он относился ко мне так же, как С-вы, то жизнь моя на этом глухом участке была бы прямо невыносима.

Одним из самых трудных вопросов на участке был вопрос об умственном развитии детей.

Я настаивал на том, что руководить умственными занятиями детей должен человек, во-первых, специально к этому подготовленный, а во-вторых, человек материально обеспеченный и совершенно свободный от всякого другого труда. Не раз поднимался и обсуждался вопрос о том, нужны ли вообще специальные умственные занятия и если нужны, то в какой мере. С-вы относились к этому вопросу довольно беззаботно и больше склонялись к тому, что если и есть потребность сообщить детям какие-либо знания, то эти потребности они свободно могут удовлетворить своими силами, между делом. Этот вопрос возбуждал еще больше разговоров, чем вопрос о земельном труде. Я настаивал на том, что дети свободно сами должны выбрать свою дорогу в жизни, а для того, чтобы они могли сделать сознательный выбор, они должны получить наивозможно более широкое умственное развитие; они должны прежде всего научиться думать; а научить человека думать – это такая трудная задача, которой нельзя заниматься между делом.

Г. А. в этом вопросе не имел, по-видимому, никакого твердо установившегося взгляда. Однако этот вопрос его очень мучил. У него не раз вырывалась фраза: «Если бы у меня были средства, я пригласил бы к детям хорошего учителя».

Но средств не было не только на учителя, но и для покупки самого необходимого. И вот Г. А. вместе с другими берется за доставку брусьев на спичечную фабрику. После обеда почти все живущие на участке мужчины отправлялись в лес за восемь верст и тут накладывали на сани брусья, весившие каждый пудов 25 и более. С

этим брусьями возвращались домой, перекладывали их на колеса и в ту же ночь, часа в два, то есть почти не спавши, трогались в путь. А путь предстоял нелегкий. Брусья надо было везти за 30 верст по дороге, покрытой тонким слоем льда; по пути приходилось переезжать вброд реку. Река была всего в версте от дома, так что ее переезжали еще ночью. Пара лошадей не могла вывезти брусьев из реки (их накладывали два на каждую пару), и вот приходилось припрягать еще пару и так поочередно переправлять все подводы. Иногда лошади становились среди реки, и тогда приходилось слезать в воду, чтобы заставить их двинуться. Далее приходилось переезжать по узким мостам. Однажды Г. А. полетел вместе с брусьями с одного из этих мостов; только благодаря какой-то счастливой случайности он остался жив.

К ночи возвращались домой. День отдыхали, а потом опять то же.

Впрочем, этот ужасный заработок продолжался недолго: хозяин фабрики обанкротился, и требование на брусья прекратилось.

Эта работа, которая под силу только самому выносливому крестьянину и за которую взялся Г. А., показывала, во-первых, всю необыкновенную силу его воли, а во-вторых, то, что он уже сильно втянулся в трудовую жизнь. После этой работы никакая работа в поле не могла бы показаться тяжелой или трудной.

Л. Н. Толстой не раз высказывал вполне справедливую мысль, что человек не может держаться на одном уровне, живя нравственной жизнью. Он идет вперед по пути все большего совершенства или, наоборот, делает шаг назад. Г. А., променяв прежнюю легкую, внешне блестящую, но пустую жизнь на жизнь тяжелого труда и многих лишений, конечно, сделал громадный шаг вперед по пути нравственного совершенствования. Но как ни был велик этот шаг, поступательное движение вперед все-таки не могло продолжаться все время, безостановочно: для этого на нашем участке не было одного существенно важного условия, именно: широкого общения с людьми. В самом деле, борьба и нравственное усилие были необходимы лишь до тех пор, пока организм не приспособился к новым условиям существования. В те годы (40 лет), когда Г. А. вступил на этот новый путь, это приспособление должно было совершиться рано или поздно; должен был наступить тот момент, когда ручной труд делается потребностью организма, легким и приятным, сон становится настолько крепким, что и шесть часов сна достаточно освежает, а простая и грубая пища начинает казаться очень вкусной. Тогда жизнь подобная уже не требует нравственных усилий, она становится легкой и приятной, и, чтобы не идти назад, человек должен найти новые источники приложения своих нравственных сил, для того чтобы эти силы росли, а не слабели.

Не будет таких источников, и этот человек неминуемо почувствует громадную неудовлетворенность и не успокоится до тех пор, пока не найдет всем своим нравственным силам приложения. Именно такое душевное состояние переживал Г. А. летом 1900 года. Он уже привык к новой жизни. Если бы не подорванный непосильными трудами и многими лишениями организм, то эта жизнь шла бы сама собою, как бы по инерции, не требуя уже никаких особых усилий. Для приложения освободившихся нравственных сил недоставало, как я уже сказал, более широко-

го общения с людьми, участия в общественной жизни их. А между тем на нашем глухом участке это было невыполнимо. И Дадиани глубоко чувствовал неудовлетворенность. Он не раз заговаривал с женой о том, не переселиться ли им в свою родную Мингрелию.

Но как ему самому, так и всем его домашним было жалко покинуть это место, эту землю, на которую положено так много труда. Кроме того, переселившись в Мингрелию, они боялись оказаться чересчур нравственно одинокими.

Впрочем, спешные летние работы не оставляли много времени для размышлений. Но для меня несомненно, что рано или поздно Г. А. выступил бы на арену более широкой общественной жизни, и я даже не могу себе представить, до какой нравственной высоты он поднялся бы и как много внес бы он добра и света в жизнь, принимая во внимание его нравственную мощь и его страстное стремление к истине и правде. Но суждено было иначе.

В октябре (числа, к сожалению, не помню) 1900 года Г. А. вместе со С-вым поехал на базар. Когда он уезжал, никто из остающихся, конечно, и не думал, что видит его в последний раз. Всю дорогу и на базаре Г. А. чувствовал себя вполне хорошо. Но, приехав с базара на постоялый двор, он вдруг почувствовал внутри страшную резь. Привезли фельдшера, но этот бывший ротный фельдшер сделал только хуже; послали за доктором; но доктор приехать не считал возможным; а между тем мучения Г. А. становились прямо ужасными; он только повторял: «Господи, скорее бы конец». Послать за семьей он не позволял; ему, вероятно, не хотелось увеличить ее горе, сделав ее очевидцами таких огромных страданий. Промучившись 27 часов, он вдруг затих на несколько минут, потом открыл глаза, попрощался со С-вым и тихо умер. В то время, как он затих, С-в подумал про себя: «Прощается с семьей». Это было в 11 часов ночи.

На другой день, рано утром, С-в, уложив на фургон тело Г. А., помчался домой.

В тот день сын Г. А., проснувшись, спросил мать: «Приехал ли папа?». Та ответила, что приехал, потому что она ясно слышала в 11 часов ночи, как подъехал фургон и как Г. А. взошел на крыльцо, но, постояв около двери, не вошел в дом, а пошел прочь; наверное, он не захотел ее будить и пошел ночевать к С-вым. Она сильно изумилась, когда оказалось, что ни С-в, ни Г. А. еще не приезжали. Излишне говорить о том, как велико было горе семьи, когда С-в примчался с телом Г. А.

Судебно-медицинское вскрытие обнаружило непроходимость кишечника. Во время оказанная разумная медицинская помощь могла бы его спасти.

Смерть Г. А. была подобна жизни в последние годы. Он жил, как живет всякий бедный крестьянин, и умер, как зачастую умирает крестьянин и рабочий, только потому, что не оказана медицинская помощь: одинокий, вдали от своей семьи.

Его тело похоронили в саду, под яблоней. Мир праху твоему, большое сердце!

Аладмир Рахманов

К правде. М., 1904; Для интеллигентных читателей. М., 1905. Вып. 129. – 20 с.

ИЗМАИЛ, ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПЛЕАДЫ

Эта история, будь она опубликована в советское время, стала бы ярким примером интернационального воспитания. Но сегодня она свидетельствует прежде всего о другом: судьбы жителей нашей республики – кабардинцев, балкарцев, русских – настолько сильно переплетены, проросли корнями в живую людскую плоть, что попытаться разорвать их, отделить друг от друга – значит покуситься на самое святое – жизнь человеческую...

Фамилия Урусбиевых – для Балкарии знаковая. Более того, она «бесспорно принадлежит к числу тех немногих туземных фамилий, которые приобрели почетную известность далеко за пределами родных гор и России, – писал известный русский путешественник В. Дубянский в пятигорском вестнике «Кавказские курорты» (1917. № 10). – Мы не знаем ни одного капитального труда среди посвященной высокогорному Кавказу и району Эльбруса отечественной и иностранной литературы: английской, итальянской, немецкой, французской, где бы не упоминалось с признательностью о покойном князе Измаиле, свидетеле времен покорения Кавказа, или о его достойном наследнике, ныне здравствующем князе Наурузе Измаиловиче, никогда не отказывавших в радушном гостеприимстве и просвещенном содействии заброшенным в самое сердце Центрального Кавказа ученым-путешественникам».

Действительно, литературные источники, в которых упоминается об этих представителях рода Урусбиевых, столь многочисленны, что впору выпускать специальный библиографический указатель. А вот еще об одном Измаиле, по большому счету последнем из этой славной плеяды, – сыне Асланбека (Александра Александровича), внуке Мирзакула Исмаиловича Урусбиева, известно очень и очень немного. Прежде всего, то, что он первым в Кабардино-Балкарии занялся издательским делом, открыв в 1908 году в Нальчике типографию. (В нашем архиве имеется одна из выпущенных в ней брошюр – отчет, как бы сейчас сказали, о том, как 13 июня 1913 года происходило «Торжество закладки здания для Нальчикского реального училища» – того самого, где размещается сегодня медицинский факультет КБГУ.)

Из исследований Тамары Биттировой можно узнать, что интересующий нас «Измаил Урусбиев родился 15 февраля 1874 года, окончил курс

Слева направо: С. И. Танеев (сидит), М. М. Ковалевский, И. М. Урусбиев (сидит), Суюнчев (?), Н. К. Михайловский, И. И. Иванюков. Фото Д. И. Ермакова. 1885

Владикавказского реального училища, имел звание штабс-капитана, был известен как музыкант (прекрасно играл на флейте, руководил музыкальным кружком) и умер молодым. После его смерти типография была продана женой Измаила Екатериной Константиновной в 1912 году К. М. Львову». Вот практически и все.

Сегодня эти отрывочные сведения мы имеем возможность значительно расширить и уточнить, благодаря сохранившимся, правда, весьма схематичным – всего несколько страничек! – воспоминаниям упоминаемой выше Екатерины Константиновны, записанным полвека назад Ляной Карачаевной Блаевой (Шауцуковой). Судьба Е. К. Венеровской, внучки знаменитого донского казачьего атамана, заслуживает особого разговора, и мы еще вернемся к ней. А пока вот что вспоминала она о своем муже Измаиле Александровиче Урусбиеве и его родственниках.

Отец Измаила Александр жил в Санкт-Петербурге, принял православие, женился на Клавдии Матвеевне Егорской – особе, приближенной к царскому двору, имевшей высшее образование. Служил в царском конвое. В чине подполковника умер от воспаления почек в 1903 году во

Владикавказе. Было у него два сына – Измаил (старший) и Сергей. Сергей был весь в отца – высок, статен, красив и пошел по его стопам – служил в царском конвое. Завершил свой жизненный путь, как и родитель, там же, во Владикавказе, умер от туберкулеза спустя всего четыре месяца после смерти отца. У Сергея Урусбиева остался сын, эмигрировавший впоследствии в Америку.

Измаил Урусбиев, по сведениям Екатерины Константиновны, действительно учился во Владикавказском реальном училище, мечтал о поступлении в Горный институт, что в Санкт-Петербурге, но отец воспротивился, не отдал документы и настоял на поступлении в Киевское военное училище. Из училища Измаил вышел в звании подпоручика и был направлен в Хасавюрт – в Ширванский полк Его Величества. На обеспечение в полк необходимо было внести взнос в размере 5 тысяч рублей, которых у Измаила не было, и его мать ездила в Санкт-Петербург хлопотать о помощи (выдаче земельного участка).

Караульный батальон Ширванского полка пребывал в станице Екатериноградской, где Урусбиев и познакомился с Екатериной Венеровской – девицей видной, статной, пользовавшейся вниманием молодых офицеров. Особенно нравилась она Александру Моргунову. Что только он ни предпринимал, чтобы привлечь внимание молодой казачки, но его предложения руки и сердца не находили отклика. И тут появился Измаил. На редкость музыкально одаренный – одинаково хорошо играл на фортепьяно, виолончели, скрипке, флейте, цитре; всесторонне развитый – читал много, памятью обладал феноменальной, буквально сыпал цитатами из классиков; да к тому же ироничный, неугомонный, склонный к веселым розыгрышам, он, по понятным причинам, сразу оказался в центре внимания женского населения Екатериноградской.

Увидев Екатерину Венеровскую и узнав о чувствах к ней сослуживца Моргунова, уверенно заявил: «Я его отошью!». Трудно представить это слово в офицерском лексиконе, но в воспоминаниях приведено именно оно. По своей скромности Екатерина не поделилась подробностями, как разворачивался их роман, но, судя по всему, был он стремительным и зажигательным. Ухажер Моргунов и опомниться не успел, как лишился шансов на взаимность. Тем не менее, выбрав момент, когда Урусбиев отсутствовал в батальоне, он пришел к гордой казачке и предложил забыть про Измаила, бросить все и уехать за границу. А получив очередной и решительный отказ, напоследок бросил: «Я в жизни не женюсь, но и вам счастья не будет».

Как выяснилось впоследствии, его слова оказались пророческими. Александр Моргунов, так и не женившись, погиб в 1908 году во время происшедшего в полку солдатского бунта. Всего на четыре года его пережил

Измаил. Но до этого в жизни Урусбиевых было несколько спокойных семейных лет. В том же трагичном для их семьи 1903 году, когда умерли отец и младший брат, Измаил добился во Владикавказе освобождения от военной службы по болезни. Вначале Урусбиевы устроились в Пятигорске, но, прожив там всего лишь год (дела не складывались), переехали в Нальчик. Здесь в 1905 году у них родился сын Евгений.

Но и в Нальчике судьба не была благосклонна к Урусбиевым. Пробовал глава семейства себя во многом, но успеха, тем более богатства не снискал. Отдушиной была музыка. Играл сам, организовывал музыкальные вечера – в опубликованных в северокавказских газетах («Кавказ», «Терские ведомости», «Пятигорский листок») постоянно встречается его фамилия. Более того, «Терские ведомости» (№ 11 за 1905 год) сообщают о создании И. Урусбиевым в слободе Нальчик музыкального кружка, состоящего – ни много ни мало – из 18 музыкантов, игравших на гитарах, мандолинах, балалайках...

Очень большие надежды связывал Измаил с издательской деятельностью. С огромным трудом (в архиве сохранилась его переписка) пробил разрешение на открытие типографии. Заняв деньги, приобрел оборудование, нашел подходящее помещение (в сохранившемся и ныне двухэтажном здании на углу улиц Кабардинской и Малокабардинской, в котором впоследствии размещалось Управление сельского хозяйства республики и еще полвека ржавели типографские машины). Измаил не только содержал типографию, но и сам работал в ней, мечтал издавать не брошюры и открытки, а книги, более того – свою газету.

Но не сложилось. 8 февраля 1912 года он скончался, оставив долгов на семь тысяч. Чтобы рассчитаться с ними, Екатерина Константиновна продала все музыкальные инструменты, фамильные драгоценности. Мечтала унаследовать типографию – ездила хлопотать во Владикавказ к начальнику округа (так в воспоминаниях, на самом деле начальник округа располагался в Нальчике), а тот, выслушав ее – молодую женщину, столь эффектно выглядевшую в траурной вуали, – стал уговаривать... выйти замуж.

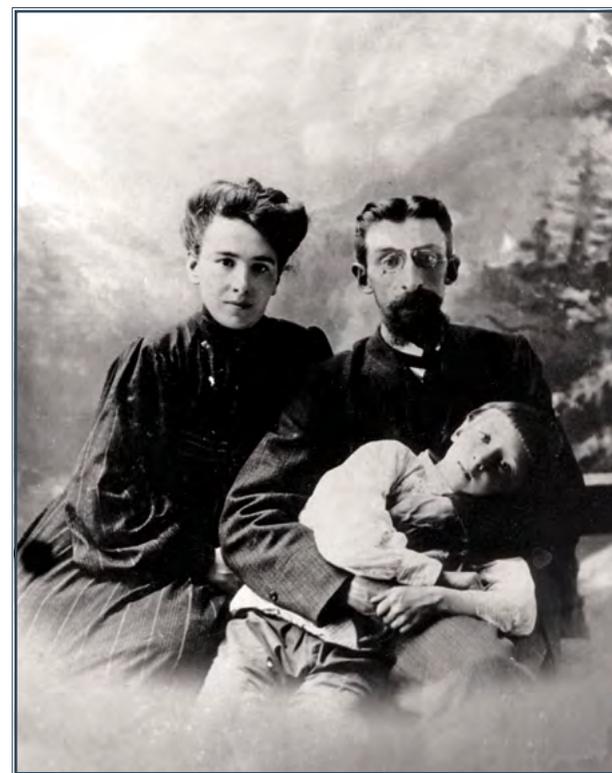
– Я приехала к вам не хлопотать себе жениха! – Екатерина Константиновна так хлопнула рукой по столу, что перчатка порвалась. Естественно, в наследовании типографии было отказано – ее продали некоему Львову, офицеру в отставке, несмотря даже на то, что он не имел соответствующего разрешения.

Измаил Александрович Урусбиев был похоронен в Нальчике – на старом кладбище, что некогда располагалось в центре города (в конце улицы Шогенцукова), а впоследствии было частично (воинские захоронения) перенесено, а частично (гражданские могилы) вывезено с грунтом или ушло под многоэтажные дома. А так как железная ограда могилы Урусбиева еще

зadolго до этого была кем-то украдена, а его супруга уже умерла, то прах первого издателя Кабардино-Балкарии исчез бесследно.

Как оказалось впоследствии, именно в 1912 году завершилась судьба одной из ветвей рода Урусбиевых. Евгений, сын Измаила и Екатерины, мобилизованный событиями Гражданской войны из пятого класса реального училища на фронт – в 13 лет! – пропал без вести в смутном для нашего края 1918 году.

Что касается Екатерины Константиновны, то она пережила своего мужа более чем на пятьдесят лет. Жизнь этой мужественной, сильной, уравновешенной и необыкновенно доброй женщины, оставившей яркий, заметный след в судьбах воспитанников ее домашнего пансиона, была долгой и трудной (она умерла в Нальчике в 1963 году). Но это уже другая история...

Измаил Урусбиев с супругой Екатериной и сыном Евгением. 1911

ЕКАТЕРИНА УРУСБИЕВА, КАЗАЧКА

Супруга Измаила Урусбиева, Екатерина Константиновна, происходила из старинного казачьего рода Венеровских. О есауле Леонтии Венеровском неоднократно упоминает автор знаменитого пятитомного труда «Кавказская война» В. А. Потто. Дед Екатерины – Стефан Александрович Венеровский, родившийся в 1828 году и скончавшийся в начале XX века, происходил из дворян Кавказского линейного казачьего войска. Начав службу простым казакком в Горском полку, он дослужился до генеральского чина, был атаманом Уманского отдела, командовал Екатериноградским казачьим полком, назначался атаманом Темрюкского и Ейского отделов. Женат был на Аграфене Осиповне Грабовой, дочери протоиерея, подарившей ему двух сыновей, Георгия и Константина, и двух дочерей, Марию и Ольгу.

Константин Венеровский, отец Екатерины, также был офицером, служил в Управлении Пятигорского отдела Терского казачьего войска. Известно, что у него было двое детей: дочь Екатерина и сын Дмитрий, который участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, став на сторону Белого движения. Есаул Д. К. Венеровский эмигрировал, свои последние годы жил во Франции, где и скончался в 1983 году.

О судьбе сестры он ничего не знал, а она, судьба, не даровала радостей и удач. Потеряв в 1912 году мужа, Измаила Урусбиева, оказавшись в положении, когда не от кого было получить помощь, она не пала духом, занявшись тем, что умела и знала – воспитанием подрастающего поколения, открыв первый в Нальчике «домашний пансион». Располагался он в самом старом, как утверждает мемориальная табличка, в республике доме по улице Суворова, 2, том самом, где в XIX веке находилось Управление Центра Кавказской линии. Это двухэтажное здание с колоннами и балконом, доживающее ныне последние дни и всем своим убогим внешним видом характеризующее отношение власть предержащих к прошлому, известно так же, как «дом Голицына». Именно в нем Е. К. Урусбиева арендовала несколько комнат.

Через пять с половиной лет к Екатерине Константиновне постучалась новая беда – сын Евгений, тринадцатилетний мальчик, бесследно сгинул в горниле Гражданской войны, бушевавшей в 1918 году на просторах России. О его гибели сохранилось две версии: по одной – Женя был расстре-

лян красноармейцами как потомок знатного рода, по другой – пропал без вести.

Нам мало что известно о том, как пережила это горе молодая симпатичная женщина, которой было немногим за тридцать. Гордая натура, аристократка по духу, своими бедами и болями она ни с кем не делилась, нося их внутри. Только портрет сына Женечки, необыкновенно красивого мальчика с золотистыми локонами, провисевший над ее кроватью четыре с половиной десятилетия, был свидетелем неизбывных слез матери.

О том, как складывалась дальнейшая судьба Екатерины Константиновны, нам известно из записей Ляны Карачаевны Блаевой, в замужестве Шауцукковой. Но вначале несколько слов о ее отце – Карачае Блаеве, сыгравшем заметную роль в жизни вдовы князя Измаила Урусбиева. В вышедшей в нашем издательстве «Книге памяти жертв политических репрессий» среди 5277 персоналий есть и его фамилия. Карачай Мисостович Блаев родился в 1890 году в селении Булатово (Терекское), происходил из узденей, что в советское время стало для него смертным приговором (26 июля 1937 года его расстреляли за участие в мифической антисоветской троцкистско-зиновьевской организации).

После окончания Нальчикской горской школы Карачай работал учителем в Муртазово (Терек), инструктором-методистом Нагорного района Кабардино-Балкарии. Его имя среди первых национальных драматургов. В 1927 году от коллег по работе Карачай услышал о пансионе Екатерины Урусбиевой и привез к ней двух своих дочерей, Фузу и Ляну, дабы подготовить их к школе и обучить русскому языку. Это решение стало поистине судьбоносным практически для всех его участников: для Екатерины Константиновны, обретшей верных и надежных спутников до конца ее жизни: для Фузы и Ляны Блаевых, получивших блестящее начальное образование – стартовую площадку их знаковых судеб. Фуза Блаева (1915–1992) – имя-легенда, знаменитый врач-офтальмолог, вернувшая радость видеть мир тысячам жителей Кабардино-Балкарии, общественный деятель. Ее сестра Ляна, по мужу Шауцуккова (1917–1992), также стала известным врачом, крупным ученым (она автор более 90 научных работ), всесторонне развитой личностью.

Но все это будет спустя годы, а пока идет 1927-й, две маленькие кабардинские девочки – скромные, тихие, застенчивые – переступают порог пансиона.

Карачай Блаев

Вот как вспоминала об этих днях Ляна Блаева: «Когда отец привез меня и Фузу в город на учебу и поселил у Екатерины Константиновны, сестру (она постарше) приняли во второй класс, мне же предложили начать с первого. Но, испугавшись остаться одной, я, дикаренок, ухватилась за юбку Фузы и не отпускала ее ни на минуту. Пришлось Екатерине Александровне отвести нас обеих во второй класс к русской учительнице с большим педагогическим опытом Варваре Петровне Боканеевой. Учиться мне настолько понравилось, что уже в скором времени я вошла в число лучших учениц, более того, Варвара Петровна стала поручать мне вести занятия с классом – диктовать, читать вслух, называя при этом «звездой Венерой класса». В нашем пансионе учился Али Шукаев, Женя Дзугурова, множество других ребят и девочек.

В детстве я часто болела: ангина, корь, малярия – болезни сменяли одна другую, и выхаживала меня тетя Катя, передавая, как я сейчас понимаю, всю свою нерастрченную материнскую нежность. Она была необыкновенно добрым человеком, никогда не повышала голос, всегда оставалась спокойной. Мы прожили у нее пять незабываемых лет – с 1927-го по 1932 год».

А дальше случилось то, что и должно было случиться и что отличает по-настоящему благородных людей. В 1933 году Карачай Блаев купил в Нальчике небольшой дом по улице Маяковского, где поселил свою вторую жену (мать Ляны и Фузы – Фатима Альмова, правнучка Шоры Ногмова, одна из красивейших женщин Кабарды, к этому времени умерла) и двоих младших детей. Две комнатки в этом доме он отдал Е. К. Урусбиевой, сказав жене Нальжан такие слова: «Мы многим обязаны Екатерине Константиновне. Во всем мире у нее нет ни одного близкого человека. Мы будем этими близкими; пусть она живет с нами до конца жизни».

Слова отца стали своего рода завещанием для его дочерей – Фузы и Ляны. Вплоть до последних дней Екатерины Константиновны Блаевы считали ее членом своей семьи, обеспечивая всем необходимым (одеждой, обувью, питанием), осуществляя работы по дому (стирку, отопление, уборку). Каждый месяц, получив свою скромную пенсию, тетя Катя приезжала к ним в гости. Всегда с гостинцем – халвой. К окончанию школы подарила своей любимице Ляне часы, первые в ее жизни.

Чем еще запомнилась Блаевым Екатерина Константиновна? Аристократическими манерами, умением постоянно держать себя в форме (свои красивые белоснежные волосы до последних дней накручивала на бумажные папильотки), человеческой открытостью, радушием и хлебосольством. Она любила угощать, замечательно готовила, знала великое множество старинных кулинарных рецептов, собрав их в специальную тетрадь.

Еще она великолепно вышивала (вышивки эти сохранились), любила старинную музыку.

Прожив большую часть жизни при советском строе, по большому счету она его так и не приняла – чего стоит одно ее обращение к близким во время бомбежек немцами Нальчика: «Господа, господа! Все в окопы!». Когда при ней возник разговор, как лучше расставить столы для приема гостей – буквой «Г» или буквой «Т», – ответила твердо: «Господин лучше, чем Товарищ». По большому счету она действительно всю свою жизнь оставалась госпожой – в лучшем, высоком смысле этого слова.

И вновь строчки из воспоминаний Ляны Блаевой:

«29 января 1957. Тетя Катя – старый друг и воспитательница. По доброте своей, сердечному, бескорыстному отношению ко мне и моим детям с

Слева направо: Екатерина Урусбиева, Пауша Блаева, учительница, Ляна, Нальжан (вторая жена Карачая). Нижний ряд: Равида (младшая дочь Карачая), Фуза, Руслан (сын Карачая)

Ляна Блаева

ней некого поставить рядом. Она уже старенькая, часто ее одолевает старческий недуг, но, к счастью, болезнь ее внутренних достоинств не губит. А седина и морщины только украшают старость».

«4 декабря 1963. Вчера на 80-м году жизни умерла от пневмонии Екатерина Константиновна Урусбиева, наша добрая тетя Катя. Пару месяцев назад по нашей просьбе она была госпитализирована в больницу Совета министров, где ей был обеспечен хороший уход. Специально выделенная главным врачом няня Фатима Хамукова ежедневно по утрам доставляла от нас любимые блюда. Вот-вот должны были тетю Катю выписать. Сделали уборку в ее комнатках,

постирали, проветрили одежду, протопили печь, но...

Сегодня, мы ее похоронили (могила № 6677). Пришли все любившие и уважавшие ее люди – Шауцуковы, Блаевы, Тимофеевы, Бариевы, Урумовы. Прощай, бедная тетя Катя, мир тебе и покой. Память о тебе мы сохраним. Прости, если когда-нибудь причиняли огорчения. Ты была достойна хорошего человеческого отношения».

Так завершился жизненный путь княгини Екатерины Урусбиевой.

А поведать биографию ее и Измаила нам помогли сведения, почерпнутые из великолепного биографического сайта, подготовленного Лейлой Шауцуковой, дочерью Ляны Блаевой. Судьбы рода Блаевых и близких им людей воссозданы на нем с такой любовью, что не могут не вызвать добрых ответных чувств: ожившая память не просто просвещает, она воспитывает, прививая гордость за деяния предков.

ВЫСШАЯ МЕРА КОНСТАНТИНА ЧХЕИДЗЕ

Имя К. А. Чхеидзе (1897–1974), к сожалению, мало известно в России, его многочисленные труды – романы, повести, рассказы – только в последнее время возвращаются к читателю.

Кто же такой Чхеидзе? Он родился в городе Моздоке, «в семье, как впоследствии писал в автобиографии, традиционно военной и традиционно служащей в кавалерии». Отец его был грузин, католик, мать – русская, православная.

Дальнейшие этапы его жизненного пути – окончил корпус, военное училище, Кабардинский полк, который осенью 1917 года вернулся на родину, в Нальчик. Затем участие в «борьбе белых и красных», эмиграция – «с 1922-го по осень 1923 года был простым рабочим в Болгарии. Переменил 14 профессий. Был дровосеком, кочегаром, грузчиком на вокзале, рабочим на кирпичном заводе, землекопом и т. д.».

Константин Чхеидзе. 1919

В 1923 году Константин Александрович переходит границу Чехословакии, обосновывается в Праге, где поступает на Русский юридический факультет. Начинает писать, буквально с первых строчек определив главную тему своего творчества – Кавказ. Этому выбору он останется верен до конца жизни – практически все произведения Чхеидзе написаны на кавказские темы, в основе которых как реальные события, так и фольклорные сюжеты.

Первая книга – «Страна Прометей» – вышла на русском языке в Шанхае в 1932 году, в 1933-м она издается в Праге на чешском, но только спустя 70 лет становится известна российскому читателю – в 2004 году наше издательство переиздало это одухотворенное повествование о людях Кабарды и Балкарии, их менталитете, образе жизни; взволнованный рассказ о природе, достопримечательностях горного края.

Первая часть книги – «Горы и горцы» – целиком посвящена Балкарии: ее народу, нравственным ценностям, духовным ориентирам, знаковым личностям. Вторая часть – «Затурбек» – описывает события Гражданской

Константин Чхеидзе

войны в Кабардино-Балкарии, поданные через призму биографии З. А. Даутокова-Серебрякова, яркого противника большевиков, в глазах которых он был «бандитом», «висельником», «палачом кабардинского народа». Чхеидзе же создает образ неординарного, разносторонне талантливого человека, вихрем революционных потрясений ставшего в первые ряды противоборствующих советской власти сил; фигуры как знаковой, так и трагической.

Все прошедшие после выхода «Страны Прометея» годы мы искали возможность продолжить знакомство с творчеством писателя. Это оказалось невероятно сложно – наследие Чхеидзе разбросано по архивам, существует в рукописных вариантах, многие произведения остаются невыявленными; очень непросто оказались материальные вопросы. И все-таки многочисленные трудности были преодолены – в 2010 году вышел в свет сборник «Крылья над бездной». В него вошел одноименный роман-сказ, написанный в 1942 году и так и не пришед-

Общий вид хутора Долинского. 1915

ший к читателю, а также раздел «Кавказская проза», объединивший произведения разных жанров, созданные в основном в 1920–1930-х годах и публиковавшиеся в эмигрантских изданиях.

На пути к читателю еще одно произведение Константина Чхеидзе – книга его воспоминаний «События. Встречи. Мысли». Многие страницы этой емкой и глубокой работы посвящены нашим местам. Вот, в частности, небольшой отрывок, позволяющий пролить свет на жизнь слободы Нальчик начала прошлого века.

«Нальчик в то время был слободой, – пишет Константин Александрович. – Насчитывалось в нем тысячи три-четыре жителей; в основном это были русские, но были также кабардинцы, балкарцы, немного немцев: на окраине скученно жили так называемые горские евреи; от обычных евреев они отличались тем, что носили одежду горцев (черкеску), без кинжалов; большая их часть занималась ремеслами, некоторые – торговлей».

В Нальчике юный Костя Чхеидзе проводил практически каждое лето – дело в том, что здесь, в поселке Долинский, жил его дядя. Кто он был, становится ясно ниже из самих воспоминаний: «Почти каждое лето наша семья проводила в окрестностях Нальчика, в поселке, который первоначально назывался Долинский, а позже был переименован в Никольский. Сейчас он опять называется Долинский.

Поселок Долинский состоял тогда из 12–15 дач, разбросанных на большом пространстве. Самая старая из них принадлежала семье Долинских. Несколько сотен гектаров земли также принадлежало этой семье. Но в начале XX века в Нальчике появилась вдова генерала Александра Ивановна Никольская, богатая и властная женщина. Ей и ее дочери Кате врачи посоветовали поселиться близ Нальчика. Уже тогда были замечены целебные свойства нальчикского климата, особенно воздуха. А. И. Никольская купила у Долинских почти все земельные участки, на одном из них построила красивую дачу. С тех пор она зажила, как главная персона, стала фактической правительницей поселка, имела большое влияние на начальствующих лиц в Нальчике. Словом, стала своего рода феодалом».

Рассказывает Чхеидзе и о Марии Ивановне Никольской, сестре Александры Ивановны, в юности увлекавшейся идеями народофильства, но разочаровавшейся в этом движении (вследствие неприятия методов насилия) и ставшей убежденной монархисткой.

«После истории с Азефом, – вспоминает писатель, – Мария Ивановна окончательно порвала связи с революционерами, переселилась в Долинский, к сестре. Здесь она встретила моего дядю, со стороны матери, в то время он был уже председателем Горского словесного суда. Они поженились, построили хороший просторный каменный дом, а позже еще два деревянных – для дачников. У них было четверо детей».

А вот несколько штрихов к биографии столицы нашей республики,

отраженных пером Константина Чхеидзе: «При мне была построена железнодорожная ветка Котляревская – Нальчик; при мне было создано Реальное училище. При мне отставной подполковник Львов открыл первую типографию *. На главной – Толстовской – улице был организован Общественный клуб. Купец Шуйский построил первую гостиницу. Поселок Долинский стал обстраиваться. Один из представителей многочисленной предприимчивой семьи Лобжанидзе построил здесь первый «курзал» для летних гостей. По настоянию А. И. Никольской было открыто маленькое почтовое отделение, а сам поселок переименован в Никольский. Жители поселка все друг друга знали, взаимно ходили в гости. Главенствовала Александра Ивановна. Наша семья тоже часто бывала у нее, мои младшие сестры подружились с ее дочерью Катей. А между Катей и мной установились дружеские, ласковые отношения, взаимная симпатия».

Впрочем, история любви Кости и Кати заслуживает отдельного повествования, и мы к ней еще обязательно вернемся. Пока же скажем, что никто с такой яркостью, образностью, рельефностью не описал Нальчик, его окрестности, природу Кабардино-Балкарии в целом, как это сделал Константин Чхеидзе.

Вчитайтесь – право, невозможно не разделить глубину чувств и восторг пишущего: «Кто бывал в Нальчике и его окрестностях, тому не надо

* Открыл первую типографию в 1908 году Измаил Александрович (Асланбекович) Урусбиев, а К. М. Львов купил ее после его смерти в 1912 году. – *Изд.*

Реальное училище. Нальчик

описывать великолепную красоту тамошней природы. Находясь в Нальчике, в Долинском, я постоянно испытывал радостное возвышенное настроение. Величественная красота горных вершин вселяла уверенность в том, что мир, в котором существует такое неизъяснимое великолепие, не может не быть прекрасным. Горы неудержимо влекли меня к себе. Местная и приезжая молодежь, объединившись в группы, совершала экскурсии. Мои сестры, Катя и я часто принимали в них участие.

Но самая главная радость была в поездках или далеких прогулках в одиночку. Мне кажется, если я действительно могу назвать себя писателем, то именно потому, что на заре жизни пережил восторги, рожденные этими поездками и прогулками. Наедине с чудотворной красотой гор, наедине с природой, вышедшей из рук Создателя в девственном, покоряющем великолепии, наедине с самим собой я постигал непостижимое, соприкасался с невыразимым никакими словами».

Воспоминания Константина Александровича Чхеидзе – выдающегося деятеля русского зарубежья, крупного писателя, глубокого философа, стоявшего у истоков зарождения евразийского движения, – это поистине кладь разнообразной информации о наших народах, об истории кабардинцев и балкарцев, их ментальности, знаковых личностях. Это возвышенная книга о любви, написанная рукой большого мастера, подлинного певца Кавказа.

Симеоновский собор. Нальчик. 1917, июль

КАБАРДА – ПРЕКРАСНЕЙШАЯ В МИРЕ ЗЕМЛЯ

О нашей республике написано (речь о работах литераторов, так сказать, со стороны) немало произведений – как прозаических: очерков, рассказов, повестей, романов, так и поэтических: стихотворений, поэм. Знакомство с подавляющим большинством из них позволяет нам твердо заявить: лучше – проникновеннее, чище, глубже, достойнее, – чем Константин Александрович Чхеидзе, о Кабардино-Балкарии не сказал никто. По большому счету все многоплановое творчество одного из основателей евразийства – легенды, рассказы, повести, романы – в той или иной мере посвящено Кабарде и Балкарии или основано на впечатлениях от знакомства с кабардинцами и балкарцами, их обычаями, традициями, историческими реалиями.

Но многие ли жители республики знакомы с произведениями, воссоздающими лучшие страницы их недавнего прошлого, биографиями знаковых личностей? Если быть честными – единицы. Право на столь категоричный ответ дает нам статистика реализации издательских книг. В 2004 году

вышла знаменитая работа «Страна Прометея», в которой, как писал сам К. А. Чхеидзе в автобиографии, опубликованной в варшавской газете «Молва» 23–25 декабря 1933 года, он «изобразил рыцарскую жизнь Кабарды – прекраснейшей в мире земли и благороднейшего народа из всех, с кем довелось встречаться». Книга, ранее совершенно недоступная российскому читателю (она вышла в Шанхае в 1932 году тиражом в несколько сот экземпляров и не попала ни в одну из библиотек Российской Федерации), была напечатана нами двумя заводами по 200 экземпляров, то есть всего 400 книг, которые можно приобрести и сегодня.

Все эти годы мы пытались изыскать средства, чтобы продолжить публикацию произведений К. А. Чхеидзе, ведь по-прежнему не дошли до читателя рукописи книг «Глядящий на солнце», «Навстречу буре», «Невеста гор» (печаталась в отрывках на чешском языке, целиком посвящена Балкарии XVIII века), «Путник с Востока». Удалось, к сожалению, совсем немного – при финансовой поддержке предпринимателя Заура Шогенцукова, выделившего 20 тысяч рублей личных средств, началась подготовка к печати романа «Крылья над бездной».

Больше не откликнулся никто, тем не менее роман, благодаря внутренним резервам издательства, в 2010 году пришел к читателю. Наряду с ним, написанным ярко, образно, афористично, отмеченным местным колоритом, узнаваемыми реалиями горского быта, в книгу вошла «Кавказская проза» писателя, а это неизвестные кабардинские и балкарские легенды, сказания, очерки.

Река Нальчик

Река Нальчик

Будет ли востребован этот том, найдется ли тот, кто захочет, чтобы столь неординарная книга появилась в библиотеках республики, прикоснется ли когда-нибудь национальный читатель к творчеству человека, оставившего удивительное описание кабардинского и балкарского народов?

Давайте вместе пролистаем остающиеся неизданными страницы воспоминаний писателя «События. Встречи. Мысли». Предваряют их слова: «Край, где я провел лето 1916 года, любят и хвалят все, кто побывал там хотя бы несколько дней».

Итак, географическое описание, климат, столь изменившийся сегодня, и другие реалии последнего предреволюционного года: «Кабарда расположена на равнине, частью в предгорьях. Отовсюду открываются волшебные панорамы. На заднем плане гряда гор, вечно покрытых снегом. Перед ними безлесные, суровые каменные горы, и ближе к равнине полукольца гор, заросших лесом.

...Климат здесь исключительно благоприятный. Морозы 7–10 градусов, держатся недолго. В районе Кисловодска бывают зимы, когда температура не опускается ниже 2 градусов.

Нередко кабардинская осень длится до середины декабря, а в январе уже пригревает солнце. Лето – жаркое, но не изнуряющее. Днем от гор к равнине струится благодатный свежий воздух, насыщенный озоном. Ночью нагретый за день воздух стремится от равнины к горам; ночи теплые.

Розы начинают цвести уже в первой половине марта. Кабардинский мед – один из лучших в мире. Траву здесь косят обычно три раза в год; бывает и четыре. Кабардинская равнина изобилует реками и потоками, там не бывает неурожайных годов. Даже в самые тяжелые годы начала коллективизации Кабарда щедро снабжала другие области хлебом. В годы перед Первой мировой войной и во время этой войны местное население ехало на подводах в лес. Собирали яблоки, груши, лесные орехи, лисички, ольху – везли в Ставропольскую область, там обменивали эти плоды на зерно и продавали его с большой прибылью для себя. В лесах водилось несметное количество разнообразной дичи: олени, туры (в горных районах), кабаны, не говоря уже о мелкой дичи.

В прошлом на кабардинскую семью приходилось в среднем около 10 гектаров земли, пастбищ, лугов и леса. Не было безлошадных хозяйств».

И звучит настоящий гимн кабардинской лошади, подкрепленный весьма убедительным примером: «В течение долгих веков кабардинцы вывели особую породу лошадей, которая так и называется *кабардинская*. Главные достоинства этой лошади – выносливость, необыкновенно развитая грудь, еще более необыкновенный шаг. В годы Первой мировой войны произошел такой случай. По дороге шла колонной кавалерийская дивизию.

зю. Кабардинскому конному полку (им тогда командовал граф Воронцов-Дашков, сын наместника царя на Кавказе и близкий друг великого князя Михаила Александровича, брата царя) было приказано быстро перейти из одной деревни в другую, ближе к фронту. Дело было днем, стояла жара. Кабардинский полк приблизился к хвосту дивизии. Воронцов-Дашков подъехал к начальнику дивизии и попросил разрешения обогнать дивизию.

– Подождите, – ответил генерал, – через часок-другой остановимся на отдых, тогда и выйдете вперед. Зачем коней морить?

– Никак нет, – ответил Воронцов, – морить коней мы не собираемся. Мы вас, если разрешите, шагом обгоним.

И обогнали.

На кавалерийском языке это называется *машистый шаг*».

Представляет интерес и экскурс писателя в прошлое Кабарды. Пусть даже излишне романтизированный и не во всем соответствующий общепринятым ныне историческим подходам: «Корни истории Кабарды уходят в далекую древность. В кабардинских легендах говорится о какой-то таинственной связи этого народа с Египтом времен фараонов. Вопрос этот темный, однако известно, что при раскопках, проведенных на территории кабардинских подгорных районов, в древних захоронениях были найдены черепа с удлинненной формой, также находили скарабея. Такая форма

Лошади кабардинской породы. Фото Е. П. Вишнякова, 1883

создается искусственным путем – голову новорожденного младенца пеленают особым образом.

Такая форма черепов, насколько знаю, встречается только в двух местах: в Египте и Кабарде».

Уточним, что скарабеи – это жуки, священные в Древнем Египте: вырезанные из камня амулеты и украшения служили предметами культа Солнца. Эти фигурки действительно найдены в ряде захоронений на территории республики, в чем каждый может убедиться, заглянув в Национальный музей КБР. А что касается удлиненных черепов, то здесь К. Чхеидзе не совсем точен. О длинноголовых (визуально в восприятии большинства они соотносимы с внешним обликом египетского фараона Эхнатона) писал греческий врач Гиппократ, римский софист Зенобий; их захоронения найдены в Перу, других странах, а в нашей стране – под Омском и близ Эльбруса (в ауле Урусбиево и местечке Отлук-Кала), о чем писал еще в 1886 году Науруз Урусбиев (см. о длинноголовых на с. 48–54 в нашем издании).

Вновь обратимся к воспоминаниям К. Чхеидзе: «Характер кабардинцев также указывает на их древнейшее происхождение. В их взглядах, поведении чувствуется утонченность, деликатность, приобретенная только в течение продолжительного процесса воспитания. У соседей кабардинцев, ингушей, есть такая поговорка: «Он воспитан, как кабардинец» или «Он держит себя, как настоящий кабардинец».

Ко времени прихода русских на Северный Кавказ кабардинский общественно-политический строй отличается большой сложностью и своеобразной стройностью. Во главе Кабарды был правитель, выбиравшийся из одной из пяти княжеских фамилий на 2–3 года. Пяти княжеским фамилиям соответствовало пять феодалов. Кроме князей, особым почетом пользовались три старинные дворянские семьи. За ними шел слой дворян («кабардей-уорк»), затем вольные люди, составлявшие основную массу населения; за ними потомки военнопленных, получившие свободу, далее – вольноотпущенники, еще далее внебрачные дети князей и дворян и их потомки; и наконец, разнообразный слой людей, находившихся в различной степени зависимости. Эти, так сказать, крепостные были освобождены от зависимости русской властью, причем раньше, чем в самой России было уничтожено крепостное право.

Отношения кабардинцев с русскими начались еще во времена Киевской Руси. В Кабарде сохранилась песня о том, как их воины вместе с русскими воинами одержали победу над врагом, когда сражение происходило на льду (по-видимому, отголоски Ледового побоища при Александре Невском). Известно, что царь Иван Грозный был женат на «черкесской

княжне Марии Темрюковне – это кабардинская княжна. В походе Ивана Грозного на Астрахань участвовало триста «кабардинских панцирников». В XVIII столетии предстояло решить важный вопрос: воевать против русских вместе с многими другими кавказскими народами или же искать пути соглашения с русской властью. После некоторых колебаний и продолжавшихся некоторое время военных действий кабардинцы признали верховную власть Белого царя. Мало того, часть кабардинцев содействовала русским войскам, в благодарность за что Николай I подарил кабардинцам знамя с соответствующей надписью.

Если вспомнить судьбу черкесских племен, воевавших против России, потерпевших поражение и в большинстве своем переселившихся в Турцию, надо признать, что кабардинцы поступили мудро. Из 850 тысяч черкесов около 400 тысяч умерло от эпидемий на берегу Черного моря, близ Анапы, в ожидании турецких кораблей. Лишь несколько кабардинских семей не согласились жить под русским правлением и тоже переселились в Турцию.

В середине и второй половине XIX века на кабардинской земле возникают казачьи станицы (Терского войска). Почти одновременно появляются русские поселения, например, Новоивановка и пр. Постепенно растут курортные центры – Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки и т. д. О том, как Нальчик превратился в курорт, уже говорилось.

Общий вид построек в кабардинском селении. Фото Е. П. Вишнякова, 1883

В конце XIX века началось более или менее планомерное изучение Кабарды и (Балкарии) русскими, отчасти немецкими учеными. Из них назову Максима Максимовича Ковалевского, написавшего замечательную книгу «Закон и обычай на Кавказе». В этой книге он с большой похвалой отзывался о кабардинцах, их вежливости, гостеприимстве, высокой бытовой культуре этого народа. Отмечает также необыкновенную щедрость. Достаточно было гостю похвалить какую-нибудь вещь хозяина (кинжал, ковер, лошадь) – хозяин немедленно дарил ее гостю. На этой почве были злоупотребления со стороны русских посетителей Кабарды. Без всякого труда – если не считать трудом приезд к кабардинцам-знакомым и высказывание похвалы – некоторые из них обзаводились прекрасными конями, увозили с собой кинжалы с дорогой насечкой и т. д. Понадобилось решительное вмешательство властей, чтобы уничтожить или хотя бы ограничить такой удобный способ обогащения.

Кабардинцы высоко ценят красноречие, умение сказать острое слово. Народные певцы и сказители всегда занимали почетное положение. В кабардинском эпосе и фольклоре особенно подчеркивается понятие *напэ* (иметь лицо, соблюдать достоинство) и приверженность обычаям старины – *хабзе*.

Напомним, что в своей первой книге – «Страна Прометей» – К. Чхеидзе уже раскрыл зарубежному читателю понятие *напэ*: «Это вся жизнь человека, все дела его души, сердца и совести. Напэ – это то, благодаря чему твой отец и дед смотрели открытыми глазами в лицо Бога, солнца и людей. Напэ – это тот высокий завет, который ты передашь сыну. Напэ – это мы сами перед лицом жизни и смерти... Я не видел на Западе напэ. И если бы стал о нем говорить, мне засмеялись бы в лицо и сказали бы, что этот конь последним придет к цели. Но я бы ответил: ради Аллаха, не думайте, что ради ваших целей я подстегну своего коня нагайкой. Я бы сказал: мой конь мчится в ту страну, где есть вещи, которые нельзя ни купить, ни продать».

«Первейшее требование хабзе, – продолжает писатель, – оказывать почет гостю и старшим, – и приводит пример, достойный включения в учебники по этикету: – Однажды, уже в годы войны, старый князь Таусултан Наурузов, коннозаводчик и вообще богатый человек, пригласил к себе гостей. Среди них был и я. Был уже поздний час. Таусултан отпустил слуг, ужин уже кончился. На столе стояли бутылки с коньяком, закуски. Мимолетно замечу, что Коран воспрещает правоверным пить вино. Таусултан, как и многие другие мусульмане, воздерживался от вина, но коньяк пил, говоря, что о нем в Коране не сказано ничего. Это, конечно, была своего рода уловка. Послышался стук в дверь, вошел ночной сторож. Он сказал, что какой-то путник, старик, просит приюта.

– Пусть зайдет – ответил Таулсан. – Коню его дай корм. Через минуту появился старик, одетый довольно бедно.

– Еду к брату, – объяснил он, – конь притомился. Во всем ауле только один освещенный дом – твой. Извини, ради Аллаха...

– Гость дается Богом, – перебил его Таусултан, взглянув на младшего сына. Тот немедленно принес кумган, кувшин, с теплой водой, помог старику умыться. После этого снял с него чуваки и ноговицы, вымыл ноги. В это время средний сын Таусултана уже поставил перед стариком на стол еду, а старший отправился устраивать ему постель».

Писатель, который был счастлив оттого, «что жил несколько лет среди кабардинцев», с грустью отмечает и негативное влияние цивилизации на уклад кабардинцев: «Близость городов, общение с приезжими, поездки за пределы Кабарды, естественно, отразились и на соблюдении старых обычаев. В особенности среди молодежи и менее зажиточных слоев населения появилась критика этих обычаев, нередко справедливая.

По мере распространения новых сельскохозяйственных машин, швейных машин, улучшения дорог, увеличения количества молодежи, обучавшейся в русских школах, увеличения количества людей, имевших деловые отношения с «внешним миром», постепенно изменялся и уклад кабардинской жизни. Появился новый тип молодых людей, часто бывавших на северокавказских курортах. Они научились «кутить», вольно обращаться со старшими. У некоторых поколебалось традиционное уважение к женщинам. Кстати сказать, *кабардинская женщина никогда не носила чадру*, пользовалась значительной свободой. Некоторые историки считают, что древние амазонки были черкесско-кабардинского происхождения. Мать семьи, хозяйка дома всегда имела большой вес.

Очень яркий пример «ухода от обычаев» и нарушения «напэ» представлял собой некто Тута А-ов. Он происходил из очень старинной и влиятельной семьи. Тута, высокий, атлетически сложенный и красивый юноша, отбился от семьи, бросил учебу. Произошла размолвка с родителями. Отец пригрозил, что перестанет давать ему средства к жизни. В ответ на это Тута заявил, что это его несколько не пугает, ибо у него есть выгодная профессия. Оказалось, что Тута как-то в шутку принял вызов какого-то циркового борца (борьба по французской системе) и положил его на обе лопатки. После этого он тайно от родных выступал в черной маске. Кочевая жизнь понравилась ему, и он стал борцом-профессионалом. Одно время даже получил известность, а отец, узнав о славе сына, сказал, что он умер для него. Близкие и родственники выражали семье А-ых соболезнования. Во время войны Тута угомонился, окончил школу прапорщиков, стал офицером».

К сожалению, наши попытки узнать о ком идет речь в этом эпизоде окончились неудачей. Тут А-ов так и не раскрыл свою полную фамилию. Но может кому-то из читателей известно, о ком конкретно рассказывает К. Чхеидзе?

И еще несколько писательских похвал одному из титульных народов республики: «Кабардинцев за грациозность их манер, прирожденную вежливость, любезность, прозвали «французами Северного Кавказа». В них есть немножко лукавства, хитринки, они любят шутку, умеют льстить и, чего греха таить, сами поддаются лести.

В народе распространено высокое понятие о чести и честности. До начала XX века в кабардинских селеньях не было ни замков, ни ключей – ограничивались щеколдой. О воровстве не было слышно. Это – положительная сторона высокого понятия о чести. Но надо упомянуть и об отрицательной. Из-за вопросов чести люди ссорились, мстили друг другу, в некоторых случаях требования отмщения за обиду передавалось от поколения к поколению. Известно в Кабарде печальное место, называемое «Поле сита». Некогда две соседки поссорились из-за сита; в их ссору вмешались мужья, родственники, друзья. Образовалось два враждебных лагеря, которые начали взаимное истребление. В конце концов, по преданию, на поле боя осталось более 200 трупов».

И это только малая часть страниц, посвященных Кабарде и кабардинцам. Кто прочитает их и когда? Вопрос остается без ответа, ибо культурное наследие сегодня не востребовано и перспектив этого востребования не наблюдается.

Печально, что коснулось это и гениального создателя «Страны Прометея», написавшего о Кабардино-Балкарии столь возвышенные строки: «Разве можно, исходив всю Вселенную, найти другое место, равное Стране Прометея? Я не говорю: «Страна Прометея – это сокровище земли, равного которому не было и не будет. Нет, я говорю: Страна Прометея – это алмазная корона, венчающая мир, и в сравнении с этой короной – весь мир тускл и беден».

Мог ли предполагать писатель, что спустя каких-то неполных сто лет прославленный и воспетый им мир настолько потускнеет и духовно обеднеет?..

БАЛКАРИЯ: ВЕЛИЧИЕ СУРОВОЙ СТРАНЫ

Константин Александрович Чхеидзе посвятил Балкарии и ее жителям целый ряд произведений.

Вот как он сам говорит об этом в неизданных воспоминаниях «События. Мысли. Встречи»: «В моих книгах «Страна Прометея», «Глядящий на солнце», «Навстречу буре» много говорится о Кабарде и Балкарии. Книга «Невеста гор» целиком посвящена Балкарии XVIII века, так же как и книга «Крылья над бездной». В значительной мере и книга «Путник с Востока» относится к Балкарии и балкарцам».

Большая часть этих работ в силу разного рода причин (разбросаны по частным архивам, остались в рукописях, напечатаны на чешском языке) остается недоступна. Их поиск требует немало времени и материальных затрат. Обращения же к представителям балкарской финансовой элиты (в списке тех, кому известно об отношении писателя к стране гор и ущелий, добрый десяток бизнесменов, коммерсантов, банкиров, руководителей различного уровня) с предложением вернуть его творчество тем, кому оно посвящено, не нашли никакого (кроме обещаний, естественно) практического отклика.

Пришла к читателю «Страна Прометея», первая часть которой «Горы и горцы» – возвышенный гимн Балкарии, менталитету этноса, через который К. Чхеидзе рассматривает обычаи и традиции всех горских народов Кавказа. Центральные в работе главы, посвященные посещению Города мертвых, что за селением Верхняя Балкария, и личности балкарского таубия Дадаша Балкарокова, написанные на одном дыхании, ярко и убедительно воссоздающие картины виденного, они западают в память, дают почувствовать, что не были проходными в биографии писателя. Что это действительно так, становится ясно после ознакомления со страницами чхеидзевских воспоминаний «События. Мысли. Встречи».

Вот что он пишет об этих эпизодах: «С этой поездкой связаны два сильных впечатления. Подробно говорю о них в книге «Страна Прометея», здесь хочу отметить некоторые мотивы, оказавшие влияние на мое душевное развитие, на путь, которым шел в литературе.

Первое из них – посещение древнего могильника. В солнечный летний день, когда ликуют небо и земля, я вошел в мрачную, темную пещеру, таив-

Склепы в Чегемском ущелье. Фото Е. П. Вишнякова. 1883

Аул Холам. Фото Е. П. Вишнякова. 1883

шую в своих недрах останки некогда людей. Это был внезапный переход от царства всепобеждающей жизни к царству молчания, тьмы, неподвижности. Вокруг – у стен пещеры, у нее на дне – стояли полуприклоненные или лежали скелеты, иногда сохранившиеся, иногда распавшиеся на части. Много оружия, домашней утвари, обрывки полуистлевшей одежды, высохшие ремни, потемневшие украшения. Больше всего меня поражали глазницы черепов – они упорно глядели на меня, как будто спрашивали о чем-то, в чем-то упрекали. Может быть, в том, что я жив, а тех, чьи глаза сверкали некогда в этих темных дырах, уже нет, и даже память об их жизни не сохранилась. Может быть, они требовали от меня чего-то, но чего? Может быть, звали к чему-то, пытались что-то объяснить? Я вышел из могильника, расстроенный и печальный. Больше всего угнетало сознание, что я не в силах разгадать вопросов и упреков, прошедших из загробных дней. Я недоумевал – и это было самым тяжелым чувством».

И далее К. Чхеидзе продолжает: «Второе сильное впечатление произвел старец Тенгиз Суншев из селения Безенги. Величественный гигант с широкой грудью и плечами, мудрый и снисходительный, весь ушедший в себя, однако благосклонный к людям. Ему было 124 года, а его младшему сыну Маштаю (от седьмой жены) лет двадцать. Внешне Маштай был точной копией отца, но характером отличался от него – к своей невыгоде. Тенгиз полностью сохранил ясность мысли, был скуп на слова; но из его немногих слов, из его поведения, из речи его глаз – если так можно выразиться – я почувствовал и понял многое. Когда Тенгиз говорил о своем внуке, о лошади, о горах, которыми мы любовались в час заката, о речке, бурлившей вблизи его сакли, он говорил так, как будто он сам был частью внука, лошади, солнца, гор и речки, а внук, солнце, речка – частью его существа.

«Солнце зайдет за эти горы, – сказал он, – а завтра поднимется с этой стороны». Он показал, с какой стороны, и потом той рукой, которой показывал, погладил внука, сидевшего на его колене. В этом жесте был какой-то смысл, выражалась непоколебимая уверенность, что – да, солнце непременно взойдет; и что закат и восход солнца имеют прямое отношение к нему, к Тенгизу, и его внуку. В неизданной книге «Крылья над бездной» я описываю не аул Безенги, но и герой этой книги, Агелик, это не Тенгиз, но один из рода Туудуевых. Однако духовное лицо Агелика, некоторые его черты и внешность «списаны» с Тенгиза».

«Крылья над бездной» – это роман-сказ, написанный в 1942 году и вышедший в нашем издательстве спустя 68 лет. Из кровавой реальности оккупированной фашистами Праги К. А. Чхеидзе уходит в мир светлой легенды, в мир далекого прошлого, куда не донесутся звуки еще одной

бойни, развязанной человечеством на противобожеских путях. Снова перед нами Кавказ во всем его божественном великолепии. Старец Эльдар из Орсундаха (Орсундак – один из аулов Чегемского ущелья), «горного гнезда, что лежит выше полета орлиного, выше облаков грозových, среди гранитных скал, ледников и лесов», ведет неторопливый рассказ о делах давно канувших лет. О вражде двух братьев Кадая и Леуана, перешедшей на их потомков, и о финальном исходе этой вражды и торжестве Божьей правды. Он скорбит об ушедших и оставляет завет живущим, завет обезумевшему человечеству, забывшему о своем назначении на Божьей земле: «Живи, верь, надейся, трудись, больше всего люби, сострадай с несчастным, отрицай зло, вечно слушай правду голоса совести своей».

Роман кончается просветленной и чистой нотой, из уст старика исходит благословение бытию и милосердному Творцу бытия, наделившему этот мир красотой и любовью: «Я слушаю сердцем святое молчание гор. Я молюсь Единому Богу. Я смотрю на реку, вижу волну уходящую. Я поднимаю взор к небесам, я замечая летящую птицу. Ее крылья простерты над бездной. Тогда я говорю: Боже, мир Твой подобен волне, освещенной игривым лучом. Мир Твой – над бездной парящие крылья...».

Написанный ярко, образно, афористично, отмеченный местным колоритом, узнаваемыми реалиями горского быта, роман «Крылья над бездной» никого не оставит равнодушным, как и раздел «Кавказская проза», объединивший произведения разных жанров, созданные в основном в 1920–1930-х годах и публиковавшиеся в эмигрантских изданиях. В него, в частности, вошла балкарская сказка «Кто всех сильнее», неизвестная исследователям фольклора.

Что же по-прежнему остается недоступным местному читателю? Прежде всего, книга воспоминаний «События. Мысли. Встречи», где о Балкарии говорится много – говорится светло, чисто, с любовью. Напомним, что воспоминания создавались писателем в первой половине семидесятых годов прошлого века, остались неотредактированными, отсюда ряд допущенных неточностей (о населенных пунктах, территориальных границах), как и выводов относительно истории происхождения и расселения балкарцев (так называемая болгарская версия).

Впрочем, дадим слово самому писателю: «Соседняя с Кабардой страна, Балкария, состоит из системы нескольких ущелий, разделенных высокими горами. Балкария вплотную примыкает к мощному хребту. Крайнее балкарское селение на севере, Хасаут, расположено вблизи Эльбруса. С юго-западной стороны Балкария примыкает к Осетии. Это суровая страна, поражающая своим величием, в котором великолепие причудливо смешивается с угрюмостью.

Каждое из балкарских ущелий носит своеобразный характер как в отношении природы, так и населения. Балкарцы пришли в эти места, по видимому, с Волги, где их предки входили в состав населения древнего царства Великие Булгары. Под давлением кочевых племен, пришедших с востока, предки балкарцев (и болгар) постепенно совершили путь от Волги до Кавказских гор, где и осели в X–XI веках в бассейне Дуная. С этнической точки зрения балкарцы тюрко-монгольского происхождения, говорят они на тюркском наречии, с примесью осетинских и кабардинских слов. (Болгары смешались с местным славянским населением и приняли их язык.)

В каждом отдельном ущелье властвовал один феодальный род, иногда два и больше. Феодалы строили высокие неприступные башни, и наличие этих башен характерно для балкарского пейзажа. Строительному искусству балкарцы выучились у сванов (грузинское племя, живущее на южной стороне Кавказского хребта). В течение веков, прожитых балкарцами рядом с кабардинцами, они иногда находились в вассальной зависимости от последних и платили им дань. Родство между двумя этими народами устанавливалось редко. Известны в прошлом лишь несколько случаев, когда кабардинцы женились на балкарках и наоборот.

В XIX столетии, когда русская государственность достигла балкарских ущелий, местные феодалы решили добровольно признать власть русского царя. Был подписан соответствующий договор с представителями Пяти горских обществ, притом любопытно, что балкарские феодалы выговорили себе право оставить свой древний титул – *таубий*: горный князь».

Уместным будет вспомнить, что до этого несколько романтизированно К. Чхеидзе в книге «Страна Прометея» уже писал о таубиях: «Их всего несколько фамилий. В свое время, когда русские покоряли Кавказ, когда черкесы, чеченцы, ингуши, дагестанцы, кумыки и отчасти кабардинцы воевали с грозным северным соседом, Балкария, в силу своего географического положения, оставалась вне театра военных действий. Кроме того, примыкающая к Балкарии страна, населенная кабардинцами, и находящаяся между наступающей Россией и оборонявшимся горским населением, заключила с русскими соглашение не только не воевать, но и даже помогать русским войскам. Вот почему Балкария никогда не видела в своих ущельях русских знамен. Балкария не была покорена. Она добровольно, хотя и в силу очевидной необходимости, признала власть Белого царя. Это обстоятельство существенно отразилось на психологии населения Балкарии, особенно же ее высшего слоя – таубиев. В то время как остальные народности Кавказа, признав над собой русскую власть, старались приблизиться

Группа горцев аула Чегем. Фото Е. П. Вишнякова. 1883

В ауле Урусби. Фото Е. П. Вишнякова. 1883

к русским и хотя бы в некоторых отношениях походить на них, балкарские таубии смотрели на себя, как на равнодостоинных участников общеимперской российской жизни. Правда, они совершенно не знали этой жизни, но это не мешало им чувствовать себя вполне самостоятельными. И в самом деле, ведь психологии побежденных у них не было и не могло быть. Эта черта самочувствия балкарских таубиев сказалась, между прочим, в том, что в то время, как, скажем, кумыкские или кабардинские феодалы (а ранее того – грузинские, имеретинские, кахетинские и др.) с удовольствием и радостью переименовывали себя на русский лад в князья, балкарские таубии отказались от такого переименования и настояли на том, чтобы им и впредь называться именно таубиями, а никак иначе.

Продолжим знакомиться с Балкарией, встающей перед нами со страниц воспоминаний К. Чхеидзе «События. Мысли. Встречи»: «В общем, судьба этого народа трагична – и тем более трогательна и привлекательна. В тринадцатом столетии он утратил свое древнее отечество. В свое новое отечество, в царство суровых гор и ледников, балкарцы, в сущности, были оттеснены. Дальше уже некуда было идти, они и остались жить среди бурных рек и грандиозных скал: жить довольно скучно. В отличие от кабардинских феодалов, балкарские феодалы дальше держали себя от народной массы, строже обращались с нею. В прошлом существовало обидное выражение «карахалк», что означает «черный народ». В Балкарском ущелье, первым слева, если смотреть от равнины на горы, самый влиятельный был род Мисаковых; в соседнем ущелье, Хуламском, – Шакмановых и Суншевых (селение Безенги); в Чегемском ущелье – Келеметовых. Большое влияние имел род Урусбиевых из селения Урусбиево; это был самый просвещенный род. Мисаковы претендовали на то, что они самого древнего происхождения. Род Келеметовых сохранил предание, что некий рыцарь-крестоносец стал их членом. Девушки Келеметовых отличались золотистостью волос. Также род Балкаруковых считался влиятельным, как и род Баразбиевых и Шахановых. У Баразбиевых всегда было много девушек, они выходили замуж за сыновей других феодалов, и таким образом через Баразбиевых устанавливалось общее родство. Сложилась даже поговорка: «Все ишаки серые, все горцы родственники».

Бегло затрагивает писатель и события двадцатого века: «При формировании Кабардинского конного полка в 1914 году его четвертую сотню составляли балкарцы. Революция 1917 года захватила балкарцев сильнее, чем кабардинцев, что объясняется их бедностью и более резкими социальными противоречиями – класс феодалов и «карахалк». В период Гражданской войны балкарские аулы пострадали в большей степени (от белых), чем кабардинские.

А в период Второй мировой войны на балкарцев свалилось еще одно большое бедствие. Вызвано оно было тем, что, когда русское население уходило от наступавших немцев через балкарские ущелья к перевалам, ведущим в Грузию, часть балкарцев обстреливала русских беженцев, бывали и случаи грабежа. За это весь балкарский народ был выселен в 1944 году в среднеазиатские советские республики и там распылен. В 1957 году высланным народам (чеченцам, ингушам, балкарцам и другим) было разрешено возвратиться к родным очагам. Из балкарцев возвратилась приблизительно половина. В Балкарии и сейчас есть «мертвые аулы», например Кюнном – некогда один из самых благополучных и зажиточных аулов».

И здесь выясняется, что писателю, живущему в Чехословакии (на тот момент), была доступна и республиканская пресса, в частности русскоязычная газета.

К. Чхеидзе пишет: «В газете «Кабардино-Балкарская правда» от 24.09.65 помещена фотография этого аула с надписью: «Эти разрушенные каменные сакли были когда-то балкарским селением Кюнном». Кюнном, по-балкарски, значит *солнечная сторона*. Напротив этого аула находился другой – Чегет, что значит *тенивая сторона*. Теперь обе стороны, солнечная и тенивая, стали символами, памятниками смерти, посетившей Балкарию».

О судьбе балкарцев после лета 1916 года, когда я верхом объездил почти всю эту страну, буду говорить позже».

И он говорил, говорил, напомним, в каждом из своих произведений, посвятив горским народам Кавказа свое творчество – великое и высокое.

«Укажите мне на земном шаре места красивее и обаятельнее Кавказа?! – размышлял К. А. Чхеидзе в 1933 году в интервью чешскому журналу «Обзор литературы и искусства». – Где есть такое сочетание мощности, величия и чистоты? У нас иное солнце, иной месяц, иные звезды...»

А наше небо! Разве есть где-нибудь такое, вселяющее в душу великий, ничем не утолимый восторг, небо, как небо Кавказа? Оно прекраснее всего самого прекрасного, что есть в мире. И если кто-нибудь захочет возвеличить и прославить на веки веков чью-либо красоту, пусть только скажет: это прекрасно, как прекрасно небо, гордо вздымающееся над Эльбрусом... Высшей меры прекрасного не существует.

Но... увы! Я оторван от моей земли и моего неба, и к моему сознанию громадного счастья, что это все-таки *мое*, примешивается печаль, что я лишен Родины. Но эту печаль я не хочу передавать другим».

Печаль не передал, но любовью поделился щедро. Только вот любовь эта до сих пор не получила достойного отклика...

И РЕДКАЯ ОДАРЕННОСТЬ...

До недавнего времени при характеристике видного деятеля Белого движения Заурбека Асланбековича Даутокова-Серебрякова употреблялись только черные краски – палач, каратель, висельник. И это было правдой, но правдой односторонней. С выходом книг Константина Чхеидзе «Страна Прометея» (Нальчик, 2004) и «Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде» (Нальчик, 2008) стало ясно, сколь многогранной и неординарной личностью был этот человек, чьей харизмы хватило, чтобы часть кабардинского общества, расколотаго революцией, пошла за ним, чтобы имя его обросло легендами и вызывало споры и поныне.

Сегодня, благодаря тому что найдены два ранних произведения Константина Чхеидзе, у нас есть возможность пролить свет на штрихи биографии кабардинского дворянина. Эти две вещи – «Повесть о Дине» (1926) и «Вавочка» (1926), опубликованные в белоэмигрантских изданиях «Своими путями» и «Годы», малообъемны (всего несколько страничек). И хотя сам автор называет их повестями, но, скорее всего, определение это подразумевает не литературный жанр, а повествование как таковое. В образе главного героя воспроизведены черты Заурбека Даутокова-Серебрякова, использованы эпизоды его биографии. Более того, основаны рассказы на записях, которые вел Заурбек, составивших «две клеенчатые записные книжки», доставшиеся Чхеидзе (адъютанту и секретарю Даутокова-Серебрякова) «после его смерти, когда прибывший за телом родственник перебирал вещи и, по обычаю горцев, часть из них раздаривал друзьям покойного».

Первая из них «Повесть о Дине», и она заканчивается смертью главного героя, поэтому мы начнем с содержания второй – «Вавочка». Сюжет рассказа связан с эпизодом, происшедшим во время Турецкой кампании. Чхеидзе в книге «Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде» описывает его так: «Заур-бек... выходил победителем из всех положений, получал знаки отличия, дважды представлялся к Георгиевскому кресту, однако представление не проходило. Правильно или нет, но то, что представление к кресту не проходило, объясняли враждой и завистью начальника дивизии генерала Ч. Здесь надо сказать, что насколько ближайшее начальство благоволило к сотнику Серебрякову, почти настоль-

ко же в штабе его не любили. Сам он терпеть не мог штабных, в штабах не служил, не упускал случая «наступить штабным на ногу». Вражда и зависть генерала Ч. вытекали из ревности. Оба они – генерал и сотник – искали расположения у сестры милосердия Вавочки. Сестра Вавочка, очень красивая и капризная светская барышня, предпочитала общество Заур-бека. Справедливо ли это объяснение вполне или отчасти – сказать затрудняюсь».

Вот как эта реальная история выглядит во «второй повести, из записей Батыр-Бека Кабардейшауо извлеченной» (кстати, «кабардейшауо» Чхеидзе переводит как *кабардинский джентльмен*).

«Их встреча была неожиданной: «Я возвращался ущельем с коша за Старым Абуковским. Был полдень. Оставив у дороги стреноженного коня, спустился к воде, чтобы сделать намаз. Молясь, слышу стук кованых копыт и скрежет железных шин о камни: кто-то едет, из городских. Слышу: остановились. Слышу прегнусный сюсюкающий голос:

– Фафочка, смотри – черкес молится! Шарман, не-с-на? (Прекрасно, не правда ли? – фр.)

Заурбек Даутоков-Серебряков и Антонина Скобенцева (ее отец Филипп Андреевич Скобенцев служил в Межевом губернском комитете). После гибели Заурбека ее прошение о выдаче тела близкого человека для захоронения осталось без ответа

Потом тронулись дальше...

Есть ли что-нибудь на свете паскуднее такого любопытства? Мои руки сводила судорога желания пугнуть этого «шарманщика» парой пуль.

Под самым Абуково нагнал линейку. На ней дама и кучер. А близ дороги по пригорку прыгает долговязый тип в страшно-спортсменском виде, с двустволкой в руках и головой, задранной в небо: там парил орел. Увидел меня, бросил двустволку в росную траву – шляпа! – вопит:

– Берикет-берсын, берикет-берсын, мсье черкес!..

«Берикет-берсын» спутал с «хошь-гельды».

Оказывается, он обещал убить орла сестре для коллекции, но боится, что не попадет.

«У меня маузер с прикладом. Прицел. Выстрел. Орел упал. Эта фигура трепенулась всем своим трехаршинным скелетом, кинувшись поднимать орла. Но Батыр-Бек не из тех, которые уступают. Которые уступают честь заслужить улыбку. Мой кабардинец обскакал длинноногого спортсмена. На скаку я ухватил крыло. И со всей возможной картинностью положил орла у кончиков Вавочкиных туфель, которые выглядывали из-под пледа.

Улыбка досталась мне».

Короткий роман развивается стремительно: «...Как это бывает, когда одно сердце заставляет биться другое? Почему: Вавочка и Батыр-Бек? Не знаю. Это – ажал, рок – судьба... Благодарю тебя, благословенный ажал!.. Вавочка не сказала, кто она, откуда. И я не настаивал. К чему знать? У меня осталась карточка. У нее – карточка и орел. У нас обоих – на всю жизнь запечатленное счастье красивых восторгов и ласк, нежных, как цветы».

Любовь на фоне войны... Или наоборот. Поэтому столь логично в повествование о чувствах воина вплетается реальный боевой эпизод, имевший место на Турецком фронте в 1915 году, за который Заурбек получил орден Святой Анны 4-й степени: «Во время разведки я с девятью казаками встретил двух курдов. Начали преследовать. Дорога вела в гору. Растянулись: впереди я, за мной – цепочкой – остальные. Перед самым хребтом курды свернули; а я, надеясь на своего Урагана, бросился наперерез, прямо. Выскакиваю на гребень и вижу: внизу, под обрывом, целый табор курдов. Что было делать? Бежать? Но они на свежих конях в момент нас догнали бы и перебили... Спешиться, дать бой? Это смешно с десятью винтовками... А раздумывать некогда...

Я крикнул по-курдски: «Сдавайтесь! Бросайте оружие!» – подсказал выход опешившим курдам. Полная неожиданность моего появления, прибывающие один за другим казачьи силуэты на гребне решили их судьбу. Мы взяли больше сорока человек, значок и пулемет. Через несколько минут,

когда у собранного в кучу оружия стояли часовые, примчались первые два курда. Поздно! Не надо было бояться обрыва!».

Но вовсе не радость от грядущей награды переполняет нашего героя, а совсем другие чувства: «Моя голова в угаре хмеля и любви. Вавочка здесь... Только что, за ужином в штабном собрании, я дышал запахом ее волос... «Сестра Вавочка» – я так называл ее сегодня. За столом много пили, говорили тосты. Пили за меня. Какой-то военный корреспондент спросил мое отчество. Хочет описать подвиг сотника Батыр-Бека Койсыновича Кабардейшауа в газетах. Я очень рад. Пусть все знают, что наша фамилия верна старым традициям. Пусть горечь материнских слез облегчится гордостью за сына... Но я – я горд восхищением моей обаятельной подружки. Она так рисует дело, будто я перевернул весь фронт...

Потом принесли кофе, ликеры, карты. Штаб хорошо живет... Ни Вавочка, ни я не играли. Мы заняли край стола и своей близостью создали особый мир, и тишина нашего мира не нарушалась звуками речи: мы писали друг другу; писали на маленьких листках этой тетрадки, на бланках штаба, на меню: о радости встречи, о любви, о памяти сердца!..

Когда разлили по бокалам «Абрау-Дюрсо», Вавочка написала: «За что выпьем?».

Я ответил экспромтом:

*Так будем же, как встарь, гостями жизни пира,
Красиво будем брать от жизни ценность дней
И в поклонении бессмертному кумиру
Умчимся вдаль, в волшебный мир теней...
За женщину, цветы, поэзию, любовь,
За смех – застольный культ – его бокалов звон,
И за влюбленных глаз влюбленный перезвон,
И за безумство тех – чья горячее кровь!..*

– За это, – сказал я, показав последнюю строчку.

Чокнулись:

– Алла-верды, сестра Вавочка!

– Якши-ол, милый Батыр! – Выпили до дна. До дна, о моя любовь!..»

И следующая короткая запись, всего одна строчка: «Вавочка – жена начальника дивизии. Ничего больше не могу и не хочу писать». Начальника дивизии, о котором в штабе шутили: «Чем знаменит начальник Энской дивизии? Тем, что его жена – может быть, внучка».

Понятно, «что генералу чуть ли не рапортом донесли о необъяснимой и внезапной симпатии между его женой и Батыр-Беком», за чем последовали слова: «Наглец и молокосос, не умеющий себя держать в обществе

дам», выговор, основанный на недоразумении, предписание ехать обратно в полк...

И вот «желание отомстить генералу за его спесивую ревность, ограбить его, отнять его жену; желание нарядным гостем вступить на пир жизни и зажечь жизнь трепетной, как пламя, жаркой страстью – борются во мне (Батыр-Беке. – Авт.) с чувством презрения к дрянной низости моих желаний. Не могу и не хочу оскорблять заветы, которыми жили мой отец и дед. Да! Их наставления суровы; их наказания кровавы и жестоки. Но так и должно быть. Я сказал: предел».

И последняя встреча: «За шумом ветра, – писал Батыр-Бек, – я не слышал и повторного стука. Постучали опять.

Равнодушно, даже с досадой, сказал:

– Да-да! – войдите...

Вошла Вавочка – в бурке, в башлыке, в папахе.

– Нет, я не сяду, ни одной минуты не буду с вами... Я пришла вам сказать, что вы... вы изверг, да! Понимаете – un monstre!.. (чудовище, фр.) Вы завтра едете на фронт? Я знаю... Прощайте...

И хотела уйти (дальше зачеркнуто)... и когда перестала плакать, я усадил ее за стол. Вот за этот стол, за которым сейчас пишу (снова зачеркнуто)... встал с колен, показал ей последние страницы. Вавочка с недоумением начала читать. И, дочитав, прошептала:

– Mais c'est horrible (Но это ужасно, фр.)... но я понимаю...

И мне показалось, будто какое-то одобрение, какая-то восхищенная согласность звучала в ее – «я понимаю»... О, она поняла все!»

И тогда на записках Батыр-Бека хрупким, готически устремленным почерком Вавочка написала: «Пусть Вы знаете, что хотя я не знаю, можно ли молиться за магометан, но я всегда буду за Вас молиться. Моя молитва всегда с Вами, мой воин, mon héros (мой герой, фр.)... Вавочка поняла все».

Так перевело русское Вавочкино сердце французскую Вавочкину мысль... Кое-где строчки расплылись – это слезы; это – святые слезы».

Вот так умел чувствовать и любить не знавший жалости Даутоков-Серебряков.

И вторая вещь – «Повесть о Дине» – тоже о чувствах, на этот раз к братьям нашим меньшим, к животным. И опять прототип главного героя сам Заурбек, а в основе сюжета – взаимоотношения его с конем.

Итак, летом 1917 года Заурбек, командир 3-й сотни Кабардинского конного полка, участвует в боях на Румынском фронте; в одном из боев его трофеем становится конь, вернее кобыла, которая «красива, как древняя легенда Кавказа», а норы – «как у сверженной королевы». Звали кобылу Диана, но прижилось другое – сокращенное имя – Дина...

Взаимоотношения коня и нового хозяина складываются непросто: «Я все больше и больше увлекаюсь борьбой с этой злобно-капризной австриячкой. Ее настойчивое бешенство равняется моему жестокому хладнокровию. Есть восхитительные моменты в нашем единоборстве: кто кого переломит!.. С кокетством избалованной примадонны Дина позволяет себя убирать, вкусно и деликатно принимает овес и сено. Охотно несет Мухтара (адъютанта. – Авт.) – без седла – на водопой и любит купаться. Но едва дело доходит до седла – это шайтан, это водопад, а не лошадь. Она отбивается от седла, как весталка от ласки.

Поседланная, она беспрерывно дает «свечки», бьет задом и, что в особенности меня бесит, кусает. Конники говорят: «Бойся переда женщины и зада лошади». И от того и от другого уберечься можно. Но эта проклятая гибкая шея (проклятая и очаровательная), но эта звериная хитрость и хватка зубами?!

Не хлестать же Динины глаза?»

Почти полгода «длилась молчаливая упорная борьба. Весь полк интересовался и следил за ходом событий. И хотя опасался задавать вопросы самому Батыр-Беку, узнавал через вестовых и ординарцев о всяких переменях. С любопытством, носящим оттенок злорадства, шептались, что ротмистр Кабардейшауа истрепал вторую нагайку, но с Диной все-таки не совладал; что попытка его случить Дину с командирским Барсом кончилась позорным бравого текинца отступлением перед свирепым протестом своенравной австриячки и что непоколебимый в решениях своих Батыр-Бек готовит Дину к предстоящим скачкам. К дивизионным скачкам Дикой (Туземной конной) дивизии.

О них говорится в следующей записи: «Есть безумное счастье в победе. В поражении есть неутолимый стыд и яростная, пришибленная и тем более гневная злоба. Сегодняшний день всю жизнь будет стоять передо мной. Сегодня я победитель и побежденный сегодня я...

Она прекрасных благородных кровей. Ее карьер – это полет звезды, это смерч, это дьяволов бег. Я готов вырвать свое сердце и сердцем Батыр-Бека наградить Дину. И убить, убить готов я за строптивую гордую непокорность...

Я пришел к старту первым. Оставил других на много корпусов. В сравнении с ходом Дины, ход ее «соперницы» Алмазной – собачья рысь и ничего больше... Мы неслись вдохновенно, властно; мы слились в одно – стремительное, победное. Знала же она, что мы, мы победили?!

Я впервые за эти мучительные месяцы отдал повод. Я наклонился к ее уху и нежно, и гордо, и любовно шептал ей:

– Дина, Динуся!..

И эта стерва обернулась и куснула меня в лицо. Она вырвала левый ус... Прокляв прызы, я дал плетей и помчался в лес, в поле, в багряное пространство. С десяток верст гнал я окаянную кобылу и хлестал ее тело, голову, ноги... В овраге за лесом она начала спотыкаться. Это усилило мою ярость; я хотел запалить, загнать, исковеркать подлую тварь. Она стала припадать на передние ноги, и мое бешенство подсказало мысль: «Прикончить ее... – здесь – в углу – в овраге – пулей – уничтожить ее».

Я соскочил с седла и, держа поводья, хлестнул ее остатком плети. В темноте ночи я видел, как дрогнули ее глаза. Но дернуть головой уже не было силы... Я вынул наган, взвел курок и – нет! Я не убил Дину...

...Она искалечила меня не меньше, а больше, чем я ее. В темноте оврага я рыдал над Диной и над самим собой... И потом шагом повел ее в поводу домой».

Батыр-Бек от позора – он не мог показаться людям с выбритыми усами – берет отпуск и уезжает в Кабарду.

«За эти месяцы российские революции – Февральская и Октябрьская – докатились до Кавказа, и здесь поднялись волны обратного направления. Батыр-Беку не понадобилось возвращаться в полк: полка не было.

В осень 1918 года он пишет о своем желании выехать из района «красных» и присоединиться к «белым».

Потом стоит: «Я воюю с 1912 года. Персы, курды, немцы, австрийцы – вот мой путь. Сейчас новый враг: красные – большевики. Меж тем убивать уже надоело. Долго отсрочивал свой побег к белым. Но большевики сами ускорили мое решение: они вздумали реквизировать оружие и Дину – Дину, мою привязанность, мою радость. И вот я здесь, в П. (имеется в виду станция Прохладная, где располагался полевой штаб Терского восстания. – Авт.), командую повстанцами. Идет война на взаимное уничтожение. Внешний враг забыт. Прекрасно. Наши силы растут. Кто кого?.. Россия... Где она?»

И вот последняя запись о Дине: «Дина убита»...

Константин Чхеидзе, вспоминая тот бой 23 августа 1919 года в районе Царицына, пишет: «Я помню этот палящий августовский полдень. Развернутая лава неслась на окопы противника. Впереди отчетливым силуэтом, в кирпичного цвета черкеске – Батыр-Бек. Он ведет полк в атаку. Огненно-рыжая Дина распласталась над землей, и ее аристократические ноги упруго перебирают пространство... Я вижу запрокинутый за батыр-бековские плечи бинокль, не шевелящийся и при таком аллюре. Я слышу несущиеся, какие-то рваные крики; стрекот пулеметов и хлопанье винтовочных выстрелов, которыми всадники стараются воодушевить самих себя, стреляя стоя в седле.

Но вот смятение. Волна лавы дрогнула. Вот повернул центр, потом фланги – уже все несется обратно. А вслед им поднимаются зелено-серые

цепи, и кричат, и залпами провожают бегущих, и землистые лица со ртами, застывшими в крике, идут на нас. Между уходящей лавой и горловым ревом расстояние все растет. А между ними корчатся в своей крови раненые. И ближе к цепям – группа: вытянувшаяся на жаркой пыльной земле Дина и над нею склоненный Батыр-Бек; рядом, на коне, верный Мухтар: он не оставит своего командира.

А над цепями и лавой, над полем, пылью и кровью, стоит высокое солнце. Солнце с великим безучастием выпаривало здесь разливы Волги и сушило потную спину пахаря, а теперь превращает лужицы крови в медно-темные пятна.

Лава исчезает. Лава принесет в резерв панику, разнеся весть: убит командир, убит Батыр-Бек... Но – убита Дина.

Заурбек Даутоков-Серебряков (в центре). 1919

Мухтар забыл дисциплину, забыл адыгэ хабзэ, не соблюдает почтения к старшим. Некогда соблюдать почтение к старшим! Он трясет плечо командира и только кричит:

– Шехо, шехо! Нако, Батыр-Бек! Аллахими-хатырка... (Скорее, скорее! Бежим, Батыр-Бек, ради Бога! – *Авт.*)

И под визжащее пение пуль вывозит добрый мухтаровский конь двух молчаливых всадников; в седле – Мухтар, на крупе – Батыр-Бек; некогда, некогда соблюдать адыгэ хабзэ...»

Боль героя вырывается в поступке – пулями он прибавляет к дорожному столбу большой белый лист бумаги на котором пишет: «Хамы! Поганая пуля, пущенная подлой рукой, сразила мою единственную подругу. Вы убили мою благородную Дину. К моей ненависти к вашим красным идеям вы прибавили личную ненависть и месть. Берегитесь! Через мою месть вы узнаете, кто я. Батыр-Бек Кабардейшау».

Что было дальше? Заурбек Даутоков-Серебряков, прототип главного героя, погибнет в боях под Царицыном, через 4 дня после гибели Дины – 27 августа 1919 года.

Вот как об этом пишет Чхеидзе: «С того боя, в котором мы показали свой тыл, мы, как говорят в коннице, «потеряли сердце». Мы встречались с противником лишь для того, чтобы уступить и уйти. Наш полк редел, и таяли давно неполные сотни. Батыр-Бек искусно руководил арьергардными боями, всегда впереди всех, словно в поисках смерти. ...Каждое утро начиналось артиллерийской дуэлью; к полудню происходил встречный бой, и к вечеру мы отходили на новые позиции...»

В день ясный, в такой именно день, которого ждут съехавшиеся на минераловодские курорты любители веселой жизни, природы и пикников, – когда полуденное солнце встало над головой, с полей приволжских ушла к престолу Сущего душа Батыр-Бека.

Осколок гранаты – очень похожий на осколок метеора, которым, быть может, любовалась именно в этот самый момент минераловодская публика, – остановил биение батыр-бековского сердца», в котором, вернемся к началу рассказа, «каждый видел и мощь, и властность, и редкую одаренность кипучей его натуры. Был он строптив и замкнут и превыше всего дерзание ценил в человеке. Сам же дерзал как бы уже по привычке».

Блокнот, доставшийся, как вы помните, после смерти главного героя его адъютанту, предваряла надпись:

«Мои девизы:

- *Дорогу сильным!*
- *В ногу – ни с кем, никогда!*
- *Порыв не терпит перерыва!»*

Так он, Заурбек Серебряков-Даутоков, и прожил свою жизнь: не уступая никому дорогу, ни под кого не подстраиваясь, неустанно стремясь вперед. Знал ли только куда...

Остается сказать, что «Повесть о Дине» и «Вавочка», как и другие рассказы, легенды, очерки Константина Чхеидзе, вошли вместе с романом «Крылья над бездной» в его вторую книгу, подготовленную нашим издательством.

Но главный труд Константина Чхеидзе – воспоминания, которые он озаглавил «События. Встречи. Мысли» – по-прежнему остается в рукописи. Это потрясающая работа, позволяющая совершенно по-новому взглянуть на происходившее в Кабардино-Балкарии в годы Гражданской войны, увидеть эти события изнутри, узнать, что двигало людьми, имена которых записаны на скрижалях нашей истории.

Находит продолжение на страницах воспоминаний и любовная тема, в частности, взаимоотношения с женским полом Заурбека Даутокова-Серебрякова. Привлекает внимание один эпизод, весьма красноречиво говорящий о его достаточно высоких моральных принципах.

Итак, осень 1918 года. Отряд «Свободная Кабарда», который теперь называется *Кабардинская конная бригада*, направляется в Баталпашинск (Черкесск), где предстоит пятидневный отдых, а потом участие в боях в составе Добровольческой армии. И, естественно, «эти несколько дней отдыха офицеры бригады старались использовать на свой лад. В городе были женщины, много женщин: местных, пришлых, сестер милосердия, беженки. Завязывались молниеносные романы...»

Одна из таких искательниц приключений нагрязнула к Заурбеку, чье имя было окружено в городе ореолом особой восторженности и почтительности. Как поступил кабардинский дворянин? Как офицер и джентльмен.

Предоставим слово Константину Чхеидзе, адъютанту и секретарю Заурбека. Вечером он возвращается из редакции газеты, где знакомился с гранками материала, посвященного командиру, и застаёт следующую картину: «Заурбек и я помещались наверху, а его «телохранители» в нижнем этаже. Главный из них, по крайней мере считавший себя главным, Хазеша, остановил меня:

– *Не хады туда. У Заурбека баба сыдыт.*

Хазеша, низкий, плечистый, кривоногий, усатый, вечно ворчливый, вообще необыкновенно красочный тип, подробно описан в моей книжке «Страна Прометея». Он отчасти послужил образцом и для косоглазого Абу, одного из персонажей «Крыльев над бездной». Через минуту наверху послышалось какое-то движение, потом хлопнула дверь и раздался резкий окрик Заурбека:

– Эй, кто там... проводите барышню!

По лестнице спускалась особа необыкновенной наружности. Высокая, со стройным, гибким телом. Умопомрачительные формы, способные свести с ума. Ланиты белее снега, с легчайшим оттенком утренней зари. Губы – кроваво-алые, сочные, как свежая рана. Глаза бездонной глубины. Чудные волосы цвета крыла самого черного ворона.

Хазеша, пыхтя, бормоча самые ужасные проклятия, изобретенные кабардинским языком, отворил парадную дверь, выпроводил даму. Он ревновал Заурбека ко всем: к женщинам, мужчинам, лошадям, даже собакам.

Наверху я нашел своего «патрона» расфранченным и рассерженным:

– Вообрази, этакая *цаца!* Вздумала ставить условия... чтобы возил ее за собой, как какое-то сокровище... Догони ее, отдай от меня поддипломатичнее, ты понимаешь.

На столе лежали «подарки», чтобы не называть эти вещи «гонораром». Он сунул мне в руки большую коробку папирос («Лорд Китченер» – получить их простому смертному было невозможно), шикарную бонбоньерку (тоже чудо по тем временам и в тех местах), еще какие-то мелочи. Иду, так звали «цацу», я догнал; она шла медленным, величественно-плавным шагом, поводя бедрами, как Суламифь, Саламбо и Кармен в одном лице, как победительница, несмотря на то, что потерпела поражение. Подарки приняла без особых уговоров, с высокомерно-презрительной усмешкой.

Ида действительно была хороша, могла бы играть на сцене королев или цариц, например, Клеопатру. Но по своему нутру, в костюме сестры милосердия, она была искательницей приключений, «благородной распутницей» – тоже характерный тип эпохи Гражданской войны.

Обвиняли ее и в шпионаже (в пользу большевиков), должен был состояться суд, однако ее очередной «покровитель», командир дивизиона, пригрозил «весь мир» разнести «в пух и прах», если начнут судить, насильно освободил ее из-под ареста, помог скрыться.

Все было прекрасно в Иде: глаза, рот, тело, источавшие пленительные и грешные ароматы. Но в ней не было мягкого сияния женственности – обещания будущего материнства, а в этом тихом сиянии и заключается главная прелесть девочки ли, старухи ли: ореол Мадонны.

Ида, как следует дальше из текста воспоминаний, без мужского внимания не осталась, но имя героя ее романа было отнюдь не Заурбек, как хотелось искательнице приключений. Утешило ли ее сладкое содержимое изысканной бонбоньерки – осталось неизвестным...

ВАНО, НЕ ЗНАВШИЙ СТРАХА

По изданным книгам и неопубликованным рукописям Александра Чхеидзе можно проследить судьбы многих людей, чьи жизни были тесно связаны с Кабардино-Балкарией. Вот одна из таких биографий. *Иван Николаевич Церетели*, сын князя Кутаисской губернии Шаропанского уезда, родившийся в селении Сачхери 10 июля 1896 года. Из архивных документов, обнаруженных О. Опрышко, известно, что 1 ноября 1915 года Церетели обратился к командиру Кабардинского конного полка с просьбой принять его «в 4-ю сотню всадником на правах вольноопределяющегося 2-го разряда», 10 ноября был зачислен младшим урядником, 10 февраля следующего года представлен на чин старшего урядника; «приказом по 41-му армейскому корпусу награжден Георгиевским крестом 4-й степени», приказом от 11 апреля 1917 г. произведен в чин прапорщика...

А вот лирическое дополнение из книги «Страна Прометея»: «Маленький Ваню – девятнадцатилетний грузин, незадолго до Октябрьского переворота произведенный в прапорщики, служил в Кабардинском полку и пользовался здесь всеобщей любовью. На второй год войны он убежал из кадетского корпуса и, хотя это строго преследовалось, поступил вольноопределяющимся в Кабардинский полк. С первого дня прибытия на фронт и до переброски полка к Петербургу (Кабардинский полк принимал участие в неудачном корниловском выступлении) Ваню непрерывно находился в строю. Не было атаки, в которой он не принимал бы участия. Не было случая, чтобы при вызове «охотников» в какое-нибудь рискованное предприятие он сказал «нет». Но ни одна пуля не повстречалась с ним...»

Смелость, отвага, бесстрашие, не показное, а истинное презрение к смерти – вот каким был Ваню. Чхеидзе продолжает: «Есть люди, высшая радость которых состоит в том, чтобы дерзать. К таким людям принадлежал Ваню. Сам процесс соревнования, предельного напряжения сил, захватывал его целиком. Он радовался, когда жизни его угрожала опасность. Воспитанный в военной среде, он воспринял лучшее, что в ней есть, и счастливо избегнул худшего. Военная доблесть, «сам умирай, а товарища не выдавай», иди навстречу опасности – все эти слова и принципы были для него не «пустым звуком», но подлинными правилами жизни. Видя разложение, которое вносили коммунисты в единственную известную ему семью – армию, Ваню

проникался ненавистью и презрением ко всему, что связано с коммунизмом. В период, когда решался в Кабарде вопрос, встречать ли коммунистов поклонами или револьверами, Ваню открыто стал за револьверы...»

Именно Церетели по большому счету первым в Нальчике выступил против новой власти, вступив с ней в открытую конфронтацию: «В то время как другие люди, преследуемые большевиками, старались скрыться или держаться незаметно, Ваню открыто посещал митинги и выступал на них против коммунистической власти.

Ему доставляло удовольствие устроить коммунистам какую-нибудь каверзу: не забудем, что Ваню был, в сущности, еще ребенок. Он к большинству явлений жизни подходил с точки зрения шалости... Однажды Ваню подкрался к окну, за которым заседала какая-то из многочисленных коммунистических комиссий, и с криком «Смерть коммунистам!» бросил в комнату камень. Коммунисты хотели сделать из этого случая покушение и рассказывали, что в комиссию была брошена бомба. Но Ваню, не скрываясь, опроверг их и подробно описал, как было дело. В другой раз он отнял у красноармейца, стоявшего на посту, винтовку и научил его сказать начальству, что взял у него винтовку именно он – Ваню. За этот случай Ваню был объявлен вне закона! Как будто бы был закон. В ответ на объявление вне закона Ваню неожиданно появился на балу, устроенном культурной комиссией, и, повстречавшись там с комиссаром Сатовым (его называли главой тайной ЧК), показал ему нос. Комиссар схватился за револьвер, но поздно: Ваню был уже за окном и удирал в темноте сада.

Но все эти шутки были не более чем предисловием к тому, что последовало. Коммунисты арестовали брата той девушки, которую любил Ваню. Ему угрожал расстрел. Знавшие закулисные дела коммунистов люди утверждали, что на расстреле особенно настаивает комиссар Сатов. Ваню решил убраться комиссара Сатова».

«Страна Прометея» – произведение художественное, и Сатов – это псевдоним. В своем документальном исследовании «Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде» Чхеидзе раскрывает его: «Противобольшевистское движение в Нальчике началось так. Корнет Кабардинского конного полка Ваню Церетели, счастливо избежавший ареста, скрывался в Вольном ауле. Он подозревал или знал, что некоторые его друзья арестованы и расстреляны большевиками. Он считал, что главным виновником большевизации Кабарды и упомянутых сейчас событий является комиссар Сахаров. Всех большевиков вместе и отдельно он считал своими врагами, как разлагателей армии и погубителей России». В своих неопубликованных воспоминаниях «События. Встречи. Мысли» Константин Александрович также называет фамилию Сахаров.

Алексей Иванович Сахаров (1890–1918) – член Терского областного народного Совета, комиссар Нальчикского округа и председатель Нальчикского окружного народного Совета с 21 марта по 30 июля 1918 года. На тот момент «один из самых ответственных работников в Кабарде и Балкарии». Имя убийцы стало известно сразу, впрочем, сам Ваню и «сообщил, что это он убил Сахарова, просил не преследовать других за его поступок». И хотя в заявлении Б. Э. Калмыкова, сделанном 10 июня 1920 года, были названы две фамилии: «В том же месяце (июле) 1918 года в Нальчике был в гостинице Шуйского убит комиссар Нальчикского округа Сахаров. Исполнителями были офицеры Кабардинского полка Церетели, Инароков», на самом деле в гостинице был только Ваню.

Чем руководствовался убийца? Его однополчанин находит такое объяснение: «Ваню принадлежал к числу прямолинейно мыслящих людей, его патриотизм «лежал в одной плоскости». Армия и родной полк были его единственной семьей. Немцы, «подло» пропустившие через свою территорию большевистских вождей, разрушили армию и полк; большевики являлись в его глазах пособниками немцев. Поэтому Ваню ненавидел тех и других, бился с ними насмерть. Когда он вонзил кинжал в горло комиссара Сахарова, он считал, что выполняет свой священный долг... Такого рода «цельных» людей было много по обе стороны барьера, разделившего Россию на два враждующих лагеря».

А как пытался объяснить принятое решение сам Церетели? «Ваню... говорил, что был в положении обороняющегося: пришли люди, которые хотели уничтожить часть людей и потом на трупах построить какое-то непонятное и противное счастье. Часть людей, подлежащая истреблению, находилась под ударом ножа. Чтобы их спасти, Ваню решил ножу противопоставить нож. И, как он говорил, его главной заботой в этот вечер была кожаная куртка комиссара: во избежание шума Ваню не хотел стрелять, а кинжал может соскользнуть, и тогда пропадет сила удара».

Сахаров был вовсе не простой личностью. Сын железнодорожного служащего, работавшего на Пермской железной дороге, он окончил не только сельскую школу, но и Екатеринбургское городское училище, а впоследствии Уральское высшее горное училище, став квалифицированным инженером горного дела, так сказать, «белой костью». Он работал по специальности на шахтах Сухого Лога, Омска, Горловки, Донбасса...

Что же привело его в революцию? Нам это точно неизвестно. Но то, что выбор был осознанным, не подлежит сомнению. Революционный кружок, чтение запрещенной литературы, участие в революции 1905 года и пылающая ненависть к царскому режиму и его клеветам.

«Я знаю, – говорил Алексей Сахаров с трибуны второго съезда народов Терска, проходившего в феврале 1918 года в Пятигорске, – казаков с того

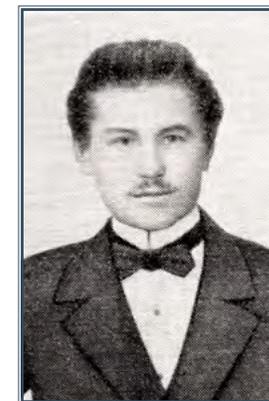
самого осеннего дня 1905 года, когда казачья плеть рассекала мне плечо, а казацкие кони на моих глазах затоптали насмерть двух моих товарищей. Я знаю казаков с того самого времени, как стал революционером...»

Алексей Сахаров оказался на Кавказе в 1915 году, когда стал работать на предприятии знаменитого Нобеля под Грозным. Каким он был? Одна точка зрения нам хорошо известна: «защитником нужд рабочего класса, борцом с мерзостью капиталистической эксплуатации». А вот вторая: «В восемь часов вечера комиссар Сатов возвращался в номер, пил чай, потом занимался до десяти-одиннадцати и ложился спать. Перед сном долго гляделся в зеркало и вспоминал героев французской революции. Комиссар Сатов принадлежал к числу воображающих людей. Горе человеку, попавшему в плен воображения. Трижды горе человеку, когда он воображает, что одна двадцатая часть его существа – интеллект – может покорить все существо».

На сохранившейся дореволюционной фотографии мы видим задумчивого молодого человека с густой шевелюрой зачесанных назад волос, большим лбом, ясными глазами, классическим носом, щеточкой усов над верхней губой. Одетого в двубортный пиджак по моде, белую сорочку со стоячим воротником, с черным галстуком-бабочкой на шее. Не случайно нальчикское общество находило комиссара Сахарова «симпатичным».

Но Чхеидзе, увидевший Сахарова спустя три года, рисует иной портрет, словно речь идет о совершенно другом человеке: «Зеркало отражало несколько удлиненное лицо, с большими глазами, окаймленными редкими бесцветными ресницами. Большие глаза с редкими ресницами – признак подверженности человека ошеломлению мечтой. Взлохмаченная шевелюра удлиняла лоб, убегающий назад. Вьющаяся бородка закрывала остроконечный подбородок, в середине которого была ямка. Верхнюю губу комиссар брил, считая, что так он делается таинственнее: напоминает масона».

И дело даже не в отращенной бородке и сбритых усах: рядовой горный инженер на разных шахтах и красный комиссар, ставший первым большевиком, – это, как говорят в Одессе, две большие разницы: человек один, но образов – два. И образу «главного лица в Нальчике» – твердокаменного, безжалостного к врагам новой власти – надо было соответствовать. Правда, судьба не дала раскрыться в полном объеме сахаровским способностям и мечтаньям.

Алексей Сахаров. 1915

Пути красного комиссара Алексея и белого мстителя Ивана должны были скреститься: «Вано выбрал время, когда комиссар Сатов сидел, разбирая бумаги, покуривая и отпивая чай из стоявшего перед ним стакана. Шел десятый час вечера. Вано постучал.

– Войдите!

Перед комиссаром лежал револьвер, о котором он забыл, как все невинные по существу люди в минуту опасности. Человек, рожденный для войны, инстинктивно находит оружие, когда есть в нем нужда.

– Вы комиссар Сатов? – спросил Вано.

– Я, – сказал тот, приподнимаясь.

О нем можно сказать, что в эту минуту он действительно не понимал, «в чем дело». Комиссар сидел в рубашке, с кожаной курткой, наброшенной на плечи.левой рукой Вано откинул назад комиссарский подбородок, а правой всадил кинжал между ребер, вытащил обратно, затворил за собой дверь и убежал. Через несколько минут раздался в номере выстрел. Потом другой. Потом раскрылись двери, и обливающийся кровью Сатов медленно вышел в коридор. Сошел вниз. Стреляя и выкрикивая непонятные слова, направился почему-то в сад, где еще влюбленные гуляли и слушали шепоты южной ночи. Под ветвистой липой он упал и уже никогда не поднимался».

Почти такая же картина нарисована в документальном исследовании: «Вопль и рев комиссара огласил, и потряс, и перепугал Нальчик. Сахаров, придерживая руками рану, и оставляя широкий след крови, бежал к скверу, упал под одной из лип и умер. Куда он направлялся, осталось невыясненным».

А потом были похороны, первые красные похороны в Нальчике – с венками, перевитыми красными лентами, гробом, обитым розовой материей (кровавого кумача на нужды новой власти требовалось слишком много), комиссарами, «хранившими задумчивое молчание» и сотней красных кабардинцев, распевавших совсем неуместную в данном случае песню:

«Оружием на солнце сверкая,
Под звуки лихих трубачей,
По улице пыль поднимая,
Проходил полк гусар-усачей...»

Но все дело в том, что других они не знали...

За похоронами наблюдал и Заурбек Даутоков-Серебряков. На тот момент «он не был ни «за» убийство, ни «против» него. Он оценивал и рассуждал.

Он сказал: «Вот мы присутствуем при первом действии. Занавес поднят. Какие артисты выйдут на сцену? И кто больше сорвет аплодисментов?»

Артистов, как мы знаем, было много, даже слишком много – война включила в свою орбиту все население России, зрителей как таковых не осталось...

А с бесстрашным Вано мы встретимся на страницах воспоминаний еще не раз. Особенно поражает эпизод осени 1918 года, когда отряд «Свободная Кабарда» направляется в Баталпашинск (Черкесск). Вот как об этом вспоминает Чхеидзе: «Предстояло совершить переход через реку Кич-Малку – узкую, стремительную, коварную. Брод на реке был, но надо было спуститься вниз, на дно ущелья, а потом по крутому подъему подняться вверх. Там – за перевалом – начиналась карачаевская и черкесская земля: «Кубанская область». Переход через Кич-Малку – операция тяжелая и опасная. С одной стороны, борьба с природой, в этих местах особенно суровой, с другой – противник мог воспользоваться тем, что боевой порядок волей-неволей нарушался, и нанести удар. Заур-бек разослал разъезды, чтобы «осветить местность». Было приказано подготовить пулеметы и орудия. Со своим малочисленным штабом и группой всадников и офицеров – любителей всяких приключений – он и сам отправился в сторону Кисловодска, откуда можно было ожидать нападения. Мы ехали вдоль хребта, а внизу простиралась долина, еще и теперь покрытая ярко-зеленой травой. Внезапно вдали показался отряд, по-видимому, разъезд противника, десятка три-четыре всадников в горской одежде. Они увидели нас. Вперед вылетел один всадник – лучи солнца играли на шашке, которой он размахивал.

– Эй вы, – кричал он, – вызываю на бой... на шашках... один на один! Эй, выходи!!

Не правда ли, удивительный поединок для начала двадцатого века! Словно время повернуло вспять и сошлись в смертельной схватке, как столетия назад, два воина, на этот раз красный и белый...

– Заур-бек, разрешите! – Вано Церетели на ходу бросил эти слова и, не дожидаясь ответа, помчался вниз.

Одинокий всадник впереди все еще стоял на стременах, размахивал шашкой. Вот внизу показался Вано. За ним спустились наши люди и остановились, выстроившись и приготовив винтовки. Прямо настоящий рыцарский турнир... И где? В Кич-Малке! И когда? – в момент, когда разыгрывается трагедия тысяч и тысяч людей.

Вано потряс шашкой – знак, что принимает вызов. Оба отряда «секундантов» остались на местах, а соперники карьером устремились друг против друга. Вот они сблизились. Но, вместо того чтобы рубиться на шашках, Вано не задержал коня, разогнал его еще сильнее и с размаху обрушился. Возле казармы учебной команды Кабардинской конной дивизии в слободе Нальчик. 1919 >

на того, кто пригласил его на поединок. На мгновение ничего нельзя было разобрать. Потом мы увидели Ваню, как он делает широкий вольт и возвращается к своим, увидели коня его противника, но без всадника.

– Да нет, я не хотел его убивать, просто сбросить, – смеялся Ваню, поднявшись наверх, – ей-богу, жалко было – он молодец, джигит!».

Это уже было не убийство, как только и можно было оценить приход Ваню к Сахарову; это было настоящее состязание – ради товарищей, их жизней.

Мог ли знать Ваню Церетели, что это было последнее геройство в его судьбе, что совсем скоро закончится его такая короткая – 22 года! – жизнь, что примет смерть он не от ненавистных ему большевиков, а от товарища по оружию.

Об этом свидетельствовала строчка из документального исследования «Генерал Заур-бек...»: «Он был убит «другом», своим «белым», несколько месяцев спустя...». Но что конкретно произошло, мы узнали, только получив возможность ознакомиться с воспоминаниями Константина Чхеидзе: «Ваню заступился за одного старика, которого Султан Инароков, вдребезги пьяный, оскорбил, хотел ударить. Ваню подставил под удар руку; Султан остервенел и выстрелил...».

Узнав об этом, Заурбек и его верный адъютант «вскочили на лошадей, помчались темными улицами к месту происшествия. Около дома, где прятался Султан, стояли его родственники, с винтовками наготове. Напротив них чуть ли не вся третья сотня, где служил Ваню.

Заур-бек налетел как ураган. Властно оттолкнув от дверей кого-то из родственников, вбежал в комнату, увидел Султана. Лицо у Заур-бека в минуты ярости было страшнее, чем у ягуара. Султан попятился в угол. С криком «Мерзавец, убийца!» Заур-бек со всей силой ударил его рукояткой маузера в лоб. Тот свалился.

– Уберите эту падаль!

Он вышел на крыльцо:

– Приказываю приковать Султана к колесу орудия цепью. Поставить караул. Завтра назначаю военно-полевой суд... А теперь все разойдитесь... Разойдитесь, я говорю!»

«Я поехал проститься с Ваню, – вспоминает Александр Чхеидзе. – Он лежал, еще теплый, в мертвецкой военной больницы, на длинном помосте, рядом с другими усопшими. Пуля пронзила грудь навывлет. Ваню спокойно лежал, склонив голову набок. Я покрыл бесчисленными поцелуями его лицо и его сердце, нежное к друзьям, жестокое к врагам, – сердце, не знавшее страха».

Вот и вся история про жизнь и смерть Ваню Церетели, память о котором не сохранила история Нальчика...

МАШТАЙ, МОЙ САЖЕННЫЙ ДРУГ...

В 2004 году, спустя 72 года после первой публикации в белоэмигрантском Шанхае, наше издательство вернуло книгу Константина Чхеидзе «Страна Прометея» на землю, о которой она повествует. Реальные, узнаваемые герои, подлинные, происходившие в действительности события, конкретное место действия – все это позволяет рассматривать книгу не только как высокохудожественное произведение, но и исторический документ, облеченный в форму лирического дневника. Эта подлинность (надо помнить, что автор находился за тысячи километров от ущелий Балкарии и для уточнения чего-то мог обратиться только к своей памяти) поражает еще больше, когда сегодня, благодаря найденным фотографиям, мы имеем уникальную возможность взглянуть в лица героев повествования.

Вот глава пятая и седьмая – «Тенгиз» и «Маштай, сын Тенгиза». Они о балкарском таубии (князе) из селения Безенги – Тенгизе Казиевиче Суншеве. Том самом Тенгизе, о котором Чхеидзе пишет с восторгом, как о самом уважаемом человеке «во всех ущельях и встреча с которым оставила во мне неизгладимое впечатление на всю жизнь... Скажу больше: ни до того, ни после того я не встречал человека, которого поставил бы, не говорю – выше Тенгиза, о нет, конечно же нет, но рядом с Тенгизом. А пришлось мне встречать многих и многих: ученых, великих князей, полководцев, писателей и других людей, которых иногда называют великими. Пусть называют».

Но наш рассказ не о великом Тенгизе, прожившем 120 лет, как убежден писатель («ему было шестьдесят с лишним лет, когда произошло покорение Кавказа»), а на самом деле всего лишь 88 (1829–1917), а о его сыне Маштае. Что мы знаем о детях Тенгиза? Со слов Чхеидзе, «все его дети от первого, второго, третьего, четвертого, пятого и шестого браков, так же как и шесть предыдущих жен, – умерли. ...Седьмая жена родила ему трех сыновей и одну дочь. Дочь была младшей в семье, ей было около двадцати лет». А вот сведения из посемейного списка Безенгиевского общества за 1886 год: «Тенгиз Суншев имел сыновей: Кубадий – 22 года, Кумук – 2 года 6 месяцев, Далхат – 6 лет 6 месяцев». Маштая и Нашхо здесь нет – и понятно: они родились позднее, Маштай, в частности, в 1896 году.

Не надо уточнять, который из них Маштай.

Вспомним Чхеидзе: «Маштай! ...Мой саженный друг, который поднимал молодого коня так, как обыкновенный человек поднимает барана...». И даль-

ше: Маштаю «было в то время (речь идет о 1916 годе. – *Авт.*) лет двадцать. Он был подобен чинару. Чинар – белоствольный витязь Кавказских гор...

Небо благословило Тенгиза рождением его совершенного подobia – Маштая. Смотри на сына, он видел себя, видел себя таким, каким был сто лет назад. И радость отца состояла в том, что сын, не перешивая, носил его черкеску, сшитую, быть может, во времена имама Шамиля».

Взгляните на другую фотографию – не правда ли, он такой и есть.

Что нам известно о Маштае, опять же со слов Чхеидзе? Что он, следуя завету отца, был «правдив с собою и великодушен с людьми». Книга рассказывает всего о двух эпизодах из его биографии, но каких!

Маштай вместе с другими подростками посещал медресе при мечети, занятия в котором вел мулла, чье «увещание для нерадивых учеников заключалось в гладко оструганной кизиловой палке с набалдашником на конце», которая регулярно прикладывалась «к плечу или рассеянной голове». Братья Гемуевы, «первейшие сорванцы аула», как-то принесли на занятия ужа и выпустили его: «Судьбе угодно было направить ужа на Маштаеву спину. Как раз тогда, когда, сморщив лоб и не отрывая глаз от рта муллы, Маштай с особенным чувством протяжно выводил руладу, холодная голова ужа лизнула его шею. Маштай оборвал пение, схватился за шею... Набалдашник хаджи сделал свое дело с таким искусством, что уже через пять минут на границе, где кончается лоб и начинается темя, выросла здоровенная дуля». Естественно, Маштай не стал оправдываться, что он ни при чем.

Но события эти имели продолжение. На следующий день те же шутники Гемуевы водрузили на низкую кровлю мечети громадный камень, готовый каждое мгновение рухнуть на землю. Мулла на этот раз догадался, кто устроил подобное святотатство и «взяв посох наперевес, набалдашником вперед, устремился на Гемуевых в атаку».

Как поступил в этой ситуации Маштай? Вчитайтесь: это описание стоит привести.

«Маштай выступил вперед и сказал:

– Оу, хаджи! Пусть твоя палка упадет сюда! – Он показал на свою грудь, на его груди уже тогда мог уместиться мельничный жернов. – Это я сделал, – продолжал Маштай, – я один это сделал...

И было в его позе нечто, что утихомирило взволнованного учителя. Он хмуро взглянул на Маштая. Подумал минуту и потом отменил занятия.

...Подвиг Маштая был таков, что затемнял все остальные события и треволения жизни...».

И еще один эпизод. Вот что произошло, когда представители царской администрации, направившиеся в горы с целью внести ясность в спор между Хуламским и Безенгийским обществами о границах одного из покосных участков, ужинали. Стол ломился от баранины и бузы, были пиво и

арака, но на всякий случай распорядитель стола (а был им Далхат, сын Тенгиза, старшина Безенгийского аула) поинтересовался, не желают ли гости еще чего-нибудь. И тут раздался голос господина, который, кстати говоря, собирался в горы, как на Северный полюс:

«– Эх-эх-эх! Коньячку бы сейчас! Вот бы здорово!»

Опять дадим слово Чхеидзе:

«Председатель слегка нахмурился, потом, решив загладить выступление юрисконсульта шуткой, засмеялся:

– Ну нет, знаете ли, насчет коньячку тут слабо. Придется подождать до Нальчика!

Все засмеялись. Но не засмеялся Далхат. Правило «гостю и старшим почет», причем всякому гостю, действует днем и ночью, в горах и в долине. Он вспомнил о запасе коньяку и вин, имевшемся дома. Далхат отозвал Маштая, и через минуту громадная тень карабкалась по дороге, уходящей вверх, к перевалу. Слышно было, как шуршат по каменистой дороге копыта и как покрикивает Маштай, чтобы придать бодрости себе и коню. До селения Безенги было... двенадцать верст по ближайшей крутой дороге».

Семья таубиев Суншевых (слева направо): Маштай, Кумук, Нашхо, Далхат, Магомед. Аул Тюбенель, Безенги. Начало XX века. Фото Н. А. Буша

Ночь, темнота, горная тропа, пролегающая большей частью над пропастью, по которой надо проехать 12 верст в одну сторону, а в обе – более 25 километров, уточним для тех, кто подзабыл, что такое верста. И ни минуты раздумий.

... Стол был в самом разгаре, когда Маштай привез коньяк.

Напомним, что последний эпизод относится к 1916 году. А потом была революция и «братская кровь обагрила белоснежные вершины». И судьбы двух молодых людей, чуть ли не погодков, вновь пересеклись: Чхеидзе, будучи адъютантом экспедиционного отряда Заурбека Даутокова-Серебрякова, по просьбе родственников Маштая берет его на службу, зачисляет в команду ординарцев, дабы вместе «пережить не одну тревожную минуту в период Гражданской войны».

Больше о судьбе Маштая в книге ничего не говорится. Но нам известно то, чего никак не мог знать автор «Страны Прометей». Обратимся к архивным документам, выявленным Олегом Опрышко. В списке лиц, находящихся в бандах, скрывающихся от советской власти, составленном 11 марта 1925 года, читаем:

«Суншев Маштай Тенгизович, 30 лет, князь.

Скрывается – с 1920 года.

Причина – контрреволюционер.

В какой банде и где скрывается – неизвестно.

Приметы скрывающегося: роста высокого, волосы черные, глаза карие, на лице шрам.

Кто ближайшие родственники – Далхат и Кумук Суншевы».

Этим сведениям несколько противоречит документ, составленный годом ранее, 13 марта 1924 года. Отмеченный грифом «Совершенно секретно», он адресован начальнику Административного отдела областного ЦИКа: «Во исполнение Вашего предписания за № 37/с при сем представляю список лиц, эмигрировавших в период Гражданской войны за границу и в другие сопредельные страны.

... 23. Суншев Маштай Тенгизович, 28 лет.

В каком чине – прапорщик.

Когда эмигрировал и местонахождение – с 1920 г. Турция.

Причина эмиграции – белогвардеец.

Число членов семьи – семьи нет».

А что же было дальше? Пока нам известно только одно – дальше была вечность. И вслед за Константином Чхеидзе остается повторить: «Да будет вечная память тому невозвратимому доброду, что было в минувшее время! И пусть наполнится наше сердце неиссякаемой благодарностью Творцу, благословившему мир красотой, живущей в горах Кавказа, и да не изгладится память о людях, подобных Тенгизу».

И Маштаю, добавим мы.

ПОСЛЕДНЯЯ ДОРОГА «РУССКОЙ ФРАНЦУЖЕНКИ»

Процитируем свою же книгу «Нальчик и его окрестности» (2006): «Справа от сквера (имеется в виду сквер Свободы, на территории которого находится Танцзал) стоял дом начальника округа. Несколько дальше сквера – пороховой склад (в виде крепостной башни). За ним – тюрьма, мимо которой вилась дорожка в Атажукинский сад, холерный барак».

Сей холерный барак, а на самом деле крошечный домик, оставил след не только в архивных документах, но и по большому счету на скрижалях истории Страны Советов. Ведь именно отсюда в начале октября 1920 года отправилась в последний путь (в свинцовом гробу) выдающаяся революционерка Инесса Арманд – та самая «русская француженка», к которой Ленин питал глубокие сердечные чувства.

Инесса Арманд, дочь французских актеров, наследница лесов, поместий, доходных домов в Москве, познакомилась с Владимиром Ульяновым в Париже в конце 1909 года. И с этого времени их судьбы переплелись – Арманд была участницей революции 1905 года, преподавала в партийной школе в Лонжюмо, представляла большевиков на Международной конференции. После 1917 года заведовала женским отделом ЦК.

За эти три года она настолько подорвала свое здоровье, что Ленин настоял на ее срочном лечении. А вместо Франции, куда собиралась Арманд, посоветовал поехать на юг – «к Серго на Кавказ», как написал он ей в своей записке, не забыв направить в Кисловодск и депешу следующего содержания: «Прошу всячески помочь наилучшему устройству и лечению тов. Инессы Федоровны Арманд с больным сыном. Прошу оказать этим лично мне известным партийным товарищам полное доверие и всяческое содействие».

Инесса отправилась вместе с больным туберкулезом сыном Андре (у нее, к слову, было пятеро детей – четверо от первого мужа Александра Арманд и один от его брата, к которому она ушла после девяти лет совместной жизни). Но так как обстановка в Кисловодске вскоре обострилась – поблизости от санатория, где отдыхала Арманд, произошла перестрелка, – было решено переправить ее в Нальчик.

О дальнейшем существует две версии. По одной, об этом пишет в своих воспоминаниях Рахиль Гладштейн, также отдохавшая в августе 1920 года

С мужем Александром Армандом. 1895

в Кисловодске в санатории по Ребровой балке, когда станция Белый Уголь была захвачена белыми, она «получила распоряжение нашего командующего, переданное по указанию Ленина: немедленно в автомашине отправить находившихся в санатории Коллонтай и Арманд в Нальчик, чтобы оттуда они были вывезены поездом в Москву. Это распоряжение я немедленно выполнила...»

По другой, которая куда ближе к реальности, «когда над Кисловодском нависла угроза окружения, отдыхающих решили эвакуировать. Инесса организовывала погрузку людей, намереваясь оставаться в Кисловодске до последнего. Ей пригрозили: если не уедет добровольно, при-

бегнут к помощи красноармейцев. Она подчинилась. Эшелон был направлен в Нальчик, но на узловой станции Беслан застрял: дороги были забиты беженцами. Наконец поезд прибыл, и Инесса отправилась в Нальчик. Осмотрела город, была на собрании местных коммунистов, а ночью ей стало плохо. Не желая беспокоить соседей, она терпела до утра. Двое суток пролежала в больнице. В полночь 23 сентября Инесса потеряла сознание и к утру умерла. Стоянка в Беслане оказалась роковой: она заразилась холерой».

Скончалась она в том самом холерном бараке, как было выше сказано, 24 сентября. Но еще восемь дней лежала в морге, пока местные власти искали свинцовый гроб и решали вопрос со специальным вагоном. Все эти дни на столе Ленина лежала вот такая телеграмма: «Вне всякой очереди. Москва. ЦК РКП. Совнарком. Ленину. Заболевшую холерой товарища Инессу Арманд спасти не удалось тчк Кончилась 24 сентября тчк Тело перепроводим в Москву тчк Назаров».

Гроб с телом соратницы и любимой Ильича был доставлен на поезде в столицу 11 октября. Ленин встречал его вместе с Надеждой Крупской на платформе московского Казанского вокзала. Свидетелем этого оказалась

старая большевичка Елизавета Драбкина, вспоминавшая: «Уже почти рассвело, когда, дойдя до почтамта, мы увидели движущуюся нам навстречу похоронную процессию. Черные худые лошади, запряженные цугом, с трудом тащили черный катафалк, на котором стоял очень большой и поэтому особенно страшный длинный цинковый ящик, отсвечивающий тусклым блеском. Стоя у обочины, мы пропустили мимо себя этих еле представлявших ноги костлявых лошадей, этот катафалк, покрытый облезшей черной краской, и увидели идущего за ним Владимира Ильича, а рядом с ним Надежду Константиновну, которая поддерживала его под руку. Было что-то невообразимо скорбное в его опущенных плечах и низко склоненной голове. Мы поняли, что в этом страшном ящике находится гроб с телом Инессы».

На самих похоронах Владимир Ильич не смог сдержать слез. Секретарь Третьего интернационала Анжелика Балабанова вспоминала: «Не только лицо Ленина, весь его облик выражал такую печаль, что никто не осмеливался даже кивнуть ему. Было ясно, что он хотел побыть наедине со своим горем. Он казался меньше ростом, лицо его было прикрыто кепкой, глаза, казалось, исчезли в болезненно сдерживаемых слезах...». Ее дополняет Александра Коллонтай: «Когда мы шли за гробом Инессы, Ленина невозможно было узнать. Он шел с закрытыми глазами и, казалось, вот-вот упадет».

Арманд похоронили у Кремлевской стены. Жить самому вождю оставалось три года и неполных четыре месяца...

«Смерть Инессы Арманд, как писала все та же Коллонтай, ускорила смерть Ленина: он, любя Инессу, не смог пережить ее ухода».

На месте холерного барака была впоследствии разбита площадь Братская, которая просуществовала совсем недолго – сейчас здесь располагается часть улицы И. Арманд и пятиэтажный дом, на фасаде которого, выходящем на улицу Шогенцукова, висит мемориальная доска. Надпись на ней гласит: «Здесь находился домик, где провела свои последние дни И. Ф. Арманд. 1874–1920. Деятельница международного коммунистического и рабочего движения».

РАСЧИСТКА

Ответ на вопрос о том, почему на политическом поле Кабардино-Балкарии с установлением советской власти количество игроков (выразимся так, имея в виду, прежде всего, знаковые личности) было не просто предельно малым, а жестко ограниченным, как будто очевиден. Устранялись все, кто мог составить конкуренцию лидеру республики – Беталу Калмыкову. Но вот что интересно: расчистка эта (по аналогии с термином *зачистка*, вошедшим в повседневную практику российских правоохранительных структур) началась не в тридцатые, как многие считают, годы, а практически сразу после победы нового режима, по большому счету чуть ли не с первых его дней. Документы, которые мы сегодня обнародываем (ранее недоступные и, естественно, непубликовавшиеся), убедительно свидетельствуют об этом. Свидетельствуют судьбами – порушенными, исковерканными, уничтоженными.

Вот лишь одна из них – *Дула Пшизабиевича Шекихачева (1877–1928)*.

Кто сегодня помнит об этом человеке – одном из лидеров кабардинского народа, проявившем себя не только в масштабе республики, но и всей Терской области? Кроме историков (впрочем, очень и очень немногих – большевистский период сегодня не в чести), пожалуй, никто. Даже всезнающий Интернет практически ничего не дает на введение фамилии «Шекихачев». И это вполне объяснимо – слишком рано этот человек был вырван из общественной жизни.

Дул (в некоторых источниках Дуль, но мы будем исходить из его собственноручного написания имени) родился в селении Нижнее Кожоково (ныне Нижний Черек). Его биография до 1917 года нам мало интересна, а вот послеоктябрьская весьма знаменательна. Ведь, как пишет сам Дул, он «впервые из всех кабардинских работников вступил в ВКП(б) в городе Владикавказе и впервые организовал в Кабарде комячейку по заданию партии, и с этого времени непрерывно работал в Кабардино-Балкарской автономной области до 1924 года сначала по партийной линии, а потом по кооперации». О своих заслугах – а Д. П. Шекихачев участвовал в работе всех пяти съездов Терской области, в 1920 году являлся членом Нальчикско-

го окружного исполкома, в 1921 году – членом Кабардинского областного оргбюро РКП(б) – он пишет много. Но главное, что сообщает и об атмосфере, воцарившейся в Кабардино-Балкарии с приходом к власти Бетала Калмыкова. Напомним, ставшего в 1920 году председателем Кабардино-Балкарского областного исполкома.

Обратимся к заявлению, написанному 31 марта 1924 года, – всего четыре года назад советская власть установилась в Кабарде и Балкарии; еще в январе был жив Ленин! Адресовано оно высшим руководителям партии коллективного разума и руководства.

Признавая допущенные им ошибки – в ходе дискуссии о роли профсоюзов он голосовал за линию Троцкого, Дул продолжает: «Когда Калмыков приехал (он был в Москве), то начал бешеную травлю меня, ибо чувствовал, что в Кабарде он в партии не имеет никакой поддержки... У него в Баксанском округе, откуда он происходит, не было ни одной коммунистической ячейки, в то время как громадное большинство Кабардинской организации РКП было из Урванского округа, то есть оттуда, где я работал подпольно и организовывал ячейки. Все ячейки и организации указывали на некоммунистическое поведение тов. Калмыкова, в то время как меня они знали и поддерживали».

Но обвинили в «некоммунистическом поведении» самого Шекихачева. На созванной по предложению Калмыкова конференции он был «снят с секретарских обязанностей», его делом занялась партийная следственная комиссия, спустя шесть месяцев (все это время Шекихачев, естественно, «был отстранен от работы и даже голодал») сделавшая вывод, что «ничего противокommунистического в поведении, работе Шекихачева не найдено».

Первая атака Калмыкова на бывшего соратника завершилась безрезультатно, его даже трудоустроили – но не по партийной или советской линии, а в кооперацию. Дул Шекихачев попытался «поговорить душа в душу с тов. Калмыковым, но, как оказалось, «до него нельзя добраться, нельзя попасть в его кабинет даже мне, его старому товарищу». Тогда он решил уехать из Кабарды: повод – продолжение учебы. Результат – исключение из партии. Как это стало возможным? Обвинений оказалось предостаточно.

Кстати пришлось партийная дискуссия и пребывание в Кабарде Микояна, отреагировавшего на характеристику Калмыковым Шекихачева словами: «Если он такой преступник, то зачем держать его в партии». В своем выступлении на общем собрании, состоявшемся 15 февраля, Бетал назвал

Дул Шекихачев

З а я в л е н и е.

Я сын кабардинского крестьянина, крепостного узденей Шекихачевых, от которых- каким путем я не знаю- досталась фамилия моим предкам Шекихачеву из аула Ниж. Кожожово, ныне Нижний Черек, Урванского округа Кабардино-Балкарской Автономной Области.

Родился в 1877 г., значит мне сейчас 47 лет. До 1901 г., т.е. до 24 лет я работал в доме отца землероба, не знаю ни одного слова до этого возраста по русски, не умел ни читать ни писать. С 1901 г. по 1907 г. я был грузчиком на ст. Котляревской, связался с рабочими в этой работе. В 1905 году не зная ничего я ездил на ст. Минеральные Воды, чтобы только послушать митинг о свободе, о котором я слышал тогда. В 1904 г. я уехал в Россию искать заработка, ознакомился с жизнью угнетенного класса, русского мужика. После 4 месяцев скитания и безработицы, родоная, я поступил в лесную охрану к одному помещику в Рязанской губ. Там проработал до 1911 г. Вернулся опять домой и опять занялся земледельчеством в своем ауле и занимался этим делом до 1916 г. За время пребывания в России я слышал кое-что о революционных кружках и партиях. В своем ауле я организовывал это время революционный кружок, куда входили ряд теперешних работников, в том числе и т. Зигалов, ныне член Урванского Окружного Исполкома Кабарды.

В 1916 году я полумобилизован, полудоброво льно попадаю на тульский фронт с подполком в Саракмши, где работал до мая 1917 г. После революционной революции Транскавказский Совет делавшийся тогда Советом Кавказа, в состав которого входили представители всех народов Кавказа, в том числе и кабардинцы, был избран в состав этого Совета. Я вместе с т. Энеевым и работал в нем. К концу года в связи с движением трудовых масс к стержению Временного Правительства я работал подпольно в массе, организуя революционные ячейки и держа связь с областными организациями во Владикавказе. Совместно с т. Энеевым мы организовали делегацию от Кабардинского и Балкарского народов на Моздокский Съезд трудовых народов Терской области в январе 1918 г. На этом Съезде я был членом Областного Народного Совета, работал в Зем. Отделе. Вместе со 2-ым Съездом, бывшим уже в Пятигорске и переехавшим во Владикавказ я в составе Народного Совета переезжаю во Владикавказ, где работаю в Народном Совете в составе Кабардинской фракции / в состав Совета тогда входили из оставшихся в живых товарищей т. Такоев, Бутаев Кавбек, Фигатнер, Есрукаев, т. Энеев и др. /

Летом 1918 г. все коммунистические элементы из городов с ядром из коммунистов объединяются и создают Северо-Кавказскую Организацию РКП, куда я и я и с тех пор состою в партии.

В 1919 г. во время наступления белых на Терскую Республику и разгрома ее ген. Шкуро, я заболеваю тифом и больным попадаю в Малую Кабарду в аул Исламберт. Там скрываюсь больным до выздоровления до мая 1919 г. Стараюсь в Ингушетии соединиться с товарищами, но никого из них в Ингушетии не застаю.

Возвращаясь обратно в Кабарду в свое село Ниж. Кожожово. Меня арестовывают, но благодаря одному товарищу я совершаю побег и скрываюсь подпольно в селении, общество которого само скрывало меня и на требования добровольческих властей отвечало всегда отказом. Это может подтвердить общество и сейчас. До февраля 1920 г. я таким образом находился все время в Кабарде, работал подпольно и организовывал революционные ячейки. Со мною работали т. т. Зигалов, Шарков и др. В феврале, когда т. Катляев с несколькими товарищами возвращается из Грузии, мы совместно с ними организуем восстание и занимаем г. Нальчик стражами красных повстанцев. По занятии Нальчика я ведаю снабжением красных стрелков. При первых же выборах я был избран в Кабардинский Окружной Комитет партии в Кабардинский Окружной Исполком и до самой чистки партии работал совместно с Каликиным в качестве секретаря.

оппозицию во главе с Троцким безголовой, умело привязал к оппозиционерам фамилию Шекихачева, и партийцы оказались единодушны: Дула исключили, предъявив сразу четыре обвинения: 1. Служил до революции в лесной охране у помещика. 2. В 1919 году остался в Кабарде, имел связь с добровольцами. 3. Имел связь с бандитами. 4. Был связан с князьями.

Вот что на эти обвинения ответил Шекихачев (ответил весьма многословно и не совсем связно, поэтому его текст нами значительно сокращен и суммирован): «Мою жизнь и работу знает весь аул Кожожово. Доказательства моей революционной работы – восстание и занятие Нальчика, и организация ячейки РКП в Урванском округе. Что касается связи с бандитами, то этот вывод сделан из следующего: мой шурина (брат жены) Кокиев, считавшийся вором, как-то заночевал у моей жены. Узнав об этом, я взял красноармейцев, арестовал его и сдал тов. Калмыкову. Через неделю тот его отпустил, так как не оказалось обвинений у самого Калмыкова. Если это связь с бандитами, то что же тогда называется честной работой, когда я сам арестовал шурина и сдал его властям, – удивляется Дула и уточняет: – Этот Кокиев позже без суда был расстрелян Мутой Сакуровым.

Под связью с князьями, – пишет далее Дула, – надо понимать следующее: На собрании уполномоченных Кабсоюза в члены правления был избран вместе со мной Тамбиев Магомат-Гирей, бывший князь, но лояльный к советской власти. Его кандидатура была выставлена тов. Калмыковым и облпарткомом. Этот князь приходил ко мне по делам Кабсоюза».

Но понимая, что лучшая защита – нападение и в борьбе с товарищами по партии все средства хороши, Шекихачев переходит в наступление и задает сакраментальный вопрос: а судьи кто? Судьи – члены Контрольной комиссии, в которую входили три человека. На большинство из них имеется компромат: «Ткаченко, будучи начальником милиции Кабарды, расстреливал без суда и следствия (убийство трех осетин на Александровской дороге, из которых один был коммунист), выгнал жену и женился на княжне Анзоровой; для того чтобы получить имущество княжны и звание князя, перешел в магометанство. Через полтора года оставил княжну, промотав ее имущество, женился на русской, бросив свое магометанство». Убийственные факты для того времени, не правда ли?! Далее достается тов. Кокожеву, брат которого, живущий на станции Муртазово, имеет свою ссыпку и мануфактурный магазин. И лишь на тов. Бугулова, «слабого старичка, делающего то, что ему скажут», не находится ничего.

Сказанное в адрес членов Контрольной комиссии, являющейся «орудием в руках Калмыкова, который выгоняет из Кабарды всех, кто не поддерживает его ханских деспотических замашек», лишь разминка перед атакой на главного ревнителя партийной чистоты. И вот перед нами во

всей красе предстает, естественно, со слов Шекихачева, биография главного большевика Кабардино-Балкарии: «Тов. Калмыков до 1917 года жил у богача Ржевского в станице Марьинской и в последний год сделался его компаньоном. В 1917 году он был поставщиком лошадей в городе Георгиевске военному ведомству. В том же году он был старшиной селения Атажукино-3, где агитировал за Временное правительство, пугая население приходом «босяков» (то есть большевиков), которые разграбят имущество населения. В 1918 году на Пятигорском съезде кабардинская делегация ни за что не хотела проводить его в Совет за поддержку казачьих верхов и кулаков-контрреволюционеров, но я лично настоял на его выборе, ибо другого не было. Когда в 1918 году во Владикавказе мы организовывали Северо-Кавказскую горскую организацию РКП, куда я вступил, Калмыков назвал меня головотяпом и не допустил моего выбора в Терский областной народный Совет. Он тогда состоял в бюро горских фракций областного Совета, которым руководил Ахмет Цаликов – меньшевик и «мусульманский социалист», ныне с белыми в эмиграции. Калмыков был тогда соединен с Цаликовым и другими горскими националистами. В отношении горских коммунистов он старался во что бы то ни стало провалить их (IV съезд народов Терской области во Владикавказе в 1918 году). В 1919 году во время белых он отступил также с Цаликовым в Грузию. Что делал он там – я не знаю, но знаю, что он вернулся в Кабарду в 1920 году, когда вся Кабарда была очищена от белых отрядами красных повстанцев под руководством моим и тов. Катханова.

Он объявил себя коммунистом и, вместо того чтобы укрепить организацию, начал борьбу против руководителей этой организации. Сперва заставил выбросить тов. Катханова из партии, как муллу. Потом открыл борьбу против меня, поставил против меня Базиева, которого посадил в Урванском округе. Когда меня от работы отстранили, он против Базиева выставил Мута Сакурова, который расстрелял трех братьев Базиева, как бандитов. Таким образом, он терроризировал всех и в Урванском округе: организация распалась – из 550 человек осталось не больше 100. Такими приемами он довел Кабарду до того, что, в то время как в 1920–1921 годах бандитизма не было, в 1923 году бандитизм усиливается и трудовые массы стонут от него».

А теперь непосредственно о стиле руководства. Здесь Дулу Шекихачеву тоже есть что сказать: «При выборах в советы и исполкомы никогда ячейки на местах не выбирают и даже не обсуждают. Калмыков назначает своих людей и приказывает провести в них тех, кто ему нужен. Обком партии в его руках марионетка. Все ответственные товарищи – его лакеи. Если они ему не потакают, он их арестовывает и высылает из Кабарды в

24 часа». Здесь следуют рассказы о судьбе Рынкевича, Тапунова, исключенных из партии, но впоследствии восстановленных, секретаря обкома Павловича и его однофамильца, занимавшего должность председателя ревтрибунала, а также прокурора Панка, снятых с должностей по настоянию Калмыкова.

Особое внимание Дул Шекихачев уделяет вопросу о земле.

«Калмыков, – пишет он, – утверждает в Кабарде, что все окружающие горцы хотят ограбить кабардинцев, отнять у них землю и не могут потому, что Калмыков не дает. Никогда ни с кем в этом вопросе он не советуется. И этот вопрос дошел до такого момента, что неминуемо должен вызвать кровопролитные столкновения, что уже и было (война с Карачаем в 1921 году). Его политика ведет к запутыванию взаимоотношений горцев, что грозит большими осложнениями».

Завершает свое обращение Шекихачев весьма образно: «Террор висит в Кабарде над каждым человеком и членом партии. Все боятся попасть в немилосердную расправу хана кабардинского, к горю Кабарды, коммунистического. Почему партия терпит в своей среде Калмыкова? Ведь этим партия бьет самое себя и бьет жестоко и хлестко. Это должно знать Юго-Востбюро ЦК и сам ЦК. Я прошу и умоляю мое дело вытребовать из Кабобкома. Если я преступник – сам покончу с собой, но я честно работал и буду работать. Я не считаю себя ни в малейшей мере виновным перед партией и революцией... В Кабарде я не могу оставаться и здесь ожидаю вашего ответа. Вашего приговора».

Ответа на свое обращение Дул не получил, что вынудило его повторно обратиться в Контрольную комиссию Северо-Кавказского края.

«Шестого марта 1924 года, – пишет он, – под давлением предисполкома области тов. Калмыкова я вынужден был выехать из пределов Кабарды. Устроился на службу в городе Владикавказе, в контору хлебопродуктов, где прослужил до мая 1925 года, а потом перевелся в город Ростов и по распоряжению крайкома устроился на службу в магазин № 2 Севкавсельсклада – зам. завмагазином, где служу в настоящее время.

Тов. Калмыков, не удовлетворившись моим уходом из пределов Кабард. области, желая опорочить меня, как старого политического работника и первого коммуниста из кабардинцев, предъявил мне ряд обвинений с целью добиться моего исключения из Коммунистической партии. Это ему удалось сделать через Контрольную комиссию обкома.

Краевая контрольная комиссия восстановила меня членом партии 24.11.1924 г. Несмотря на это, по приказанию тов. Калмыкова в местной газете «Карахалк» 1 февраля 1925 года, № 496, сообщается о моем исключении из партии как порочного коммуниста, который был интендантом у

белых, хотя об этом не говорили ни в областной ни в краевой Контрольной комиссии.

Я категорически возражаю против такого ложного обвинения и считаю необходимым привлечь к ответственности тов. Бугулова и тов. Калмыкова за их безответственное заявление».

Заявление следует за заявлением. Ответа нет, и Дул не может понять почему. Калмыков же на всех съездах, партконференциях и пленумах называет его врагом народа, хотя этот самый враг уже два с половиной года не был в Кабарде.

Шекихачев продолжает настаивать: партийные органы должны: «1. Разобрать его заявления по существу. 2. Опубликовать в газете «Карахалк» сообщение о его восстановлении в партии. 3. Обязать тов. Калмыкова и других лиц, действующих по его указанию, не выступать на съездах, конференциях и пленумах с ложными обвинениями по его адресу...»

Результата по-прежнему нет. И появляется последний документ из имеющих в судебном деле – заявление, адресованное Дулом Шекихачевым в Москву, товарищу Сталину. Датировано оно 22 марта 1927 года.

«Я вполне сознаю, – Шекихачев мучительно подыскивает слова, но это ему не удастся: фразы получаются корявыми, многословными, напыщенными, – что, отвлекая Вас от разрешения важных государственных вопросов хотя бы на одну минуту, совершаю в некоторой степени политическое преступление, ибо отвлечу Ваше внимание на одну минуту от государственных и международных вопросов, в особенности в настоящее время, когда наши враги стараются воспользоваться каждым удобным случаем, чтобы помешать нам построить социалистическое государство, – это значит отнять у вас дорогое время, необходимое на более серьезные вопросы.

Сознавая всю ответственность в этом отношении, с одной стороны, а с другой – будучи доведенным до пределов человеческой возможности терпеть унижения и оскорбления после моего изгнания из пределов Кабардино-Балкарской автономной области в течение трех лет от тов. Калмыкова, я обращаюсь к вам...»

Далее излагаются уже известные нам биографические сведения с уточняющим моментом, откуда растет беталовская ненависть: «Тов. Калмыков, имея кровную вражду с тов. Мидовым (тоже кабардинец, партиец с 1918 года), стал сводить личные счеты со своим кровным врагом и для осуществления мести решил опереться на меня и других товарищей-кабардинцев. Когда тов. Калмыкову не удалось уговорить меня, то он стал действовать через обком, желая все же добиться своего, в бытность секретарем гр. Михайлова, впоследствии исключенного из партии как активного меньшевика и редактора газеты «Приазовский край» при Деникине. Гр. Михайлов, получив зада-

ние от тов. Калмыкова, не раз вызывал меня в обком и уговаривал вместе с тов. Металиным, чтобы я поддержал тов. Калмыкова осуществить кровную месть, задуманную последним. Но когда я заявил категорически, что не буду слепым орудием в руках тов. Калмыкова, то через некоторое время под разными соусами меня исключили из партии и заставили выехать из пределов области».

Почему же это происходит, задает вопрос Сталину рядовой северокавказский коммунист, почему Калмыков «злоупотребляет авторитетом наших вождей», постоянно говоря, что «имеет за спиной большую силу в лице тов. Сталина и тов. Орджоникидзе», а если даже «кто-нибудь из обиженных вздумает заикнуться о его неправильных поступках, то с ним расправятся живо». Ответ он надеется получить от товарища Сталина, уверенный, что тот избавит его «от произвола тов. Калмыкова» и даст «возможность за честную революционную работу в течение девяти лет зарабатывать кусок хлеба для поддержания расстроенного моего здоровья и моей семьи».

Ответ не последовал. Вернее, он был, но совсем не такой, какой ожидал Дул. 14 ноября все того же 1927 года последовал арест Шекихачева, вылившийся в многомесячное нахождение в Ростовской тюрьме: в результате десятков допросов Д. Шекихачев признался, что состоял в контрреволюционной организации, оказывал помощь международной буржуазии.

Третьего августа 1928 года он был приговорен к расстрелу, 12 августа приговор был приведен в исполнение. Бетал Калмыков был доволен: один из его заклятых врагов мог продолжать свои писания, но уже в ином мире и для иного адресата...

Естественно, Д. П. Шекихачев был реабилитирован, но произошло это десятилетия спустя – 9 января 1960 года. Реабилитирован, как и репрессирован, в числе первых в Кабардино-Балкарии...

ПРЕИСПОЛНЕННЫЙ ВЕЛИКОЙ МИССИИ

Назир (Назыр) Адильгериевич Катханов (1891–1928), руководивший в годы Гражданской войны шариатским движением, сыгравшим весомую роль в становлении советской власти на Тереке, – фигура, которая в наши дни вызывает особый интерес. Большевики (после того как национально-освободительные движения с их лозунгами газавата выполнили поставленную задачу), понимая сколь неподконтрольной может стать людская масса, объединенная религиозной идеологией, сделали все возможное для нейтрализации лидеров шариатистов.

И поэтому Катханову в начале его советской карьеры не нашлось места в руководящем большевистском звене (должности, которые он занимал в двадцатые годы прошлого века, вызывают ироническую улыбку: заведующий областной Рабоче-крестьянской инспекцией, представитель Кабардино-Балкарии при Президиуме ВЦИК, уполномоченный по национальной политике при Президиуме ВСНХ СССР), а впоследствии руками сподвижников, в первую очередь Калмыкова, он был оперативно удален с политической сцены.

Отсюда объяснимые недоговорки в биографии легендарного Назира. Предлагаемые вниманию читателей материалы добавляют к ней, как нам кажется, определенного рода штрихи. Прежде всего, это несколько отрывков из неопубликованных воспоминаний Константина Чхеидзе «События. Встречи. Мысли», воссоздающих события Гражданской войны в Кабардино-Балкарии.

Вот первое упоминание о «любимце Кабарды»: «Иногда можно было увидеть главу «шариатистов» Назыра Катханова на прекрасном коне в серых яблоках, в светлой черкеске. Он ехал преисполненный сознания своей великой миссии, окруженный беззаветно преданными поклонниками и учениками. Временные «союзники» шариатистов – местные большевики – предпочитали работать без показного блеска, в ожидании, когда придет их минута.

Напомним, что Константин Чхеидзе на момент происхождения описываемых событий являлся адъютантом З. Даутокова-Серебрякова, то есть представителя противоположной стороны, посмотрим, как он оценивает спустя многие десятилетия (над воспоминаниями писатель работал вплоть до своей кончины в 1974 году) столь необычный альянс.

Назир Катханов

«Слово *шариатист*, – уточняет Чхеидзе, – произведено от слова *шариат*. Шариат – совокупность религиозно-нравственных установлений, регулирующих жизнь магометанского общества. Шариат – своего рода кодекс, отчасти вытекающий из Корана, отчасти из творений его толкователей. До прихода русских на Кавказ жизнь местных магометан в значительной мере регулировалась шариатом. «Конкурирующим» элементом шариату был «адат», то есть исторически сложившиеся правила поведения, взгляды на общественный строй, на отношения между отдельными слоями населения. Адат предписывал, например, почитание старших, широкое гостеприимство, адатом объясняется кровная месть, а также так называемое *аталычество* (соблюдение родства не только по крови, но и по молоку: был обычай отдавать мальчиков, сыновей князей и дворян, на воспитание в бедные семьи, мать из такой семьи, вскормившая молоком мальчика, становилась как бы его второй матерью, а все члены семьи, воспитавшей мальчика, его родственники «по молоку» и родственники, следовательно, всей семьи, откуда происходил мальчик). Консервативное и даже реакционное значение адата заключалось в том, что он как бы освящал

Полномочному Представителю
В.Н.С. Турция в
Иерусалиме Г-ну. Недиль-Бей!

Милостивый Государь.

Я от имени своих искренних Мусульман поздравляю в Вашем лице ВМЕСТЕ с достопочтенным Мирвелем договором в Лозанне, который кончилишинами Мусульманскими Трехкое освобождению и независимую радость и явную победу, которой торжественно может гордиться весь Мусульманский мир. Следовательно, на основании авторитетного Вашего обещания все-все идти в Татарию, и буду надеяться до тех пор, пока не будет мне основания не верить решительно данному мне слову Государем ВМЕСТЕ. Если же

считаете долгом любезности, вернее говоря справедливости и делом Государственного значения того дела о котором я вкратце Вам говорил, смело Вас прошу ускорить предоставленные виды, а в крайнем случае сообщить мне о надежде и основании отказать или верить отказать.

С точки зрения Кобардинца-Горца думаю имеет выдерживаться и терпеливо решительно обещанию.

Президент Мусульманского дела в Лозанне уважаемый
Ваш

Искренне
29/11-23. Татарию

Г.С. Бартоло, "Тадис" от 31/11/23.
H.

существующее положение, поддерживал существующий общественный строй, основанный на неравенстве.

По сравнению с адатом, шариат был, несомненно, прогрессивным учением. Уже с первых месяцев революции стала заметна роль шариатистов, как выразителей протеста против существующих порядков. В некоторых отношениях этот протест был созвучен революционным лозунгам, и следует отметить, что руководители партии большевиков на Северном Кавказе, такие как Орджоникидзе, Киров (Киров был перед Первой мировой войной редактором газеты «Терек» во Владикавказе), поняли революционный момент в движении шариатистов, возможность союза с ними и их использования в широких целях, поставленных партией. В Москве (Ленин, но главным образом Сталин, комиссар национальностей, отлично разбиравшийся в положении на Кавказе) был одобрен план совместных действий шариатистов и большевиков. Таким образом, в Кабарде (и других местах, где жили магометане) представители религиозного течения, в некоторых отношениях фанатичного, объединились с представителями материалистического, атеистического учения. В Кабарде во главе шариатистов был Назыр Кахтанов, образованный, лично привлекательный человек. Среди его последователей, прежде всего, были «сохта» – ученики медресе (некоторые утверждали, что «из чресел Назыра исходит божественный свет»).

Затронутая тема, судя по всему, волновала К. Чхеидзе. Не случайно он снова возвращается к ней – в чем-то даже повторяясь, но одновременно и расширяя рамки понятия: «Шариат – это своего рода кодекс мусульманских религиозных, уголовных и гражданских законов, основанных на Коране и охватывающих все стороны жизни. В свое время под знаменем шариата воевал Шамиль против русских войск, покорявших Дагестан и Чечню. Теперь это знамя подняли кавказские горцы в том же Дагестане, в других мусульманских странах и в Кабарде. Шариат говорит о социальной справедливости, и в годы революции он отвечал умонастроению народных масс. Шариатисты требовали уничтожения социального, имущественного неравенства, отобрания земли у помещиков, раздела ее между бедняками.

Во главе шариатистов стоял образованный, обладавший высокими личными качествами, гуманный человек, Назыр Катханов. Некоторые последователи называли Назыра «посланником небес». Небольшую группу кабардинцев-большевиков возглавлял Бетал Калмыков, способный, решительный вожак, с узким кругозором, сильной волей и острым языком. Сталин, хорошо знавший положение на Кавказе, подсказал своим коллегам по правительству удачное тактическое решение: объединить два революционных движения среди мусульман (шариатистов и большевиков),

направить их на борьбу с «белыми» во имя торжества пролетарской диктатуры. После победы над «белыми» движение шариатистов было подавлено, Назыр Катханов ликвидирован, и в «Истории Кабарды», выпущенной в 1957 году, его имя не упоминается. Лишь эпизодически говорится и о «головном журавле» кабардинских большевиков Бетале Калмыкове, который, после великой славы, окончил свою жизнь в концлагере. Времена меняются!»

Уточним, что Бетал Калмыков окончил свою жизнь не в концлагере, а в тюрьме на Лубянке. Об этом, естественно, К. Чхеидзе не могло быть известно, но то, что он продолжал следить за происходящим в Кабардино-Балкарии, свидетельствует приводимый ниже фрагмент: «В 1967 году вышла книга кабардинского писателя Алима Кешокова «Зеленый полумесяц». В ней под прозрачными псевдонимами (Казгирей Матханов – Назыр Катханов, Инал Маремканов – Бетал Калмыков) рассказывается о главных лицах первого периода революции в Кабарде. Характеристика Бетала-Инала имеет общий интерес, и я ее приведу. Бетал утверждает, что новой жизни людей надо учить разными способами, в том числе с применением насилия, силы оружия (с. 40). Он заявляет о себе: «Кто против меня, тот против моих порядков. Кто против новых порядков, тот против революции. Такова диалектика истории... учись марксизму, многое станет понятнее» (с. 92). «Кто ненавидит меня, тот ненавидит мой народ и мою партию; тот, кто целится в меня, тот целится в советскую власть, в партию» (с. 221–222). «Разве ты не знаешь, что теперь говорят так: «Слово большевика стало равносильно слову Аллаха» (с. 291).

Можно ли научить новой жизни силой оружия, соотносимо ли имя партийного вожака и власти, равносильно ли ее слово и Божье – на все эти калмыковские постулаты ответ нам сегодня известен. Он – в его судьбе, в судьбе Катханова, в судьбе нашей республики и страны в целом.

И еще один документ, позволяющий придать затронутой теме определенный оттенок, – неизвестное письмо Катханова, адресованное полномочному представителю Великого национального собрания Турции (далее по тексту: ВНСТ) господину Небиль-бею. Написано оно 29 июля 1923 года в Батуми, адресовано в Тифлис, где и располагалось на тот момент представительство.

Вот его содержание: «Милостивый государь. Я от имени своих искренних мусульман поздравляю в Вашем лице ВНСТ с достигнутым мирным договором в Лозанне, который нам, истинным мусульманам, принес особенную и небывалую радость и явную победу, которой торжественно может гордиться весь мусульманский мир. Следовательно, на основании авторитетного Вашего обещания все же жду в Батуме и буду ожидать до

тех пор, пока не будет мне основания не верить честному данному мне слову полпредом ВНСТ. Если Вы считаете долгом любезности, вернее говоря, справедливости и делом государственного значения того, о котором я вкратце Вам говорил, смею Вас просить ускорить предоставление визы, а в крайнем случае сообщить мне о надежде и основании ждать визу или верный отказ.

С точки зрения кабардинца-горца нужно иметь выдержанность и терпение честному обещанию.

Преданный мусульманскому делу и глубокоуважающий Вас

Н. Катханов».

Имеется и короткий постскрипtum: «Пароход (название прочесть не удалось) отойдет 31 июля». (Фотокопия письма на с. 462–463.)

Что мы можем сказать по поводу этого письма? Очень и очень немногое.

Первое. Лозаннский мирный договор, о котором упоминает Катханов, был заключен между Великобританией, Францией, Италией, Японией, Грецией, другими странами и Турцией 24 июля 1923 года. Он прекращал состояние войны между державами Антанты и Турцией, юридически оформив распад Османской империи и закрепив территорию Турции в ее современных границах.

Второе. Катханов связывал с международным признанием Турецкого государства определенные надежды в отношении руководимого им шариатского движения: прося визу, он надеялся встретиться с кем-то из лидеров независимой Турции, вероятнее всего с Кемалем Ататюрком, который в октябре того же 1923 года стал президентом республики. Можно предполагать, коль дело имело «государственное значение», что речь должна была пойти не о самом Катханове и даже не о Кабардино-Балкарии, а о народах Терека, а то и всего Северного Кавказа.

Третье. Виза получена не была, разговор о судьбах шариатского движения не состоялся. Да и не мог состояться, потому что Назир Катханов к тому моменту находился под пристальным вниманием уже заявивших о себе и своих возможностях советских чекистов, которым удалось перехватить письмо, адресованное Небиль-бею и подшить его в заведенное к тому моменту дело. Вероятнее всего, оно было одним из первых документов в этой папке. И терпеливо ждало своего часа, чтобы появиться, как зло из ларца Пандоры 23 апреля 1928 года, когда Назир – «крупнейший идеолог, лидер шариатистов Кабарды, возглавивший шариатское движение КБАО» – был арестован Ростовским ОГПУ. Сын Н. Катханова Керим в книге «Назир» (Нальчик: Эльбрус, 2008) пишет, что арест состоялся не весной, а летом 1928 года, когда «отец поехал в командировку в Ростов-на-Дону. На

вокзале его задержали, предъявили ордер на арест и доставили в краевое ОГПУ. Там ему предъявили обвинение о якобы готовившемся покушении на Калмыкова. Отец сразу отверг это нелепое обвинение и попросил связать его с руководством ВСХНХ, с Орджоникидзе, Микояном или Кировым, однако ему отказали. Через две недели отец объявил голодовку в знак протеста за провокационное обвинение и умышленное затягивание дела.

Обвинение ему было предъявлено сразу по двум подпунктам печально знаменитой 58-й статьи: по четвертому – «Оказание помощи международной буржуазии» и одиннадцатому – «Участие в контрреволюционной организации». Высшая мера социальной защиты была утверждена 3 августа 1928 года, а еще через 9 дней Назир Катханов был расстрелян.

Делегаты Учредительного съезда Советов Кабардинской автономной области. В центре сидят (слева направо): К. Е. Ворошилов, Х. Т. Карашаев, С. М. Буденный, Б. Э. Калмыков, А. С. Бубнов. Нальчик. Ноябрь 1921

«ЕДИНСТВЕННО АКТИВНЫЙ ИЗ КАБАРДИНЦЕВ...»

Наберите в поисковых системах Интернета имя и фамилию – *Заракуш Мидов*, и получите несколько ссылок, но все они будут на одну работу – книгу Александра Сарахова «Остров ГУЛАГ» (Майкоп, 2004).

Заракуш Мидов

В ней он упоминается среди организаторов так называемой контрреволюционной националистической группы, шесть членов которой (Н. А. Катханов, З. Б. Мидов, Б. Л. Хуранов, М. И. Тамбиев, Д. П. Шекихачев, И. Х. Урусбиев) постановлением коллегии ОГПУ от 3 августа 1928 года были приговорены к расстрелу, а через девять дней, 12 августа, расстреляны. Так завершилась жизнь одного из достойнейших сынов кабардинского народа, народного вожака, опытного партийца, активного борца с «камыковщиной».

К сожалению, в истории республики его подлинная роль до сих пор не нашла должного отражения. В «Очерках истории Кабардино-Балкарской организации КПСС» Мидов лишь упоминается в числе «видных руководителей крестьянских масс революции 1905–1907 годов, которые были брошены в тюрьмы, сосланы в Сибирь»; как приехавший весной 1917 года из Грозного в Нальчик «для проведения партийной работы»; среди избранных в 1918 году «в ядро Нальчикской организации РСДРП (большевиков)» и среди членов Кабардино-Балкарского ревкома, созданного Кавказским краевым комитетом в 1919 году.

И это о человеке, который был исключен в 1905 году из Нальчикской горской школы с формулировкой «за связь с бунтовщиками», который, работая на Грозненских нефтяных промыслах, не просто активно участвовал в революционном движении, а стал одним из его лидеров. Лидером образованным (редчайший случай на тот момент – у Заракуша высшее об-

разование), умным (сможете убедиться в этом сами, ознакомившись с содержанием его докладной записки в Северо-Кавказский крайком ВКП(б). И вследствие этого опасным – для неучей, выскочек, волонтеристов, поднятых на вершины власти всесокрушающей революционной волной.

В деле *Заракуша Батыровича Мидова* имеется несколько отзывов-характеристик, датированных июлем 1926 года, под которыми десятки подписей. Вот, в частности, что пишут члены осетинской организации ВКП(б): «Знаем тов. Заракуза (так в тексте) Мидова с 1919 года по работе его в нашей подпольной организации в гор. Тифлисе во время меньшевиков, а также по работе его с 1920 года на Северном Кавказе, как честного, политически выдержанного, дисциплинированного и стойкого борца коммуниста-национала.

Тов. Мидов, как сильный и практически-опытный работник, выдвинутый из низов, всегда пользовался большим доверием, популярностью и авторитетом среди горцев Северного Кавказа».

Или другой отзыв, подписанный членами Терского областного подпольного комитета Албогачиевым (в партии с 1908 года!), Костоевым, Гойгоевым и другими: «Тов. Мидова знаем с 1918 года как коммуниста, единственного активного из кабардинцев. Тов. Мидов со своим отрядом в декабре отступал под натиском Деникина и с отрядом кабардинцев вел совместно с ингушами и рабочими городов Владикавказа и Грозного, отчаянную борьбу с белыми; вплоть до 8 февраля 1919 года, когда деникинские полчища сильным напором заставили советскую власть эвакуироваться в Грузию. Тов. Мидов распустил свой отряд, за исключением самых активных, сочувствующих ВКП(б), и с последними проживал в селе Гамурзиевском. Здесь тов. Мидов вел подпольную работу до весны 1919 года. В это время деникинщина достигла своего апогея, и тов. Мидов вынужден был покинуть Ингушетию и перебраться в Тифлис.

В Тифлисе тов. Мидов был кооптирован в Терский областной комитет ВКП(б) и работал, выполняя всевозможные поручения. В феврале 1921 года. Терский обком должен был переехать в Шатой к Гикало. Тов. Мидов, собрав вокруг себя всех, находящихся в Тифлисе и Баку, активных сторонников советской власти, перебросился через Дагестан в невыносимых условиях и опасностях в Шатой, где поступил со своими кабардинцами в распоряжение тов. Гикало.

Тов. Мидов за все время своего пребывания в подполье, вел жизнь полную лишений и нужды, всецело отдаваясь партийной работе. В трудные дни неудач он выказывал себя стойким и выдержанным коммунистом, являясь единственным из кабардинцев поборником в то время идеи коммунизма».

И еще одна характеристика, под которой стоит подпись Э. И. Рынкевича, представителя Донской окружной организации большевиков: «Мидова Заракуша Батыровича как члена ВКП(б) знаю с 1921 года по совместной работе в Кабардино-Балкарской автономной области и в городе Ростове-на-Дону. На тов. Мидова как партийца возлагались ряд ответственных работ по партийной линии, при выполнении которых мною лично не замечалось каких-либо отклонений от намеченных партией директив. Наоборот, должен отметить, что тов. Мидов, с которым мне приходилось сталкиваться довольно часто и в домашнем быту, стремился всех, соприкасающихся с ним, акклиматизировать (*в тексте это написано так*: оклематизировать) в советском духе, на что решались партийцы из горцев очень редко, и таких партийцев, в особенности в период 21 и 22 годов, в Кабарде можно было перечесать, как принято говорить, по пальцам.

Соприкасаясь также довольно часто и по работе, которую вел тов. Мидов по советской линии в течение нескольких лет, должен отметить, что и здесь мною не замечалось даже признаков на что-либо чуждое для партии и советской власти. Как политический, так и советский работник тов. Мидов в Кабарде пользовался большой популярностью среди горцев.

Но в последней характеристике речь идет уже о Мидове, арестованном советской властью. Беды его начались куда как раньше – по большому счету чуть ли не с детских лет. Ведь Заракуш с «железным Беталом» были практически погодками – между ними всего несколько месяцев разницы: Мидов родился в 1892 году, а Калмыков – в следующем. Более того, они односельчане – оба родом из селения Атажукино (Куба): жили по соседству, играли в одни игры, знали все друг о друге. Заракуш был куда развитее, умнее, отчего ходил в лидерах. Не отсюда ли берет начало калмыковская вражда к сверстнику, вылившаяся в конечном итоге в активное содействие устранению последнего с политической арены? Ответить на этот вопрос сейчас уже не сможет никто. Но если еще вспомнить, что ближайшим другом Заракуша был некто иной, как Назир Катханов – не просто сверстник Мидова и Калмыкова (он родился в 1891 году), но и их товарищ по детству – Лафишево (Псыхурей) и Атажукино расположены поблизости друг от друга. И тоже – образованнейший, умнейший кабардинец, рядом с которым Калмыкову с его двуклассным школьным образованием, как говорится, и рядом не стоять. Рядом не стоял, но стал куда как выше – вовремя сказал, вовремя попался на глаза, вовремя польстил – и уже в 1921 году (только-только установилась советская власть!) Бетал на вершине руководящей лестницы, а Назир и Заракуш – на ее ступеньках. И не поймешь, как оценить их высоту: Мидов, в частности, в эти годы начальник организационно-агитационного отдела Нальчикского окружного комитета РКП(б), далее заведующий

земельным отделом, член президиума Кабардино-Балкарского облисполкома. Обскакал Бетал своих друзей, показал, что вовсе не знания, образование, ум и отнюдь даже не народная любовь являются залогом успешного продвижения по карьерной большевистской лестнице (впрочем, как свидетельствует его собственная судьба, и падения с нее).

Вот такая весьма красноречивая деталь – все трое друзей детства в том же 1921 году жили в паре шагов друг от друга. Заракуш и Назир в одноэтажном, построенном буквой «Г» домике, что на углу улиц Кабардинской (на нее выходили окна двух комнат, в которых проживала семья Катханова) и нынешней Кешокова (две комнаты, выделенных для семьи Мидовых). А Бетал – в возведенном рядом трехэтажном доме с балконами (ныне на его месте расположена городская прокуратура), с которых он величественно и важно приветствовал участников октябрьской и первомайской демонстраций.

Известно описание тридцатилетия Катханова, на котором присутствовали все трое – юбиляр, Заракуш и Бетал. Правда, дается оно со слов малолетнего мальчика (назыровского сына Керима в его книге «Назыр»), то есть, написано не столько по памяти, а с позиций времени и чувств, питаемых к человеку, причастному к гибели отца, но тем не менее... В тостах, произнесенных гостями, вся палитра чувств по отношению к Катханову (напомним, лидеру шариатистов). Со стороны Заракуша – неподдельная искренность и восторженное обожание («он служит для нас примером безукоризненной честности и строгой нравственности»), со стороны Бетала – выдержанность и осторожность («слабость Назира не мешает нам его ценить, уважать и поддерживать»). Под «слабостью» Калмыков, естественно, имел в виду религиозность Катханова.

Пройдет каких-то три года, и Заракуш с Назиром из закадычных друзей станут заклятыми врагами Калмыкова, он будет бороться с ними, вначале вытеснив из Кабардино-Балкарии, а потом и вовсе уничтожив руками всемогущего ОГПУ. А что же Катханов и Мидов, в нашем случае последний? Он будет бороться, бороться в силу предоставленных ему возможностей, и не его вина, что силы окажутся неравны, что убедительный и обстоятельный Заракуш не будет услышан. Просто ведь некому было слышать.

Уже к концу 1924 года обстановка по отношению к Мидову сложилась столь напряженная (на пленумах и в газетах иначе как «приводным ремнем княжеско-дворянского, кулацкого блока» его и не называют), достигла такого накала, что Заракуш переезжает на жительство в Ростов-на-Дону. Здесь он работает вначале заместителем заведующего Северо-Кавказским краевым земельным управлением, далее – заведующим Ростовским отделением Дагселькредитсоюза.

Вынужден выехать из Кабардино-Балкарии и целый ряд умнейших работников, в ком Калмыков видел угрозу своей единоличной власти – Дул Шехихачев (см. материал «Расчистка»), Батый Хуранов, устроившийся на работу инспектором Северо-Кавказского краевого отдела народного образования в том же Ростове, Магомет-Гирей Тамбиев, член правления Дагселькредитсоюза. Все они в конечном итоге встретятся уже в июле 1928 года в рамках одного «дела», раскрытого доблестными чекистами, выявившими контрреволюционную организацию (статья 58/11), созданную в целях оказания помощи международной буржуазии (статья 58/4). Прикрытием для этой мощнейшей группы послужил скромный, ничего не подозревающий о намерениях работающих в нем кабардино-балкарских злоумышленников Дагселькредитсоюз.

Но болела душа у Заракуша Мидова не за себя, свою судьбу, своих родных и близких, а за Кабардино-Балкарию, попавшую под власть тирана. И вот после долгих размышлений рождается многостраничная (21 страница формата А4 (увеличенного), отпечатанная на машинке) докладная записка, адресованная в Северо-Кавказский крайком ВКП(б). Перед нами ее чудом сохранившийся оригинал. Записка отвечает всем признакам данного жанра: цели, факты, выводы, предложения. Перелистаем эти пожелтевшие, потертые на сгибах, выцветшие страницы.

Итак, «целью настоящей моей докладной записки является правдивое освещение ряда значительных политических ненормальностей в советском строительстве и управленческом аппарате Кабардино-Балкарской автономной области, могущих дать нежелательные в политическом смысле дальнейшего развития и укрепления советского строительства результаты». И начинает автор издавлек, предлагая «маленький исторический очерк о положении дореволюционного кабардино-балкарского народа, дабы показать тот уклад, на котором будут проектироваться мои факты».

Мидов пишет: «Задолго до установления русской власти на Кавказе кабардино-балкарское крестьянство было поработано князьями, дворянами и таубиями. Этим кабардинский народ резко отличался от других горских племен, населяющих Северный Кавказ и не имевших привилегированных сословий».

Русская государственность, ранее других областей проникшая в Кабарду, еще более углубила социальные и экономические противоречия между широкой массой кабардино-балкарского народа и его верхами. Барская власть нашла в лице привилегированных сословий Кабарды тот рычаг, который облегчал ей в значительной степени приобщение кабардинского народа к русской государственности, а кабардинские князья, в свою очередь, нашли в царской власти опору для усиления своей эксплуататорской роли. И к существовавшему своеобразному кодексу обычного

(адатского) права, действующего среди горцев и закреплявшего господство знатных родов, прибавилось еще солидное количество томов горских законов, подкрепленных казачьей нагайкой и сибирской каторгой.

Насколько солидарны были между собою царская администрация и кабардинские князья, доказывается тем обстоятельством, что административное деление Кабарды совпадало с границами владений и сферами влияния главных кабардинских князьков и бывший Нальчикский округ составлял кабардинскую федерацию из данных владений.

При постоянной княжеской опеке крестьянин-кабардинец привык смотреть на все глазами «царских старшин», вербовавшихся из наиболее холопствовавших элементов. Классовые противоречия не могли не вылиться наружу после Февральской революции, не давшей трудящимся массам вообще ничего, кроме нового порабощения, но уже под другим соусом. И вот трудящиеся массы Кабарды, Балкарии, продолжавшие оставаться после Февральской революции в паутине своих вековых эксплуататоров – князей-помещиков, таубиев, – начинают готовиться к подлинной пролетарской революции. Окончательно и прочно советская власть в Кабарде установилась в 1920 году, а с момента объявления Кабарды автономной областью (1921) наступает полоса мирного строительства. Ныне прошло 6 лет с того момента. Весь СССР погрузился в лихорадочное строительство – культурное и экономическое. Коммунистическая партия впервые в мире разрешила сложный национальный вопрос, она дала возможность каждой отдельной национальности развивать свою культуру и экономику, чтобы тем самым ускорить победное шествие всех народностей, населяющих СССР, к светлому будущему, к царству социализма.

Крупные материальные средства брошены Центром отсталой Кабарде. Экономическое благосостояние улучшается. Но в то же время под этим внешним благополучием скрываются крупные недочеты в советское строительство».

К ним Мидов относит все еще сохраняющиеся принципы работы времен военного коммунизма; пассивность широких масс в деле строительства новой жизни (в частности, их невовлеченность в работу сельсоветов – «самодетельность народных масс, являющаяся одним из главных стимулов успешного советского строительства, не находит отклика у руководящей части управленческого аппарата Кабарды»); организацию мероприятий «исключительно сверху в порядке воли одного лица, но не творчества коллективного».

В результате неприятия мнения других, убежденности в своей непогрешимости только за «последние два-три года, то есть с момента проведения

новой политики партии в деревне, немало ценных и авторитетных работников как националов, так и русских покинуло Кабардино-Балкарскую автономную область». Далее автор письма приводит весьма впечатляющий список таких лиц с указанием их нового места работы. В него он включает секретарей обкома Б. Павловича и Лещинского, прокурора области Панка, председателя облсуда А. Павловича, начальника ОГПУ Рудина, председателей совета профсоюзов Андреева и Менжулу, управляющего Госторгом Заленковича, члена облсуда Блицао, прокурора Перфильева, помощников прокурора Холоднякова, Ренкевича и других. Констатируя при этом следующее: «Все перечисленные товарищи, не переваривающие, как старые большевики, чинимые Калмыковым диктаторство, бюрократизм, беззаконие и полный произвол, вынуждены были покинуть КБАО, обвиненные Калмыковым в непонимании национальной политики».

«На одну минуту допустим, – размышляет дальше Заракуш Мидов, – что Калмыков был прав, обвиняя этих товарищей в непонимании национальной политики. Но что же тогда понудило ответработников-националов, кабардинцев и балкарцев, а именно Энеева, Шекихачева, Мидова, Хуранова, Абукова и других, покинуть КБАО? Тоже непонимание национальной политики, или к этому были и есть более глубокие причины?»

Далее автор убедительно доказывает, что «перечисленные работники-националы, как вожаки первых дней революции, пользующиеся известным авторитетом и доверием среди трудящихся масс области, так же как вышеперечисленные русские работники, не давали Калмыкову возможности принимать единоличные решения, призывали его к коллективной мысли, коллективному творчеству, чего он по своей натуре никак не мог переварить».

В качестве примера он рассказывает о своем друге Назире: «Тов. Катханов в прошлом, то есть в дореволюционное время, сын крестьянина-крепостного; никакого специального образования не получил, если не считать его нахождение в Нальчикской арабской школе, самоучкой он научился русскому и арабскому языкам. До 1916 года занимался сельским хозяйством. В 1918 году выдвинулся как один из первых работников в Кабарде, правда, с несколько национальным и шариатским уклоном; с этого времени начинается его революционная деятельность. Тов. Катханов является организатором и руководителем первых красных частей Кабарды и Балкарии, объединившихся с красными частями осетинской организации ВКП и керменистами, сыгравшими немалую роль в борьбе с белыми в период 1918–1919 годов и в начале 1920 года.

Если же взять последующие 1920–1923 годы, тов. Катханов действительно имел нездоровый уклон, отстаивая учреждения шариатских судов.

Но в последующее время, то есть с 1924 года, убедившись в своей неправоте, он становится на платформу Коммунистической партии и советской власти и является одним из верных и честных сторонников».

Далее в записке идет речь о Хуранове (с приложением характеристики, подтвержденной подписями Калмыкова и Боровицкого, секретаря обкома); Абукове, которого Калмыков обвиняет в принадлежности к духовным лицам и дворянству, тогда как на самом деле все это является откровенной ложью. На самом деле Абуков «один из организаторов красных катхановских отрядов, принимавший непосредственное участие в борьбе за советскую власть. В 1920 году – член ревкома Нальчикского округа, с 1921-го по 1925 год – член облисполкома, занимавший самые различные ответственные должности» (Мидов их приводит), а ныне работающий по распоряжению Микояна в Ростове.

Далее характеризуется Дул Шекихачев – единственный «из кабардинских делегатов на IV съезде народов бывшей Терской области входит в коммунистическую фракцию съезда. Впоследствии, в ноябре 1918 года, при образовании бюро Северо-Кавказской горской организации ВКП(б) является активным членом этого бюро, что доказывает – в Кабардино-Балкарии Шекихачев был первым коммунистом». Далее Мидов рассказывает о том, как Калмыков удалил Шекихачева из области, о борьбе последнего за восстановление справедливости...

Уделяет внимание автор записки и тем, кто помогал Калмыкову избавляться от неугодных ему соратников. В этом списке из русских товарищей – Михайлов, Фадеев, Боровицкий; из националов – Карашаев, Пачев, Бесланев, Хачетлова. Каждый из них удостоивается соответствующей характеристики.

Михайлов, выдвинутый крайкомом на должность ответственного секретаря, «с начала вступления в должность заделался первым и ближайшим другом Калмыкова, твердо занял линию раскола организации», поддержав исключение из партии оппонентов Калмыкова, таких как Шекихачев, Рыкевич. Когда же выяснилось, что Михайлов сам был связан с белыми, и его исключили из партии, Калмыков трудоустроил сподвижника – вначале воспитателем в Ленинский учебный городок, а затем заведующим сельскохозяйственным техникумом в Нагорном округе КБАО.

Достается и Федору Фадееву (1892–1940) – личности в истории республики известной: с декабря 1918 года председатель Нальчикского окружного исполнительного комитета, далее занимавший целый ряд хозяйственных должностей – продовольственный комиссар округа, уполномоченный конторы «Хлебопродукт», заведующий областным финансовым отделом и т. д. Его злоупотреблениям посвящено отдельное, на 9 листах, приложе-

ние. Как и Ивану Боровицкому (1894–1974), чье назначение на должность секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) было осуществлено с подачи Калмыкова.

По полной выдано и национальным товарищам – Хажумару Карашаеву (1875–1927), председателю Малокабардинского окрисполкома, о хозяйственных злоупотреблениях которого говорится много и со знанием деталей. Здесь и продажа частному лицу 29 марта 1923 года 1500 пудов подсолнуха, принадлежащих областному Земельному управлению, с исчезновением вырученных денежных сумм и последующей передачей дела прокурору области. И пропавшая семенная ссуда, списанная по подложным документам на бедняков, тогда как на самом деле получателями «789 пудов пшеницы оказались лица, никакого отношения не имеющие к сельскому хозяйству, что подтвердила Комиссия обкома от 12 ноября 1924 года». Все это и многое другое подытоживается весьма необычно: «Он (то есть Карашаев) за время 1920–1926 годов, будучи председателем окрисполкома и коммунистом, экономически настолько оброс, что сейчас представляет из себя самого крупного деревенского кулака во всей Малой Кабарде, на что массы реагируют весьма отрицательно, отмечая, что в прошлом ни один князь таких стремлений обогащаться никогда не имел».

Кстати говоря, к критике Карашаева Калмыков все-таки прислушался.

Вот что об этом вспоминал Амин Мусович Ашноков, секретарь Малокабардинского окружкома: «Прошло два месяца. Я пообвыкся и с сожалением отметил, что Карашаев, являясь вторым лицом в республике, участником революции, не придает особого значения идеологическим, воспитательным вопросам и проблемам, связанным с ними. Более того, на него батрачили люди, выращивали для него индеек и скот; все руководители рангом пониже были обязаны являться к нему с подарками. К этому он приучил и свою семью. Я дважды был у него в гостях и могу сказать, что в республике никто не мог позволить себе иметь то, что имел Хажумар».

Наконец, я зашел к нему и сказал:

– Я, как секретарь окружкома партии, не собираюсь больше замалчивать ваше поведение. Вы обложили данью весь район; люди со всех сел везут вам деньги, продукты, мясо, муку, сметану и прочие поделки...

Он выслушал меня с изумлением и вдруг встал из-за стола:

– Ты... мальчишка спесивый! Я тебе быстро крылья обломаю. Если ты этого не хочешь, сиди на своем месте и выполняй свои обязанности. Не лезь туда, куда тебя не просят! Иначе тебе у нас в районе будет плохо!..

Он отчитал меня, как мальчика (по сути, я им и был).

В тот же день я поехал к Беталу Эдыковичу Калмыкову и рассказал ему

о его друге Карашаеве, обо всем, что видел, слышал и узнал по Терскому району. Казалось, Калмыков был потрясен.

На следующий день он приехал в район. У въезда в Урожайное встретил женщину, пасшую множество индеек, которая честно сказала, что вся птица принадлежит Карашаеву.

Калмыков, удрученный ее ответом, поехал не в окружком, а напрямик во двор Карашаева. Когда домочадцы Карашаева – жена и дочь – увидели Калмыкова, они очень обрадовались и кинулись к нему с объятиями. Он их обнял, поприветствовал и вошел в дом. В прихожей стоял огромный во всю стену шкаф, до отказа набитый продуктами. Там были ощипанные индейки, куры, гуси, сметана в баллонах и прочая снедь. Бетал Эдыкович распахнул этот шкаф и, не обращая внимания на изумленных домочадцев Карашаева, стал выбрасывать из него продукты, сваливая их прямо на пол.

Затем послал шофера за мной и Карашаевым. Мы тотчас приехали. Заходим в дом Карашаева и видим ужасающую картину: разбросанные по всему дому продукты, на полу разбитая посуда, горшки и горшочки, и разъяренный Калмыков, возвышающийся над этим погромом с выпученными глазами. Казалось, он сейчас ударит Карашаева:

– Что это такое?! – спросил он.

Карашаев пожал плечами:

– Мне это привозят мои родственники, мои друзья. Это я ни у кого не отнимал.

– Садись в машину, – сказал Калмыков.

Мы приехали в окружком, он потребовал немедленно созвать пленум окружкома. Хажумар хотел поговорить с ним наедине, но Калмыков категорически отказался:

– Здесь сидит секретарь окружкома. Это не чужой человек. Тебе, Хажумар, незачем играть в жмурки ни с ним, ни со мной.

Пленум собрался быстро, кворум состоялся. Вышел Калмыков и рассказал все, что знал о Карашаеве. В зале стояла тишина, все знали, чем живет Карашаев, и уже были осведомлены о том, что произошло. Знали также и чем закончится пленум. В заключение Калмыков сказал:

– Я не знаю, как органы отнесутся к Карашаеву, возможно, учтут его заслуги, но Карашаева я предлагаю снять с занимаемой должности.

Пленум единогласно поддержал это предложение».

Вслед за Карашаевым уничижительная оценка дается деятельности другого калмыковского сподвижника, «славного сына партии и народа, неумолимого труженика революции» Хабалы Бесланеева (1886–1937), кстати говоря, через девять лет разделившего судьбу самого Заракуша Мидова. Не будем останавливаться на работе Бесланеева в должности министра

внутренних дел так называемой *Северо-Кавказской шариятской монархии* – откуда Мидову могло быть известно, что хитроумные большевики в 1919 году действительно ввели своих людей (в том числе Бесланеева) в правительство эмирства?! Зато другие сведения весьма занимательны. Мидов приводит факт убийства Бесланеевым служащего Владикавказской железной дороги; избиения в 1923 году дежурного по гарнизону города Нальчика; его обращение с крестьянами («босорня», «оборванцы»), случаи избиения жалобщиков плеткой, что рассматривается как «отеческое внушение»; эпизоды антисоциального поведения Бесланеева: «будучи любителем алкоголя, часто появляется в пьяном виде в общественных местах, нарушая порядок и тишину – осенью 1925 года был обезоружен и арестован ГПУ на станции Кисловодск, в таком же состоянии на первомайском празднике 1925 года в городе Пятигорске устроил скандал, нанося оскорбления присутствовавшим женщинам». Далее приводится ряд примеров, которые автор записки образно объединяет под лозунгом «лицом к деревне с плеткой». Приводить эти выписки, перечисленные на шести листах, право, не хочется.

А ведь есть еще рассказ о некоем Хачетлове, добровольце империалистической войны, участнике Кубанского похода серебряковского отряда, получившем в 1919 году чин офицера, а уже через два года оказавшемся в рядах партии. С 1923-го и до начала 1926 года Хачетлов работает председателем Урванского окрисполкома, допускает финансовые злоупотребления, связанные с проведением оросительного канала в районе селения Аргудан, под давлением общественности (в тексте это звучит так – «под натиском всего населения округа») отстраняется от работы и... направляется «в Ленинский учебный городок для прохождения краткосрочных полткурсов». Далее излагается вообще невероятная история: «Хачетлов бежит домой, арестовывать его прибывает отряд красноармейцев», который подвергается обстрелу, а сам Хачетлов «уходит в лес, где находится три недели, после которых возвращается и назначается зам. зав. облзу КБАО». На нормальный язык последнее переводится как заместитель заведующего областным земельным управлением Кабардино-Балкарской автономной области. С отнесением такого неординарного (судя по вышеописанному) человека в активные сторонники Калмыкова нам бы хотелось быть поосторожнее.

Есть в списке Мидова и Пачев, ушедший в бега председатель исполкома Баксанского округа – руководитель, что смог «за время своего председательства в период 1923–1924 годов выстроить дом, стоящий более 10 000 рублей». От себя добавим – сумма по тем временам огромная! Пачеву, отстраненному Калмыковым от должности, заклеяемому им же

с трибун многочисленных «митингов и съездов в разных преступлениях», тем не менее поручается «ответственное общественное задание – заготовить сено с 2000 десятин», для чего «выдается крупная сумма авансом». Результат? Сена нет, зато Пачев «сделался крупным коммерсантом в городе Пятигорске»: «кабардинская масса... после сделки с сеном великолепно поняла, что тов. Пачев и тов. Калмыков настолько тесно связаны «экономически», что они великолепно под громом ничего не значащих слов всегда смогут делать свои дела».

Не правда ли, сказанное чем-то перекликается с реалиями послевоенных годов?! Ничто не ново под луной. И Кабардино-Балкария в данном случае не исключение.

Но вот подошло время и самой главной фигуры – руководителя Кабардино-Балкарии Бетала Калмыкова. Заракуш Мидов рассматривает его политическую деятельность. Начиная от национальной политики: до сих пор «за 7 лет существования советской власти в Кабарде нет актива из националов». Ленинский учебный городок «является лишь школой ликвидации технической неграмотности, ибо за два года многому научиться невозможно. Конечно, в условиях Кабарды и Балкарии, где культурный уровень очень низок, это хорошо, но можно было бы ожидать большего, если бы окончившие городок могли продолжать свое образование в средних и высших школах. Но этого нет и нет до сих пор необходимых кадров работников, так как тов. Калмыков боится видеть равных».

И кончая методами руководства. Они весьма оригинальны: «Калмыков хоть и установил дни и часы приема посетителей, но в силу бюрократической постановки работы аппарата бывает недоступен. И не только крестьянам из селений, но даже и ответработникам трудно найти его для решения самых серьезных вопросов. У людей создается впечатление, что в старое время гораздо легче и скорее можно было добиться приема, чем теперь». Причем – как это знакомо по истории! – «бюрократизм, проявленный им, приписывается влиянию жены». Той самой, что ранее была супругой «белого офицера, сына генерала-эмигранта, не давшего жене развода». Здесь же дополнительно сообщается, что «в то время, когда у бывших князей и помещиков муниципализировали движимое и недвижимое имущество, дом его последней жены (бывшая усадьба генерала Куденетова) до 1 мая 1926 года находился в полном ее распоряжении и сдавался в аренду по договору областному Земельному управлению КБАО».

Но коль зашла речь о женщинах, то продолжение обязательно будет: «Также необходимо подчеркнуть, что он хотя и проповедует свободу горянок, но сам и поныне угнетает в течение 5 лет двух бывших жен, которых лишает возможности в дальнейшем устраивать свою жизнь: одна живет в

городе Пятигорске при Кабардинской окружной больнице, имея бесплатную квартиру и стол; другая – в селении Вольный Аул».

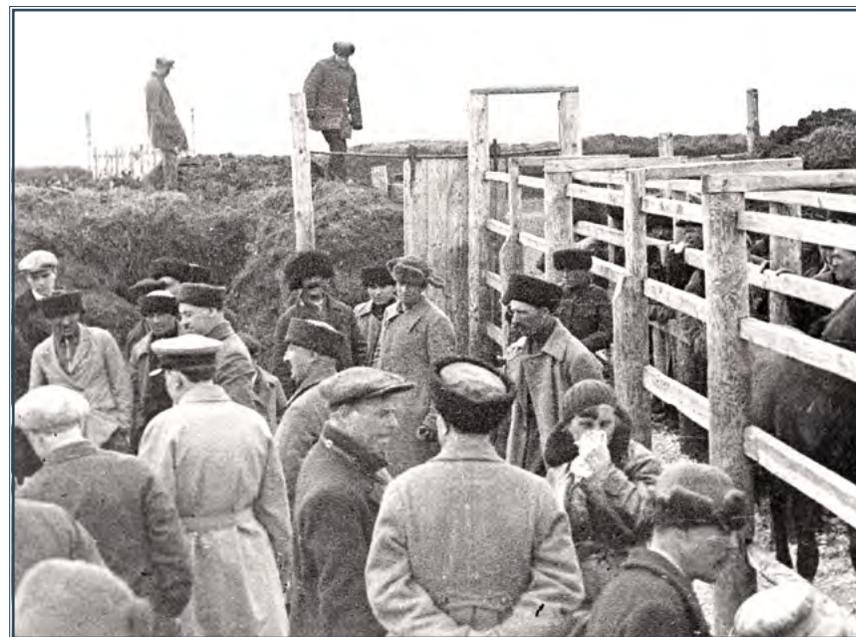
Напомним, что отчим супруги Калмыкова в 1919 году являлся «начальником Нальчикской тюрьмы и вешал большевиков», Заракуш переходит к другим родственникам: «С 1922 года два брата Калмыкова и сын Карашаева, председателя Малокабардинского окрисполкома, находятся на учебе в Москве на особом положении, получая из средств области ежемесячное пособие в 300–400 рублей», тогда как для других, обучающихся «на общем основании в учебных заведениях», стипендия составляет 10–15 рублей.

Вспомнив о том, за что Калмыков снял Карашаева, продолжим цитирование записки: «Дальше несколько слов о хозобрастании (этим сегодня подзабытым словом, соединившим в себе два – хозяйственное обрастание, клеймились коммунисты, заботившиеся о своем быте). Тов. Калмыков, очень много говоря о хозобрастании коммунистов, к сожалению, сам стал на этот путь». С помощью своего родного брата, «живущего с ним нераздельно, Калмыков ухитряется запахивать через наемные руки до 15–20 и столько же покоса десятин ежегодно».

Далее рассказывается, как в 1924 году Калмыков купил у князя Атажукина скаковую лошадь, «которая содержалась при Кабардинском конезаводе за счет последнего», и продал ее за 500 рублей. Другая лошадь, ему же «принадлежащая, также была продана за крупную сумму «Хлебопродукту», но ни одного дня не находилась в его ведении, а оставалась и остается поныне в полном ведении самого Калмыкова». И это далеко не все о лошадях: «Двое жеребят, из коих один подарок от Малокабардинского окрисполкома его новорожденному сыну, отправлены в Кабардинский конезавод на воспитание, где они воспитывались в течение трех лет», были проданы Кабардинскому облземууправлению в марте 1925 года за 1500 рублей».

Список «финансовых прегрешений», изложенных в записке Мидова, достаточно солиден. Здесь и 4000 рублей, отправленных в марте с. г. на закупку производителей в Москве; и 1500 рублей, выданных Калмыкову в 1923 году на лечение в Германии и так и зависших («впоследствии, чувствуя себя несколько неловко, он эту ассигновку приказал переделать, якобы на лечение ответработников, но фактически из этой суммы никто ни копейки не получал, а осталась она в его кармане»). И целый ряд других фактов, изложенных на 4 страницах, составляющих приложение № 5.

Развенчивается, вернее будет сказать, подвергается анализу и биография Калмыкова, тем более что Мидов знал о ее начале не понаслышке, а непосредственно. Развенчивается, прежде всего, положение, закрепленное в брошюре «Революционное движение в Кабарде», что именно Калмыков является первым коммунистом в условиях Кабардино-Балкарии.

На Кабардинском конном заводе

Вот как это выглядит в передаче Мидова. Год рождения Калмыкова – 1896-й, тогда как официально считается, что он родился 5 ноября 1893 года. В сельской школе Бетал и Заракуш учились с 1901-го по 1903 год. Это убеждает, что Мидов не совсем точен в датировке времени рождения своего оппонента – мальчика неполных шести лет вряд ли могли принять в то время в школу.

С 1905-го по 1913 год Калмыков служит приказчиком у крупного мануфактуриста и ссыпщика Ржевского в станице Марьинской Терского округа. В 1913 году в Нальчике Ржевский открывает акционерное общество по разработке кабардинских лесов, куда Калмыков вступает акционером. Деятельность общества прекращается через год вследствие начавшейся империалистической войны. Но акционеры, в том числе Калмыков, начинают заниматься снабжением Кавказского фронта фуражом и провиантом, заключая договор с Российским министерством земледелия и торговли. До 1917 года ими были «поставлены миллионы пудов прессованного сена, десятки тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота, тысячи голов лошадей для обоза». В 1917 году Калмыкову тоже некогда было заниматься революцией, констатирует Мидов, так как он лично «торговал лошадьми и барантой и был известен всей Кабарде как торговец».

И только «в 1918 году начинается общественно-революционная деятельность Калмыкова – как переводчика съездов народов бывшей Терской области. Но ни на одном съезде он не примыкал к большевистской фракции. Наоборот, преследовал тов. Шекихачева за то, что он входил в бюро Северо-Кавказской организации ВКП(б) во Владикавказе. В 1919 году Калмыков отступает вместе с другими членами Терского областного народного Совета в Грузию, оставив на произвол судьбы красные части, прибывшие из Владикавказа в горную Ингушетию, и забрав крупные денежные суммы, предназначенные для бойцов. В течение всего 1919 года, живя в Грузии, Калмыков не участвует в подпольной работе, не считая его присутствия на заседании бывшего Горского областного комитета партии, на котором он не смог пробыть до конца заседания...»

Далее Мидов переходит к методам работы Бетала Калмыкова как руководителя. Возьмем из этого раздела только цитаты, так как они достаточно красноречивы и подтверждаются материалами, публикуемыми в этой книге: «Я для Вас правдой и неправдой вырываю из Центра большие суммы денежные, иной раз даже идя на обман власти»; «Вы хотите или не хотите иметь меня во главе власти, а я все же буду, ибо это не от вас зависит»; «Я как дом Романовых – сейчас пока я сам, а когда я уйду, то к этому времени подрастут братья, а далее и сын». И заключает все это вывод – крик души: «Все изложенное о Калмыкове и его прихвостнях есть сплошное и

кошмарное зло и перед трудящимися Кабардино-Балкарской автономной области, и перед пролетарской революцией. И я, зная все это, не мог молчать и предательски, как многие другие, поддакивать Калмыкову, а наоборот, говорил ему всегда в глаза о его деяниях, и с этого времени как раз и начинается его наступление против меня...»

Заракуш приводит в записке основные эпизоды этого «наступления» в период его работы заведующим областным Земельным управлением – здесь и ослабление аппарата облзу, выразившееся в том, что был «в пожарном порядке сокращен штат спецов»; и калмыковское указание «очистить занимаемое Земуправлением помещение в трехдневный срок» без предоставления другого с целью выявления возможных во время переброски имущества хищений (чрезвычайная ревизия, назначенная буквально на следующий день, ничего тем не менее не выявила); и «параллелизм в работе – Калмыков дает через мою голову свои самостоятельные задания». Все это подтверждается конкретными примерами. Один из них весьма показателен, так как речь идет о прямом преступлении – необъяснимой смерти управляющего конезаводом Андриенко и его жены. В изложении Мидова эпизод этот звучит так. Несмотря на то что конезавод являлся учреждением, подведомственным Землеуправлению, Калмыков предоставил «управляющему Андриенко письменные полномочия на единоличное управление указанным конезаводом». Более того, по указанию Калмыкова «в 1924 году правление Кабардино-Балкарского потребительского союза заключает персональный договор с Андриенко на заготовку 2000 десятин сена, на что отпущено одновременно 30 000 рублей». Мидов, предполагая возможное развитие событий, возможность «хищений и разного рода злоупотреблений», просил «Калмыкова взять управление конезаводом непосредственно на себя». Причем при свидетелях. В результате развитие событий пошло по мидовскому сценарию – деньги исчезли, сено не было заготовлено. Органы взялись за Андриенко, который не собирался держать язык за зубами. Но неожиданно отравился. Вместе с женой. Дело было закрыто. Оставшись лишь в мидовском семистраничном приложении № 6...

Что было дальше? Дальше был отъезд Мидова из Кабардино-Балкарии. Но это не остановило травлю. На съезде Советов КБАО, состоявшемся в мае, в присутствии тт. Богданова и Бухарина, «не знающих меня, а равно и наших взаимоотношений, Калмыков заставил ряд лиц, в том числе женщин, не знающих меня даже в лицо и не имеющих обо мне никакого представления, выступить на съезде против меня. ...Против этого десятка в защиту меня выступили все остальные делегаты съезда, но, к сожалению, переводчик переводил речи выступивших против меня делегатов, а не речи делегатов, говорящих за меня».

Тем не менее автор обращения «считает лишним говорить в своей докладной записке о себе, прилагая лишь свою автобиографию, подтвержденную ответственными работниками».

И вот выводы Заракуша Мидова:

в КБАО проводится неверная национальная политика;

в деятельности руководства отсутствует коллективное начало;

усиливается религиозное течение;

население сделалось совершенно пассивным.

И самое главное: отсутствует правильное политическое руководство.

Предлагается:

опросить всех заинтересованных лиц, провести расследования по прилагаемым материалам, причем силами краевых органов, привлечь всех виновных к суровой ответственности и прислать крепкого, самостоятельного, коммунистически выдержанного партработника на должность секретаря обкома».

Празднование годовщины революции. Начало 1930-х

«НЕ МОЖЕТ БЕСКОНЕЧНО ПРОДОЛЖАТЬСЯ...»

В истории адыгской культуры фамилия Тамбиевых знаковая: Паго Измайлович Тамбиев (1873–1928) – крупнейший кабардинский фольклорист, для которого, словами известного ученого Раисы Хашхожевой, «фольклор был поэтической летописью народа, сводом народной мудрости, сокровищницей живой народной речи».

Но мало кто знает, что у Паго был брат: Магомет-Гирей (именно так он подписал имеющееся в нашем распоряжении письмо, и мы будем придерживаться этой версии написания его имени) – высокообразованный, начитанный, умнейший человек, настоящий патриот Кабарды, сгинувший в сталинских застенках.

В «Книге памяти жертв политических репрессий. 1920–1941», выпущенной нашим издательством в 2009 году, о нем приводятся следующие сведения: «Родился в 1880 году в городе Баталпашинске (ныне Черкесск), кабардинец, из дворян, беспартийный, среднее образование, бывший член Национального Совета у белых в 1918–1919 годах, участник восстания Серебрякова (в чине ротмистра) в Кабарде и на Тереке, непосредственный участник объявления в 1919 году (во время правления Бековича-Черкасского) вне закона большевиков; работал членом правления Дагселькредитсоюза. Арестован 12 июня 1927 года КРО ДО ОГПУ (эта аббревиатура расшифровывается так: Контрреволюционно-разведывательный отдел Дагестанского отделения Объединенного государственного политического управления).

О статьях, по которым привлекался Магомет-Гирей, мы скажем ниже. А пока восстановим подлинную биографию Тамбиева по собственноручно заполненной им анкете при приеме на работу в Дагселькредитсоюз. Документ этот знаковый – по нему видно, как много (по большому счету практически

Паго Тамбиев

все) хотела знать советская власть о своих подданных. Кстати говоря, ему предшествует такая вот ремарка: «Лица, давшие неверные сведения, будут преданы суду Ревтрибунала»

Итак, в этом анкетном листке сотрудника более 50 вопросов, и чтобы ответить на них, надо потратить немало времени. Пройдемся по этим страницам:

1. Фамилия, имя и отчество, псевдоним литературный, либо другой.
Тамбиев Магомет-Гирей Измайлович.
2. Точно указать сословие или происхождение по революции.
Горец свободного сословия.
3. Время и место рождения.
1879 год, Кубанская область, Баталпашинский отдел.
4. Национальность, подданство.
Кабардинец. Русское.
5. Семейное положение: холост, женат, вдов.
Женат.
6. Профессия или специальность.
Кооперативный работник.
7. Образование: точно перечислить учебные заведения, где обучался с точным указанием объема пройденного курса в них и время пребывания. Если не окончил полного курса, то почему.
Среднее. Окончил Ставропольскую мужскую гимназию, реальное при ней отделение.
8. Место постоянного жительства.
В Нальчике.
9. Какие знаете языки, кроме русского, и в какой степени владеете ими.
Русский, кабардинский и плохо тюркский.
10. Где находились во время занятия вашего постоянного жительства белыми.
В Кабарде.
11. Где находились во время советизации.
В Кабарде.
12. Чем вызван переезд с места постоянного жительства.
Поиском работы (зачеркнуто).
13. Точно указать в каких городах жили с момента выезда с места постоянного жительства, сколько жили в каждом из них, чем занимались и какая власть существовала в каждом из них во время вашего пребывания.
Прочерк.
14. Жили ли за границей и на какие средства существовали.
Нет.

15. Когда стали жить самостоятельным трудом.
Со школьной скамьи.
16. Чем занимались за границей.
Прочерк.
17. Месячный оклад или доход до революции.
От 18 до 150 руб.
18. Владели ли недвижимым имуществом, вкладами и состояли ли собственником или владельцем собственности, торгового или промышленного предприятия, где, когда, какое количество рабочих или оборотный капитал, оценка имущества до 1917 года и средняя доходность.
Прочерк.
19. Состояли ли членом правления, поставщиком какого-либо акционерного общественного торгового предприятия, банкирского дома, имеете ли акции, процентные бумаги и др.
Нет.
20. Перечислить членов семьи, живущих на вашем иждивении, с точным указанием имени, отчества, фамилии, возраста, общественного положения (адреса отца и матери, братьев и сестер).
Жена – Лейля Тамбиева, 30 лет; дочь – Сальтанат Тамбиева, 17 лет (курсантка восточного факультета); дочь – Тамбиева Тамара, 1 год 7 мес.; мать жены – Ольга Алексеевна Смирнова, 60 лет.
21. Точно указать профессию родителей и лиц, их заменяющих.
Прочерк.
22. Имущественное положение членов семьи, указать, кто и сколько имел до революции недвижимости, капитала, предприятий.
Прочерк.
23. Имеете ли родных за границей, где, чем занимаются, когда выехали из Сов. России или Закавказья.
Нет.
24. Служили ли в войсках или учреждениях, каких: белых, правительственных, у меньшевиков, мусаватистов и др. Перечислить родственников, служивших, а также состоявших в антисоветских партиях, и где они теперь.
Нет.
25. Когда были призваны на военную службу.
Не был.
26. Часть войск и последний бывший чин.
Нет.
27. Служили ли в Красной армии, где, когда, на какой должности.

Нет.

28. Проходили ли курс всеобщего военного обучения, где и когда.

Нет.

29. Если признаны негодным к военной службе, указать документы об освобождении.

Прочерк.

30. Ваше отношение к воинской повинности.

Не подлежал как горец.

31. Если предоставлена отсрочка, для чего и на какой срок.

Прочерк.

32. Указать точно, чем занимались и в какой должности:

а) до 1905 года –

С 1900-го по 1905 год работал в Баку в качестве рабочего буровой партии, а затем ключником.

б) с 1905-го по 1917 год, март –

С 1905-го по 1917 год служил по техническому надзору на нефтяных промыслах.

в) с марта 1917 года до Окт. рев. –

Со второй половины 1917 года до Октябрьской революции был в Кабарде и нигде не служил.

г) после Окт. рев. до поступления в отдел –

С конца 1919 года до прихода советских войск служил в Гражданском продовольственном комитете, куда поступил по необходимости, спасаясь от мобилизации Добрармией.

д) были ли в период с марта по октябрь в командировке, в отпуску, где именно, с какого по какое время, а затем с 1917 года до советизации.

Нет.

33. Служили ли в контрразведке или полиции, где, в какой должности, в особом отряде меньшевиков, дашнаков, мусаватистов.

Нет.

34. Последнее место службы и причина оставления такового, краткое прохождение службы, точно указать занимаемые должности, время и продолжительность пребывания в каждой.

Член правления Адыгейско-Черкесского кооперативного союза. Сначала председатель бюро тройки по проведению организационной работы низовой сети, а затем член правления союза.

35. Служили ли в разыскных учреждениях, где, когда и в какой должности.

Нет.

36. К какой политической партии принадлежите, время поступления в партию и № партийного билета.

Ни к какой.

37. Имеете ли, имели ли в учреждении, в коем служите, или его органах из числа остальных агентов родственников, поставщиков в учреждение.

Нет.

38. Состояли ли раньше в каких-либо политических партиях, в каких именно, где и когда.

Нет.

39. Если беспартийный, то какой партии политической сочувствуете.

Прочерк.

40. Если сочувствуете Коммунистической партии, то почему не вступили до сего времени.

Прочерк.

41. Подвергались ли репрессиям за принадлежность к партии, вообще по политическим делам, за что именно, когда и где.

Нет.

42. Подвергались ли репрессиям, привлекались ли к суду или следствию, подвергались ли наказанию в судебном или административном отношениях по другим делам, кроме политических, когда, где и за что.

Нет.

43. Какую работу вели в партии.

Не работал.

44. Состояли ли членом профсоюза. Какого, с какого времени и № членского билета.

Состою членом профсоюза Всерабземля с 1920 года.

45. Занимали ли и какие выборные должности, где и когда.

По профсоюзной линии нет.

46. Принимали ли активное участие в Октябрьской революции и Гражданской войне, где и в чем выразилось ваше участие.

Не принимал.

47. Кем рекомендован для поступления на службу в учреждение, в коем ныне работаете.

Вызван на оперативную работу как туземец совнаркомом ДССР.

49. Местожительство, точный адрес.

Армянская улица, д. № 7.

50. Какую работу полагаете для себя соответствующей.

Кооперативную.

51. Что хотите еще сказать.

За время с 1920 года по сей день вся моя работа протекала в кооперации. Работу эту люблю и, откровенно говоря, хотел бы Дагестану, мне родственному, оказать посильные услуги.

Как оценивал Магомет-Гирей происходящее в Кабардино-Балкарии, личность Калмыкова, узурпировавшего практически всю власть? Об этом говорит его письмо, адресованное Заракушу Мидову, конфискованное чекистами при аресте последнего и приобщенное к делу. Это листок формата А3, сложенный вдвое, написанный красными, ничуть не выцветшими от времени чернилами, каллиграфическим почерком, без исправлений, на одном дыхании, представляет достойный, честный и искренний документ, не нуждающийся ни в правке, ни в корректировке – каждая строчка, каждое предложение в нем выверены, продуманы, пережиты. Письмо это написано не столько рукой, сколько сердцем человека, болеющего за родную землю:

«Дорогой Заракуш!

Что-то тоскливо на душе, захотелось с тобой побеседовать, а потому и взялся за перо. Ты не подумай, что в моей жизни произошли какие-либо перемены и это обстоятельство влияет на мое настроение: отнюдь нет, просто скверное настроение и баста.

Откровенно говоря, я, пожалуй, и сам не знаю, что хочу, но вот тоскливо и нудно, все как-то надоело, и хотелось бы куда-нибудь уйти, но куда – сам не ведаю. Временами тянет к себе, в Кабарду, но когда вспомнишь все, что там творится, то эта мысль моментально расплывается и вместо Кабарды остается пустое место.

Одно сознание, что за грехи моих отцов, как бывших дворян, я отвечаю совершенно незаслуженно, временами до того злит, что готов идти на что угодно. Сознание, что никогда не был сторонником монархии, все мое прошлое было в народе, а вместе с тем при народовласти, благодаря капризу одного лица, я должен чувствовать себя скверно. А что еще ужаснее – быть совершенно бесполезным для своего народа, который меня понимал бы и который был мне в тысячу раз больше понятен, чем какой-либо другой народ.

У меня никак не укладывается в голове и не могу никак согласиться, что народная власть не могла в конце концов расшифровать этого типа. Жупел отыгрываться якобы на князьях и дворянах, в конце концов, потеряет свою остроту, и тогда на чем он думает отыгрываться? Да и власть, и партия, в конце концов, сумеют, я в этом ни одной минуты не сомневаюсь, раскрыть всю подоплеку его борьбы, и тогда обратная сторона этой медали, я в этом уверен, покажется такой неприглядной, если не сказать больше, что кое-кому несдобровать.

Мне как-то непонятно: человек он очень неглупый, очень энергичный и, казалось, должен был окружить себя людьми, которые отдали бы максимум

Дорогой Заракуш!

Что-то тоскливо на душе, захотелось с тобой побеседовать, а потому и взялся за перо. Ты не подумай, что в моей жизни произошли какие-либо перемены и это обстоятельство влияет на мое настроение: отнюдь нет, а просто вот тебе ерты настроение и баста.

Откровенно говоря, я, пожалуй, и сам не знаю, что хочу, но вот тоскливо и нудно, все как-то надоело и хотелось бы куда-нибудь уйти, но куда сами не ведаю. Временами тянет к себе в Кабарду, но когда вспомнишь все, что там творится, то эта мысль моментально расплывается и вместо Кабарды остается пустое место.

Одно сознание, что за грехи моих отцов, как бывших дворян, я отвечаю совершенно незаслуженно, временами до того злит, что готов идти на что угодно. Сознание, что никогда не был сторонником монархии, все мое прошлое было в народе, а вместе с тем при народовласти, благодаря капризу одного лица, я должен чувствовать себя скверно. А что еще ужаснее – быть совершенно бесполезным для своего народа, который меня понимал бы и который был мне в тысячу раз больше понятен, чем какой-либо другой народ.

У меня никак не укладывается в голове и не могу никак согласиться, что народная власть не могла в конце концов расшифровать этого типа. Жупел отыгрываться якобы на князьях и дворянах, в конце концов, потеряет свою остроту, и тогда на чем он думает отыгрываться? Да и власть, и партия, в конце концов, сумеют, я в этом уверен, раскрыть всю подоплеку его борьбы, и тогда обратная сторона этой медали, я в этом уверен, покажется такой неприглядной, если

своей энергии и любви народу, а вместе с тем, без ошибки можно сказать, окружил себя исключительно людьми, или чуждыми Кабарде, или же преследующими исключительно свои эгоистические, корыстные цели. Ведь если бы только он подошел к ним и их деятельности не только с точки зрения угодничества ему, а с деловой стороны, то с ужасом заметил бы сам, какими ужасными людьми он окружен. Это в конце концов случится, но пока есть, а Кабарда ведь страдает и ничего сказать не смеет. Он, по-видимому, не знает кабардинского народа: он умеет терпеть и молчать, но если наступает кризис, так он говорит ужасным языком.

Окружающие, за редким исключением, на все закрывают глаза и закрывают непроницаемой пеленой и его глаза. Окружающие создали такую непроницаемую стену между ним и народом, что ему кажется в Кабарде чуть ли не рай земной, пора бы наконец ему самому разрушить эту стену, ибо если народ и партия снесут эту стену, то будет поздно и, пожалуй, не будет пощады. Ведь терпение русского народа вообще, а нашего маленького в частности имеет предел, не может же бесконечно продолжаться сгибание спин.

История русской революции воочию показала своей беспощадной расправой с царизмом, что терпением народным нельзя злоупотреблять, а сейчас в Кабарде происходит именно это. Меня удивляет, как это он мог усвоить легко все приемы маленького жестокого сатрапа, мне кажется странным и совершенно непонятым, что в нашем Советском государстве может так долго властвовать сатрап. Для меня непонятно, чем он отличается от бывших князей, если не хуже их. Появившись в Кабарде впервые в конце 17-го года, я, не будучи совершенно знаком с Кабардой, даже приблизительно не представлял того безобразия, которое творили дворяне и князья. Познакомившись с обстановкой и продолжая дальше жить в Кабарде, мне казалось, что революция бесследно сметет все негодное со своего пути, но никак не думал, что та же революция посадит вместо многих князей одного правителя, как это имеет место сейчас.

Как хочешь, а у меня начинает двоиться миропонимание, и настолько резко, что временами кажется, что положение в Кабарде нормальное, а все остальное, что мы слышим и читаем – досужие разговоры; иначе как же все это объяснить.

Взявшись за перо, я не имел в виду затрагивать этот вопрос, но он настолько животрепещущий, настолько уродлив в Кабарде, что обойти молчанием не представляется возможным. Хотелось бы по этому вопросу кричать до хрипоты, но, видно, толку от этого не будет. Кроме того, мы, беспартийные, настолько безличны, что трогать таких больших людей – значит попасть не только в немилость, но еще хуже, а потому приходится молчать.

Если бы была уверенность, что наши указания на те или иные недочеты в работе некоторых товарищей не будут истолкованы в совершенно другую сторону, то было бы легче дышать и, надо сказать, многое из ненормального и нездорового выявилось бы легче, и дело строительства давало бы гораздо лучшие плоды. Не пришлось бы беспокоиться о благополучии нашего маленького народа, не было бы поводов для опасения в успехах хозяйственного и политического строительства.

Я, кажется, очень много тебе нагородил всякой всячины, но надеюсь, что ты меня простишь и поймешь, ведь это крик души кабардинца, претендующего на любовь к своему народу.

Отчего ты ничего не пишешь, как твои дела, что ты поделяешься, разряжается ли атмосфера вокруг вас всех, тебя, Батыя и Дула, или же еще хуже. Каково положение двух последних? Все эти вопросы меня интересуют настолько, поскольку и вас считаю своими друзьями. Не мешало бы иногда все-таки писать о себе.

Новый союз работает вовсю, парни как будто подобрались хорошие и хотят, по-видимому, работать. Правда, им тяжело, но их энергия преодолеет, надеюсь, все трудности и Дагестанский союз разовьет большую благодарную работу на благо Дагестана и населения. Мы живем кое-как, жаловаться не на что.

Жена с особым удовольствием и чувством большой благодарности вспоминает вас всех, особенно ваши половинки.

Дорогой Заракуш, между прочим, я прошу тебя время от времени интересоваться тем, что делает Нипиг и подгонять его, а то боюсь, что он затянет вопрос о ликвидации отделения и у меня будет масса неприятностей.

На этом заканчиваю свое послание и желаю, дорогой, тебе, семье и остальным с семьями всего наилучшего.

Твой Магомет-Гирей

10 апреля 1927 г.

P. S. Прости, если письмо нескладно, писал в скверном настроении».

И автор письма – Магомет-Гирей Тамбиев, и его адресат – Заракуш Мидов, чей революционный стаж исчислялся с 1905 года, и Батый с Дулом (о них идет речь в письме) – ученый-лингвист Батый Лукманович Хуранов и Дул Пшизабиевич Шекихачев, который был первым коммунистом из кабардинцев (Газета Юга. 2010. 19 авг.), – все они пройдут по одному делу, сфабрикованному чекистами под нажимом Бетала Калмыкова. Тому самому, «катхановскому» делу, где Назир числится руководителем контрреволюционной организации, оказывавшей помощь международной буржуазии.

И письма Тамбиева, и его многочисленные обращения в различные инстанции с просьбой разобраться по существу предъявляемых к нему претензий так и останутся без ответа. А ведь за Магомет-Гирея ходатайствовали весьма достойные люди. Одно из писем подписал на фирменном бланке Ислам Карачайлы, на тот момент сотрудник газеты «Советский Юг», известный общественно-политический деятель Карачая. Адресовано это письмо Николаю Федоровичу Гикало (1897–1938) – личности на Кавказе известной: в 1918 году председатель Грозненского комитета РКП(б), в 1919-м – член Кавказского краевого комитета РКП(б), командующего Терской повстанческой армией, в 1921–1923 годах – секретарь Горского обкома РКП(б); на момент написания письма – член Юго-Восточного бюро ЦК, заведующий агитпропом Северо-Кавказского крайкома. Как отреагировал Гикало, мы не знаем, но то, что его подпись стоит под тысячами расстрельных приговоров, которые он подписывал в составе приснопамятных «троек», от которых и сам пострадал в конечном итоге, общеизвестно.

А вот и сама просьба: «Податель сей записки гр. Тамбиев является адыгейским работником. Он уроженец Кабардино-Балкарской области, и его «требуют» в Нальчик. Тов. Штиллер его направил к нам, и я со своей стороны убедительно прошу Вас выслушать его. Если его будут судить, он будет только рад. Но в том-то и дело, что его не хотят судить по-настоящему, а просто хотят посадить и держать взаперти. Это – в лучшем случае. А что может быть в худшем – нетрудно догадаться. По моему глубокому убеждению, он не заслуживает преследований и при его больших способностях может быть широко и с большой выгодой для дела использован. Прошу Вас выслушать его и дать ему Ваши указания.

С уважением и приветом, *Ваш Исл. Карачайлы»*

Написана записка в Ростове-на-Дону 21 февраля 1925 года.

Арест же Магомет-Гирея Тамбиева состоялся 12 июня 1927 года. 3 августа 1928 года Коллегия ОГПУ вынесла свой приговор – расстрел. 12 августа он был приведен в исполнение. Калмыков, как известно, пережил участников организованного им катхановского дела на 11 с половиной лет – его жизнь оборвалась 27 февраля 1940 года.

И еще одна красноречивая деталь в заключение: когда Генеральный прокурор СССР направил 16 марта 1959 года протест в Президиум Верховного суда Кабардино-Балкарской АССР о незаконности привлечения к суду и расстрела означенных выше лиц, последний (протест) был отклонен. И лишь после того, как Генеральный прокурор СССР вошел с протестом в Верховный суд Российской Федерации, дело в отношении Тамбиева и других было прекращено за отсутствием доказательств их вины.

БЕСПОШАДНО И РЕШИТЕЛЬНО

У входа в Атажукинский парк, с левой стороны от Вечного огня, что зажат у обелиска воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, расположено мраморное надгробие, на котором под общей надписью «Вечная слава борцам за дело социализма» выбито шесть фамилий. Если читать слева направо, то этот ряд будет таким: Виноградов Н. А. (1903–1930), Карашаев Х. Т. (1871–1927), Мухин М. И. (1903–1930), Мусукаев А. Т. (1893–1930), Этезов И. Т. (1900–1930), Караев Е. М. (1896–1930). У большинства посетителей парка, вчитывающихся в эти фамилии, непроизвольно возникает ряд вопросов. Первый из них – почему умершие в разное время погребены в одной могиле; второй – по какой причине нарушен алфавитный список перечисления фамилий.

Вопросы эти возникают даже при том, что сегодня подавляющее большинство местных жителей никакого понятия не имеют о лицах, захороненных у парковой ограды. Лишь при фамилии Карашаев мелькнет кое у кого некая ассоциация с улицей, называющейся также. Так как советская история (а другой на шестой части суши до недавнего времени просто-напросто не было) сегодня не в чести, напомним, что Хажумар Талович Карашаев – революционер, которому «принадлежит огромная заслуга в укреплении советов и партийных организаций на местах, развитии народного образования, раскрепощении женщин-кабардинок и в привлечении их к активному участию в общественной жизни». Эта цитата из книги У. Улигова и Д. Шабаева «За власть советов» (Нальчик, 1987), в которой приводится и точная дата смерти, и даже на каком году жизни скончался революционер: «Хажумар Талович тяжело заболел и 2 апреля 1927 года в возрасте 52 лет умер в Пятигорской больнице».

Что Карашаеву было именно 52 года, явствует и из обращения обкома партии к трудящимся республики, и из выступления Бетала Калмыкова на похоронах, отразившего жизненный путь партийца такими словами: «Ты был вернейшим знаменосцем партии. Это знамя держат сейчас перед тобой. Клянемся – никто не возьмет из наших рук это знамя. С горы сбросимся, в море полезем, но Знамя революции не уроним».

Следовательно, на парковой могильной табличке в год рождения революционера допущена ошибка: не 1871, а 1875.

Бетал Калмыков. Похороны революционеров. 2 июля 1930

И это еще не все. Прочитав книгу дальше: «5 апреля 1927 года в городе Нальчике в присутствии 15 тысяч трудящихся, представителей селений области, Х. Т. Карашаев **был похоронен в братской могиле**». Та ли это братская могила? Вглядитесь в публикуемый снимок и сами убедитесь – нет. Могила, располагающаяся под нынешней мемориальной плитой, была вырыта 2 июля 1930 года и похоронены в ней (по порядку расположения гробов) партийные работники Н. А. Виноградов, А. Т. Мусукаев и водитель Е. М. Караев. Об их смерти в книге «История Кабардино-Балкарской АССР» (М., 1967) сообщается следующее: «20 июня 1930 года кулаки, организовавшие засаду в районе Нижнего Баксана (ныне город Тырныауз), убили члена бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) А. Т. Мусукаева, секретаря окружкома партии Н. А. Виноградова и шофера Караева, выполнявших задание партии по организации колхозов в Балкарии».

Что же касается двух других фамилий, выбитых на плите, то речь идет о партийном работнике И. Т. Этезове, также по долгу службы, естественно, вовлеченном в борьбу с кулачеством и «погибшем от рук бандитов» примерно в это же время; и о Михаиле Ивановиче Мухине, 27-летнем начальнике отдела ОГПУ КБАО, начавшем свою чекистскую деятельность

18 лет отроду – в 1921 году в Костромской губЧК, спустя шесть лет (в них вместилась работа в Новороссийске, Карачаево-Черкесии) переведенном в наши места. Погиб Мухин 21 октября 1930 года в 7–8 километрах от селения Нижний Черек, возвращаясь с группой из командировки, целью которой была опять же борьба с кулачеством. Погиб мученически – «бандиты, захватив его тело, зверски изрубили шашками и искололи штыками». Подробности можно узнать из книги «Чекисты Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1987).

Подхоронены Этезов и Мухин к месту последнего приюта Виноградова, Мусукаева, Караева, были, естественно, позже. До недавнего времени здесь и находилось пять надгробий – тех, кто погиб в 1930 году. Потом, уже в наши дни, была осуществлена реконструкция мемориального комплекса и внесены изменения – к общему списку добавлен Х. Т. Карашаев, фамилии размещены по алфавиту. При этом Е. М. Караев (хоть и погиб, и даже лежит в одной могиле, но не революционер) вынесен, так сказать, за пределы очерченного списка – на правый край. Впрочем, последнее – наше предположение. Но иначе чем, кроме логики чиновников от власти, выстраивающих всех по ранжиру и заслугам, объяснить нарушение алфавитного порядка лежащих в братской могиле?

Ради исторической справедливости (хоть речь сегодня как будто о другом), стоит напомнить, что в означенном 1930 году в Кабардино-Балкарии были раскулачены, осуждены, отправлены в концлагеря многие сотни добросовестных тружеников и членов их семей. Откройте «Книгу памяти жертв политических репрессий», выпущенную нашим издательством, и увидите: 1930-й – знаковый в их проведении, он встречается во множестве персоналий, так как, процитируем фразу из книги «Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС» (Нальчик, 1971), именно тогда «областная партийная организация повела беспощадную и решительную борьбу против кулачества».

Что скрывается за словом «беспощадная», разъяснять вряд ли нужно. Террор на террор... Только государственный и индивидуальный – вещи несоотнесимые по степени действий. Отсюда: одним – памятники, другим – безымянные могилы.

Вот на какие мысли навела редчайшая фотография, долгие годы хранившаяся в частном архиве и публикуемая сегодня впервые.

«ЧЕРТОВА УЙМА ДЕНЕГ ИДЕТ В КАБАРДУ...»

Читая старые газеты, поражаешься, сколь мудры были древние, тонко подметившие: «Ничего нового под луной»; нам это латинское выражение больше известно строчкой «Ничто не ново под луною...» из стихотворения «Опытная Соломонова мудрость...» Николая Карамзина.

Вот, казалось бы, какое современное слово – *дотационность*; невольно думаешь, что и понятие тоже отражает реалии постсоветского периода, текущего времени. Ан нет, оказывается, оно с многолетними корнями: ровесник советской власти.

Как и волонтаризм. Помните, с каким придыханием говорил сие крамольное по тем временам словечко один из героев знаменитой троицы режиссера Гайдая? А означает оно, напомним, стремление реализовать желанные цели без учета объективных обстоятельств и возможных последствий.

А еще вождизм, вертикаль власти, свобода слова...

Впрочем, обратимся к истории.

В 1921 году в Ростове начала выходить газета «Большевицкая смена» (впоследствии «Комсомолец», ныне – «Наше время») – задорная, боевая, не знающая запретных тем. Во всяком случае, в двадцатых годах она позволяла критиковать даже старших товарищей – партийцев. И еще как критиковать!

В 1929 году газета направила в Нальчик своего специального корреспондента Зинаиду Лернт, и та разразилась целой серией статей, опубликованных под рубрикой «В Кабардино-Балкарии неблагополучно». Поданных хлестко, с кричащими подзаголовками типа «Знаем мы вас – самокритиков!», «Выгнать из партии, выслать из области в 24 часа»; констатацией, что в Кабардино-Балкарии происходит зажимление самокритики, искривление классовой линии.

Вот одна из этих корреспонденций, названная «Канцелярия вождя». Ей предшествует своего рода преамбула, в которой З. Лернт пишет: «Факты, вскрытые в предыдущих статьях, не являются случайными. Безобразия, выявленные в результате обследования комсомольской организации, – только часть общей системы, существующей в Кабардино-Балкарской области, – системы, возглавляемой председателем облика (облисполкома. – Авт.) Калмыковым.

В результате этой системы партийный комитет превращен в придаток исполкомовской канцелярии, в советское руководство пролезают чуждые элементы, партийная организация ослабляется зажимом и не в состоянии вести за собою массы.

На днях крайком ВЛКСМ будет обсуждать выводы по обследованию комсомольской организации. Материалы этой статьи, рассказывающей о «делах и людях» в партийных и советских органах, требуют настоятельного внимания краевого комитета партии».

И далее автор приводит несколько весьма ярких штрихов. Первый из них – «Вождь как таковой»: «Когда Калмыков входит, все встают. Если он приходит на бюро парткома – встает бюро парткома. В почетный президиум всех собраний выбирают тт. Сталина, Калинина и... Калмыкова.

Никто не получает работы не только по советской, но по любой, даже по партийной линии, прежде чем не утвердит его Калмыков. Иди, говорят, получи бумажку – Калмыков разрешил дать тебе работу. Как вы думаете, кто защищает интересы бедноты и батрачества? Советская власть? Коммунистическая партия?

Бетал Калмыков в гуще народных масс. 1930

Ничего подобного. На съезде крестьянок Фадеев, завоблфо, кричал: «Да здравствует единственный защитник бедноты и батрачества товарищ Калмыков!»

Приезжая в аулы, работники информируют крестьянство: «Калмыков построил Мало-Кабардинский канал. Если бы не Калмыков, не было бы канала».

Калмыков – председатель Кабардино-Балкарского исполкома. Но ведь даже хорошие работники могут ошибаться и их можно критиковать. На это партией дан лозунг: «Критикуйте не взирая на лица!». Значит, и Калмыкова можно критиковать? Калмыкова? Ну нет! Извини-подвинься».

Следующий раздел корреспонденции называется «В 24 часа»: «Никого в Кабардино-Балкарской области нельзя критиковать без разрешения того же Калмыкова. Туманович, секретарь правления горпо (городское потребительское общество. – *Авт.*), неоднократно указывал партийному комитету на безобразия, творящиеся в горпо. Партийный комитет молчал. Но однажды Туманович осмелился выступить с критикой работы низового соваппарата. И на следующий день на бюро парткома состоялся отчет горпо и все недостатки, о которых предупреждал Туманович, были поставлены в вину ему же.

Вместе с Тумановичем выступали Кныш и Архипов. Всем троим было предложено в 24 часа убраться за пределы Кабардино-Балкарской области. А когда они убрались, их заочно исключили из партии с формулировкой «За создание группировки *самокритиков*». Так прямо и написали.

КрайКК (краевая Контрольная комиссия. – *Авт.*) всех троих восстановила, но этим не особенно огорчились в Нальчике.

Все равно личное дело запачкано – был исключен из партии. А правильно или неправильно, это еще иди доказывай.

Калмыков на партсобрании заявил: «Мы им так замажем партбилеты, что они их пять лет чистить будут!». И замазали. И не им одним. В 24 часа было предложено убраться из Нальчика и профсоюзнику Пучнину – за критику мелиоративного строительства. Вежливо сняли Королькова, помощника прокурора, за отказ уничтожить материалы, компрометирующие областную головку. Асаулюк, завздравотделом (заведующий отделом здравоохранения. – *Авт.*), повинный только в том, что не выступил против Тумановича, был обвинен в «потакании».

Ему сказали: «Э-э, брат, не спрячешь! Зачем «самокритики» у тебя в домах отдыха отдыхали? Уезжай-ка ты отсюда подобру-поздорову, пока у тебя партийное дело чистое».

Областного прокурора Болдырева, за то, что он в отчете о состоянии области указал на ряд крупных безобразий, сняли, арестовали, исключили

из партии, посадили. Верховный суд разбирал его дело – Болдырев оправдан. ЦКК разбирала его дело – Болдырев в партии восстановлен.

Цапенко – предоблКК говорит: «Жаль я не поехал – не видеть бы ему партии»...

Белоусов, корреспондент «Молота», долго не решался писать о чистке госаппарата. Наконец решился. Написал, что в аппарате исполкома чистят даже курьеров. Статью прочли, а Белоусова исключили из партии. Ячейка, в которой был Белоусов, обсуждала этот вопрос. Члены партии Каленков, Кириллова и другие выступили в защиту Белоусова.

На следующее утро их вызвали в облКК: «Как вы смеете защищать Белоусова? Что у вас за группировка? Какая платформа? Кто руководители? Где собираетесь?»

Да что Белоусов? Секретарь областного комитета партии Дулин, пытался ставить вопрос об аппарате исполкома. Но тамошние «спецы» – меньшевик Михайлов, казачий офицер Денисов, интендантский полковник Щербович – возмутились: «И чего он суется! Вот увидите, Калмыков его выгонит». Они оказались правы. Дулина, рабочего, члена партии с 1916 года, давно уже нет в Нальчике, а «бывшие люди» по сей день заворачивают от делами исполкома».

Работники райпотребсоюза КБР. 1935

Причины происходящего корреспондент видит в полной узурпации власти Калмыковым.

Вот что она пишет в разделе «Вечное бюро»: «Позвольте, скажете вы, но ведь не один же Калмыков в Нальчике! Есть ведь там и партийный комитет, и советская общественность... Об общественности помолчим, а что до партийного комитета, то он находится при Калмыкове. Слыхали, бывает у ответственных работников вечное перо? А у Калмыкова – вечное бюро. Состав бюро парткома не изменяется. Люди годами привыкли быть в бюро и в комитете.

На зимней конференции Дулин предложил: треть комитета должна состоять из рабочих и батраков, в бюро должен быть один рабочий от станка. Две ночи шли горячие прения. С большим боем пришлось провести первую часть предложения. И Калмыков на конференции извинялся: «В прошлый состав комитета входил еще ряд ответственных товарищей, которые в настоящий состав не вошли. Очень важно было ввести рабочих, я считаю, что товарищи это поймут». Но в бюро, кроме Дулина, ни один рабочий не вошел. А от Дулина к весне сумели избавиться.

Да разве один Дулин? За последний год сменилось три секретаря парткома, сейчас – четвертый. Один секретарь работал долго – Боровицкий. Но его выдвинул сам Калмыков. Боровицкий был раньше секретарем исполкома, то есть секретарем Калмыкова. Потом сел в партком, оставаясь по существу тем же секретарем Калмыкова.

Все шло гладко – пока крайком не снял Боровицкого за крупные политические ошибки. Но из Кабарды его не отпустили. Сейчас он заведует здравотделом, является одним из заместителей предоблисполкома и даже входит в Комиссию по предстоящей чистке партии.

Боровицкий ни в какие принципиальные вопросы не лез, а твердо знал свое дело – проводить через бюро парткома ходатайства перед краем об отпуске денег. Партийный комитет только в этом направлении и работает. Что строить, где строить, как строить – решает Калмыков со своей «фракцией беспартийных». А ходатайства насчет денег пишет областком ВКП(б).

И еще один раздел статьи, носящий весьма красноречивое название: «Качай монету!». Читая его, не перестаешь удивляться, о каком времени идет речь?

Итак: «Пришло в голову Шериеву (завпромотделом) построить крахмальный завод. Калмыков не возражает? Нет? Прекрасно. На бюро парткома пишется записочка: «Необходимо ассигновать три с половиной миллиона рублей».

Дулин удивлен: «Позвольте, а сметы?» – «Сметы после будут, – заявляет Калмыков. – Предлагаю поддержать!»

Бюро поддерживает. Партийный комитет все время используется как калмыковская канцелярия – для ходатайства о деньгах. Пишут постановления, затем Калмыков идет в край или Центр и выкачивает деньги. Умение выкачивать монету считается основным свойством хорошего работника. О том, чтобы попытаться найти средства на месте, не может быть и разговору. Разбазариваются ценнейшие многотысячные племхозы (племенные хозяйства: речь о конезаводах.– *Авт.*), племматериал раздается крестьянам задаром, не только беднякам, но и всем, чтобы купить авторитет: вот, мол, милость Калмыкова.

Фонд на обсеменение (при кооперации) с разрешения Калмыкова съели. А чем сеять? Край даст. И край дает. И Центр тоже. Чертова уйма денег идет в Кабарду. Ни одна национальная область столько не получает.

Бюджет области в 1927/28 году составлял 2 млн 863 тыс. руб. Из них: свои доходы – 1 млн 381 тыс. руб., дотация – 1 млн 482 тыс. руб. Больше ста процентов дотации – слыханная ли это цифра?! Теперь возьмем 1928/29 год. Общий бюджет области 4 млн 623 тыс. руб., увеличение против прошлого на 61 процент! Но увеличение это идет не за счет роста собственных областных доходов, здесь увеличение меньше чем на 6 процентов (в прошлом году 1 млн 381 тыс. руб., а в нынешнем 1 млн 462 тыс. руб.). Главный рост за счет той же дотации.

Нужно иметь в виду, что крупное строительство – Мало-Кабардинский канал и будущая Баксанская гидростанция – бюджет области не затрагивает. На это средства выкачиваются особо.

Куда же идут миллионы? Как используются для укрепления хозяйства колоссальные дотации? Об этом в следующий раз».

Нужны ли здесь комментарии? Если нужны, то не историка; и не комментари, а заключения, прежде всего правоохранителей. Но в 1929 году их не последовало и выводы (вовсе не по приведенным фактам) были сделаны спустя почти десятилетие. Правда, весьма кардинальные – в те годы сажали часто, расстреливали еще чаще...

БАБЕЛЬ И «ОСОБО ПОПУЛЯРНАЯ ФИГУРА»

В октябре 1933 года в Нальчике, в загородном доме Бетала Калмыкова, расположенном в Долинске, почти два месяца жил и работал *Исаак Эммануилович Бабель* (1894–1940), автор «Конармии», писатель великий, чей стиль невозможно спутать ни с чьим другим. Именно ему Кабардино-Балкария обязана определениями «страна чудес», «жемчужина среди советских областей», страна, которая «первой дойдет до коммунизма». Нет сомнений, что не одни только успехи республики на пути социалистического строительства, о которых было поручено написать самобытному писателю, вызвали такой восторг, но и удивительная атмосфера Долинска. Бодрящая, светлая, восстанавливающая настроение и физическое здоровье, настраивающая на рабочий лад: «Живу месяца полтора в Кабардино-Балкарской области и житьем этим наслаждаюсь. ...Адрес мой впредь до изменения: Нальчик (Северный Кавказ). До востребования. ...Работаю много. Похоже, что ко мне вернулась «форма», какой не было несколько лет. Может, что и выйдет».

Исаак Бабель

Вышло то, что вышло. Судьба Бабеля трагична, да и не могла она быть иной в той эпохе... Арестованный 16 мая 1939 года по стандартному обвинению в «изменнической антисоветской деятельности», сам он, не чувствуя за собой никакой вины, считал арест следствием творческой бесплодности, «в результате которой в печати за последние годы не появилось ни одного достаточно значительного... произведения, что могло быть расценено как саботаж и нежелание писать в советских условиях».

В объяснениях «крушения попыток осилить настоящую советскую тему» нашлось место и командировке в нашу республику: «Я хотел написать о Кабарде и остановился на полдороге, потому что не сумел отделить жизнь маленькой советской республики от феодальных методов руководства Калмыкова».

Но скорее всего, Бабель, уже знавший к моменту своего ареста о недо-

вольстве Калмыковым, написал эти слова под следовательскую диктовку. Право сделать такой вывод дают нам воспоминания писателя Владимира Канторовича, которые называются весьма симптоматично: «Бабель рассказывает о Бетале Калмыкове». Так вот, Канторович, будучи одним из слушателей утраченных произведений, предпринял поистине неблагодарную попытку – не только рассказать, «как писатель трудился над книгой о Бетале Калмыкове», но и «вообразить, как эти новеллы могли прозвучать в устах их творца».

Итак, еще до начала вечера, который «открыл Всеволод Иванов, кто спросил Исаака Эммануиловича, правда ли, что он написал новую книгу – о Бетале Калмыкове. Бабель ответил неопределенным жестом. Можно было его расшифровать так: написал, но до завершения далеко!»

...Новеллы, рассказанные Бабелем, и газетный очерк (вспоминающий предполагает, что к нему приложил руку Исаак Эммануилович. – *Авт.*) восприняты были нами, слушателями, как единое художественное целое, как доказательство, что замысел книги о герое, пленившем воображение писателя, существует не только в его воображении, но уже в какой-то мере – литературная реальность».

И дальше Канторович осуществляет попытку передать впечатление от рассказов Бабеля, воспроизводя по памяти два из них – «Разбойник Исмаил капитулирует» и «Бетал, Батырбек и погорельцы». И хоть «герой бабелевских новелл отнюдь не «зеркальное отображение» своего прототипа, исторического Бетала Калмыкова», бывшего в тридцатых годах «благодаря журналистам и литераторам особенно популярной фигурой в стране», но образ, встающий перед читателем, впечатляет. Перед нами «стойкий мечтатель и неутомимый борец за будущее», коему «не чужды ни противоречия, ни пережитки», у которого «властная натура» и «страсти кипят в... душе». Так что не все так однозначно и со свидетельскими показаниями Бабеля, и с определением личности Бетала Калмыкова, к которой мы еще обратимся чуть ниже. Кстати говоря, в цитированном нами сборнике о Бабеле есть воспоминания А. Н. Пирожковой, бывшей вместе с писателем в Кабардино-Балкарии и давшей весьма колоритное описание Бетала Калмыкова, а также того, чем были заполнены дни писателя. Есть здесь и такие слова: «Бетал Калмыков был одним из тех людей, которые владели воображением Бабеля».

Иногда он в раздумье произносил:

– Хочу понять: Бетал – что он такое?»

Как и такой факт: «Когда позже, кажется, в 1936 году, Бетал снова приехал в Москву, Бабель мне сказал:

– Пойдите к Беталу в гостиницу и уговорите его показаться здесь врачу. Мне известно, что он болен, у него, по всей вероятности, язва желудка, а к врачу пойти не хочет. Быть может, вас он послушается...».

К сожалению, нам никогда не узнать, что на самом деле написал Бабель о Калмыкове: все конфискованные у него рукописи – 24 папки! – были изъяты из материалов дела. Судьба их покрыта мраком. Как неизвестна и могила Бабеля: 27 января 1940 года он был расстрелян, кремирован, а прах его и сотен, тысяч убиенных свален в общую яму на кладбище, расположенном на территории Донского монастыря в самом центре Москвы.

Симптоматично, что и судьба бабелевского героя также завершилась в том же 1940 году, более того, также неизвестно, где захоронен его прах. Бетал Калмыков – партийный лидер Кабардино-Балкарии, личность яркая, харизматическая, обладающая твердой волей, решительностью, широким кругозором. В конце семидесятых годов прошлого века авторам этих строк поступило предложение от издательства «Политиздат» подготовить для серии «Пламенные революционеры» книгу под условным названием «Бетал». Знаем, что подобное предложение было адресовано и другим литераторам. Но решение редакционного совета серии «ПР» так и не было воплощено на союзном уровне. Этому есть и объяснение. Ведь помимо фамилии Калмыков многим жителям республики известно и понятие – «калмыковщина». Более того, как пишет автор книги «Назыр» Керим Катханов, Калмыков, «участвуя в заседаниях «троек» НКВД Кабардино-Балкарской АССР в 30-х годах, подвел под расстрел более 3000 кабардинцев и балкарцев, которые только через 50 лет были реабилитированы посмертно, и процесс пересмотра уголовных дел 30–40-х годов продолжается».

Одному из авторов этих строк довелось работать вместе с секретарем Президиума Верховного Совета КБАССР Фаиной Тембулатовной Арсаевой, бывшей в свое время членом Реабилитационной комиссии. Запомнились ее слова: после ознакомления с делами невинно загубленных жертв она не может равнодушно проходить мимо памятника верному ленинцу. Довелось нам читать и последнюю записку руководителя кабардино-балкарских большевиков, написанную уже в тюремной камере. Она, хранящаяся в частной коллекции, свидетельствует отнюдь не о твердости духа и высоте моральных принципов, а, скорее, наоборот.

Итог: Бетал Калмыков был расстрелян в 1940 году за то, что в... 1927 году «организовал и возглавил антисоветскую организационную связь с участниками правотроцкистской организации Бухарина, Енукидзе и др. Являясь руководителем филиала правотроцкистской организации в Кабардино-Балкарской АССР, вербовал в антисоветскую организацию других лиц».

Бетал, вспоенный и вскормленный советской властью, ради нее не жалевший соратников, пал от ее же рук... Как до этого и Бабель, никогда эту власть не любивший, вынужденный постоянно оправдываться перед ней за свой творческий почерк, столь индивидуальный, что ему так и не нашлось места в ныне забытом пантеоне классиков социалистического реализма.

ГОДЫ, ПРОШЕДШИЕ РЯДОМ *

...Из Сухуми парходом мы добрались до Туапсе, а оттуда поездом отправились в Кабардино-Балкарию. Чтобы попасть в Нальчик, мы должны были сделать пересадку на станции Прохладная. Поезд пришел туда поздно вечером, когда в станице все уже спали, а отправлялся он в Нальчик утром. Мы оставили вещи на вокзале и налегке пошли по улицам, выбрали удобную скамью под деревом и присидели на ней всю ночь.

Ночь была теплая, светлая от луны, тополя серебрились, пахло пылью и коровами. Когда взошло солнце, мы отправились на базар.

– Лицо города или села – его базар, – говорил мне Бабель. – По базару, по тому, чем и как на нем торгуют, я всегда могу понять, что это за город, что за люди, каков их характер. Очень люблю базары, и, куда бы я ни приехал, я всегда прежде всего отправляюсь на базар.

На базаре было уже полно народу, много лошадей, торговали зерном, скотом. Вся продающаяся птица – живая. Мы купили горячие лепешки, пшенку (вареные кукурузные початки) и пошли на вокзал.

– Нет былого изобилия, сказывается голод на Украине и разорение села, – говорил Бабель.

Через несколько часов мы были в Нальчике, остановились в гостинице и заказали чаю. Я легла спать, а Бабель отправился к Беталу Калмыкову, первому секретарю обкома партии Кабардино-Балкарии...

Бабель разбудил меня. Войдя в мой номер, он сказал со смехом:

– Знаете, сколько вы проспали? Теперь утро следующего дня. Бетал приглашает нас переехать к нему в загородный его дом, где он сейчас живет, в Долинское.

Но я заупрячилась:

– С Беталом я не знакома, принять приглашение не могу, приглашает он вас, а не меня, и переезжать к нему я не хочу. Не хочу – и все!

Со мной ничего нельзя было поделать. Не помогло ни уверение в том, что у меня там будет своя комната, ни то, что у Бетала всегда живет много всякого народу – друзья, корреспонденты московских газет с женами и т. д. Я стояла на своем. Пришлось Бабелю снова пойти в обком, и там было решено, что он будет жить у Бетала, а я куплю путевку в дом отдыха как раз напротив дома Бетала. На это я согласилась, и мы переехали в Долинское. По дороге туда Бабель рассказал мне

* Пирожкова А. Н. Годы, прошедшие рядом (1932–1939) // Воспоминания о Бабеле / Сост. А. Н. Пирожкова, Н. Н. Юргенева. М.: Изд-во «Книжная палата», 1989.

о своей встрече с Беталом Калмыковым в тот первый день в Нальчике, который я полностью проспала.

– Я встретил его на площади, он стоял перед новым зданием Госплана.

Я подошел к нему и сказал: «Красивое здание, Бетал». Он ответил: «Здание красивое, люди – плохие. Зайдемте!» Мы вошли, и я с удивлением услышал, как он сказал какой-то женщине, что хочет пройти в уборную и чтобы там никого не было. Пригласил меня туда. В уборной было нисколько не хуже, чем в уборной любого московского учреждения, но Бетал остался недоволен. Он прошел оттуда к заведующему и, когда тот встал, встречая нас, сказал ему без всякого предисловия: «Вы дикий и некультурный человек! У вас в уборной грязно».

В Долинском Бабель познакомил меня с Беталом и его семьей.

Бетал Калмыков был высокого роста, довольно плотный и широкоплечий, с раскосыми карими глазами и круглым, скуластым лицом. Одевался он в серый костюм из простой ткани, которая называлась тогда «чертовой кожей». Брюки-галифе и рубашка с глухим воротником, подпоясанная узким ремешком. На ногах сапоги из тонкого шевро, а на голове кубанка из коричневого каракуля с кожаным верхом. Он почти никогда, даже за столом, не снимал своей кубанки, и только однажды я увидела его без шапки и узнала, что он лыс. Очевидно, своей лысины он стеснялся.

Жена Бетала, Антонина Александровна, была русская, крупная и красивая женщина. Она работала, кажется, по линии детских учреждений и народного образования. У них было двое детей: сын Володя примерно двенадцати лет и дочь Светлана (Лана) трех или четырех лет. Мальчик был очень красив и имел русские черты лица, а девочка похожа на Бетала, со скуластым личиком и черными, слегка раскосыми, лукавыми глазами. Лана была любимицей отца.

– Некрасивая будет у меня дочка, никто не умыкнет, – говорил Бетал, держа на коленях Лану.

– Она сама кого захочет умыкнет, – смеялся в ответ Бабель. По утрам в Долинском Бабель работал или чаще уезжал куда-нибудь с Беталом. После обеда приходил ко мне, мы гуляли, и он рассказывал о Бетале или передавал услышанное от него за завтраком или обедом. Я запомнила кое-что так, как Бабель пересказал это мне.

«За мной гнались белые, – таков был один из рассказов Бетала, – я убежал в горы по знакомым тропинкам. Погоня длилась трое суток, меня уже было настигали, но я уходил. За мной охотились. Меня решили загнать, как загоняют зверя. Гнались по моим следам, я не мог остановиться. Сил оставалось все меньше, я ничего не ел, не спал. Наконец на третьи сутки погоня прекратилась. Я так устал, что упал, а когда поднялся, то увидел перед собой большого тура. Он был совсем близко, смотрел на меня, весь дрожал, а из глаз его текли слезы. Тур плакал. Он тяжело дышал и, так же как и я, не мог бы сделать больше ни шагу. Белые гнались за мной, а я, сам того не зная, гнался за туром. И вот мы оба изнемогли и теперь стояли друг против друга и смотрели друг другу в глаза. Я первый раз в жизни видел, как плачет тур».

В Кабардино-Балкарии довольно большая площадь леса отведена под заповедник. Водятся там медведи, кабаны, лоси и много всякой птицы. Охота занимает значительное место в жизни здешних людей, и Бетал был страстным охотником. Его рассказы за столом чаще всего касались этой темы. Иногда приезжали поохо-

титься члены правительства из Москвы. И вот однажды на охоту приехала большая группа гостей во главе с Ворошиловым. И Бабель рассказал мне то, что слышал о Бетале от одного из его товарищей.

– Ружья были заряжены дробью. Во время охоты кто-то из неумелых гостей нечаянно всадил Беталу в живот весь заряд дроби. Но он и виду не подал, продолжая охотиться до конца. После охоты жарили птицу и ужинали, а когда все легли спать, Бетал обнажил живот и при свете костра сам и с помощью товарищей вытащил перочинным ножом более двадцати засевших глубоко дробинок. Две дробины остались, их вытащить не удалось. Никто так ничего и не заметил. На другое утро охотились на кабанов, и только после этого, проводив гостей домой, Бетал обратился к врачу. Каковы законы гостеприимства! – заметил Бабель.

В другой раз на охоте пуля одного из гостей-охотников попала Беталу в кость ноги. На следующий день ему надо было ехать в Москву на какое-то совещание. Он с трудом натянул на больную ногу сапог и, прихрамывая, дошел до вагона. В поезде нога начала распухать, сапог пришлось разрезать и снять. В Ростове его ссадили с поезда, чтобы немедленно везти в больницу. Бетал ни за что не захотел лечь на носилки, сам дошел до машины, а потом и до операционного стола. Ему хотели привязать к столу руки и ноги, но он воспротивился, от наркоза он также категорически отказался: «У нас на Кавказе не любят насилия над человеком, не прикасайтесь ко мне, я не вскрикну, я хочу сам видеть операцию!»

«В первый раз в жизни, – рассказывал Бетал, – я видел человеческую кость. Какая красивая! Белая, как перламутровая, с голубыми и розовыми прожилками. Я видел, как врач вытащил пулю и как зашил кожу.

Закончив операцию, он мне сказал: „Ну, товарищ Калмыков, все в порядке, но охотиться на медведей вы больше не будете“. Я ответил: „Буду, доктор, и шкуру первого убитого мною медведя пришлю вам“. Я пролежал больше месяца, потом стал ходить, но нога не сгибалась в колене, ходить было неудобно. Думал я, думал, как быть, и решил опускать ее в горячую воду и потихоньку сгибать. Каждый день я проделывал эти упражнения. Сначала было очень больно, а теперь – пожалуйста! – И он покачал ногой, легко сгибающейся в колене. – Шкуру первого убитого мной медведя я послал доктору в Ростов».

Кабардино-Балкария в 1933 году была областью казавшегося немыслимым изобилия. Там поражали базары, сытые лошади, тучные стада коров и овец.

Из Нальчика Бабель писал своей матери: «Я все ношусь по области (Кабардино-Балкарской), жемчужине среди советских областей, и никак не нарадуюсь тому, что приехал сюда. Урожай здесь не только громадный, но и собран превосходно – и жить, наконец, в нашем русском изобилии приятно».

Когда начался сбор кукурузы, Бетал не оставил в обкоме и в учреждениях Нальчика ни одного человека. И сам он, и его жена Антонина Александровна отправились на поля. Работали целыми днями, Бетал был впереди всех, он выполнил норму по сбору кукурузы – большую, чем самый опытный колхозник.

– Этот человек во всех отношениях первый в Кабардино-Балкарии, – говорил мне Бабель. – Он первый охотник, нет ему равного. Он самый лучший сборщик кукурузы, никто с ним не может потягаться в сноровке, и он лучший в стране наезд-

ник... Бетал всегда окружен товарищами: бывшими партизанами, вместе с которыми в давние времена он дрался с белыми. В этом я убедился сам. Вчера поздно вечером мы гуляли вдвоем с Беталом по парку; дорожки его были засыпаны облетевшей листвой. Вдруг неизвестно кому Бетал сказал: «Надо бы подмести дорожки». И кто-то рядом из темноты ответил: «Будет сделано!..» Он всегда окружен личной охраной, состоящей из товарищей, бывших партизан, – повторил Бабель, – а когда Сталин распорядился, чтобы у Бетала была официальная охрана и чтобы его сопровождали телохранители, он с трудом переносил это и страшно над охранниками издевался. Недавно мы ездили с Беталом на строящуюся электростанцию. Вышли из машины и пошли по тропинке. Тотчас из другой машины, нагнавшей нас, вышли двое красноармейцев и пошли за нами. Вдруг мы увидели перед собой на тропинке свернувшуюся змею. Бетал обернулся и сказал одному из телохранителей: «А ну-ка, убей змею!» Тот остановился и растерялся, не зная, как к ней подойти. Бетал быстро шагнул вперед, наклонился, как-то по-особому схватил змею и швырнул на землю. Она была мертва. Обернувшись, он иронически сказал: «Как же вы будете защищать меня, когда вы змею убить боитесь?» – и пошел дальше.

Строящаяся электростанция была гордостью Бетала Калмыкова, он много говорил о ней и почти ежедневно сам бывал на стройке.

Бабель присутствовал в обкоме на специальном совещании инструкторов, которые отправлялись в Балкарию, чтобы ликвидировать те 15 процентов единоличных хозяйств, которые там еще оставались.

Возвратившись, Бабель повторил мне речь, произнесенную Беталом перед инструкторами: «Побрякушки, погремучки сбросьте, это вам не война. Живите с людьми на пастбищах, спите с ними в кошах, ешьте с ними одну и ту же пищу и помните, что вы едете налаживать не чью-то чужую жизнь, а свою собственную. Я скоро туда приеду. Я знаю, вы выставите людей, которые скажут, что все хорошо, но... выйдет один старик и расскажет мне правду. Если вы все хорошо устроите, то с каким приятным чувством вы будете встречать день Седьмого ноября. Если же вы все провалите... уничтожу, уничтожу всех до одного!» (Хорошо говоря порусски, Бетал некоторые слова немного искажал.)

– Угроза была нешуточной, инструкторы побледнели, – закончил Бабель свой рассказ...

Мне надоело мое безделье, и однажды, гуляя, я увидела женщин, убиравших в поле морковь. Я присоединилась к ним и проработала до обеда. Настроение у меня сразу поднялось, обедала я с аппетитом в первый раз за все время моего пребывания в Нальчике. Когда Бабель после обеда пришел ко мне, я ничего ему не сказала. Но Бетал уже все знал.

– Этот человек знает, что делается в его «владениях» в каждую минуту времени. Он не может иначе, – сказал Бабель.

И вскоре это подтвердилось еще раз. В конце октября Бетал предложил нам поехать в такое – единственное – место, откуда виден весь Кавказский хребет и одновременно две его вершины – Эльбрус и Казбек. Выехали верхом на лошадях в ясное, солнечное утро. И только на пути нашем туда нас дважды нагоняли верховые, которых посылал Бетал, чтобы узнать, все ли у нас хорошо.

Мы решили провести на горе Нартух ночь, увидеть Кавказский хребет на рассвете и на другой день к вечеру возвратиться в Нальчик. Никогда раньше не видела я альпийских лугов; высоко над уровнем моря на чуть холмистой местности растилась зеленая ковер с цветами и стояли стога свежего сена. Было очень жарко. Невозможно было себе представить, что в Москве в это время деревья стоят голые и льет холодный дождь. Ночью все сидели у костра, в большом котле варились свежие початки кукурузы. То и дело вокруг раздавался звон и грохот – это сторожа кукурузного поля отгоняли медведей, покушавшихся на урожай.

Наконец из предрассветной мглы начали выступать горы, – сумрачные, темно-синие и фиолетовые, они вдруг окрашивались в отдельных местах в розовый цвет, словно кто-то их зажигал. И вот все вспыхнуло в разнообразных переливах красок – взошло солнце. Весь Кавказский хребет был перед нами. Слева – Казбек, справа – Эльбрус, между ними – цепь горных вершин.

Бабель ушел с охотниками на вышку, где можно было видеть, как кабаны идут к водопою, а потом наблюдать и охоту на них.

В письме к матери Бабель по этому поводу писал: «Ездили на охоту с Евдокимовым и Калмыковым – убили несколько кабанов (без моего участия, конечно) на высоте 2000 метров среди альпийских пастбищ и на виду у всего Кавказского хребта – от Новороссийска до Баку – жарили целых».

Я не видела Бетала в тот день, но, наверное, он приезжал под утро, чтобы поохотиться, и затем уехал в Нальчик. Мы же оставались на горе Нартух до середины дня и возвратились в Долинское уже вечером.

Позже мы ездили вместе с Беталом также в Баксанское ущелье, к самому подножию Эльбруса. Солнце было горячее, и подтаивающий снег ледников стекал многочисленными ручьями в речку Баксан. Бабель, смеясь, рассказал мне:

– Беталу надоело читать, как альпинисты совершают подвиги восхождения на вершину Эльбруса и как об этом пишут в газетах, и он решил покончить с легендой о невероятных трудностях этого подъема раз и навсегда. Собрал пятьсот рядовых колхозников и без всякого особого снаряжения поднялся с ними на самую вершину Эльбруса. Теперь, когда его об этом спрашивают, он только посмеивается.

В Баксанском ущелье мы прожили несколько дней в зеленом домике Бетала, недалеко от балкарского селения. Гуляя, мы находили множество бьющих из-под земли нарзанских источников, узнавая их по железистой окраске вокруг.

«Несколько дней, – писал в это время Бабель своей матери, – провели в балкарском селении у подножия Эльбруса на высоте 3000 метров, первый день дышать было трудно, потом привык».

Вместе с Беталом Бабель и здесь разъезжал по балкарским селениям, возвращался уставшим, но наполненным разнообразными впечатлениями: «Какой народ! Сколько человеческого достоинства в каждом пастухе! И как они верят Беталу! Все его помыслы – о благе народа».

Из Баксанского ущелья мы хотели было поехать верхом на лошадях на перевал Адыл-Су, чтобы взглянуть оттуда на море. Однако накануне ночью в горах разыгрался буран. Пришлось возвратиться в Нальчик.

Настало Седьмое ноября. С утра недалеко от города состоялись скачки с призами. Были приглашены все московские гости, расположившиеся на сколоченной по этому случаю деревянной трибуне.

Во время скачек на трибуну поднялась и прошла прямо к Беталу какая-то бедно одетая женщина, в шали, с ребенком на руках, и сказала ему несколько слов по-кабардински. Бетал быстро обернулся к председателю облисполкома и по-русски спросил:

- Она колхозница?
- Они лодыри, – ответил тот.

Бетал что-то сказал женщине, она спустилась с трибуны и ушла. Я видела, как Бетал, до того очень веселый, стал мрачен. Бабель спросил своего соседа:

- Что сказала женщина?

Тот перевел:

– Бетал, мы колхозники, и мы голодаем. Нам выдали на трудодни десять килограммов семечек. Мой муж болен, у нас нечего есть.

- А что сказал Бетал? – спросил Бабель.

– Он сказал, что завтра к ним придет.

После окончания скачек и раздачи призов мы подошли к стоянке машин, и Бетал, открыв дверцу одной из них, предложил мне сесть. Его жена Антонина Александровна села рядом со мной. В другую машину сел Бетал вместе с Бабелем, и они тронулись первыми, мы – за ними. Так как дорога была проселочная, пыльная, я спросила шофера:

- А мы не могли бы их обогнать?

– У нас это не полагается, – ответил он строго.

Я с недоумением посмотрела на Антонину Александровну.

– Я к этому привыкла, – улыбаясь, сказала она.

Вечером нас пригласили на праздничный концерт. Когда один танцор в национальном горском костюме и в мягких, как чулки, сапогах вышел плясать лезгинку и стал как-то виртуозно припадать на колено, Бетал, сидевший в первом ряду, вдруг возмутился, встал и отчитал его за выдумку, нарушающую дедовский танец. Таких движений, какие придумал танцор, оказывается, в народном танце не было.

После концерта Бабель шепнул мне:

– Вы видите, как по-хозяйски он вмешался даже в лезгинку!

На другой день утром Бетал выполнил свое обещание, данное женщине с ребенком, и поехал в селение, где она жила. Бабель поехал с ним.

Возвратился он очень взволнованный и рассказал:

– По дороге в селение мы заехали сначала за секретарем райкома, а затем за председателем колхоза. И то, как Бетал открывал для них дверцу машины и с глубоким поклоном приглашал их сесть, заставило их побледнеть. По дороге к дому женщины Бетал сказал: «Неужели сердца ваши затопило жиром? Ведь эта женщина обошла всех вас, прежде чем ко мне подняться. – И немного погодя: – Какая разница между мной и вами? Вы будете ехать по мосту, будет тонуть ребенок – и вы проедете мимо, а я остановлюсь и спасу его. Неужели сердца ваши затопило жиром?!»

Но председатель колхоза и секретарь райкома твердили одно и то же: «Эти люди – лодыри, они не хотят работать».

Мы подъехали к маленькой, покосившейся хате, зашли во двор, сплошь заросший бурьяном, затем в дом. На постели лежал муж женщины, укрытый лохмотьями, и агонизировал. (Именно это слово – «агонизировал» – употребил Бабель.)

В комнате было прибрано, но почти пусто. На столе – мешок с семечками. Женщины с ребенком дома не было. Бетал все осмотрел, сказал несколько слов больному колхознику – спросил, давно ли болеет, сколько семья заработала трудодней и что получила на них в виде аванса. Затем, обернувшись к секретарю райкома, сказал: «Послезавтра я назначаю во дворе этого дома заседание обкома. Чтобы к этому времени здесь был построен новый дом, чтобы у этих людей была еда и им было выплачено все, что полагается на трудодни, – затем, выйдя во двор, добавил: – Чтобы был скошен весь бурьян и там, показав на дальний угол двора, – была построена уборная». Затем сел в машину, и мы уехали, – закончил рассказ Бабель.

Назначенный Беталом день совещания был потом изменен, но все равно срок для постройки нового дома был так невелик, что все мы с волнением его ждали. Но было слишком много желающих поехать на это совещание, и мне было неудобно просить Бабеля взять меня с собой. Поэтому я с нетерпением ждала его возвращения.

– Перед нами стоял красивый новый дом, – рассказал мне, возвратясь, Бабель, – он был закончен, только внутри печники еще клали печку. Во дворе был скошен весь бурьян, и в дальнем углу двора виднелась уборная. Не только весь двор был заполнен народом, но и все прилегающие к нему улицы и огороды.

Беталу так понравились собственные слова, сказанные ранее, что он, обращаясь к членам обкома по-русски, снова произнес: «Неужели сердца ваши затопило жиром?».

Затем заговорил по-кабардински.

Я схватил за рукав ближайшего ко мне человека и спросил: «Что он говорит?» Оглянувшись, тот ответил: «Ругает один человек». Голос Бетала звучал резко, глаза его сверкали, и через некоторое время я снова спросил соседа: «Что он говорит?» – «Ругает все люди», – ответил тот, повернув ко мне испуганное лицо. И наконец, когда Бетал стал что-то выкрикивать и я подумал, что он закончит речь, как это обычно бывает, словами: «Да здравствует Сталин!» – еще раз толкнул соседа и спросил: «Что говорит он?» Тот повернулся ко мне и сказал: «Он говорит, что надо строить уборные». Именно этими словами закончил Бетал Калмыков свою речь.

Рассказы Бабеля о Бетале продолжались. Запомнился и такой:

– Бетал созвал девушек Кабардино-Балкарии и сказал им: «Лошадь или корову купить можно, а девушку – нельзя. Не позволяйте своим родителям брать за вас выкуп, продавать вас. Выходите замуж по любви».

Тогда вышла одна девушка и сказала: «Мы не согласны. Как это так, чтобы нас можно было взять даром? Мы должны приносить доход своим родителям. Нет, мы не согласны». Бетал рассердился, созвал юношей и сказал им: «Поезжайте на Украину и выбирайте себе невест там, украинские девушки гораздо лучше наших, они полногрудые и хорошие хозяйки». – И послал юношей в ближайшие станицы, чтобы они оттуда привезли жен. Тогда делегация девушек пришла к Беталу и объявила: «Мы согласны».

О съезде стариков, который созывал Бетал, Бабель написал из Нальчика своей матери: «Завтра, например, открывается второй областной съезд стариков и старух. Они теперь главные двигатели колхозного строительства, за всем надзирают, указывают молодым, ходят с бляхами, на которых написано «Инспектор по каче-

ству», и вообще находятся в чести. Такие съезды созываются теперь по всей России, гремит музыка, и старикам аплодируют. Придумал это Калмыков, секретарь здешнего обкома партии (у которого я гощу), кабардинец по происхождению, а по существу своему великий, невиданный новый человек. Слава о нем идет уже полтора десятилетия, но все слухи далеко превзойдены действительностью. С железным упорством и дальновидностью он превращает маленькую горную полудикую страну в истинную жемчужину».

Бетал Калмыков был одним из тех людей, которые владели воображением Бабеля. Иногда он в раздумье произносил:

– Хочу понять: Бетал – что он такое?

В другой раз, прохаживаясь по комнате, он говорил:

– Отношения с Москвой у него очень сложные. Когда к нему из Москвы приезжают уполномоченные из ЦК, они обычно останавливаются в специальном вагоне и приглашают туда Бетала. Он входит и садится у дверей на самый краешек стула. Все это нарочито. Его спрашивают: «Правда ли, товарищ Калмыков, что у вас нашли золото в песке реки Нальчик?» Он отвечает: «Помолчим пока об этом». Он прибудет и даже унижается перед ними, а ведь он гордый человек, и мне кажется, что не очень их уважает. Москва платит ему тем же. Ему дают очень мало денег, очень мало товаров. А он тайне от Москвы покрыл свою маленькую страну сетью великопных асфальтированных дорог.

Я спросил его однажды:

– На какие деньги?

Оказалось, заставил население собирать плоды дичков (груш и яблонь), которых в лесах очень много, и построил вареньеварочные заводы. Делают там джем и варенье, продают и на эти деньги строят дороги. Кстати, нас приглашают посетить один такой завод...

И мы поехали. Повез нас туда вместе с другими гостями сам Бетал, показал все оборудование. Любимым его выражением для похвалы было: «Добропорядочный работник», а для порицания – «Дикий, некультурный человек». На вареньеварочном заводе он никого не ругал, наоборот, раза два про кого-то сказал: «Добропорядочный работник».

Всем гостям Бетал предлагал варенье и джем в банках. Многие взяли, а мы с Бабелем отказались.

Позже мне Бабель сказал:

– Бетал о вас говорит очень уважительно; наверно, потому, что вы отказались взять варенье, – засмеялся и добавил: – А может быть, потому, что вы здесь ведете такой обособленный образ жизни. Он даже собирается пригласить вас к себе на работу инженером, на строительство электростанции. Ну как, вы бы согласились?

– Нет, – ответила я. – Я собираюсь работать по проектированию метро...

Уже зимой, а может быть, весной 1934 года, находясь в Москве, Бабель узнал, что на спортивных соревнованиях в Пятигорске, куда съехались спортсмены всех северокавказских областей, кабардино-балкарцы завоевали все первые места. С этой новостью он вошел ко мне в комнату.

– Среди народностей Северного Кавказа, – сказал он, – ни кабардинцы, ни балкарцы не отличаются особенной физической силой, тем не менее все первые места взяты ими. Что мог сказать, отправляя спортсменов на соревнования, Бетал? Дорого бы я заплатил за то, чтобы узнать это.

В феврале 1935 года Бабель написал своей матери: «В Москве – съезд Советов; из разных концов земли прибыли мои товарищи – Евдокимов с Сев. Кавказа. Из Кабарды – Калмыков, много друзей с Донбасса. На них уходит много времени. Ложусь спать в четыре-пять утра. Вчера повезли с Калмыковым кабардинских танцоров Алексею Максимовичу, плясали забываемо!»

Когда позже, кажется в 1936 году, Бетал снова приехал в Москву, Бабель мне сказал:

– Пойдите к Беталу в гостиницу и уговорите его показаться здесь врачу. Мне известно, что он болен, у него, по всей вероятности, язва желудка, а к врачу пойти не хочет. Быть может, вас он послушается. Кстати, захватите для Ланы апельсины.

И вот я с пакетом апельсинов отправилась к Беталу. Он сидел в гостиничном номере на диванчике у стола все в той же каракулевой шапке и ел со сковородки яичницу. Встретил меня с улыбкой.

После обмена общими фразами я, нарочно пользуясь его излюбленным выражением, сказала:

– Бетал, вы дикий и некультурный человек, почему вы не хотите посоветоваться с врачами о вашей болезни?

Он рассмеялся и сказал:

– Да они все выдумали, я совершенно здоров.

На том мои уговоры и закончились.

А какое-то время спустя, наверно уже в 1937 году, Бабель сообщил мне об аресте Бетала: «Его вызвали в Москву, в ЦК, и когда он вошел в одну из комнат, на него набросились четыре или пять человек. При его физической силе не рисковали арестовать его обычным способом; его связали, обезоружили. И это Бетала, который мог перенести любую боль, но только не насилие над собой! После его ареста в Нальчике был созван партийный актив Кабардино-Балкарии. Поезд, с которым приехали представители ЦК, был заполнен военными – охраной НКВД. От вокзала до здания обкома, где собрался актив, был образован проход между двумя рядами вооруженных людей. На партактиве было объявлено о том, что Бетал Калмыков – враг народа и что он арестован, а после окончания заседания весь партактив по проходу, образованному вооруженными людьми, был выведен к поезду, посажен в вагоны и увезен в московские тюрьмы...»

Бетал погиб.

И остался ненаписанным цикл рассказов Бабеля о Кабардино-Балкарии...

«ВЕЛИКИЙ СТАЛИН, СПАСИТЕ МЕНЯ!»

Что мы знаем о последних днях Бетала Калмыкова – человека, практически два десятилетия (с 1920-го по 1930 год – председатель Кабардино-Балкарского областного исполкома, с 1930-го по 1938 год – 1-й секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) руководившего нашей республикой?

По большому счету очень немного. Активный исполнитель сталинских репрессий, проявивший на этом поприще изрядную инициативу, он в конечном итоге сам попал в адские жернова НКВД и был уничтожен. Но когда, где и как – разные источники дают противоречивые ответы на эти вопросы. В «Адыгской (черкесской) энциклопедии» утверждается, что он был репрессирован в 1938 году, а завершил свой жизненный путь в 1941-м, когда и был реабилитирован, что мы будем рассматривать как откровенную опечатку – в том году было не до исправлений подобного рода ошибок.

Большая советская энциклопедия уточняет срок расстрела – 27 февраля 1940 года. Его подтверждает Большая российская энциклопедия.

Интернетовские сайты, в частности «Кавказский узел», сообщают, что Бетал Калмыков был арестован органами НКВД 12 ноября 1939 года, а 26 февраля 1940 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни по обвинению в создании контрреволюционной организации в Кабардино-Балкарии и подготовке террористического акта. Расстрелян 27 февраля 1940 года в Москве.

Документы, которые мы сегодня впервые обнародываем, позволяют снять все эти вопросы и устранить неточности. Перелистаем страницы дела «по обвинению Калмыкова Бетала Эдыковича в совершении преступлений предусмотренных ст.ст. 58-2, 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР». Но вначале напомним суть предъявленных контрреволюционных преступлений: вооруженное восстание, вредительство, террористический акт, участие в контрреволюционной

Бетал Калмыков. 1912

организации. Набор неполный (всего в означенной статье цифровых подпунктов было 14, а с учетом буквенных – 17), но весьма внушительный.

Итак, начальник следственной части ГУГБ НКВД СССР майор государственной безопасности Сергиенко 25 февраля 1940 года утверждает обвинительное заключение. Из него явствует, что на основании данных, поступивших в Народный комиссариат внутренних дел СССР о том, что «Калмыков Б. Э., занимающий пост секретаря обкома ВКП(б) КБАССР, проводит антисоветскую работу», он «12 ноября 1938 года был арестован и привлечен к следствию в качестве обвиняемого».

Следствие установило, «что Калмыков Б. Э. в 1927 году организовал и вплоть до ареста возглавлял антисоветскую правотроцкистскую организацию в КБАССР. Как видно из показаний сообщников Калмыкова, эта правотроцкистская организация ставила своей целью свержение советской власти.

В соответствии с задачами, поставленными перед собой антисоветской правотроцкистской организацией, Калмыков проводил большую работу по вовлечению новых лиц в организацию. Лично Калмыковым в организационную антисоветскую работу в разное время были вовлечены: Фадеев, бывший наркомзем КБАССР (осужден в ВМН), Боровицкий, бывший уполкомзаг КБАССР, Хагуров, бывший председатель СНК КБАССР, Канкулов, бывший председатель Верховного Совета КБАССР, Озов, бывший бригадир колхоза, Звонцов, бывший 2-й секретарь обкома ВКП(б) КБАССР (все арестованы и привлекаются в качестве обвиняемых по этому делу).

Все перечисленные лица по указаниям руководителя организации Калмыкова вели активную антисоветскую обработку враждебных партии элементов и вовлекли их в правотроцкистскую организацию.

Калмыков вместе с Фадеевым, Боровицким, Хагуровым, Канкуловым и другими участниками возглавлявшейся им правотроцкистской организации подготовлял совершение террористических актов против руководителей партии и советского правительства.

Наряду с этим, под руководством и при непосредственном участии Калмыкова участники правотроцкистской организации в Кабардино-Балкарии проводили активную работу по созданию повстанческих вооруженных отрядов для борьбы против советской власти. Правотроцкистской организацией Кабардино-Балкарии были разработаны планы вооруженных выступлений повстанческих отрядов против советской власти в случае войны капиталистических стран против СССР.

Кроме того, возглавлявшаяся Калмыковым антисоветская правотроцкистская организация проводила большую вредительскую подрывную работу во всех отраслях народного хозяйства КБАССР.

Враждебную работу Калмыков проводил по указаниям врагов народа Бухарина и Енукидзе. Наряду с этим Калмыков поддерживал связь с одним из руководящих участников заговорщической организации в НКВД – Евдокимовым.

На основании вышеизложенного обвиняются:

Калмыков Бетал Эдыкович, 1893 года рождения, уроженец сел. Куба КБАССР, кабардинец, гр-н СССР, член ВКП(б) с 1918 года, служащий, к моменту ареста секретарь обкома ВКП(б) КБАССР, в том, что он был организатором и вплоть до ареста руководителем антисоветской правотроцкистской организации Кабардино-Балкарии, проводил подготовку террористических актов против руководителей партии и советского правительства; совместно с другими участниками организации создавал повстанческие отряды для вооруженной борьбы против советской власти, и возглавлял активную вредительскую работу во всех отраслях народного хозяйства КБАССР, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-2, 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР.

Калмыков в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал, однако во вражеской работе достаточно изобличается показаниями участников антисоветской правотроцкистской организации: Фадеева, Булычева, Евдокимова (осуждены к ВМН), Канкулова, Боровицкого, Хагурова, Яганова, Черкесова, Кашеева, Кулика, Звонцова, Лаздынь, Прокудина, Игонькина, Мириманова, Ольмезова, Торгашева, Озова, Горбаня, Бирюка, Зумакулова, Ногерова, Амшокова и Нестеренко, Фриновского, а также очными ставками с Евдокимовым, Боровицким, Черкесовым, Хагуровым, Кашеевым, свидетельскими показаниями Мальбахова, Фанзиева и документальными доказательствами.

Считая следствие по данному делу законченным, руководствуясь ст. 208 УК РСФСР, полагал бы следственное дело № 21774 по обвинению Калмыкова Б. Э. направить в прокуратуру СССР для предания Калмыкова суду».

Обвинительное заключение подписал следователь следственной части ГУГБ НКВД СССР лейтенант госбезопасности Гусев. Заверил заместитель начальника следственной части ГУГБ НКВД СССР капитан госбезопасности Водос.

В конце имеется приписка: «Обвиняемый Калмыков арестован 12 ноября 1938 года, содержится под стражей в Сухановской тюрьме. Вещдоков по делу нет».

Уточнив, что аббревиатура ВМН означает высшую меру наказания, то есть расстрел, обратимся к документам, приобщенным к делу и, на взгляд следствия, полностью изобличающим Калмыкова. Действительно, одно

упоминание фамилий подписавших их лиц представляло в те годы угрозу для жизни, не говоря уже о прямых контактах. Прежде всего, это письмо Льва Троцкого, главного оппонента Сталина. Вот его содержание.

«Дорогой товарищ Калмыков!

Я оказался вынужден дополнять значительно речь, так как не имел возможности, к сожалению, до доклада ознакомиться с Вашими материалами. Переработка речи вызвана отнюдь не плохой стенограммой: наоборот, стенограмма выполнена прекрасно. Но сама речь была крайне недостаточной.

Посылаю Вам свою книжку о литературе. Книгу «О Ленине» прошу переслать т. Баширу. Пусть извинит за пометки на полях, у меня нет под рукой другого экз.

Очень жалею, что посещение мое привело к разрушению Вашей дрезины.

Крепко жму руку.

Ваш Л. Т р о ц к и й »

Письмо написано 8 ноября 1924 года в городе Кисловодске. После даты имеется постскриптум: «Прошу поблагодарить товарищей за гостеприимство. Троцкий».

Не менее серьезным аргументом сталинским присным видятся и письма Николая Бухарина, к тому времени (конкретно – 13 марта 1938 года) уже расстрелянного вместе с А. И. Рыковым и Г. Г. Ягодой, бывшим наркомом НКВД. И, право, такими теплыми посланиями могут обмениваться только откровенные заговорщики.

«Дорогой и милый товарищ Калмыков!

Судьбе (или, вернее, Политбюро ЦИК) было угодно решить так, что мы с Вами не сможем увидеться до моего отъезда. Я очень сожалею об этом и о том, что не удалось с деловой точки зрения посмотреть кое-что в Кабарде. Я рассчитывал последнюю неделю посвятить осмотру «Ленинского городка» и всяких других достопримечательностей. Но приходится уезжать без этого, не взыщите.

Горячее Вам спасибо за гостеприимство и содействие во всех охотничьих и прочих авантюрах. Уезжаю с самыми лучшими воспоминаниями о Кабарде и ее руководителях. Если Фадеич будет Вам говорить обратное про меня, скажите, что он привирает. Я тут как-то непочтительно в шутку выразился о Нальчике, так он меня чуть не загрыз. Но я говорил о городе по сравнению с Эльбрусом и горами, и притом только с эстетической точки зрения, а не с советско-партийной. Поверьте, что по существу я всей душой стою за Нальчик, из которого, откровенно говоря, до смерти не хочется уезжать. Но ведь английская революция и ЦК – тоже не фунт изюму.

Горячо жму Вашу мужественную руку и желаю всяких успехов в дальнейшей работе.

Ваш Н. Б у х а р и н »

Постскриптум: «Я никогда не проводил так хорошо отпуск, как у Вас. Привет! Привет!»

И еще одна весточка от «любимца партии», незабвенного Бухарчика.

«Дорогой милый Бетал!

Пишу тебе открыточку, купленную в Берлине, а пишу из Амстердама, куда приехал из Парижа и откуда еду (лечу) завтра в Копенгаген, в Данию. Я ужасно горевал, что не успел тебя увидеть, ты меня прости, не моя в том была вина. О тебе, о Кабарде, о Фадеиче и всех твоих всегда помню и обнимаю. Привет А. А.

Обнимаю тебя.

Твой Н и к. И в а н »

А вот послание от другого «врага народа», еще вчера самого близкого друга Сталина со времен юности, но в 1937 году расстрелянного за шпионско-террористическую деятельность – Авеля Енукидзе.

«Дорогой друг Бетал!

Очень жаль, что не удалось нам встретиться, я так и понял, что телеграмма моя опоздала. Мои намерения заехать к тебе с Климентом Ефр. тоже не сбылись. Теперь буду ждать съезда Советов, когда мы увидимся в Москве. Рад, что дела у тебя идут хорошо и образцово, об этом говорят все и все знают, что успехи области есть исключительно твои успехи. Твое умелое руководство и крепкая личная твоя связь с кабардино-балкарским народом показывают всем пример работы настоящего большевика-революционера, каким ты являешься. Все твои друзья, к числу которых и я себя причисляю, рады твоим успехам и при всяком случае в беседе между собою или в наизидание другим произносится твое имя.

Я рад за тебя, что и Ст., и Кл. Ефр., и Серго все любят тебя и уважают и всегда отмечают твою работу и неутомимую энергию.

Мечтал съездить на родину и по дороге погостить у тебя, но это тоже не сбылось и на этот раз. Надеюсь будущей весной это осуществить.

С величайшим удовольствием вспоминаю празднества вручения ордена твоей области, тот всенародный радостный подъем, твою распорядительность и твое дружеское гостеприимство.

Будь здоров! Крепко жму твою руку.

Твой друг А. Е н у к и д з е »

Датировано 14 ноября 1934 года, написано в Сочи. Имеется приписка: «Завидую Кл. Еф., что он походит по Кабарде и увидит снеговые вершины».

Прекрасно зная, чем закончится следствие, Калмыков предпринимает ряд попыток достучаться до самого главного большевика. Он пишет письмо Сталину. Документ этот представляет из себя желтый лист плотной бумаги форматом 25х21 см, с неровными краями (судя по всему, вырезан из листа большего размера), перегнутый пополам. Написан он карандашом, содержит многочисленные правки и зачеркнутые слова. Приводим его содержание согласно оригиналу, без исправления орфографии и пунктуации.

«Секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину
Наркомун НКВД РСФСР Л. П. Берия

У меня нет сил и возможности сколько-либо связано и подробно написать Вам о своем деле.

25 февраля я послал вам заявление, я его целиком и полностью подтверждаю. Я не в чем не виновен перед парти Ленина Сталина и перед вами тов. Сталин.

Вокруг меня искусственно плетется чудовишная провокация меня оклеветали и оговаривают, а я на очных ставках не имею возможности задать вопроса людям дающим против меня показание, между тем следствие сразу увидело бы что показание против меня от начала до конца выдуманы и лживы что в них нет не одного слово правды.

Умоляю Вас спасите меня от чудовищного оговора и клеветы.

Я был и останусь до конца свое жизни верен партии Ленина Сталина и вам Великий Сталин.

Спасите меня (*дважды перечеркнуто*) На протяжении двух десятилетий Вы не однократно спасали меня от вражеской клеветы и нападок Вы сделали меня человеком, Ваша отношение ко мне всегда водущевило и (*неразборчиво*) меня на дело борьба за коммунизма.

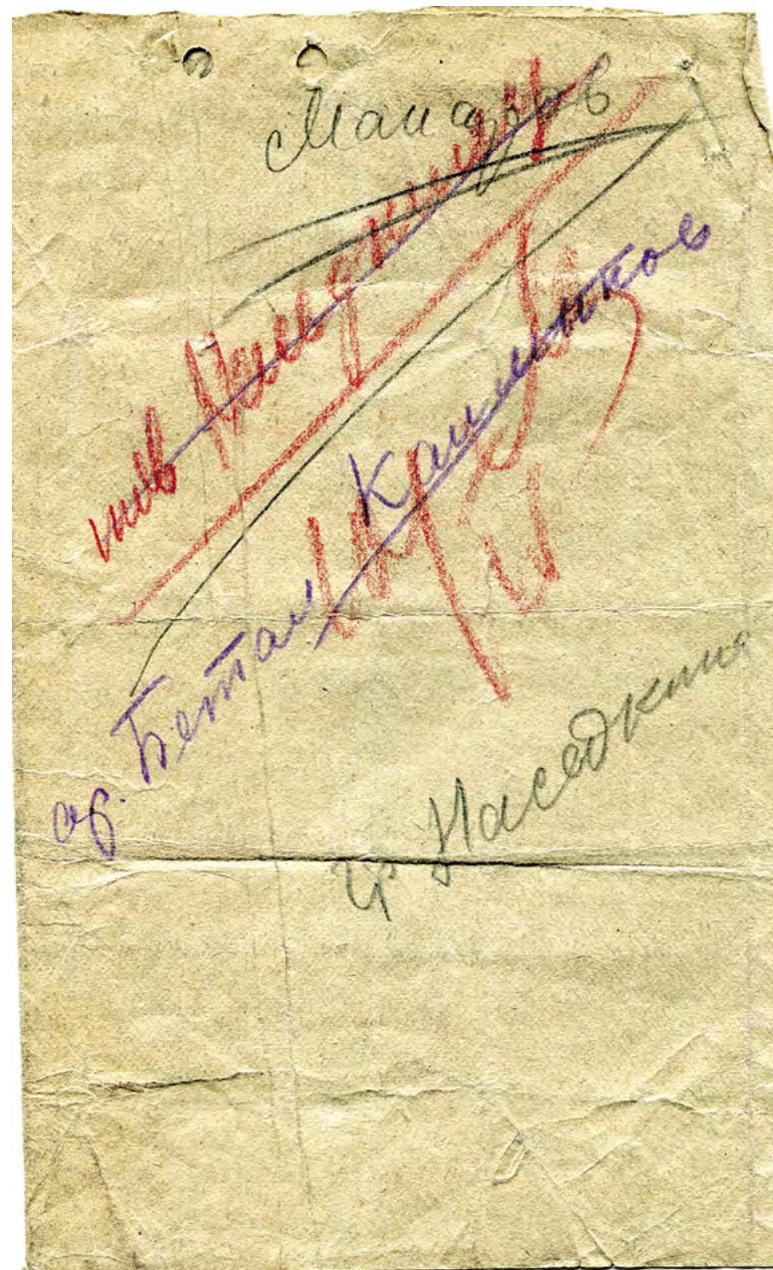
Сейчас я переживаю страшную трогедию и молю Вас тов. Сталин – спасите меня от чудовишной клеветы оговора.

Бетал Калмыков

21 марта 1939 года»

На первой странице обращения надпись синим карандашом: «Ар. Бетал Калмыков». Поверх нее – резолюция красным карандашом: «Тов. Наседкину» и размашистая подпись. Вероятно, сталинская.

Что касается адресата, то это, без сомнения, Наседкин Виктор Григорьевич (1905–1950), один из руководителей органов государственной безопасности страны, на момент написания Калмыковым письма – начальник Главного экономического управления НКВД СССР, а впоследствии (с 26.02.1941 по 02.09.1947) – и всего ГУЛАГа НКВД СССР.

от по имени по...
 водущий...
 меня не...
 за...
 Сейчас...
 страшно...
 и только Вас тов
 Сталин - спасите
 меня от...
 и вот...
 Битан...
 9 марта 1938 года

Имеются в деле и объяснения, также собственноручно написанные Калмыковым. Вот выдержки, касающиеся Е. Г. Евдокимова, бывшего первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Напомним, что край (с центром в Пятигорске, а с января 1936 года – в Орджоникидзе) был образован 10 января 1934 года, но в марте 1937 года (по причине того, что в декабре 1936 года автономные области были преобразованы в АССР и вышли из его состава) был переименован в Орджоникидзевский край. Что касается Евдокимова, то в судьбе этого партийного работника с завидным чекистским прошлым (это он раскручивал знаменитое «Шахтинское дело» в 1937 году по личному указанию Сталина, допрашивал Ягоду) калмыковские показания не сыграли существенной роли – его арестовали раньше: 9 марта 1938 года.

Забегая несколько вперед, отметим – Калмыков пережил своего непосредственного партийного куратора на целых 25 дней.

Вот его показания, стилистика которых сохранена: «Я говорил и меня спрашивали, как у вас отношения с краем, Евдокимовым, тт. Ворошилов, Серго, Андреев, Микоян. Им я отвечал: «Отношения с Евдокимовым неважно и даже плохо, с целым рядом работников очень плохо. Лившиц начал часто наезжать в Пятигорск к Евдокимову, я его впервые видел в Пятигорске. Когда бы я Лившица видел у Евдокимова, он, Лившиц, по всем вопросам только тов. Кагановичу все положительные, все достижения относил к тов. Кагановичу. Он говорил: «Вот вождь так вождь тов. Каганович». Я в резкой форме ему возразил: «Это неверно, все достижения мы относим за счет партии, ЦК ВКП(б), нашему вождю тов. Сталину, а тов. Каганович очень хороший, талантливый руководитель, как многие наши руководители – тт. Молотов, Ворошилов, Серго, Микоян». Он мне возразил: «Что вы понимаете, безграмотный человек, сидите в районе – сидите». Я встал ушел, при первой встрече я говорил тов. Серго, тов. Андрееву, что Лившиц нехороший человек, а Евдокимов путается с ним. Лившиц враждебно относится к тов. Андрееву, это он не скрывает, открыто говорит.

Тов. Каганович, будучи наркомпути, из Кисловодска в Адил-Су приехал в сопровождении Догина. Мы там встретились. Возвращаемся из Адил-Су, я, сидя на их машине, ехал до Баксана. Тов. Каганович обращается к Догину, говорит: «Сегодня Лившиц приезжает в Кисловодск». Тов. Каганович говорит: «Ужасно это, Лившиц хороший работник, по-моему, он по недоразумению в троцкистах. Он не троцкист». Догин крепко поддержал. Я молча слушал. Думаю: «Нет, это неверно, Лившиц чужой...» – И далее в таком же духе.

И вот он, приговор: «Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная коллегия Верховного суда СССР в составе: председательствующего – бригадвоенюриста Кандыбина, членов – бригадвоенюриста Дети-

сова и военного юриста I ранга Кубанова, при секретаре Бычкове в закрытом судебном заседании в гор. Москве 26 февраля 1940 года рассмотрела дело по обвинению:

Калмыкова Б. Э., 1893 года рождения, б/секретаря обкома ВКП(б) КБАССР, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-2, 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Калмыков в 1927 году организовал и возглавил антисоветскую националистическую организацию, в последующие годы он установил организационную связь по антисоветской деятельности с руководящими участниками антисоветской правотроцкистской диверсионно-террористической организации Бухариным, Енукидзе и другими и, являясь руководителем филиала а/с правотроцкистской организации в КБАССР, Калмыков вербовал в а/с организацию других лиц, через них и сам лично осуществлял вредительскую деятельность в народном хозяйстве КБАССР.

Затем, в 1935–1936 годах Калмыков по а/советской деятельности установил организационную связь с заговорщической организацией, действовавшей в органах НКВД СССР, через Евдокимова Ефима и в своей антисоветской деятельности подготовлял и арестовывал повстанческие и террористические кадры, кроме того, подготовлял террористические акты в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Признавая виновным Калмыкова в совершении им преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-2, 7, 8, 11 УК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда СССР, руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР, ПРИГОВОРИЛА:

Калмыкова Б. Э. подвергнуть высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Подлинный за надлежащими подписями».

В конце имеется ремарка: «Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1940 года».

Так завершился жизненный путь революционера, сгоревшего в пламени революции. Как тут не вспомнить пророческие слова одного из отцов-основателей Первой французской республики, министра юстиции времен Французской революции Жоржа Жака Дантона, сказанные им 5 апреля 1794 года по дороге на эшафот: «Революция пожирает своих детей!». Спустя 97 лет – в 1891 году – Парижский городской совет поставил Дантону памятник.

Б. Э. Калмыков был реабилитирован 18 декабря 1954 года. Спустя пару лет с небольшим – 7 июля 1957 года – в Нальчике состоялась закладка ему памятника, во время которой с трибуны прозвучали гордые слова: «Не

только кабардинцы и балкарцы, но и другие народы нашей страны с чувством глубокого уважения произносят имя Бетала Калмыкова – верного ленинца, испытанного руководителя большевиков Кабардино-Балкарии».

В ноябре 1960 года памятник был торжественно открыт – уже более полувека он, стоящий на углу улиц Шогенцукова и Лермонтова, приветствует нальчан поднятой вверх рукой. Как приветствовал незадолго до этого вождь всех народов, стоявший совсем неподалеку от Бетала – на центральной аллее городского парка.

...В 1989 году сыновья Назира Катханова, загубленного Калмыковым, обратились в прокуратуру СССР с просьбой проверить правильность реабилитации.

Ответ был таков: «Калмыков Бетал Эдыкович 26 февраля 1940 года Военной коллегией Верховного суда СССР был необоснованно осужден к расстрелу.

...Произведенной проверкой в 1954 году установлено, что Калмыков был осужден необоснованно, на основании сфальсифицированных органами НКВД материалов.

Вместе с тем выявлено, что Калмыков, участвуя в заседаниях «тройки» НКВД КБАССР, подписал ряд протоколов, по которым было репрессировано 3000 человек. Большинство репрессированных в настоящее время реабилитировано, и процесс пересмотра уголовных дел 30–40-х годов продолжается.

При расследовании уголовного дела в отношении Калмыкова и рассмотрении его в суде в 1940 году участие в заседаниях «тройки» в вину ему не вменялось. По уголовному делу Калмыков реабилитирован правильно.

В связи с тем, что он, как член «тройки», подписывал протоколы в отношении граждан на основании материалов, сфальсифицированных органами НКВД, но Калмыкова нет в живых, и срок давности с момента событий составляет более 50 лет, оснований для постановки вопроса о возбуждении уголовного дела не имеется».

В этом материале почти нет авторских комментариев – причина одна: перед нами именно тот случай, когда документы говорят сами за себя. Говорят весьма красноречиво...

Бетал Калмыков

КТО СПРОСИЛ У ЯСЕНЯ...

Большинство читателей, конечно, знает, что спросил у ясеня герой популярного кинофильма «Ирония судьбы, или С легким паром», исполняя песню Микаэла Таривердиева. Но куда меньшему числу известно, что авторами ее стихов являются не Цветаева, Пастернак, Евтушенко или Ахмадулина, чьи песни звучат в кинофильме, а *Владимир Михайлович Киршон*. И совсем немногие в курсе того, что автор – некогда известнейший советский драматург – нальчанин.

Владимир Киршон

Он родился в слободе Нальчик в начале прошлого столетия – 6 (19-го по новому стилю) августа 1902 года. Отец его, Михаил Львович, – адвокат (кстати говоря, писавший стихи и песни, даже издавший достаточно профессиональный поэтический сборник); мать, Ольга Петровна, – фельдшерица (окончила Бестужевские женские курсы в Петербурге).

О нальчикском периоде жизни семейства Киршон (они прожили здесь всего несколько лет) известно немного: обитали где-то в районе пересечения нынешних улиц Кабардинской и Мало-Кабардинской, отец делал первые шаги на юридическом поприще, мать в основном принимала роды, местные власти считали их людьми неблагонадежными, настроенными прореволуционно. Что и проявилось в годы жизни супругов Киршон в Петербурге – сюда они переехали в 1904 году, – будучи меньшевиками-интернационалистами, приняли активное участие в революции 1905 года. Так что Владимиру было с кого брать пример.

Интересно, что Северный Кавказ и в последующей жизни будущего драматурга занимал немалое место. После Февральской революции 1917 года Ольга Петровна вместе с сыном и дочерью перебралась в Кисловодск, где семья снимала жилье. На здании кисловодской средней школы № 1 сегодня висит мемориальная доска, свидетельствующая о том, что здесь, в стенах бывшей мужской гимназии, в 1917–1918 годах учился драматург Владимир Михайлович Киршон.

Понятно, что волна революционных потрясений захватила парнишку целиком: ему удается (в 16 лет!) стать полноправным членом команды красного бронепоезда, охранявшего делегатов Чрезвычайного съезда Советов Северного Кавказа, проходившего в октябре 1918 года. Когда же войска Добровольческой армии Деникина захватили Кисловодск, с помощью хитрого хода матери (Володя был малорослый, и она, одев его в старый матросский костюмчик, привела на вокзал и упростила белогвардейцев довести до Ростова) он оказался в городе на Дону.

Сама мать осталась в Кисловодске, куда Володя приезжал к ней неоднократно, уже будучи членом Коммунистической партии (1920) и студентом Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. В Кисловодске в 1922 году была написана им (в соавторстве с А. Успенским) и первая, получившая широкую известность, пьеса «Константин Терехин» («Ржавчина»). Посвященная студенчеству, она была поставлена в десятках столичных и провинциальных театров, удостоилась большого числа положительных рецензий; зрители на нее буквально шли толпой, а после просмотра, порой непосредственно в самих театрах, устраивали шумные обсуждения и диспуты. И этому успеху имелось объяснение: Киршон был одним из первых, кто вынес на сцену реалии новой советской действительности, взаимоотношения молодых людей, акцентируя при этом внимание, словами рецензий тех лет, на «злободневной теме разлагающего влияния буржуазной идеологии».

Впрочем, не здесь рассказывать о стремительном становлении молодого драматурга. Скажем вкратце, что после окончания университета Киршон был направлен в Ростов-на-Дону на партийную работу, стоял у истоков Ростовской ассоциации пролетарских писателей и, избранный в руководство РАПП, в конце 1925 года переехал в Москву. Где стал заниматься исключительно литературным творчеством, оседлав свой «конек»: тему злободневной современности.

Одна за другой рождаются пьесы: «Рельсы гудят» (1928) – о «красном» директоре; «Город ветров» (1929) – о гибели 26 бакинских комиссаров; «Хлеб» (1930) – о социальной ломке в деревне (газета «Правда» оценила ее как «значительное явление современной драматургии»); «Суд» (1933), – отразившая поверхностные впечатления драматурга от поездки в Германию и Францию; «Чудесный сплав» (1934) – затронувшая вопрос неприятия индивидуализма в среде советской научной молодежи; «Большой день» (1937) – проникнутая предчувствием грядущей войны.

Помимо написания пьес, В. М. Киршон активно участвовал в литературной борьбе, продолжая неистово отстаивать в творчестве принципы революционной романтики. Здесь он запомнился как активный участник

травли Михаила Булгакова, который, кстати, не остался в долгу и запечатлел драматурга в рассказе «Был май» (1934). Образ весьма колоритный, но по большому счету не совсем объективный: «Я увидел его. Он стоял, прислонившись к стене театра и заложив ногу за ногу. Ноги эти были обуты в кроваво-рыжие туфли на пухлой подошве, над туфлями были толстые шерстяные чулки, а над чулками – шоколадного цвета пузырями штаны до колен. На нем не было пиджака. Вместо пиджака на нем была странная куртка, сделанная из замши, из которой некогда делали мужские кошельки. На груди – металлическая дорожка с пряжкой, а на голове – женский берет с коротким хвостиком.

Это был молодой человек ослепительной красоты с длинными ресницами, бодрыми глазами...

Я снял шляпу и поклонился молодому человеку. Он приветствовал меня странным образом. Именно: сцепил ладони обеих рук, поднял их вверх и как бы зазвонил в невидимый колокол. Он посмотрел на меня пронзительно, лихо улыбаясь необыкновенной красоты глазами. Я смутился и уронил палку».

Но не пьесы, тем более не травля Булгакова и даже не деятельность на посту одного из руководителей РАПП стали причиной недовольства Сталина, а приближенность Киршона к наркому внутренних дел СССР Г. Г. Ягоде, чьим меценатством он активно пользовался. Пришла пора наркому – под удар попал и драматург, обвиненный в пособничестве троцкизму.

О том, как В. М. Киршон, оказавшись в жерновах машины репрессий, тщетно пытался из них выбраться, апеллируя к логике и чувствам диктатора, свидетельствуют письма, адресованные Сталину (Источник. 2000. № 1. С. 78–90). Их, написанных в апреле–мае 1937 года, семь (всего сохранилось девять, но два датированы 1933 и 1935 годами), с пометами адресата красным карандашом.

Мы приведем лишь цитаты, которые говорят сами за себя:

«Дорогой товарищ Сталин, вся моя сознательная жизнь была посвящена партии, все мои пьесы и моя деятельность были проведением ее линии. За последнее время я совершил грубейшие ошибки, я прошу покарать меня, но я прошу ЦК не гнать меня из партии. Клянусь Вам, я все силы приложу к тому, чтоб дать партии и стране все лучшее, на что я способен».

«Меня хотят выбросить из жизни, как большевика, как советского автора. Дорогой товарищ Сталин! Неужели это так должно быть? Неужели я совершенно потерял доверие партии и мне даже будет отказано в возможности исправить мои тяжкие ошибки?»

«Родной товарищ Сталин, по-человечески поймите меня – неправда то, что хотят мне приписать. Я ведь воспитан партией, как могу я помышлять против нее!»

«Поймите, товарищ Сталин, как страшно, когда человек, до конца преданный партии, обвиняется в деятельности против нее.

Товарищ Сталин, не дайте совершиться несправедливости! Накажите меня строжайше, но пусть не делают из меня врага, пусть не уничтожают меня, как писателя и человека. Разве это нужно партии?

Товарищ Сталин, ответьте мне, пожалуйста, я совершенно убит всем происходящим».

«Дорогой товарищ Сталин! Благодаря своим безобразным поступкам, общению с проклятыми врагами народа, политической слепоте, разложению, которому я поддался, я попал в страшный круг, из которого я не в состоянии вырваться. Товарищи мне не доверяют, не один голос не поднимается в мою защиту, потому что со слишком подлыми врагами я имел дело, потому что вел себя последнее время недостойно коммуниста.

Но, товарищ Сталин, поймите же трагедию человека, которого обвиняют в том, что он враг партии, и который в этом не повинен. У меня нет никаких сил больше выносить эту страшную тяжесть обрушившегося на меня. Я знаю, что все это я заслужил. Ведь я так был обласкан партией, я пользовался ее доверием, я с величайшим стыдом думаю о том, как гнусно я вел себя, доведя все до такого состояния.

Родной товарищ Сталин, сейчас все опасаются не разоблачить врага и поэтому меня изображают врагом. Ведь Вы же знаете, что это неправда. Не верьте всему этому, товарищ Сталин! Помогите мне вырваться из этого страшного круга, дайте мне любое наказание. Полученный мною урок никогда не пройдет даром.

Простите меня, что я все пишу и пишу Вам, но это – от отчаяния человека, который остался совершенно один. Товарищ Сталин, мне 34 года. Неужели Вы считаете меня конченным человеком? Ведь я еще много могу сделать для Партии и Родины.

Товарищ Сталин, родной, помогите мне».

Это письмо от 14 мая 1937 года было последним. И если предыдущие остались без ответа, то здесь он прозвучал: 29 августа В. М. Киршон был

Выпускники Литературного института 1955 года: Юрий Киршон (сын Владимира Киршона, слева), поэтесса Фаза Алиева и кабардинский литератор Кашиф Эльгаров

арестован ГУГБ НКВД СССР, 21 января 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу, а спустя полгода – 28 июля – приговор был приведен в исполнение.

До своего 36-летия он не дожил всего лишь чуть больше трех недель. Реабилитирован же был в числе первых по стране – в ноябре 1955 года.

Как драматург Киршон остался в прошлом, а как поэт (некоторые исследователи считают его автором единственного стихотворения, прозвучавшего в кинофильме, но это не так) продолжает жить в мелодии Таривердиева. Слова песни «Я спросил у ясеня...» взяты из киршоновской комедии «День рождения», поставленной в 1936 году на сцене Вахтанговского театра. Но музыка композитора Тихона Хренникова, под которую она звучала, не сохранилась, а вот таривердиевская мелодия запала зрителям в душу. Исполненная в кинофильме «Ирония судьбы...» дважды, она продолжает оставаться одной из любимых и востребованных. И в незатейливых словах ее – короткая жизнь и печальная судьба нальчанина Владимира Киршона, 110-летие со дня рождения которого никто не заметил...

Я спросил у ясеня:
– Где моя любимая?
Ясень не ответил мне,
Качая головой.

Я спросил у тополя:
– Где моя любимая?
Тополь забросал меня
Осеннею листвою.

Я спросил у осени:
– Где моя любимая?
Осень мне ответила
Проливным дождем.

У дождя я спрашивал:
– Где моя любимая?
Долго дождик слезы лил
За моим окном.

Я спросил у месяца:
– Где моя любимая?
Месяц скрылся в облаке,
Не ответил мне.

Я спросил у облака:
– Где моя любимая?
Облако растаяло
В небесной синеве.

– Друг, ты мой единственный,
Где моя любимая?
Ты скажи, где скрылась,
Знаешь, где она?

Друг ответил преданный,
Друг ответил искренний:
– Была тебе любимая,
А стала мне жена.

«Я НЕ СТОПРОЦЕНТНЫЙ ИДИОТ»

В «Газете Юга» (2010. № 8) в корреспонденции «23 февраля украинская диаспора Нальчика проводила в последний путь Наталью Шухевич-Геграеву», родную сестру главнокомандующего Украинской повстанческой армией Романа Шухевича, есть такие строки:

«Во Львове похоронами будет руководить Юрий Шухевич – сын Романа Шухевича. В 1968 году 35-летний племянник Натальи Шухевич, отсидев в лагерях как сын врага народа, приехал к ней в Нальчик и прожил здесь пять лет. Его первой супругой была нальчанка. Возвратившись на родину, Юрий Шухевич возглавил УНА-УНСО*. В 2006-м президент Ющенко присвоил Юрию Шухевичу звание «Герой Украины», а в 2007-м Героем Украины стал Роман Шухевич.»

Юрий Шухевич

Подробности о пребывании Юрия Шухевича в Нальчике нам бы и хотелось дополнить. Прежде всего, напомним, кто он такой и за что – ведь не за кровное родство с главой ОУН(б)** на территории Украины и Западной Польши – ему было присвоено высокое звание.

Юрий (Богдан) Романович Шухевич родился в 1933 году. За связь с антисоветским подпольем его мать и бабушка в 1945 году были арестованы, а он с сестрой отдан в детдом. Из детдома Юрий бежал, потом в 1948 году попытался выжить и сестру, но был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы как сын врага народа. Это, напомним, в 15 лет. В 1954 году по амнистии его выпустили, но ненадолго – в том же году опять заключили в тюрьму. В остроге заключение было продлено судом еще на 10 лет. И вышел Юрий Шухевич на свободу не в 1958-м, а в 1968 году. Тогда-то и

* Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона – Украинская политическая партия.

** Организация украинских националистов (бандеровское движение).

приехал он в наш город, нахождение в котором стоило ему очередного срока. Вот как об этом сообщает украинский биографический справочник: «В Нальчике Юрий Шухевич работал электриком. Войдя в диссидентские круги, он написал антисоветскую брошюру, за что суд в 1972 году приговорил его в очередной раз к 10 годам лишения свободы».

Брошюр этих (такowymi на самом деле не являющимися, ибо не имеется типографского аналога) было две – «Размышления вслух» и «Размышления продолжаются». Они представляют из себя несколько листов из школьной тетради на украинском языке. Написанные в преддверии 50-летия образования СССР, событию этому они и были посвящены. Только не здравницу Союзу пел автор, а предупреждал власти о скором распаде великой страны. Время показало: диссидент оказался куда прозорливее, чем многочисленные властные и охранные структуры.

«Прошло 50 лет, – писал Юрий Шухевич, скрывшийся под псевдонимом Богдан Любач, – которые согласно обещаниям вождей большевизма должны были принести окончательное разрешение всех национальных проблем... Однако постоянно мы слышим, как в торжественные звуки фанфар вплетаются все чаще тревожные ноты: не проходит дня, чтобы в советской прессе, по радио, на собраниях и съездах не звучало грозное для большевиков слово – национализм.

...Когда мы внимательно посмотрим на существующее положение вещей, то увидим, что на этот раз угроза действительная, ибо национализм наших дней – это не троцкизм 30-х и космополитизм 50-х годов. Собственно, он, национализм наших дней, потрясает на протяжении нескольких десятилетий самые основы большевистского содружества, образованного под эгидой Москвы. Откололись Югославия и Албания, на путь борьбы с содружеством вступили Хины (так автор именует Китай). Вдалеке держится Корея. На волоске висит Румыния. Делали попытки оторваться такие сателлиты, как Восточная Германия, Венгрия, Чехословакия. Неуверенное положение и в Польше.

Неудивительно, ибо братское содружество, на смену которому, по мнению Кремля, должно стать социалистическое содружество... образовано исключительно... не на национальной, а на идеологической основе. Стоит зашататься большевистской империи, как неминуемо разлетится и их содружество».

Что, как мы знаем, и произошло. Но Юрий Шухевич видит дальше: «Большевистские руководители не могут не понять, что и сама империя не вечна, что она уже зашаталась и неминуемо наступит день ее развала – это лишь вопрос времени. Такие симптомы, как увеличение количества национальных конфликтов, возрастание национального сознания, говорят об этом безоговорочно. И поэтому они стараются выиграть как можно

больше времени и прилагают максимум усилий для того, чтобы ассимилировать все, что только удастся, и таким образом сберечь все, что удастся сберечь из награбленного империей добра. Собственно, стремлением выиграть время диктуется политика... о новой исторической общности – советском народе и объективной необходимости сближения народов».

Есть в этих размышлениях и конкретные предложения о создании политической организации, призванной бороться за самостоятельность Украины, с реальными секциями: ведения просветительской работы, пропаганды, безопасности; юнацкой (молодежной) секции. Построены они, по мнению Шухевича, должны быть на «началах троек, чтобы... обеспечить организацию от полного или частичного разгрома со стороны КГБ».

Вполне понятно, что Юрий Шухевич с такими крамольными мыслями представлял для властей прямую угрозу, его попадание за решетку было неизбежно.

Находясь в следственном изоляторе МВД КБР, он обращается с письмом к международной общественности, в котором, в частности, пишет: «Освободился я 21 августа 1968 года. После 20 лет заключения, разлуки с родней каждый человек стремится увидеть как можно быстрее родные края, близких людей. Это учло КГБ, и, когда я ехал во Львов, где живут мои мать и сестра, меня на первой остановке поезда на территории Украины, в городе Конотопе, высадили из вагона и в сопровождении работника милиции отправили в город Нальчик на Кавказ. Формальной причиной такого действия было то, что мне запрещено проживать на Украине. Запрещено жить, но не запрещено посещать своих родных. И поэтому это лишь мелочная месть со стороны КГБ.

Во время пребывания в Нальчике я получил так называемый административный надзор. Это означает, что с 8 часов вечера и до 6 часов утра я был лишен права выходить на улицу, посещать публичные места, такие как театр, стадионы и т. п. Не имел права выезжать за границы города и должен был два раза в месяц являться в местную милицию. Кроме этого, участковый инспектор имел право в любое время дня и ночи заходить ко мне в дом и проверять, дома ли я и чем занимаюсь. Так продолжалось целый год. 15 февраля 1972 года я был арестован в третий раз; Теперь основанием для моего ареста было то, что у меня изъяли черновики двух незаконченных рукописей, сборник стихотворений поэта Холодного и статью Мороза «Моисей и Датан». Меня судили вновь за проведение антисоветской агитации, признали особо опасным рецидивистом и вынесли приговор: 10 лет лишения свободы и пять лет ссылки.

Незаконченные рукописи, точнее черновики рукописей, квалифицировали как антигосударственную агитацию. И как законченное деяние, хотя суд и не доказал, чтобы я кому-либо читал, показывал или даже рассказывал о их существовании, не говоря уже о содержании.

И то, что не смог доказать Верховный суд Кабардино-Балкарии, попытаться доказать Верховный суд РСФСР при рассмотрении кассации, ссылаясь на показания свидетелей, которых они никогда не давали. И как венец всему – изъятие «Всеобщей декларации прав человека» и приобщение ее к делу как вещественное доказательство».

По сути своего дела Юрий Шухевич обращается и к председателю Президиума Верховного Совета СССР.

Вот что он пишет об обвинениях в свой адрес: «А теперь о моих высказываниях. Чего там только нет! И что я «клеветал на рабочий класс», потому что утверждал, что рабочий в развитых странах Запада получает большую зарплату, чем в СССР... И что сказал, что в жизни ему (свидетелю) придется не раз встретить несправедливость (не страна, а рай земной и вдруг такая клевета, что здесь можно еще где-то встретить несправедливость!). Нахожусь я не в Америке, и поэтому у меня нет «последнего шанса». Поскольку я не Анджела Дэвис, то и содержусь в несколько иных условиях: ее условия для меня показались бы комфортом...»

Понятна ирония диссидента, ведь именно в этот момент в нашей стране разворачивалась кампания в защиту Анджелы Дэвис, причастной, по мнению американских властей, к происшествию в суде, приведшему к гибели трех человек. После 18 месяцев заключения Дэвис выпустили, так как обвинению не удалось доказать ее вину. Выйдя на свободу, она вступила в Коммунистическую партию США, баллотировалась от нее на пост вице-президента США, с ней встречался Леонид Ильич Брежнев.

Процитируем дальше обращение Юрия Шухевича: «Ведь она не была изолирована от всего мира, как я; ее не ограничивали во время следствия какими-либо нормами в получении всего необходимого (что не диктуется интересами следствия и тем ставит меня на один уровень с осужденными до вынесения приговора и противоречит праву презумпции невиновности); она не содержалась в сырой камере с бетонным полом в обществе уголовных преступников-воров, насильников, хронических алкоголиков. Ни я, никто из нас не может быть освобожден до суда под залог, хотя бы он и был внесен. Да и тот, кто его внес бы, встретился с большими неприятностями. Никого из нас не окружает толпа корреспондентов, фото- и кинорепортеров: мы можем лишь рассчитывать на то, что после суда по материалам КГБ о ком-либо из нас появится в газете коротенькая клеветническая статья, на которую мы лишены возможности достойно ответить. И только самиздат встанет на нашу защиту, но это связано для авторов и читателей с опасностью сесть следом за нами на скамью подсудимых. Поскольку я совершеннолетний, не кретин и не стопроцентный идиот, то в лучшем случае смогу увидеть своего адвоката после окончания следствия, да и то за пять минут до начала судебного заседания.

А если это будет адвокат назначенный, то он может оказаться лишь помощником прокурора, а не защитником подсудимого».

Естественно, глас Юрия Шухевича не был услышан, да и не мог быть услышан.

И вот строки из обвинительного заключения по уголовному делу № 3628 (предварительное следствие начато 14 февраля, закончено 2 августа 1972 года) о совершении преступления, предусмотренного частью II статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР.

«Особо опасное государственное преступление» состоит в «изготовлении для распространения рукописи на украинском языке под названием «Размышления вслух» на 7 листах ученической тетради, в которой содержатся клеветнические измышления, порочащие государственный и общественный строй, национальную политику КПСС и Советского государства, а также призыв к вооруженной борьбе и созданию в СССР антисоветского подполья».

Ю. Р. Шухевич-Березинский признал, что он является автором и исполнителем означенной рукописи, написанной им собственноручно в ноябре 1971 года. Признал он и авторство второй рукописи на трех тетрадных страницах, оставшейся «неоконченной за неимением времени». Как и хранение рукописи В. Мороза «Моисей и Датан» на 29 листах и сборника стихов Н. Холодного «Крик из могилы», состоящего из 50 стихотворений, «возводящих, по мнению суда, клевету на советскую действительность».

Что же это за такие крамольные рукописи? Украинский поэт Николай Холодный (1939–2006) ныне практически забыт, а в шестидесятых–семидесятых годах прошлого века имя его гремело в самиздате; был он независим в суждениях и поступках, за что и страдал. Рассказывают, что исключали его из комсомола исключительно за... бороду. На вопрос, почему он ее отпустил, студент посмотрел на иконостас, размещавшийся за спиной комсомольских активистов, и сказал: «А вы спросите у Маркса, зачем он носил бороду». За независимость суждений в 1965 году его выгнали из Киевского университета, а после выхода в 1969 году самиздатовской книжечки «Крик из могилы» выслали из столицы Украины. Вот лишь четыре строчки из этого сборника: «Сегодня в церкви лошади / Ночуют и воду пьют. / Сегодня новым иконам / Паломники поклоны бьют». Николая Холодного считают сюрреалистом, но, на наш взгляд, он приверженец реализма. Правда, не социалистического, правившего бал в те годы.

Что же касается украинского диссидента Валентина Мороза, автора эссе «Моисей и Датан» (ответ Евдокии Лось), то перед нами строки, продиктованные реалиями времени: отстаивание национальных идеалов, отказ от приспособленчества, критика некоторых своих соратников за капитуляцию перед КГБ.

Но вернемся к Роману Шухевичу. В активе органов, ведших его дело, помимо рукописей, изъятых при обыске, имелись и свидетели, с которыми подследственный вел разговоры о том, что в СССР «нет свободы слова, печати, голоса, что проводящиеся выборы органов власти являются пустой формальностью, что страной фактически управляет один человек, а всякую неодобренную мысль преследуют законом».

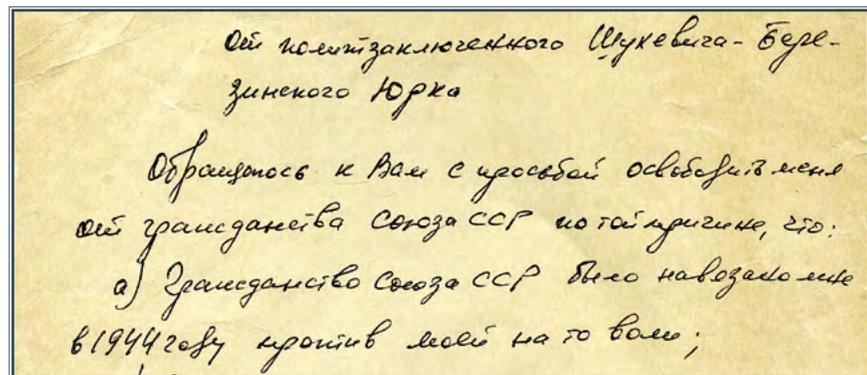
Показания всех свидетелей совпадают текстуально, их невозможно индивидуализировать. Впрочем, по-другому в тех условиях и быть не могло: ситуация не предполагала иной реакции «на столь наглые, клеветнические измышления о советской действительности» (строки из газетной заметки о процессе)! В жизни было все с точностью до наоборот: присутствовали абсолютно все свободы. Остается, правда, уточнить: только на бумаге, в статьях Конституции. На тот момент еще сталинской.

Итак, гражданин Шухевич-Березинский Юрий Романович (28 марта 1933 г. р., имеющий двух детей, до ареста работавший электриком мебельной фабрики, проживающий в г. Нальчике, ул. Советская, 85, кв. 13) посягнул на «советский народ и его великие исторические завоевания».

И был наказан советским судом – изъят из общества на десятилетний срок. За обращение к мировой общественности, процитированное выше, ему добавили еще год.

Что было с Шухевичем дальше? Отбывал заключение во Владимирской тюрьме, с 1979 года – в Татарской АССР, где из-за тяжелых условий содержания ослеп. Выйдя в 1983 году из тюрьмы, еще 6 лет провел в доме для инвалидов Томской области. Во Львов вернулся лишь в 1989 году.

Что было дальше со страной? Вначале мы ее потеряли. Сегодня пытаемся обрести. Судьба Юрия Шухевича свидетельствует: это обретение невозможно без неукоснительного соблюдения прав человека, независимо от того,

каких он взглядов придерживается. Напомним лишь те из них, что были нарушены в деле украинского диссидента, воспользовавшись его же словами:

«В обвинении по делу 1948 года сказано, что я, не желая воспитываться в советском духе, убежал из детского дома. Не вникая в подробности так это или нет, должен сказать, что право на «дух», то есть на собственное мировоззрение, убеждения, взгляды ныне, хотя бы на словах, признается во всем мире и не признавать за кем-нибудь такое право является грубым надругательством, преступлением.

Генеральный прокурор Руденко в своем протесте на решение Владимирского суда о моем освобождении в 1956 году подчеркивает, что я являюсь сыном Романа Шухевича, руководителя подполья ОУН на Украине. Такое подчеркивание само по себе характерно, ибо свидетельствует в глазах Генерального прокурора об определенной вине, состоящей в том, что дети ответственны за действия своих отцов. Такой взгляд является позорным и не может быть признан в правовом обществе.

Прокурор Б., выступая с обвинением на моем процессе в Верховном суде Кабардино-Балкарии 7 сентября 1972 года, заявил, что я, по его мнению, убежденный националист и меня уже нельзя перевоспитать, поэтому он просит суд отнестись к моему делу со всей строгостью закона. Это заявление свидетельствует о том, что среди работников прокуратуры господствуют те же самые взгляды, что и 25 лет тому назад. В соответствии с ними, всякие взгляды, которые отклоняются в какой-то степени от официальных, – преступление.

Сказанное свидетельствует о том, что при таком положении вещей не может быть и речи о гарантии элементарных прав человека».

...Политические и идеологические разногласия, геополитические интересы вторгаются в жизнь без предупреждения. При этом нарушается неотъемлемое право каждого человека на свою судьбу, которая даруется Всевышним. Мы не выбираем родственников, страдаем и радуемся вместе с ними и за них.

Наталья Шухевич училась во Львовском мединституте. Своего знаменитого и опального старшего брата видела крайне редко. Но за родство с ним в 1945 году была выслена в Казахстан. Работала в больнице медсестрой, где и встретилась с Муталифом Геграевым, тоже медиком, участником Великой Отечественной войны, ставшим спецпереселенцем после дня Победы. Они прожили вместе более 60 лет.

Люди, собравшиеся на сороковой день ее ухода из жизни, говорили о нежности, о доброжелательности, об уважении к другим и готовности поддержать и содействовать раскрытию их способностей и дарований этой пары. Впрочем, повествование о жизни Муталифа и Натальи – это уже совсем другая история. И мы к ней обязательно вернемся.

ЛИЦА БЕЛОГО ВОИНСТВА

В 2007 году в Париже, в издательстве YMCA-PRESS вышел фотоальбом (500 страниц на плотной мелованной бумаге форматом чуть меньше листа А3) «Белая армия. Фотопортреты русских офицеров. 1917–1922», автором которого является Виталий Жуменко. Отметим, что это фундаментальное издание – ничего не сказать. Автором проделана огромная работа по сбору, атрибутике портретов русских офицеров, которых представлено в издании около тысячи.

Вадим Жуменко

Для нас этот альбом представляет двойной интерес: во-первых, прежде всего потому, что в нем представлено немало портретов уроженцев Кабардино-Балкарии, а во-вторых, что немаловажно, автором альбома является... коренной нальчанин, родившийся в нашем городе в 1961 году.

Его родители Тамара Яковлевна и Вадим Семенович Жуменко, геологи, дома бывали редко. А так как сына было оставить не с кем, брали его с собой. Именно с одной из таких поездок и берет начало увлечение Виталия представителями Белого движения.

Вот что он рассказывает сам в предисловии к фотоальбому: «Мой собственный интерес к белым появился рано – в шесть лет они стали мне сниться. Произошло это так. В 1966-м мои родители работали в Калмыцких степях в нефтеразведке. В поселке Улан-Хол демонстрировали знаменитую кинокартину «Чапаев». Зал был полон детьми и подростками... Группа калмычат подняла такой гвалт и топот в такт барабанам атакующих белых цепей, что фильм остановили (нечто подобное описано в мемуарах Лидии Норд). А в конце картины кто-то крикнул: «Топи его... шакала!». На следующий день мы играли в казаки-разбойники. До этого составы команд были смешанные, русско-калмыцкие, а тут наши родные калмыки не желали делиться и выгнали всех русских ребят в команду разбойников. Было обидно, хотелось побыть каппелевцем.

Это был показатель. Калмыцкие дети многое понимали лучше своих русских сверстников и носили какую-то тайну, неведомую нам. В Гражданскую войну этот маленький народ почти поголовно поднялся против красных. Калмыки так и говорили: «От красных нам пощады не будет, у нас морда слишком кадетская».

Далее Виталий Жуменко продолжает: «Вернувшись на Кавказ в немецкую колонию Александровскую под Нальчиком, я воспитывался моей незабвенной бабушкой, старой терской казачкой Марией Митрофановной Сивачёвой, в девичестве Горячевой, уроженкой Владикавказа. Рассказы ее о Гражданской войне и новой жизни были ужасны, пугали меня. До проклятой революции во Владикавказе и станице Луковской проживало до пятнадцати семей нашего породнения, большие, крепкие казачьи семьи. И вот пришла катастрофа: новая война, расстрелы, пытки, голод и репрессии. Прадед мой Митрофан Андреевич Горячев, уважаемый во Владикавказе, умер от голода и засох на печи, не было сил его снять и похоронить. К 1933 году из четырнадцати человек огромной, дружной, трудолюбивой семьи остались живы двое. Это трагедия одной семьи. А сколько было таких!»

Вполне объяснимо, что эта негативная информация должна была пробудить интерес Виталия к противоборствующей большевикам стороне, то есть представителям Белого движения. Он и проявился – в коллекционировании фотографий периода Первой мировой и Гражданской войн, сборе сведений о Добровольческой и Белой армиях. Время для сбора такой коллекции – вторая половина семидесятых годов прошлого века – было выбрано не самое удачное: подобный интерес не то что не приветствовался, а за него можно было загреметь, так сказать, по полной программе, да еще по политической статье.

Вот как об этом написал сам Виталий, с которым мы связались по электронной почте: «Осенью 1976-го из Нальчика по утрам в воскресенье я стал ездить в Пятигорск, в общество нумизматов-филателистов-филокартистов. Там познакомился с двумя удивительными стариками – Леонидом Николаевичем Леонидовым-Польских и Борисом Алексеевичем Потоцким. Оба во время войны были у немцев. Знали Красновых, Шкуро, Науменко, Султан-Келеч-Гирея. Оба были выданы красным в 1945 году и прошли через сталинские лагеря.

Позднее я стал приезжать в Пятигорск в субботу. Ночевал у Польских на Коста Хетагурова, № 31. Его супруга Евгения Борисовна, для меня тетя Женя (Евгения Польских – известный краевед, автор ряда книг о пребывании Пушкина, Лермонтова, других знаменитых деятелей культуры на Кавминводах, с которой мы тесно сотрудничали в годы работы в газете «Со-

Группа офицеров-кабардинцев в слободе Нальчик. 1918

ветская молодежь». – *Изд.*), готовила борщи. Я жил недалеко от совхоза «Нальчикский» и привозил им в мешке картошку, морковь, свеклу, капусту, огурцы, огромные подсолнухи, укроп и т. д. За ужином, затягивающимся допоздна, слушал страшные рассказы стариков о выдаче в Лиенце, Шпитале и Юденбурге.

Утром мы шли в клуб коллекционеров. Видя, что у меня уже в то время «не все были дома», старики учили, как себя вести среди коллекционеров, где, по их словам, каждый пятый собиратель – отставной стукач-гэбист.

Летом 1978 года на сбивке тары в совхозе «Нальчикский» я заработал 60 рублей (по тем временам большие деньги) и купил у старика Грибанова фотографии и описание белогвардейских наград из собрания Павла Васильевича Пашкова, изданных в 1961 году в Париже. Это было чудо для меня и прямой путь в тюрьму. А теперь это всё открыто продается в России.

В 1980-м меня забрили в РККА (как нам думается, не случайная оговорка. – *Изд.*). Польские не боялись моих писем с Дальнего Востока, а Потоцкий очень боялся. Я заканчивал письма изображением четырех Георгиевских крестов, и Потоцкий, зная о военной цензуре, говорил, что нам всем конец. Теперь понимаю, что я был единственным человеком, допущенным стариками к себе так близко. К сожалению, ничего не записывал, думая об аресте гэбистами. Я в армии из нашей части, в которой было 350 человек, один не вступил в ВЛКСМ, чтобы заработать похвалу от Польских. Так и вернулся «недоделанным».

В станице Марьинской жил Иван Васильевич Душин, отец моей мачехи, тоже рассказывал как его в Лиенце выдавали. Он был удивительный силач и пьяница».

Волей обстоятельств Виталий Жуменко оказался 1989 году во Франции, где и осел на постоянное место жительства. Здесь он активно помогает многим историкам в составлении биографических справочников починам Добровольческой и белых армий, других изданий по истории русской эмиграции. Так он подошел к идее создания фотопортретов русских офицеров.

Вот что он рассказывает: «Идея выпуска альбома родилась в 1997 году, когда я познакомился с Андреем Корляковым, создателем известных книг-альбомов, раскрывших фотоокно в прошлое русского изгнания. До этого я разыскивал фотографии русских офицеров без особого энтузиазма и для себя. Видя, что в Париже, кроме меня, это никому не интересно, а в новой России интерес к Первой мировой и Гражданской войнам проявляют единицы, публиковать собранный материал не очень стремился. Надо сказать, что начало собранию положил питерский историк, мой большой друг Павел Константинович Корнаков, еще в 1982 году. Оценив мой интерес, он передал мне из своего архива до сорока фотографий белых генералов и офицеров.

Русские офицеры, представленные в альбоме, и были защитниками народов России. Преследуемые и истребляемые собственным народом,

увлекшимся идеей построения рая на земле без богатых и бедных, без начальников и подчиненных, а пока получившим разрешение брать чужое. Рикошет от содеянного страшный и, возможно, смертельный для русских. В 1917 году русских было 125 миллионов и в 2005-м тоже 125. А должен был быть миллиард. Вот и все. Какой печальный эпилог стольких надежд и дерзаний.

Урок прошел даром. Миллионы россиян и сегодня остаются в неведении. И не помогли нам наши просторы и величайшие богатства недр и морей, плодородие земли.

А русские воины, белые офицеры и казаки, разбитые в боях красной саранчой, но победившие морально, ушли из погибающей России, унеся с собой немеркнущий свет надежды. Надежды на продолжение борьбы и на то, что больной русский народ найдет в себе силы спасти истерзанную родину. Увы, не суждено было тому сбыться.

Пусть не ворчат искушенные историки, что в альбоме представлены фотографии, им частично известные. Это *мой* бессмертный строй! И я не могу ориентироваться на то, что было до меня опубликовано.

Теперь хочу перейти к самому главному и сказать несколько слов о моих верных друзьях, тех, кто создавал со мной этот альбом. Андрей Корляков в течение двух лет подготовил к печати весь альбом от первой до последней страницы, включая обложку, реставрировал все фотографии и добавил до 150 снимков из собственного собрания. Жерар Горохов, сам сотрудничая с несколькими военно-историческими журналами, нашел время перевести на французский и английский языки весь альбом, а Татьяна Пружан перевела на французский вступительную статью. Анатолий Копейкин и Михаил Новиков редактировали русский текст, а Рене Клементи-Билинский и Ленни Боргер корректировали французский и английский. Вступительное обозрение по истории Белой борьбы написал доктор исторических наук Сергей Волков. Финансовую поддержку оказал историк искусств Алексей Расторгуев».

Переписка с Виталием Жуменко позволила нам выявить общих знакомых, найти точки соприкосновения с делом, которому он посвятил свою жизнь: в конце этого парижский нальчанин планирует выпустить второй фотоальбом о белых воинах, в который также будут включены представители кабардинского и балкарского народов, участники Белого движения.

СОДЕРЖАНИЕ

ВГЛУБЬ УШЕДШИХ ВРЕМЕН

В поисках скифского чуда.....	7
Магический символ царя Арианта.....	16
Царь-котел и вершины Казаны.....	22
Тызыльские пауки и легендарный Маджар.....	27
<i>Приложение.</i> Венгерцы и кавказские племена.....	34
Тызыльский комплекс пещер-жилищ.....	37
На Кавказе жили великаны.....	44
Длинноголовые.....	48
<i>Приложение.</i> Жрица с вытянутым черепом.....	54
<i>Приложение.</i> Краниологическое исследование серии черепов Куркужанского могильника.....	57
Когда свет звезд проникает в череп.....	65
Полотенце Сосруко.....	71
Колесо для Сосруко.....	77
Заюковская Хара-Хора в индоевропейском контексте.....	84
Заоблачный город.....	91
Франги – католики Северного Кавказа.....	95
Католический монастырь в Хабазе.....	106
<i>Приложение.</i> Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен святых апостолов до XIX столетия.....	119
В поисках высокогорного склепа.....	133
Что искали гитлеровцы в горах Кабардино-Балкарии.....	137
<i>Приложение</i>	151
Ключи от тайн мира мертвых.....	152
<i>Приложение.</i> Найдена древняя пещера таинственного происхождения.....	164
Два дня с теледивой и один без нее.....	169
Из «фокке-вульфа» вышел... кабардинец.....	174
Свой среди чужих.....	180
<i>Приложение.</i> «Это уже не евреи...».....	185
О шахте, киммерийцах и нартах.....	187
Каменная забава нартов.....	196
Кавказский Стоунхендж?.....	201
<i>Приложение.</i> Блеск и горечь древней бронзы.....	206
Комплекс разновременных памятников.....	217
<i>Приложение</i>	222
Калез, крестами осененный.....	229
<i>Приложение</i>	235
<i>Приложение.</i> Новые предметы средневековой христианской мелкой пластики из Кабардино-Балкарии.....	241

Свет, струящийся через тысячелетия	266
Джинны массива Гижгит	272
Золотая нить	278
Эффект тутовой стружки	282
Имя тебе – церкешенка	286
Роковой выстрел	289
С Кавказа в Сибирь	295
Нальчик сквозь века	300
Зубные щетки великих князей	305
Немецкое кладбище в Нальчике	309
Место, где танцуют молнии	321
Тогай – метеоритный кратер?	325
Кладбище мамонтов за селением Верхний Курп	331

ОТСВЕТ ПРОШЛОГО ИМЕН

Забывтая могила Кабарды.....	337
Последний приют Жабаги Казаного	344
Нестор кабардинской истории	352
<i>Приложение.</i> Вести черкеса о князьях русских Святославе и Мстиславе	356
Фольклорист с характером авантюриста	360
Сподвижник Ушинского.....	367
Князь Дадиани – толстовец из Лескена	372
<i>Приложение.</i> Князь Георгий Александрович Дадиани.....	382
Измаил, последний из плеяды	391
Екатерина Урусбиева, казачка	396
Высшая мера Константина Чхеидзе	401
Кабарда – прекраснейшая в мире земля.....	406
Балкария: величие суровой страны.....	415
И редкая одаренность.....	423
Вано, не знавший страха	434
Маштай, мой саженный друг.....	443
Последняя дорога «русской француженки».....	449
Расчистка	452
Преисполненный великой миссии.....	460
«Единственно активный из кабардинцев...»	468
«Не может бесконечно продолжаться...»	487
Беспощадно и решительно	497
«Чертова уйма денег идет в Кабарду...»	500
Бабель и «особо популярная фигура».....	506
<i>Приложение.</i> Годы, прошедшие рядом	509
«Великий Сталин, спасите меня!».....	519
Кто спросил у ясеня... ..	532
«Я не стопроцентный идиот».....	537
Лица белого воинства	544

Мария и Виктор Котляровы

НЕИЗВЕСТНАЯ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

Увлекательные, захватывающие,
остросюжетные рассказы о загадках истории
и людях республики, которую называют
жемчужиной Кавказа

*В оформлении обложки использована
работа Гюстава Доре «Крестоносцы»*

Издательство благодарит

*А. Бекулова, Р. Кармова за содействие
А. В. Бойченко за предоставленную информацию*

Редактор В. Н. Котляров
Художник Ж. А. Шогенова
Корректоры: Н. В. Лысенко, Н. В. Римская

Сдано в набор 20.08.12. Подписано в печать 25.03.13.
Формат 70x100^{1/16}. Бумага мелованная. Гарнитура Myriad Pro.
Усл. печ. л. 36,43. Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-93680-677-3

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99
Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т») 360051, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19.
Тел./факс. (8662) 42-62-09 e-mail. elbrus@mail.ru www.elbruss.ru

Отпечатано: ООО «Кубаньгаитпечать»,
350059, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2.
Тел.: (861) 274-10-74. Заказ №

Мария и Виктор Котляровы – журналисты, литераторы, издатели – в Кабардино-Балкарии и за ее пределами известны своими работами, посвященными истории, этнологии титульных народов КБР. Сегодня в их творческом багаже более 60 авторских книг, в том числе: «Ты создал мир. И он велик. Книга о поэте Али Шогенцукове» (2000), «Я тот, кто будет... Книга о ректо-

ре Владимире Тлостанове» (2001), «Ладони протяни к огню души моей... Книга о художнике Мухадине Кишеве» (2002), «Адыги: сердца и судьбы» (2002), «Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве» (2003), «Живописная Кабардино-Балкария» (2006), «Неповторимый Мальчик» (2006), «Кабардино-Балкария: жемчужина Кавказа» (2007), «Необъяснимое. Непознанное. Невероятное» (2008), «Занимательное. Забытое. Загадочное» (2009), «Таинственная Кабардино-Балкария» (2011), «За тайнами и чудесами» (2012).

Издательской деятельностью занимаются более 20 лет – первые книги были выпущены в 1992 году в созданном ими центре «Эль-Фа». За семь лет увидело свет более трехсот названий, в том числе около тридцати в серии «Кавказский литературно-исторический Олимп» (КЛИО).

С 1999 года учредители – Мария и Виктор Котляровы – зарегистрировали новое издательство, получившее название «Полиграфсервис и Т» и начавшее работу в рамках объединенной редакции регионального журнала «Эльбрус» – независимого альманаха, имеющего российскую аккредитацию. С 2006 года книги стали выходить под маркой «Издательство М. и В. Котляровых».

Две тысячи книг увидело свет за это время. Большинство их оформила Жанна Шогенова – профессиональный дизайнер, фотограф, художник. Несомненным свидетельством ее мастерства являются альбомы, составившие серию из восьми томов «Кабардино-Балкария: природная жемчужина», в которую вошло более полутора тысяч авторских снимков.

Оценивая деятельность издателей, Сергей Степашин, председатель Счетной палаты РФ, являющийся также президентом Российского книжного союза, назвал их патриотами, чье благородное научное подвижничество способствует взаимопроникновению культур, сближению народов Северного Кавказа и России.